

БИБЛИОТЕКА В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

По Мелекесским страницам истории
Государственной Публичной библиотеки
им. М.Е. Салтыкова-Щедрина

БИБЛИОТЕКА В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

По Мелекесским страницам истории
Государственной Публичной библиотеки
им. М.Е. Салтыкова-Щедрина

Димитровград, 2018

УДК 02(09)
ББК 78.33
Б-59

Б-59 “Библиотека в глубоком тылу”. — Ульяновск: Областная типография
«Печатный двор», 2018 г. — 496 с., + 28 с. вкл.

ISBN 978-5-7572-0448-2

БИБЛИОТЕКА В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

Печатается при поддержке Администрации города Димитровграда по Соглашению № 8 от 5 марта 2018 г.

Материалы публикуются согласно Лицензионного Договора № 206 от 11 октября 2016 г. между Историко-культурным фондом «Мелекесь» и Федеральным государственным бюджетным учреждением «Российская Национальная Библиотека».

Выражаем благодарность директору МБУК «Димитровградский краеведческий музей» Ивлиевой Марине Владимировне за предоставление воспоминаний Е.Садовой и М.Садовой из Фондов димитровградского краеведческого музея.

В РАБОТЕ НАД КНИГОЙ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:

Технический редактор: Мишенькина Анжела Юрьевна - смотритель Димитровградского краеведческого музея;

Автор вступительной статьи: Шамигулова Ирина Андреевна - учёный секретарь Димитровградского краеведческого музея;

Составитель: Мокеев Андрей Сергеевич - председатель Историко-культурного фонда «Мелекесь».

Эта книга о четырех трудных годах жизни Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова–Щедрина в небольшом Поволжском городе Мелекесе, о гражданском подвиге ее сотрудников, о роли, которую сыграло ее пребывание для поднятия культурного уровня населения города. Гражданский подвиг – это не громкие слова. Эта справедливая оценка труда сотрудников Библиотеки, сохранивших её фонды от плесени, сырости и пожаров, от потери книг по дороге в Мелекес и обратно в Ленинград, это оценка подвижнического труда интеллигентных высокообразованных людей. Книга содержит рассказы о жизни ленинградцев в эвакуации в Мелекесе и о той работе, которую они проводили помимо непосредственной заботы о сохранности книг, профилактике и защите их от разрушительного воздействия времени и климата.

ДАЕТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

УДК 02(09)
ББК 78.33

ISBN 978-5-7572-0448-2

© ФГБУ «Российская Национальная Библиотека»
© МБУК «Димитровградский краеведческий музей»
© Историко-культурный фонд «Мелекесь»
© Оформление. АО «Областная типография
«Печатный двор».

СОДЕРЖАНИЕ

И.А. Шамигулова. ВСТУПЛЕНИЕ	5
М.Б. Вербловская. ВЕРНЫЕ ДОЛГУ	14
Ц.А. Озерова. ФОНДЫ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЭВАКУАЦИИ.....	21
Е.А. Садова. ВОСПОМИНАНИЯ	32
Т.А. Быкова. МЕЛЕКЕССКИЙ ФИЛИАЛ ГПБ В ГОДЫ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.	81
Ю.А. Меженко ЧЕТЫРЕ ДНЯ ЯНВАРЯ	147
В.И. Гранский ЧЕТЫРЕ ГОДА В МЕЛЕКЕССЕ	153
М.Б. Вербловская «НАСТАНЕТ НОВЫЙ ЛУЧШИЙ ВЕК. ИСЧЕЗНУТ ОЧЕВИДЦЫ...»	195
М. Садова. Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ч.II. БИБЛИОТЕКА – В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ	210
ОБЩАЯ СПРАВКА ПО ПЕРСОНАЛИЯМ	324

ВСТУПЛЕНИЕ

к сборнику документов и воспоминаний сотрудников, рассказывающих о пребывании в городе Мелекесе Ульяновской области в эвакуации Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Шедрина в годы Великой Отечественной войны

Её Величество История распорядилась так, что город Мелекес годами Великой Отечественной войны оказался связанным с крупнейшей библиотекой нашей страны и мира – с Российской национальной библиотекой имени М.Е. Салтыкова–Шедрина, основанной в городе Санкт-Петербурге в 1795 году по указу императрицы Екатерины II. Этот год был предпоследним не только в царствовании Екатерины Великой, но и предпоследним в её жизни. Императрица успела на склоне своего царствования и жизни сделать великое дело – начала создавать национальную публичную библиотеку, доступную для всех граждан государства.[2]

В 1814 году библиотека была открыта для общего пользования читателей и получила название Императорская публичная библиотека. В Петербурге её называли храмом просвещения. В середине XIX века о библиотеке можно было прочесть следующие слова: «В самом средоточии нашей северной столицы, при повороте из Большой Садовой на одну из красивейших улиц в мире – Невский проспект, возвышается колоссальное здание, сооруженное в стиле новейшей архитектуры, простое и величавое, как большая часть петербургских зданий. От колоннады на закругленном его углу идут два фасада: один на Большую Садовую, а другой на проспект; затем третий и лучший – на Александровскую площадь. Вблизи – собственный дворец Государя (Аничкин дом); спереди – зелень сквера и павильоны Царского арсенала; направо – Александрийский театр с его висящею почти на воздухе колесницею; налево – место торговой и промышленной деятельности всей России – Гостиный Двор... Это здание, перед которым невольно останавливается каждый – иностранец – с любопытством, русский – с благодарностью, есть Императорская Публичная библиотека». См. Путеводитель по Императорской Публичной библиотеке. СПб.1852.[2]

Слово библиотека происходит из греческого языка – *biblion* - книга и ... тека. Это учреждение, организующее сбор, хранение, общественное пользование произведениями печати. Собрания памятников письменности возникли в древности в Ассирии, Древнем Египте, Греции и Риме, монастырях раннего средневековья. Библиотеки получили развитие с XV в., после изобретения книгопечатания. В XIX в. были организованы публичные библиотеки. В России монастырские библиотеки появились в XI-XII вв., первые светские библиотеки появились в XVIII в. при Академии наук, в Московском университете; первая крупная публичная библиотека была открыта в Санкт-Петербурге в 1814 г. Она является героиней нашей книги.[2]

История Российской национальной библиотеки насчитывает более 200 лет от момента ее основания. За этот период Россия пережила эпохи Екатерины Великой, Александра I, Николая I, Время Великих реформ, Февральскую и Октябрьскую революции, Великую Отечественную войну, и все то, что происходило в общественной жизни страны, находило отражение в истории Библиотеки. За долгий период жизни менялись её названия: от основания в 1795 году и до 1917 года она называлась Императорская публичная библиотека, с 1917 до 1925 года – Российская публичная библиотека, с 1932 года и до наших дней она носила имя М. Е. Салтыкова-Щедрина и называется сегодня Российская национальная библиотека.[2] Слово «национальная» подчеркивает то, что она является национальным достоянием, которое, необходимо беречь, приумножать и сохранять для потомков.

С 1810 года библиотека стала получать бесплатный обязательный экземпляр всех отечественных изданий. Большой вклад в деятельность Публичной библиотеки внесли И. А. Крылов, В. В. Стасов об этом говорят мемориальные доски на стене здания, В. Ф. Одоевский, А. Ф. и И. А. Бычковы, Н. Я. Марр, О. А. Добиаш-Рождественская и другие деятели отечественной культуры. В 1874-80 в читальных залах библиотеки работал Г. В. Плеханов, в 1893-95 её постоянным читателем был В. И. Ленин, мемориальные доски это подтверждают. В 1932 библиотеке было присвоено имя русского писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина. Государственная Публичная Библиотека не прекращала работу в го-

ды Великой Отечественной войны. В её фондах свыше 29 млн. единиц хранения. Она располагает уникальными коллекциями: «Вольная русская печать» около 15 тыс. изданий, выпущенных в 1853-1917 за границей и подпольно в России, «Петербург - Ленинград», «Ленинград в Великой Отечественной войне», «Рос-сика» зарубежные издания о России до 1917 г., «Славика» книги на славянских языках, книги кириллической печати XVI в. и петровской эпохи, напечатанные гражданским шрифтом. В библиотеке хранятся собрание инкунабул, личная библиотека Вольтера, издания Парижской Коммуны, крупные фонды литературы на языках народов стран Западной Европы, Азии и Африки, в рукописных фондах египетские папирусы, индийские рукописи на пальмовых листьях, античные греческие и латинские рукописи, «Остромирово евангелие» (1056-57), рукописи и автографы деятелей культуры и науки. В состав Публичной библиотеки входит «Дом Плеханова». В библиотеке 26 читальных залов на 1388 мест. Ежегодно Российская национальная библиотека обслуживает 1,3 млн. человек.[2]

Российская национальная библиотека (РНБ) находится в Петербурге. В настоящее время ее многоплановая деятельность ведется на нескольких территориально разделенных площадках (пл. Островского, д. 1/3, Фонтанка, д. 36, Московский пр., д. 165, корп. 2, 4-я Красноармейская ул., д. 1/33, наб. Обводного канала, д. 11 и др.). Она имеет статус НИИ в области библиотековедения, книговедения и библиографии.[2]

Известный учёный русский советский арабист академик И.Ю. Крачковский сказал об этой библиотеке так: «Если бы собрать все то, что написано о нашей Библиотеке в одной только художественной литературе, получилась бы книга интересная и поучительная, ярко рисующая историю нашей общественной жизни, историю борьбы за свободу мысли в картинах, полных иногда глубокого трагизма». Трагизм заключался в том, что дважды она едва не была потеряна во время эвакуаций.

Первая эвакуация рукописей и ценных книг Публичной библиотеки произошла в 1812 г. ввиду быстрого движения наполеоновской армии. Примерно, 150 000 томов были уложены в

189 ящиков и 25 сентября отправлены водою на север, в Олонецкую губернию. Помощник библиотекаря В. С. Сопиков впоследствии известный библиограф, и писец Бельшинский сопровождали бриг (речное судно). 5 октября судно вышло в Ладожское озеро и направилось к устью реки Свири. У деревни Усланки пришлось зазимовать. Ящиков не выгружали. На судне оставалась воинская стража. Библиотекарь В. С. Сопиков ежедневно посещал бриг. Когда военная опасность для Петербурга миновала, Сопикову было предложено возвратиться с грузом. 19 декабря рукописи и книги Библиотеки были доставлены на 108 подводках обратно в Петербург в полной сохранности.[1]

Вторично пришлось эвакуировать книжные и рукописные ценности Библиотеки в 1941 году (через 129 лет) ввиду угрозы Ленинграду-Петербургу со стороны фашистских захватчиков. [3]. В архиве Публичной библиотеки сохранились немаловажные сведения об этих событиях. Во многом благодаря мемуарам сотрудников библиотеки, переживших годы войны в эвакуации вместе с бесценными сокровищами мировой культуры и литературы и сохранивших их, мы знаем, как это было. Эта книга дополняет всё то, что было написано ранее о Библиотеке.

С наступлением немцев на Ленинград остро встал вопрос спасения бесценных книжных и рукописных фондов Библиотеки. 17 июля 1941 г. была завершена двухнедельная круглосуточная работа по подготовке наиболее ценных коллекций к эвакуации. 20 июля первый эшелон отправился в глубокий тыл в г. Мелекес (ныне г. Димитровград) Ульяновской области.

В эвакуацию были отправлены наиболее ценные фонды: отдела рукописей, коллекции произведений классиков марксизма-ленинизма, «вольной русской печати», издания гражданского шрифта, вышедшие при Петре I, русские книги XVIII в. и первой четверти XIX в., фонд «Россика», коллекция «Пушкиниана», библиотека Вольтера, архив и библиотека Дома Плеханова, инкунабулы, альбы и эльзевиры, отдельные части фондов литературы народов СССР, картографии, эстампов, нот, иностранного фонда архив и библиотека Г.В. Плеханова и др.[3]

Эшелон прибыл по назначению 31 июля. Вместе с фондами в Мелекес уехала группа сотрудников, на которых возлагалась

огромная ответственность по сохранению вывезенных раритетов. В августе 1941 г. начало работать Мелекесское отделение в составе 24 человек под руководством В. И. Гранского, с марта 1942 г. – А. Х. Вольпера.[3] Все военные годы Библиотеку, оставшуюся в Ленинграде, возглавляла единственная женщина-директор в ее истории – Елена Филипповна Егоренкова. [2]

Город Мелекес в конце 30-начале 40-х годов прошлого века был небольшим провинциальным городком, затерянным в бескрайних Заволжских просторах. Разрушительными для когда-то благоустроенного богатого купеческого посада оказались две революции 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война. Разрушения были не только физические и материальные, но и моральные: вместе с разрушенными храмами, была разрушена духовная культура, изменились нравственные ценности населения города. Благоустройством города так, как это делала Посадская Дума в начале XX века, никто не занимался. Город имел связь с другими городами только по железной дороге, благоустроенная автомобильная трасса отсутствовала. Новых предприятий построено не было. Работали бывшие купеческие паровые мельницы, построенные во второй половине XIX века и национализированные в 1917 году, льнопрядильная ткацкая фабрика, построенная в 1897 году, механический завод, основанный в 1859 году. Работали также небольшие полукустарные артели. Жилой фонд не обновлялся и не ремонтировался. В основном, это были деревянные одноэтажные частные дома. Бывшие купеческие каменные дома были самым благоустроенными, в них, в основном, располагались городские учреждения.[4]

В годы Великой Отечественной войны Мелекес стал тыловым городом, куда из прифронтовой полосы были эвакуированы учреждения культуры, промышленные предприятия и люди, где вся жизнь была организована так, чтобы помочь максимально фронту. Библиотека была не единственным учреждением, эвакуированным сюда. Здесь был размещен театр музыкальной комедии из города Житомира со всеми его реквизитами и артистами, с первых месяцев войны здесь находилась чулочнотрикотажная фабрика имени Клары Цеткин из города Витебска и её рабочие. Всего около шести тысяч человек, эвакуирован-

ных из западных районов, были размещены в небольшом городе с населением в 36 тысяч человек. В первые месяцы войны в Мелекессе были оборудованы и укомплектованы всем необходимым три эвакуогоспиталя на 1600 мест. Город направлял на фронт продукты питания, теплую одежду, корпуса для снарядов 76-миллиметровых пушек, изделия из дерева: сани, лыжи, учебные гранаты.[4] Местное население относилось к эвакуированному населению настороженно, считая, что стеснение, неудобства и нужду местные жители терпят из-за приезжих, которых здесь называл «куированные».[5] Среди «куированных» были и ленинградцы – сотрудники Публичной библиотеки и члены их семей. Для хранения фондов Библиотеки городские власти выделили два двухэтажных добротных каменных дома, построенных мелекесскими купцами в конце XIX века. Один находился на площади Советов, в нём перед войной находился городской Дом пионеров – бывшая усадьба Ф.К. Борнгребера. Во втором перед войной был Дом учителя, это бывший магазин купца Коробова на улице III Интернационала.[4]

Эта книга о четырех трудных годах жизни Библиотеки в небольшом Поволжском городке Мелекессе, о гражданском подвиге её сотрудников, о роли, которую сыграло её пребывание для поднятия культурного уровня населения городка. Гражданский подвиг – это не громкие слова. Эта справедливая оценка труда сотрудников Библиотеки, сохранивших её фонды от плесени, сырости и пожаров, от потери книг по дороге в Мелекесс и обратно в Ленинград, это оценка подвижнического труда интеллигентных высокообразованных людей, направленного на то, чтобы зажечь «луч света в тёмном царстве». Сотрудники библиотеки в своих мемуарах не раз обращаются к великому русскому драматургу А.Н. Островскому.[1, 5] Они сравнивают Мелекесс и его жителей с героями произведений великого писателя. Книга содержит рассказы о жизни ленинградцев в эвакуации в Мелекессе и о той работе, которую они проводили помимо непосредственной заботы о сохранности книг, профилактике и защите их от разрушительного воздействия времени и климата. Мелекесс глазами ленинградцев предстанет перед вами. Возможно, некоторые их оценки были несправедливы и необъективны и вы не во всём согласитесь с авторами. Но

голод, холод, непосильный труд на заготовке дров, работа на огородах, к которой городские жители умственного труда были совершенно не приспособлены сыграли свою роль в восприятии событий того времени. Не будем судить строго. Пожилые, больные, плохо одетые люди занимались кроме основных профессиональных обязанностей, ещё и выращиванием овощей для пропитания, чтобы просто не умереть от голода, заготовкой дров в лесу, чтобы не замерзнуть от холода. Отсутствие воды, за которой из последних сил они ходили в «бассейку», теплой одежды, мыла, бани – всё это создавало столько проблем в быту, что некоторые не выдержали испытаний и остались в мелекесской земле навсегда.[5] Но лишения, болезни, голод и другие трудности не сломили ленинградцев.

Время, свободное от основной работы и заботы о хлебе насущном они отдавали просвещению местного населения. По словам сотрудников библиотеки: «Мы были вовлечены в работу по обслуживанию книгами раненых, лежащих в госпитале; четверо из наших товарищей читали лекции в тюрьме, в госпитале, в агитпунктах, в Воскресном университете, в Учительском институте на военно-политические, исторические и литературные темы, о международном положении СССР; два товарища преподавали немецкий язык в Мелекесской школе; в городской библиотеке и в библиотеке Учительского института тоже немало часов потрудились направленные туда в помощь наши библиотекари; устраивали большое количество выставок: две большие, о которых я уже говорила, имевшие особенный успех, выставку к 130-летию Публичной библиотеки и другие, более мелкие. Местная печать — газета «Власть труда» — отдавала должное организаторам, отзывалась с похвалой о лекциях наших товарищей и помещала их статьи на своих столбцах. На площади перед Домом учителя красовалась громадная карта, начерченная умелыми руками В. И. Гранского (один из сотрудников библиотеки) для жителей Мелекеса, постоянно толпившихся перед ней. Одним словом, наш маленький коллектив в целом внес и свою лепту в культурно-просветительные начинания тыловой интеллигенции». Внештатный лектор горкома ВКП(б) А.Х. Вольпер – директор Мелекесского филиала Ленинградской библиотеки, не только выступал с лекциями на поли-

тические темы перед населением Мелекесса, но и был внештатным журналистом местной газеты «Власть труда». Сотрудник Библиотеки Я.Х. Якобсон регулярно публиковал свои статьи в газете «Власть труда» на литературные и просветительские темы. Ответственным редактором газеты в годы войны был Б.Н. Баженов. Через газету он не раз благодарил сотрудников Библиотеки за журналистскую деятельность, эти факты также отражены в книге. [6]

Сотрудники библиотеки понимали стоящие перед ними задачи примерно так: «Осажденный Ленинград доверил нам свои сокровища. Он не спросит с нас объемистых трудов на ту или другую тему, но он вправе потребовать полной сохранности вывезенных фондов. В настоящие дни мы, в основном, хранители. Закончив описание ящика, мы укладываем книги обратно, предварительно проверив прочность скреплений, и подвергаем его маркировке, обозначая дату проверки и повторяя номер ящика на установленных местах. Отработанный ящик снова заколачивается. Таков был установленный порядок работы. Книги, вывезенные из Ленинграда, были в полном смысле этого слова неприкосновенны. Ни одна из них никому не была выдана на сторону за все четыре года эвакуации, за исключением книг и рукописей, затребованных Ленинградом для нужд читателей и посланных фельдьегерской почтой». [1,3,5]

Благодаря самоотверженному труду ленинградских сотрудников в эвакуации в Мелекессе, фонды библиотеки, бесценные сокровища мировой культуры были сохранены, возвращены в Ленинград-Петербург, и сегодня Российская национальная библиотека является одной из лучших, а её редкие коллекции, одними из самых востребованных в мире.

**Учёный секретарь
МБУК «Димитровградский краеведческий музей»
И.А. ШАМИГУЛОВА**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Садова М.А. Воспоминания о работе Мелекесского филиала Публичной библиотеки. Фонды ДКМ.
2. <http://nlr.ru/history/vov/press.html>
<http://konf.x-pdf.ru/19raznoe/600665-1-rossiyskaya-nacionalnaya-biblioteka-rossiyskaya-nacionalnaya-biblioteka-gosudarstvennaya-publichnaya-biblioteka-saltikova.php>.
3. Быкова Т.А. Мелекесский филиал ГПБ в годы войны 1941–1945 гг. О хранении фондов и жизни сотрудников. Фонды ДКМ.
4. Документы из архива ДКМ. Фонды МБУК «Димитровградский краеведческий музей».
5. Садова Е.А. Воспоминания о работе Мелекесского филиала Публичной библиотеки. Фонды ДКМ.
6. Библиотека в эвакуации. Список публикаций в мелекесской газете «Власть труда», список лекций, семинаров, экскурсий, проведенных сотрудниками библиотеки в Мелекесе. Фонды ДКМ.

М.Б. Вербловская
ВЕРНЫЕ ДОЛГУ

В опубликованный ранее сборник «В память ушедших и во славу живущих» были включены материалы, рассказывающие о пребывании наиболее ценных фондов Ленинградской Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в годы войны 1941–1945 годов в городе Мелекесе Ульяновской области (дневники В. И. Гранского, очерк-воспоминание М. Б. Вербловской). Во вступительной заметке к дневникам Гранского подчеркивалась значимость документальных свидетельств о жизни и труде «мелекесской колонии», о людях, преданно и стойко сохранивших фонды, отмечалась необходимость публикации в будущем других документов, в частности, мелекесских воспоминаний сестер М.А. и Е.А. Садовых и Т.А. Быковой. В настоящем сборнике предлагается блок таких материалов, которые мы публикуем вместе с докладом Ц. А. Озеровой.

Автором первой мемуарной публикации является Т.А. Быкова (1894-1975).

Татьяна Александровна окончила историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов по всеобщей истории. В Публичную библиотеку она устроилась сначала временно в сентябре 1930 года, а с 1931 года стала постоянной сотрудницей. До войны она работала в I (Антирелигиозном) отделении: занималась вопросами каталогизации, заботилась о спасении книг бывшего Богословского отделения и библиотеки Духовной академии, которые после революции были переданы в Публичную библиотеку. 20 июля 1941 года вместе с группой сотрудников, сопровождавших наиболее ценные фонды, она уехала в Мелекес.

Организаторский талант Татьяны Александровны, ее решительность, глубокие знания и большой опыт в вопросах обработки и хранения оказались неоценимыми в условиях эвакуации. Ее стремительная фигура появлялась везде, где требовалось напряжение физических и моральных сил. Как и сестры Садовы, она находила отраду в природе: в сосновом лесу с пушистыми весенними крокусами, в купании в реке Черемшане.

Татьяна Александровна вела обширную переписку и поэтому для тосковавших мелекесян была источником драгоценной информации. Она остро переживала судьбу людей и книг. Как и другие сотрудники, она не имела полного представления о том, что происходило в Ленинграде. В своих записках она рассказывает, как ужасная картина блокадной реальности постепенно вырисовывалась из писем и рассказов второй партии библиотечных сотрудников, приехавших в Мелекес в августе 1942 года.

Записки Татьяны Александровны интересны также описанием нравов администрации и населения небольшого поволжского провинциального городка, мало изменившегося со времен А. Н. Островского. Угнетало ее и почти полное отсутствие научной и духовной деятельности, «умертвленное бездействие», по ее выражению.

В ее записках неоднократно упоминается фамилия Мандельштамов, об общении с которыми она пишет: «Жизнь в Мелекесе текла так, что мы были совершенно не связаны с жизнью народа, а общались друг с другом. Единственной отдушиной являлся дом Мандельштамов».

Мандельштамы — Исай Бенедиктович, его жена Мария Абрамовна (которая приходилась тетушкой мужу О.Б. Враской) и пожизненный друг их семьи Анастасия Михайловна Харитоновна. Позднее к ним в Мелекес приехала падчерица Исая Бенедиктовича, дочь Марии Абрамовны от первого брака Нина Николаевна Каннегиссер. В Мелекес они попали благодаря моей маме, Ольге Борисовне Враской, которая, получив на руки наркомпросовскую командировку, отсоединилась от библиотечного эшелона в Бологом и отправилась в Осташков, где жила в ссылке Мандельштамы. Лето 1941 года я проводила в их гостеприимном доме. По бурлящим военным дорогам мы добились до Мелекеса вместе.

Исай Бенедиктович был переводчиком европейской классической литературы, большим ее знатоком. Тяжелые условия мелекесской жизни угнетали его. В письмах своему другу, известному литературоведу Б.М. Эйхенбауму, он писал: «Над чем я сейчас работаю? Увы, мне не на чем работать. Единственное и непреодолимое препятствие к писательству — отсутствие бумаги. «Пальцы просятся к перу, перо к бумаге», а бумаги-то и

нет. Будь бумага, я все-таки переводил бы впрок, я бы всю историческую хронику Шекспира перевел (ведь у меня из нее два Ричарда и два Генриха уже готовы). Недавно, впрочем, я целый месяц переводил стихи из “Anne terrible” Гюго. Это можно было делать на клочках бумаги и в старой, подаренной мне конторской книге, между строками цифр. Стихи эти, в сущности, такие же, «военно-полевые цветы», как и те, что растут теперь повсюду, но замечательны как курьез: так и кажется, что Гюго жив и написал их в Париже наших дней» (Цель в жизни — мыслить и страдать // Минувшее: Ист. альм. 1992. Вып. 11. С. 405).

В хронике Мелекесского отделения Публичной библиотеки отмечено, что 18 февраля 1942 года состоялся вечер памяти Гейне, на котором Исай Бенедиктович читал свои переводы.

Помимо переводов, из Гейне, Лилиенкрона, Бодлера, Гюго, Исай Бенедиктович перевел в Мелекесе на немецкий язык «Маленькие трагедии» Пушкина (которые читал Т.А. Быковой под крики скворцов на огороде). Еще две мемуарные публикации принадлежат сестрам Садовым. Их мироощущение формировалось под влиянием отца, Александра Ивановича Садова — специалиста по церковной истории и латинской филологии, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, библиотекаря Отделения филологии Публичной библиотеки в 1921—1924 годы. Разница в характерах естественно наложила отпечаток на форму и содержание воспоминаний, они органично дополняют друг друга. Картина будней маленького коллектива в суровых условиях войны окрашены у Марии Александровны в мягкие, лирические тона. У Елизаветы Александровны — это скорее историко-этнографический очерк русского провинциального города, насыщенный острыми бытовыми наблюдениями.

Сестры приехали в Мелекес из блокадного Ленинграда в августе 1942 года с матерью, Анастасией Константиновной, которую они нежно любили. Вскоре по приезду А. К. Садова умерла. Грусть, связанная с этой потерей, стала одной из основных тем их разговоров того периода.

Мария Александровна Садова (1888–1968) служила библиографом в Русском фонде с сентября 1917 года. Ее преданность Библиотеке была безгранична:

*О, если б самой маленькой книжкой
В шкафу на полке я бы тихо встала -
В прекрасном хоре голосов бессмертных
Она бы только доброе шептала,*

— писала она в одном из своих стихотворений.

В Мелекесе Мария Александровна кротко сносила тяготы бытия. Ее утешением были наблюдения за характерами и жизнью детей: о них она писала с ласковой улыбкой и сочувствием. Во впечатлениях от разнообразных картин природы, меняющихся со сменой сезонов, она черпала душевные силы:

*Я вышла на крыльцо. Передо мной,
Сверкая изумрудною травой,
Глухая улица к полям бежала,
И жизнь свой день рабочий начинала.*

*Синела даль неясной полосой,
В лесу кукушка грустно куковала,
И утро безмятежное сияло
Невыразимо нежной красотой.*

*Не знаю, долго ли я так стояла,
Глубокой наслаждаясь тишиной...
Меня, как мать, природа обнимала,
И в сердце нисходил покой.*

/Июнь 1945. Мелекесс/

Начиная с 1917 года, библиографические разыскания были содержанием работы Садовой и ее подлинной страстью. Когда в конце войны из Ленинграда в Мелекес стали приходить запросы, она трогательно сердилась и нервничала, что не всегда именно ей удавалось найти нужную книгу или рукопись. (Это было вполне объяснимо: описание ящиков далеко не всегда совпадало с их содержанием, а любимый, выученный почти наизусть каталог остался в Ленинграде).

Елизавета Александровна Садова (1886—1970), обладавшая острым умом и наблюдательностью, в довоенные годы препода-

вала литературу и географию. С Библиотекой она была связана через сестру и отца. Во время войны она оказалась включенной в жизнь Библиотеки в условиях эвакуации. Ее литературное дарование проявилось в очерке о Мелекесе, в описании быта и нравов его жителей и приезжих, занесенных в город войной (отношения между ними были далеко не идеальными). Ее перу принадлежат также воспоминания об А. Ф. Кони, ученицей которого она была и о котором охотно рассказывала. Маленькая комната, снятая сестрами, была украшена живописными работами Елизаветы Александровны — она много рисовала, даже в эвакуации. На фоне общей взбаломученности и отчаяния это напоминало о другой жизни.

Сестрам был свойственен тихий свет доброжелательности и интерес к детям (в частности, к автору этих строк), с которыми они беседовали на разные темы в ненавязчивой и доступной форме: о географии, истории, этике, вере, и, конечно, о том, чем значителен и прекрасен труд библиотекаря.

Публикуемый доклад-отчет Цици Абрамовны Озеровой о работе филиала с практическими выводами о хранении эвакуированных библиотечных фондов был зачитан 9 января 1946 года на заседании Кабинета библиотековедения. В августе 1944 г. она была назначена директором Мелекесского филиала. Энергичная, умная, принципиальная и трудолюбивая молодая женщина с честью стояла на своем посту. Она принимала участие в любой тяжелой работе, которую приходилось выполнять коллективу, во всем всегда подавая сотрудникам пример. В результате тщательно продуманных и со всей энергией выполненных ею вместе со старшими товарищами (в особенности, с В. И. Гранским, ответственным начальником эшелона, [отправленного] из Ленинграда в 1941 г., и с Ф. Я. Поповым, главным библиотекарем Рукописного отделения, всегда озабоченным сохранностью ящиков с грузом) мероприятий, все книжные и рукописные ценности ГПБ были благополучно доставлены в Ленинград и заняли свои прежние места в фондах.

Эпопея эвакуации фондов началась 20 июля 1941 года, когда из Ленинграда вышел эшелон с книгами. 31 июля он прибыл в Мелекес. Возвращение же фондов проходило в два этапа:

- первый эшелон вышел из Мелекеса 22 сентября 1945 года и 5 октября прибыл в Ленинград;

- второй эшелон вышел из Мелекеса 29 сентября и прибыл в Ленинград 11 октября.

Директорами филиала были с августа по октябрь 1941 г. и с марта 1942 до июля 1944 г.— А. Х. Вольпер; с конца августа 1941 по март 1942 г.— В. И. Гранский; с июля 1944 до возвращения в Ленинград в октябре 1945 г. — Ц. А. Озерова.

Сотрудники Библиотеки, пережившие тяжелые военные годы, недоедание и сильное нервное переутомление, любили собираться вместе после окончания войны за чайным столом сестер Садовых. В разговорах оживало пережитое всеми вместе и каждым в отдельности. Эти встречи были маленькими праздниками: у каждого столового прибора лежали милые подарки, вели оживленные разговоры, читали веселый библиотечный фольклор, лирические стихи, вспоминали... Тема Библиотеки, любовь и преданность ей были определяющей мерой всех дел, независимо от того, о чем вспоминали мелекесяне: о проверке сохранности книг, огородной страде, лесоповале, деталях быта.

Во всех жизненных ситуациях они всегда поддерживали друг друга. Когда в 1947 году заведующий Отделом картографии В. А. Бриллиант потерял карточки, Т. А. Быкова принесла ему хлеб.

При подготовке этой статьи я вспомнила эти разговоры, слышанные в детстве и юности, и руководствовалась возможностью представить наиболее полную и последовательную картину событий и лиц, принимавших в них участие.

Выразительные страницы публикуемых воспоминаний имеют непосредственное отношение к истории Библиотеки. Они интересны и для жителей нового века, и для очевидцев, помнящих грозные военные дни.

При подготовке материала использовались:

1. Быкова Т. А. Воспоминания из эпохи эвакуации с фондами Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в г. Мелекес за годы 1941-1945 (ОР РНБ. Ф. 1284. Ед. хр. 21).

2. Садова М. А. Пережитое и забытое. Ч. 2: Библиотека в глубоком тылу (Мелекесский филиал 1942 — 1945). (ОР РНБ. Ф. 666. Ед. хр. 98).

3. Садова Е. А. Описание г. Мелекеса Ульяновской области, в котором хранились фонды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина во время 2-й Отечественной войны с осени 1941 по осень 1945 г. (ОР РНБ. Ф. 666. Ед. хр. 19).

4. Озерова Ц. А. Фонды Публичной библиотеки в эвакуации. Доклад, произнесенный на заседании Кабинета библиотекосведения 9 января 1946 г. (Архив РНБ. Ф. текстов. Ед. хр. Т. 270).

Ц.А. Озерова

ФОНДЫ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЭВАКУАЦИИ

С первых же дней Великой Отечественной войны Публичная библиотека начала работать над вопросами сохранности фондов. Весь штат сотрудников был мобилизован на укладку самых ценных и уникальных материалов. 26 июня 1941 г. начали укладывать в ящики книги «Россики», библиотеку Вольтера, инкунабулы. 28 июня к упаковке своих материалов приступил Рукописный отдел.

Необычной была Библиотека в эти дни. Одни занимались отбором того, что надо было сохранить, другие сколачивали ящики, третьи укладывали в них книги. Частые воздушные тревоги являлись предупреждением, что сокровищам Библиотеки угрожала реальная опасность. Было принято решение рассредоточить фонды из центрального здания. Часть материалов была перевезена в филиалы Библиотеки, расположенные на территории Лавры¹ и в Петрокрепости, другая часть была размещена в подвальном помещении Библиотеки.

Естественно, что сразу же возник вопрос о документации: как отразить то, что мы снимаем с обычных мест хранения. Этот вопрос был разрешен следующим образом. На содержимое каждого ящика составлялся паспорт, в котором указывалось название фонда или коллекции, перечислялись шифры и подводился количественный итог находящихся в нем материалов. Паспорт составляли в трех экземплярах, один из которых наклеивали на ящик, второй вкладывали внутрь вместе с его содержимым, а третий оставался в Библиотеке. Позднее на основе этих паспортов составили общую инвентарную опись материалов, отправленных в эвакуацию.

6 июля 1941 г. правительство приняло решение о вывозе самых ценных материалов из Публичной библиотеки в глубокий тыл страны. Сразу же пошла работа по отбору того, что надо было эвакуировать из Ленинграда. Уже 11 июля был утверж-

¹ Имеется в виду филиал ГПБ, расположенный в бывшем здании библиотеки Духовной академии на территории Александро-Невской Лавры.

ден список из 14 человек, которые должны были обеспечивать сохранность груза в пути и затем в тылу. В этот список вошли товарищи, которые прекрасно знали фонды, вывозившиеся в тыл. 16 и 17 июля уложенные в ящики книги и рукописи были доставлены на Ленинградскую Товарную, а 20 июля ценный груз отправился из Ленинграда в Ульяновскую область, в город Мелекес. В пути была организована круглосуточная охрана из лиц, которые сопровождали наши материалы. Эта охрана должна была следить за состоянием эшелона и во время продолжительных стоянок наблюдать за грузом.

Путь эшелона — через Москву — был не совсем удачным, с приближением к Москве книгам угрожала опасность. Наш поезд был встречен первыми налетами немцев на Москву. Вблизи от вагонов рвались первые бомбы фашистов. К счастью, все обошлось благополучно, вагоны не были повреждены.

31 июля эшелон прибыл в Мелекес. Это был небольшой районный центр, насчитывавший около 36 тысяч жителей. В городе — почти исключительно деревянные одноэтажные постройки, немощеные улицы, очень небольшое количество воды (Мелекес стоит на небольшой речке). Из учебных заведений в городе был один учительский институт, один техникум и несколько средних школ.

По прибытии на место мы столкнулись с невеселым фактом — здание бывшей политпросветшколы, которое предназначалось для нашего груза, оказалось занятым. Когда мы обратились к городским властям, уже знавшим о нашем прибытии, то они предложили нам ехать дальше. Мы не примирились с этим, связались с Москвой и стали подыскивать подходящее место для размещения наших ценностей. Это было трудно еще и потому, что в городе почти отсутствовали казенные постройки. Не было и речи о том, чтобы найти помещение, которое отвечало бы всем требованиям для обеспечения сохранности книг. Мы решили, что для этой цели необходимо найти по крайней мере каменное здание. В конце концов мы подыскали три помещения: Дом пионеров, Дом учителя и Учительский институт. Городская администрация согласилась передать нам их, поскольку пришло указание Наркомпроса, что фонды Публичной библиотеки должны разместиться в Мелекесе.

Дома, которые предназначались Библиотеке, нас, разумеется, не вполне удовлетворяли. Они не были изолированы от жилых деревянных построек и не соответствовали минимальным требованиям пожарной безопасности.

13 августа эвакуированные материалы были размещены в указанных зданиях. Их перевозили 11 дней, на подводах, запряженных волами и лошадьми. Каждую подводу сопровождал один из наших сотрудников. Жители города удивлялись, что ящики с книгами имеют сопровождающих. Ведь это же не ценности — не мыло и не конфеты.

При размещении фондов перед нами не возникало обычных проблем — какую при этом использовать расстановку. Нам пришлось оставить груз в ящиках, то есть так, как он был упакован. Правда, мы старались сохранять их размещение по фондам, но это не всегда удавалось, так как еще при погрузке в Ленинграде целостность коллекций была нарушена. Мы ставили ящики один на другой, от трех до шести в высоту. С наружной стороны были видны паспорта, так что можно было определить, к какому фонду относится данный материал. Проходы между ящиками были полметра, сделать проходы шире помещения не позволяли. Затем встал вопрос об охране зданий. С этой целью были выделены сотрудники Библиотеки, которые несли круглосуточные дежурства. Кроме того, была организована сторожевая охрана из членов артели инвалидов. Эта охрана нас не устраивала. Только позднее, в мае 1943 года, удалось получить военизированную охрану НКВД.

Когда фонды были расставлены в таком необычном порядке, перед коллективом Библиотеки встал новый вопрос: что делать теперь с этими фондами, с чего начинать? У нас не было опыта такой работы, и нам негде было его получить. Во время Отечественной войны 1812 года фонды Библиотеки вывозились Сопиковым из Петербурга, единственный раз за всю историю Библиотеки. Направленные на север, водою, они не прибыли к месту своего назначения, а замерзли в пути около Лодейного Поля и 19 декабря 1812 года были возвращены в Петербург. Там была организована сторожевая охрана. Никакой работы с фондами не велось. Поэтому из опыта первой эвакуации мы не могли почерпнуть сведений о том, что делать с фондами.

По этому вопросу в Мелекесе сразу развернулся ряд дискуссий. Некоторые товарищи из нашего небольшого коллектива считали, что ящики вообще вскрывать не надо, а надо нести только охрану груза. Другие говорили, что необходимо раскрыть фонды и начать научную работу. Многие говорили, что мы должны вскрыть ящики для проверки сохранности фондов. На этом последнем решении мы и остановились, с этого и начали работу.

Но с чего начать саму проверку фондов? Мы долго думали и решили, чтобы не было разнобоя в работе, выработать специальное положение. Это положение предписывало вскрывать каждый ящик и проверять как физическое состояние его содержимого, так и, «химическую» сохранность (наличие сырости, плесени и т. п.). Следующий пункт этого положения касался содержания того, что находилось в ящиках. Мы должны были произвести сверку паспортов, находившихся внутри ящика: соответствует ли содержимое ящика тому, что обозначено в паспорте. Третий — определял материалы первой и второй очереди. Что это значило? Мы сразу поняли, что все, что было вывезено, не являлось в одинаковой степени уникальным и ценным. Важность этого пункта была подтверждена и решением Наркомпроса, принятым в 1942 году, когда в связи с развитием событий под Сталинградом возник вопрос о возможности дальнейшей эвакуации фондов Библиотеки на Восток.

Согласно принятому положению, фонды не мог проверять один человек. К материалу должны были подходить не менее двух лиц. Это стало обязательным правилом в работе по проверке фондов. Результаты проверки должны были фиксироваться в специальных актах, которые составлялись отдельно на каждый ящик. Акт проверки переносился на оборот паспорта, находившегося внутри ящика, а затем — в регистрационные листы, благодаря которым мы всегда могли сказать, в каком состоянии был найден тот или иной фонд.

Кроме регистрационных листов, предусматривалось составление определенного ключа. Такой ключ состоял из перечня номеров к каждому фонду или коллекции. Это позволяло определить, прошел ли данный ящик проверку. Кроме того, имелись отсылки к регистрационным листам. Таким образом, всегда

можно было прочесть акт и выяснить, в каком состоянии находится содержимое любого ящика.

Мы требовали от товарищей, проводивших проверку, чтобы после составления акта на ящиках производилась маркировка. На каждом ящике с трех сторон необходимо было написать название фонда или коллекции и указать номер и дату проверки.

К проверке фондов мы приступили 27 августа 1941 года и начали ее с ящиков, которые пострадали в пути. Это было собрание Вяземского². В вагонах несколько ящиков промокло. Затем приступили к проверке других фондов Рукописного отдела, как наиболее старого. Дальше стали проверять материалы выборочно, чтобы получить представление о том, в каком состоянии они прибыли.

Проверка фондов была нашей основной работой. За время пребывания в Мелекесе мы проверили все ящики, а некоторые фонды проверили по несколько раз. Правда, часть фондов мы сознательно не трогали, например, библиотеку Вольтера, а также фонды периодики. Их проверка производилась выборочным порядком и показала, что эти фонды находились в хорошем состоянии. Они были размещены в помещении, где условия хранения были наиболее благоприятными. Фонды библиотеки Вольтера были тщательно уложены, и мы сочли целесообразным их не проверять, чтобы не повредить закладки, находившиеся в книжках Вольтера.

Большое значение при эвакуации фондов имело качество упаковочных материалов. Все рукописи и книги должны были быть уложены в ящики завернутыми в бумагу или, в крайнем случае, клеенку или целлофан, поскольку Библиотека не смогла обеспечить эвакуируемые фонды необходимым количеством бумаги — лучшего, как показала практика, упаковочного материала. Так, в клеенку, в частности, были упакованы фонды Отдела эстампов. Ни клеенка, ни целлофан не пропускали воздуха, таким образом в ящиках с книгами возникала благоприятная среда для образования плесени. Собрание «Россики» было уложено вообще без какой-либо дополнительной упаковки. Поэтому при вскрытии этих фондов на корешках и обрезах книг

² По-видимому, речь идет о собрании памятников древней письменности Павла Петровича Вяземского, хранящимся в Отделе рукописей РНБ.

было обнаружено много пыли. Да и ящики не соответствовали своему назначению: в них было много шелей, пропускавших пыль и другие вредные элементы. В распоряжении сотрудников были ящики трех разных размеров, но подходящих среди них было мало. Наиболее удачными были стандартные ящики размером 75 x 58 x 36 см, а самыми неудобными — большие, получившие название «гробов» еще в Ленинграде.

При проверке фондов мы убедились, что большое значение для их сохранности имело то, каким образом были уложены в ящики книги и рукописи.

Надо сказать, что часть фондов Рукописного отделения была перепутана. Непонятно, как это произошло. Очевидно, если в ящике оставалось свободное место, туда, не задумываясь, клали материал из другого фонда. Многие книги были уложены так, что нарушался порядок, в котором они стояли на полках. Все это отражалось, как на скорости нашей работы, так и на состоянии самих фондов. Когда рядом с маленькой книжкой находился фолиант, в ящике создавались пустоты, материал был недостаточно плотно уложен, и при перебросках в пути создавались условия для стирания переплетов. Все пустоты следовало заполнить упаковочной бумагой, а это делалось не всегда.

Когда мы начали проверку фондов, перед нами встал вопрос: что же мы привезли в Мелекес, почему были вывезены именно эти материалы, а не другие? Надо ли, например, было эвакуировать переиздания и дублиеты? Насколько уникальными являются старопечатные книги (а они были вывезены все)? Насколько необходимо было везти газеты последних лет? Нам казалось, что мы не совсем правильно разрешили эти вопросы. Может быть, вместо всего этого следовало вывезти другие фонды? Например, коллекцию изданий Парижской Коммуны, которая осталась в Ленинграде? Таким образом, наш опыт показал, что проблемы комплектования при выборочной эвакуации фондов являются весьма ответственными.

Большое значение в деятельности Библиотеки имела также работа по гигиене и реставрации книги. К сожалению, в Мелекес приехал только один специалист в этой области. Нам пришлось на месте обучать людей этому делу, и в результате была

создана группа вначале из трех, а затем из пяти человек. Работа по гигиене книги распадалась на три составляющие. Первая — это наблюдение за зданиями, в которых хранились фонды (контроль за температурой воздуха, за влажностью). Мы не могли вести повседневные наблюдения за влажностью воздуха, так как не было необходимых приборов. Делали это выборочно в разное время года, пользуясь гигрометром, который достали в одной из местных организаций. Температуру воздуха мы могли наблюдать, так как градусники Цельсия и Реомюра у нас были. Влажность колебалась от 60 до 94 %. Это — данные выборочной проверки. Нормативы, правда, никем не были опубликованы, но в литературе встречались показатели практикуемых норм, равные 60–70 %. Температура в наших помещениях зимой составляла от минус 9 до минус 20 градусов.

Второй – и основной – линией работы группы гигиены было удаление свежей и старой плесени. Плесени были подвержены более старые материалы, то есть материалы Рукописного отделения и фонда инкунабул. Плесень образовывалась на переплетах, на обрезках книг. За все четыре года не было случая, чтобы плесень показалась на самих текстах. Когда мы обнаруживали свежую плесень, материал передавался в группу гигиены, где ее снимали и проводили дезинфекцию материалов раствором формалина. Снимали также и старую плесень, которую обнаруживали при проверке. С 1944 года мы ввели такое положение, что, если находился хотя бы один экземпляр с новой плесенью, то дезинфекции подвергался весь состав материалов, находившихся в ящиках. За все время нами была удалена свежая плесень с 7 тысяч экземпляров и старая плесень с 6,5 тысяч экземпляров.

Третья линия, по которой шла работа группы гигиены, это реставрация фондов. Ею занимались обычно в зимний период. Всего за годы эвакуации через руки сотрудников этой группы прошло более 2 тысяч единиц хранения. Эти цифры могли быть больше, но отсутствовали необходимые материалы, которые не были взяты с собой, а в Мелекесе их нельзя было приобрести. Реставрации подвергались, главным образом, фонды инкунабул и Рукописного отделения.

Работа по проверке фондов и удалению плесени носила се-

зонный характер, то есть обычно мы начинали работать в первых числах апреля и кончали в октябре–ноябре. Сезонность этих работ объяснялась следующим обстоятельством. В связи с тем, что наши здания совершенно не отапливались, мы считали нецелесообразным переносить фонды из холодных помещений в теплые. Опыт показал, что ящики отпотевают, повышается влажность, а это неблагоприятно отражалось на сохранности материалов, весной и осенью влажность воздуха в помещениях становилась несколько выше допустимой. Мы в основном отапливали рабочее помещение, а в помещении, где хранился груз, не топили. Правда, в первый год нашего пребывания в эвакуации мы решили подтапливать в помещениях, думая, что это повысит температуру воздуха. Но дрова были дефицитным материалом, и мы не могли полностью прогреть помещения, а допускать колебания температуры при нерегулярных подтопках мы считали нецелесообразным. Мы полагали, что лучше иметь низкую температуру, но постоянную. Конечно, трудно сказать, что станет с этими материалами впоследствии. Может быть, то обстоятельство, что в течение четырех лет они хранились при температуре минус 20 градусов, скажется на состоянии бумаги. Однако в целом мы убедились, что, несмотря на такие необычные неблагоприятные условия хранения в совершенно не отапливаемых помещениях, наши материалы не претерпели больших повреждений. Низкая температура, по-видимому, не является катастрофой при хранении фондов.

Группе гигиены приходилось вести и борьбу с грызунами, которых в помещениях Библиотеки было достаточно много.

Кроме работы по сохранности и проверке фондов, нами были организованы две большие выставки по материалам библиотеки. Обе они имели для города большое культурно-просветительское значение. Первая выставка — 1941 года — «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма». Посетили ее около полутора тысяч человек. Вокруг выставки развернулась лекционная работа. В 1942 году была подготовлена вторая выставка, на тему «Великий русский народ в борьбе за свою Родину», и позднее еще целый ряд небольших выставок. К 130-летию Библиотеки мы сделали небольшую выставку также по своим материалам. Этот юбилей был отмечен на городском

собрании интеллигенции. Библиотека помогала в организации выставок и городским организациям.

Помимо выставочной деятельности, мы пытались проводить научную работу с фондами. Но мы не имели для этого всех необходимых материалов. Абсолютно отсутствовал справочный материал. Кроме того, не все фонды были вывезены целиком. Скажем, есть первый том, а второго нет, и т. д. Но некоторая работа все же велась. Так, пытались описывать материалы Рукописного отделения, велась работа по описанию атласов XIX века, систематизировали библиотеку Синягина, фонд Вольной еврейской печати и др. А. С. Ляпунова закончила диссертацию по М. А. Балакиреву.

Мелекесское отделение проводило еще один вид работы. Было решено составить список фондов, которые вывезены не целиком, а выборочно (это — русский фонд и иностранный фонд истории). Списки этих фондов в Ленинграде не были составлены. Мы посчитали, что для истории этих фондов было бы интересно сделать отметки в Генеральном алфавитном каталоге о том, что эти фонды эвакуировались. С августа 1944 года наше отделение перестало быть только хранилищем фондов. В условиях эвакуации нам пришлось начать и выдачу материалов. Стали поступать запросы от сотрудников Библиотеки. Правда, этих запросов было немного. Всего мы удовлетворили 86 требований из 101 (51 книга и 35 рукописей). Условия выдачи были необычными для библиотечной практики. Мы не имели никаких указаний, где искать материал; не было никаких пометок, где находится материал, на который мы получали требование. Поэтому часто для того, чтобы найти ту или иную книжку, нам приходилось открывать десятки ящиков. Приходилось пересматривать весь фонд, чтобы определить — есть там нужный материал или нет.

Был такой случай. Библиотека запросила Булгаринский список «Горе от ума»; было указано, что этот список должен был лежать на выставке в Отделе рукописей. Мы открывали ящики с выставочными материалами один за другим — а их было несколько десятков — и ничего не находили. Наткнулись на нужную книжку совершенно случайно. При спешной упаковке материалов этот список попал в фонд автографов.

А вот другой случай. Рукописное отделение запросило книгу поступлений 1842 года. Казалось, ее надо было искать в ящике с документами Рукописного отделения. Мы несколько раз их пересмотрели, но этой книги не нашли. Ответили на этот запрос отказом, а в процессе повседневной работы наткнулись на эту книжку. Она оказалась в другом ящике — в общем рукописном.

Та небольшая выдача, которую мы производили, занимала много времени, а, главное, она была непривычной для нас. В отделении побывал даже читатель — из грузинской Академии наук. Он работал над грузинскими рукописями. К нашему и к его сожалению, необходимой ему рукописи мы не смогли найти. Выяснилось, что она была передана до войны в Грузию. Таким образом, он проехал напрасно через весь Советский Союз, чтобы получить этот материал.

Работа сотрудников протекала не только с материалами ГПБ, они оказывали большую помощь в практической работе городским библиотекам. Нами было обработано в общей сложности более 30 тысяч книг, начиная от шифровки и кончая составлением каталогов. Кроме того, коллективом работников Библиотеки вместе с горкомом партии были организованы библиотечные курсы для библиотекарей города, на которых занимались 18 человек. Ряд сотрудников нашего коллектива трудился в зимние месяцы в госпиталях, налаживая массовую библиотечную работу. Была также развернута большая лекционная работа в городе. Она имела большое значение в культурной жизни Мелекеса. За время пребывания в эвакуации сотрудниками отделения было прочитано около 500 лекций на разные темы. Наши сотрудники обслуживали два агитпункта города и помогали окрестным колхозам во время уборочных и посевных кампаний.

Вот, примерно, тот круг работы, которой мы были заняты во время эвакуации.

После Великой победы над фашистской Германией мы начали готовить фонды к реэвакуации. С ранней весны 1945 года мы стали просматривать фонды, тщательно укладывать их, забивать ящики. 15 июля пришло разрешение на реэвакуацию фондов. С 16 по 19 августа мы вывезли ящики с нашими материалами на станцию Мелекес, где они временно были сложены в пакгаузах.

Готовясь к реэвакуации, мы применяли некоторую механизацию при погрузке фондов. Наши фонды находились на втором этаже зданий, переносить их по лестницам при отсутствии рабочей силы было долго и тяжело. Поэтому был изготовлен спуск в виде наклонной плоскости, один конец которого подставлялся к окнам вторых этажей, а второй ставился прямо на машину, и по этому спуску, на кольцо из толстой веревки, спускали ящики. Таким образом, мы значительно выигрывали и во времени, и в необходимой рабочей силе.

После того, как фонды были перевезены в пакгаузы станции Мелекес, мы не могли сразу начать погрузку в вагоны, так как задерживалось предоставление «плана» на железную дорогу. Городские организации — горком партии и горисполком — нам во многом помогли при реэвакуации и в отношении рабочей силы, и в улаживании дела с железной дорогой. Благодаря их помощи, нам удалось сравнительно быстро выехать. Груз был размещен в двух эшелонах, поскольку железная дорога не могла отправить все одновременно. Первая партия выехала 22 сентября 1945 года и 6 октября прибыла в Ленинград. Вторая партия выехала 29 сентября и прибыла на место 11 октября.

На этом закончилась наша работа по сохранению фондов в течение 4-летнего пребывания в Мелекесе. Этот опыт настолько необычен для библиотечной практики, что появилось желание его описать. Начало этому было положено еще в Мелекесе и, думаю, что в Ленинграде мы закончим эту работу.

В заключение надо сказать, что коллектив сотрудников, который был послан в эвакуацию с фондами Библиотеки, выполнил возложенную на него задачу. Фонды были возвращены в Ленинград, таким образом, наша миссия на этом окончилась.

ВОСПОМИНАНИЯ

Елизаветы Александровны Садовой

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ ПРЕДЛАГАЕМОЙ РАБОТЫ О Г. МЕЛЕКЕССЕ

Осенью 1942 г. дирекция Государственной Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде эвакуировала в г. Мелекес, где хранились ценные сокровища Библиотеки, 2-ю группу сотрудников с их семьями.

В числе командированных для работы была моя сестра - Мария Александровна Садова, главный библиотекарь Государственной Публичной Библиотеки. Она уехала вместе с семьей: с престарелой матерью и с сестрой.

Вскоре по приезду мы похоронили на Мелекесском кладбище нашу мать Анастасию Константиновну Садову, могила которой и поныне охраняется мелекесскими друзьями.

В мае 1944 г., когда освободилась вакансия, я была принята на работу в качестве библиотекаря в Мелекесский филиал Библиотеки в отдел гигиены и реставрации книги.

Вместе с сестрой и другими сотрудниками была реэвакуирована в Ленинград осенью 1945 г. и работала в Государственной Публичной Библиотеке в звании старшего библиотекаря вплоть до ухода на пенсию осенью 1957 г.

К сожалению, только теперь, через 25 лет, я решила переслать свою машинописную рукопись в дар тому городу, который хранит известные всему миру фонды Государственной Публичной Библиотеки.

Быть может, моя работа пригодится когда-нибудь будущим историкам г. Мелекесса и его края некоторыми сведениями о его прошлом.

**Елизавета САДОВА,
в прошлом преподавательница русской литературы,
библиотекарь Ленинградской Университетской библиотеки,
затем старший библиотекарь Государственной
Публичной Библиотеки, ныне пенсионер**

ВВЕДЕНИЕ

«Мелекесс! Какое экзотическое название! Где он? Почему туда послали драгоценные сокровища ГПБ и наших товарищей?» волновалась группа сотрудников, посылаемая через год после начала войны в Мелекесский филиал. Энциклопедии давали об этом городе слишком скудные сведения.

Неслыханно тяжелый год блокады вырвал из рядов сотрудников громадное число жертв. Люди гасли, как свечи. Администрация отправила несколько человек с семьями в Мелекесс, где уже работала первая партия, командированная сопровождать груз.

Только приехав в Мелекесс, мы поняли, почему неумолимая рука Судьбы направила нас в этот якобы экзотический край.

Это был глубокий тыл, откуда, по образному выражению гоголевского городничего, «хоть 3 года скачи, ни до какого государства не доедешь», куда немцу все пути (к тому времени, когда мы приехали) были «заказаны». Зимой Мелекесс еле виден из-под сугробов, жарким летом скрывается в облаках серой пыльной кисеи, а весной и осенью тонет в непролазной грязи, и ветер - северный, восточный и западный - сразу набрасывается на него со всех сторон.

Здесь наши драгоценные сокровища - рукописи и книги - были в полной безопасности.

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О МЕЛЕКЕССЕ

Город Мелекесс – районный центр на северо-востоке б. Самарской, потом Куйбышевской, а ныне Ульяновской области. Находится в 169 км от Куйбышева, в 102 км от Ставрополя и 3,5 км от Ульяновска¹.

а) Своеобразное расположение Ульяновской области следует иметь в виду при знакомстве с г. Мелекессом.

«Самарская губ. - губерния окрайная, стоящая на перепутье

¹ М.уезд орошается р. Майной и Большим Черемшаном с его 11 притоками.

больших областей, на перекрестке тех вековых дорог, по которым в разное время шло и переселение народов, и эпидемии, и скотские падежи, ... и нашествие инородцев - кочевников... Самарская губ. с богатыми почвами, но безводная, с засухой и мглой; она знала и буйные урожаи лучшей в мире пшеницы..., но знала ... «и глад и мор».

Многие помнят жестокие голодные годы; 1891, 1906, 1911 и самый страшный 1921 год.

«Благодаря своему географическому расположению на рубеже Заволжья, С.губерния была, в силу естественных условий, как бы «фильтром», поглощая все идущее из пределов Сибири и Урала»².

б) Образование и рост города.

Г. Мелекесс возник из чувашской деревушки при реках Мелекессе и Большом Черемшане (там, где теперь 2-ая Гидростанция), в 3 км от одноименной станции железной дороги. Мелекесс - одно из первых поселений в Заволжье; еще с первой половины XVII века, а по преданию - со 2 половины XVI века.

Кругом были леса и трясина. Обширные в то время степные земли привлекли значительное население. В 30 верстах от начала Черемшана была расположена Черемшанская крепость. О ней в настоящее время помнят даже не все старожилы. Доктор-исследователь - Лепехин³, командированный Академией наук в 1768 и 69 году вместе с академиком Палласом и проф.Фалком «для испытания естественных вещей в обширном нашем отечестве», так описывает ее: «Черемшанская крепость принадлежит к Закамской линии и построена на правом или на нагорном берегу реки Черемшана. Жителей в ней 1085 душ считается, которые все из отставных военных людей ландмилиции поселены. Они имеют привольные места для хлебопашества и живут не беззащитно».⁴

«Черемшан река полагает предел между Казанскою губернией и Ставропольской провинцией. Начало ее в верх от Черемшанской

² Цитирую по рукописи С.Г. Дырченкова, приготовленной к печати: «История г. Мелекесса». Эти сведения взяты автором из печати.

³ «Дневныя записки путешествія доктора и Академіи наук адъютанта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійского государства, 1768 и 1769 году. В Санкт-Петербургъ при Императорской Академіи Наукъ, 1771 г.» (18.5. 2. 16/1) . Яш. 458/8.

⁴ Лепехин, стр. 135.

крепости в 30 верстах находится, а устьем впадает она в реку Волгу, при деревне Хряшевке. Берега ее разделяются на луговой и на нагорный. Луговой называется тот, который принадлежит к Ставропольской провинции, а нагорный к Казанской. Сама река Черемшан имеет стремительное течение, ибо источник ее в сравнении устья великое имеет возвышение. Вода в ней весьма чистая и при устье ее довольно всякой той рыбы, какая в Волге ловится...»⁵

В 1714 г., а по другим сведениям позднее⁶, на речке Мелекеске был построен казенный винокуренный завод, один из первых винокуренных заводов государства. С момента постройки селение стало наз. заводом. Лепехин так описывает Мелекесс: «Деревня Русский Мелекесс, заведенная на речке того же имени, в 12 верстах от Брендина; а от Русского Мелекесса только 10 верст до Чувашского Мелекесса почитается. От Чердаков даже до Русского Мелекесса дорога была совершенно степная, и по обе стороны находились обширные непаханные поля»...⁷

«Между Русским и Чувашским Мелекессом находится обширный и густой бор, где заведены огромные казенные винокуренные заводы и построены весьма порядочно и правильно».⁸

Завод просуществовал до 1849 г., когда он был закрыт, не выдержав конкуренции с частными винокуренными заводами. Заводы были построены на Куйбышевской ул. (старое название - Старозаводская улица) вдоль речки Мелекесски. Здесь же стояли мельницы, селились люди.

В окрестностях Мелекесса находятся еще 4 поселения, которые носят следующие названия: 1) Русский (в 12 км) или Старый Мелекесс (теперь колхоз «Власть труда»), 2) Верхний Мелекесс за Новой Майной (теперь колхоз им. Сталина) - в 15 км. 3) Новый Мелекесс (теперь колхоз «Красный Октябрь») за Черемшанским мостом - в 12 км. 4) Чуваши выселились за 16 км. и образовали Чувашский Мелекесс.

Все сведения, которые я буду давать дальше, касаются только самого Мелекесса.

⁵ Там же, стр. 136.

⁶ Протопопов в своем «Списке населенных мест Самарской губернии» говорит, что «Мелекесс б. основан лет 170 назад». Издание его работы относится к 1900 г. Следовательно, М. основан в качестве казенного винокур. Завода около 1730 г.

⁷ Лепехин, стр. 120.

⁸ Лепехин, стр. 121.

В 1860 г. было возбуждено ходатайство об учреждении городского положения. Прошло больше 15 лет, и 12 июня 1877 г. Мелекесс был переименован в посад Ставропольского уезда Самарской губернии.

В 1897 г., по данным всероссийской переписи, в Мелекессе было 8.476 человек обоего пола, обществ. банк, больница, училище, 8 мукомольных мельниц, винокуренные заводы, льнопрядильная и ткацкая фабрика. Уже тогда Мелекесс являлся центром торговли обширного района и был соединен особой железнодорожной линией со слободой Часовней, лежащей на левом берегу Волги, против г. Симбирска.⁹

В 1908 и 1909 г. были возбуждены ходатайства перед Столыпиным о переименовании Мелекесса в город и о переводе уездноземской управы из Ставрополя в Мелекесс, но на это последовал отказ.

С приходом советской власти город сильно вырос и изменился.

В 1918 г., в октябре, после изгнания белых и чехословаков, было проведено собрание революционного комитета партии для восстановления советской власти в г. Мелекессе и в уезде. Уездный исполнительный комитет признал, что необходимо перенести административное управление уездом из захолустного городка Ставрополя, находившегося на краю уезда, в центр, т.е. в Мелекесс который, действительно являлся к тому времени мощным экономическим центром. К началу 1919 г. Мелекесс был сделан центром уезда.

До 1929 г. Мелекесс входил в состав Самарской губернии. После организации Средне-Волжского края вошел в Ульяновский округ. В 1930 г. перешел в Куйбышевскую область, а в 1943 г. – в Ульяновскую область.

Неофициально Мелекесс получил название города вскоре после Октябрьской революции, а официально в 1939 году по постановлению Совнаркома с подчинением Куйбышевской области.

в) Название города.

Первые жители - чувашы селились на берегах Черемшана и Мелекесски в березовых рощах на сырых местах. Понятие о

⁹ Б.Энциклопедия, 1903 г.

березе, березках, молодых зарослях, вениках входит в состав имени города. Это утверждают старые чуваши. Точного и определенного ответа дать, конечно, не могу, но предание сохранило несколько вариантов, объясняющих самое название города.

1. Город назван в память первого поселенца Мелекеса, черемиса, который умер здесь и похоронен.

2. Первые поселенцы - 2 брата чуваша по имени Меле и Кес.

3. Жил чуваш Мелекеска, которой утонул. Его именем, якобы, названа р.Мелекеска. Отсюда и название города.

4. Милек - чувашское слово, обозначающее «веник».

5. Название города составилось из 2 чувашских слов: мелек - «веник» и кес - «вязать».

6. Мелекес - чувашское слово, обозначающее «гнилое болото».

Последнее объяснение довольно подходящее. Кругом много торфяных болот, обслуживающих Мелекес и в наши дни. Узкоколейка проведена специально на один из торфяников за 7 км от города.

2. КЛИМАТ

Климат - континентальный: сухое и жаркое лето с T° до 40° , суровая снежная зима с морозом до 40° и ниже. Пурга, метели, заносащие дороги.

Кое-как можно пройти около домов (особенно в центре города), но на перекрестках снег сбивается в высокие сугробы, которые надо мужественно преодолевать, идя грудью вперед и опираясь на высокую палку. Сколько раз приходилось терять галоши, надетые на бурки и даже подвязанные веревочками, обращаться в ближайший дом за лопатой и отрывать скрывающуюся галошу. Одно спасенье - в валенках. Старожилы рассказывают, что бывают такие зимы, когда маленькие домики за ночь заметает снегом, и хозяевам приходится утром буквально отрывать себя из-под снежных сугробов.

Зато весна быстро сгоняет снег. Если бывает дружная весна, то Мелекес сразу погружается, особенно на окраинах, в непролазный мокрый снег с озерами воды, часто незаметными на первый взгляд, куда неосторожный путник проваливается по колено.

Все ходят с мокрыми ногами. Никакие ботики и галоши не помогают. Но стоит жаркому солнцу 3 дня не тушить своего яркого фонаря, как вода уходит в землю, улицы высыхают, и из-под земли начинает бурно выбиваться молодая зелень.

Летом - палящее солнце и ветры. Мучительны суховеи - сухие воздушные течения - характерные для здешних мест. Тучи пыли стелются над городом. Малейшая искра грозит страшным бедствием.

Было издано постановление на летние месяцы: топить печи до 8 ч. утра и с 7 час. вечера, когда уже спадала жара. Во время сильного ветра топка была категорически воспрещена. Нам, северянам, было сначала даже непонятно такое «дикое» распоряжение, но когда мы сами услышали жушкое завывание ветра в трубе и на галерейках, увидели тучи пыли, мчавшейся вперед, порывы вихря, сваливавшего заборы, кружившего петухов и кур и разрушавшего ветхие, накаленные жаром крыши домиков, мы осознали предусмотрительность городских властей.

Зимний холод и летняя жара переносились легче, чем на севере, но постоянная перемена погоды, удивительно напоминавшей истеричную женщину, тяжело сказывалась на непривычных к этому организмам, даже на психике.

3. НАСЕЛЕНИЕ

В настоящее время преобладающее население по национальности русское, но много татар.

В давние времена эти места были заняты кочевыми племенами татар из так называемой Казанской «четверти», чувашей, мордвы. Лепехин так описывает население: «Жители по сей реке (Черемшану) разного происхождения. К устью ее есть Русские поселения, а от Мелекесса даже до вершины все пространство, включая Черемшанскую крепость, занимают новокрещенные мордва, чувашаи, казылбаши, т.е. вышедшие из киргизского плену Асситцы, как-то персы, хивинцы, бухарцы и прочие, принявшие православие и еще по своему закону живущие татара». «Татара всех между ими проницательнее и больше обрядны».¹⁰

¹⁰ Лепехин, стр. 137.

Из других племен старейшее - великорусское с конца XVII столетия. Религиозные гонения заставляли людей бежать в глухие леса и строить скиты. Раскольники и старообрядцы селились в здешних лесах большими семьями. Екатерина II поселила здесь немцев-колонистов для того, чтобы поднять уровень сельского хозяйства. Они так же, как и татары, крепко хранили свои национальные особенности. Здесь же селились украинцы, калмыки, черемисы, поляки, евреи.¹¹ Чувашаи до сих пор остались идолопоклонниками, номинально приняв христианскую веру. От мордвы остались 2 племени - «ерзя» и «мокша».

По-видимому, племена сливались с русским племенем и дали новую породу. Народ красивый, сильный, стройный. Особенно хороши женщины: красивые, дородные, полные здоровья. Все хозяйственные, домовитые; но они в большинстве случаев суровы в разговоре, эгоистичны и жестки по отношению к людям. Особенно жестки и придирчивы они по отношению к эвакуированным, которых считают виноватыми в трудной жизни во время войны. Не война – причина всех горестей, а «куированные», откуда-то наехавшие в их тихий Мелекес, на все «поднявшие цены» и стеснившие их привольную жизнь. Яркую характеристику мелекесских хозяек дает А.С. Ляпунова в своей сатирической сказке «Мелекес - страна чудес», помещенной в «Боевом листке» стенгазеты ГПБ.

Мужчины не так красивы и статны, но зато гораздо мягче по характеру.

Мальчики тоже резко отличаются от девочек. Они грубы, развязны, дерзки, бранятся самыми площадными словами. Даже мужчины боятся останавливать их. Это буйно растущее племя. Школа не всегда может наложить на них узду.

Девочки и девушки гораздо милее. Их хорошенькие или забавные личики приветливо смотрят на вас; они всегда заняты, помогают по хозяйству, учатся, наряжаются, успевают заняться и своими маленькими делишками.

Излюбленные имена - Гена, Юра; для девочек - Томочка, Нюра, Ася, Клава.

¹¹ Евреев, по Протопопову, в 1900 г. было только 9 человек.

Рост населения:

- в 1877 г. - до 5.000 человек
- “ 1897 г. - 8.476 “ (всеросс .перепись)
- “ 1918 г. - до 12.000 “ (в моменту импер. войны)
- “ 1926 г. - 17.600 “
- “ 1935 г. - 27.400 “
- “ 1937 г. - 29.494 “ (всеросс.перепись)
- “ 1941 г. - ок.36.000 “ (?)

С началом 2-ой Отечественной войны эвакуированные заполнили город. Имеются сведения, полученные официальным и неофициальным путем, но достаточно неправдоподобные. Так, за 1941 г. сведений нет.

Самая высокая цифра за 1942 г. - 6.142 человека, за 1941 г. - сведений не нашла.

1942 г. - 2.587 семей, всего 6.142 чел.(из них детей 1200).

I/XII 1943г. 1205 семей, всего 3.175 чел. (детей - 892).

16/II 1944г. 855 семей, всего 2.434 чел.

За 1/XI 1944 г. - 585 семей.

На май 1945 г. - 658 семей, всего - 1.574 чел. (из них мужчин - 230, женщин - 838, детей до 14 д. ~ 506, дети из Детского дома из Л-да - 116 чел.).

Последние сведения более достоверные.

4. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. КУЛЬТУРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОРОДЕ

В 1860 г. по инициативе населения была основана первая школа, где изучалась славянская азбука. В 1870 г. училось 4 мальчиков и 4 девочки. Занятия происходили в простой избе; по разным углам класса сидели «заветники» (т.е. изучавшие грамоту по Новому завету), «псалтирьшики» и «азбукники». На 1900 год было уже 5 учебных заведений, один клуб и ряд других учреждений. К началу империалистической войны было 8 учебных заведений (2 церковно-приходские школы, 1 приходская, 1 ремесленная, 1 высшее начальное училище, 2-классное мини-

стерское училище и 2 гимназии – мужская и женская). Учителей было - 50, учащихся - 1500 человек. В 1937/38 г. было уже 20 учебных заведений.

В настоящее время в городе имеется высшее учебное заведение - Учительский институт (с 2-годичным обучением), ветеринарный техникум, музыкальная школа, 6 начальных школ, 3 семилетки (1 мужская, 1 женская и 1 татарская), 4 средних школы (1 мужская и 3 женских), 1 вечерняя школа рабочей молодежи, тракторно-механическая школа и спортшкола. Дом пионеров занят временно грузом ГПБ.

В настоящий момент количество учащихся - 4.369 человек (в прошлом году цифра была больше, с отъездом эвакуированных цифра снизилась).

Количество педагогов - 218 человек.

Большой вопрос Мелекесского Горона - это вопрос об учебниках и тетрадях. Например, на класс в 30 человек приходится на год 3 немецких книжки. Каких же знаний можно требовать от учащихся! Лучше обстояло дело в 1944/45 г. в первых классах, где у каждого ребенка имелись на руках букварь и задачник, а в некоторых школах даже книга для чтения.

Тетради имеются только для классных работ. Они ревниво охраняются учителями, проверяются и прячутся в классных шкафах. Домашние задания делаются учащимися на листочках, газетах, пишут между строк в книжках, которые им удалось купить в Когиз'е, когда там бывает получена литература по сельскому хозяйству, промышленным или политико-просветительным вопросам. Однажды я видела малыша, который торжественно протянул ручонку с трехрублевкой и важно сказал: «Тетенька, дай вон ту, где сад». Он схватил ее и, не разглядывая, быстро ушел. «Зачем ему понадобилось разведение плодо-овощного сада?» спросила я. «Там совсем мало картинок». - «Как зачем? Да это ему для письма» - был ответ. И бедные дети пишут между строчек, выходит грязно, слепо, и еще более несчастные учителя проверяют так называемые «домашние работы». Даже в старших классах листки, обрывки - привычное явление. Наробраз должен суметь достать и правильно распределить книги и тетради. Покупать на базаре тетради в 12 страничек за 30-35 рублей в 1942 г. или за 15-12 и даже 5 р. в 1945 г. - немыслимо.

По городу раскинута сеть детских садов, числом 14 (7 городских и 7 организованных на предприятиях и артелях) и 2 детских дома. Существовала школа для глухонемых, но потом была закрыта. В настоящее время ее снова открывают.

На народное образование (начальное и среднее) в прошлом году было отпущено 300 тыс.рублей + 100 тыс.на ремонт. В этом (1945 г.) цифра та же. На всю просветительную работу в городе ассигновано около 3 млн рублей (2.887 тысяч).

В городе имеется драмтеатр, открытый еще до I мировой войны, кино, летний театр.

Имеется своя типография, носящая имя Аблова, молодого студента, одного из первых революционеров-коммунистов. В дни войны из-за отсутствия бумаги редакция газеты «Власть Труда», к сожалению, совершенно не обеспечивала газетой своих подписчиков (газета выходила раза 2 в неделю, 17-18 раз в месяц).

Считаю своим долгом сказать несколько слов о местном культурном деятеле - Степане Георгиевиче Дырченко.

Это бескорыстный общественный деятель в стиле Короленко, которому он, кстати сказать, поклоняется. С.Г. - энергичный бодрый старик (род. в 1875 г.), создатель ветеринарии в Мелекессе. Его именем названа первая ветеринарная лечебница, созданная им. Сотни тысяч прививок скоту сделаны его рукой. Он прекрасный педагог, ведет занятия с молодыми будущими ветеринарами, приезжими из округа, стараясь растолковать им, таким серым и малограмотным, сложную ветеринарную теорию с приложением на практике. С.Г. Дырченко с начала Октябрьской революции в течение 20 лет был депутатом Горсовета, живо откликаясь на все нужды Мелекесса, в котором он живет свыше 40 лет, напечатал много статей по своей специальности. С. Г. Дырченко за последние годы написал большие работы: «История Мелекесса» и «История ветеринарии в Мелекесском уезде», собрал материалы по истории города, его деятелей и т.д. Надо надеяться, что город сумеет достойно отблагодарить его за труды и примет меры к напечатанию его работ.

5. БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

В сущности говоря, это больной вопрос жизни Мелекесса. Книг нет. Один магазин КОГИЗ'а, всегда пустой, распределяет книги по нарядам. И к чему же приводит это распределение? Работники магазина (внимательные и культурные женщины) ничем не могут помочь учащейся молодежи. Букинистов, этих рассадников просвещения, которых так много в больших городах, нет ни одного.

Библиотечной сети, как таковой, нет. Есть библиотеки, разобщенные между собой.

Имеется Городская библиотека с книжным фондом в 15.675 единиц, но получить что-нибудь интересное трудно. Обычный ответ: «Не имеется. Выдано. Нет на месте». На мой вопрос о количестве читателей в данный момент я получила совершенно фантастический ответ: 3600 человек (!!), точнее, записано 3.600 человек. Читать многим детям нечего. Почему? По очень простой причине. В Городской библиотеке в отделе книг для детей требовалось при записи отдать какую-либо свою книгу (разумеется, не учебник). Многие, особенно среди эвакуированных, не имели «своих» книг и потому не могли включиться в мировую армию читателей. В 1944 и 1945 гг. это требование не применялось.

Библиотекой Парткабинета при Мелекесском Горкоме ВКП(б) - количество книг 5.882 и брошюр 6.332 - пользуется ограниченный круг читателей.

Большая сравнительно библиотека Учительского института доступна, за редкими исключениями, только педагогам и студентам. Но в этой библиотеке есть крупные пробелы: разрозненные собрания сочинений наших классиков, малое количество одноименных экземпляров, необходимых для работы, и т.д.

Когда наступили юбилейные дни в честь Грибоедова, то артисты, педагоги и учащиеся оказались в безвыходном положении: на весь город было несколько экземпляров «Горе от ума». Были случаи прихода в нашу Библиотеку готовившихся к юбилейной дате с просьбой дать почитать или сделать выписки для доклада или статьи здесь же на месте.

Привожу сведения, полученные из библиотеки Учительско-

го института: 1) всего книг и брошюр около 14 тысяч, 2) читателей - 283 человека, из них студентов - 241, преподавателей - 42.

Почти при каждой школе имеется своя библиотечка, из которой черпаются книги для классных передвижек. Эти библиотечки в высшей степени бедны книгами. Общее количество книг школьных библиотек для внеклассного чтения - 1.394 экземпляра. Кроме того, имеется библиотека при Методкабинете.

При фабриках и заводах имеются свои маленькие библиотечки.

Имеются частные библиотеки у врачей, по большей части с медицинской литературой, но они, само собою разумеется, недоступны для населения.

Общий крик: «Нет книг! Нечего читать! Все прочитано!»

При военных госпиталях в дни войны организовались библиотечки, которыми руководили библиотекари. Жажда книги, нового журнала, газеты громадная, особенно у только что прибывших из пекла войны, а также у тех, кто уже оправился от тяжелых болезненных переживаний тела и хочет приложить уста к живительной книжной влаге, но велико бывает их огорчение, когда приходит библиотекарь и сокрушенно дает отрицательные ответы на их читательские запросы. Книг мало, почти все с вырванными страницами, без начала и конца, классиков почти нет.

Сотрудники ГПБ обследовали ряд библиотек и установили жалкое состояние и низкий уровень местных библиотечных работников. Тогда были организованы краткосрочные курсы по повышению квалификации библиотекарей.

6. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ. БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДА

Старожилы рассказывают, что раньше Мелекесс был очень здоровой местностью, и сюда приезжали жители ближайших городов, как на дачу. Привлекали могучие сосновые леса. Но незаметно легочные больные внесли заразу, и сейчас в Мелекессе свирепствует туберкулез. Организованная борьба с ним началась в 1924 г.; когда был основан Туберкулезный диспансер.

Такая же привычная и ходовая болезнь - малярия. Город начал вести с нею борьбу, основав в 1933 году Малярийную станцию, наметил ряд профилактических мер: очистку прудов и речки Мелекесски, устройство водопровода и канализации, но пока население страдает от этой тяжелой болезни.

Когда эти задачи будут перенесены Горсоветом со страниц протоколов в жизнь, когда заболоченная местность будет высушена и обезврежена, тогда, надо надеяться, жители перестанут употреблять готовый словесный штамп для обозначения своего привычного недомогания. Это слово - «трясет».

Привожу в высшей степени скудные сведения, добытые мною, о лечебных заведениях Мелекесса в прошлом: земская больница, переименованная потом в Городскую советскую больницу, в 1941 г. праздновала свой 75-летний юбилей (основ. в 1866 г.). Поликлиника основана при советской власти.

Сеть лечебно-профилактических учреждений города в 1945 г.: Горбольница, Поликлиника, Лаборатория, Детконсультация, Детамбулатория, Молочная кухня, Тубдиспансер, Скорая помощь, Вендиспансер, Малярийная станция, № 1 и 2, Дом ребенка, Дезопункт, Санэпид. станция, Молочно-контрольная станция, Женконсультация, Родильный дом, Туберкулезная больница. Была школа медсестер; должна быть открыта школа медицинских фельдшеров.

Рост бюджета здравоохранения:

1939 г. - 1.813.200 руб.		
1940 г. - 1.898.800	В 1945 г.	
1941 г. - 2.071.900	врачей -	48 чел.
1942 г. - 1.785.000	прочих работников -	302 чел.
1943 г. - 2.149.400		
1944 г. - 2.359.800		
1945 г. - 2.330.100		

В 1884 г. был приглашен первый ветеринарный врач, и тогда началась борьба с чумой скота.

Благоустройство города.

Цитирую из «Ульяновской Правды»: «В текущем году (на 1945 г.) на нужды коммунального хозяйства и благоустройству города отпущено 528 тысяч рублей, в том числе 400 тысяч на капитальное строительство; 240 тыс. рубл. - на капитальный ремонт жилого фонда, 40 тыс. - на сооружение мостового хозяйства, 75 тысяч - на прокладку новых и ремонт существующих тротуаров и подъездов, 35 тыс. рублей - на озеленение города».

Намечено построить городскую прачечную (она строится уже 4-ый год), 1 буровой и 5 шахтовых колодцев, прорыть 10 тыс. погонных метров водосточных канав (при помощи предприятий, учреждений и населения), начать строительство сквера на ул. Куйбышева.

На водопровод и канализацию в 1944 г. было отпущено 94 тыс. рублей, но город израсходовал только 31 тысячу. В апреле 1944 г. сессия Мелекесского Горсовета депутатов трудящихся «обязала Горкомхоз отремонтировать все имеющиеся в городе колодцы и построить один новый. Но это решение оказалось невыполненным».¹²

7. ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕЛЕКЕССА

На старинных картах России Мелекесс обозначен, как г. Молес. Иностранцам этот город был известен давно, как «золотое место». Почему? Потому что отсюда шла лучшая белая мука, мед, дубовая клейка, дубильный экстракт, меха, уголь и ряд других товаров.

Обширные леса покрывали всю область. Лесничества казенные и удельные охраняли лесные богатства. В лесах водились лоси, барсуки, пушные звери, в реках - рыба, всегда процветало пчеловодство. Население занималось рядом промыслов: деревообделочным, смолокурением, дегтярным, угольным, рогожным, пушным, рыбным. Торговля росла и развивалась.

Крупные купцы, завладевшие винной и мукомольной торговлей, поставили водяные мельницы и гнали на плотках по Черем-

¹² «Ульяновская правда», 10 марта 1945 г.

шану муку и лес. Кожевенная промышленность обосновалась на речке Поташке.

Железная дорога была проложена от слободы Часовни до Мелекесса при энергичном содействии здешних богачей Марковых для их промышленных операций. В 1913 г. железную дорогу провели от Симбирска до Бугульмы, а потом соединили с Уфой.

Декабрьская ярмарка славилась так же, как Нижегородская. Урал, Сибирь, Крым и Кавказ слали сюда свои товары. Возы с мукой занимали всю Старозаводскую (теперь Куйбышевскую) улицу от мельницы и Старого базара (теперь сада с памятником Ленину) и до нынешних бань.

Хлебные лабазы в дореволюционное время занимали громадное пространство, занятое сейчас Домом Советов и площадью Советов. 1 ф. черного хлеба стоил 11/2 коп., 1 ф. белого хлеба - 3 коп., калач - 5 коп. «Вы таких не едали у вас в Ленинграде» - лакомо говорила одна старожилка Мелекесса. Лянгер - был знаменитый кондитер, славившийся своими кондитерскими изделиями. Лучшая мука была 5 сортов: голубая, красная, зеленая и т.д. Но зато город всегда был беден в отношении мануфактуры. Марковы, Таратины, Бурковы, Федоров, Зайцев и другие были местные крупные тузы, которые до Октябрьской революции ворочали громадными капиталами.

В 1924 г. была устроена обширная Мелекесская сельскохозяйственная выставка. Цель выставки - проверить, как после страшной голодовки город и район смогли перестроиться с точки зрения сельской промышленности. Выставка была богатая. Хорошо было представлено животноводство, сельскохозяйств. культуры, текстильное, рогожное, бондарное и иные производства. Результат был положительный: промышленность и сельское хозяйство были восстановлены.

На 1937 г. в городе было 34 предприятия с рабочими и служащими до 16 тыс. человек, 2 лесопильных завода и т.д.

В настоящее время город имеет обширную сеть промышленных и торговых предприятий: Лито завод, Лесозавод им. Ленина, Крупозавод, Главмука, Льнокомбинат, Льнопеньковский завод, Заготзерно, МТС; Пивзавод, Промкомбинат, Конный парк артели «Путь Ленина», Заготскот, Бойня, Агроресопитомник, собств. Нефтебаза, 2 торфоразработки.

8. ОПИСАНИЕ САМОГО ГОРОДА

а) Местоположение.

Город расположен очень живописно. Он лежит как бы в котловине, растягиваясь до полотна ж. дор., станция же лежит значительно в стороне. С одной стороны он как бы опирается на возвышенность, поросшую прекрасными соснами, а с другой поля и луга. За ними несет свои быстрые и холодные воды Черемшан, который в половодье разливается на целые версты. Железнодорожный мост красиво вырисовывается на горизонте своими легкими белыми линиями, но он недоступен для перехода. Имеется только один большой деревянный мост. Черемшан не скован набережными. Берега его покрыты лесами¹³, лесочками, изрыты оврагами красной глины и песка, розово-золотистыми при заходе солнца, а по другую сторону лугами и белыми песками.¹⁴

Когда наступает весна, строятся легкие длинные мостики: колья, 2-3 бревнышка и трепешущие перильца. Мосты строятся только на летний сезон, в сущности, для пастухов, за которыми здесь, как и везде, ухаживают, т.к. они пасут стада коров и коз: почти в каждом доме имеются Мирошки, Катьки, Белки и т.п. Эти мостики к концу лета разваливались, оставались без перил, но привычный народ смело идет по колеблющимся доскам, иногда склонившись в три погибели, нагруженный длинными ветками хвороста, а иногда и целыми стволами берез и осин с привязанным к ним топором. Даже слепые старушки идут по этим мосткам; их обгоняют юркие мальчишки и деловитые хозяйки.

На горизонте стоят синеватые и лиловатые массивы далеких лесов¹⁵. Так называемая «Горка» покрыта чудными соснами, всегда радующими взор, т.к. они красуются в самых разнообразных одеждах: то зеленеют, то покрыты белым кружевом, то надевают на себя шапку-невидимку, скрываясь в облаках густой пыли

¹³ Лепехин, стр.137. «Кроме великого бору, который продолжается хребтом вниз по течению реки Волги, много есть красного лесу при Мелекессе; а для топления находится черного лесу в перелесках и на самой луговой стороне Черемшана».

¹⁴ Лепехин, стр.136. «Места по луговому берегу, весьма равные и сухие, земля тучная и хлебородная. В берегах есть много простой и вязкой глины, которую жители берут на свои потребности».

¹⁵ Леса, окружающие Мелекесс, вырубались безжалостной рукой. Говорят, что право на вырубание лесов использовано Мелекессом на 11 лет вперед.

или в сизом тумане в поздний вечерний час. Здесь, в гуще могучих стволов, была проведена 1-ая Маевка в 1905 году.

Мелекесс окружен рядом поселков: на севере - Горка, на сев.- зап. - Осиновая роща и железнодорожный поселок, на западе - Первомайский поселок, на юго-зап. - Зайцев поселок, за последними домами которого Мелекесска впадает в Черемшан.

б) Центр города.

В центре города красивый темно красный кирпичный Собор во имя Александра Невского, теперь занятый под склады, построенный в 1893 году. С его высокой стройной колокольни рука недремлющего сторожа неуклонно отбивает быстро бегущие часы нашей жизни. Это единственные часы, обслуживающие весь город¹⁶. Архитектор, строивший собор, поставил его очень удачно. Он отовсюду виден и служит для жителей своего рода компасом, с помощью которого легко ориентироваться. Куда бы вы ни пошли, высокая стрельчатая колокольня четко выделяется на чистом небе и даже обвитая туманами все же укажет вам путь-дорогу¹⁷.

За церковь, точно пышная мантия, раскинулся «Детский парк культуры и отдыха имени Прониной» (здешней учительницы, депутата, убитой преступной шайкой). Две деревянные раскрашенные фигуры пионера и пионерки стояли до 1945 г. у входа. Ребятишки, главным образом из детских садиков, резвятся около высокой клумбы с цветами, бегают по немногочисленным дорожкам и прячутся в разных замысловатых голубых беседках, разбросанных по саду. В них и около них кучи грязи, но они не смущают никого - ни ребятишек, ни санинспекцию.

Большая площадь окружена белыми каменными 2-этажными домами с легким изящным орнаментом. Напротив церкви через площадь большое массивное здание в 2 этажа - «Дом Советов», где помещается Парткабинет при Горкоме, Центральная сберкасса, Горкомхоз и другие учреждения. Направо б. «Дом учителя»; теперь это Мелекесское отделение ГПБ. Солид-

¹⁶ Правда, этот «недремлющий сторож» бьет в колокол не всегда ровно, иногда даже прибавляя удары; так, например, однажды в полдень все услышали бой «13» часов. Это только повеселило жителей, но никакой беды не произошло.

¹⁷ По словам одного наблюдателя, колокольня однажды скрылась из наших глаз. Это было зимой 1942 года при 55° мороза, стоял густой туман.

ный белый двухэтажный дом с зелеными железными ставнями на окнах и дверях. Раньше помещения нижнего этажа были заняты магазинами. В наше время они были заставлены ящиками с книгами. Мы скоро привыкли к старому названию этих помещений и легко оперировали ими: «Я иду дежурить в магазин»; «Надо принести ящик с книгами из магазина» и т.п.

Дальше успокоительная надпись «Аптека». Только надпись успокаивает. Если вы войдете в нее, то скоро разочаруетесь: кроме стола, покрытого кумачевой скатертью, на котором стоит кадучка с развесистым фикусом, нет ничего, радующего взор.

Служащие скрываются за окошечками, т.к. им надоело отвечать, что в аптеке ничего нет, что машина, посланная в Ульяновск за лекарствами, еще не вернулась, что требуемое лекарство без визы Горздрава не выдается и т.д., и т.д.

Посреди площади вплоть до окончания войны, стояла высокая деревянная трибуна, выкрашенная в красный цвет.

Планировка улиц очень стройная и простая, разобраться в ней не трудно. Но нас вначале очень забавляло, что куда бы мы ни шли из «Дома учителя», нас направляли по 2 адресам: «за угол направо» и «за угол налево». Действительно, если мы шли «за угол направо», то попадали в аптеку, городскую библиотеку, в поликлинику, скорую помощь, типографию, детскую больницу, на вокзал и т.д. Если шли «за угол налево», то попадали на почту, телеграф и телефон, в банк, в пожарную часть, в городской сад, Учительский институт, на Горку и т.д.

в) Дома. Внутреннее расположение.

В центре города сосредоточены главные здания: суда, милиции, Горисполкома, Дом пионеров, Гостиница и др. Это типичные одно- и двухэтажные каменные здания. В городе нет зданий в 3 этажа, за исключением лишь Учительского института, находящегося на Горке, Крупозавода, Главмуки в 5 1/2 Этажей, высокого Элеватора за городом и Электростанции.

XX век украсил Мелекес несколькими большими изящными домами, как, например, б. Мелекесское педагогическое училище с его лепными гирляндами цветов (теперь госпиталь), Школа культпросветработников с высокими светлыми комнатами (теперь тоже госпиталь), Мелекесский драмтеатр с его стрельчаты-

ми готическими башенками, Госбанк, Дом Советов, I-я мужская школа перед Стадионом, рядом с нею - Детский сад и другие.

Кроме этих солидных зданий, по городу раскинут ряд б. "собственных" домов, превращенных в жактовские дома или отданных под разные учреждения. Так, например, Городская библиотека помещается в прекрасном уютном особняке. Это обычно одноэтажные домики, каменные и деревянные, со своеобразным входом, крыльцом, иногда богато украшенные замысловатой резьбой; двор, обычно пустой, иногда лишь заросший деревьями, рядом такой же прочный, но маленький каменный дом в одно оконце - не то помещение для дворника, не то крепкая "камора" для хранения запасов муки и прочей снеди.

Преобладают дома - избы: "шатровые" и дома "связи", т.е. с 4 скатами и с двумя. 3-5 окон выходят на улицу. Окна и двери украшены примитивной резьбой. Крылечки разных фасонов - с навесами и без них, со скамейками и без них, с перильцами или просто площадкой. Скамьи около домов - редкое явление. Крылечки являются своего рода "гостиной", где собираются по-калякать в летние вечера хозяйки и молодежь. Чаше на окраинах, а иногда и в центре попадают домики и лачуги в два и даже в одно окошечко.

На углу улицы III Интернационала и Кузнечной стоит большой двухэтажный белый дом. Штукатурка осыпалась, каменные колонны облезли, каменное крыльцо облупилось, балкон сломан. Громадные ворота (вернее, глубокий, высокий и темный свод) ведут в грязный двор. Рядом стоят приветливые деревянные домишки. Он же возвышается над ними и мрачно глядит на улицу своими 15 окнами, грязный, жуткий. Он напоминает ленинградцам страшные мрачные дома с трушобами, которые мастерски описывал когда-то Достоевский, и те занимательнейшие экскурсии по "Петербургу Достоевского", которые проводил проф. Анциферов.

Нельзя обойти молчанием высокие заборы около домов и своеобразную архитектуру мрачных высоких ворот с двумя большими столбами с покрытием и грубой резьбой. Так и кажется, что за такими воротами в давние времена томились боярышни. Преобладающий строительный материал - дерево.

Дважды Мелекесс страдал от страшных пожаров и выгорал

почти дотла - в 1870 и в 1889 году. В первую зиму пребывания ГПБ в Мелекесе был пожар напротив библиотеки, жестоко напугавший всех, а также в Учительском институте, где хранился груз. В 1943 г. был большой пожар на Куйбышевской ул. (сгорело 27 домов). Наконец, летом 1945 г. нам пришлось наблюдать страшный пожар на Главмуке.

Пожары всегда тревожили городскую администрацию, но без водопровода тяжело бороться с огненной стихией. Правда, по городу раскинута целая сеть замаскированных противопожарных водоемов. Кроме того, на широких улицах и площадях стоят колоссальные чаны (числом 13), наполненные водой (некоторые же из них пустые), но этого недостаточно. Наливка чанов происходит два раза в год. В апреле 1945 г. Горкомхоз уплатил возчикам за эту работу 2.625 рублей.

После окончания войны, возможно, осуществится давно назревший вопрос о водопроводе и канализации¹⁸. Есть ряд проектов. Один из них таков: построить специальный водоем на Горке с водоподъемной башней, чтобы оттуда шли потоки воды, неся с собой чистоту, культурную жизнь, здоровье и спасение от огня.

Внутреннее расположение комнат почти во всех домах одинаковое: через крылечко вы попадаете на галерейку, входите в избу, кухню, построенную прочно, основательно, с большой русской печью и «голландкой». Прямо из кухни или через коридорчик вы попадаете на парадную половину (мы бы сказали - дачную, летнюю постройку), которая обычно разделена на 3 части: главная комната «передняя» в 2-3 окна, выходящая на улицу, с занавесками, цветами на тумбочках с парадной постелью и горой подушек, положенных наискось; одна или две комнаты по бокам в одно окно. Эти 2-3 комнаты разделены дверями, но обычнее занавесками. Посредине поставлена «голландка» на самом неудобном месте – в проходе или в темном углу¹⁹. Везде имеются двойные рамы, но форточек - нет. Едва ли

¹⁸ Имеется только две канализационные сети (при 2 госпиталях и частично при фабрике им. Клары Цеткин).

¹⁹ Необычная распланировка недопустима. Когда одному из сотрудников ГПБ понадобилось поставить временную перегородку не с обычной стороны, то хозяйка решительно запротестовала: «Я избу обалаганить не дам». По этой же причине другой сотрудник, дорожа честностью хозяев, прожил 3 года в проходной кухне, так и не получив права поставить временную перегородку, и защищал себя от любопытных взоров двумя растянутыми на веревке рабочими халатами.

найдется 5-6 десятков домов, которые откликнулись на это излишнее требование современной цивилизации: помещение изрядно проветривается и без форточек. Сырость на стенах, плесень, даже снег на плинтусах обычны в помещениях, где незональные «куируемые» плохо отапливают свои комнаты. До войны, когда город был завален дровами, такая картина не наблюдалась: хозяева жили одни и топили вволю.

Около домов хозяйственные постройки, небольшие огороды, дающие обычно прекрасный урожай. Земля тучная, плодородная. Еще Лепехин в конце XVIII века отмечал, что «по тучности земли, какая около Черемшана примечается, жители ни в каком удобрении нужды не имеют: ибо она без всякого удобрения с лихвою все произрастает»...²⁰

г) Здания, где хранились сокровища ГПБ.

Перед администрацией Мелекесского отделения ГПБ стояла большая задача: получить хорошие дома для драгоценного груза.

По приезду выяснилось, что нам было предназначено прекрасное здание Школы политпросветработников, но оно уже было отведено под госпиталь. Упорные поиски и хлопоты привели к тому, что нам были предложены 3 каменных здания. Первое из них «Дом учителя» на Самарской ул., д. 6, в самом центре города около Собора, второе «Дом пионеров» на площади Советов, д. 5. Эти два каменных здания вполне удовлетворяли нас в противопожарном отношении и были расположены неподалеку друг от друга. Третий дом был далеко - на Горке. Библиотеке отвели часть здания, где помещался Учительский институт. В январе-феврале 1942 г. нам было предложено «уплотниться», т.к. Институт был предоставлен НАТИ, и груз был переправлен в «Дом учителя». Помещения освободились для принятия груза уже при нас. Из «Дома учителя» вывозилась библиотека, очищался магазин от товаров, а из «Дома пионеров» вывозились разные игрушки и принадлежности для разумного развлечения молодежи.

«Дом учителя» принадлежал купцу Коробову и выстроен в 1912-18 году. Наверху была его квартира, а в нижнем этаже был большой магазин железно-скобяных товаров. Он стоит на главной площади города. Это угловое каменное здание в 2 1/2

²⁰ Лепехин, стр. 141.

этажа, выходящее одной стороной на ул. III Интернационала, а другой - на Самарскую улицу.

I этаж занимает громадный зал, так называемый “магазин”, где стоят наши ящики с книгами. Под ним подвал, раньше пустой, а в 1944/45 г. занятый овощами сотрудников. Громадные окна и двери закрыты массивными железными ставнями, окрашенными в зеленый цвет.

В летние солнечные дни ставни открыты, дверь распахнута, на крылечке просыхает очередной ящик, освобожденный от книг, а у самой двери за столиком сидит наш хранитель рукописного фонда и строчит “накладные” в ожидании прихода за книгами библиотечарей и технических сотрудников с самодельными носилками.

Деревянная лестница ведет во II этаж. Маленькая площадка с каменным полом и крохотной кухонькой, темный узкий коридор с 5 дверями, которые ведут в рабочие комнаты и склады книг.

Первая дверь в канцелярию (местные жители упорно зовут ее “конторой”), куда частенько заходят по ошибке за инвалидным пособием, талоном на воду и т.п. нуждами. Канцелярия - большая комната в 3 окна, в 40-50 метров.

Обстановка более чем скромная. Большой лозунг над окнами, портреты вождей, часы, плакат с видом Ленинграда, очередной № «Боевого листка», 3 географические карты в рамках, карта Ленинграда и карта военных действий на западе, начерченные рукой В.И.Гранского, письменный стол, за которым заседает президиум производственных и иных собраний и развешивается хлеб для сотрудников, 6 рабочих столов, заваленных книгами Реставрационной группы и Русского фонда, длинная скамья, уставленная 20-ю книгами Большой Энциклопедии, которая называется «Справочным Отделом ГПБ», разнокалиберные стулья, скамьи и табуретки. В углу налево вешалка, умывальник, самовар, керосинка на убогом табурете и «груда» (печь), сложенная приезжим «профессором - печником» - вот и вся обстановка комнаты, где целый день толпится народ, работает, совещается о производственных и своих нуждах, отдыхает, завтракает и снова работает.

Комната №2 в два окна разделена перегородкой: в одной половине - помещение директора, в другой - кабинет директора.

Угловая комната №3 с 6 окнами на улицу, светлая и сухая, не раз использованная для выставок, заполнена ящиками с книгами. В солнечные сухие дни там расставляются уже очищенные и реставрированные книги: они просыхают и проветриваются.

Комната № 4 рядом в 2 окна тоже загромождена ящиками с книгами.

В глубине маленькая комнатка № 5 с дверью, ведущей на чердак.

Первая дверь налево по коридору - «каменная» комната №6 с бетонированным полом с ящиками, главным образом, рукописного фонда.

Верхний этаж занят одной большой комнатой, тоже с каменным полом, где помещается пост военизированной пожарной охраны.

«Дом пионеров» на площади Советов, № 5 - принадлежал купцу Борнгребер, построен около 1912-1913 года. Наверху было помещение хозяина, а низ занимало хорошо оборудованное колбасное заведение. Подвал был забетонирован, наполнен льдом. Это - двухэтажное (точнее, в 2 1/2 этажа) каменное здание с 2 входами - парадным и черным, с узенькой почти перпендикулярной лестницей, по которой так трудно было поднимать и спускать ящики. В верхних и нижнем этажах - наши «магазины». В верхнем этаже прекрасный зал с 7 большими окнами и довольно большой сценой. Там ставились спектакли и проводились заседания. Там же 3 небольшие комнаты с балконом. В среднем этаже 2 большие комнаты, занятые грузом, и казенное помещение для хранителя фондов (комната) и помещение для технического сотрудника ГПБ.

Нижний этаж занимает большая комната с маленьким чуланчиком. Стены уложены белыми изразцами.

К сожалению, неудовлетворительно окружение домов - кругом деревянные постройки и деревянные лестницы; в подвале «Дома учителя» - рыбный склад, а в «Доме пионеров» внизу в течение 2 лет находился пекарный цех Хлебозавода, от которого очень нагревалось помещение «магазина».

В пожарном отношении администрация поспешила обеспечить себя песком, огнетушителями, бочками с водой и снегом, а вслед затем военизированной охраной НКВД, бесценно де-

журившей при Библиотеке днем и ночью. Главная беда - отсутствие водопровода. Система отопления в Библиотеке несложная: небольшие печурки, в которых хорошо и ярко горели дрова, которые, однако, не могли согреть большого помещения, и зимой при холодах T° опускалась ниже 0.

Так же неблагоприятно было и со светом. Сначала электричество давалось, но через год (в 1942 г.) электричество было выключено, и Библиотека была принуждена работать и зимой при естественном дневном свете, что значительно сокращало служебный день.

Д) Улицы.

Город разбит широкими прямыми улицами на правильные прямоугольники. Местами на перекрестках улицы сливаются в прекрасные широкие площади, необходимую принадлежность каждого хорошего города. Местами улицы прихотливо извиваются в зависимости от железной дороги и прудов с речками. Все улицы немощеные, за исключением очень немногих. Улицы на краю города сплошь покрыты травой. Многие из нас, жившие, по словам местных жителей, «далеко» от центра (10-15 минут ходьбы), пользовались благодаря этому привольем деревенской жизни.

Деревянные мостки, заменяющие тротуары, в порядке только в центре города; чем ближе к линии жел. дороги или к Горке, тем мостки реже, и люди с удовольствием идут летом по уютным тропочкам, проложенным в зеленой траве. Но осенью эти уютные тропочки превращаются в вязкую грязь, из которой прохожий с трудом вытягивает ноги, а поскользнувшись, попадает в громадные лужи, т.к. стока для воды нет.

Канавы и канавки вдоль мостков, обычные у нас на севере в дачных местностях, здесь отсутствуют. Хозяева ленивы, не думающие о своем, а тем паче об общественном благе и ругательно ругают администрацию города. По всем домам лихо поминают Горисполком в жуткие дни весенних дождей и таяния снегов.

Рассказывали, что одна ретивая бабушка привезла внучку в корыте до самой школы. В такие дни школы на окраинах пустовали. На Черемшанской улице хозяйка дома, вернувшаяся

днем с дежурства, не могла подойти к дому, т.к. он стоял в озере воды. Она кричала до тех пор, пока услышали соседи. Предприимчивые мальчишки перевезли ее на салазках. Одну почтенную докторшу переправляли «на кукорках», т.е. на спине. Этот способ перехода через великие мелекесские грязи приходилось наблюдать не раз и не два. В одном месте дети устроили импровизированную переправу: перевозили «богатых» пешеходов с одной стороны улицы на другую за 5 рублей. С одной путешественницы им удалось сорвать 10 рублей, т.к., довезя ее до середины улицы, они пригрозили ее «высадить», если она не прибавит еще пятерки. Пришлось согласиться.

Названия улиц отражают старый и новый быт: улица Пушкина, Садовая, Луговая, Лесная, Суходольская, Крестьянская, Пугачева, Лермонтовская, ул. Толстого и другие говорят сами за себя. Любопытно, что до сих пор сохранилось название одной улочки на окраине - «Парадизова». Зайцев поселок (в просторечии Заячий поселок), своим названием напоминающий ленинградцам далекий Заячий переулок под Смольным, получил свое имя от местного купца Зайцева, поставившего там Кожевенный завод. Главная улица поселка, теперь сплошь заросшая густой травой, называется Кожевенной.

О новом быте говорят улицы Первомайская, Ленинская, Кооперативная, Комсомольская, площадь Советов, ул. Хмельницкого (в честь здешнего революционера), ул. Неверова (в честь писателя) уроженца села Новиковки Мало-Кандалинского района), ул. Маяковского, Аблова (б. Никольская) и другие.

Евгений Николаевич Аблов, энергичный молодой член партии, погибший под Казанью в борьбе с белыми, в 1918 г. сплотил в одно целое большевиков, беспартийную интеллигенцию и рабочих и был первым редактором газеты «Известия Мелекесского Совета рабочих депутатов»²¹. Именем Аблова названы типография и улица, где жила его семья, одна из культурнейших семей города.

Эта улица памятна всем нам, т.к. там жила наша «Абловская коммуна». Город отвел на этой улице помещения на кухнях для I группы сотрудников ГПБ, откуда многие потом переехали на другие квартиры. Часть сотрудников II группы тоже поселилась

²¹ В 1917 г. выходила первая газета под названием «Рабочий».

на Абловой улице или на близлежащих улицах. На углу Абловой и Кооперативной мы долгое время пользовались общественной столовой.

е) Озеленение.

Работа по озеленению города необходима. Город, выстроенный на месте глухого бора, в настоящее время почти без зелени, все вырублено. Плакучие ивы и березы красуются только вдоль Мелекесски, около прудов. Единственная зеленая улица - улица III Интернационала (б. Большая) с длинным бульваром посередине. Ограда в настоящее время полуразрушена, деревья пообломаны, но буйно и красиво кудрявятся.

На улице Куйбышева разбили небольшой сквер около памятника Ленину, но жители им почти не пользуются, не любят цветниками и не отдыхают на удобных скамейках. По вечерам все тянутся к Городскому саду на ул. III Интернационала, где молодежь танцует под звуки оркестра на деревянной эстраде.

О садиках, цветниках, плюше - говорить не приходится. Народ удивительно равнодушен к красоте около своего дома. Редко увидишь сквозь шель в заборе темно малиновые кусты георгин, посаженные рядом с капустой, или пестрые головки мака.

Некоторые хозяева с эстетическими наклонностями делают перед домами высокие клетки-загородки; в них заключены деревья, деревца и кустарники. Но зелень окружена такими крепкими заборами и из толстых досок, что они могли бы защитить не только от коз, но и от стада бегущих буйволов. К сожалению, такое озеленение мало украшает город.

Редко бывают украшены окна лиловой фуксией или алой геранью. Молодежь любит не растить, а собирать в лесах и на полях растущие цветы. Весенний сезон открывают крокусы, или, как здесь говорят, подснежники. Их пушистенькие серые и лиловые головки привлекают к себе все «зазимовавшие» сердца.

Каждую весну начинается шумиха по озеленению города. Уличные комитеты собирают деньги на молодые деревца, роются ямы и т.д. - и не пройдет месяца, как стоят голые палки, изглоданные козами. Горкомхоз каждый год тратит боль-

шие суммы денег на озеленение (добывание деревцов из питомника, возобновление неуклонно разрушаемых жителями изгородей и т.д.). Весной 1945 г. было потрачено на озеленение - 3.700 рублей.

ж) Освещение.

Мелекесс освещался до революции 12 керосино-калильными фонарями. Перед войной город имел 50 электрических фонарей и до 300 освещенных электричеством домов, не считая световых точек Литзавода, мельниц, Лесозавода, жел.- дор. станции и прекрасного двухэтажного бригадного Дома - клуба при станции.

В 1939 г. было решено поставить 200 фонарей, но война ввела затемнение. Город к вечеру бывал погружен в темноту, приказ о затемнении прикрыл своим темным плащом и Мелекесс. Через занавесочки еле светились тусклые коптилки и мигалки. Прохожий радостно двигался из глубокой тьмы по направлению к окошку, незаконно бросавшему яркую золотистую полосу на снег и удивлялся беззаботности хозяина, нарушавшего постановление властей.

Электростанция и 2 гидростанции работали для освещения города. Некоторые учреждения имели своих местных электродвигателей (Главмука, Заготзерно, ряд госпиталей), но вся масса населения жила и двигалась в жуткой темноте, пользуясь лишь коптилками. Зимой 1943/44 года и раньше керосин стоил на рынке очень дорого - до 180 рубл. за литр. Весной 1945 г. он стал дешевле, дошел до 15-12 рублей за литр.

з) Глушь.

В темные зимние вечера страшно ходить по окраинам. Волки забегают на полотно жел. дороги и на далекие от центра улицы. Одного прохожего преследовал волк. В дом, куда он постучался, его не пустили. Он забрался на крышу крылечка и просидел там несколько часов, пока волку не надоело напрасно скалить зубы.

Ужасный случай рассказывал нам начальник пожарной охраны. Женщина с годовалым ребенком на руках возвращалась зимой из окрестной деревни в Мелекесс. Было около 4 час. дня,

уже стемнело. Она шла по Ерыклинской дороге. Недалеко от города, около Пригородного хозяйства, на нее напала стая волков. Она всячески отбивалась, прикрывая ребенка, но была жестоко искутана. Какой-то прохожий услышал ее крики и разогнал волков. Он предложил ей помочь дойти, но она так изнемогла, ноги были так покусаны, что она не могла идти и только умоляла его спасти ее дитя. Прохожий взял ребенка и спешно пошел в город, чтобы позвать на помощь людей и известить ее мужа. Народ быстро собрался, раздобыли лошадь, но когда подъехали к тому месту, где осталась женщина, то обнаружили, что спастись уже было некого: бедная мать была разорвана на куски стаей волков.

Нападения волков на людей и скот заставили организовать настоящую борьбу с ними по всей Ульяновской области. Были назначены большие премии за каждую голову волка. Охотникам выдавались в награду коровы и телки.

9. БЫТ

а) Уличная жизнь.

Если у вас есть время, станьте на углу Кооперативной и ул. III Интернационала или на площади около Собора, и вся жизнь города пройдет перед вашими глазами.

Вот едут самодельные санки-ящик, наполненный караваем черного, серого или комбинированного хлеба. Их везет круглолицая Ася, которой помогают женщины, не прикрепленные к ее «торговой точке», которые за свою помощь получают у нее в первую очередь хлеб по карточкам. Их лица сияют: им удалось сегодня легко получить хлеб, не надо стоять в длинной сбивающейся и бранящейся очереди. Зимой 1944/45 г. стало легче с выдачей хлеба. Летом же колоссальные вереницы детей и взрослых стояли у закрытых окошечек под палящими лучами солнца, а изнемогшие от жары сидели на противоположной стороне улицы в тени домов и заборов. На добывание хлеба уходило несколько часов в день. Счастливы были те, кто вышел из рядов «неорганизованного населения» и получал свой паек через учреждение. Проносится ватага мальчишек с криком: «В дежурке дают кух!» и очередь сбивается: и дети, и матери мчат-

ся за «кухом». Это большие плоские хлебцы в виде пирогов без начинки, посыпанные сладковатой мукой, обычно горькие, но менее вредные для людей с больным желудком.

Перед входом в мастерскую по ремонту одежды группа девчонок: привезли дрова. Пилят тут же на улице; одна маленькая раскалывает большое березовое полено, лихо взмахивая топором, а подружки смотрят, ожидая своей очереди. Но вот появляется заведующий, разгоняет зрителей и начинает сам расправляться с поленьями.

Бодрым шагом ровными рядами проходят молоденькие красноармейцы. Они недавно взяты в строй и еще не вполне постигли тайны искусства выбивать шаг, равняться и лихо петь. У многих напряженное беспокойное выражение еще полудетских лиц. На них уже наложена узда дисциплины, и они ничем не напоминают тех мальчишек, которые еще недавно толкали прохожих, задирали девочек и дразнили эвакуированных разными обидными прозвищами.

Издали мчитя грузовая машина, наполненная дровами, распространяя удушливый запах бензина. Все шарахаются в сторону. Только 2 воза, везущие сено, не уступают дорогу и неуклонно идут навстречу машине. Впереди выступает черный бык с кудрявым хохолком между крутыми рогами. Его налитые кровью глаза с величайшим презрением устремлены вперед, он выступает надменно, выполняя свой долг, но презирает до глубины души человека, не сумевшего лучше и полноценнее использовать его ум и силу. Он благополучно пересек перекресток, но зато следующий воз остановился. Белая корова заартачилась и ни с места. Это обычное явление. Ее можно бить, толкать, угоривать, она не пошевелится, но вдруг, через много времени, сама сдвинется с места и повезет свою кладь, часто очень тяжелую, ровным и мерным шагом.

Вот плетется «куированная» старушка, подбирая щепки и палочки, бережно складывая их в холщевый мешочек. Это ее «дрова» для таганка. Руки ее дрожат от холода, и щепки рассыпаются. Стайка девочек, высыпавшая из школы, смеясь и шебеча, проходит мимо старушки. Одна из них быстро подняла щепку, другую и, сунув ей в руки, конфузливо пробормотала: «Это ваше, бабуся», и побежала догонять подруг.

Из ворот небольшого дома выходит пожилая женщина, крепко обхватив руками громадную темную деревянную посудину в виде исполинской рюмки на короткой ножке. Домовитые хозяйки в таких древних ступах тяжелыми пестами толкут крупную соль, просо на муку, из которой пекут превосходные лепешки, черемуху и другие вещи. Сколько лет такой ступе! Сколько поколений драгоценных человеческих жизней она пережила, сколько навидалась горя и радостей на своем веку, вся потемнела, потрескалась, но все еще жива и работает.

Вдали пробегают лыжники. Школьники делают сегодня организованный пробег. Они возвращаются к своей конечной цели - на стадион.

Беспрерывно движется народ с котомками и мешками, с маленькими саночками - с базара и на базар. Часто проезжают крестьянские дровни, спинка которых затейливо украшена переплетами и резьбой.

От 30 до 70-80 человек одновременно пересекают площадь перед Собором, расходясь в разных направлениях.

Утром, в день 8 Марта 1945 г., на площади Советов появилась громадная географическая карта в деревянной раме. Яркая раскраска театра военных действий в Европе и большая часть справа, окрашенная в веселый красный цвет нашего Союза, собрала громадную толпу, которая буквально замерла перед невиданным зрелищем. И с тех пор всегда около карты стоит 20-30 человек. Находится обычно словоохотливый «политик», который разглагольствует перед собравшейся толпой женщин с авоськами и ребятишек, которые набегают в один миг, внимательно слушают и отпускают весьма нелестные замечания по поводу «фрицев».

Эту карту поставил Горком партии. Художники писали ее под руководством В.И. Гранского. Красные шнурки указывали изменения фронта нашего и союзников, постоянно передвигались и неуклонно уменьшали расстояние до Берлина. Это не пустой звук, а слово большого животрепещущего значения, привычного самым заскорузлым домашним хозяйкам.

Когда произошел разгром фашистской Германии, и был объявлен мир, громадные толпы текли к карте, где линия фронта была снята, а над Берлином развеялся маленький красный

флажок. Какое было ликование в народе! Все население с утра хлопотало, добывая драгоценную увеселительную влагу, гармонисты были спешно абонированы по разным учреждениям. День был холодный и хмурый, перепадал дождь, но это не мешало людям веселиться. Посреди ул. Пушкина, на зеленой лужайке, были поставлены столы с едой и питьем. Угощение было устроено на паях, но мимо идущих тоже угощали, и все сообщая кричали «ура!». К сожалению, старинное выражение: «Руси есть веселие пити» полностью проводится в жизнь и в наши дни. И если Мелекесс до Октябрьской революции был более чем обеспечен кабаками и шинками, то и теперь люди достают так называемое «вино», и пьют все - старые и молодые, мужчины и женщины, не веря тем, кто отказывается от любимого мелекессцами угощения.

б. Базар.

По субботам и воскресеньям город оживает: с утра хозяйки моют свои кухни, «передние» комнаты и особенно стараются добела вымыть крылечки. Даже маленькие девочки (6-8 лет), вооружившись большими косарями, усиленно скребут крылечки. Другие хозяйки с тазами и ведрами с золой (для мытья головы), таща за руку свое громко кричащее племя, спешат в бани. По всем дорогам захудалые лошади и дородные коровы тащат телеги, нагруженные сеном, дровами или мешками с картофелем и другими овощами. Еще больше тянется ручных тележек. К 2 часам по субботам плетутся по улицам убого одетые «куирированные», и горделиво выступают справно одетые мелекесские хозяйки, спешащие закупить продукты.

Все в платочках, шляп не увидишь, кое на ком только «беретики». Несут все, что нужно для домашнего обихода, вплоть до кроватей, кадушек, цветов, саночек, посуды, веревок и т.д. и т.п. На всякую вещь найдется свой покупатель. Летом этот поток «базарников», особенно по воскресеньям, заливал всю громадную площадь базара, огороженного со всех сторон деревянной изгородью²². По одну сторону молочно-контрольной

²² Надо сказать, что нынешний базар расположен на месте покрытой теперь зеленой травой, раньше была такая тряпина, что через нее был перекинут мостик. Постепенно почва осушалась.

станции длинный павильон для мяса, по другую - для молока, кислого молока, масла и яиц. Под навесом крестьяне крадучись продают муку и крупу. Одно время было запрещено покупать у крестьян муку, т.к. были массовые заболевания страшной болезнью - септической ангиной, от которой погибали целые селения. Причина была в зернах, перезимовавших в поле. Они делались ядовитыми и губили людей. Отдельное место отведено для продажи рыбы. В стороне стоят продавцы с медом. Пчелы роем вьются над их боченками, и хозяйка с трудом отбивают от них душистую струю, льющуюся в маленькие чашечки и стаканчики. Покупают чаще всего по 100, 200 гр., т.к. мед дорог - 300-600 р. за кило (летом 1945 г. по 100 рубл.).

Совсем на отлете около сарая расположены горшки и корчаги. Их блестящая глазурь переливается на солнце. Хозяйка, неподвижная, как мумия, гордая своим товаром, еле кивает головой, отказывая покупателям, т.к. цены она назначила грабительские, и многие отходят, горестно покачивая головами.

Самое оживленное место всегда около киоска, где развешивается масло, и около картофеля и овощей. Как красивы длинные деревянные прилавки, на которых разложены оранжевые и пунцовые помидоры, золотистые тыквы, «костяшки» с крупными боками, белые кочны капусты, зеленые огурцы, лук, шелковистые головки чеснока, чашечки с коричневыми грибочками, корзинки с лесной малиной, и темной черемухой.

Всегда бойко идет продажа семечек и табака. Табачники - обычно татары - сидят в одном углу, часто на корточках перед своими мешками с зеленоватым, коричневатым или золотистым табаком.

Любимое общедоступное лакомство (других во время войны нет) - это семечки; подсушенные тыквенные и подсолнечные. Такого массового истребления семечек мы нигде не видывали. Они остроумно называются «мелекесским разговором». Шелкают и плюются решительно все. Однажды пришлось увидеть молодую татарку, с таким ожесточением уничтожавшую семечки, что ей было «некогда» их сплевывать; таким образом, губы и подбородок ее были сплошь покрыты шелухой, крепко приставшей к коже. Я не утерпела и сердито сказала ей: «Сейчас видно, что ты ленивая хозяйка. Дома у тебя все грязно и неряшливо. Разве

можно быть такой ленивой и даже не вытирать рта». Она добродушно улыбнулась, повела глазом и мигом смахнула рукой своеобразную бороду.

Зимой 1945/45 года появились продавцы в белых фартуках с леденцами - красными петушками и эскимо. Толпы детей всегда окружали их, но лакомство дорогое - 3-5 рублей.

Но все устремления мелекессян направлены к так называемой «барахолке», где разложены все богатства Мелекесса и приезжих из разных городов. Длинные ряды - один против другого. В разную погоду - в дождь, в снег, под палящим солнцем стоят люди целыми часами около своего «универмага». Чудесные кружева, меха, фарфор, блестящие ботинки, дамские замшевые туфельки на высоком каблуке, костюмы, ожерелья из аметистов и крупных янтарей, красивые ковры, нарядные пуговицы разложены на мешках, лежат на чемоданах, висят на вешалках, которые держат в протянутых руках продавцы, переживая иногда адские мучения: «Возьмет - не возьмет? Вернется - не вернется?» С этим вопросом (а сколько в нем нравственной муки, может понять только тот, кто сам продавал) связано дневное, недельное существование иногда целой семьи. Дорогие вещи не всем были по карману, зато всякая мелочь - открытки, пуговицы, карандаши, иголки, английские булавки, старые ремешки, железки, ржавые гвозди и т.п. раскупались нарасхват.

Особенно хорошо идут старые или поношенные вещи: кацавейки, брюки, рубашки, куртки, обувь и т.д. На них набрасываются, главным образом, приезжие крестьяне. Они выворачивают из карманов нижних юбок или холщевых мешков кучи грязных бумажек. Им постоянно требуются для работы старые куртки, холщевые штаны и т.д. Торг идет бойко, с божбой. «Не просишь - не продашь». Поэтому продавец заламывает за свое старье такую цену, что небу жарко становится, и у него самого сердце ёкает, но покупатель как бы равнодушно говорит: «Бери любую половину». Начинается торг. «Хочешь покупать - давай рядиться. Дешевле, чем у меня, ни у кого не купишь». Существует местная пословица: «На базаре 2 дурака - один продает, другой покупает». И действительно, цены фантастические, но никого не пугают. И как ни странно, но каждая вещь, побывав на базаре 2-3 раза, получает какую-то среднюю оценку. По

примете надо отдавать первому покупателю, хотя бы он давал не «твою» цену. Не отдашь - потом продашь дешевле.

Этот подвижной «Гостиный двор» обслуживал всех в равной мере. Одни покупали «на всякий случай» «хорошие вещи», другие - для спекуляции, третьи - для себя, по необходимости.

За место платили по 3 рубля; с октября 1944 г. была установлена городом очень высокая цена - 15 р. за место с вешами и 25 р. за место с продуктами.

Между рядами ходят те продавцы, которые имеют небольшой запас вещей или которые не хотят платить 15 рублей. Они «лавируют». Это утомительное и унижительное занятие, но нужда заставляет.

Вот сидит на маленьком стульчике «тетя Стеша», дородная красивая женщина, всегда справно одетая и благодетельная. Перед нею разложены хорошие добротные вещи (мужские костюмы, ботинки, шаль). Она продает не по нужде: купили корову, надо расплатиться.

Рядом с нею расположилась станом целая семья: забавная круглолицая девочка заботливо раскладывает елочные украшения, блистающие на солнце. Рядом лежит то, что называется «барахлом»: детский старенький тюфячок, большая пуховая в розовой наволочке подушка, высокий фикус, а за нею - стол, детская колыбель-кроватька, 2 стула и швейная машина. К ее ручке тянется крохотный мальчуган. Здесь же происходит кормежка, переодевание. Люди пришли на целый день. Им необходимо продать, т.к. на днях они уезжают на родину.

Там дальше застыла фигура молодой женщины. Одни глаза горят на ее озабоченном загорелом лице. Она держит платье (свое последнее - голубое шелковое), быстро спускает его за бесценок и спешит к ларькам с мясом, маслом и медом, довольная удачей, хотя сослуживцы (она знает это) будут бранить ее за безрассудство. Но чего не сделает для неизлечимо больного сына любящая мать!

Мимо проходит древняя старушка, высохшая и бледная. Она одинока, всегда ходит одна, качаясь от слабости и опираясь на палку. Через левую руку у нее перекинута красивое полотенце и какая-то черная шелковая накидка. Почему-то к ней не подходят, и она в изнеможении опирается на свой посох.

Дальше продается патефон. Хозяин - рослый мужчина - завел его на потеху публике, и он хриплым голосом отравляет существование ближайшим продавцам.

Напротив знакомое по базару лицо: уже немолодая женщина в сером халате продает изяшные дамские рукоделия: полотняные дорожки, грелку на чайник, гипюровые блузки, плюшевый коврик и другие вещи. У ее ног голубые тарелки из сервиза; на груди - 2 брошки и тоненькая золотая цепочка. Ей необходимо продать, т.к. дома нет основной еды - картофеля, и она стоит с сосредоточенным напряженным лицом и ждет, ждет того покупателя, который выручит ее на сегодняшний день. Сколько горя, разочарования или радостного покоя можно прочесть по лицам. Истории жизней, истории целых семей разбитых и разрушенных войной...

Но если интересны группы продавцов, то не менее интересны и покупатели.

Молодые девушки - татарки в лучших своих нарядах, с шеей, туго перехваченной одним или двумя рядами бус, крепкие, загорелые, стайками обходят базар, ко всему прицениются, но ничего не покупают. Зато их матери в широких платьях - балахонах на кокетке усиленно торгуются и дешево покупают разную поношенную одежду, платочки на голову, чай и чайные чашки.

Военный покупает часы. Около него сейчас же собирается толпа любителей. Кто не мечтает иметь часы! Черные, большие, с ремешком!..

С видом сановника проходит пожилой красивый татарин в пестром полосатом халате. Все знают, что он спекулянт - покупает и перепродает в другом городе. Специальность незавидная, но вы посмотрите, с каким достоинством он себя держит, как теряются продавцы, на которых останавливается его пронизательный взгляд.

Между 11 и часом дня приходит фешенебельный покупатель: люди, у которых есть достаток: они выходят на базар, как на Невский проспект, посмотреть и себя показать, купить ценную вещь, которою можно украсить свои уютные комнаты. Им и в голову не приходит мысль, что они уносят вещи, которые иногда бывают так дороги продавцу, что его душа разрывается, и слезы увлажняют глаза.

Когда большая часть эвакуированных (к лету 1945 г.) разъехалась, то исчезли с базара красивые и дорогие вещи. Продавались простые, подержанные, нужные в домашнем обиходе предметы. Еще позднее - со времени окончания войны - наступил 3-й период продаж: на рынке появились оригинальные и красивые ткани, шелковые платочки, будильники и прочие вещи. Это были трофейные подарки, которые оказывали получившим их немалую материальную поддержку.

Но вот к 2-3 часам, а летом позднее, базарная горячка спадает. Продавцы начинают стряхивать черную пыль с непроданных вещей, складывать их и растекаться по разным улицам.

Мелекесские грязи. Не везде можно проехать или пройти. Пойдешь по мосткам в две дощечки, заезаешься - и очутишься в луже, точнее, в целом озере черной воды, как раз на углу базара. Почти против одних базарных ворот и наискось от других - непролазная топь: грязь такая, что там не раз надолго застревают подводы и машины. Казалось, никакие усилия человеческие не помогут сдвинуться тяжелым грузовикам; думалось, что завтра увидишь их на том же месте. Но человеческой настойчивости нет предела: на другой день машины исчезали. Говорят, что однажды лошадь захлебнулась в грязи и утонула. Так говорят.

Осенью 1944 г. Горкомхоз потратил на осушение рынка сточными канавами 9 тыс. рублей, но пока это мало помогло делу.

В городе очень распространен следующий адрес: «В какой лавке дают хлеб?» - «А около церкви, с той стороны, где лужа». Эта лужа или грязное месиво, когда она подсохнет, является непременным украшением города и весьма мешает прохожим и проезжим, т.к. расположена на бойком месте.

На ул. Аблова, около дома 38, издавна стоит невысыхающая лужа. Быть - может, пройдет еще десяток лет, и она, на удивление всем жителям, окажется с целебной водой на подобие знаменитой Миргородской лужи. Пока она пребывает в девственном состоянии. Изредка только какой-нибудь домовитый хозяин выедет на телеге, чтобы скинуть в нее солому и разную хозяйственную труху.

В апреле 1945 года Горкомхоз провел по обычаю очистку города от навоза и мусора. Возчикам было уплачено 9.550 рублей. Но стал ли город чище? По совести говоря - не заметила.

Но зато через 2-3 месяца после окончания войны улицы начали усиленно приводиться в порядок: рылись канавы по сторонам, лужи засыпались шлаком и битым кирпичом и т.д.

Не только улицы, но и здания начали принимать праздничный вид: всюду чинились заборы и крыши, поправлялись крылечки, штукатурились и белились каменные здания.

Дом на углу Кузнечной и III Интернационала, о котором я говорила раньше, начали ремонтировать, и он постепенно терял свой жуткий вид. Весело было смотреть на яркие заплатки на заборах, крышах маленьких домиков. Они говорили о многом: начиналась мирная трудовая жизнь...

Баня. Имеются 2 бани: городская и железнодорожная (для массы недоступная так же, как и одна фабричная на Горке).

О бедственном положении города в этом отношении можно исписать много страниц, скажу одно - попасть туда рабочему человеку трудно: надо простоять несколько часов, чтобы вымыться. Кабинки для одежды донельзя тесны. Народ снимает с себя такую грязную одежду, что тебя охватывает дрожь. Баня постоянно останавливается (не хватает дров, сами служащие привозят подводы с дровами), а народ терпеливо стоит у входа и ждет, когда «откроют».

Народ вообще любит баню, старается часто посещать ее, хотя это очень дорогое удовольствие: за вход - 1 р., но зато стоимость мыла! в 1943 г. – 180 - 250 рубл. за кусок, а 1945 г. - 90 р. и дешевле (небольшие куски - по 20, 30 рубл.).

Головные вши никого не смущают. «Ничего нет, а чешется». В солидных мешанских семьях осмотр голов обычное занятие у женщин. «Без вши не проживешь». Таков взгляд на вошь, как на неотъемлемую принадлежность человеческой жизни, у мелекессян.

Имеется дезинфекционная камера, но в нее не так-то легко получить доступ. Когда вторая партия ленинградцев приехала в Мелекесс осенью 1942 г., она тщетно пыталась пройти дезинфекцию после кошмарной дороги. Двери ее для нас не открылись.

в) Развлечения. Нравы.

Во время войны в городе функционировал один городской театр, летом - городской сад с эстрадой и одно кино. Других

развлечений нет. «Дом пионеров» закрыт, и его помещение отдано под ценности ГПБ. Дети, раньше с увлечением занимавшиеся в разных кружках и находившие пищу своему любознательному уму, теперь принуждены сами находить себе развлечения. Приезжал на гастроли артист-калькулятор, оперетка, труппа лилипутов, а на базаре в одном из павильонов был устроен временный кукольный театр, собиравший около себя толпы восхищенные ребят. Молодежь постарше посещала культурно-просветительские лекции; домашние хозяйки и служащие разных учреждений с интересом слушали лекторов, в числе которых были многие из сотрудников ГПБ. В городском театре трижды проходил смотр художественных сил города - подготовка к областной Олимпиаде.

Зимой 1944/45 г. открылась музыкальная школа для детей, устроившая показательные выступления своих учеников, очень удачные. Но по городу не слышно звуков рояля. Гитара и любимая народом гармонь утоляет жажду прекрасного. Зато почти во всех домах радио. Поздним вечером девушки-подростки любят пройтись по улицам, звонкими крикливыми голосами нарушая тишину. Никто не окликнет их, не пошутит. Полная тишина, т.к. мелекессяне рано замыкаются за своими высокими заборами, и песня, не поддержанная мужскими баритонными голосами, замирает вдали.

Летом на стадионе «Спартак» происходят футбольные состязания. Веселые и грозные крики играющих, свистки судьи, дружные аплодисменты, награждающие удачные удары игроков, шум молодой веселой толпы, несущийся из-за высокого сплошного забора, задевают за живое жителей. Мальчишки взбираются на забор и оттуда наблюдают за сражением, а «бабушки» и «мамаши» поглядывают в дырочки и щели.

24 июня 1945 г. на Стадионе собрались тысячи жителей: происходит футбольный матч в честь парада Победы.

В Мелекесе свой пивоваренный завод, производящий прекрасное пиво. Когда в каком-нибудь ларьке появится брага, пиво или морс, все окружающие улицы, как по телефону, узнают об этом, и хозяйки и дети, бренча целыми ведрами, запауски устремляются к киоску и мужественно вступают в бой, чтобы получить драгоценную влагу.

Основная еда, как и везде, картофель. «Жареным» картофелем называют картофель, нарезанный аккуратными ломтиками, уложенный в плошку, залитую молоком; запекается на углях. Пареная тыква - любимое блюдо в горячем и холодном виде. Тяга к сладкому несколько ею удовлетворяется. Мед в дни войны почти недоступен, но раньше меду и сахару было вволю, и хозяйки любят вспоминать, какие запасы варенья готовились ими на весь год.

Мелекессяне так любят тепло, что спешат закрывать трубы печей, чтобы не упускать жара, а потом маются и недоумевают, с чего это они «угорели». Больше всего ценятся дубовые и березовые дрова, как дающие самые горячие и стойкие угля. Что ни день, то все «угорают» и ходят по соседям жаловаться на две привычные болезни: «трясет» и «угорела».

Зонтики в Мелекессе - большая редкость. Многие ребяташки их никогда не видали и буквально замирают от восхищения, лепеча: «Мама! Мама! Глянь-ка!» Маленькие девочки спешат прижаться к вам, чтобы пройти несколько шагов под этим чудесным прикрытием, а мальчишки обычно звонко кричат: «Эй ты, тетка! Солнце шпарит, а ты зонт распялила. Эх, ты!..» Однажды группа мальчиков от 10 до 16 лет, сидя на лужайке, подняла меня на смех. Я остановилась, объяснила им назначение зонтика, разницу между «parasol» и «parapluе» и научила их, как запомнить иностранные слова по созвучию с русскими. Они внимательно слушали. С тех пор, когда я шла мимо них, навстречу мне неслись веселые крики: «Parasol! Вон Parasol идет!».

В городе царит беззастенчивый “блат”, антисемитизм и воровство. Такие слова, как “муж сидит”, “дочь отсидела”, “сам вернулся из колонии” - самые обычные, житейские, “нестыдные слова”. Темнота, напоминающая времена Островского. Гадалки, ворожеи в большом почете, и место их жительства хранится в тайне теми, кто обращается к их услугам и щедро их награждает.

Темнота и грубость жителей прежде всего сказывается на их отношении к кладбищу, к тому месту, где лежат их предки, и куда каждому из нас пути не заказаны.

До революции городское кладбище было одним из самых красивых мест города. Прекрасные высокие березы и сосны,

дружно уживавшиеся между собой, аллеи, дорожки, цветники, красивые мраморные памятники. Теперь почти все разрушено. Сохранились лишь сторожка и старинные ворота. Кладбищенская церковь разрушена. Летом 1944 г. начали ставить изгородь, но почему-то бросили. В 1945 г. Горкомхоз постановил обнести кладбище железной оградой, и, действительно, летом была сооружена прочная ограда. Эта мера, надо надеяться, охранит покой усопших, а то до сих пор кресты сваливались и ломались безжалостной ленивой рукой. Почему? - На дрова. Лень дойти до леса, а он здесь же, неподалеку от линии железной дороги.

За время войны появилось много больших братских могил, которые топтали козы и коровы, обрывая зеленую траву и высокий бурьян. Городу дано задание выделить особо военное кладбище. Имеется за городом татарское кладбище и скотомогильники.

г) Некоторые наблюдения над речью жителей.

В Мелекесе пришлось наблюдать некоторые особенности северно-русского наречия:

1. Неполное оканье. Гласная о сохраняется обычно только в слоге первом перед ударением, напр.: вода, голова, который, мотула, должны, плохая.

2. Склонение имен существительных своеобразно и несколько непоследовательно, а именно:

Им. суш.ж.рода ед.числа с окончанием на а и я (как - изба, беда, горка, земля) имеют в дателън. пад. окончание ы и и, вместо е. Говорят: к избы (вместо к избе), к горки, к сестры и т.д. но - к земле.

В предложи.пад. - на речки.

Одновременно с этим в родит. пад. Им. суш.ж. рода с окончанием на а и я окончание е, вместо ы или и. Так, говорят: у сестре, у соседке и т.д.

В предл. пад. им. суш. ж. рода с окончанием на ь совершенно отчетливо звучит - в грезе, на пече, на лошаде.

3. Имена прилагат. и местоимения часто звучат в краткой форме: «Каке таке?» (Какие такие). «Добра земля, родна сестра и т.д.

4. Явление так наз. «стяжения». Оно состоит в том, что в спряжении глаголов на ать, сочетание ае сокращается на а

напр.: знашь, делашь, думат, разговариват. Мы так привыкли к местному языку, что сначала в шутку, а потом уже и серьезно отвечали на заданный вопрос: «Кто знат!».

5. Ёканье. Чёшется, дождёвые тучи, дочка задёрживается и т.д.

В языке не только взрослых, но и детей сохранились остатки древне - славянского языка. Все говорят: «пекчи» блины, «пекчи» пироги, надо «берегчи», «творили» и «затеяли» тесто. «Я буду книжку вот как берегчи» - важно заявлял маленький первоклассник. Приходилось слышать даже двойств. число: «обеа рукама».

Подобные обороты восхищают слух людей, не равнодушных к старой русской речи.

Местное ходовое выражение «айда» и «айдате» обозначает зов: «идем, идемте». Им пользуются все - и татары и русские. Даже животные понимают его. Однажды сотрудники нашей Библиотеки, посланные за дровами в лес на чахлой лошаденке, не могли сдвинуть ее с места. Крики: «Ну, пошел», чмокание и т.п. не помогали. В отчаянии кто-то крикнул: «Айда!» И лошаденка, послушная привычному зову, сдвинулась с места, сопровождаемая радостными и удовлетворенными восклицаниями своих возниц. Мелекессяне не спрашивают «почему», а «зачем». Когда что-нибудь не понравилось, говорят: «Масло мне не показалось». Вместо «кажется» говорят «глазнится». «Жук на шее «глазнится». «Я мечтаю», вместо думаю, хочу, предполагаю. Свою речь старые люди подтверждают словами «пра» и «святая икона».

Многие вещи имеют своеобразное обозначение: низкий шкафчик или полка для посуды - «суднолавка», чердак - «подлавка», соленая капуста, огурцы, помидоры называются «погребным», т.к. хранятся в погребе, который называется «погребницей» ; большой таз - «блюдом». На улицах два «порядка», т.е. две стороны. Дом «на том порядке», т.е. на той стороне. Вместо того, чтобы сказать «вчера, недавно», говорят «васейка». «Это васейка было».

Маленькие дети, подражая взрослым, на вопрос: «Как поживаешь?» - лукаво-весело отвечают: «Лучше всех!»

Коровы и козы не бодаются, а «пыряются». «Зевает» - значит кричит. «Что это моя Пчелка (коза) зеват да зеват. Ума не приложу».

Палка - «подожок», завязи огурчиков - «пуплята», пирожки и булочки, которые пекут на дороге, - «подорожники», тонкие валенки - «чесанки», сосед, соседи - «шабёр, шабры».

Дома стоят не напротив, а «навстречу» или «навстреч»; сидят люди «навстреч» друг другу.

Белье и платье гладят не наизнанку, а «наничку». Говорят не дедушка и бабушка, а «дедака» и «бабака» (правда, не везде), «мамака». «Подбулавиться» - заколоть косынку булавкой. Про изношенную обувь говорят, что она «расхудилась» или «прохудилась», а про заплатанную одежду существует образная поговорка: «Хозяев мало, одни постояльцы». Взрослые обычно ласково обращаются к чужим детям со словами: «дочка» и «сынок».

Если спросить: «Который час?», то точного ответа не получишь. Скажут: «Доходит семь. Доходит десять», т.е. «скоро 7 часов, скоро 10 часов».

Неприлично, неделикатно спрашивать: «Куда идешь? Куда идете?», иначе «путь перебеешь». Не раз приходилось слышать: «Ну вот, «закудыкала»! Пути не будет. Хоть дома оставайся!» Следует спросить: «Далеко ли?»

Высшая степень любезного ответа местной жительницы, которую благодарят за какую-нибудь услугу, помощь в работе, небрежно - громко сказать: «Ничего не стоит!»

Высшая степень изумления передается выразительным протяжным «А ба-а!» и «Ишь ты-ы!»

Прекрасно обозначение дождевой воды, как «живой», а из бассейки или ключевой, как «сладкой». Про облачное небо говорят: «Сегодня наволочно». Очень распространено выражение «обратно» в смысле снова, напр.: «Обратно заболела», «Ела-ела, а обратно есть хочется». «Обратно дождь пошел».

Как прозаически звучит обычный вопрос: «Как его зовут?» А здесь даже дети спрашивают: «Как его величают?», разумея отчество.

«Пойдем на мой крылец. У нас высокий крылец». Так говорят все. По-видимому, это приволжское выражение. Помню, как в далеком детстве наша старушка-няня, уроженка б. Нижегородской губ., жившая еще во времена крепостного права, рассказывала нам чудесную сказку про деда и бабу и их «дворец - соломенный крылец».

Пришлось не раз слышать здесь успокаивающие слова, полные глубокого содержания: «Господь одумает».

Как и везде, простой народ сокращает и упрощает трудные иностранные слова, причем иногда получается забавное звучание, напр.: куированные, полуклиника, пискулянты, беркулез и другие. Остроумна и полна глубокого смысла переделка инвалида - в «тылвалида».

Неподалеку от Мелекесса находится совхоз и мелкая железнодорожная станция, носящие имя Сакко и Ванцетти. Народ переделал их в «Саньку-Ваньку» и «Санцу-Ванцу».

Самое распространенное слово «собака», кот. звучит, как ласкательное, а чаще ругательное, направленное против ребенка, козы, кошки и т.д. Ругаются вообще артистически. Слово «черт» употребляется в самых разнообразных комбинациях, вплоть до «чертова ребра».

е) Тяготы нашей жизни.

Жизнь в глухом городке с немощеными улицами для нас, не имевших соответствующей обуви, была полна мучений. Весной и осенью не пройти на перекрестках по Черемшанской, Безыменной и другим улицам. Озера воды, озера грязи, кучи рыхлого снега, ледяные кочки под водой. По ним, балансируя, пробираются жители. В этом году так наз. «Абловская коммуна» (группа сотрудников, жившая по ул. Аблова в 3 разных домах) после совещания решила остаться дома. Что выгоднее для ГПБ? Решили, что лучше просидеть дома один день, чем получить завтра же несколько бюллетеней на ряд дней. Одного-двух дней иногда бывало достаточно, чтобы совместная работа солнца и ветра делала буквально чудеса в смысле просушки дороги.

Но самое жуткое в Мелекессе - это уборные. Общественные уборные - на базаре, при бане, в коммунальных домах, при школах, фабриках и т.д. - сплошная грязь и зараза. В частных домах - то же самое.

Для многих из нас очень тяжело было добывание воды, вследствие отсутствия водопровода. Воду приходилось носить из буровых колодцев, так наз. «бассеек», и шахтных колодцев. 14 бассеек раскинуто по городу, но их не хватает, т.к. они обслуживают большие районы, часто выбывают из строя, иногда вода

идет медленной слабой струей, у многих нет сил повернуть ручку. Эта работа доводила слабосильных до сердечных припадков. Тем, кто по состоянию здоровья или по возрасту не мог сам носить воду, приходилось нанимать, точнее умолять носить воду за большую плату. Платили за 1 1/2 - 2 ведра в день от 60 до 100 руб. в месяц.

Особенно тяжело было тем, кто жил на Горке или близко к Горке. Там колодцев не было. Приходилось спускаться в город, где в некоторых районах бывали испорчены бассейки, что создавало большие очереди и слабую струю воды.

Сток плохо устроен. Около бассейек лужи и грязь (особенно весной и осенью), а зимой - ледяной каток. Дворников нет, а организовать уборку около бассейки жители не додумаются, уличные же комитеты заняты более важными делами.

Кто сам не стряпал в здешних узких «голландках» или на таганках, тому не понять, как тяжело бывало разжигать сырые дубовые дрова, сидеть на корточках или стоять на коленях перед печкой, переставляя кипящие горшки и бурлящие кастрюли, обжигая руки, от которых не отмывалась стойкая черная копоть. Мы старались не вспоминать об оставшихся на родине плитах с удобными духовками.

Дровяной вопрос - один из самых тяжелых в нашей жизни.

Когда хозяева «нанимали» нас, эвакуированных (иначе трудно выразиться) жить у них, они прежде всего определяли нашу дровяную состоятельность. Назначались обычно кубометров 10 на зиму, сторговывались на 5-6. Удача в дровах бывала различная. В зимний сезон 1942/43 года 5 1/2 кубом, обходились в 2 1/2 - 3 тысячи. Цена на кубометр колебалась в разные годы в зависимости от погоды, качества дров и т.д. от 300 до 500 рублей + расколка для слабосильных (50-80 р.) и доставка (по 100,125р. за кубометр). Дрова постоянно производили брешь в нашем денежном хозяйстве, никогда не удовлетворяли хозяев и не всегда достаточно грели нас. Зимой 1944/45 г. дрова были несколько дешевле. За 8 1/2 кубм платили те же 2 1/2 тыс. Надо добавить, что часть дров (кубометра по 2) сотрудики ГПБ получали бесплатно.

Вторично должна упомянуть о том жутком освещении (коптилки и мигалки), при котором большинство из нас, старые и молодые, так безнадежно портили себе глаза. Несбыточная

мечта - протянуть руку к штепселю и сразу залить всю комнату живительными потоками света!...

Многие страдали от насекомых. Шла непрерывная и безуспешная борьба с клопами и тараканами, а также с мышами и крысами.

Необходимость спускать за бесценки свои вещи на барахолке, т.к. зарплаты решительно не хватало на самую скромную жизнь (месячной зарплаты хватало только дней на 10), пайки же стали получать очень поздно, вечные нажимы хозяев, требовавших дров и более полноценной топки, постоянная забота о дровах, о хворосте, на добывание которого в летнее время уходило не меньше трех часов на один поход, т.к. леса отодвигаются от Мелекесса все дальше и дальше, отсутствие уверенности в честности хозяев и других жильцов и беспокойство за оставшиеся дома вещи, вечная зависимость от сварливых хозяек ложились на нас тяжелым гнетом.

Невозможность уединиться, закрыть свою комнату на ключ (когда нет дверей, а лишь колыхающиеся занавески), не чувствовать за своей спиной любопытных, иногда доброжелательных, а иногда недобрых взглядов - как все это тяжело переживалось...

Не говорю уже о нашей оторванности от высокой культуры большого города, в котором многие из нас родились и прожили большую часть своей жизни.

Следует сказать, что сейчас, перед отъездом в Ленинград, многое, как бы издали, становится яснее и понятнее. Это касается прежде всего взаимоотношений местного населения с эвакуированными. Совершенно отчетливо намечаются два периода этих взаимоотношений.

1 период - в течение 1941 г., 1942 г. и даже 43-го, когда «мы» и «они» были 2 враждующие партии. Нас преследовали, издевались, не доверяли (не в смысле примитивной честности, конечно) попрекали, учили и т.п.

Хозяева не верили и тому, что большинство из нас бедняки, потерявшие в Ленинграде все (семейные архивы, библиотеки, имущество, многие даже квартиры), и жадно смотрели в руки, ожидая подачек в виде серебряных ложек, кружев и т.п. вещей.

«Кто у Вас живет?», – спрашивают гости.

“Да так, старушки!” – презрительно махнув рукой в сторону занавески, отвечали хозяйки.

Перелом отношений в некоторых семьях проходил скорее, в других медленнее.

Повышение ставок с августа 1944 года (о чем хозяева иногда случайно узнавали) значительно повышало в их глазах нашу личную и общественную стоимость.

С 1944 г. и до нашего отъезда у многих из нас установились прекрасные отношения и с хозяевами и с соседями. Мы их «победили».

С одной стороны, это было наше моральное воздействие на серую массу, а с другой стороны - к этому времени разъехалось много эвакуированных, оставшиеся стали приметнее в городе и нужнее (для заработка, для продажи и т.п.).

Кроме того, среди наших хозяек попадались достойные женщины. Мы расставались с ними почти друзьями.

Светлые стороны нашей жизни. Прежде всего - природа. У многих были любимые места в лесах и на лугах. В лиственной роще, украшенной могучими вековыми курчавыми соснами, мы собирали подосиновики и рвали душистую черемуху. У берегов извилистого прихотливого Черемшана мы нежились на солнце, купались после тяжких для нас трудов на огороде, собирали ландыши и незабудки, хворост и сухие корчаги, выступавшие из светлого мелкого песка. За плотиной и за железной дорогой расположены огороды, а за ними холмистые луга с кустами шиповника, чудесно украшающего своими пышными яркими букетами зеленые лужайки. Возможно, что это потомки тех роз, о которых писал когда-то Лепехин: «Обширные и тучные поля по луговой стороне (Черемшана), а по правую сторону гнездовые перелески, которые все наполнены были дикими розами».²³

Ширь, простор горизонта, облака и тучи, звезды и месяц, которые мы могли наблюдать ежечасно, близость к земле в буквальном и переносном смысле (нижний этаж наших жилищ, работа в лесу и на огороде), общение с животным миром, от которого так далеки были почти все коренные ленинградцы, тишина и простота почти деревенской жизни, тесное содружество, в котором мы жили, - все это обогащало нашу душу и наше сознание.

²³ Лепехин, стр. 120 или 121.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я пыталась нарисовать прошлое и настоящее Мелекесса.
Что сказать об его будущем?

Судя по тому, чем был Мелекесе до войны, т.е. крупным промышленным центром, зная установки городских властей на будущее, серьезно желающих оздоровить и поднять город после окончания войны²⁴, можно с уверенностью сказать, что Мелекесс может и должен превратиться в прекрасный город. Перспективы на будущее главным образом зависят от Волгостроя. Есть план сделать Черемшан мелкосудоходной рекой. Тогда город оденется в каменные мостовые, украсится бульварами и цветниками и превратится из пыльного захолустного городка в красивый и здоровый русский город.

Следует отметить некоторые положительные особенности Мелекесса, как города:

1. Он не пострадал от войны.
2. Земля плодородная и тучная.
3. Удачная планировка широких улиц, большие площади - необходимые условия для города - имеются налицо.

Кончилась война. Потекут мирные годы. Отдавшись мирному труду, люди станут мягче, внимательнее друг к другу.

Время залечит наши раны. Вряд ли мы, пережившие так много тяжелых дней в Мелекессе, похоронившие на его кладбище дорогих сердцу людей, увидим его будущее, но все же не раз вспомним о нем, давшем нам приют в годы жестокой войны.

Доклад был прочитан в июле 1945 на одном из научно-производственных совещаний сотрудников Мелекесского отделения Государственной Публичной Библиотеки

25 марта 1968 г., г. Ленинград.

²⁴ 1) «Обещаний много, а дела нет». Статья без подписи. «Власть труда», 26 июня 1945 г. Мелекесс.

2) «VI Пленум Горкома ВКП(б) и 34 сессия Городск. Совета депутатов трудящихся приняла развернутые решения по благоустройству нашего города». Там же.

3) Р. Гельперович. «Открылся лучший сад в городе». Там же.

4) Передовица. «Обеспечим культурный отдых трудящимся». Там же.

5) О санитарном состоянии города. Решение Мелекесского Городского Совета депутатов трудящихся (в целях улучшения санитарного состояния города). «Власть труда», 30 июня 1945 г.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Лепехин Иван. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1771 г.
2. Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. 1866, т. III, в. I
3. Дырченко С.Г. История Мелекесса. Рукопись, приготовленная к печати. Ряд сведений из рукописи.
4. Большая Энциклопедия, 1903.
5. Большая Советская энциклопедия.
6. Малая советская энциклопедия, 1937.
7. Протопопов И.А. Список населенных мест Самарской губ., составл. в 1900 г. секретарем Самарского губернского статистического Комитета И.А.Протопоповым. Самара, 1900, Изд. неофиц. /2-3 выписки/.
8. Лебедев. План есть - надо его осуществить. (С сессии Мелекесского Горсовета депутат, трудящийся) - Ульянов. Правда, 10/III/
9. Сведения из Отдела Здравоохранения, Горно, Горкомхоза, Парткабинета, Учительского Института, Городской Библиотеки.
10. Газета «Власть труда». Мелекесс, 1945.

Т.А. Быкова

МЕЛЕКЕССКИЙ ФИЛИАЛ ГПБ В ГОДЫ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

(О ХРАНЕНИИ ФОНДОВ И ЖИЗНИ СОТРУДНИКОВ)

ЧАСТЬ I. ЖИЗНЬ ФИЛИАЛА В МЕЛЕКЕСЕ. ПОДГОТОВКА К ЭВАКУАЦИИ В ИЮЛЕ 1941 г.

Начало июля 1941 года. С Екатериной Федоровной¹ сижу за четырехчасовым чаем в буфете Библиотеки. Появляется взволнованная Д.С. Крым² и чрезвычайно возбужденно начинает рассказ о том, что ее вызывал директор, что он ей предлагал эвакуироваться с грузом, и что она отказалась. Она ему доказывала, что она стара, что ей приходилось уже несколько раз начинать жизнь с начала. В эвакуации нужны люди моложе, энергичнее, «как, например, Быкова...». Очень весело и ничего не подозревая, я ее благодарю за честь и за наведение дирекции на мою фамилию.

Белая ночь с 3 на 4 июля. Ряд работников Библиотеки укладывает рукописные фонды в подворотне на Садовую и на круглом дворе. Рядом со мной усердно трудится В.А. Бриллиант³, с молотком бегают и заколачивают ящики. Мария Эдуардовна⁴. Умикян⁵ непрерывно пишет паспорта. Выслушиваю несколько комплиментов со стороны Ухмыловой⁶ о моей укладке. По ее собственному признанию, последовавшему через несколько дней, эта ночь навела ее на мысль рекомендовать меня дирекции для отправки с грузом. Возвращаюсь домой пешком в шестом часу. Сияющее утро, спуск серебряной колбасы⁷ на Дворцовой площади. Синяя Нева. Все так красиво. Начинают заколачивать на набережной Медного Всадника.

¹ Проскурякова Екатерина Федоровна.

² Крым Дина Самойлована.

³ Бриллиант Владимир Александрович. В Мелекесе находился вместе с женой Ольгой Александровной Третьяковой.

⁴ Орловская Мария Эдуардовна.

⁵ Умикян Алиса Давыдовна.

⁶ Ухмылова Татьяна Константиновна.

⁷ Серебряная колбаса — заградительные аэростаты, которые использовались для противовоздушной обороны.

Окончена укладка Rossica⁸, которой мне пришлось руководить. Я развожу уложенные фонды по подвалам филиалов и исполняю обязанности подобия личного секретаря Марии Эдуардовны.

8 июля, в момент когда сижу одна, в кабинет заходит Вольпер⁹, расспрашивает о моем семейном положении и предупреждает, что может быть мне придется ехать. Сразу же по телефону звоню Елене¹⁰ об этой возможности, слышу, как у нее падает голос.

В четверг 10 июля Вольпер звонит по внутреннему телефону и сообщает, что я должна ехать. В случае отказа я все равно буду проведена приказом.

Начинаются томительные дни ожидания и слоняния по Библиотеке. Ничего точно неизвестно. Ни куда мы едем, ни когда мы едем. Вольпер не отпускает устраивать домашние дела, в библиотеке конкретного дела нет. Часами болтаемся в кабинете у Озеровой¹¹. Как взрыв бомбы действует на меня заявление, что мы едем минимум на два года. На душе у отъезжающих тяжело, тяжело ломать жизнь, бросать в такой момент своих, чувствуешь себя изгнанником. Помню как на лестнице, ведущей от старого подъезда к научным читальным залам встречаю Нардову¹² и общаю, что вопрос о моем отъезде решен положительно и тут же, на виду у читателей, плачу. Мимо пробегает Мария Эдуардовна, ободряюще хлопает по плечу. А у самой у нее скребут кошки на душе, т. к. она не знает, поедет ли она сама или нет, дирекция не сообщает ей своего решения.

16 и 17 июля начинаем возить ящики на вокзал.

В последний раз прихожу 17-го днем в библиотеку, т. к. отпущена с вокзала домой собираться. Бегаю ко всем и прощаюсь. На круглом дворе нахожу Екатерину Федоровну, в последний раз болтаю в кабинете с Марией Эдуардовной. Прошу ее приглядеть за моими, т. к. знаю непрактичность Елены.

⁸ Rossica— фонд Библиотеки, собирающий иностранную литературу о России.

⁹ Вольпер Александр Христафорович. В Мелекесе с авг. по окт. 1941 г. и с марта 1942 г. С ним были жена Генриетта Аркадьевна (Прокофьевна) Хволес и сын Евгений (р. 1924), который учился в военном училище, а затем ушел на фронт.

¹⁰ Быкова Елена Александровна, моя сестра, с которой мы вместе живем.— (коммент. автора). Хирург Е. А. Быкова приехала в Мелекес летом 1943 г. Ее приемная дочь Фаина, студентка медицинского института, приехала в Мелекес в 1944 г.

¹¹ Озерова Циля Абрамовна. В Мелекесе с авг. 1941 г. С мая 1944 г. директор Мелекесского филиала. Вернулась в Ленинград со вторым эшелонном. С ней в Мелекесе были мать Полина Ароновна, дочь Нинель (р. 1931) и сын Валерий (р. 1938).

¹² Нардова Евгения Константиновна.

В половине одиннадцатого вечера, после ужина и чая (как далека я от мысли, что это последний чай «дома» и что «дома» уже никогда не будет) спешу на вокзал, чтобы поспеть туда до полночи. За вещами грузовик заехал часов в девять. На территории товарной станции нагоняю Бриллианта с женой. Мы приехали одни из первых. Залезаем с Владимиром Александровичем на ящики и начинаем сдирать рубероид. Весело смеемся, думая о том, как мы когда-нибудь будем вспоминать этот момент. Позже, ночью, начинается погрузка вагонов, часа в два подают теплушку для персонала. Грузимся два дня, неизвестно, когда уйдем.

18-го днем еду домой. Елена приезжает в гости в теплушку, мы с ней в последний раз гуляем по Невскому, покупаем пенсне. Оптик, узнав, что я эвакуируюсь, очень любезен.

В субботу, 19-го утром, идем несколько человек купить коммерческого хлеба на дорогу. В булочных очереди: продавщицы не привыкли еще к карточкам.

Вечер 19 июля, какие-то недоразумения с прицепкой «людского» вагона. Часов в 11 вечера нас навешает Мария Эдуардовна и шофер Живов¹³. Мария Эдуардовна предлагает мне пари на коробку шоколадных конфет и бутылку шампанского, опровергая мое утверждение, что мы едем не меньше, чем на два года. Пари заключено. Могла ли я предполагать, что вижу ее в последний раз! В это время мимо нас торжественно проходят наши груженные вагоны на ст. Сортировочная, оставляя людской вагон на товарной.

ОТЪЕЗД ИЗ ЛЕНИНГРАДА

В воскресенье утром 20 июля мы догоняем груз на Сортировочной. Весь состав сцепляется. Бежим за кипятком. Момент отправки неизвестен и наступает так неожиданно, что Вольпера и Озерову подсаживают на ходу. Начало двенадцатого — мы покидаем Ленинград. Нас едет пятнадцать сотрудников. Всего, с членами семей, в теплушке двадцать восемь человек.

Выясняется, что нас везут по Октябрьской дороге. Эшелон идет быстро, как скорый поезд. Много смеха. В Любани кто-то

¹³ Живов Иван Егорович.

задевает огнетушитель, начинает бить струя, и его приходится весь выпустить на платформу. Вольпер с беспокойством поглядывает на часы: «Проскочить бы Бологое засветло...». Перед Бологое Враская¹⁴ начинает просить высадить ее здесь и дать возможность проехать в Осташков за дочкой и догнать нас. Через плечо Вольпера потихоньку читаю адрес, по которому она должна нас искать. Так узнается станция назначения, тайна перестает быть тайной. Бологое проскакиваем благополучно, особых разрушений не видно, только купол паровозного депо стоит без стекол. Вообще вид из дверей теплушки являет картину мирную.

Утром прибываем в Ховрино. Идем мыться под кран. Якобсон¹⁵ с бригадой и двумя ведрами идет в столовую получать гороховый суп, другая компания во главе с Вольпером покупает несколько корзиночек земляники. Это наш обед. Хотя у многих на душе тяжело, но все-таки настроение по сравнению с тем, каким оно будет через полгода, год и дальше, совершенно безмятежное. Много веселых эпизодов. Никогда не забуду, как по дороге нам пришлось открыть вагон, а закрыть замок, несмотря на мой немалый рост, никак не могла. И мы с Дружининой¹⁶ подхватываем на руки Бриллианта, и он закрывает замок.

Остановка под Москвой томительна, от эшелона не отойдешь, а хочется повидать друзей.

Ночью наступает «развлечение». Налет немцев. Грохот зениток, ракеты, трассирующие пули — зрелище захватывающее по красоте и азарту, хотя и сознаешь все его последствия. Всю ночь стоим у дверей теплушки и наблюдаем — перед нами широкий горизонт. Зарево недалеко вспыхнувшего пожара бросает красные отблески. В душе ни малейшего страха. Только утром узнаем, что налет был недалеко от Ховрина и все обитатели железнодорожных домов уходили в рошу.

Днем взбудораживает близкий взрыв. Все сотрясается. Вольпер с сыном мылись около водокачки, он крикнул: «Гриня, ло-

¹⁴ Враская Ольга Борисовна (1905 — 1985) — искусствовед, книговед, сотр. ГПБ (1925—1976), ст. б-рь Отдела эстампов, позднее — зав. Отде. эстампов. С ней в Мелекесе дочь Муся — Мария Борисовна Левина (Вербловская) (р. 1932) — филолог-русист, библиограф, сотр. ГПБ (1966—1995), гл. б-рь Отд. каталогизации.

¹⁵ Якобсон Яков Хаймович.

¹⁶ Дружинина Мария Сергеевна (1904—1971) — библиограф, сотр. ГПБ (1927—1959), ст. библиограф Консультационно-библиографического отд. В Мелекесе была с дочерью Галиной.

жись!» — и тот плюхнулся в лужу. Генриетта Прокофьевна качает головой над измазанными брюками сына.

На следующую ночь опять налет. На этот раз администрация почему-то распорядилась всем сотрудникам лечь. Непонятно, чем вызвано это распоряжение, но ночь проходит томительнее, когда только слышишь, а не видишь. Позднее узнаю, что были разрушения в районе Пятницкой. Думаю об Екатерине Александровне Насоновой¹⁷. Позже узнаю, что она уехала в Ашхабад. Вести от нее очень скупы.

Два дня стоим и кружимся около Москвы. На третий день, часа в три дня трогаемся на восток. Часа через полтора переживаем еще одну тревогу. Поезд останавливается; видим аэропланы.

Двигаемся дальше. Полтора суток стоим в Рузаевке. Много волнений, т. к. наши вагоны расцепляют, развозят, по нашему заявлению сцепляют. При смене диспетчера вагоны опять размываются. Бриллиант посетил местную библиотеку и из энциклопедии почерпнул сведения о Мелекесе. Все пути в Рузаевке заставлены эшелонами, все бродят, добывают еду. Все пространство между вагонами напоминает сплошную уборную.

Двигаемся на восток. В Потьме наш состав отцепляется и ставится на запасной путь на неопределенное время. Прогулки по лесу, мытье горячей водой в чьей-то избе. Жалко, что поблизости нет купания. Томительное ожидание, приятное впечатление от отсутствия затемнения. Вольпер уезжает вперед, в Мелекес. В конце нашего эшелона идет теплушка с эвакуированным железнодорожником. Семья везет с собой корову, и во время пути мы имеем возможность купить молоко.

Вечером, на второй день стоянки, мы обсуждаем вопрос, не пойти ли в кино. И в это время кондуктор начинает вешать фонари — через полчаса едем.

ПРИБЫТИЕ В МЕЛЕКЕС

30 июля, часов в 5 вечера прибываем в Ульяновск, вернее Киндяковку. В последний раз проверяем вагоны, убеждаемся,

¹⁷ Насонова Екатерина Александровна — мать моей гимназической подруги и мой очень близкий друг.— (прим. автора).

что на них правильно написана станция назначения. Надежда переехать Волгу засветло не исполняется. Ночью на остановке выглядываю, с удовлетворением вижу лес, а не степь. Ташимся медленно, не выдерживаю и ложусь спать. Просыпаюсь 31 июля часов в 6 утра. Теплушка стоит на запасном пути ст. Мелекес. Пьем чай, на вокзале покупаем сыр, кексы... Отправляем в больницу заболевшую дизентерией Генриетту Прокофьевну.

До 11 часов получаем свободу, и я несусь на ближайшую горку, где манит сосновый лес. Пишу первые письма из Мелекеса. Первое письмо пишу Сурчатам¹⁸. В связи с этим вспоминаю наши совместные Кавказские путешествия. Вспоминаю, с каким неудовольствием я всегда кончала отпуск и возвращалась домой. В голове бродят смутные мысли, что сейчас я так болезненно ошущаю отъезд из дома, что никогда не буду больше ворчать на возвращение в Ленинград и на работу. В первый раз вижу, как на тележке люди самоснабжаются дровами.

Мне как назначенному на время путешествия «директору хозчасти», приходится добывать хлеб. Хлопоты об его получении показывают мелекесский бюрократизм, но всю глубину его еще не сознаю. С непривычки хлеб кажется просто несъедобным, непропеченым.

Узнаем, что здание, отведенное нам Совнаркомом, занято под госпиталь. Сносимся через Куйбышев с Москвой по телефону, ехать ли куда-то дальше или оставаться здесь. Приказ — оставаться здесь.

Вагоны перевозят на территорию Главмуки, начинается их разгрузка. Часть ящиков развозят сразу по отведенным зданиям, часть разгружают в пакгаузы Главмуки. Наступает вечер. Гранский¹⁹ предлагает мне ночевать в общежитии Учительского института, куда уже перевезена часть ящиков. Часть из них осталась лежать перед зданием — ее скинули с игрушечного, взявшего торф поезда. С представителем Облоно ждем присылки людей. Приходят уже в темноте, втаскиваем ящики в вестибюль при свете свечи.

¹⁸ Сурчата — М. А. Мыслина и Ю. Н. Егоров, друзья Т. А. Быковой.

¹⁹ Гранский Виктор Исидорович (1903—1970) — библиограф, сотр. ГПБ (1938— 1949, 1956 — 1969), зав. Справочным бюро. Начальник эшелона и с августа 1941 г. по март 1942 г. директор Мелекесского филиала. С ним в Мелекесе находилась жена Полина Анатольевна и мать Есфирь Иосифовна.

Первые ночи ночую в Учительском институте. Он расположен на горке. Вечером с подъезда любуюсь раскинувшимся внизу в розовой дымке Мелекесом, поблескивающей вдали лентой Черемшана, изредка проходящими поездами. Ближайшее будущее подернуто такой же туманной розовой дымкой.

На другое утро, вернувшись в теплушку, узнаю, что приехала Враская. Ей удалось привезти из Осташкова дочку и приехала она со своими родственниками Мандельштамами²⁰.

До конца августа перевозим ящики. В конце месяца все перевезено и расставлено. Но в каких помещениях! Несколько раз технические комиссии определяют, какую нагрузку могут выдержать вторые этажи. А деревянные лестницы трещат под тяжестью носильщиков с ящиками. В случае пожара ничего не спасти, несмотря на каменные строения.

КАК РАССЕЛЯЛИ СОТРУДНИКОВ

6 августа нам объявляют, что мы покинем теплушку и нас развезут в предназначенные комнаты. Горсовет предоставил для нашего расселения ул. Аблова. Администрация сама осмотрела помещения. В большинстве это не комнаты, а предкухни, но администрация согласилась на них. Нам их не показали предварительно. Если даже предоставлялись на выбор два помещения, то выбор между ними надо было делать на ходу, пока телеги с вещами стояли у подъезда.

В это время, несомненно, в Мелекесе можно было получить лучшие комнаты.

Я получила отдельную комнату в четыре метра с дверью, темноватую, у хороших хозяев, с очаровательным садом-огородом при доме. Только далеко от центра, минут пятнадцать ходьбы до канцелярии. Приятно было после трехнедельного теплушечного жития раздеться, лечь в собственную кровать. В то время я не подозревала, как мучительно будет преодолевать путь до

²⁰ Мандельштамы — Мандельштам Исай Бенедиктович (1885 — 1954) — переводчик; Мандельштам Мария Абрамовна (? — 1953) — медсестра, жена И. Б. Мандельштама; Каннегиссер Нина Николаевна (1909 — 1982) — переводчица, микробиолог. В Мелекесе заведовала Малярной станцией. Мандельштамы приехали в Мелекес благодаря О. Б. Враской.

Библиотеки по невероятной черноземной грязи... Или во время весеннего таяния, когда приходилось брести по шиколотку в воде или проваливаться выше колен в воду, скрытую снегом. Тротуаров в нашей части города уже не было проложено.

ЖИЗНЬ «АБЛОВСКОЙ КОММУНЫ». ПРОБЛЕМА ТОПЛИВА. НРАВЫ МЕЛЕКЕССКИХ ЧИНОВНИКОВ

В октябре у моих хозяев освобождается еще одна комната в 11 метров. Мы с Враской и ее дочкой Мусей объединяемся в этой комнате, а в мою переселяется Ляпунова²¹ с сыном Андреем. В нашем распоряжении, кроме комнат, маленький коридорчик и темная 4-х метровая комната. Образуется «Абловская коммуна» или «Дворянское гнездо», как называют нашу комму-ну за спиной. Летом наш дом оказывается на пути к огороду и в нашем сарайчике будет склад инструментов.

Наслаждаюсь вечерней тишиной, сидя в огороде-садишке. Из садики видна железная дорога и видно, как идут на восток эшелоны с людьми и оборудованием заводов.

В конце августа Вольпер возвращается в Ленинград, и мы остаемся под эгидой Гранского.

* * *

Мы не подозреваем ужасов зимы с 56-градусными морозами (зима 1941/42 года была исключительно суровая), с невозможностью натопить помещение, с промерзающими углами, с сыростью, от которой плесневеют платья, от которой у меня сгнил и развалился сенник. Температура в комнате плюс три-четыре градуса. Но в августе мы верим в получение 470 кубометров дров, оставшихся Библиотеке от Политпросветшколы в наследство. Нам обещают их привезти, только не сейчас, пока идет уборочная кампания, а осенью. Не могли мы предполагать, что осенью нам скажут: «Как возить в осеннюю грязь, вот

²¹ Ляпунова Анастасия Сергеевна (1903—1973) — музыковед, текстолог, сотр. ГПБ (1940 — 1963), гл. библиограф Отд. рукописей. С ней в Мелекесе были сын Андрей (р. 1935) и сестры: искусствовед Ксения Сергеевна (1900 — 1942) и пианистка Ольга Сергеевна (1906—1956).

по санному пути...». А зимой припев будет: «Как же по снегу в лесу подойти к дровам, зимой дров не вывезешь...». Не могли мы предвидеть, что в Мелекесе нет Гортопа (он образовался в 1944 году), что город никогда не заботился об отоплении граждан.

Для первых дней надо получить топливо. Иду к Ильину, к «королю Мелекеса», который является председателем чуть не всех артелей и обладателем городского транспорта и по своему управляет Горсоветом. С интересом провожу у него в кабинете полчаса. Полный, в косоворотке, русских сапогах, это законченный тип русского купца из пьесы Островского, просящийся на сцену Художественного театра. Покупаю у него за двадцать рублей «рынду»²² шепы, ее привозят во двор к Дружининой, откуда мы разносим ее в мешках по домам.

Нужно подумать о топливе более серьезно. Узнаем, что на лесозаводе можно купить отходы по 4 р. кубометр, только их надо собирать самим. И вот по очереди научные работники ГПБ стоят под зданием завода, откуда сбрасывают срезы от горбылей. Собирать приходится целыми днями. Наконец набрано количество, которое может гарантировать каждому сотруднику кубометр шепы. Впервые конкретно ощущаем трудности транспорта. Едем как-то с Трей²³ на телеге за шепой. Лошадь истощенная. Никакие «но», «пошел», «тпру» на нее не действуют. Какое облегчение мы испытываем, когда вдруг устанавливаем, что она понимает управление на татарском языке. Застряв посреди огромной лужи, она вдруг двигается от крика «айда». С большими мытарствами телега шепы перевезена. Во время пути мы переходим от отчаяния к хохоту. Домой возвращаемся по шиколотку в черноземной грязи. Со второй партией собранной шепы выходит неудача, лесозавод передал ее кому-то другому, хотя нами и было за нее заплачено. Этот факт помогает ознакомиться с нравами Мелекеса, где должностные лица говорят: «Я вам обещал, но из этого не значит, что я должен сделать...».

Горсовет проводит анкеты среди эвакуированных. Изводят-ся длинные бумажные простыни с вопросами, в чем человек

²² Рында — телега для возки снопов.

²³ Трей Елена Христофоровна (1892—1975) — реставратор, сотр. ГПБ (1936—1963), зав. реставрационной мастерской. В Мелекесе с авг. 1941 г. по 1945 г.

нуждается. Кроме бумажной волокиты, из этих периодических обходов ничего не происходит. Просьбы о калошах, обуви для ребят отклоняются. «Куированные» — отшепенцы, не люди, лучше снабдить необходимым обмундированием своих мелекесян. «Блат», нечестность, воровство — обычное дело. Несмотря на все наши усилия, нам не удалось провести общественного контроля над столовыми. По сути, провинция недалеко ушла от гоголевских времен, только должностные люди иначе называются.

В августе нас поражает отсутствие на улицах милиции и военных. Скоро город наводнится военными и эвакуированными.

ЦЕНЫ. ПОЛОЖЕНИЕ С ПРОДУКТАМИ. ОБЩЕСТВЕННАЯ СТОЛОВАЯ. РЫТЬЕ ОКОПОВ

Когда мы приехали цены были низкие: молоко 2 рубля литр, масло 7—8 рублей фунт, десяток яиц 5 — 7 рублей, мед 15 рублей кило, мясо 15 — 17 рублей кило. Запас картошки до января нами сделан по 1 р. за кило. В августе я наивно рассчитывала, что на свою зарплату в 450 р. я смогу не только прилично питаться, но и связать себе шерстяную кофточку. Карточного снабжения, кроме хлебного, нет. 31 декабря вдруг объявили выдачу сахарного песка по октябрьским карточкам. Песок должен быть получен до 1 января и раздается в одном магазине на весь город. Что там творилось!

За всю зиму мы получаем две бочки соленой хряпы и помидор. Получение хлеба — мука, хотя мы получаем его организованно, на учреждение. Поймать ларечницу и хлеб удастся иногда в 7—8 часов вечера, простояв целый день на сквозняке в подворотне. Развешиваем хлеб в канцелярии.

Ехали мы дружной компанией, нас объединяло чувство ответственности, общее неведомое будущее. В первые дни мне пришлось развешивать для раздачи продукты, полученные при отъезде из Ленинграда. Осталась какая-то часть муки и совершенно искренно я воскликнула: «Это мы оставим для встречи Нового года!». Когда съехалась «Абловская коммуна», мы устроили новоселье 17 октября, позвав всех. Не все

пришли — Равкина²⁴ и «девочки» не появились у нас. Скоро начнет обнаруживаться, что единства в коллективе нет. Очень разные люди собраны, разные требования к жизни и людям предъявляются. Угнетает тяжесть быта. Появляется большая разобщенность. О коллективной встрече Нового года никто не заговаривает. Наше общение ограничивается традиционными чаепитиями, следующими за торжественными заседаниями, 7 ноября и 1 мая с обязательным присутствием пожарной охраны. На вечерах царит официальная скука. Спасает положение выступления ребят.

* * *

Вспоминается коллективное предприятие — общественное питание. Открытие официальной столовой требовало каких-то формальностей, а без официальной столовой не давались продукты по государственной цене. Приходилось их покупать на рынке. Чаще всего это была моя обязанность, стряпала Ольга Борисовна. Готовила обед в кухне при канцелярии. В час дня Ольга Борисовна начинала стряпню. В четыре с половиной часа, после окончания рабочего дня, обедали и расходились по домам. Сначала дело шло хорошо, но вздорожание цен, отсутствие оборотных средств сделали ведение столовой невозможным. В начале января 1942, после двухмесячного функционирования, она прекратила свое существование.

Была сделана попытка закупить для нее картошку по дешевой цене в деревне. Вооружившись санками, мы с Бриллиантом в ноябре отправились за семь километров в Сабакаево. Попытка оказалась с негодными средствами. С трудом купили четыре пуда по базарной цене. На пути домой совершенно измучились. Дорога плохая, снегу мало. Мы были неопытны в процессе возки. Бриллиант ташил впереди, я толкала сзади, но не шестом, а согнувшись, упираясь в мешки. Так, почти на четвереньках, прошла всю дорогу домой. Вернулись в темноте; перед домом, при спуске с железнодорожной насыпи, санки перевернулись и пришлось все собирать и увязывать. Поехать за картошкой куда-нибудь далеко, где она была бы дешевле, было

²⁴ Равкина Берта Израилевна (1991 — 1971) — литературовед, сотр. ГПБ (1937—1948), гл. б-рь Отд. рукописей. В Мелекесе с авг. 1941 г. по окт. 1944 г.

невозможно из-за транспортных затруднений. Да и экипированы мы были неподходяще для такого путешествия. Изобразить же вторично ретивых коней — нам не захотелось.

* * *

С первых же дней нашей жизни в Мелекесе выяснилось, что пребывание здесь не совсем безопасно. Наркомпрос указал нам, что возможно дальнейшее продвижение на восток; если не всех фондов, то хотя бы наиболее ценной части груза. В конце октября в городе проводится мобилизация на спецработы за Волгой (рытье окопов). От нас намечены Аня²⁵ и Сима²⁶, наш завхоз и счетовод (служащие, нанятые уже в Мелекесе) и я. Рентген и докторский осмотр освобождают меня от работ. Остальных мы торжественно провожаем 27 октября. Вернулись они через месяц, измученные.

Бытовые условия ужасны, питание, даже кипятков, не налажено, организация работ бестолкова. Нина Николаевна, проработавшая на спецработах три месяца в качестве сестры, вернувшись в свою детскую палату, переболела всеми детскими различными болезнями — до такой степени понизилась сопротивляемость организма.

РАБОЧИЕ БУДНИ. ПОЛОЖЕНИЕ СОТРУДНИКОВ И ФОНДОВ. ВЕСТИ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Помню ясный, солнечный день. Мы в канцелярии. Радио приносит вести об оставлении Полтавы. Боль, недоумение, настороженное ожидание будущего.

* * *

В конце ноября появляются беженцы из Москвы, приезжает НАТИ²⁷. Он занимает общежитие Учительского института, и на-

²⁵ Аня — Златкина (Овчаренко) Хана Майримовна (р. 1919) — сотр. ГПБ (1938 — 1946), б-рь Межбиблиотечного абонемента.

²⁶ Сима — Неймотина Саломея Абрамовна (р. 1918) — сотр. ГПБ (1936 — 1976), б-рь Отд. фонда и обслуживания. В Мелекесе с авг. 1941 г. по 1945 г.

²⁷ НАТИ — Научно-тракторный институт, эвакуированный из Москвы в Мелекес.

ши ящики уплотняются в два помещения: в бывший Дом учителя и в бывший Дом пионеров. Нам отдается помещение магазина в бывшем Доме пионеров. Перевозим ящики на чудной американской машине МАС. Она громоздка для Мелекеса — груженная ящиками она грозит сорвать провода. Один вечер ящики остаются ночевать в подворотне Дома пионеров. Устанавливается ночное дежурство. В полночь нам приходится сказать, что Ляпунова и я дежури́м с двух часов. Идем, чудная лунная ночь, холодно, мороз градусов двадцать. По очереди греемся в пекарне, которая мирно уживается рядом с нашим грузом в Доме пионеров. С удовольствием лакомимся булочками, которыми угощают пекаря.

* * *

Помещение на «Горке», в Учительском институте было единственно отапливаемым, кроме канцелярии, и там мы работали. Вскрывали ящики, просчитывали число единиц, сверяли данные с паспортом, проверяли сохранность, если нужно, давали в реставрацию т. Трей, которая работает дома, т. к. в канцелярии температура слишком низкая. На фонды истории и искусства, вывезенные выборочно, составляем краткую опись на карточках. С ликвидацией «Горки» прекращается работа. Начинаются длительные зимние месяцы службы без работы. Остаются дневные дежурства в канцелярии, дневные и вечерние дежурства на развернутой выставке «Великая Отечественная война». Днем, за отсутствием работы, штопаем на службе носки для госпиталя.

По ночам на каждом объекте у нас ночные дежурства. Впоследствии они отменяются, т. к. в Доме учителя живет директор, а в Доме пионеров комендант (наш же сотрудник). В виду отсутствия работы, помогаем городской библиотеке, но это только бессмысленное времяпрепровождение.

* * *

Зимой приезжает к нам ревизор из Наркомпроса. Лучше бы таких ревизоров не посылали. Он находит, что нет ничего особенного в том, что наши фонды стоят в нетопленном помещении — ведь вот Пензенский краевой музей тоже не отаплива-

ется. Понять разную значимость этих двух учреждений он не в состоянии.

Конечно, наша администрация недостаточно энергична. В 45 году мы узнаем, что Пушкинский дом, эвакуированный в Новосибирск, находясь в таком же положении, как мы, телеграфировал Молотову, и последовало распоряжение отгрузить из Кузбасса уголь²⁸.

В конце декабря Горунович²⁹ извещает меня, что умерли Добрин³⁰ и Слонимский³¹. Это первые скорбные вести.

НОВЫЙ 1942 ГОД. ВЕСТИ ИЗ ЛЕНИНГРАДА. ЛЕНИНГРАДСКИЕ СМЕРТИ. БЫТ

Моя корреспонденция очень широка, получаю письма из самых разных концов России. Их число служит предметом подтрунивания товарищей. Правда, получение письма есть испытание терпения, т. к. при слишком слабом зрении я не могу их читать при копилке и прочитываю на другой день при дневном свете. Ответы пишу иногда на крыльце при лунном освещении. Разносчица телеграмм скоро перестает мести грязь по Абловой и приносит мне все телеграммы в канцелярию, т. к. она рядом с почтой. А случается, вручает мне телеграммы других Быковых. Однажды, увидав, что я в гостях у Ляпуновых, передает мне телеграмму через Анастасию Сергеевну.

С Ленинградом до Нового года наши сношения оживленные. Елена пишет регулярно раза два-три в неделю, но обстановку жизни скрывает.

21 сентября радио впервые приносит известие о бомбежке

²⁸ А много позже я узнаю, что Ленинская библиотека была переведена из какого-то маленького города в Кировск, т. к. фондам и людям было плохо. — (коммент. автора). Эвакуация части фонда ГБЛ была проведена в два приема: в июле 1941 г. в г. Бор (Горьковская обл.) и в ноябре 1941 г. в г. Молотов (Пермь). В связи с участвовавшими налетами вражеской авиации книги первой очереди эвакуации из г. Бора тоже были отправлены в Молотов.

²⁹ Горунович Ирина Яковлевна (1896— после 1956) — библиотекарь, сотр. ГПБ (1927—1942), библиотекарь Отдела систематизации.

³⁰ Добрин Яков Борисович.

³¹ Слонимский Иван Иванович.

Ленинграда. Получаю успокоительную телеграмму. С этого времени они до января поступают регулярно. В октябре получаю письмо, что околел наш Рыженький от укуса крысы, которых он ловил с голоду. Знаю его фокусность в еде и не беспокоюсь об общем состоянии города. Такое чувство, точно оторвался кусочек дома. Я чуть не плачу над смертью кошки, не подозревая, что скоро начну оплакивать людей.

Имеем косвенные сведения, что в штабе МПВО Библиотеки Октябрьская годовщина была отпразднована с вином и пирожными.

Новый, 1942 год, мы встречали «Абловской коммуной» у Мандельштамов. Вернее, это не встреча Нового года, а ранняя детская елка. Дом Мандельштамов является единственным уголком в Мелекесе, где вспоминаешь, что принадлежишь к числу интеллигентных людей, где можно обсудить последние газетные новости, поговорить о прочитанном, послушать переводы Исаи Бенедиктовича. Дома заедает быт, маленькая лампа не дает возможности читать по вечерам, радио у нас нет (да и книг интересных нет, мы не достаточно акклиматизировались в Мелекесе, чтобы их получать по «блату»). Система обслуживания городской библиотеки такова. На столе лежит кучка всегда одних и тех же книг: Горький, Избранные произведения Лермонтова, Пушкина... Избранным читателям вынимаются из ящика новые покупки. Некоторые допускаются в книгохранилище и к сорока разрозненным иностранным книгам. Обслуживающий персонал сам не уверен в том, что у них стоит в книгохранилище. Мне долго отказывали в 1 томе Ключевского, а Ляпунова его выудила с полки.

На елке, которую изображает сосна, т. к. елок в Мелекесе нет, при встрече Нового года горят свечи, привезенные мною из Ленинграда, булочки из ленинградской крупчатки³². Исай Бенедиктович декламирует. Кончает он «Eskommet die Musike...» Оскара Штрауса на слова Лиlienкрона³³. Никто не подозревает, какое горе и волнение несет нам наступающий год.

³² Крупчатка — сорт белой пшеничной муки.

³³ Имеется в виду песня «Музыка приходит» австрийского композитора и дирижера Оскара Штрауса (1870—1956) на слова немецкого поэта Фридриха Акселя Адольфа Лиlienкрона (1844—1909). И. Б. Мандельштам переводил его стихотворения в Мелекесе.

В январе 1942 года прерывается регулярное сообщение с Ленинградом. Я привыкла получать письма от Елены через два-три дня, а тут наступает перерыв в месяцы, в то время как к другим весточки просачиваются. Не знаю, что и думать.

Получаем косвенные сведения, что в январе выехали в Мелекес Стругацкий³⁴ с сыном и Вольпер. Проходят недели, а их нет. Позже узнаем, что Стругацкий по дороге умер, а Вольпер приезжает 28 февраля.

Вечер моих именин, в воскресенье 25 января, мы собираемся «Абловской коммуной» провести у Мандельштамов. Днем я дежурю по канцелярии. После пяти часов забегая домой, меня ждет письмо в конверте библиотеки. Ляпунова и Враская крайне заинтересованы. Уже темно, я не вижу, и Ольга Борисовна берется прочитать письмо. Оно извещает о смерти ее мужа³⁵. Гранстрем³⁶ просит меня подготовить ее к этому известию.

В феврале приходит от Гар³⁷ письмо на имя Вольпера, которого еще нет. Гар пишет, что она, Аникин³⁸ и Мария Эдуардовна находятся в стационаре. Орловская просит передать привет Быковой. С досадой думаю о том, что Мария Эдуардовна не любит писать письма, а то могла бы написать сама. Совершенно иначе расцениваю этот привет через несколько недель, когда из письма А. Д. Люблинской³⁹ узнаю о смерти Марии Эдуардовны, Банка⁴⁰ и Никольского⁴¹. Она не дожила своего срока в стационаре, за два дня до смерти ее отправили домой.

В ясный мартовский день, по предложению врача, после воспаления легких, добросовестно гуляю в лесу. В первый раз в жизни природа, синее небо, блеск снега не приносят моей душе успокоения, и я бегу из лесу, преследуемая теньями ушедших друзей, мрачными мыслями об отсутствии вестей из дому.

И все-таки картина истинного положения в Ленинграде нам

³⁴ Стругацкий Натан Залманович.

³⁵ Левин Борис Давыдович (1898—1941) — переводчик, иранист, юрист, муж О. Б. Враской. Умер в Ленинграде в декабре 1941 г.

³⁶ Гранстрем Евгения Эдуардовна.

³⁷ Гар Вера Евгеньевна.

³⁸ Аникин Николай Иванович.

³⁹ Люблинская Александра Дмитриевна.

⁴⁰ Банк Владимир Эммануилович.

⁴¹ Никольский Николай Петрович.

не ясна. Приехавший Вольпер молчит и только значительно позже немного приоткрывает завесу. Начинают просачиваться вести из других источников.

* * *

К невеселому моральному состоянию присоединяются тяжести быта. День наш складывается следующим образом. Встаем в 6 часов. Затапливаем «голландку», кипятим чай из шиповника и варим завтрак. В семь часов начинают просыпаться хозяева, тогда выносим помойные ведра и приносим два ведра воды из колодца. Мы очень дорожим наличием колодца на огороде с питьевой водой. Это избавляет нас от необходимости носить воду из «бассейки». Трудно не только хождение по морозу и грязи, но и сам процесс накачивания является тяжелой физической работой. После завтрака стрижем овощи на обед (крупы у нас минимум, несколько килограмм), иногда заставляем часть обеда в голландку. К девяти бежим на службу. В шестом часу приходим домой, затапливаем голландку. Греем или варим обед. Если нужно, то воду для стирки греем тут же. С 1942 года мы стираем шелком, т. к. мыла нет. Иногда с вечера заготавливаем тыквенную кашу с чашкой ржаной муки на завтрак. Часов в семь — половине восьмого, пока хозяева не легли (а они живут в проходной кухне), идем за водой, выносим ведра. Более поздние выходы затруднительны, так как поход куда-нибудь вечером всегда связан с неприятными разговорами. За всю зиму мы с Ляпуновой раз пошли в кино. Фильм неинтересный, и в кино так зверски холодно, что мы убегаем до конца. Да и устаем мы очень, ложимся часов в девять спать. Недаром приехавшие в августе 42 года «ленинградцы» поразились нашим измученным видом. Много мучений доставляет пол. Из-за стряпни в голландке всегда невероятно грязен и мытье его стоит трудов. Т. к. мы ехали вслепую, не зная куда, мы плохо экипированы — у многих даже валенок нет.

Меня давит сознание, что при отъезде из дома Елена сунула мне весь домашний запас круп и сахара: «Мы в Ленинграде все достанем, а ты знаешь положение в провинции». Как я была рада, что моим сахаром успела полакомиться тетя Катя⁴², а почти весь запас круп я сохранила до приезда Елены в Мелекес.

⁴² Тетя Катя — Проскурякова Екатерина Федоровна.

ЗИМА 1942 Г.
ПРОБЛЕМА ДРОВ. БОЛЕЗНЬ.
РАБОТА НА ДЕЛЯНКАХ

До января погода стоит мягкая, мы обходимся шепой и купленными дровами. В декабре Горсовет постановляет выдать эвакуированным по три кубометра на семью. Мы радуемся. Но в Мелекесе обещать не значит сделать. И вот каждое утро к семи часам Трей или тот, кто особенно заинтересован в дровах, в темноте, часто во вьюгу, идет за город на конный двор и при распределении лошадей упрасивает уделить лошадь на долю библиотеки. Лошади обессилены, целый кубометр привезти не в силах. Их кормят какой-то дрянью и, если их пустить рысью, у них начинается понос. Три утра Ольга Борисовна бежит на конный двор к тому же вездесущему Ильину, вымаливая привоза дров — мы жжем последние поленья. Какое чувство радости охватывает меня, когда вернувшись после дежурства на выставке вечером домой, я вижу в ярком лунном свете первый кубометр дров да еще березовых!

В начале января прикупаем еще кубометр и считаем, что обеспечены дровами до середины февраля. Но наступают сорока-пятидесяти градусные морозы. В воздухе стоит морозный туман, через него проглядывает багровый шар солнца. Воротник, шапка мгновенно индевеют. Счастье, что при сухом воздухе мороз переносится легко и на улице не так страшно. Не то в комнатах. Дома построены так, что зимний ветер выдувает все тепло. Усиленная топка два раза в день не спасает положения, на полу замерзает вода. Все наши дровяные расчеты разбиты. Мы начинаем понимать, что требования хозяев на 12 — 15 кубометров на зиму не завышены.

В канцелярии у нас около нуля. Но сколько в нас еще энергии и сил. Распиловку и колку дров по вечерам при свете луны я рассматриваю как физическое упражнение на свежем воздухе. Через год-полтора это будет тяжелый труд.

В феврале мы берем делянку в лесу. Ее разделявают нам заключенные из ИТК. С Трей мы ходим туда с лесниками, вымеряем, клеймим. В февральские солнечные дни это приятная прогулка километров на двенадцать-четыренадцать. В последний

раз 27 февраля мы возвращаемся из леса в 10 часов вечера. На другой день к вечеру у меня подскакивает температура до тридцати девяти градусов, начинается воспаление легких. На службе мне делается дурно, и лихая тройка товарищей мчит меня на саночках домой,— иного транспорта нет. Температура держится неделю. Мелекесские врачи лечат заочно — Ольга Борисовна ежедневно сообщает в поликлинику о моем состоянии. В результате воспаление проглядели, после него обнаруживается инфильтрат. Многие недели бюллетеня, несколько раз возобновляющиеся респираторы в течение трех лет.

31 марта разыгрывается страшный буран, по дорогам замерзло много людей. Мы в волнении — Трей уехала за посевной картошкой. Наше беспокойство обосновано, она чуть не погибла. Вернулась без картофеля. Его удастся привезти при второй поездке.

Бюллетень мой длится с 28 февраля по 15 мая. Много гуляю, весна дружная, ранняя, душистая. Весенний паводок в городе, когда все улицы обращаются в непроходимые реки и лужи, приковывает меня на три дня к дому. Разлив Черемшана прорывает дамбу, и нашему концу Абловой грозит затопление. До постройки дамбы случалось по Абловой ездить на лодках. Дамбу быстро починили, и вода залила дома за два квартала не дотя до нас.

13 марта получаем вторую делянку, которой ведает Дружинина. В конце мая выясняется, что надо еще допилить четыре кубометра дров. Идем в лес. Это наше первое боевое крещение. Компания в десять человек принуждена ради четырех кубометров ходить два дня. Правда, в первый день у нас пилы совершенно тупы. В лесу нас одолевают комары. Аня не выдерживает и полчасика и убегает домой.

У меня от укусов отекают ноги. Вывозим дрова с делянки только осенью. Из-за вечных поломок машин часть их остается в лесу — по истечении определенного срока лесничество запрещает вывоз.

Часто думаю, как любит издеваться судьба. Последние годы я все мечтала прожить на природе с конца марта по октябрь. Моя мечта исполнилась, но я предпочла, чтобы она никогда не осуществлялась.

ПРИЕЗД ЛЕНИНГРАДЦЕВ. ЛЕТО 1942 г. ОГОРОД. 2-Я ПАРТИЯ ЛЕНИНГРАДЦЕВ. РАБОТА В КОЛХОЗЕ И В ЛЕСУ

2 мая неожиданно получаю телеграмму от своих из Менделеева Молотовской обл — они эвакуировались 9 апреля. Известие неожиданное, т. к. за несколько дней перед тем пришла телеграмма от 23 марта, что они остаются в Ленинграде.

В апреле Анастасия Сергеевна получает известие, что умерла в Ленинграде одна ее сестра. Мать и две другие сестры 11 апреля эвакуируются в Мелекес. Проходит неделя, другая, приходит открыточка, что эшелон повернули на Северный Кавказ. Неожиданно, в 20-х числах мая с вокзала приходит женщина в канцелярию и говорит, что приехали две сестры к Ляпуновой. Ксения Сергеевна и Ольга Сергеевна были единственными ленинградцами, которых я видела в состоянии дистрофии. Забыть этого нельзя. Мать Ляпуновых умерла по дороге, Ксения Сергеевна скончалась через три дня по приезде в Мелекес. Это были первые жертвы в нашем коллективе. Выезд родных из Ленинграда создает чувство, что «дом» рухнул. Это чувство общее у Ляпуновой и у меня. У Ольги Борисовны он рухнул со смертью мужа. Эвакуация перестает ощущаться как временное пребывание, откуда будет возврат к себе, домой. Психологически она становится томительной и гнетет.

В мае начинается посевная кампания на коллективном огороде. В качестве маэстро выступает Гранский. В холодный дождливый день с пронизывающим ветром под плуг сажаем картошку. Все одеты легко. Мы живем близко, и я бегу домой (минут пятнадцать ходу) за всяческим теплом для всех. И все-таки промерзаем до костей.

Огород для нас дело новое. У меня оно не вызывает отвращения и с удовольствием провожу часы и дни среди природы, успевая полюбоваться и облаками, и освещением. У меня нет настроения Владимира Александровича, который ворчит: только теперь начинаю понимать проклятие Иеговы Адаму: «в поте лица будешь добывать хлеб свой...». Позднее, летом при работе на огороде в обеденный перерыв бегаю освежиться купаньем на Черемшан. Пропагандирую этот отдых среди товарищей.

На огороде работаю недолго. В июне начинается мобилизация на две недели на прополочные работы. Охотно принимаю предложение Вольпера поехать в село Сабакаево. Мне интересно ознакомиться с современной деревней в таком плодородном краю. Кроме того, наивно думаю, что моя работа может принести пользу стране. Первые же дни меня убеждают, что мы теряем время зря. Невероятная засоренность полей, нежелание колхозников работать, недоброжелательное отношение к мобилизованным, неумение организовать работу — делают наше пребывание в колхозе бессмысленным. По активности своего характера попадаю в бригады прополочной бригады. Должна сказать, что легче справиться с самым буйным классом, чем с бригадой мелекесских девчонок. Живем мы в «культурном» стане — полуразрушенном хуторе, спим вповалку на полу, стряпаем на костре под открытым небом. На работу в поле приходится ходить километра за три — четыре, а село Сабакаево от нас в семи километрах.

Каждый вечер уезжаю с колхозным бригадиром в село сдавать отчет и поздней ночью, часа в два, возвращаюсь в стан. Привожу продукты и «хлеб», вернее горькую, липкую глину. Встаю на рассвете делить его «на глазок», т. к. весы отсутствуют. Занятие малоприятное.

Благодаря положению бригадира близко знакомлюсь с жизнью колхоза и вполне представляю себе сельскую жизнь.

В моем существовании тут и приятные стороны. Стан расположен высоко в степи и открываются широкие дали. Приятно в жаркий день идти среди хлебов. Красиво и ночное возвращение в стан, когда вдали блистает электрическими огнями Мелекес. Живя в нем, не подозревала, что в нем столько электричества — это противоположная от наших краев часть города — вокзал, элеватор, Главмука. Над головой звездное небо. По нему бегают огни прожекторов.

Бывают всякие неожиданности. Иногда ночью приходится распрячь лошадь и дать ей подкормиться, иначе она не везет. Иногда приходится подталкивать телегу сзади. Вылезаете и дрожите за судьбу десяти бутылок молока, которые я покупаю и везу для своей бригады.

С интересом живу в колхозе пять недель. Но когда выясняется, что мы оставлены до конца уборочной кампании, настроение падает. Лето довольно дождливое, очевидно это ведет к обострению инфильтрата. Я попадаю на бюллетень, и он освобождает меня от мобилизации. Все на свете относительно: попав из «культурного» стана в нашу запущенную, просыревшую комнату, я ошушаю, что попала «домой». Какое блаженство спать хотя бы на жесткой постели, а не валяться на полу.

Август мы проводим в лесу. Собственными силами мы должны заготовить 300 кубометров дров. У нас были возможности нанять рабочую силу, но Вольпер почему-то нашел правильнее библиотекарей обратиться в лесорубов, забросив производственную работу. Живем в баньке на самом берегу прозрачной и холодной Ераклы. Берега Ераклы заросли высочайшей крапивой, где скот протоптал тропинки. Однажды в этом лабиринте заблудился Бриллиант и еле выбрался, так как крапива выше его роста и он не мог ориентироваться.

Спим на полу. Часть из нас спит в предбаннике, где крышей служит хворост. По счастью стоит ясная погода, но по ночам холодно. 26 августа ночью неожиданно грянул мороз и поморозил огурцы и бахчи. Стряпаем на костре. Иногда в бане, привлеченный бутылкой с молоком, появляется уж.

Дежурный в пять разводит костер, в шесть общая побудка и завтрак, с семи до двенадцати работа в лесу. В двенадцать обед и до трех отдых, с трех до семи опять работа.

Лес красив в любое время, но работа не дается легко. Первые дни дневная норма 4 кубометра на бригаду выполняется легко, но утомление берет свое и день ото дня выработка падает. Во всяком случае к началу сентября 270 кубометров заготовлено.

Настроение не всегда спокойное. Немцы под Сталинградом. Однажды вечером, мы не успели еще заснуть, из Мелекеса доносится тревога. У каждого мелькает мысль — настоящая или учебная. Особенно волнуются матери, у которых ребята остались в Мелекесе. Шипенье паровоза нас успокаивает — тревога учебная. Враской с нами нет: Муся больна, в больнице, и она с ней.

В лесу узнаем неприятную новость: эвакуированные ленинградцы приравнены к остальным и норма хлеба снижена с 500 до 400 граммов.

В начале сентября, в субботу, все уходят домой. Мы с Трей остаемся дежурить при вешах, пока за нами не пришлют или нам не удастся погрузить их на проходящую машину. Ловля транспорта удастся не сразу. Однажды мы зря перетаскали вещи на шоссе, в последнюю минуту шофер отказал и нам пришлось все волочить назад.

Воспользоваться этими дровами нам не пришлось: они все были присвоены и вывезены без церемоний военными. Одна машина вывезла дрова при нас. Она пришла без номеров. наших мужчин, вскочивших на нее, красноармейцы просто скинули.

Дровяная эпопея 42 года еще не кончена. В октябре нам объявляют, что мы должны заготовить сорок кубометров для нужд города. В ясный осенний день Вольпер, Фадеев⁴³ и я идем в лес за семь километров. Мы не можем найти нужного квартала в лесу и начинаем валить первое попавшееся дерево. На шум прибегает лесник и провожает до нашей порубки. В следующий раз я попадаю в бригаду с Жак⁴⁴ и Ляпуновой. Пила и топор даны до того тупыми, что работать невозможно. Лесник сжаливается над нами, точит их, ворча: «Какой дурак отправляет людей с такими инструментами...». Результаты нашей работы так плачевны, что посылка людей прекращается.

* * *

В то время, как мы живем в лесу, приезжает вторая партия из нашей Библиотеки, называемая нами в просторечии «ленинградцами». В лес мне приносят известие, что приехала Екатерина Федоровна и сразу попала в больницу. После борьбы с Вольпером, который не хочет меня отпускать, несусь в город. Тетя Катя лежит в желудочно-кишечном отделении и меня туда не пускают. Ее кровать стоит у окна и мы разговариваем через стекло. Она полна планов, желает приезда Люсеньки (моей сестры), чтобы нам зажить одной семьей. На другое утро прихожу и узнаю, что ей плохо. Убеждаю пропустить меня к ней, она в агонии, не

⁴³ Фадеев Андрей Яковлевич — числился истопником Мелекесского филиала ГПБ, но принимал участие в разных технических и сельскохозяйственных работах.

⁴⁴ Жак Дора Константиновна (1913—2002) — библиотекарь, сотр. научной библиотеки Харьковского университета. С 1942 г. по 1945 г. работала в Мелекесском филиале ГПБ. После войны сотрудник Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве. Крупный специалист в области каталогизации.

узнает меня и через несколько минут наступает смерть. В больнице утверждают, что она наступила не от дистрофии, а от ушиба головы, при падении где-то в дороге. На другой день 28 августа мы ее хороним на запущенном мелекесском кладбище. Администрация почему-то скрывает ее смерть от приехавших сотрудников, и на похоронах присутствует всего несколько человек. Все старшее поколение нашей семьи ушло из жизни. Через месяц в больнице умирает от воспаления легких мать Садовых⁴⁵.

* * *

После лесозаготовок наступает уборка огорода. По требованию военных властей она должна быть закончена к 15 сентября, т. к. поле будет употреблено под полигон. Спешно копаем картошку и собираем тыкву, возим их в овощехранилище. Копая картошку, Бриллиант философствует, что картошка вылезает из земли блестящая, нарядная, недаром французы зовут ее *potmedeterre*.

Даже Гранский убеждается, что наше просо никуда негодное. Мне поручается продать его на солому за 4 тысячи рублей. На общем собрании длительно и детально обсуждается, как мы используем эти деньги для помощи сотрудникам (несколько раз Бриллиант основательно нам разъясняет, что нашу взаимопомощь мы по каким-то формальностям основать не можем).

С трудом, наконец, находится покупатель за 1500 рублей. В туманное воскресное утро еду с покупателем за соломой и убеждаюсь, что кто-то нас опередил и вывез все копны. На поле видны свежие следы копыт и колеи. Все наши широкие планы рухнули.

НОВАЯ ЗИМА 1942/1943 г. ЦЕНЫ. ОТНОШЕНИЯ С ХОЗЯЕВАМИ. БИБЛИОТЕЧНЫЕ ТРУДЫ

Искушенные опытом, со страхом ждем второй 1942/43 годов зимы. Она гораздо мягче, и мы знаем, что нужны дрова,

⁴⁵ Садова Анастасия Константиновна (?—1942) — мать М. А. и Е. А. Садовых. Приехала в Мелекес с дочерьми.

дрова... И мы тратим все наши ресурсы, покупаем их по 750—900 рублей за кубометр. В комнатах у нас тепло, но все наши деньги буквально уносятся в трубу. Правда, на рынке цены безумные и большая катушка ниток как-то продается у меня за 200 рублей. Сама я привезла минимум вещей. Теперь имею возможность продавать кое-что из вещей тети Кати. К моему счастью, по бесконечной доброте Марии Абрамовны и Настеньки, продающих собственные вещи, избавлена от необходимости стоять на барахолке, что проделывают по воскресеньям все товарищи.

Осенью у нас переключают печь, и мы хотим сделать плитку. Поздним осенним вечером идем с Анастасией Сергеевной на другой конец города, километра за четыре, с трудом в темноте находим нужный дом и за 500 рублей покупаем плитку (доску с конфорками). В такой же тьме по мелекесским тротуарам тащим тяжелую чугунную доску. В Мелекесе плит складывать не умеют и наша едва нагревается и непригодна для стряпни. По-прежнему стряпаем в «голландке», часами просиживая перед ней на корточках и обжигая руки: в узком проходе трудно действовать хватом, да и не зацепишь им наши кастрюльки.

Единственное облегчение этой зимы: собственной картошки нам хватает до мая.

* * *

Со взятием Воронежа, с битвой за Сталинград в Мелекес хлынула волна беженцев. Людей расселяют с милицией. Наши «ленинградцы» прожили три недели в канцелярии, прежде чем нашли себе помещение. Цены на рынке на продукты первой необходимости достигают гомерических размеров, не только десятков, но и сотен рублей, например, молоко 50 рублей литр, мясо 200—300 рублей кило и т. д. Мелекесяне раздражены. Квартирная плата их совершенно не устраивает, и гонение хозяев на жильцов возрастает, даже наши хозяева, по существу очень хорошие люди, начинают нам отравлять жизнь. Каждый проход через кухню вызывает воркотню и раздражение. Мы чувствуем себя стесненными в каждом выходе. От души вздыхаем об английском ключе и нейтральной передней. Предлагаем переделать помещение с прорубанием отдельного

входа из нашей комнаты и тамбура. Ответ получаем: «У нас так не строят, что я из избы балаган буду делать». Действительно, план домов в Мелекесе однообразен и сводится к двум типам. Категорически протестуют хозяева против форточки: они в Мелекесе не приняты.

Хозяев сердит, что мы моемся усиленно каждый день и раз в неделю горячей водой — ведь баня чаще всего не действует, а если открыта, то надо часы простоять в очереди и рискуешь набрать вшей. Домашнее мытье в температуре три-четыре градуса очень мучительно. Хозяева призывают санитарную комиссию, но пришедший доктор Лобко-Лобановский⁴⁶ (киевлянин) отчитывает их самих.

Мы сами хотим выехать, особенно Ляпунова, которая задыхается втроем на четырех метрах, но найти помещение невозможно.

Позже, летом 43 года, когда мы с Враской переехали, хозяйка травит Ляпуновых, т. к. ждет к себе родных. В один прекрасный день у нее появляется ее приятельница-татарка, плохо говорящая по-русски. Это мать секретаря Горсовета, и она начинает требовать выезда Ляпуновых, утверждая, что из-за болезни дочери она облечена ее властью секретаря. О, Мелекес!

Трудно со светом, керосина нет. Мы живем с одной коптилкой на три помещения. Она висит в нейтральном месте, в коридорчике, роняя немного света в каждый угол.

Зима очень снежная. Чуть не каждое утро приходится расчищать дорожку к колодцу, к уборной, крыльцу, прокладывать тропу по снежной целине. В нашем краю снежные сугробы образуют какие-то Альпы.

Привычка ли, усталость, отупление — но вторая зима оставляет гораздо меньше впечатлений и воспоминаний.

* * *

31 декабря просыпаюсь в жестоком гриппе. Новый, 1943 год, встречаю в полубредовом состоянии. В результате — осложнение на легкие и длительный бюллетень.

На службе тоже зимнее томительное отсиживание часов без настоящего дела. Мы боимся переносить фонды из двадцати-

⁴⁶ Лобко-Лобановский Е. М.— киевский врач-педиатр.

градусного мороза в канцелярию для проверки ящиков и составления описи и обратно в мороз, т. к. фонды старые, многие с наклоном к плесени и потому работы нет. Каталогизация в военной библиотеке (КУКС'а)⁴⁷ является только занятием времени, а не делом, так же, как и работа предыдущей зимы в городской библиотеке.

С первых месяцев пребывания в Мелекесе у нас идут препирательства с администрацией об использовании фондов для занятий сотрудников. Наконец, в марте 1943 года, после поездки Вольпера в Москву, наступает какой-то перелом. Нам вдруг даются в руки иностранные журналы, которые приходят в Мелекес, а не в Ленинград. До того они хранились у Вольпера под ключом. Мы с радостью набрасываемся на это «окно в Европу». Подготавливаю для товарищей доклад «Жизнь английских публичных библиотек за 1940–41 годы по Library World». Заниматься в канцелярии, где сидит двадцать человек, куда приходят посторонние, где развешивают хлеб, чрезвычайно трудно. А на дом журналов не дают. Но одушевление длится недолго, Вольпер замораживает начавшиеся научные совещания, как он замораживает всякое живое дело.

В конце апреля Буковецкая⁴⁸, Дора Равкина⁴⁹ и я начинаем писать инвентарь в библиотеке Учительского института. Это полезное, конкретное дело, перебираешь книги последних лет.

ЛЕТО 1943 г. ПРИЕЗД Л.М. ФИЛИППОВОЙ. ПЕРЕЕЗД. ОГОРОД. МАЛЯРИЯ. ПРИЕЗД Е.А. БЫКОВОЙ

С июня 43 года включаюсь в производственную работу по проверке ящиков. Предыдущее лето из-за бюллетеня, работы в колхозе и лесу почти что в этой работе не участвовала. Работа имеет прежний характер проверки ящиков, в некоторых слу-

⁴⁷ КУКС — Курсы усовершенствования командного состава.

⁴⁸ Буковецкая Мария Аркадьевна. В Мелекесе вместе с матерью и сестрой Анной Аркадьевной Красовской (7—1944).

⁴⁹ Равкина Дора Израилевна (1902 — 1970) — сотр. ГПБ (1942—1957). Приехала в Мелекес в сент. 1941 г. с сыном Валентином Дякиным. В июле 1942 г. принята пом. б-ря в Мелекесский филиал.

чаях составление описи. У нас имеются план на летний сезон и среднедневная норма — четыре ящика в день на работающую пару. Передвигать ящики тяжело, иногда из-за узости прохода просто невозможно. Их приходится проверять наверху штабелей высотой в четыре — пять ящиков. Иногда проверяешь стоя на цыпочках в каких-то маленьких впадинах или стоя, раскоячившись, верхом над проходом. Работать в наших неотапливаемых помещениях можно с середины мая до середины сентября. Очень много книг просушивается, обтирается от плесени и реставрируется. Эта работа по масштабу крупнее, чем в Ленинграде.

В начале июня 43 года на несколько дней приезжает Л.М. Филиппова⁵⁰. Она ездила навестить своих детей в Горьковской обл. и по пути заехала к нам. Это единственное конкретное проявление интереса Библиотеки к нам, мелекесянам, за все четыре года.

Мы ей рады, приятно видеть человека из Ленинграда, из Библиотеки. Она как будто потрясена нашим бытом, продажей вещей на барахолке как единственным источником существования, отсутствием снабжения.

С ленинградской наивностью считает, что, если она переговорит с председателем Горисполкома, то он сразу исполнит все свои обещания по улучшению наших бытовых условий. Уезжая, она обещает позаботиться о нашей жилплощади в Ленинграде. Обещание осталось невыполненным.

5 мая должна начаться посевная кампания на огороде. И в этот день у меня разыгрывается жестокий приступ малярии, с подъемом температуры до сорока одного градуса. Малярия — бич Мелекеса. Среди нашего взрослого коллектива я пионер этой болезни, в будущем она мучает нескольких товарищей в гораздо более жестокой форме, чем меня. На месяц выбываю из огородных работ, т. к. мне запрещено пребывание на солнце.

Огородные работы для нас уже не новы. В этом году решаем охранять огород сами, т. к. сторож стоит очень дорого и не является гарантией сохранности. Помимо денег ему приходится платить хлебом. Дежуриим вдвоем, ночью спим по очереди. Это суточное пребывание в природе, лунные ночи, борьба лунно-

⁵⁰ Филиппова Любовь Михайловна.

го освещения с восходом солнца, золотые поля цветущих тыков в рамке голубого цикория, возможность побыть одной и, в невольном покое от бытовых забот, немного сосредоточиться — делают для меня эти дежурства неизъяснимо приятными. Днем можно оставить компаньона в одиночестве, сбегать на Черемшан, поваляться на солнце, покупаться, постирать. Изводят телята, которые атакуют огород со всех сторон. Однажды я ловлю теленка, веду его на веревке, вернее, он меня тащит и справиться с ним невозможно. Привязать к шалашу его не рискую: он его разрушит. Когда прибегает хозяин и упрасивает его отдать, я радуюсь от души.

Особенно памятно мне осеннее дежурство. У нас какое-то заседание, и мы с Бриллиантом сменяем дежурившую до нас Любовь Ивановну⁵¹ не в 8, а в 10 часов вечера. Абсолютно темно, только наткнувшись на железнодорожные казармы понимаем, что огород и шалаш пройден. С трудом его находим. Бриллиант идет проводить Любовь Ивановну до города. При его возвращении подаю ему сигнал. Картошка уже вырыта, лежит в куче и от мороза прикрыта землей. Морозы ночью доходят до минуса пяти — шести градусов. Долго бродим по полю в поисках этой кучи, наконец, натыкаемся и решаем, что начало ночи я проведу на куче, а Бриллиант в шалаше. Засыпаю так крепко, что в темноте Бриллиант не может ни найти, ни докричаться меня и только с рассветом меня сменяет.

В мае Озерова выхлопывает сотрудникам норму хлеба в 500 граммов, а нескольким человекам («заведующим») паек СП⁵². Мы очень ощущаем прибавку хлеба.

* * *

В начале июня мы с Враской покидаем Аблову, 6 (хозяева нас давно просят выехать) и переезжаем на Аблова, 18, в кухню, где громадная русская печь стоит посреди помещения, и через угол которой проходит старуха-хозяйка, очень славная. У меня получается отдельный уголок. Туда втаскивается топчан, стол и тумбочка. Стула поставить негде.

⁵¹ Любовь Ивановна — возможно, имеется в виду бухгалтер Мелекесского филиала Л. Рехерт.

⁵² СП — специальный паек, т. е. паек с увеличенной нормой выдачи продуктов.

* * *

Для меня это лето проходит в большой тревоге. 22 мая получаю телеграмму от Елены от 5 мая, что она больна и отвезена в районную больницу. Тревога за нее, сознание, что она в жесточайшем воспалении легких лежит одна, полная невозможность что-нибудь предпринять, доводят до иступления. В больнице она проводит два с половиной месяца. Совершенно ясно, что ее нужно вытащить в Мелекес.

Среди этих волнений получаю в конце июня телеграмму от Егоренковой⁵³ с предложением вернуться в Ленинград. При этих условиях ни о каком возвращении думать не могу. Отвечаю отказом.

* * *

13 июля устраиваю Елене вызов в Мелекес. Начинается волокита, Молотовская обл. не отпускает ее, хотя как пенсионер по старости, а в дальнейшем инвалид II группы, она имеет право уйти.

Наконец, 10 сентября, в тот день, когда я собираюсь ехать в Ульяновск ее встречать, т. к. знаю, что она выехала из Молотова на пароходе, она приезжает. Встречаемся с ней у подъезда Дома учителя. Привожу ее в канцелярию. В этот день лесных работ нет и там толпится народ. Мы все усталые, измученные физическими работами, нам не до развлечений. А Елена начинает с увлечением говорить, что с ней приехал оркестр, сегодня вечером чудная программа, хорошо бы пойти. Ее предложение встречается веселым недоумением, которое переходит в неудержимый хохот при следующем вопросе: есть ли здесь барахолка? Ведь в воскресенье вся библиотека стоит и продает всякое барахло, и этот вопрос кажется невероятно комичным.

Найти помещение невозможно, и мы устраиваемся в моем уголке, немного расширив его размеры на одну кровать за счет площади Ольги Борисовны. Тесно. Вставать и ложиться спать мы можем по очереди. Мой топчан засунут между стеной и печкой, я не могу вполне вытянуться.

⁵³ Егоренкова Елена Филипповна.

ОСЕНЬ И ЗИМА 1942/43 г.
ОПЯТЬ ДРОВА. ОГОРОДНЫЙ УРОЖАЙ.
НОВЫЕ ПАЙКИ. ЮБИЛЕЙ БИБЛИОТЕКИ

В это лето я категорически отказываюсь ехать в колхоз, тем более, что в начале августа должна достигнуть предельного возраста — 50 лет. Жертвами оказываются Враская и Ден⁵⁴.

В конце лета приезжает в Мелекес член ЦК партии для ознакомления с нашим отделением. Он приезжает в момент, когда Вольпер мобилизован на месяц на сельскую пропаганду и находится в Сабакаеве. Приезжий охает, что человека, ответственного за такой груз, Горсовет усылает на месяц. С этого момента Горсовет нас не тревожит беспрестанными телефонными звонками с требованием кого-то «на село». Прекращается даже посылка нас на перелопачивание зерна на Главмуку, на починку мостовых и проч.

* * *

Из Москвы Вольпер привез наряд на покупку 400 кубометров дров. Дрова куплены, но как их доставить? Сговариваемся с заводом — он перевезет нам, но мы получим 100 кубометров, а 300 он возьмет себе. Дрова надо поднести из леса к дороге, чтобы их могла взять машина. Намечается месяц «трелевания» дров. Почти ежедневно в четыре часа утра идем в лес за девять километров и там подносим дрова к дороге. По счастью, они метровые, а не принятые здесь двухметровки. Толстые осиновые плахи можно или подымать вдвоем на носилках или «кантовать на попу» и так же подкатывать. Большую часть ношу на самодельных носилках вдвоем с Симой. В трелевании проходит весь сентябрь. Мы ходили двадцать четыре раза за месяц. Мы не только трелем, но и нагружаем на нашего старого знакомого МАС'а, который берет пятнадцать кубометров. Поднять и уложить дрова нелегкое дело. В последнюю ночь у нас таки украли тридцать кубометров вынесенных нами к дороге дров.

Сначала мы ходим весело, по дороге собираем грибы, на обратном пути хворост. В тех случаях, когда нам удастся вернуть-

⁵⁴ Ден Евлампия Сергеевна (1901 — 1972) — сотр. ГПБ (1923—1932, 1937—1957), гл. б-рь Отд. каталогизации. В Мелекесе с 1942 г. по 1944 г. с сыном Юрием (р. 1928).

ся, сидя на дровах, на машине, мы являем живописное зрелище. С вязанками хвороста мы с трудом разгружаемся где-нибудь на площади Мелекеса. Лес красив и с каждым днем меняет свою окраску. Но ежедневная работа, восемнадцать километров пути утомительны. Забываешь о грибах и последние два дня работаю только силой воли. Сил нет, все болит.

* * *

Треля лес, мы волнуемся за судьбу огорода — уборка его стоит. Погода нас балует, и 1–15 октября огород выкопан в сухие солнечные дни и вывезен, частью на быках, частью на машинах. Урожай картошки плохой, и это облегчает вывоз. Спешная уборка огорода не дает нам возможности перемерить и рассортировать картошку в поле. Избирается «овощная комиссия», и я являюсь ее председателем. Часами сидим в сыром, холодном овощехранилище. Перевешиваем с Аней овощи, сотрудники с воркотней и неохотой сортируют картошку на мелкую и крупную и перемеряют ведрами.

Не обходится без очередного мелекесского анекдота. В момент, когда Дружинина хочет вывезти свою картошку, появляется милиционер. Очевидно, он считает, что здесь происходит хищение, а может просто хочет проявить деятельность, он требует всех нас в милицию. Кругом собирается толпа. Не действуют никакие резоны. Под свист милиционера убегаю в канцелярию, остальные шествуют в милицию. К счастью, сразу наткнувшись на Гранского и прошу его пойти объясниться в милицию. После этого дня овощехранилище несколько раз обворовывается.

Инцидент чрезвычайно характерен для Мелекеса. Однажды, когда Бриллиант получил по литерному пайку белый хлеб, его задержали и ему пришлось просидеть в милиции несколько часов. А когда у нас украли пальто, то через неделю в милиции не могли найти следов Елениного заявления. На улице возможно любое хулиганство, посты милиционеров отсутствуют.

Работа в овощехранилище кончается у меня жестоким гриппом, который ведет к длительному, трехмесячному бюллетеню. Трелевание, уборка огорода, овощехранилище, грипп вызывают упадок сил, и только к марту я начинаю оживать.

6 ноября Ольга Борисовна поздно возвращается домой. На улице она слышит по радио приказ о взятии нами Киева.

Зима складывается тяжело. Дрова дороги, за свою работу в лесу я получила два кубометра, Елена в поликлинике — неполный один. Наша русская печь пожирает их бездну. Урожай картошки плохой, а т. к. весной мне дали, как одиночке, только один пай, то наших восемь пудов нам хватает до декабря. Картошка дорогая, весной ее цена доходит до 50 рублей за кило. Читать при копилке я не могу, иногда Елена читает вслух. Дома прохладно, и я беспокоюсь об ее здоровье, Анна Захаровна⁵⁵ предупредила меня, что простуда для нее может быть опасна.

Зимой 43/44 годов мы начинаем получать учительский паек. Это приятно, но получение его в условиях Мелекеса сложно. Система маленьких магазинов с одной продавщицей на магазин приводит к тому, что из пяти раз три натыкаешься на закрытые двери. То продавщица ушла за хлебом, то на базу за продуктами или отчитываться, а, может, под этими предлогами ходит и по своим делам. Время обеденного перерыва неопределенно. Таким образом, получение 1200 гр. крупы, 400 гр. масла, 200 гр. сахара и 1800 гр. мяса требует очень много времени.

* * *

В декабре приходит письмо из дирекции о том, что ряд работников предполагается вызвать в Ленинград. Категорически отказываюсь ехать без Елены (ее невозможно оставить одну в бытовых условиях Мелекеса), а также до весны, т. к. в Рузаевке гражданских пассажиров не пускают в вокзал и приходится неделями сидеть на морозе в ожидании пока попадешь на поезд.

Новый 1944 год встречаю с Еленой обычным чаем в 10 часов, после ее возвращения из ВТЭК'а. В чай подливаем остатки красного вина, вывезенного мной еще из Ленинграда. Впервые в жизни Елена не ворчит, что я гоголевская Коробочка.

В январе 1944 года празднуем 130-летний юбилей Библиотеки. Торжественное собрание в зале Горкома собирает для Мелекеса много народа. Официальный доклад Вольпера, скучней-

⁵⁵ Шепшелевич Анна Захаровна — врач-фтизиатр, жена Ф. Я. Попова. Попов Федор Яковлевич (1879 — 1958) — юрист, сотр. ГПБ (1925 — 1958), гл. б-рь Рукописного отд.

шая бездарная чепуха Якобсона об Оленине⁵⁶ и сильный доклад М. А. Садовой о зиме 1941/42 годов в Библиотеке в Ленинграде. Мы ждем к этому дню привета из Библиотеки, но он так и не приходит.

В воскресенье днем устраиваем обед в столовой Горкома с присутствием взрослых родственников сотрудников и нескольких приглашенных. Обед проходит живо. Говорятся речи, шутки, смех. Угошение на славу, с прекрасным мелекесским пивом. Обслуживающий персонал говорит, что никогда не видал собрания, на котором бы так мало пили и вели себя так «культурно и интеллигентно». «Так веселятся, а вина (т. е. водки) нет», — сказала подавальщица.

В феврале от гангрены ноги умирает сестра Буковецкой, Анна Аркадьевна. Это четвертые наши похороны в Мелекесе.

ГОЛОДНАЯ ВЕСНА 1944 г. ЛЕТО. ОГОРОДНИЧЕСТВО И ЗАГОТОВКА ДРОВ. ОТЪЕЗД В ЛЕНИНГРАД ГРУППЫ СОТРУДНИКОВ

Апрель приносит новые тревоги. Неизвестно, кого отзовут в Ленинград, кто уедет, кто останется, кому засеять огород и тратить на посев силы и немалые деньги, кому не надо затевать эту работу. Волнение усугубляется тем, что никак не выходит трактор на пахоту, а 3 га земли лопатой не поднять. Все нервничают, всем живется трудно, голодно. Многие питаются жмыхами, сама я пеку себе из них лепешки, у Елены их желудок не переносит. Но и жмыхи стоят 25 рублей кило.

Какое-то количество спирта вспахивает огород в одну ночь. После долгих дебатов решено сделать огород индивидуальным. Только небольшой сектор картошки и проса останутся коллективными. Результат индивидуальных огородов оказывается поразительным. У меня вырастает мировая капуста, огурцами мы объедаемся. Капусты хватит до февраля, картошки выкапываем 23 пуда. А времени он берет не больше коллективного, скорее меньше, т. к. можно распределить работу тогда, когда человеку

⁵⁶ Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) — историк, палеограф, художник, сотр. ИПБ (1808 — 1843), директор Библиотеки (1811 — 1843).

удобно (больше всего я любила встать в 4 часа и прийти на огород к восходу солнца и проработать до семи. В это время и комары не так свирепствовали, не говоря уже о прелести утра). Для охраны огорода нанимаем совместно с госпиталем, огород которого рядом, сторожа.

* * *

В конце мая — начале июня очарователен огород у нашей бабушки. Вишни и «ранетка» (яблони с мелкими яблоками) стоят «как молоком облитые». Сидеть на крылечке одно наслаждение. Один вечер наблюдаю за скворцами, как у них на большом дереве устроен явный клуб и туда собираются парочки из окрестных скворешниц.

В этом же огороде слушаем как-то с Еленой прекрасные переводы Исаи Бенедиктовича «Пира во время чумы», «Моцарта и Сальери», «Каменного гостя» и «Скупого рыцаря» на немецкий язык.

* * *

По сравнению с предыдущим годом заготовка дров очень легка. Мы обязаны заготовить пятьдесят кубометров дров для города. За это мы будем обеспечены дровами. В хорошую погоду в лесу чудесно, но как мучительна заготовка в дождливый день. Для вывоза дров мы получаем машины. Начинается самое мучительное — их ожидание. Ждешь и час, и два, и три, потом узнаешь, что сегодня машины не будет.

Библиотека не в чести, и потому нам отпускают сырую осину, хотя рядом стоят березовые поленицы. Правда, под конец, положение несколько меняется, но это связано с известной денежной суммой «подмазки».

Не обходится без приключений. Раз на крутом подъеме Тишинской дороги, от моста, машина ломается. Приходится сбросить дрова и приехать за ними на следующий день. В другой раз мы застреваем на этом же подъеме. Начинается починка. Заходит солнце, темнеет, мы зажигаем костер, чтобы шофер мог видеть. Часов в девять отправляем гонцов в город, чтобы о нас не беспокоились — несчастные случаи с тяжелыми увечьями с дровами, машинами здесь обычное явление. Наконец, в десять

часов слезаем все. Машина приходит в город только на следующий день к вечеру.

* * *

Елена заметно окрепла, и мы совершаем небольшие прогулки. В день, когда у нее нет вечернего ВТЭК'а, я стряпаю «полевой обед», и мы отправляемся куда-нибудь на Черемшан погулять, погулять. Берега Черемшана красивы, разнообразны, с красными обрывами. Серые ветлы и серебристые лопухи на песчаных отмелях напоминают серебристо-серые пески Тоскании⁵⁷. Таких тонов я в России не видала. Мое сравнение Мелекеса с Италией вызывает веселое возмущение и издевательства Нины Николаевны, заядлой ленинградки.

После длительных поисков находим комнату на той же Абловке, 33. Я люблю этот конец города. Хотя грязь мучительна, но воздух летом у нас гораздо лучше, чем в центре, отсутствует пыль, улица поросла травой, огород близко. Снимаем «зальце» или «переднюю» в восемнадцать метров с плотной дверью (в большинстве домов двери между комнатами отсутствуют), отделяющей нас от коридорчика и кухни, где живет старушка хозяйка. В нашем распоряжении подполье, погреб, перед окнами палисадник с очаровательной стройной березой. Хозяйка доброжелательна, сама моется дома, а не в бане и, следовательно, не ворчит, когда мы занимаемся тем же. С бабушкой и дедушкой расстаемся с сожалением.

* * *

В течение лета уезжает в Ленинград по вызову ряд товарищей. Четверо — Ден, Жилина⁵⁸, Королева⁵⁹ и Буковецкая приехали со второй партией, они «ленинградцы» и не так тесно связаны с нами. Уезжает Якобсон и Равкина. Все сжились с Бриллиантиком, он сросся с нами и все жалеют о нем. Всю последую-

⁵⁷ Тоскана — область в Центральной Италии.

⁵⁸ Жилина Екатерина Николаевна (1906—1964) — литературовед, библиограф, сотр. ГПБ (1931 — 1964), гл. б-рь Консультационно-библиографического отдела. Приехала в Мелекес 1 авг. 1942 г., вернулась в Ленинград в 1944 г.

⁵⁹ Королева Анна Алексеевна (1880—1955) — библиотековед, сотр. ГПБ (1919—1920, 1922—1954), зав. гр. обработки русской периодики. В Мелекесе с августа 1942 г. по 1944 г.

шую зиму он «пишет» нам письмо, но оно никогда не было написано и до нас не дошло.

В мае, после длительной командировки, возвращается Вольпер. Он собирается уезжать из Мелекеса и вообще уходит из Библиотеки. Об этом знает и говорит весь город, но от нас это тщательно «скрывают», хотя мы даже знаем день его отъезда — 4 августа. В этот день мы с утра уходим работать на пригородный совхоз. Он в канцелярии, но ничего не говорит и уезжает не попрощавшись. Директором отделения остается Озерова.

* * *

Уборка огорода проходит при чудной погоде, хотя предсказано, что с 20 сентября начнутся проливные дожди. К уборке нашего индивидуального участка прибывает Елена. Отъезд Вольпера знаменуется тем, что библиотека, наконец, приобретает ручную тележку, и мы вывозим наш урожай очень просто, не кляпча машин и не мучаясь с телегой с быками или коровами. Просо у нас прекрасное, и мы получаем по 13 килограмм пшена каждый.

* * *

8 ноября приезжает Фаина. Все наше семейство в сборе.

ЗИМА 1944/1945 г.
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОЛЛЕКТИВЕ.
ОТСЫЛКА КНИГ И РУКОПИСЕЙ
ПО ЗАПРОСАМ БИБЛИОТЕКИ.
СМЕРТЬ М.Н. ФАЙН. ВЕСНА 1945 г.
КОНЕЦ ВОЙНЫ

Зима 1944/45 года протекает у меня по-иному. Я избавлена от тяжелых работ: носка воды, колка дров, мытье пола переходит в ведение Фаины. Удешевление продуктов и повышение зарплаты дают возможность отдавать белье в стирку. Достаточное количество крупы уменьшает количество очищаемых овощей и ускоряет готовку. Увеличение крупы связано с тем, что с февраля 1945 года все главные библиотекари получили паек

СП. У меня гораздо больше свободного времени. Привезенные Вольпером стекла для пенсне по глазам дают возможность читать при 7 линейной лампе без лупы. Керосин можно свободно достать. 31 декабря у нас появляется радио, и новый 1945 год мы встречаем в семейном кругу под бой Спасской башни. Горит елочка (сосна, конечно).

Зимой 1944/45 года наш коллектив как-то больше сближается. Сказывается отсутствие Вольпера, который, боясь потерять авторитет, вносил напыщенный, начальнический тон, совершенно неуместный в той группе работников, которые были в Мелекесе. Как-то раз начальство нашло, что мы с Ляпуновой подписали недостаточную сумму на постройку самолета. В очередную получку соленых помидор из Горторга нас наказали и при распределении нам их не дали. Возмущенные товарищи снабдили нас ими в избытке. Все облекается таинственностью. Когда не удалось выхлопотать на всех пропуска в столовую, то они были распределены втихомолку. Проще было открыто сказать, что в этот месяц получают одни товарищи, а что в следующий — другие. Администрация не учитывала, что у большинства из нас развито чувство товарищества, что каждый из нас всегда уступит товарищу, которому живется труднее. Возможно, что причиной такого таинственного распределения талонов было смущение, что руководство библиотеки не сумело себя поставить достаточно авторитетно в городе и получить в столовую двадцать пропусков.

На наших взаимоотношениях благоприятно сказывается отъезд некоторых товарищей, прочистивший атмосферу. Кроме общей, большой сплоченности, у нас образовалась в коллективе группа, которая нашла общий язык. Мы помним дни рождения и именин друг друга. Устраиваются традиционные чаепития, преподносятся подарки, хотя бы в виде бутылки молока, стакана ягод, вязанки хвороста или плодов собственного огорода.

Перед ноябрьскими 1944 года днями разыгрывается трагикомедия. Несколько человек не хочет участвовать в ноябрьском чаепитии. Файн измучена трехмесячной болезнью сестры, Ляпунова всегда обременена домашними работами, мы со дня на день ждем Фаину и, если она приедет, тоже не хочется ее бросать в первые же дни, Садовы устали и хотят посидеть дома.

Всем трудно с деньгами, всем не хочется возиться с хозяйством, стирать угощение на скверной плите и вместо дней отдыха устраивать себе маяту. Ведь вместе с пожарниками нас пятьдесят шесть человек. Все просто и понятно. Но общественные организации стремятся найти какую-то подоплеку. Озерова считает это чуть не личным выпадом против себя как заведующей и личным оскорблением. В течение недели в канцелярии бушует буря в стакане воды. Меня эта чепуха преимущественно злит и гораздо больше интересует вопрос — переизберут ли Рузвельта?

В производственной работе, в ожидании возможного отъезда, мы стремились все прикончить и работаем в течение зимы. Много времени и сил берет у нас отыскание материала для отсылки в Библиотеку к Грибоедовской выставке, к Крыловским дням⁶⁰. В помещении мороз, данные присылаются библиотекой неудовлетворительные (например, только шифры книг без заглавий, точно книги у нас расставлены по полкам!). Документация ящиков недостаточно точная. Зачастую мы ищем по предположениям и на авось.

Самым тяжелым событием зимы 1944/45 года является смерть М.Н. Файн⁶¹. Она заболевает постепенно в январе, диагноз колеблется между малярией и брюшным тифом. В больнице холодно, плохой уход, семья не умеет наладить платного ухода. Последняя неделя уже сплошная агония, сдает сердце. Гранский проявляет чудеса с добыванием лекарств и кислорода. 10 марта она скончалась. В нашем маленьком коллективе смерть товарища переживается болезненно.

* * *

Во время болезни и смерти Файн мне приходится заняться систематическим каталогом партийного кабинета библиотеки Горкома.

* * *

За последние две зимы в окрестностях города появляются волки. Весной 43 года лесник мне говорил, что их нет совсем.

⁶⁰ В 1944 г. отмечалось 175 лет со дня рождения и сто лет со дня смерти И. А. Крылова. В 1945 г.— 150 лет со дня рождения А. С. Грибоедова.

⁶¹ Файн Муса Натановна см. с. 107, № 79. В Мелекесе с матерью Анной Абрамовной и сестрой Евгенией Натановной.

Теперь в степи бегают стаи. Ходить и даже ехать небезопасно. Они забегают даже на окраины города.

Наступает апрель 45 года и начинаются прошлогодние волнения: вспашут ли огород и стоит ли его засеять или мы уедем. Публичная библиотека упорно молчит на все запросы о нашей эвакуации. Для себя решаю вопрос, что огород засеваю безусловно. Верхушек картофеля собрано достаточно. В крайнем случае пропадет труд. Поле вспахивают в срок. Во время вспашки дежурю на поле и впервые близко наблюдаю работу трактора. Огороды индивидуальные и я своим занимаюсь добросовестно, но прошлогоднего рвеня нет.

* * *

К концу апреля события на фронтах разворачиваются грандиозно. В связи с этим растет надежда на конец войны, на возврат в Ленинград. Решаем отпраздновать 1 мая, т. к. считаем, что это последний праздник, который мы проводим в Мелекесе. 29 апреля торжественное заседание объединяется с чаепитием и устраивается в узком кругу «ленинградцев в Мелекесе», с присутствием наших родных и без обычных пожарников.

Трей творит пшеничные запеканки в чудо-печке. Дружинина печет дома булочки. Всем преподносятся шантеклеры (леденцовые петухи на палочках), как предвестники новой зари. Гранский читает отрывки из своего дневника⁶². Вечер проходит весело и дружно. Ляпунова, на минутку бегавшая домой, приносит весть о казни народом Муссолини.

* * *

Настроение напряженное. Со дня на день ждем конца войны. Все полугодие радуемся, что у нас имеется радио и мы можем следить за наступлением. 9 мая в 6 часов утра радио начинает говорить какую-то чепуху, перескакивая со станции на станцию. И, наконец, ловит нужную волну на 5 пункте капиту-

⁶² См. Гранский В. И. Четыре года в Мелекесе: Из дневников уполномоченного по сопровождению, охране и наблюдению за состоянием эвакуированных фондов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрин / Подгот. текста Ц. И. Грин и А. М. Третьяк // В память ушедших и во славу живущих: Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941-1945. СПб., 1995. С. 208-246.

ляши. Но еще до этого возвращается отгонявшая козу Варвара Александровна⁶³ – все бабы уже знают, что мир. Всю ночь гудели гудки. День серенький, но даже в Мелекесе чувствуется праздничное настроение. Вечером жалкий фейерверк, невольно заставляющий думать о Москве и о Неве.

* * *

Озерова все ждет, что Библиотека пришлет ей вызов для уточнения вопроса реэвакуации. Но Библиотека вообще обходит этот вопрос молчанием, не отвечая на телеграммы и письма, послание диппочтой. На наше счастье Озерова получает по болезни путевку в Крым (у нее обострение ТБС⁶⁴). Она едет через Москву, а на обратном пути заезжает в Ленинград. Она ставит вопрос о реэвакуации энергично и на должные рельсы. Начинаются волнения другого рода — успеем ли уехать в этом году? Молотов занят международными делами и приказ все не подписывается. Наконец, 15 июля приходит телеграмма из Библиотечного комитета, что возвращение назначено на август. Для меня на весь остаток лета остаются три мучительных вопроса: будут ли Елена и Фаина включены в число родственников и получат ли вызов, отпустят ли Елену с работы и поспеет ли Фаина к учебному году.

В июне 1945 года между Мелекесом и Ульяновском начинает ходить рабочий поезд. Это облегчает поездку в Ульяновск, т. к. попадать на московский поезд мучительно и часто безрезультатно. Предлагаю экскурсию. Сначала все загораются желанием ехать, но в результате постепенно все отпадают — кому жарко, у кого нет денег, кто плохо себя чувствует. Едем вдвоем с Ляпуновой и очень рады сложившимся обстоятельствам. Интересы у нас одинаковые, в дальнейшем выясняется, что одинаково желание использовать время *admaximum*⁶⁵. Мы бродим по городу, с наслаждением гуляем по Венцу, любуясь Волгой и широкими далями. Спускаемся к Волге. Посещаем домик Ленина. Издеваемся над музеем краеведения, где выставлены крокоди-

⁶³ Варвара Александровна — хозяйка дома, где жили Быковы в 1944—1945 гг.

⁶⁴ ТБС — туберкулез.

⁶⁵ *Admaximum*— по-максимуму (лат.).

лы и обезьяны и абсолютно не отражена этнография области, а она разнообразна. Подробно знакомимся с Дворцом книги (областной библиотекой), где нас очень приветливо встречают и где мы живем у уборщицы. Совершаем прогулку на Гончаровский Обрыв. Беседка стоит на голом месте, на самом краю деревни. Волга отошла далеко, километров 6–7. Очаровательная Киндяковская роша в обрыве по другую сторону беседки. Дубы и липы поражают яркостью зелени, на дне течет прозрачный ручеек. Любопытно, что в Ульяновске никто не знает точно, где находится Гончаровская беседка. Вернувшись в Мелекес, с наслаждением перечитываю «Обрыв».

Вторая поездка в Ульяновск, в командировку по делу Госарбитража, дает мне возможность до конца познакомиться с Ульяновском. Ремонт в Художественном музее закончен, приятно посмотреть картины. Неплохая коллекция фарфора; Гончаровская комната. Брожу по городу, для русского провинциального города он утопает в зелени. Дохожу до Свяги, купаюсь. Не только спускаюсь к Волге, но бреду вдоль берега, наслаждаясь близостью воды и видом. И только тут понимаю запустение города. После дождей весь обрыв сочит водой. Узнаю, что разрушена вся система дренажей. Некоторые домики скувырнулись в оползнях. Одна улица кончается оврагом. Лестница в 356 ступеней от станции Ульяновск II в город после последних дождей в нескольких местах стоит дыбом. Мелекесские врачи, приехавшие на съезд после ливня, на сутки раньше нас с Анной Захаровной, рассказывали, что весь состав рабочего поезда подымался по лестнице чтобы не скользить и не падать, взявшись за руки и сначала так и шел цепью, а под конец уже полз по ступенькам на четвереньках.

Благодаря тому, что я приехала с Анной Захаровной, с комфортом устраиваюсь в госпитале, где останавливаются врачи, собравшиеся на съезд. Идем со съездом в театр. Не ожидала, что само здание настоящего театра может произвести такое впечатление. Ведь четыре года я нигде, кроме как в кино, помещение которого переделано из магазина, и в малюсеньком, не отапливаемом мелекесском театре, не была. Да и Уфимская оперетта не лучше Житомирской (ударение по-мелекесски) или Мелекесского городского театра.

Лето 1945 года проходит в приканчивании работы над ящиками. Ящики сортируются по фондам. Спешно реставрируются вынутые ранее книги. Оформляется список-картотека на выборочно вывезенные фонды. На мне лежит иностранная часть. Я заканчиваю спешно каталог в библиотеке Парткабинета. Разрабатываем для Ленинграда наш коллективный доклад «Опыт эвакуации фондов». Иногда заседания идут каждый день.

Почти все лето 1945 года погода холодная и дождливая. Солнечные и жаркие две первые недели июня и середина июля, несколько дней в августе. В середине июля, когда все работы более или менее закончены, получаем разрешение Озеровой отправиться компанией за ягодами в лес. Это первый подобный поход за четыре года. Нам всегда было некогда ходить за ягодами из-за огорода, добывания хвороста, по воскресеньям — продажи на барахолке.

Удешевление жизни дает возможность и летом топить таганок дровами, а не собранным хворостом. Ягод не находим, или обобраны или зеленые. Только мы с Дружининой нападаем на земляничное место. Но в лесу чудесно, на пути туда и обратно купаемся в Черемшане.

В это лето особенно интенсивно наслаждаюсь природой. Она мне доставляла за все 4 года много радостных минут, много скрасила жизнь в Мелекесе.

Во время пребывания в Ленинграде, Озерова ставит вопрос о возвращении в Библиотеку Л. И. Олавской⁶⁶. Вопрос разрешается в Библиотечном Комитете.

В начале августа Мелекесское отделение получает от дирекции телеграмму о том, что Олавской должен быть послан из Мелекеса вызов, что она должна быть включена в штат отделения и возвращается с эшелонам. Лидия Иосифовна должна приехать к пятнадцатому. Приезжает она 13 августа, когда я в Ульяновске. Лежит у нас дома с порванными связками в колене, которые повредила себе в день приезда из Чкалова. Если бы 12 августа вечером, приехав в Ульяновск, я заглянула бы в помещение вокзала, мы бы с ней встретились. Для нас ее пребывание — благодеяние. Когда она немного поправляет-

⁶⁶ Олавская (Новицкая) Лидия Иосифовна.

ся, она обращается кухарку, прачку чрезвычайно ревностную, никого не допускающую до работы. Когда мы спешим с укладкой, она помогает зашивать вещи. Когда у нее несколько поправилась нога, мы совершаем с ней несколько прогулок на Черемшан.

* * *

Наше пребывание в Мелекесе подходит к концу. В жизни этой было много тяжелого, морально тяжело было пребывание в бездействии в годы, когда мир клочкотал и немцы шли по России. Томительно было зимнее ничегонеделание. Работа в библиотеках города удовлетворения дать не могла. Только последняя работа в библиотеке Парткабинета по составлению систематического каталога была полезна для меня самой. Мне никогда не приходилось работать практически над систематическим каталогом. Тяжело четыре года вариться в собственном соку тесного коллектива. Жизнь в Мелекесе текла так, что мы были совершенно не связаны с жизнью народа, а обшались друг с другом. Единственной отдушиной являлся дом Мандельштамов. Тяжело было руководство Вольпера, который замораживал всякое живое дело, погружая нас в умственное бездействие. Зимой 1944/45 года, после его отъезда, мы использовали зиму насколько это было в наших силах. В целях ознакомления всех с работой разных отделов Библиотеки, предприняли ряд докладов о той работе, которую товарищи проводили в Библиотеке в Ленинграде. После моего доклада, пишу «Историю бывшего I филиала» для архива ГПБ. Заслушиваем диссертацию Ляпуновой. Пытаемся снести с Кабинетом библиотековедения, просим прислать нам заслушанные доклады, чтобы быть в курсе ленинградской библиотечной жизни. Как всегда, библиотека на нашу просьбу не откликается. Начинаем обработку доклада «Опыт эвакуации фондов»⁶⁷. Считаем составление такого доклада нашей обязанностью. Доклад разбит по частям между сотрудниками.

Начать какую-нибудь работу для себя я не могу. Первый филиал рухнул, с ним погребено восемь лет моей работы. А к какому-нибудь новому берегу я пристать не успела.

⁶⁷ Доклад Л. А. Озеровой публикуется на страницах сборника.

Тяжелы были на протяжении четырех лет бытовые условия, недостаток денег, иногда недоедание, физические работы, которые у нас отняли здоровье и силы.

Неизменно прекрасна была близость к природе. И если не воспринимать жизнь только с тяжелой стороны, то всегда можно было найти отраду. Как прекрасен зимний рассвет, с которым мы, горожане, совсем не знакомы. Здесь поневоле любишься им при утреннем походе за водой. Благодаря лесозаготовкам мы побывали в лесу в разных сторонах от города и во все времена года. Он красив в любом уборе — и весеннем, и летнем, и в багрянце осени, и зимнем снегу и инее. Собирая хворост, можно следить за игрой света в чаше.

Из года в год я ходила на горку в сосновый лес за первыми крокусами. Я любила отыскивать их мохнатые шапочки. 2 мая я пошла за хворостом и в первый раз увидела их в момент полного расцвета. На высоких ножках, совершенно раскрытые, от темно-лиловых оттенков до бледносиреневого, они местами покрывали лес сплошным ковром, выделяясь лиловыми пятнами на опавшей пожелтевшей хвое. Этого зрелища нельзя забыть.

При тех потрясениях, которые испытывал мир, наша участь совсем не была самой тяжелой.

Невольно думаешь о будущем. Возврат не сулит ничего веселого. Отсутствие дома, бесконечная судебная волокита, пропажа всего имущества, недоброжелательное отношение к нам, командированным с фондами, со стороны библиотеки, веяние которого доносится до нас и сюда, отношение к нам, как к «дезертирам фронта», делают возврат очень тяжелым.

Я не представляю себе, как я переступлю порог библиотеки. Она вся полна тенями ушедших. На скольких привычных местах найдешь пустые стулья или новых людей.

Но перешагнуть через это когда-нибудь надо и чем скорее, тем лучше.

Мелекес. 22 августа 1945 года. Закончено во время дежурства на вокзале.

Мелекес, август 1945 г.

ЧАСТЬ II.

ХЛОПОТЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЛЕНИНГРАД. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТЪЕЗДУ. ОТЪЕЗД

Вопрос реэвакуации живо затрагивал наш коллектив задолго до ее осуществления. В январе 1944 г., после снятия блокады в Ленинграде, многие из нас были уверены, что вопрос возвращения будет сразу решен. Вернувшийся из командировки в мае 1944 года, тогда еще директор Мелекесского отделения, Вольпер, разъяснил, что все надежды слишком радужны, массовой реэвакуации учреждений в Ленинград в 1944 году не предполагается. В течение лета 1944 года уехало только восемь товарищей по индивидуальным вызовам. Надежда возвращения перенеслась на весну 1945 года. С ноября 1944 года Озерова, заменившая, на директорском посту Вольпера, пишет в Библиотеку, запрашивает как обстоит дело с реэвакуацией фондов. На все запросы Библиотека отвечает гробовым молчанием. Озерова горит желанием самой попасть в Ленинград и двинуть вопрос, но Библиотека ее не вызывает, Библиотечный Комитет не присылает командировки, а без этого из Мелекеса в Ленинград и Москву не выехать.

В начале марта возвращается из командировки Ляпунова, едущая в Ленинград по делам диссертации. У нее впечатление, что Библиотека не готова к приему мелекесских фондов и не торопится с их возвращением. Проходит март, проходит апрель — Библиотека молчит.

В конце апреля Озерова получает путевку в Крым (у нее обострение ТБС) и едет через Москву. В Библиотечном Комитете она встречается с Егоренковой. Елена Филипповна ей ничего положительного о возвращении не говорит, наоборот, советует мелекессянам засаживать огород. В Комитете считают, что фондам пора возвращаться.

Совершенно ясно, что Библиотека не торопится и совершенно не отдает себе отчета, что осенью, под дождем, перевозить книги и рукописи небезопасно. Ленинградцы далеки от реальной жизни провинции и, конечно, не представляют себе ни грязи, ни транспортных возможностей провинциального города.

Ведь в распутицу, по черноземной грязи, машина не вывезет наших ящиков. Брезенты отсутствуют.

Не обходится без очередного анекдота. Библиотека длительно хлопочет в Райисполкоме и Ленсовете о разрешении возврата фондов. Во второй половине мая получаем ряд радостных писем с поздравлением, что разрешение ленинградских властей получено. А дальнейшее показывает, что на его получение только терялось время, т. к. вопрос нашей реэвакуации решается в Совнаркоме, и согласие Ленинграда не требуется, и Библиотека зря теряла время!

На обратном пути из Крыма Озерова заезжает в Ленинград и начинает действовать со свойственной ей энергией. Заполняет все анкеты для вызовов. Добивается, что вопрос о реэвакуации изымается из общей докладной записки в Совнарком, где он стоял последним пунктом и ставится отдельно. Озерова сама отвозит бумагу о реэвакуации в Библиотечный комитет в Москву, но дожидаться в Москве его разрешения в Совнаркоме она не может. По ее возвращении в Мелекес мы устраиваем веселый чай. Все полны надежды, что вопрос разрешится в ближайшие дни — решение вопросов в Совнаркоме, как правило, не задерживается дольше нескольких дней. А вызовы, имея правительственное распоряжение, можно получить за неделю.

На наше несчастье Молотов занят международными делами. Мы с тоской слушаем по радио о прибытии в Москву ряда иностранных делегаций. Боимся, чтобы он не улетел на свидание руководителей трех держав в Берлин, не подписав нашего вопроса. И вот в воскресенье 15 июля приходит из Комитета телеграмма — реэвакуация установлена Совнаркомом на июль—август. Озерова шлет по улице Аблова гонцов в лице Нелли и Валерика. Их встречают радостно, кормят конфетами. Нелли стесняется, а Валерка принимает как должное.

Теперь перед нами встают заботы переезда. Основная забота — как перевести груз на вокзал? Озерова и Гранский едут в Ульяновск. Там получают наряд на военную автоколонну, которая до 10-го августа находится в Мелекесе. Три пятитонки даются нам на трое суток. Имея в виду состояние городского транспорта Мелекеса — это сущее благодеяние.

Вторая забота — получение вызовов и пропусков. Мы ждем

их к 5 августа. Пятое приходит, проходит — вызовов нет. На молниированный запрос Библиотека эпически отвечает, что вызовы ориентировочно будут высланы около 20 августа. Мы возмущаемся беспечностью Библиотеки, это значит, что они придут в Мелекес не раньше 28 августа. За три дня их не оформить и не получить пропусков, за которым надо ехать в Ульяновск, и август месяц, назначенный Совнаркомом для реэвакуации, будет пропущен. Мы возмущаемся, что Библиотека по радио возвестила на весь Союз о реэвакуации фондов, а сама не форсирует данное Озеровой обещание.

Озерова шлет телеграмму т. Попкову⁶⁸ с просьбой ускорить получение вызовов. В ответ на это Библиотека обещает их выслать 11 августа.

Третья забота — железнодорожный план, который относительно нас еще не спущен в Мелекес, хотя уже половина августа. Летят молнии во все стороны: Ульяновск, Куйбышев (ст. Мелекес Куйбышевской жел. дор.), Библиотечный комитет, НКПС⁶⁹.

Местные власти хотят нас вывезти возможно скорее. Председатель Горсовета Табачников едет с Озеровой на станцию и добивается того, что нам дают пакгауз, хотя плана нашего вывоза еще нет. Автоколонну задерживают для нас в Мелекесе. Это наше спасение, т. к. при начинающейся уборочной кампании городской транспорт нас, конечно, вывезти не может.

Наконец наступает торжественный момент — 16 августа: в 7 часов утра мы собираемся в канцелярии, и Озерова зачитывает нам приказ по отделению о перевозке груза на вокзал и о распределении работы между сотрудниками. Начальником эшелона и ответственным за погрузку назначается Гранский. Попов и я назначаемся на прием груза на вокзале. Это вызывает веселый смех, считают, что такое сочетание нас даст взрыв, подобно атомной бомбе. Но на этой работе мы уживаемся мирно.

Погода нам благоприятствует — солнечно и сухо. Первая машина из бывшего Дома пионеров нагружена ящиками. Ждем Озерову, которая задерживается у городских властей. Сижу на-

⁶⁸ Попков Петр Сергеевич.

⁶⁹ НКПС — наркомат путей сообщения.

верху вместе с курсантами, которые будут работать у нас грузчиками. Озерова влезает в кабину, машина трогается. «Постойте, постойте,— кричит сержант, — директора еще нет...». — «Да она же влезла...». — «Эта женщина в черном платье, это директор?!» — восклицает сержант и с комическим ужасом он хватается за голову: в его представлении директор должен быть солидным дядей с орденами.

Принимаю ящики. Попов руководит их укладкой. Работа тяжелая, курсанты ворчат, и дело подвигается медленно. При таких темпах мы не перевезем и в неделю. Добиваемся разрешения у военного начальства оплатить курсантам работу. «Люди гибнут за металл», а работа закипает, за четверть часа разгружаются две машины. Прием ящиков по номерам становится напряженнейшей работой. Если до полудня мы приняли пять машин, то к восьми часам вечера их перевезено двадцать четыре, около 900 ящиков. Грузим дотемна. При такой быстроте погрузки приходится нагружать машины из разных помещений, и фонды в пакхаузе спутываются. Вся работа летних месяцев по сортировке фондов идет насмарку. Но выбора нет, иначе нам не уложиться в три дня. Часть машин уже нагружена: со знаменитой «конструкции» — из второго этажа ящики скользят по сколоченным доскам прямо в грузовик. Это ускоряет работу, особенно при отвратительных деревянных лестницах.

Так же идет работа и на другой день. К концу дня перевезено всего 1700 из 2422 ящиков. А в субботу 18 августа начальник дает наряд курсантам на другую работу и уезжает из города. Причина этого распоряжения — контры с городскими властями. Курсанты участвовали в тушении огромного пожара на хлебной мельнице, который произошел в июле, и военное начальство требует благодарности. А город отказывается дать, т. к. мельница сгорела. И вот в пику Горсовету курсанты снимаются с погрузки, т. к. известно, что Мелекес стремится поскорее отправить библиотеку. Начальник автоколонны рвет и мечет по поводу задержки, грозит вечером уйти в Ульяновск. Звонки по телефону в Ульяновск, и колонне приказано остаться до воскресенья. Совместными усилиями первого секретаря Горкома Илюхина и Табачникова начальство курсантов извлекается из загородной резиденции и дает согласие на работу курсантов в

воскресенье. В воскресенье 19 мы возим ящики, но весь день наполнен тревогой, т. к. в течение дня четыре раза возникает поползновение снять курсантов с погрузки.

Весь город говорит о том, что «библиотека тронулась». Наши перевозки — праздник для ребят, которые стремятся в добавление к нашему сотруднику попасть в качестве «сопровождающих» и обвешивают машины.

Вечером, в начале восьмого, приезжает последний грузовик с Озеровой в качестве сопровождающей. Ящиков на ней мало, но полно ребят. Ящики сгружены. Серию дежурств на вокзале открывает Якаб⁷⁰. На последней машине мы (Озерова, Неймотина и я) возвращаемся в город и говорим, что совершилось чудо, груз уже на вокзале! Никто у нас не верил, что в условиях Мелекеса мы сможем перебросить фонды за три дня. К сожалению, около четверти ящиков (500 с чем-то) не уместилось в пакугаузе и поставлено на крытой платформе. Но крыша подтекает, сбоку захлестывает дождь. Насколько это возможно спасаем положение остатками нашего рубероида. Рядом на платформе лежат тюки с пенькой.

Отсутствие вызовов сильно осложняет нашу дальнейшую судьбу. На станции много порожняка, и нам предлагали грузить прямо в вагоны. Но Озерова не решилась на погрузку, боясь, что вагоны отправят без нас.

Первый этап реэвакуации закончен — груз на вокзале.

Мы верим, что правительственное постановление осуществится и мы уедем в августе. Ближайшие дни после перевозки груза нам даются на устройство собственных дел, ликвидацию огородов. Мы роем картошку, даем ей обсыхать, чтобы везти с собой. Урожай исключительно плохой. Наша производственная работа ограничивается дневными дежурствами в канцелярии и круглосуточным дежурством на вокзале, около ящиков. Мучительны ночные дежурства, т. к. ночи холодные и около пакугауза всегда сквозняк и ветер. Я замерзала там в жаркие дни перевозки груза, а погода испортилась. Приходится проверять, нет ли протечки. Как-то, лазая с Трей по штабелю ящиков под самой крышей, мы смеемся, что наши матери в нашем воз-

⁷⁰ Якаб Берта Семеновна — см. с. 280, № 123. В Мелекесе с дочерью Верой и сыном Балеком с лета 1944 г.

расте такой гимнастикой никогда не занимались и считали бы ее для себя невозможной.

Наконец, в четверг 23 августа приходят вызовы. Гранский пускает в ход все свое влияние, и к субботе 25 августа все предварительное оформление в милиции Мелекеса закончено. 26 августа Дружинина и Сима уезжают в Ульяновск за пропусками, а мы надеемся начать 26-го грузить вагоны и 27-го самим тронуться на вокзал. Спешно к 26-му все укладываем, зашиваем все тюки, печем подорожники.

Нам кажется, что вторая забота — пропуска — улажена.

Вагонов не дают ни 26-го, ни 27-го. Конец месяца, порожняка нет, все учреждения спешат выполнять план, погрузки много. Самое же главное, что идет уборочная кампания и все вагоны идут под хлеб. 29-го становится ясно, что в августе мы не уедем. Библиотека и здесь не сдерживает свое обещание и никакой помощи в Москве с получением вагонов не оказывает.

Гранский почему-то считает, что если мы погрузим хоть один вагон в августе, то железнодорожный план механически перейдет на сентябрь. И вот 31 августа, после больших хлопот, мы получаем и нагружаем первый пульман. Сколько беспокойства он доставит дежурным на вокзале! Много шуток товарищей вызывает наша сработанность с Поповым: он просит специально вызвать меня на погрузку, хотя на вокзале имеется дежурный. В 6 часов утра ко мне приходит гонец. Попов следит за укладкой ящиков в вагоне, а я их регистрирую.

Много горя стоил нам этот нагруженный вагон. План механически на сентябрь не перенесен, а из-за него эшелон пошел двумя партиями, т. к. станция Мелекес не пожелала вагон держать на простое больше двадцати дней и отправила часть вагонов до общей погрузки.

Возникает осложнение с пожарной охраной — условие с ней кончается 1 сентября. Никому из этих ленивых баб нет желания дежурить в холоду по ночам, они скандалят. Пожарное начальство ценности и значения нашего груза не понимает: подумаешь, какие-то ящики. Озеровой приходится доказывать, что если ящики были бы гружены золотом, они не были бы ценнее. После многих усилий пожарохрана нам оставляется.

Приходит сентябрь и выясняется, что план механически не

перенесен. Возникает версия, что 4 или 5 сентября с этим одним груженым вагоном поедет наше семейство. По счастью этот фантастический план не осуществился, т. к. ехать втроем в вагоне не очень соблазнительно. Но если бы мы приехали в начале сентября, то иначе бы обстоял квартирный вопрос, и мы сэкономили бы много денег на индивидуальной отprawке Фаины.

Летят телеграммы-молнии о продлении железнодорожного плана в НКПС, Куйбышев (управление дороги), Библиотечный комитет, Библиотеку.

Наконец, Озерова сама едет в Ульяновск, оттуда говорит по телефону с Куйбышевым. Захаркин, начальник Ульяновского железнодорожного узла, «успокаивает» — приводит пример, как он Петровскую галерею отправлял в течение восьми месяцев по вагону в месяц. Начальник в Куйбышеве говорит, что он две недели был в отпуске, а теперь займется нашим вопросом. Озерова изводится, что без вызова или командировки не попасть в Москву, чтобы двинуть вопрос о вагонах непосредственно в НКПС.

План в Куйбышеве продлевается, но вагонов нет. Мы начинаем убеждаться, что «не подмажешь — не поедешь», хотя имеется распоряжение СНК⁷¹. Но как нам, государственной, а не торгующей организации «подмазывать»? Третья забота — получение вагонов и отъезд кажутся непреодолимыми.

Дома у нас невесело. Фаина изводится, т. к. явно, что к началу занятий 17 сентября она не попадет, а это грозит тем, что она вообще не поступит в Медицинский институт и потеряет еще один учебный год. Положение дурацкое — на руках вызов, а уехать нельзя, т. к. пропуск для скорости оформления был получен коллективный, на всю библиотеку. По ночам Фаина не спит, Елена тоже нервничает. Все растет угроза, что Библиотека уедет несколькими партиями.

11 сентября чудный теплый день. Утром отправляюсь за хворостом, купаюсь и подумываю, не пройти ли глубже в лес, но поворачиваю домой. Настроение безмятежное — уж очень хорошо кругом и приятно уйти от нервирующего окружения в одиночество, в природу. Далека от мысли, что в последний раз

⁷¹ СНК — Совет народных комиссаров.

вижу Черемшан. Я столько раз уже с ним прощалась, что последние разы проделываю это не с сожалением, а с надеждой «хоть бы больше к нему не приходиться». Ведь уже две недели мы живем на зашитых тюках, посуду от черноты таганков Фаина чистила целый день, не вставая с места, — не пачкать же ее еще раз. Подорожники все съедены, а муки у нас не бесконечно. Но в этот день я как-то не думаю об отъезде, не думаю, что это последнее безмятежное утро, что много недель, а может быть и лет покоя не будет.

Когда я вхожу на улицу Аблова, то вижу, что навстречу мне несется Фаина. «Иди скорей. Ты сейчас едешь в Ульяновск, разбивать коллективный пропуск на индивидуальные!» У меня в распоряжении 20 минут на обед и сборы. Фаина убегает на вокзал брать билет. Я что-то глотаю и несусь к Озеровой за бумагами и распоряжениями. Оттуда почти бегом на вокзал. Состав рабочего поезда стоит далеко, и от кассы мы с Фаиной буквально бежим. И вот я в поезде.

Судьба заставляет меня в третий раз попасть в Ульяновск. Вечер чудесный, но темнеет рано. Любуюсь с Венца электрическими огнями Володарской на другом берегу Волги, забираюсь в гостиницу. Знакомлюсь с нравами провинциального отеля. В комнате девять коек. Лампочка тусклая, читать нельзя. За десять рублей заказываю самовар, т. к. хочется чего-то горячего. Ночью просыпаюсь от гвалта: к нам в комнату залез мужчина и улегся в одну из кроватей. Вернувшаяся хозяйка постели подняла шум. С угрозой милиции его выставляют. Утром в первом этаже, в виде исключения, идет вода и перед умывальником устраивается очередь.

Осень ранняя, холодно, ночью шел дождь. Утром часов в восемь иду в бюро пропусков занять очередь. Заявляют, что идет командирская учеба и бюро откроется не в половине десятого, а в 13 часов. Благоразумно не доверяю этим сведениям и права, т. к. оно открывается нормально. От сержанта Лукьяновой получаю категорический отказ на разбивку пропусков: «Ведь тогда торопили, говорили, что эшелон уже погружен, задержка в отправке только за пропусками. Невозможно. Впрочем, переговорю с полковником...». Особа сухая, с тонкими поджатыми губами, тип прежней классной дамы. Ясно, что убеждать

ее бесполезно. Прошу вернуть письмо Озеровой, чтобы с ним самой идти к начальнику милиции, но она не возвращает: «Я переговорю сама». Чувствую, что надо во всю нажимать. Начальника еще нет. Бегу на телефонную переговорную, чтобы просить Озерову нажать из Мелекеса. Жду телефонного разговора «молнии» 1 час 45 минут. Возвращаюсь в милицию, начальник занят, а затем выходит из здания. Бегу за ним и на улице у входа в бюро пропусков заговариваю. Первое слово: «Невозможно». Тут я пускаю в ход все самое убедительное красноречие. Мы вместе заходим в бюро к т. Лукьяновой, и получается самая благоприятная ситуация — разговор втроем. Начальник накладывает резолюцию, но готовы будут пропуска на другой день в 2 часа. Волнуюсь, т. к. Озерова мне сказала, что в этот день начнется дальнейшая погрузка вагонов.

Иду с поручением на Нефтебазу, а оттуда на Ульяновск I к Захаркину просить классный вагон⁷² для нас. Захаркина нет, но его помощник мне сообщает, что классный вагон до Ленинграда можно получить только с разрешения НКПС. Придется довольствоваться теплушкой.

С вокзала еду в автобусе — как приятно такое культурное передвижение!

Вечер убиваю в кино и длительном сидении на телефонной станции для разговора с Озеровой.

На другой день дождь и холод. До часу провожу время в читальном зале Областной библиотеки. В милиции все готово и расстаемся с Лукьяновой друзьями. Серо, пронизывающий ветер. Никуда не тянет, совершаю только необходимый продовольственный поход на базар и сижу в библиотеке.

На другой день попадаю в вагон с разбитыми стеклами, ветер гуляет по вагону, и я промерзаю до глубины костей. Теперь, при наличии индивидуальных пропусков, начинаем думать об отправке Фаины. 14 начинается ее посадка, но у нас нет «блата» и посадка не удается.

15 сентября новое волнение: срочная телеграмма, немедленно вызывающая Олавскую в Библиотеку. Т. к. она живет у нас, то это отражается на нашем быту. Новая укладка, новые подорожники...

⁷² Классный вагон — пассажирский вагон, в отличие от теплушки.

Для Мелекесского отделения этот вызов благодеяние. Озера просит ее задержаться в Москве и добиться свидания с Наркомом НКПС и двинуть вопрос нашего отъезда. Мы уже знаем, что нужно не просто распоряжение Наркома о подаче вагонов, но и требование донести о выполнении распоряжения, иначе вагонов все равно не дадут.

Целый вечер сидим с Лидией Иосифовной и вспоминаем влиятельных академиков, через которых можно было бы воздействовать на НКПС.

16 сентября пытаемся посадить двоих. Для Лидии Иосифовны Гранский достает билет, Фаина остается.

Наконец, «блат» найден, и 18-го билет куплен, но у «блата» нет в проходящем составе ни одного знакомого проводника, и дело откладывается до 20-го.

Вопрос нашего отъезда выглядит безнадежно. Добьется ли толку Лидия Иосифовна? 17-го Елена начинает вновь работать в поликлинике, т. к. уже почти месяц она без работы. Я считаю, что, отправив Фаину, поживу спокойно, отдохну несколько дней. Обещала Варваре Александровне помочь выкопать картошку.

19 сентября во вторую половину дня меня вызывают на станцию грузить два пультмана. А в 8 часов вечера Гранский мне заявляет: «Будьте готовы, завтра ночью, вероятно, отойдете из Мелекеса с первой партией эшелона. Станция не согласна больше держать на простое пультман, груженный 31 августа».

Прибегаю домой часов в девять вечера. Начинаем спешно переключать и зашивать тюки. Месяц мы жили на сложенных и связанных корзинах и тюках, но теперь надо пересортировать теплые вещи.

20 сентября день набит до отказа, т. к. я должна переделать ряд формальных дел, посадить Фаину в поезд, а Елена — ликвидировать свои вновь начатые служебные дела. У нас нет дрожжей, на дорогу ничего не сготовлено. Дрожжи достаем, Фаину удается отправить. В 19 часов приходит машина за Садовскими и нашими вещами. Я уезжаю, а Елена остается допекать подорожники. Варвара Александровна рыдает навзрыд, расставаясь с нами.

В последний раз качу по Мелекесу на грузовике. Любуюсь

закатом. На вокзал приезжаем в сумерки. Первая партия уже приехала, наши вещи вбрасывают в вагон. Не успеваем распутаться с вещами, как в карете скорой помощи привозят Ольгу Сергеевну. На груди у Ольги Сергеевны котенок «Посолат». Первые дни он ведет себя смирно, но Анастасия Сергеевна пытается его выводить на веревочке. Начальник эшелона гуляет с котенком на привязи. «Посолату» этот способ не нравится, приходится его отвязывать, рискуя тем, что он убежит. Судьба его оказалась трагична: он не вынес тряски теплушки, и на 2-й день его стало рвать. В конце концов, Анастасия Сергеевна оставляет его в Шилове посреди поселка, в надежде, что кто-нибудь его подберет.

Теплушка ординарная, не утеплена, вся в щелях. Ночь холодная, свишет ледяной ветер. Дверь теплушки не закрывается, окно вставлено только одно, на нашей половине темно. Гранский уверяет, что нельзя было больше ни стекла достать, ни рамы сделать.

В ночь с 20-го на 21-е эшелон не трогается. Анастасия Сергеевна проявляет в качестве начальника эшелона максимум энергии. Дверь теплушки задвигается, остается узкая щель и к ней приделывается дверца. Выясняется, что для второй партии библиотечного эшелона уже заготовлено две рамы со стеклом. Анастасия Сергеевна собственноручно приносит одну из них — обе половины теплушки освещены. С нами едет времянка Дружининой, ставим ее посреди теплушки. (Казенных печек до 15 октября не ставят), воруем дрова и уголь. Набираем на платформе паклю, и я затыкаю все щели.

21-го утром подают еще два пультмана, мы их нагружаем. 21-го вечером появляется надежда, что мы поедем единым эшелонном. 21-го такой холодный и ветреный, хотя и ясный день, что даже я не прельщаюсь мыслию сбегать на горку и оттуда попрощаться с Мелекесом.

22-го выясняется, что мы уйдем первой партией библиотечного эшелона в составе пяти пультманов и людской теплушки. Часов в 15 состав сформирован, проверяем в последний раз пломбы на вагонах. В 17.10 по местному времени (16.10 по московскому) в сумрачный день, под мелкой сеткой дождя, отходим от Мелекеса. Четырехлетняя эпопея эвакуации за-

кончена. Шутя, говорю: «Жизнь кончена, начинается житие» — не подозревая, что слова окажутся пророческими. Месячное опоздание с выездом нам дорого обойдется в устройстве квартирных дел.

Начальником эшелона является А. С. Ляпунова. В первой партии едут: Анастасия Сергеевна с Ольгой Сергеевной и Андреем, сестры Садовы, Дружинина с дочкой, мать Цвибак⁷³, мать и сестра покойной Файн и мы с Еленой.

ПУТЬ В ЛЕНИНГРАД ПЕРВОЙ ПАРТИИ
ВАГОНОВ С БИБЛИОТЕЧНЫМ ГРУЗОМ.
ТРУДНОСТИ В ПУТИ. ПОТЕРЯ ВАГОНОВ.
ПОЕЗДКА Т. А. И Е. А. БЫКОВЫХ В МОСКВУ.
ПУТЬ МОСКВА–ЛЕНИНГРАД. БИБЛИОТЕКА.
ПЕРВЫЕ ДНИ В ЛЕНИНГРАДЕ

Мост через Волгу проезжаем в темноте. В два часа ночи прибываем в Киндяковку. Около нашего эшелона останавливается начальник станции, с кем-то разговаривая. Ляпунова просит его не разъединять наши вагоны, пустить их в одном составе. Он обещает. Вспоминает, что принимал библиотеку в Мелекесе, где был тогда начальником станции. А когда мы утром просыпаемся, то видим, что два наши пульмана стоят во главе наливного состава. Как нам объясняют, «под прикрытие поставили, ведь нельзя бензин ставить сразу за паровозом...». Разговор о ценности нашего груза для них совершенно недоступен.

Это начало наших терзаний. Наши документы оформлены неправильно: все вагоны на отдельных квитанциях, на чем обязательно настаивал Гранский, и нет ничего объединяющего. Мы ничего не можем требовать, а только просить.

До конца трагедия нашего положения нам еще не ясна. Мы даем телеграмму в Рузаевку с просьбой задержать два наших

⁷³ Цвибак Вера Мироновна (1908 — ?) — историк, сотр. ГПБ (1937—1942, 1945 — 1951), гл. б-рь Отд. обработки. В Мелекесе с авг. 1941 г. 12 марта 1942 г. ушла на фронт медсестрой. В Мелекесе оставалась ее мать Сифа Иосифовна, работавшая уборщицей в Мелекесском филиале.

вагона. Телеграмма никакого действия не оказывает. И начинается хождение по мукам. На каждой крупной станции, где производится переформирование поезда, Ляпунова или я, а чаще мы обе начинаем бегать. Бежим в техническую контору, та отправляет к диспетчеру, туда же направляет и дежурный по станции. А диспетчер утверждает, что все зависит от технической конторы или от сцепщика. Нами перебрасываются, как мячиком, всюду цедают сквозь зубы, огрызаются, просят не мешать работать, очистить помещение. Когда мы пытаемся заговорить о ценности груза, нам отвечают: «Не ценных грузов у нас нет...».

И точно нарочно на сортировочные станции мы приходим в сумерки или ночью. Теплушка стоит в хвосте поезда, иногда даже нельзя определить станция ли это, разъезд или случайная остановка в поле, надо ли скакать из вагона или сидеть смирно. А этих станций немало: Низа, Рузаевка, Ковылкино, Сасово, Шилово, Рязань, Рыбное. Ночью с волнением прислушиваемся к распоряжениям диспетчера по радио и стараемся решить, не грозят ли эти распоряжения дальнейшим разрывом эшелона. Но что поймешь в возгласе радио: «с такого-то пути вагон на горку», или, с «горки на такой-то путь...».

Особенно памятна ночь в Рузаевке, где среди подъездных путей можно заблудиться, а диспетчерская будка представляет трехэтажную башню, где диспетчер на самом верху. Сколько раз мы с Ляпуновой карабкались на этот третий этаж! Во главе наливного состава находим один из наших ушедших пульманов, но его так и отправляют с этим составом вперед. В результате в Рузаевке от нас отрывают еще один пульман и мы остаемся в составе двух пульманов и теплушки. Громадное неудобство, что по техническим соображениям пульманы ставят вперед составов, а теплушку можно прицеплять в конце.

Даем телеграмму Озеровой и в Комитет о событиях нашей жизни.

До Рязани удается проследить судьбу ушедших вперед вагонов, дальше их след теряется. Самое большое испытание ждет нас в Рыбном. Приходим в сумерки, останавливается где-то на задворках. После обычных колебаний, в темноте бредем по

горам шлака. Приходим в техническую контору и впервые за время пути слышим приветливый тон: «Хорошо, что вы сразу пришли, мы вас не разъединим...». Вздыхаем с облегчением и погружаемся в справки об ушедших вагонах. Через четверть часа возвращаемся в контору и узнаем, что один наш пульман серьезно заболел и будет взят на ремонт — надо менять ска-ты. Удастся умолить отцепить второй пульман и теплушку, чтобы могли идти дальше в одном составе. Несмотря на эту катастрофу, мы сохраняем о Рыбном самое приятное впечатление. Все, от начальника станции до диспетчера и сцепщика, разговаривают по-человечески и приветливо. Ремонтная контора сдерживает свое обещание, на другой день вечером берет вагон в ремонтную мастерскую и на 3-й день, 1-го октября, наш пульман выходит из ремонта. В промежутке много волнений. Рядовые работники станции говорят, что запасных скатов в Рыбном нет, что придется за ними посылать в Москву. Много раз мы бегаем в ремонтную мастерскую: вагон взят в ремонт, вагон поднят на домкраты, скаты подведены, вагон опущен...

Настроение исключительно скверное. Четыре года охранять груз, и так бесславно заканчивать эвакуацию. Все время думается об ушедших вагонах, нет никакой возможности изгнать тревогу. И в то же время сознаешь свое полное бессилие что бы то ни было сделать. В голову ничего не идет, никакое чтение, кроме пасьянсов, ничем не займешься.

Идет состав очень быстро, но на станциях стоим бесконечно, на сортировочных не менее полусуток, а иногда и больше — не хватает паровозов. В то же время к теплушке привязан, т. к. на каждой станции сначала уверяют, что долго не задержат, сейчас переформируют и через час отправят. Иногда даже на базар боишься сбежать, а потом ждешь отправки часами. Когда печка топится, то в теплушке жарко, а ночью замерзаем. Раз в день стряпаем себе горячую еду, а так питаемся молоком, яйцами. Кипяток всегда далеко и не всегда бывает. На станциях в буфете только коммерческие обеды, и они недоступны (30—35 рублей). Тяжело с хлебом — нигде не получить по рейсовым карточкам. Неизвестно, почему они «рейсовые». Покупаем на базаре лепешки.

Разместились мы в теплушке удобно – нас всего двенадцать человек. Наверху, на нарах мы спим, у каждого по матрацу. Внизу, под нарами, вещи. На каждой половине вставлена рама со стеклом. Посредине буржуйка и стол. Дорога до Рязани очень красива – холмы и леса в багряном уборе. В окна смотрит золотая осень. Если бы не длительность путешествия, и более приспособленная компания, и не оторванные вагоны – было бы не плохо.

Конечно, из вагона вылезать страшно, когда приходится пускаться в далекое путешествие к диспетчерской, но это приходится делать. У нас с Ляпуновой на примете все вагонные площадки состава, куда можно вскарабкаться, если бы состав тронулся.

Анастасия Сергеевна очень взволнована разбивкой вагонов, ни одной директивной телеграммы от Озеровой мы по пути не получаем, и Ляпунова хочет в Москве направить меня в Библиотечный Комитет. (Елена хочет заехать в Москву.)

В 6 часов утра 2 октября прибываем в Раменское. Еще темно. Мы с Еленой начинаем сворачивать вещи — из Раменского идет электричка в Москву, и мы хотим пересесть. Надо все уложить как следует, т. к. нет уверенности, что мы попадем обратно в теплушку и, может быть, в Ленинграде будут выгружать вещи без нас. В начале девятого все готово, мы слезаем за пять минут до того, как наш товарный состав трогается. Странно сесть в электрический поезд. Мимо нас мелькают подмосковные дачи, дома зимогоров⁷⁴. Появляются многоэтажные здания Москвы. Вот и Казанский вокзал. Спускаемся в метро. Поражает количество народу — перед поездом толпа. Мне думалось, что я совсем одичала и большой город меня поразит и оглушит. Но все совершенно просто, точно вчера уехала из Москвы. Приезжаем к тете Саше⁷⁵, нас не ждали. Радостная встреча, у тети Сашеньки все как было, те же фотографии, на тех же местах, тот же кофейник. Приятно вымыться с ног до головы теплой водой, выпить настоящего кофе. В первом часу иду в Библиотечный комитет. Усова⁷⁶ еще нет. Забегаю к Ефремовым⁷⁷, которые живут наискосок, за-

⁷⁴ Зимогоры — здесь — живущие зимой на дачах горожане.

⁷⁵ Тетя Саша — Беклемешева Александра Петровна (1860—?) — большой друг семьи Быковых, москвичка.

⁷⁶ Усов Александр Васильевич — начальник Управления библиотек Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР.

⁷⁷ Ефремова Евгения Александровна (Жука) — подруга детства Т. А. Быковой.

стаю одну Марианну. Иду опять в Комитет. Усов звонил, что будет в три часа. Еду на четверть часа к Екатерине Александровне⁷⁸. Она меня не ждала. Надо мной тяготеет Комитет, душа неспокойна и разговор не клеится. Качу обратно. Приятный сюрприз — в Замоскворечье проведено метро и остановка около Академического дома. Приезжаю в Комитет — Усова еще нет. Два часа толкаюсь в коридоре и канцелярии. Жалею, что не пошла прямо к Морозову⁷⁹, а теперь он ушел на обед. Ведь Усов может приехать только вечером, а вечером пропуска в Комитет нет и мое поручение останется невыполненным. Во время ожидания узнаю, что выезда сейчас из Москвы нет и начинаю волноваться, преимущественно за Елену. Ведь у нас нет на руках билетов, за теплушку с людьми заплачено квитанцией.

В шестом часу появляется Усов. Он советует, во что бы то ни стало искать теплушку, т. к. у Комитета не будет возможности меня отправить. Он очень внимательно меня выслушивает, записывает номера вагонов, пытается при мне позвонить в НКПС, обещает проследить за вагонами. Морозов относится совсем легко: «Чего Вы волнуетесь. Если бы это были вагоны с маслом, а то с книгами. Дойдут!»...

Из Комитета еду опять к Екатерине Александровна, затем к Жуке. Как приятно видеть друзей, как приятно слышать разговоры не ограниченные мелекесским миром. Всякая новость московской жизни, научного мира выслушивается с жадностью.

Ночую у Жуки, но почти не сплю, т. к. даже оптимист Володя с сомнением качает головой по вопросу индивидуального выезда из Москвы. Теплушка представляется венцом мечтаний, но как до нее добраться, найти ее равняется чуду. Звоню и Елене и категорически заявляю ей, что в 7 часов утра заеду за ней к тете Саше. Едем в пригородном поезде, невероятная давка. Считаю, что ловить теплушку надо в Ховрине. Нам говорят, что Ховрино — четвертая остановка, но в поезде выясняется, что Ховрино-товарная с подъездными путями — третья остановка. С трудом выбираемся из вагона.

Приходим в техническую контору, начинаем наводить справки о теплушке, и вдруг вошедший кондуктор говорит:

⁷⁸ Неустановленное лицо.

⁷⁹ По-видимому, сотрудник Управления библиотек.

«Да ваши библиотечные только что брали кипяток у нас в бригаде, вон пошли...». Идем в указанном направлении и нас окликают Дружинина — они действительно идут с кипятком. Чудо свершилось! Теплушка кажется родным домом. Ляпунова только что получила мою телеграмму о результатах посещения Комитета.

Мы подходим к последнему этапу нашего путешествия, наш состав сформируют до Ленинграда. И тут ухитряются оторвать еще один пультман, он уходит на наших глазах на полтора часа раньше нас. В два часа, 3 октября отходим от Москвы и мы. Теперь мы считаем часы, оставшиеся до Ленинграда, надеемся прибыть через сутки, а прибываем только 5-го.

Приятно видеть стандартные вокзалы крупных станций Октябрьской дороги — Клин, Калинин, М. Вишера. Когда-то ночью бесконечно стоим в Бологом. В общем только 4-го около 16 часов приезжаем в М. Вишеру. С каким наслаждением покупаем первую, хотя и незрелую, клюкву — мы ее не видели за время эвакуации. С таким же восторгом до Москвы мы уничтожали яблоки.

Все ближайšie к Ленинграду, бывшие в немецкой оккупации станции, мы проходим ночью. Мы видим только разрушения Волхова и столб с надписью «Чудово», остальное все в развалинах.

В два часа ночи 5 октября нас привозят на Сортировочную, утром начинают переформировывать состав. Начинаются самые томительные часы всего путешествия. Поезд стоит, в теплушке холодно, но мы боимся топить, дров почти не осталось, уголь тлеет долго. Куда его девать, если придется снимать временку? День промозглый, мы отвыкли от сырого воздуха и нас прохватывает до нутра. Впереди объяснение с дирекцией. Мы с Ляпуновой в нерешительности: не скорее ли добираться на трамвае. Но кругом все твердят: «Здесь поезда долго не держат». Веши свернуты, все одеты и время томительно ползет. Проходят одиннадцать, двенадцать часов, час... С горькой иронией вспоминаю, как когда-то, на заре Мелекесских дней, я представляла себе возвращение. Представляла солнечный день, нас встречают из Библиотеки. А вечером, как всегда, когда я возвращаюсь из длительного отсутствия, у

нас дома собираются Екатерина Федоровна, Мария Эдуардовна, Иринушка...

Наконец, в час состав сформировывают, и мы трогаемся! Через сто метров остановка, опять двигаемся, опять стоим. Какой-то охранник говорит, что Фарфоровский пост рядом, и через полчаса часа идет поезд. Мы решаемся с Ляпуновой и бежим. В поезд мы не попадаем из-за огородников и направляемся на трамвай. Выходим на Шлиссельбургский. Мокро, моросит. Первое впечатление, что Нева стала уже. Втискиваемся в трамвай. В окне мелькают вывески «Пиво», «Газированные воды», «Сладкий кофе»... Все мелочи жизни забивают голову, и мы с Ляпуновой обмениваемся впечатлениями, что из-за мелочей совершенно не чувствуешь, что стоим на большом поворотном пункте жизни. Невский сильно реставрирован — почти нет фонарей, дома выкрашены заново. Какое замечательное изобретение асфальт, он поражает после черноземной грязи!

Подымаемся по лестнице в Библиотеку. В канцелярии меня никто не знает, Ляпунову, которая была в Библиотеке зимой, узнает машинистка. Е. Ф. Егоренковой нет в кабинете — она у Люблинской, которая только что назначена замдиректором по научной части, там же и ученый секретарь Франкфурт⁸⁰. Нас встречают радостно, но так, точно мы свалились с неба. Оказывается большинство телеграмм о нашем отъезде не доходило, они получили только неясную телеграмму от 23 сентября и считали, что это извещение о выезде второй партии эшелона, а не нашей. Первыми ласточками явились два наших пультмана, которые докатились раньше нас и уже разгружены. А в Москве Ляпунову в технических конторах уверяли, что вагоны не проходили. Мы с Анастасией Сергеевной вздыхаем с облегчением, доехали-таки! Все проходит легко и даже весело, сердечно. В это время появляются Дружинина и Е. А. Садова⁸¹ — теплушка прибыла на Товарную. Нам отводят в доме библиотеки квартиру в три комнаты (№2а). Начинают спешно убирать комнаты, вытаскивая оттуда подмоченные и гниющие книги I филиала. Уславливаемся,

⁸⁰ Франкфурт Лия Соломоновна.

⁸¹ Садова Елизавета Александровна.

что к 7 часам теплушечники придут, оставив в теплушке ночевать с вещами человек трех. Выкупить теплушку и вывезти вещи сегодня уже не успеть.

По делу идем с Ляпуновой вглубь Библиотеки. Я тут же вынуждена от нее отстать. Со всех сторон бегут старые друзья по работе, чтобы меня поцеловать. До эвакуации Ляпунова работала в Библиотеке немного и у нее не было в то время многолетних связей.

Наконец, останавливаюсь около площадки специального читального зала и объявляю, что принимаю поцелуи здесь. Кружок около меня нарастает: Котельникова⁸², Нардова, Струлева⁸³, Пигулевская⁸⁴, Зиновьева⁸⁵, Самойлова-Беляева⁸⁶, Шамрай⁸⁷, еще целый ряд лиц, которые в волнении встречи плывут мимо меня, как в тумане. Я потрясена сердечностью встречи и глубоко тронута. Я не ожидала такого приема и от такого количества разнообразных лиц. И в сердечности живых тонет горечь об ушедших — порог Библиотеки переступлен легче, чем я думала. В жизни все проще, когда оно приходит, чем когда об этом думаешь.

Идем с Ляпуновой и Ден на вокзал. Шлепаем по лужам, сверху дождит. Отражение огней в мокром асфальте красиво. Даже я, не любитель городских красот, это чувствую. Несем в теплушку дрова. Я приготовилась ночевать в теплушке, но все теплушечники отказываются оставить свои вещи. При той сердечной встрече, которая нам оказана и Мариным⁸⁸, и предместкомом невозможно никому не появиться в квартире 2 а. И мы трогаемся с Еленой. Комнаты натоплены, на плите кипятки, горит электричество (неосуществимая мечта Мелекеса). Марин ждет нас, сразу окунаюсь в атмосферу бывшего I отделения. Ждем Ляпуновых, за Ольгой Сергеевной должна приехать ско-

⁸² Котельникова Ольга Михайловна (1888 — 1954) — библиограф, сотр. ГПБ (1932 — 1952), гл. б-рь Консультационно-библиографического отдела.

⁸³ Струлева Вера Николаевна.

⁸⁴ Пигулевская Елизавета Васильевна (1888—1958) — педагог, сотр. ГПБ (1921 — 1957), гл. б-рь читального зала медицины и техники.

⁸⁵ Зиновьева Мария Константиновна (1887—1960) — педагог, библиограф, сотр. ГПБ (1923—1957), б-рь Консультационно-библиографического отд.

⁸⁶ Самойлова-Беляева Валентина Леонидовна (1905—1989) — сотр. ГПБ (1928 — 1935, 1945 — 1961), гл. б-рь Консультационно-библиографического отд.

⁸⁷ Шамрай Дмитрий Дмитриевич.

⁸⁸ Марин Всеволод Александрович.

рая помощь. Наконец, они появляются чуть не в 10 часов. Приятно в квартире из трех комнат очутиться двум семействам в количестве пять человек. Электричество кажется необычайно ярким. А какое замечательное изобретение — техника американских уборных!

Я отвыкла от ленинградской сырости. В комнате тепло, а я дрожу и к середине ночи прямо заоченеваю.

На другой день перевозим вещи из теплушки, начинается бюрократическая волокита — санитарный осмотр, прописка, регистрация рейсовых карточек, получение новых продуктовых карточек, на что у меня ушло пять дней. А Елена получила карточку 24 октября, приступив к работе 16 октября.

Среди всей этой беготни остаются пустые часы и чувствуешь себя неприкаянной. Хотя у нас на троих отдельная комната в 14 метров, но она запущенная, неуютная, мы сидим друг на друге, заниматься невозможно. Погружаюсь в английские романы — необходимо восстанавливать языки, четыре года с лишним не читала иностранных книг.

11 октября прибывает вторая партия мелекесян. Им удалось выехать 28 сентября. Очевидно хлопоты Олавской увенчались успехом и телеграмма замнаркома НКПС о подаче вагонов возымела свое действие. Они ехали без наших приключений в составе трех пульманов, где половина вагона была занята людьми. Мы теряли вагоны, они людей. В Рязани большая компания во главе с Озеровой и Гранским отстали от эшелона, уйдя в город в поисках хлеба. Им удалось догнать состав в Рыбном.

* * *

Дирекция издает приказ с благодарностью мелекесянам за проделанную работу. Туда включены все пробывшие в эвакуации с июля 1941 года по октябрь 1945 года и из позже приехавших — М. А. Садова. Мы очень задеты, что в список не включен В. А. Бриллиант. Хотя он и был отозван раньше, но несомненно он был полезнейшим членом в коллективе мелекесян, единственным хорошо знавшим все фонды. В том же приказе — выражается благодарность мелекесянам, отмечена работа ленинградских товарищей по разгрузке ва-

гонов и приемке груза. Очевидно дирекция считает, что разгрузка вагонов и перевозка фондов в транспортных условиях Ленинграда и многочисленности штата так же сложны, как и в Мелекесе.

20 октября администрация и общественные организации устраивают в честь прибывших мелекесян банкет. Подбор участников несколько странный — отсутствуют много старых работников, переживших блокаду. Трудно определить, почему два-три человека все-таки оказались включенными в список приглашенных. И в то же время, присутствуют ряд лиц новых в библиотеке, для мелекесян совсем незнакомых.

Этим кончается эпопея Мелкеского отделения, его эвакуация и возвращение.

Но все мытарства для нас впереди. Месячная задержка в Мелекесе обойдется нам дорого, т. к. с 1 октября изменится судебная обстановка и комнаты реэвакуируемых почти не возвращаются, и мы лишаемся нашей жилплощади.

В понедельник 22 октября выхожу на работу, временно в Рукописное отделение на разборку и приведение в порядок привезенных нами фондов. Начинаются трудовые будни.

Ленинград, 8 ноября 1945 г.

**Публикация и комментарии
М. Б. Вербловской**

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ЯНВАРЯ

Из дневниковых записей Ю.А. Меженко

Публикация Е.К. Соколинского

История этой публикации такова: В.Д. Чурсин¹, занимаясь темой «Государственная Публичная библиотека в годы блокады», обратился к Ю.А. Меженко с просьбой рассказать, что ему запомнилось о своей и библиотечной жизни в военные годы. В ответ Меженко прислал из Киева, куда к тому времени переехал, письмо от 20 февраля 1963 г. и маленькую тетрадь с четырьмя листками дневниковых записей за 2—5 января 1942 г. Записям было предпослано пояснение: «Как-то в последние дни 1941 года Н.П. Басов² в разговоре с несколькими сотрудниками подал мысль: пусть каждый ведет дневник с тем, чтобы от времени до времени собираться и зачитывать записанное. Таким образом это должно было дать объективную летопись жизни коллектива ГПБ. Мне эта мысль понравилась, и я попробовал ее осуществить. Однако дело у меня далее 4-х страниц не пошло. Мы ни разу не собирались, и я не знаю, вел ли такой дневник сам его инициатор».

Блокадный дневник, насколько нам известно, вели несколько сотрудников Публичной библиотеки (М.В. Машкова, В.С. Люблинский, Л.М. Филиппова³). Частично воспоминания библиотекарей использовались в «Блокадной книге» Д. Гранина и А. Адамовича⁴. Краткие записи Меженко достаточно выразительны и несут на себе отпечаток его яркой индивидуальности, сложного, противоречивого характера, и в то же время дополняют страницы истории ГПБ как относительно некоторых фактов, так и в смысле воссоздания атмосферы того трагического времени.

Юрий Алексеевич Меженко был замечательным книговедом, библиотековедом и библиографом, основателем научного

¹ Чурсин Владимир Дмитриевич, зав. группой литературы Информационно-библиографического отдела ГПБ.

² Басов Н. П..

³ Машкова Мария Васильевна (р. 1909), Люблинский Владимир Сергеевич (1903–1968), Филиппова Любовь Михайловна (1908–1989) — сотр. ГПБ.

⁴ Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга. М., «Сов. писатель», 1982. 432 с.

книговедения на Украине⁵. Родившись 5 июня 1892 г. в Харькове, он прожил драматичную и насыщенную событиями жизнь. Уже в 1919 г. (спустя 2 года после окончания Московского университета) Меженко организует Главную книжную палату Украины, затем избирается председателем Совета библиотекарей. В 1921 г. публикует брошюру «Библиотечная техника», которую П.Н. Берков назвал первой попыткой разработать методику библиографического разыскания⁶.

Одним из значительных мировых центров по изучению книги был признан Украинский научный институт книговедения, созданный Ю. А. Меженко в 1922 г. Журнал «Бібліологічні Вісті», выпускаемый институтом, не имел тогда аналогов в СССР и привлекал ученых всей страны в качестве авторов. Феноменальная память, эрудиция, информированность, организационный талант, авторитет в научном мире Ю.А. Меженко были определяющими и в жизни института, и в жизни журнала. Однако в 1930-е гг. политическая ситуация в Киеве становится слишком опасной. Обвиненный в аполитичности, буржуазном национализме и многих других грехах, Меженко вынужден покинуть Институт книговедения, а затем и Украину. В 1934 г. он переезжает в Ленинград, приходит на работу в Публичную библиотеку. Меженко назначается главным библиотекарем, а затем — заместителем заведующего Консультационно-библиографическим отделом (КБО). Под его руководством начаты фундаментальные библиографические работы, определившие библиографическую деятельность Публичной библиотеки на многие десятилетия вперед. Это изучение репертуара русской книги, создание серии указателей по библиографии русской библиографии, подготовка многотомного издания «Библиография периодических изданий России, 1901 — 1916»⁷.

Всю блокаду Меженко провел в Ленинграде. Руководимый им отдел раньше других оправился от первой блокадной зимы и продолжил текущую справочную и научную работу. У само-

⁵ Подробнее о Ю.А. Меженко см.: Соколинский Е.К., Румянцев А.Р. Ю.А. Меженко: (Штрихи к портрету) // Ист.-библиогр. исслед.: Сб. науч. тр. Л., 1994. Вып. 4. С. 85—113.

⁶ Берков Павел Наумович (1896—1969), литературовед, библиограф, историк книги. Член-корр. АН СССР.

⁷ Библиография периодических изданий России, 1901—1916 / Сост. Л.Н. Беляева, М.К. Зиновьева, М. М. Никифоров. Л., 1958—1961. Т. 1—4.

го Меженко в эту страшную пору был особый повод для волнений. Он волновался о сохранности своей уникальной коллекции «Шевченковиана», насчитывающей 12 тысяч единиц. В один из налетов в его дом на Моховой попала бомба, и 40 тысяч карточек с описанием коллекции погибли, унесенные рухнувшей стеной. А коллекцию он перевез один на тележке и оставил до конца войны в подвалах Публички. Напряженная работа не прекращалась для Меженко ни на минуту. 12 декабря 1941 г. в подвале ГПБ состоялся доклад Меженко о методике библиографии. В течение 1941 г. в КБО проводились каждый месяц и даже чаще обзоры журнала «Советская библиография», рецензировались указатели, расписывались газеты. Осенью 1942 г. Меженко начинает новую коллективную тему — библиография по славяноведению.

В 1943 г. выходит его книга, обобщающая опыт исследования русской периодики⁸. В 1944 г. – книга М. В. Сокуровой «Общие библиографии книг гражданской печати, 1708–1937» с большой вступительной статьей Ю. А. Меженко, имеющей самостоятельную теоретическую ценность⁹. В тяжелейшие годы его не оставляют мысли о репертуаре славянской, русской книги и о судьбе В. И. Межова, также посвятившего себя проблемам репертуара¹⁰.

И неслучайно, что первыми же его послевоенными докладами в ГПБ и ГБЛ становятся доклады именно на эти темы. Призванный на родину, Меженко возглавляет в 1945 году Библиотеку Академии наук УССР, поднимает ее из руин и в то же время приступает к созданию репертуара украинской книги. Новая волна репрессий на Украине заставляет его вновь вернуться в Ленинград в 1948 г. Он работает на кафедре истории техники Политехнического института (1948–1951). Одновременно не порывает связи с Публичной библиотекой — работу над «Библиографией периодических изданий России, 1901–1916» Меженко продолжал

⁸ Меженко Ю. А. Опыт работы по составлению библиографии периодических изданий России, 1901–1916. Л., 1943. 52 с

⁹ Меженко Ю. А. О задачах и плане «Библиографии русской библиографии» // Сокурова М. В. Общие библиографии книг гражданской печати. Л., 1944. С. 5–12.

¹⁰ Межов Владимир Измайлович (1830–1894), библиограф, составитель многих библиографических работ по истории, экономике, географии, праву, статистике, этнографии и др. Сotr. Имп. Публичной библиотеки (1851–1866).

консультировать до выхода ее из печати. В 1955 г. вышел в свет указатель Ю.А. Меженко «Русская техническая периодика»¹¹. Кроме того, в последние годы он собирал материалы для «Библиографического словаря русских библиографов».

В 1960 г. Меженко вернулся на Украину. Он вошел в редакцию Украинской советской энциклопедии, вел обширнейшую профессиональную переписку, отвечал на многочисленные библиографические и книговедческие запросы отдельных исследователей и целых коллективов. Скончался Ю.А. Меженко 24 ноября 1969 г., оставив после себя свыше 150 печатных трудов теоретического, методического, исторического характера. Их тематика не ограничивается книговедением и библиографией. Меженко писал также статьи по проблемам современной литературы, театра, музыки. Его наследие еще ждет своего исследователя. Ждет подробного описания и все, что делал Ю.А. Меженко в тяжелейших условиях блокады. Особо должен быть отмечен его нравственный подвиг, служивший примером для многих. «Мало уже кто знает,— сетовала М.К. Зиновьева, старейшая сотрудница КБО, обращаясь к Юрию Алексеевичу,— как много Вы делали в годы войны»¹². Публикация блокадных заметок Ю.А. Меженко — начало выполнения этого долга. Автор приносит свою благодарность В. Д. Чурсину, сделавшему возможным эту публикацию.

* * *

[1942]

Под утро 2/1 в бомбоубежище умер И. И. Яковкин¹³. Перед этим он часа два хрипел и задыхался будучи в бессознательном состоянии. Жена и дочь спали крепко рядом и ничего не слышали¹⁴. Остальные соседи принимали эту звуки за припадки каш-

¹¹ Меженко Ю. А. Русская техническая периодика, 1800—1916. Библиогр. указ. М.—Л., изд-во АН СССР, 1955.

¹² Зиновьева Мария Константиновна (1887—1960), специалист в области каталогизации и библиографирования периодики. Сotr. ГПБ (1923—1957). Гл. библиограф Консультационно-библиографического отд.

¹³ Яковкин Иван Иванович (1887—1942), Сotr. ПБ (1915—1942). Гл. б-рь Отд комплектования.

¹⁴ Миницкая Вера Николаевна (1895—1980). Сotr. ГПБ (1921— 1957). Гл. библиограф Консультационно-библиографического отд., жена И. И. Яковкина; Яковкина Наталья Ивановна (р 1923), дочь И. И. Яковкина, в дальнейшем — доцент исторического факультета Ленинградского университета.

ля и никто не откликнулся, только Наталья Леонтьевна Левина громко запротестовала¹⁵ и начала упрекать умирающего: «Хулиганство, не даете спать голодным». Утром не было электричества и при свете коптилки не сразу установили смерть: думали — сон. Пришли люди, ели и пили на креслах рядом с трупом

В 4 ч. Миницкая и Меженко на носилках отнесли труп в 13-й зал. Несли в темноте, т. к. в момент выноса электричество опять погасло. Кто-то из сотрудников натолкнулся на носилки и бранился что «понаставили черт знает как раз в проходе». Узнав что это — в темноте скрылся.

В библиотеку пришел Г.А. Гуковский¹⁶ и вызвал меня, чтобы поговорить о библиографии по романтизму и библиографии гр. Румянцева-Задунайского. Обещал ему сделать в течение недели.

Приходит коллекционер Пуцилло¹⁷. Приносил книги и опись своего собрания автографов. Предлагал купить или поменять на *exlibris*'ы.

Яковкин последние два дня был настолько плох, что не мог говорить и плохо понимал обращавшихся к нему. 1-го вечером ему стало как - будто лучше. Меженко и Сокурова¹⁸ разговаривали о Межове и о том, что он от Делянова¹⁹ получил диплом на почетное звание. Яковкин приподнялся на досках и отчетливо сказал; «Я видел этот диплом, он хранился в „Русском отделении“²⁰». Это были его последние слова. После этого он вообще не пробовал даже говорить.

3/1. Посылают на повинность по уборке снега около усадьбы ГПБ. Исходить нужно не из состояния здоровья, а из наличия юридически обязанных к повинности лиц. Каждый отдел по этому юридическому числу получает прикрепленный участок, который и должен содержать в порядке и ответственность несет зав. отделом.

¹⁵ Левина Наталья Леонтьевна (1895–1942). Сotr. ГПБ (1938–1942). Б-рь Консультационно-библиографического отд.

¹⁶ Гуковский Г. А.

¹⁷ Более подробными сведениями не располагаем.

¹⁸ Сокурова М. В. См. с. 197, Прим. № 39. М. В. Сокурова работала под руководством Ю. А. Меженко над серией указателей «Библиография русской библиографии».

¹⁹ Делянов Иван Давыдович (1818–1897), директор Имп. Публичной библиотеки (1861—1882). Министр народного просвещения (1882–1897).

²⁰ В. И. Межову в 1879 г. вручен диплом почетного члена Имп. Публичной библиотеки. Русское отделение — структурная часть ПБ, хранилище книг на русском языке.

Уборные в ГПБ замерзли, пользоваться ими нельзя. Осталось только при бомбоубежище.

Третий день как прекратили в центральное отопление подавать горячую воду.

В КБО температура упала до 8° С. На справочном пункте при ОЧЗ температура –1. Сотрудники дежурят, подмениваясь по 3–4 часа. Читателей, обращающихся за справками, бывает 5—6 в день.

4/1. Умерла Дагмара Васильевна Роде²¹. В библиотеке нет уже досок на гробы. Когда Л. А. Загорина²² обратилась в хозяйств, ей отказали в изготовлении гроба и архитектор наш В. И. Кривцов²³ очень трезво сказал: «Пора хоронить без гробов. Зашейте тело в старенькую простыню и так хороните».

5/1. Вечером Елена Филипповна²⁴ сообщила, что выхлопота-ла единовременную помощь для 25 человек по 2 кило пшеничных отрубей и по банке зеленого горошка.

5/1 я ходил с детскими саночками на старую квартиру и привез оттуда дров. Должно хватить еще на 10 дней. Переплетчик принес 8 томов Исторической библиографии Межова — взял за работу с его красным гранитом 55 руб.

Утром всех подлежащих трудовым обязанностям мобилизовали на снег. Всей библиотекой в течение 2 часов прибрали 4 кучи с улицы 3-го Июля. Трудоспособность чрезвычайно низкая.

²¹ Роде Дагмара Васильевна (Вильгельмовна) (1902—1942). Сotr. ГПБ (1936—1942). Библиограф иностранной отметки Отдела фонда и обслуживания.

²² Загорина Лидия Александровна (1880—1945). Сotr. ПБ (1898—1945). Зав. группой использования иностранных каталогов Отд. фонда и обслуживания.

²³ Кривцов Владимир Иванович (1882—?). Сotr. ГПБ (1941—1942). Архитектор Библиотеки.

²⁴ Егоренкова Е. Ф.

Гранский В.И.

ЧЕТЫРЕ ГОДА В МЕЛЕКЕССЕ

Из дневников уполномоченного по сопровождению, охране и наблюдению за состоянием эвакуированных фондов ГПБ как в пути следования, так и на месте назначения

От редактора: Дневниковые записи В.И. Гранского предоставлены для публикации его вдовой Полиной Георгиевной Гранской. Судя по их характеру, они, возможно, предназначались для печати самим составителем, понимавшим значение хроникальной летописи эвакуации фондов Публичной библиотеки в Поволжье и их благополучного возвращения в Ленинград. Учитывая обстоятельства жизни В.И. Гранского, повлиявшие на его характер, склад поведения, отношение к окружающим его людям, легче понять особенности дневника, манеру письма автора.

Виктор Исидорович Гранский родился в 1903 г. в Петербурге в семье ремесленника. Дальнейшая его жизнь во многом типична для человека, юность которого пришлась на послереволюционные годы. Работа учеником слесаря на Путиловском заводе, вступление в комсомол в 1918 г., мобилизация в армию, подполье в Одессе. Почти два десятилетия (1920–1937) — служба в ВЧК-ОГПУ-НКВД. Некоторое время Гранский — резидент нашей разведки в Германии и Дании. В 1937 г. он уволен по болезни на пенсию. Гранскому удалось вернуться в Ленинград и поступить в 1938 г. на службу в Публичную библиотеку. Сначала он заведует отделом кадров (1938–1940), затем переходит на библиотечную работу. Обладая большими способностями, Гранский ликвидирует пробелы в своем образовании, учится в аспирантуре. Он приобретает опыт обслуживания читателей и ведения справочной работы. К началу войны возглавляет Центральное справочное бюро, в июле 1941 г. назначается главным библиотекарем Консультационно-библиографического отдела. Когда перед руководством Библиотеки встал вопрос о том, кто же может обеспечить организованный отъезд из Ленинграда, сохранность людей и ценнейшего груза в пути, устройство на новом месте, выбор пал на В.И. Гранского. Его жизненный опыт, уме-

ние преодолевать препятствия, знание людей, организаторские способности, понимание величины ответственности действительно сослужили добрую службу и во многом определили благополучное завершение эвакуации людей и фондов, их размещение в Мелекесе, создание относительно безопасных условий хранения фондов, организацию работы по их проверке и описанию, по налаживанию выставочной и лекционной работы. Эта сторона истории эвакуации достаточно полно освещена в дневнике В.И. Гранского. Касается он и трудностей, с которыми столкнулись сотрудники Библиотеки. Условия жизни в Мелекесе были схожи с существованием в прифронтовой полосе: участие в строительстве оборонных сооружений, заготовка дров. (Небольшая группа сотрудников, не имеющих ни физических сил, ни навыков, валила лес, корчевала его, волоком доставляла к дороге), мизерные выдачи продуктов, необходимость возделывать огороды и заниматься полевыми работами, неустроенное существование на положении «угловых жильцов». И надо всем этим — страх за близких, оставленных в блокадном Ленинграде, боль по поводу событий на фронте.

В нашу задачу не входит оценка дневника В.И. Гранского, но при чтении его складывается впечатление, что автор порою скуп на информацию, чаще прибегает к оптимистическим краскам, чем это позволяла действительность. Сопоставление дневника с материалами хроники «Публичная библиотека в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 г.», создающими документальную версию жизни в Мелекесе, позволяет без вынужденных ограничений, продиктованных временем, отразить быт и работу сотрудников Библиотеки в Мелекесе, оценить реальнее их страдания, лишения, поклониться их мужеству, стойкости, интеллигентности. Когда мы пытаемся представить правдивую картину того, что происходило в Мелекесе, нужно прежде всего помнить — туда отправилось 15 человек. Абсолютное их большинство были людьми пожилыми или среднего возраста. Сам В.И. Гранский был человеком тяжело больным, страдал диабетом. К ним были прикомандированы от комитета комсомола два человека — С.А. Неймолдина и А.М. Златкина. Никто не представлял, на какое время

они едут, будут ли зимовать, что их ожидает впереди. Книжники и ученые, горожане, они оказались в условиях чрезвычайных и смогли выстоять, сберечь порученные ценности, стать полезными городу, быть коллективом единомышленников. В будущем, если представится возможность, будут опубликованы мелекесские дневники Т.А. Быковой, воспоминания М.А. Садовой, и тогда картина станет многоцветной и более предметной. Публикации дневников В. И. Гранского отдано первенство в силу того, что они дают хронику жизни в Мелекесе, написаны человеком, бывшим в гуще всех событий, принимающим решения, и — в конечном итоге — обеспечившим вместе с Ц.А. Озеровой благополучное возвращение людей и фондов в Ленинград.

Немного о дальнейшей судьбе В.И. Гранского. В 1945–1948 гг. он - ведущий сотрудник Консультационно-библиографического отдела (зав. Центр. Справочным бюро, зам. зав. отделом, заведующий отделом). Защищает кандидатскую диссертацию о справочной работе национальных библиотек мира. Но в 1949 г. его увольняют из библиотеки по причине якобы допущенных в научной работе ошибок идеологического характера и общей пассивности. В.И. Гранский устраивается фрезеровщиком на завод «Электроинструмент». В 1953 г. его арестовывают и предъявляют обвинение в написании политически вредной диссертации. Дело, возможно, из-за объективной и честной позиции Н.П. Скрыпнева, ректора Ленингр. гос. библиотечного института им. Н.К. Крупской, было прекращено за отсутствием состава преступления. Однако, только в 1956 г. В.И. Гранского восстанавливают на работе в Публичной библиотеке. Наступает, пожалуй, самый счастливый период его жизни. Он выступает инициатором издания библиографических пособий для рабочих, разрабатывает их методику, составляет и готовит издания к печати. По его почину выходят в свет путеводители по технической литературе, указатели для инженеров. Он пропагандирует технические знания среди разных категорий читателей. У него появляются ученики и последователи. Не оставляет В.И. Гранский и занятий теорией библиографии, ее историей. С ним связана большая и значительная глава отечественной библиографии.

Скончался В.И. Гранский в 1973 г. Публикуя его дневники, мы отдаем дань памяти человеку, прошедшему свой путь со страной, мужественно принимавшему удары судьбы. Публичная библиотека обязана ему тем, что в труднейших обстоятельствах военного времени он оказался «человеком на месте», не испугавшимся опасности и груза возложенной на него ответственности.

* * *

1941 год. 7 июля. Меня вызвал директор Библиотеки А.Х. Вольпер¹ и сообщил, что получено решение СНК СССР об эвакуации ценностей Библиотеки из Ленинграда. Дирекция и парторганизация считают целесообразным, чтобы я возглавил группу сотрудников, которая сопровождает наши фонды к месту назначения и обеспечит их хранение. Уполномоченному поручается сноситься с органами военной и гражданской власти по всем вопросам обеспечения, доставки на место назначения, размещения, организации охраны и другим вопросам, касающимся груза Библиотеки.

9 июля. Снова вызывали меня Вольпер и Т.К. Ухмылова², и они объявили, что со мной поедут еще 12—14 человек. Мне показали примерный список, я сделал ряд замечаний... Дирекция решила, какие фонды подлежат эвакуации: Рукописный, инкунабул, коллекции Вольной Русской печати, *Rossica*, Пушкинские издания, издания ГПБ, Библиотека Вольтера, Библиотека Плеханова целиком. Остальные же фонды: русский, иностранный, газеты, журналы, карты, эстампы и другие — выборочно. Сейчас продолжается отбор и упаковка материалов. Подана заявка в Ленсовет на 12 вагонов.

10 июля. Окончательно решено, что с ценностями библиотеки едут Ц.А. Озерова — зав. Отд. Каталогизации³. Из рукописно-

¹ Вольпер Александр Христофорович (1894—1970), политпросветработник. Директор ГПБ (1936—1941). Директор Мелекесского отделения Библиотеки в 1941—1944 гг.

² Ухмылова Татьяна Константиновна (1893—1970). Сотр. ГПБ (1934—1948, 1953—1961). Гл. б-рь, зам. зав. Отд. рукописей. До янв. 1942 г.— секр. парт. организации.

³ Озерова Циля Абрамовна (р. 1909), специалист в области каталогизации. Сотр. ГПБ (1929—1964). Зав. Отд. каталогизации. Возглавляла в Мелекессе партийную организацию ГПБ. С мая 1944 г.— директор Мелекесского отделения. В архиве РНБ хранится ее доклад (1946 г.) о Мелекессе.

го отдела — Попов Ф.Я.⁴, Равкина Б.И.⁵, Ляпунова А.С.⁶, реставратор Трей Е.Х.⁷, зав. отделением картографии Бриллиант В.А.⁸. Споры об остальных людях продолжаются. С Озеровой договорились, что она берет на себя подготовку материала, инвентаря, необходимых для сохранения фондов в пути и на месте назначения и продуктов для сотрудников. Что следовало взять с собой, никакими мобпланами не предусмотрено. Пришлось впопыхах набросать перечень всего необходимого.

Управление Окт. ж.-д. получило соответствующее решение и дало указание Начальнику станции Ленинград - Товарная о предоставлении вагонов Библиотеке. Но пока вагонов нет.

11 июля. После довольно жарких дебатов на Партбюро окончательно сформирована группа сопровождения эвакуированных фондов библиотеки в следующем составе:

1. Гранский В.И. - начальник экспедиции.
2. Озерова Ц.А. - Зав. Отд. каталогизации.
3. Якобсон Я.Х. - Зав. Кабинетом библиотековедения.⁹
4. Попов Ф.Я. - Гл. б-рь Рукописного отдела.
5. Равнина Б.И. - » »
6. Ляпунова А.С. - » »
7. Бриллиант В.А. - ОФО - картография.
8. Быкова Т.А. - Гл. б-рь ОФО. 1 отделение.¹⁰
9. Цвибак В.М. - » Отд. Систематизации.¹¹

⁴ Попов Федор Яковлевич (1879—1958). Сотр. ГПБ (1925—1955). Гл. б-рь Отд. рукописей.

⁵ Равкина Берта Израилевна (1891 — ?). Сотр. ГПБ (1937—1948). Гл. б-рь Отд. рукописей.

⁶ Ляпунова Анастасия Сергеевна (1903—1973), музыковед, специалист в области описания и изучения нотных рукописей, дочь композитора С. М. Ляпунова. Сотр. ГПБ (1940—1963). Гл. б-рь Отд. рукописей.

⁷ Трей Елена Христиановна (1892 — нач. 1970-х гг.), реставратор. Сотр. ГПБ (1936—1964). Гл. б-рь Отд. фонда и обслуживания.

⁸ Бриллиант Владимир Александрович (1883—1969), географ, специалист по картографии. Сотр. ГПБ (1921—1953). Гл. б-рь Отд. фонда и обслуживания, зав. отделением картографии.

⁹ Якобсон Яков Хаймович (1892—1971), востоковед, библиотековед. Сотр. ГПБ (1931—1963). Зав. Кабинетом библиотековедения, зав. аспирантурой. Принимал деятельное участие в организации выставочной и лекционной работы.

¹⁰ Быкова Татьяна Александровна (1893—1975), книговед, библиограф, знаток старопечатной русской книги. Сотр. ГПБ (1930—1974). Гл. б-рь Отд. каталогизации.

¹¹ Цвибак Вера Мироновна (1908 — ?), историк, специалист в области систематизации социально-экономической литературы. Сотр. ГПБ (1937-1942, 1945-1951), гл. б-рь Отд. каталогизации. С марта 1942 г. по 1945 г. — на фронте.

10. Враская О.Б. - » Б-рь ОФО (группа эстампов).¹²

11. Трей Е.Х. - » реставрация.

12. Дружинина М. - » КБО.¹³

13. Златкина А.М. - » II разр. ОФО.¹⁴

14. Неймотина С.А. - » » ОФО.¹⁵

Сегодня им всем розданы командировочные удостоверения. Вагонов по-прежнему нет, и ничего определенного не обещают.

12 июля. На вагонном фронте без перемен. Заканчивают упаковку ящиков. Особого порядка и плановости в отборе материалов, подлежащих эвакуации, не заметно, в особенности там, где речь идет о выборочном отборе. Смотрел я, как это делается в Русском фонде, где этим делом, помимо начальства, занимаются почти все хранители, отметчики, многие прочие книжные любители. У каждого свой взгляд, свое мнение, свой вкус и, хотя общие принципы отбора как будто существуют, но на деле они далеко не всегда соблюдаются.

Все чаще и чаще звучат сигналы воздушной тревоги в городе, но к ним все больше привыкают... Тревоги, хотя и частые, но еще ни разу не видели неприятельского самолета над городом.

13 июля. М.Э. Орловская¹⁶ передала мне окончательный перечень фондов, подготовленных к эвакуации, и данные о местах их нахождения. Они были рассредоточены по разным местам (Петропавловская крепость, Александро-Невская Лавра, V филиал и др.).

1. Инкунабулы — 123 ящика

2. Библиотека Вольтера — 65 »

3. Вольная русская печать — 22 »

4. Rossica — 310 »

5. Рус. фонд I район – 152 »

6. » » II район — 25 »

7. Пушкинск. коллекция — 12 »

¹² Враская Ольга Борисовна (1905—1985), искусствовед. Сотр. ГПБ (1925—1981), б-рь Отд. фонда и обслуживания, зав. отделением эстампов.

¹³ Дружинина Мария Сергеевна (1904 — ?). Сотр. ГПБ (1927— 1970), б-рь Консультационно-библиографического отд.

¹⁴ Златкина (Овчаренко) Анна (Хана) Майримовна (р. 1919). Сотр. ГПБ (1938—1946), б-рь Отд. фонда и обслуживания.

¹⁵ Неймотина Саломея Абрамовна (р. 1918). Сотр. ГПБ (1936— 1983), б-рь Русского фонда.

¹⁶ Орловская Мария Эдуардовна.

8. Газеты — 81 »
9. Русск. периодика — 31 »
10. Эстампы — 59 »
11. Карты — 51 »
12. Искусство и история — 120 »
13. Печати, карточки — 4 »
14. Библиотека Плеханова — 40 »
15. Архив Плеханова — 9 »
16. Земские издания — 95 »
17. Естествознание — 50 »
18. Соц. науки — 16 »
19. Полиграфия — 32 »
20. BelleLettres— 11 »
21. Над. лит-ра — 25 »
22. Кабинет Марксизма-ленинизма — 32 »
23. Ноты — 9 »
24. Кабинет библиотековедения — 2 »
25. Филология — 10 »
26. Философия — 3 »

Таким образом, всего подготовили к эвакуации 1 389 ящиков, кроме рукописного отдела. Там точного учета еще не было, но считали, что будет 1 400 ящиков с рукописями. Никогда не приходилось мне заниматься погрузочно-разгрузочными работами, но возникает невольное сомнение, можно ли будет упихнуть их в 12 вагонов... На Товарной станции говорят, что порожняк прибыл, но нам не попадет. Ожидают еще вагоны.

14 июля. Для нас готовят документы на эвакуированные фонды.

15 июля. Наконец посещения товарной конторы по 2—3 раза в день увенчались успехом. Порожняк прибыл, и я получил разрешение завозить груз на товарную станцию.

16 июля. В 8 час. утра началась погрузка ящиков и отправка их на станцию Ленинград-товарная. Работу закончили к 23 час. К этому времени вывезли на станцию около 1600 ящиков. Озерова закончила сбор и упаковку инвентаря и материалов, необходимых для сохранения фондов в пути и на месте назначения. Приобрели самовар и боченок. Продуктами нас хорошо снабдил отец Златкиной, который работает в каком-то Райпишеторге.

17 июля. В 8 часов утра возобновились работы по перевозке ящиков на товарную станцию. Утром сообщили из Управления дороги, что сегодня нам предоставят 12 вагонов. В возможности погрузить в 12 вагонов 3 000 ящиков сомневался уже не только я, но и многие другие представители библиотечной власти. Поэтому решили оставить в Ленинграде земские издания, полиграфию и все иностранные фонды, кроме истории и искусства. К 19 часам погрузку ящиков закончили, часом раньше была послана машина за сотрудниками библиотеки, выделенными в экспедицию... Вагонов нет... В 23 — прибыла машина с сотрудниками... Итак, едет всего 28 человек.

18 июля. 0³⁰ началась погрузка ящиков в вагоны. В 06 закончилась погрузка поданных вагонов. Вскоре подали еще 3 вагона, которые и были погружены к 9 часам утра.

19 июля. В 05 часов мы получили, наконец, дополнительные вагоны и к 8 часам закончили погрузку. В 13 часов началось формирование состава. Катали нас по путям до 18 часов, после чего перевезли на ст. Ленинград-Пассажи́рская. Оказывается, едем через Москву. Стемнело. С обеих сторон нашего состава выросли подвезенные зенитные орудия и пулеметы. Все небо покрылось силуэтами аэростатов.

20 июля. 03 час. отправились со ст. Ленинград-Пассажи́рская на ст. Сортировочная, где около 11 часов был сформирован состав для следования на Москву и наши — шесть четыреххостных, шесть двуххостных и один людской — вагоны были включены в него, и в 11 часов 40 минут отправились со ст. Сортировочная. Здесь распрошались мы с представителями Библиотеки. Последняя живая связь с Ленинградом и Библиотекой порвалась.

Сразу после отправления в вагоне было проведено собрание, на котором был оглашен внутренний распорядок, инструкция дежурным и объявлено расписание дежурств на ближайшие дни...

В Бологое впервые увидели последствия воздушного налета фашистских самолетов.

21 июля. В 12²⁰ прибыли на ст. Ховрино. Целый день провели на станции. В 22²⁰ воздушная тревога заставила быстро собраться в вагон. В эту ночь мы были свидетелями первого налета на Москву. Несколько раз самолеты пересекали линию же-

лезной дороги, но на станции всё обошлось благополучно. Наш народ держался хорошо и дисциплинированно.

22 июля. Налет продолжался беспрерывно всю ночь. Отбой воздушной тревоги был в 05 часов. В 22¹⁰ снова повторился воздушный налет на Москву. Наши соседи по эшелону — Ленингр. Университет — всем скопом бежали со станции в город в поисках надежного бомбоубежища и вернулись лишь после отбоя в 04 часа. Мы остались в вагонах. На станции все обошлось благополучно.

23 июля. В 8 ч. неожиданно отправились дальше. Вагоны в порядке. Сразу же после отъезда из Ленинграда всем коллективом на Т. А. Быкову было возложено руководство нашими хозяйственными делами. Прошло несколько дней и народ стал роптать. Развернутая ею кипучая деятельность по уборке вагона, заготовке кипятка, приобретению продуктов питания, доставке обедов, дележу хлеба, сыра и прочей снеди, вогнала в пот многих. Пришлось внести успокоение. В 18³⁰ убыли на Рязань.

24 июля. Миновали Рязань. В 18 час. прибыли в Сасово.

25 июля. В 06 час отправились дальше. Все вагоны в порядке.

26 июля. Весь день в бездельи и неопределенности стоим на станции Потьма. Развлекают пончики, гороховый суп в буфете и ягоды на платформе, стирка на свежем воздухе... Бриллиант раздобыл где-то энциклопедию, а в ней сведения о цели нашего путешествия неведомом городе Мелекессе. Там сказано, что сей чудесный град обладает промышленностью, в том числе мельницами и пивзаводом и населением в 27 тыс. чел. Наличие пива, муки, людей дает основание полагать, что жить там можно будет. Все живо обсуждают полученные сведения о нашем будущем пристанище.

27 июля. После длительных переговоров с Сасово, запасшись пончиками и ягодами, в 21⁴⁵ снялись с якоря и покинули гостеприимную Потьму. Стоянку в Потье мы использовали для тщательного осмотра вагонов и ящиков. Все оказалось в порядке.

28 июля. В 05 прибыли в Ковылино, простояли здесь почти 10 часов и в 14³⁰ убыли дальше.

29 июля. В 23 часа отправились дальше...

30 июля. В 18 часов прибыли на ст. Кондяково... А в 22 часа двинулись в последний этап нашего путешествия.

31 июля. В 05 часов прибыли в Мелекесс. Вагоны поставили в тупик. В связи с окончанием путешествия весь народ проявляет особую жизнедеятельность. Бродят по станции, вокруг нее, вступают в разговоры с местными жителями, выясняя вопросы климата, жилищных условий, цены на продукты и городские достопримечательности. Оказалось, что предназначенное для размещения груза здание политпросветшколы с первых дней войны занято под госпиталь. Горком и Горсовет предлагают ряд других помещений, но ни одно из них не в состоянии вместить весь груз целиком. Походили по Мелекессу и вернулись на станцию. Город производит довольно грустное впечатление. Особая достопримечательность — пыль. Она лезет в глаза, в ней купаешься, ею дышишь, она покрывает лицо, руки, впитывается в одежду. С полдня пошел дождь. Людской вагон дал течь, еще в одном обнаружены следы протечки, которые ликвидировали.

1 августа. Утром пришел на станцию Вольпер, вместе с ним и Озеровой отправились в город осматривать и выискивать подходящее для размещения груза здание... После многих хождений и разговоров с местным начальством остановили свой выбор на 3-х зданиях:

1. Дом учителя (бывший купца Коробова) – Самарская ул., 6. Общая площадь 720 кв. м.

2. Первый этаж общежития Учительского института. Расположен на горке в молодом сосняке, на окраине города.

3. Дом пионеров (Пл. Советская. 5). Помещение на 2-м этаже. 120 кв. м. В наше распоряжение передают зрительный зал со сценой и 6 маленьких комнатук. Сегодня же должны начать освобождение этих помещений для нас.

Мы с Озеровой вернулись на вокзал и проинформировали народ о ходе дел. Вечер прошел в оживленном обмене мнениями о предстоящей перевозке груза и впечатлениях о базаре, на котором, несмотря на дальность расстояния (около 4-х километров), успели сегодня побывать все без исключения члены нашей экспедиции.

2 августа. Утром договорились в Горкоме о начале перевозки ящиков со станции. Для этой цели все 13 вагонов передали на двор Главмуки, расположенной в городе. Освобождены помещения на Горке (Учительск. ин-т) и магазин в Доме учителя.

ля. Во дворе Главмуки силами рабочих мельницы, льнокомбината и других предприятий города, мобилизованных Горкомом, приступили к выгрузке ящиков. Туда же прибыли 12 подвод и началась перевозка ящиков в город. Первым стали загружать здание на Самарской, 6. Там было установлено дежурство. К вечеру успели перевезти 204 ящика.

3 августа. Весь день продолжалась выгрузка ящиков из вагонов и перевозка их в Дом учителя и на Горку. В помощь подводам пустили «Кукушку», которая подвозила ящики почти вплотную к общежитию педагогического института. Направляя ящики в здания, мы старались сгруппировать их по фондам: в Дом учителя направляли рукописные фонды, а на Горку прочие. На двери навешивали свои замки. Сегодня большой праздник — нашли душ в Главмуке, нам разрешили помыться. Это фактически было первое полное омовение со дня выезда из Ленинграда. Плохи дела с хлебом. В городе дикие очереди за ним. С трудом, но организовали коллективное получение из ларька Главмуки.

5 августа. Продолжали перевозку ящиков на Горку и в Дом учителя. К концу дня перевезли все ящики, выгруженные во дворе Главмуки. Осталось еще свыше 1 000 ящиков в амбарах. Пора подумать об освобождении людского вагона и переселении народа на постоянные квартиры. Местный жилотдел решил подсобить нам в этом деле. Он предложил уличному комитету улицы Аблова предоставить жилье всем нашим сотрудникам... Я с Озеровой отправились на осмотр и отбор квартир. Все дома чистые, одного и того же типа. В большинстве случаев, после долгих разговоров и убеждений, отдавали пол-кухни, реже — маленькие комнатухи в 4-5 метров. Встречали не особенно ласково. Когда вечером в вагоне узнали итоги наших хождений, кое-кто (Попов, Трей) используя уже приобретенное знакомство, предприняли самостоятельные шаги в поисках жилья.

6 августа. Сегодня решили покинуть гостеприимную теплушку, служившую нам приютом в течение 3-х недель. Еще накануне получили взаимобразно и безвозмездно из имущества ликвидируемой Политпросветшколы кровати, столы, табуретки. Затем убывли из теплушки и все ее временные жильцы. Людской вагон с сохранившейся еще от Ленинграда надписью мелом «живность» прекратил свое существование. Последним из вагона был вывез-

ден Якобсон, которого схватки в животе приковали к нарам. Весь обоз возглавлял Вольпер, вторично, в роли квартирьера.

7 августа. Перевозка ящиков продолжается. Сегодня закончим перевозку в Дом учителя и на Горку. Там все заполнено. Дом же пионера до сих пор не освободили. Склад в Доме учителя тоже еще занят. Политпросветшкола ликвидируется. Из ее имущества мы получили главным образом мебель: письменные столы, стулья, шкафы, табуретки и др. Для украшения выторговали часы, репродуктор, весы и другую мелочишку. Предлагали передать нам лошадей, подводы и упряжь, но Вольпер отказался, а жаль — очень бы все это пригодилось нам в хозяйстве. Сегодня Вольпер опубликовал приказ об организации Мелекесского филиала ГПБ. Директором одного назначен я. Сам Вольпер, по-видимому, не собирается оставаться здесь. Он, кажется, запросил у Гаврилова¹⁷ разрешения вернуться в Ленинград.

8 августа. Наконец-то освободили Дом пионеров. Сегодня же начали перевозить туда ящики. Написали докладную записку в местный отдел НКВД о прибытии с просьбой организовать пожарную и сторожевую охрану наших зданий.

9 августа. Продолжается загрузка Дома пионеров. Возник вопрос — выдержат ли перекрытия. Мы обратились в Горсовет с просьбой создать комиссию для решения этого вопроса. До ее заключения я отказался загружать вторые этажи.

11 августа. Ночью прошел сильный дождь. 5 ящиков на 2 этаже Дома учителя оказались подмоченными. Составили акт. Ящики вскрыли и просушили. Крыша течет в нескольких местах. Необходимы ремонтные работы. Говорят, что печные приборы тоже ни к черту не годятся...

12 августа. Явилась техническая комиссия, назначенная Горсоветом, которая посоветовала нам увеличить количество ящиков на первых этажах...

13 августа. Возобновили перевозку ящиков из амбаров Главмуки. Сегодня получили печать Мелекесского отделения ГПБ и штамп «Уполномоченный ГПБ в г. Мелекессе». Жизнь наша здесь узаконивается. Вчера Вольпер утвердил штаты и смету отделения.

¹⁷ Гаврилов Никандр Федорович — в 1941—1943 гг. зам. наркома просвещения, начальник управления библиотек Наркомпроса.

15 августа. Вывезли последний ящик из амбаров Размещение доставленного в Мелекесс груза закончено. Ведем переговоры с местными организациями о борьбе с грызунами, которых много...

19 августа. Занялись описью всех ящиков, доставленных в Мелекесс, и сверкой их с описями, привезенными из Ленинграда. Будем знать содержание и местонахождение каждого ящика, Вольпер получил разрешение Наркомпроса вернуться в Ленинград. Из полученных в Ленинграде на непредвиденные расходы 3 000 рублей роздал народу аванс в счет подъемных по 100 рублей. Понемногу раздаем продукты, захваченные нами из Ленинграда.

Заключен договор с местной сторожевой артелью инвалидов. Будут 3 поста у каждого нашего здания.

22 августа. Кровля обоих зданий нуждается в срочном ремонте. Вода течет, как через решето. Печи никуда не годятся. По моему докладу Горсовет распорядился о ремонте. Сверка ящиков и сверка их с «Голубой книгой» (ленинградские описи) продолжается...

23 августа. Сверка ящиков с описями заканчивается. В.А. Бриллиант приступил к составлению общего акта. После этого начнем вскрытие и проверку ящиков.

24 августа. Вольпер уехал в Москву. Прощание было трогательное. Здесь остаются его жена и сын¹⁸. Владимир Александрович Бриллиант подвел итоги сверки ящиков с описями и набросал проект акта. Всего насчитали 2 520 ящиков, из них 1 370 с материалами Рукописного отдела...

25 августа. ...На фронтах положение тяжелое... При ухудшении дел на фронтах не исключена возможность нашего переезда дальше на Восток...

26 августа. ...Опубликовал для всеобщего сведения приказ-инструкцию о вскрытии ящиков...

27 августа. ...Приступили к вскрытию ящиков. Работают бригадами. Сегодня провели для всех сотрудников однодневный семинар по распознаванию болезней книг — провела его Трей.

30 августа. ...Приступили к помощи городу в организации

¹⁸ Хволес Генриетта Прокофьевна — жена А.Х. Вольпера. Их сын — курсант военного училища.

культмассовой работы, избрали хозяйственную комиссию в составе Дружининой, Трей, Бриллианта.

1 сентября. Хозяйственная комиссия развернула кипучую деятельность в добыче топлива на местном лесзаводе — обрезков производства. Настоящих дров много в лесу за 18 км. А осень самая настоящая: дожди, грязь, сыро, холодно.

4 сентября. Ремонт крыши закончен. Теперь дождик не будет поливать наши ящики сквозь кровлю.

5 сентября. Сегодня общее собрание сотрудников избрало Местком в составе Дружининой (председатель), Трей и Неймоотиной. Теперь у нас все инстанции налицо.

6 сентября. Уже пару недель местные химики травят грызунов в наших помещениях, однако, они разгуливают по-прежнему... Не стоит в данном случае полагаться на науку. Пожалуй, больше результатов дадут домашние средства — мышеловки и кошки. Я уже пообещал ребятам-школьникам по пятерке за каждую кошку.

8 сентября. Ни Ленинград, ни Москва не откликаются на наши многочисленные письма и телеграммы. За 40 дней ни одного слова от них не добились, а денег нет по-прежнему ни гроша. Сегодня отправил в Куйбышев Озерову. Авось, там Облоно или Облисполком раскошелятся. Заодно поговорит обо всех наших нуждах.

10 сентября. Озерова уехала — деньги приехали. Получили первый за все время денежный перевод из Ленинграда. Теперь вздохнем свободней, хотя и не всей грудью. Во-первых, деньги только на зарплату, во-вторых, только для ленинградцев, а как быть с уборщицей, завхозом, бухгалтером. В третьих, деньги есть, а ведомостей нет — неизвестно кому сколько причитается. Положение на фронтах тяжелое. Мелекес (хоть и далеко еще немцам к нам) тоже готовится к обороне. Мы создали пост МПВО. Нач. штаба — Цвибак, ее заместитель — Златкина. В число бойцов включили всех сотрудников. Установили обязанности каждого на случай тревоги. Получилась солидная инвалидная команда. Поднял вопрос перед гор. штабом ПВО о выделении нам при тревоге в помощь пожарное звено — пообещали.

Заготавливаем песок, воду. Выискиваем в городе огнетушители, которые «плохо лежат». Разослали во все соответствующие орга-

низации в Мелекесе и Куйбышеве требования на различный светомаскировочный и противопожарный инвентарь. Отправил в Ленинград Вольперу первое письмо-отчет о делах мелекесских.

11 сентября. Прибыла из Куйбышева Озерова. Ей удалось связаться по телефону с Москвой, Гаврилов пообещал удовлетворить все наши просьбы и денежную в первую очередь. Закончили раздачу продуктов, полученных в Ленинграде для всего народа на сумму 3 871 руб. 49 коп. Совсем неплохая поддержка на первое время. Среди продуктов: мука ржаная и картофельная, крупы, сахар, чай, сельдь, масло топленое и растительное, сыр, яйца, мыло, спички... Дай Бог здоровья Златкину-папе.

15 сентября. Всей артелью готовим светомаскировочный материал. Конечно, никаких специальных материалов получить не удалось. Используем домашние средства.

16 сентября. 20 дней работы над ящиками позволяют сделать кое-какие предварительные выводы о допущенных промахах при подготовке в спешке к эвакуации фондов.

17 сентября. Неблагоприятные дела на фронте заставляют больше думать о мерах сохранения груза, о возможных воздушных налетах. Я обследовал ряд подвалов, использовать для нашего груза, но ничего подходящего не нашел. Это обычные земляные подвалы, сырые, грязные, в которых мы могли погубить фонды. Придется поднажать на усиление противопожарных средств и дежурств в период угрожаемого положения в нынешних наших помещениях. Нужно помочь городу в организации политико-массовой работы, которая здесь почти незаметна. Всем народом решили организовать выставку о Великой Отечественной войне, с использованием наших материалов. Горком одобрил наше предложение и просил осуществить его скорее. Главным консультантом и вдохновителем являлся Я.Х. Якобсон. Привлекли к этому делу почти весь коллектив. Начали работу в госпитале. В.М. Цвибак уже прочла там лекцию на тему: «Наши великие предки в борьбе за независимость нашей Родины». Проводим читки художественной литературы, этим занимаются главным образом «девочки»¹⁹. Стараемся привлечь и остальных сотрудников для работы в госпитале.

¹⁹ Здесь и дальше — «девочки» — С.А. Неймотина и А.М. Златкина.

19 сентября. Удалось при размещении ящиков по нашим зданиям более организованно сконцентрировать в одном месте отдельные фонды и коллекции. Все это облегчит проверку, розыски отдельных собраний, коллекций фондов и отдельных книг и рукописей при возникновении в том потребности... Сортировку начали, соблюдая основные принципы: группируя ящики по коллекциям, собраниям, фондам и т. д. Почти все ящики пришлось перебросить заново.

20 сентября. Побывал у всех сотрудников на квартирах. Хорошо устроились Попов и Трей... У Якобсона тоже отдельная комната и неплохая, но ему будет трудно ужиться с хозяйкой. Неладья уже началась. Кто прав, кто виноват судить не нам. Неплохо устроились «девочки». Хотя они живут в проходной комнате, но хозяйка попалась им хорошая. Живут мирно. За ними ухаживают, им варят, стирают, угощают местными деликатесами — тыквой во всех видах. Старательно подглядывают с русской печки за всеми их движениями. Быкова, как личность, склонная к туризму, стремится к природе, поселилась дальше всех, почти на краю города. Ее не смущает ни дальность расстояния до библиотеки, ни необходимость плавать по лужам и грязи. А осень нынче жутко плакучая, дожди не прекращаются и грязь в Мелекесе особая — липкая, густая, засасывающая, снимающая с ног галоши. Т. А. Быкова усиленно соблазняет Враскую и Ляпунову поселиться вместе с ней. Ляпунова, по-видимому, не совсем довольна выпавшим на ее долю счастьем совместной жизни в одной комнате с Равкиной и рада будет переменить место жительства. Равкину, конечно, квартира не удовлетворяет. Бриллиант поселился в проходной комнате, вернее, кухне и нынче занят строительством — возведением перегородки, долженствующей превратить его угол в отдельную, изолированную комнату. Ему не страшны никакие хозяйки. Он их скорее выживет, чем поддастся их гонению. Цвибак и Дружинина находятся в сносных условиях и пока что с хозяйками ладят. Озерова имеет отдельную комнату и хозяйка, хоть стоит ей дорого, но все же смотрит за ребятами, кормит их, убирает. Ей самой с малыши ребятами, пожалуй, тяжелей, чем всем прочим.

22 сентября. Набросали вчерне план выставки. Она должна продемонстрировать силу и мощь нашего народа в борьбе

с иноземными захватчиками и доказать неизбежность конечной победы над врагом. Первый отдел будут готовить Быкова и Равкина, второй — Бриллиант и Враская, третий — Цвибак и Дружинина, четвертый и пятый — Якобсон, Озерова и девочки. Общее идейное руководство остается за Я. Х. Якобсоном.

23 сентября. Попов совершенно конфиденциально сообщил мне, что им обнаружено «Остромирово Евангелие». В Ленинграде были уверены, что рукописники знают местонахождение этой уникальной, бесценной рукописи. Здесь же оказалось, это никому неизвестно. Мы сделали выводы: при очередной проверке ящиков обращать внимание на исключительно ценные материалы. Так мы обнаружили портоланы, а нынче и «Остромирово Евангелие»²⁰. Все хорошо, что хорошо кончается. Вчера вернулся из Куйбышева Якобсон. Как и следовало ожидать, в солдаты его не взяли, но от избытка переживаний он заболел и слег.

24 сентября. В городе объявлено угрожаемое положение и учение по светомаскировке. Библиотеку перевели на боевой взвод.

25 сентября. Усилиями всего коллектива, а особо — редактора В. М. Цвибак, выпустили первый номер «Боевого листка».

29 сентября. Закончены работы по подготовке помещений к зиме: замазаны и заклеены окна, подбросили еще несколько возов дров. Развернулись работы по оборудованию кухни. Народ выразил желание организовать коллективную столовую — вот и готовил для этой цели кухню, со всеми принадлежностями. Почти все заняты подготовкой к выставке... Наши надежды на помощь города не подтвердились. Придется ограничиться только собственными силами... Наши «ученые» проявляют беспокойство. Они нервничают, возмущаются: «Они поехали сюда не для того, чтобы рыться в ящиках, пересчитывать рукописи и книги, искать пыль и плесень. Где научная деятельность, без которой немыслима их жизнь, которая обещана им в Ленинграде перед отъездом? Именно здесь в тишине Мелекесса они могли бы родить то, на что они оказались неспособны в Ленинграде. Здесь же не хотят считаться с их талантами и желаниями, заставляют заниматься технической работой, которая ничего не

²⁰ Остромирово Евангелие — первая русская датированная книга (XI век). Приобретена ПБ в 1806 г. Портоланы — средневековые навигационные карты.

дает ни уму, ни сердцу». Примерно к этому сводятся брюзжания Равкиной и иже с ней. Эти нездоровые настроения сегодня явились предметом обсуждения партсобрания. Много говорили, порицали — решили бороться .

5 октября. Среди белого дня загорелась сажа на 3-м этаже общежития Учительского института на Горке. Быстро принятыми мерами пожар был потушен. Заставил начальника Городской пожарной команды совместно со мной обследовать все здание и составить акт о противопожарном состоянии этого дома... На 3-м этаже разместились воинская часть. Полы устланы соломой, тут же горят коптилки с керосином. Бойцы тут курят. 2-й этаж по-прежнему занят общежитием института. Здесь не лучше. Даже 1-й этаж, где находится наш груз,— неблагополучен. Нужно принимать срочные меры. Завтра буду говорить с председателем Горсовета. Работы по выставке идут полным ходом... Соппротивление, явно и открыто оказываемое в первые дни, сломлено. Работа захватывает всех.

7 октября. Закончен ремонт кухни. Она имеет вполне культурный вид. Дело теперь за общественными деятелями — устроителями столовой — и поварами. Требую у Горисполкома создания пожарного поста на Горке.

9 октября. Дрова завозят по-немногу. Скоро начинать топить, обещают дрова подвозить. Не очень верю. Опять написал в Куйбышев, в НКВД и Облоно, а заодно — в Наркомпрос об охране. Продолжаю настаивать на установлении милицейской сторожевой и военизированной пожарной охраны. Уж очень рискованно полагаться на сторожевую охрану, организованную артелью инвалидов «Парижская Коммуна». Инвалидная команда в полном смысле слова: тут и безногие, и глухие, а сторож дедушка Потап — тот является на пост, расстилает свою овчину, ложится и лежит до смены. Самому молодому из всей команды 68 лет. И нужно сказать, что наши сторожа — цвет артели. Они подбирались усилиями библиотеки, председателя артели и НКВД. Вообще смех и грех. Можно в любое время подойти к дверям Дома учителя, открыть замок, войти, а сторож даже не выйдет взглянуть, кто возится рядом.

10 октября. Закончили ремонт электропроводки во всех домах (кроме Горки), занятых нашим грузом.

15 октября. Наконец, Наркомпрос вспомнил о нас. Из Кирова, куда перекочевал он, прибыла телефонограмма с требованием выслать докладную записку о положении дел. Удовлетворили их любопытство. Сегодня начали топить все печи.

17 октября. Созвал производственное совещание об отношении к хранению груза, имея в виду Равкину и Ляпунову... Равкина обиделась, усмотрев личный выпад. Однако даже Бриллиант и Якобсон понимают, что «нельзя мечтать о научной работе, небрежно, несерьезно относясь к проверке ящиков». В конце совещания Дружинина призвала всех идти в госпиталь, штопать носки, чинить белье и т. д. Бриллиантик пообещал для этой цели мобилизовать даже своих соседей по улице.

19 октября. Сегодня небольшое семейное торжество. Вновь образовавшаяся Абловская коммуна, вернее, «дворянское гнездо», празднует новоселье. После «принудительного» расселения сотрудников по ул. Аблова, которую, к слову сказать, следовало переименовать в честь нас — в Ленинградскую, библиотечную..., каждый старается найти для себя уют соответственно своим собственным вкусам, желаниям и возможностям. Отведенные под постройку помещения не удовлетворяют почти никого. Если у большинства отсутствует свой изолированный угол, то у всех налицо полный комплект блох и клопов, которым по-видимому приелись пресные мелекесские жители, вследствие чего они весьма охотно бросаются на столь редкую здесь свежинку, как ленинградцы. В общем сейчас народ начинает устраиваться — кто как может. Создалась и первая коммуна — Быкова, Враская и Ляпунова с Андреем²¹. Они сняли полдома на той же улице Аблова, 6. Полдома звучит громко — фактически одна комнатенка метров на 8 и две каморки — полусветлая и полутемная. Пришел кое-кто из колонистов, угостились всякими лакомствами, вроде винегрета и пирожков, погутарили и разошлись, пожелав коммунарам счастья и удачи в новом жилье. Якобсон в 3-й раз меняет экспозицию выставки. Я окончательно утвердил экспозицию материалов и запретил изменения без моего ведома. Сломлено нежелание многих наших сотрудников заниматься выставкой. Имевшее хождение мнение, что использование наших материалов для Мелекесса — «святоотат-

²¹ Ляпунов Андрей — сын А. С. Ляпуновой.

ство», постепенно уходит в область предания. Получили, наконец, подъемные. Лучше поздно, чем никогда. Завтра — среда — все смогут устремиться на рынок. Вообще хороший нынче день — открылась наша столовая. Обеды отпускаются распивочно и на вынос. Основанная на общественных началах и средствах, она призвана насытить вкусными блюдами за доступную цену наши начинающие подтягиваться животы. Главные стряпухи Е[лена] Христиановна Трей и Татьяна Александровна Быкова.

23 октября. Сегодня Горисполком одобрил инициативу научных работников Ленинградской Публичной Библиотеки в организации выставки «Великая Отечественная война» и разрешил расходовать на нее 600 руб. В качестве экскурсоводов выделили Цвибак, Враскую, Равкину, Бриллианта. Якобсон подготавливает их к этой новой работе. На днях он проведет показательную экскурсию для всех нас.

27 октября. Сегодня проведены первые занятия сотрудников по противопожарной охране. Преподает сам зам. брандмейстера города. Подробно объяснял, что есть огонь, и что есть огнетушитель, и насколько последний способен бороться с первым. Настолько внимательно читал по книжке, что, указывая эти детали на живом организме огнетушителя, не всегда попадал пальцем в надлежащее место. Зато говорил с пафосом, чувством собственного достоинства. На занятия привлекли всех сторожей-инвалидов

29 октября. Уехали наши «девочки» на сооружение оборонительных укреплений на Волге. Положение на фронте тяжелое. Есть распоряжение Сталина создать укрепленную оборонительную линию на Волге. Проведена массовая мобилизация по области. Мы выделили для этой цели «девочек» и двух сотрудников, нанятых на месте — завхоза и кассиршу. Проводы носили трогательный характер. Настроение у отъезжающих было довольно бодрое, но безобразная организация отправки быстро лишила их бодрости. Сбор был назначен на вокзале вчера в 11³⁰ утра. Наши прибыли в точно назначенное время, но только в 20 час[ов] появились руководители и довели до всеобщего сведения, что поезд пойдет на следующий день в 6 часов. Отправился он сегодня в 9 часов утра. Подали угольные платформы. Через несколько минут после их отъезда начался дождь. Вымокнут, наверное, солидно.

1 ноября. Состоялся общественный просмотр выставки. Приглашенные секретари Горкома, Председатель Горисполкома, Гороно, представители местных промышленных «гигантов» осмотрели выставку. Знакомил их с материалами и идеями Я. Х. Якобсон. Многие материалы, особенно, летописи, хронографы и экспонаты 1812 года произвели впечатление на гостей. После осмотра делились впечатлениями. Первый секретарь ГК сказал пару лестных слов. Сегодня местная газета «Власть труда» в № 259 (2579) поместила мою информацию об открывающейся выставке.

2 ноября. Выставка сегодня открылась для всеобщего обозрения. Уже посетило 38 человек. Завтра рассылаю народ по школам, предприятиям, воинским частям с предложением организовать экскурсии.

6 ноября. Встречали сегодня Октябрьскую годовщину вдали от родного Ленинграда. Собрались всей колонией в помещении библиотеки. После торжественного заседания, доклада и принятия текста телеграммы ленинградцам, посидели вечер все вместе с чадами и домочадцами, вспомянули Ленинград, Библиотеку, друзей, посетовали на Мелекесс, помечтали о скором возвращении домой, поплакали друг другу в жилетку и попили чайку с пирогами (с мясом, рисом, изюмом), изготовленными Е.Х. [Трей] в «чудо-печи». Из Ленинграда сведения грустные: город бомбят, город отрезан от Большой земли. Голодно и холодно там. И в самой библиотеке мало радостного. Естественно, мало радости было нынче и у нас в Мелекессе.

9 ноября. Плохо обстоит дело с определением ценности и категории материалов, особенно без авторитетных справочников, без каталогов и описей на вывезенные фонды, без соответствующих пометок на самих материалах. Но главное — никто из наших ученых-библиотекарей не знает фондов, за исключением В[ладимира] А[лександровича Бриллианта], частично Враской — по эстампам и Ляпуновой — по музыкальным архивам. И при всем моем глубоком уважении к знаниям наших научных сотрудников, приходится усомниться в их способности правильно оценить разнообразные рукописные и печатные материалы, которые большей частью они видят впервые. Трудность в этом деле заключается еще и в том, что среди материалов, которые по всем данным должны быть

отнесены ко 2-й очереди, в одном и том же ящике встречаются отдельные экземпляры ценного и уникального характера, которые безусловно являются материалами 1-й категории. Ну и помимо всего не избежать здесь сугубого субъективизма. Кому что нравится! Один видит смысл жизни в откровениях Апостолов, другие — в часословах и сонниках, третьи — в 20-ти экземплярах брошюр Сталина, изданных многомиллионными тиражами. Поэтому решил прежде всего заняться установлением категории для отдельных фондов, коллекций, собраний и архивов. Для этой цели потребовал у всех наших ученых характеристики на фонды, главным образом на их содержание. Не обошлось без курьезов: Б. И. [Равкина] почти целиком списала характеристики из отчетов ГПБ... Наряду с этим обязал всех при проверке ящиков учитывать все особо ценные, уникальные экземпляры, встречающиеся в разрозненном виде среди материалов 2-й очереди и даже 1-й. Вообще же определение очередности эвакуации фондов — дело большое, ответственное и необходимое,— проще и лучше было проделать заблаговременно еще в мирное время.

11 ноября. Снова неприятности с «Горкой». Воинская часть и жильцы студенческого общежития нарушают порядки. Возможность пожара не дает мне покоя. Никакие акты не помогают. Нужны радикальные меры. От общежития нам следует отказаться. Возбудил официальное ходатайство перед Горисполкомом о предоставлении нам взамен 1-го этажа общежития — помещение 6-й начальной школы во дворе Дома учителя. Это значительно улучшило бы охрану и наблюдение за грузом.

13 ноября. Выставка пользуется в городе успехом. Ее посещают, о ней говорят. Особым вниманием она пользуется у школьников, которые бывают у нас в гостях и с экскурсиями и в одиночку. Не забывают выставку военные и рабочие. Книга отзывов заполняется. Есть и интересные и лестные.

14 ноября. Продолжаем занятия со всем коллективом по противопожарной охране. Наш руководитель уже объясняет, что есть гидропульт-ведро и что есть гидропульт-костыль. Во всех почти помещениях холодно. Единственно, где условия работы подходящие,— это «Горка», Там, по крайней мере, регулярно отапливается рабочая комната. Так что бригада по про-

верке фондов работает с полной нагрузкой. Хочется оставить для истории следы того, что вывезли из Ленинграда.

15 ноября. Приехали девушки со строительства. Строить почти не строили, но намучились здорово. О непорядках, безалабершине рассказывают многое.

16 ноября Сведения с фронтов по-прежнему мало утешительные. Нужно быть готовым ко всяким неожиданностям. Много ходит слухов о появлении немецких самолетов и в районе Казани и в районе Куйбышева. Из Ленинграда сообщения тоже очень грустные. С завтрашнего дня устанавливаю ночные дежурства на всех объектах... Полагаться на инвалидов нельзя. Нужно, чтобы при грузе денно и особенно ночью были люди, болеющие за него, понимающего его значение. Они, если и не смогут сами лично предпринять немедленные радикальные меры в случае чрезвычайного происшествия, то во всяком случае дадут о нем знать и поднимут шум.

18 ноября. Вчера было проведено очередное общегородское учение по светомаскировке. Снова гудки, сирены, темень. Город на сей раз был гораздо лучше затемнен... У нас светомаскировка была хорошая.

21 ноября. Топим все помещения, но нагреваются они совсем слабо... Температура от +5 до + 11 может быть признана приемлемой...

24 ноября. Сегодня состоялись последние занятия по противопожарной охране. В заключение были проведены практические занятия, на которых особо отличился Я Х. Якобсон. Используя последний крик противопожарной техники, т. наз. Гидропульт-костыль, он, по близорукости усиленно поливал людей, предохраняя их от возгорания вместо предназначенных для этой цели объектов.

25 ноября. Наш актив проявляет неудовольствие состоянием производственных дел, неуплотненностью рабочего дня, наличием свободного времени, неопределенностью производственных обязанностей каждого, отсутствием постоянного рабочего места. Не понимая, что мы вообще постоянно находимся не в нормальных рабочих условиях: дежурируем в 3-х зданиях, тяжелые климатические условия и другое не позволяют каждого посадить на определенное место и делать каждый день од-

но и тоже... В госпитале работу расширили. Действуем там в библиотеке, читаем лекции, проводим беседы, раненым пишем письма, чиним белье. Дружинина взяла даже немного белья в библиотеку, чтобы в свободное от работы время починить его.

18 декабря. В. М. Цвибак поступила на курсы медсестер, организованные местным комитетом РОКК. Мне по секрету она говорила, что собирается по окончании их на фронт. Просила эту тайну не разглашать. О работе курсов Цвибак послала корреспонденцию в местную газету «Власть труда».

21 декабря. Сегодня закрылась выставка «Великая Отечественная война». Итогам ее посвящена заметка Я. Х. Якобсона в той же газете. Книги записей посетителей и отзывов останутся интересными документами, которые будут иллюстрировать нашу работу в городе в годы эвакуации. Аня Златкина, кроме того, закончила описание всех материалов, экспонированных на выставке, а я запечатлел на пленке снимки отдельных частей выставки. Так что историкам, которые захотят лет через сто изучить, чем занимались мы вдали от метрополии в годы Великой Отечественной войны, будет над чем покопаться

23 декабря. Вчера на Бюро Горкома партии по моему докладу об итогах выставки принято постановление, одобряющее инициативу и дружную работу, и энтузиазм коллектива Публичной Библиотеки и умелую ее организацию в трудных условиях. За 7 недель посетило ок[оло] 1500 человек Признано целесообразным продолжать такую деятельность в дальнейшем

24 декабря. ...Холод в помещениях заставляет почти прекратить работу по вскрытию ящиков... С дровами — плохо, почти не подвозят. Отопление прекращено

1942 год. 2 января. ...В помещениях жуткая стужа. Решил прекратить работу с ящиками до более теплых времен... Свободное время придется использовать для расширения общественной работы в городе.

3 января. Организованная нашими силами по материалам Горкома выставка по докладу т. Сталина пользуется большим успехом.

5 января. Вчера закончила свое существование «Татьянинская столовая». За два с половиной месяца своей деятельно-

сти она успела порядком всем надоест и растеряла почти всю клиентуру. Однообразное питание с преобладанием местного продукта — тыквы в разных видах — приелось всем... Е.Х. Трей и Т.А. Быкова — основные администраторы, снабженцы и поварахи остались без работы... Возобновили перевозку ящиков с Горки. Перевезли еще две комнаты.

9 января. ...В Доме учителя на стенах обнаружен иней...

13 января. ...Тяжело жить народу, С каждым месяцем все тяжелее. Зарплаты явно не хватает. Получаем по карточкам только хлеб... На рынке цены растут как снежный ком... Каждое воскресенье на рынке можно видеть наших ученых библиотечарей, распродающих свое имущество, привезенное из Ленинграда. Продают кто что имеет — платья, белье, полотенца, обувь, ложки серебряные, зеркала, игрушки. На это и живут. Не все обладают такой настойчивостью и терпением, как В[ладимир] А[лександрович Бриллиант], способный месяц подряд ходить на рынок с серебряными ложками и спустить свой товар по дешевке...

17 января. ...Денег опять нет. Задолжали зарплату сотрудникам за 2 месяца. Задолжали за свет, телефон, аренду помещения... Нет дров. Наши ценности в опасности. Мороз -50° С.

27 января. ...Перевезены с Горки все ящики с библиотекой Вольтера... В порядке расширения нашей работы в городе — составили план консультаций нашими силами в гор[одской] библиотеке на февраль месяц: Бриллиант по географии, Ляпунова по музыке, Цвибак по истории, Равнина по литературе, я — по Вел[икой] Отеч[ественной] войне... Решили, что первым и основным объектом наших забот должна являться городская библиотека... Консультации, там же поможем организовать фонды, каталоги... Там же будем устраивать выставки. На базе же библиотеки организуем краткосрочные библиотечные курсы для библиотечарей города. Все эти мероприятия уже начали осуществлять... Последняя возка ящиков с Горки. Таким образом, закончена концентрация груза в двух домах...

15 февраля. ...Верочка Цвибак и Г. П. Вольпер заканчивают сдачу зачетов на курсах медсестер. Сейчас начали практику в госпиталях. Верочка подала заявление о зачислении добровольцем в ряды действующей армии...

2 марта. ...Дружинина послана на семинар по переподготовке инструктора ПВХО. Все усиленно готовятся к сдаче норм ПВХО. Неожиданно появился Вольпер, ужасно похудел, осунулся, ни о чем не говорит, заперся в своей келье. Народ высказывает все большее нетерпение повидать его и послушать ленинградские новости. Все изнывают в догадках о целях его приезда.

4 марта. ...Вчера передал Вольперу всеобщее требование. Сегодня он удовлетворит его. Собрались все. А[лександр] Х[ристофорович] рассказал о Ленинграде, библиотеке, о людях живых и мертвых, о героизме людей, ужасах голода и блокады, бомбежках, о тяжелом своем пути.

7 марта. Провели сегодня общее собрание, посвященное Междунар. женскому дню. Доклад сделала Аня Златкина. Огласили приказ «дирекции». По примеру метрополии благодарили наших девушек. Особо отметили работу Трей, Цвибак.

9 марта. Сегодня весь коллектив сдавал нормы по ПВХО. Все сдали на «отлично», даже Якобсон...

10 марта. Сегодня, наконец, Вольпер впервые сказал, что в Мелекесс прибыл работать... Издал приказ, оставив меня в своих заместителях.

13 марта. ...В. Цвибак, закончив курсы медсестер, зачислена во вновь формируемую здесь дивизию санинструктором и убывает на фронт. Первая убыль в нашем коллективе. Мать ее остается здесь на общем нашем попечении²². В связи с уходом от нас бухгалтера решено, что В. А. Бриллиант займется освоением второй профессии - бухгалтерией... Так что переходим на самообслуживание

16 марта. В ответ на наши обращения прибыла телеграмма из Обкома союза с просьбой выслать списки сотрудников для разрешения вопроса их продовольственного снабжения. Список отправили, авось теперь что-либо давать народу будут.

18 марта. На общем собрании заслушали доклад Вольпера о Парижской Коммуне. После него поговорили об очередных делах по моему сообщению. Решили, что огородом заняться нужно обязательно, но следует организовать хозяйство коллективное, с расчетом по трудовням, что сеять нужно просо и карто-

²² Цвибак Сиды Иосифовны — мать В. М. Цвибак.

фель. Уполномоченным выбрали меня. Единственным «хлеборобом» у нас оказался Фадеев²³ — наш истопник. Все остальные — овощи преимущественно ели, но отнюдь не выращивали. Все же уверены, что осилим эту премудрость. А пока что набрал повсюду огородные наставления и усердно их изучаю. Одновременно стараюсь завести знакомство с местными огородными специалистами. Бриллиант приказом назначен по совместительству бухгалтером.

21 марта. Вчера было последнее производственное совещание по выставке: «Наши великие предки». Равкина, Якобсон, Бриллиант докладывали планы разделов о полководцах. На этом закончили обсуждение планов.

27 марта. Народ становится все злее и злее. Сказываются неудачи на фронтах, грустные вести из Ленинграда, тяжелое материальное положение, ссоры с хозяйками. Все это отражается на работе и на взаимоотношениях... Любое сказанное кем-либо слово истолковывается как обида, возникают споры, взаимные колкости, ссоры. Не проходит ни одного собрания, чтобы Якобсон не поругался с Вольпером, Озерова с Быковой, Равкина со всеми прочими. Лишь Бриллиант невозмутим, да Попов воздерживается от проявления каких-либо своих чувств в обществе, а Trey, Враская стараются вообще на людях не высказываться. Они больше шепчутся по углам, что тоже не содействует умиротворению умов.

28 марта. Снег начинает подтаивать. Пора подумать о приобретении картофельных семян. Выясняю, где оные имеются и подешевле. Нужно снарядить экспедицию.

31 марта. Е.Х. Trey вернулась из поездки за картошкой — без картошки. «Ходили из хаты в хату, но деньгами никто не интересуется. Все спрашивают барахлишко, а его и не было. Пришлось вернуться ни с чем, ни солоно хлебавши». Выполнить им удалось лишь кое-какие поручения частных лиц, подкрепленные барахлишком. Придется придумать что-либо, а картошку достать!

6 апреля. ...После неоднократных наших требований изолировать магазин Д.П. от пекарни, - вчера заложили 4-мя рядами кирпича дверные проемы, ведущие из магазина в пекарню.

²³ Фадеев А. Я.— истопник, житель Мелекесса.

8 апреля. На партийно-комсомольском собрании Вольпер выступил с речью об упадке дисциплины... Дружинина раздобыла разрешение Лесхоза на разделку делянки на дрова. Нужны они всем, а заготовливать некому. Вот ИТК обещает — авось и выполнит.

11 апреля. Днем солнышко прогревает крепко. Снег тает. Случилась протечка. Подмокло три ящика. Ее быстро ликвидировали... Прибыла, отправившаяся вчера, новая картофельная экспедиция в составе Вольпера, Трей и Фадеева. Она на этот раз захватила с собой и 15 метров кумача, который был жертвован администрацией и должен был послужить материальной основой товарообмена. Кумач оказался желанным эквивалентом, и взамен его сегодня было доставлено 20 пудов замечательной отборной, крупной картошки «Ранняя роза». В мансарде на 3-м эт[аже] торжественно была водружена картошка всем на радость. Появился у нас на страх всем крысам и мышам дымчатый котенок.

10 мая. ...Усиленно готовимся к посевной компании. Получили земельный участок около 2 га. Недалеко и земля, как говорят специалисты, неплохая. Купили семена всякие - тыквы, огурцов, свеклы, моркови и т. д. Читаю в большом количестве всякие пособия по овощеводству.

20 мая. ...Договорились с Горкомхозом, который выделил 2 пары лошадей и начал сегодня пахать наш земельный участок. Через несколько дней можно будет сажать картошку. Местный агроном похвалил нашу картошку, порекомендовал ее резать и показал, как это делать.

25 мая. Сегодня знаменательный день. Все колонисты с чадами и домочадцами вышли в поле сажать картошку. Восемнадцать «гвардейцев» продефилировали по городу, вооруженные лопатами и ведрами, экспортируя воз с мешками картофеля. Благополучно прибыли на отведенный нам участок. Колонисты, следуя за лошадьё, клали в борозду нарезанный картофель, с благоговением смотрели, как при повторном заезде его засыпала рыхлая черная земля. Все боялись ошибиться. Куча вопросов следовала один за другим: куда класть картофель — на дно борозды, на правый или левый склон ее, срезом вверх или низ, на каком расстоянии клубня от клубня. Я с видом большого зна-

тока давал указания, стараясь не забыть, что вычитал в книжках и слышал от знающих людей. Неумение и отсутствие опыта с лихвой восполнялись желанием. Все жаждали вложить свою посильную лепту. Погода отвратительная — беспрерывно моросит дождик, а колонисты проявляют энтузиазм, в наших сферах невиданный. Б. И. [Равкина] захватила с собой на поле ридикюль, с которым даже при посадке картошки расстаться не могла, но все же картошку сажала. К 16 час. воткнули в землю все картошку и все запасы тыквенных семян, облегченно вздохнули и, делясь впечатлениями, разошлись по домам. Что-то получится осенью?..

30 мая. ...Я, Фадеев и старый сеяльщик дед Иван, у которого мы купили пуд проса за 600 руб., отправились в поле высеять его. Прибыли на место, разулись, присели отдохнуть, вспомняли, как сеяли в доброе старое время, и, перекрестившись, принялись за дело. Дед Иван набрал просо в ведро, за неимением лукошка, пустился в путь, разбрасывая семена по полю и нашептывая какие-то заклинания, которые должны содействовать богатому урожаю... За три часа извели весь пуд проса.

1 июня. Вчера и сегодня снова общий выход в поле. Сажали огурцы, морковь, свеклу, салат, арбузы. Это оказалось более кропотливым делом, чем картошка. Зато здесь смогли быть использованы и проявлены индивидуальные способности каждого. Борозды, проведенные подслеповатым и нетерпеливым Яковсоном, представляли собой самые разнообразные геометрические фигуры, только не прямые линии, и заметно отличались от борозд невозмутимого Бриллианта или педантичного Попова, работавших с помощью колышек, веревок, сантиметров и прочих точных инструментов. Скупость и дотошность одних проявлялись в посадке моркови отдельными зернышками... Щедрая рука других обильно наполняла семенами бороздки сплошь. Как бы там ни было, но в эти дни воткнули в землю все запасы наших семян. Осталось еще высадить рассаду капусты и помидор. Решили купить ее у примерного огородника. Он же консультировал бесплатно по всем особо сложным вопросам огородного хозяйства.

4 июня. Вчера высадили помидоры... Снова жаркие дебаты — как сажать?.. Все же одолели и помидоры. Сегодня сажали

дыню. Заодно усиленно поливали огурцы, морковь, свеклу, помидоры...

9 июня. ...Закончили посевную компанию - высадили капусту. Руководство бригадой возложили на Попова. Хотя и замучил он всех своих подчиненных, но зато любо глядеть на результаты работы бригады...

14 июня. ...Произошли, наконец, изменения в нашем продовольственном положении. С июня м-ца Вольпер и Бриллиант зачислены на спец. снабжение как научные работники. Все остальные будут получать продкарточки по первой категории группы рабочих.

22 июня. ...Т.А. Быкова отправилась в Сабалаево на прополочные работы. Требовали 6 человек, но договорились, что поездкой Быковой в качестве прополочной силы, а Якобсона по колхозам и в совхоз Крупской, с передвижной выставкой в роли агитатора, ограничивается наше содействие с-хоз. работам в Мелекесском районе.

8 июля. К годовщине Полтавской битвы Враская подобрала материалы, в том числе и наши эстампные, использовала их для организации передвижной выставки на 2-х шитах. Эту выставку с пояснениями она довольно успешно демонстрировала на курсах политсостава РККА.

11 июля. ...Окучили и промотыжили картошку. Это оказалась наиболее тяжелая и трудоемкая работа. С начала огородной страды мы уже затратили 1135 часов или 142 рабочих дня.

15 июля. ...Свезли на огород горбыль, толь, гвозди и старика Герца²⁴ - он посвящен в сторожа нашего огорода и впредь будет охранять наши труды и намечающийся урожай от всяких любителей легкой наживы.

21 июля. ...Кушали собственные овощи. Вчера и сегодня народ получил свеклу с прорывки и салаты.

22 июля. Вернулась с прополки Т. А. Быкова, загорела, возмутила еще больше, но заболела (по-видимому не хочет возвращаться в Сабалаево). Вот уж 3-й день горит зерно на мельницах Главмуки, и третий день ходят наши колонисты перелопачивать его в порядке трудповинности. Почти все побывали там.

12 августа. Гаврилов /Наркомпрос/ сообщил о предполагаю-

²⁴ Герц — житель г. Мелекесса.

шейся дополнительной перевозке части фондов и людей из Ленинграда в Мелекесс. Запросили метрополию об объеме предполагаемого к отправке материала и о числе сопровождающих сотрудников. Нужно ведь подготовить помещение и должную встречу.

16 августа. ...С 9/VIII ежедневно всем скопом вторично окучиваем картошку... и выглядит она красиво. Раздали за эту неделю немало овощей: огурцов почти 200 кг, капусты — 50, молодого картофеля — 120 кг. Так что народ начинает ощущать реальные плоды своих огородных трудов. Количество затраченных рабочих часов перевалило за 2 200, благо они за счет библиотеки. После 2-х дней отдыха сегодня отправились на лесозаготовку. Получен участок в лесу, и мы своими силами должны заготовить дровишки на зиму. Жить будем там же в лесу, на казенных харчах. Я пока оставлен в городе для представительства и организации снабжения наших лесорубов.

20 августа. Приехал из леса, где пробыл два дня. Свез им туда всякой всячины и сам денек проработал. Работа нелегкая, но много своего рода прелестей. Чистый лесной воздух и прекрасный пейзаж. Работают бригадами не спеша, изредка с песнями, больше с охами. Устроились в бане лесника. Там хоть капает во время дождя, но не дует. Е[лена] Х[ристиановна] куховарит: завтрак, обед и ужин даровой. Дают даже добавку, как в добрые мирные времена в хороших санаториях.²⁵

24 августа. Все колонисты в лесу продолжают заготовку дров. Днем в библиотеке неожиданно появились М.А. Садова²⁶ и М.Н. Файн²⁷. Оказалось, что еще накануне прибыло ленинградское людское пополнение. Ночевали на вокзале. Состояние большинства неважное, после года блокады, голода, холода и утомительного пути. Связался быстро с Горкомом. Решили пока устроить народ в библиотеке. Получил машину от коменданта города и к концу дня перевез всех с имуществом

²⁵ От редактора: По заданию городских властей библиотекари ГПБ заготавливали дрова как для собственных нужд, так и для госпиталей, школ, детских учреждений. Особенно тяжелой для женщин, к тому же горожанок, была ручная валка и трелевка леса, погрузка его на машины или подводы

²⁶ Садова Мария Александровна (1888—1968), книговед, специалист в области русской библиографии. Сotr. ГПБ (1917—1962). Гл. б-рь Отд. фонда и обслуживания.

²⁷ Файн М. Н.

в библиотеку. По дороге остановились у больницы, куда поместили Е. Ф. Проскурякову²⁸ и мать Садовой²⁹, находящиеся в особо тяжелом состоянии.

Приехали:

1. Садова М.А. — Гл. б-рь отметки с сестрой и матерью.
2. Буковецкая М.А.³⁰ — Гл. б-рь Отд. систематизации с сестрой.
3. Файн М.Н. — Гл. б-рь Отд. комплектования, с сестрой и матерью³¹.
4. Ден Е.С. — Б-рь 1 р[азряда] с сыном.
5. Жилина Е.Н. — Гл. б-рь КБО³².
6. Королева А.А.³³ — Гл. б-рь Отд. каталогизации.
7. Проскурякова Е.Ф. — Зав. гр. реставрации.
8. Зубравская М.Ф.³⁴ — Б-рь 1 разряда Каб[инета] маркс[изма] — ленинизма.

К вечеру приехали кое-кто из наших старожилы из лесу — помогли устроиться, перетаскать вещи. Устроили ночевать в канцелярии на полу... Рассказывали о Ленинграде, библиотеке, ужасах блокады, голоде, смерти товарищей, делах живых. Выглядят все ужасно: худые, обтекшие, с особой жадностью глядят на все виды пищи. Немало пройдет времени, прежде чем они приобретут вновь человеческий облик.

28 августа. Вчера умерла в больнице Е. Ф. Проскурякова. Сегодня ее хороним. Просо наше перестоялось и начинает осыпаться. Вольпер не отпускает из леса Фадеева — единственного лесоруба, единственного косца. Разворачиваем в

²⁸ Проскурякова Екатерина Федоровна (1873—1942), библиотековед. Сotr. ГПБ (1925—1942). Зав. отделением гигиены книги.

²⁹ Садова Анастасия Константиновна (? —1942) — мать М. А и Е. А. Садовых.

³⁰ Буковецкая Мария Аркадьевна (1888—1946), специалист в области систематизации литературы по социально-экономическим наукам. Сotr. ГПБ (1930—1946), гл. б-рь Отд систематизации.

³¹ Ден Евлалия Сергеевна (1901 —?). Сotr. ГПБ (1937—1957), гл. б-рь отд. каталогизации.

³² Жилина Екатерина Николаевна (1906—1964), библиограф, историк литературы. Сotr. ГПБ (1931—1964), гл. б-рь Консультационно-библиографического отд., зав. группой литературы.

³³ Королева Анна Алексеевна (1886 — ?), специалист в области каталогизации периодики. Сotr. ГПБ (1922—1954), гл. б-рь, зав. группой периодических изданий Отд. каталогизации.

³⁴ Зубравская Мария Францевна (1882 — ?). Сotr. ГПБ (1939— 1942), б-рь Кабинета марксизма-ленинизма.

городе лекционную работу. Основные лекторы: я, Вольпер и Якобсон. Я специализируюсь на международных темах, Вольпер — на партийной, а Якобсон берется за любую.

1 сентября. Дружинина уехала на уборочную компанию.

5 сентября. Закончены лесные работы. За 3 недели заготовили ок. 100 кубометров дров. Отдохнет народ денек и снова на общественные работы. На сей раз на огород — нужно провести уборочную компанию... Начат заключительный этап огородных работ. Копаем картофель. Раздали колонистам 72 кг картофеля, 20 кг помидор, 45 кг огурцов, 69 кг капусты, 17 кг моркови, 11 кг свеклы. Картофель неплохой.

13 сентября. Второй день возим картофель с поля. Свезли уже 2 832 кг. Завтра вывезем остальное. Становится уж очень холодно. 10/IX выехал последний жилец из канцелярии.

1 октября. По требованию властей — выделили 7 сотрудников на дровозаготовки.

1 ноября. Вчера машина военной части вывезла часть наших дров. Наш народ развивает большую преподавательскую деятельность: Вольпер ведет курс основ маркс[изма] – ленин[из]ма в Учительском ин-те, Враская в средней школе — немецкий язык, Файн, Якобсон, Буковецкая — историю, Равкина — литературу. Получил по вызову пропуск в Москву.

25 декабря. Вчера я вернулся из Москвы, сегодня информировал о результатах поездки. Поделился впечатлениями о Москве, сообщил, что отныне Мелекесс будет получать весь обязат[ельный] экземпляр, предназначенный для ГПБ. Ленинград не получает его более года, часть лежит в Кн[ижной] палате, часть в типографиях на местах. Таким образом, есть опасность растерять обязательный экземпляр. В Москве решили обязат[ельный] экземпляр направлять в Мелекесс. В исполнение этого решения я упаковал в Кн[ижной] палате 40 томов литературы, которые Наркомпрос обещал в ближайшие дни направить в Мелекесс. Иностранная выписка будет продолжать идти в Мелекесс во все возрастающем масштабе. Решен вопрос об охране фондов. Я в НКВД СССР получил заверения об установлении военизированной охраны в Мелекессе не позже марта 1943 г. Наркомпрос разрешил нам приобрести транспорт (2-х лошадей) и организовать подсобное хозяйство, отпустив на это 20 т. руб. Московские

новости, особенно вести об обязат[ельном] экземпляре, подняли дух и настроение в коллективе. Новая большая и интересная работа предстоит нам. Поручили Озеровой составить положение об обработке новых поступлений, которое позволило бы по возвращении сразу предоставить их читателям.

1943 год. 5 января. Подвели итоги работы отделения за 1942 год: проверено ящиков за 1942 г.— 1045, почти половина описана по русскому фонду — 4664 назв., иностр.— 2626 назв. Провели большую работу в городе. Наш народ прочел 71 лекцию Вольпер — 12 лекций, Гранский — 44, Равкина — 10 лекций. В госпиталях прочли — 22 лекции. Библиотекам города помогли и по каталогам, фондам и т. д. Из иностранной периодики сделали переводы статей по медицине и др. для врачей госпиталей. Реализуя решения Горкома о помощи нам — получили соленые овощи. Сегодня распределял огурцы, капусту, помидоры по 5—10 кг на душу...

5 февраля. Родился Виктор Иванович Овчаренко, сын Ани Златкиной и приобретенного здесь мужа — Вани Овчаренко³⁵. Состоялось собрание с моим докладом об огородных делах в нынешнем году. Решено вести огородное хозяйство снова коллективно. Наметили план посева, увеличенный с 2 до 3 га. М. Дружинина приобрела за 2 250 руб. козу Розу. Всякий создает свое материальное благополучие... Продолжаем активно переводческую деятельность. За 3 мес[яца] перевели более 30 статей, сообщений из английских, американских журналов. Все 3 госпиталя пользуются и благодарят нас.

6 апреля. Получили огородный участок в 3 га на семь лет.

18 апреля. Сегодня общегородской воскресник. Весь город, в т. ч. и наши сотрудники, с утра отправились в лес за 8 км. Там подносили на руках дрова за 3—4 км к узкоколейке. Мы свою норму выполнили к 4-м часам дня, после чего, кто с песнями, кто с оханьем вернулись домой. Вчера утвердили план посева 97 пуд. картофеля и 32 овощных пая.

7 мая. Начали сегодня огородные работы. Пишет нам воинская часть в знак благодарности за мои лекции там. Сегодня первый коллективный выход: сажаем свеклу, морковь.

³⁵ Овчаренко, Иван — муж А. М. Златкиной.

28 июля. ...С месяц тому назад Наркомпрос предложил выслать для временного пользования И. И. Яковкину рукопись «Литовский статут»³⁶... Просмотрели все ящики (49) ОПДП, больше двух десятков общерукописных и т. д. Наконец, сегодня нашли нечто подходящее. Ранее также искали Крылова, Грибодова, материалы о Глинке и др.

1 октября. После одного дня отдыха от титанической работы в лесу все вышли на огород собирать урожай. Холодно и ветрено. Ночью было -5°. Из-за лесных работ опоздали с уборкой. На собрании Озерова доложила, что в итоге работе 19-ти сотрудниками выкопано 70 пудов картофеля...

11 октября. ...Вывезли остатки картофеля с огорода и на этом закончили 2-ю огородную компанию. Урожай более чем скромный... В 2 раза меньше чем в прошлом году³⁷.

16 октября. ...Из-за наступления холодов прекращена работа над ящиками.

28 декабря. ...Воскресный университет, организованный Горкомом партии для актива, держится и существует в значительной степени нашими силами: Вольпер ведет там курс основ марксизма-ленинизма, я читаю историю международных отношений, Равкина — русскую литературу.

1944 год. 7 января. Подвели итоги работы за 1943 год. Проверено 824 ящика. Составлено описание по русскому фонду на 9100 назв., по иностр.— на 1466 назв. Описано 1738 комплектов газет и пр. В помощь биб[лиотека]м города: заинвентаризирован весь книжный фонд б-ки Учительского ин-та в кол[ичестве] 10 тыс. томов. Систематизирован книжный фонд биб-ки военных курсов, проведена инвентарная проверка фонда б-ки парткабинета Горкома. Провели большую лекционную работу в городе: нашими силами прочитано свыше 400 докладов. Из них Якобсон прочитал — 108, Гранский — 150, Воль-

³⁶ Яковкин Иннокентий Иванович (1881—1949), историк права, библиотековед и библиограф. Сотр. ПБ (1910—1929). Директор БАН (1929—1949). Исследователь и публикатор «Литовского статута».

³⁷ От редактора: В связи с недородом А. Х. Вольпер направил письмо в Наркомпрос о бедственном положении сотрудников Библиотеки и с просьбой оказать помощь (включая выделение 25 пар валенок). Он писал: «В связи с недородом картофеля сотрудники голодают, все вещи распроданы, менять на продукты нечего. Все износилось... Сотрудники до глубокой осени ходят босиком. Бытовые условия тяжелые. Дети голодают».

пер — ПО, Равкина — 60. Поработали мы и на 2-х агитпунктах.
14 января. ...Мы и весь город отмечаем 130-летие ГПБ. Нами выпущен специальный номер стенгазеты, посвященный этой дате, а в парткабинете, где сегодня состоится торжественное заседание, организована выставка. На ней представлены данные о месте и работе ГПБ, эстампные материалы о Петербурге-Ленинграде, о библиотеке, поздравительные адреса к ее 125-летию и т. д.

27 мая. ... Коллективно сажаем директорский картофельный фонд, который по неизвестным причинам значительно усох, оказалось лишь 22 пуда семенной картошки.

8 сентября. ...Уехали в Ленинград Королева и Буковецкая. На этом осенний разезд по-видимому закончился. Таким образом за лето вернулось в Ленинград 9 человек. Наша колония значительно уменьшилась. Осталось 12 человек.

2 октября. ...Состоялось общее собрание, подвели итоги огородных работ и произвели дележ добычи. В этом году урожай оказался неплохой. С 352 кг семян собрали 3 402 кг

1945 год. 2 января. ...За 1944 год проверено 822 ящика, из них 110 — повторно. Количество запросов на наши материалы поступило 87, отправили 48 книг и 24 рукописи³⁸.

9 января. ...Сегодня подвели итоги нашей лекторской работы в городе за 1944 год. Прочитано за минувший год лекций, докладов, проведено семинаров — 286, с охватом около 15 970 ч. Это совсем немало.

16 января. ...Нужно увековечить наше пребывание в Мелекесе. Предложил Озеровой 3 варианта: установить мемориальные доски на зданиях, где помешались наши фонды, поднять вопрос перед Ленинградом о подборе из резервных фондов солидной библиотеки в 10—15 тыс. томов и подарить ее местной гор[одской] библиотеке в память нашего пребывания здесь, с соответствующим изменением ее названия в честь ГПБ, и организовать на прощание в Мелекесе какую-либо выставку на наших материалах.

³⁸ Подробности работы Мелекесского отделения ГПБ см.: «В память ушедших и во славу живущих. Государственная Публичная Библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 22 июня 1941 – 9 мая 1945. Хроника событий. СПб., 1995.»

30 января. ...Уже давно в письмах из Ленинграда сообщают, что в Мелекесс высланы подарки почти всем местным колонистам от родственников и знакомых. Сегодня, наконец, этот багаж прибыл. В нем действительно оказались гостинцы почти для всего народа. Ящик привезли и вскрыли в присутствии всей колонии. Оттуда начали извлекать пакеты, пачки, ящики и свертки. Враская получила плащ с оторванной полкой. Сима — мыло. Циля две жестяные кружки из консервных банок, Нелли — готовальню³⁹, Валерик⁴⁰ — заводной мотоцикл и т. д. Не забыл нас бедных Бриллиантик. Верный себе он прислал маленький пакетик с надписью: «Всему коллективу. В. Б.». Мы с большим трепетом вскрыли этот пакет. В нем оказалось 17 ремешков, длиной в 4—5 см. каждый. Назначение их, несмотря на длительные и оживленные дебаты, так и осталось неизвестным. Вообще все были рады, счастливы...

9 февраля. ...Тихо и мирно течет жизнь в доблестном филиале краснознаменной библиотеки. Попов уже больше м-ца сидит дома — он на бюллетене. Враская отсиживает часа по 3 в день в библиотеке и госпитале, а затем часок-другой преподает в школе. М. Дружинина подремывает в одиночестве в б-ке агитпункта, где вот уже месяц как описывает там книжки. Е.Х. [Трей] — постоянно в бегах между квартирой, рынком и библиотекой. Находящиеся под ее идейным руководством инкунабулы и отдельные рукописи, безропотно ожидающие своей очереди реставрации, заполняют столы, покрываются плесенью. Ее помощница — Е. А. Садова⁴¹ честно отсиживает 3 часа и подклеивает искаленные страницы. М. А. [Садова] и Т. А. [Быкова] описывают и почитывают, Ляпунова в Москве. Симочка [Неймотина] занята хлебными делами.

20 февраля. ...Сегодня нач. Политотдела курсов делал на нашем собрании доклад о 27 годовщине Кр[асной] Армии. Доклад он прочитал (в прямом смысле слова), действительно, неблестящий, хотя и обладает замечательными голосовыми данными. Но он был вполне прав, когда после мне сказал, что он не надеялся у нас встретить столько культурных невежд: на сей

³⁹ Озерова Нелли Ильинична (р. 1931) — дочь Ц. А. Озеровой.

⁴⁰ Озеров Валерий Ильич (р. 1938) — сын Ц. А. Озеровой.

⁴¹ Садова Елизавета Александровна (1886—?). Сотр. ГПБ (1944—1957). Б-рь Отд, фонда и обслуживания.

раз сладко спали обе Садовы, Е. Х. Трей и Быкова. Было очень неприятно слушать это справедливое замечание.

23 февраля. ...Одержана крупная победа по улучшению бытового положения наших колонистов. Семь человек из 13 — признаны научными сотрудниками и зачислены на спецснабжение. Для этого пришлось им присвоить особые звания: Попову — Зав. отд. научных каталогов и описаний рукописного отделения. Быковой — Зав. отд. научной библиографии. Садовой — Зав. отд. научного описания русских фондов. Файн — Зав. отд. научного комплектования и систематизации. Ляпуновой — Зав. отд. музыкальных архивов.

5 марта. Сегодня весь коллектив в беспокойстве. У Файн, заболевшей брюшняком, перенесшей несколько приступов малярии, обнаружили еще воспаление легких. Со вчерашнего дня плохо стало с сердцем. Консилиум признал, что шансы на выздоровление составляют 2%. Потребовали глюкозу и кислород, в больнице их не оказалось. У местного аптекаря выклянчили глюкозу, а в госпитале раздобыли кислород. Все бегают, хлопчут, стараются подсобить... Ничего Файн не помогло. 10 марта она скончалась. Похоронили ее 12 марта

5 апреля. Закончили описание русского фонда. Принялись за расстановку карточек.

26 апреля. ...Народ высказывает желание отметить сообща Первое Мая. Организовать после торжеств[енного] заседания чаепитие с самодеятельностью. Решили провести собрание и посидеть.

26 апреля. Дружинина, Быкова и Трей деятельно готовятся к празднику.

30 апреля. ...Вчера собрались. Я сделал доклад о I-м мае, послала телеграммы в Ленинград. После чего чаевали. Пришли все с чадами и домочадцами. К чаю были бутерброды с сыром, пшенная запеканка и сдобные булочки. Я зачитал кое-какие отрывки из дневника, ребята продемонстрировали свои таланты и закончили вечер хоровым пением и жидкими танцами «под Якаба»⁴².

7 мая. ...Проверяем готовность ящиков к переезду в Ленинград. Просматриваем их все, подправляем, лучше забиваем. Од-

⁴² Имеется в виду сын Б.С. Якаб, под аккомпанемент которого происходили танцы.

новременно заканчиваем прочие все наши работы. Ф.Я. [Попов] командует проверкой пригодности ящиков к путешествию.

10 мая. Вчера радио разнесло благую весть — Германия капитулировала, то о чем мы мечтали 4 года — свершилось! Не передать словами всех чувств и переживаний в этот день. А сегодня — холодный душ. Получили от Озеровой. Она сообщает, что в Комитете [по делам культпросветучреждений] все считают, что нам пора возвращаться в Ленинград, но что все зависит от библиотеки. Но Егоренкова и Брискман, которых она повстречала в Москве, говорят, что сеять нужно обязательно, что у них так много книг, что осенью, может быть, тронемся. Мне абсолютно непонятны причины откладывания нашего выезда. Здания не пострадали. Крыша, стены, окна на месте. Грязь и проч[ие] запустения в рукописном отделе, о которых пишут из Ленинграда, можно ликвидировать одним воскресником. Народ, после оглашения сей буллы, пришел в волнение, которое долго не удавалось унять.

11 мая. Переспросили желающих использовать огородные участки. Кроме меня и Садовой, все жаждут земли. Сегодня договорился с НАТИ о вспашке нашего участка. М. А. Садова получила письмо от Захарьиной, которая сообщает, что в Ленинград вернулись Егоренкова⁴³ и Брискман⁴⁴, что их попытка вернуть нас в Ленинград не увенчалась, что все зависит от Москвы, которая откладывает разрешение этого вопроса, что все же они надеются встречать нас в июле-августе. Вот и пойми что делается!

16 мая. Вчера вспахали наш участок. Завтра все направляют-ся сажать картошку.

24 мая. Усиленно проверяем ящики. На подмогу нашим гвардейцам получил из госпиталей 4-х выздоравливающих бойцов. Они активно помогают нам перебрасывать ящики. Работа тяжелая, требующая силенки. С их появлением дело пошло гораздо быстрее. Еще 2-3 недели и мы будем в полной боевой готовности к отъезду.

⁴³ Егоренкова Елена Филипповна (1907—1966). Сотр. ГПБ (1940—1946, 1949—1951). Директор Публичной библиотеки (1941—1946).

⁴⁴ Брискман Михаил (Моисей) Аркадьевич (1904—1975). Сotr. ГПБ (1932—1942, 1944—1951). Зав. отделом комплектования в период, когда решался вопрос о эвакуации фондов.

29 мая. Сегодня Танюша [Быкова] получила письмо от Ольги Павловны⁴⁵ с выражением радости по поводу скорой встречи. Вопрос о нашей эвакуации сдвинут с мертвой точки, но он получил совершенно неожиданное разрешение. Весь народ разделен на 2 группы — одна вернется с грузом, а другую вызывают в Ленинград незамедлительно. Списки уже составлены и направляются нам. Танюша прочла все это со стоном во всеуслышание. Новый взрыв возмущения М.А. [Садову] я видел впервые в таком состоянии. Всегда спокойная, выдержанная, миролюбиво настроенная, все оправдывающая — все от Бога, умиротворительную по натуре - сегодня она показала себя — ее негодованию не было предела. В пылу страсти полностью подтвердился мой диагноз — основа личное. Гораздо легче, проще и дешевле ехать с эшелонном, чем в одиночку и захватить можно с собой все необходимое. Закончила она заявлением, что все равно этому решению она не подчинится. Т.А. [Быкова] подливала масла в огонь, утверждая, что это не трагедия, а водевиль, и заливалась басовитым смехом, чем в конце концов вызвала потоки слез у М.А. [Садовой].

9 июня. ...Получена телеграмма от Озеровой: «Все едут вместе с грузом. Протестую выезда Марина⁴⁶, жду Усова⁴⁷». Все довольны, все смеются. Очередное собрание. Снова охрана огорода. На сей раз за 4 месяца заплатили 6 пудов картошки и 1 500 руб. денег.

22 июня. ...Сегодня должна приехать Озерова. Говорят, что вчера поздно вечером Т.А. [Быкову] осенила идея организовать в честь возвращения Ц[или] А[брамовны] чаепитие. Получив в тот же вечер согласие Садовых и Враской, утром была развита кипучая деятельность: переговоры со всей дюжиной увенчались успехом. Предложение было принято единогласно. Затем стала выработываться спецификация, калькуляция и осты пирога. В заключение финансово-

⁴⁵ Захарьина Ольга Павловна (1871—1961). Сotr. ГПБ (1923—1953). Гл. б-рь Отд. каталогизации.

⁴⁶ Марин Всеволод Александрович (1909—1970). Сotr. ГПБ (1929—1932, 1938—1967). С 1941 г.— зам. директора по административно-хозяйственной части. Участвовал в принятии решения о возвращении фондов в Ленинград.

⁴⁷ Усов Александр Васильевич (1904—1958), библиотековед. В 1944 — начальник управления библиотек Наркомпроса. Директор ГПБ (март-сент. 1946 г.).

счетная комиссия определила размеры затрат и долю налога с каждого участника.

23 июня. ...Вчера приехала Озерова, как и следовало ожидать, поездка результата не дала. Здоровье не поправила... Ну а с реэвакуацией также все в тумане... Поехать — поедем, но когда по-прежнему неизвестно... Нынче как-будто дело сдвинулось с мертвой точки Решение об реэвакуации составлено, передано в Совнарком и там ожидает подписи Молотова, а он занят большими делами — польские проблемы, сессия Верховного Совета и т. д. После подписи Молотова, последует приказ Комитета НКПС'у для включения нас в план перевозок на следующий месяц, т. е на август... А пока сидим в Мелекессе. Обо всем этом докладывала Озерова нам. После официальной части все переселились в кабинет начальницы, где старанием Е. А. Садовой был накрыт стол на 12 персон, уставленный чашками, стаканами и тарелочками разнообразных систем и размеров и двумя кексами, изготовленными по рецепту Е.Х. Трей в чудо-печи... Беседа продолжалась на разные темы: о Библиотеке, ее жизни, читателе, который прет мощным потоком, об уставших, но героически работающих библиотекарях, мечтающих ныне об отпусках в первом мирном году, о ремонте, на который нет ни разрешения, ни средств. О застекленном мелкими стеклами читальном зале, о плесени и грибах на книгах, о грязи и запустении, о пробитом потолке в кабинете Фауста, о мелекесцах в Ленинграде — Бриллианте, блаженствующем в отвоеванной квартире, о располневшей Жилиной... О Ленинграде, его улицах, домах, трамваях... Озерова привезла из Ленинграда пленку для лейки и 3 дюжины негативов 9x12. Составляю план фотосъемок, и в ближайшее время сделаем фотоснимки помещений, отдельных этапов работы. Нужно ведь запечатлеть для истории пребывание в славном городе Мелекессе.

27 июня. Вчера закончили каталогизацию в б-ке парткабинета Горкома... Сделаны первые снимки.

29 июня. Засняты фасады, вскрытие ящиков, работа над ними, внутренние помещения Дома пионеров и Дома учителя. Описание русского фонда, реставрационной группы.

2 июля. ...В Доме пионеров просмотр ящиков закончился... М А Садова приводит в порядок картотеку на русский фонд...

Предполагается экскурсия в Ульяновск⁴⁸. Там все мечтают посетить Дворец книги, побывать на гончаровском обрыве и т. д.

12 июля. Вчера и сегодня продолжались фотосъемки. Заснял переноску фолиантов на носилках, просушку материалов, кошачий питомник и их воспитателей, маркировку ящиков и себя.

15 июля... Получена телеграмма от Гаврилова: реэвакуация разрешена, НКПС включил в план августа.

18 августа... Возим ящики на вокзал. К 9 ч. вечера перевезли все ящики. 21 и 22 августа даны народу на упаковку. Подали заявку на вагоны на 26 августа. Упаковываем имущество библиотеки.

29 августа. Вагонов все нет.

30 августа. ...Вагонов нет.

31 августа. ...Дают 4 вагона. Подают к погрузке в 7 ч. 30 мин.

1 сентября. ...В 8⁴⁵ возобновили погрузку... К 14 часам впихнули в вагон 346 ящиков.

5 сентября. ...Нет вагонов. Пока собираю оборудование для теплушки.

10 сентября. ...Пришло, наконец, распоряжение дороги о представлении нам 1 сентября 19 вагонов. У Якаб⁴⁹ развалились туфли, она ходит на дежурство и вокзал босиком.

20 сентября. ...Утром в 8 часов возобновилась погрузка, в 2 часа получили теплушку. Оборудуем. Приезжают на вокзал колонисты.

22 сентября. ...Отправились, наконец, из Мелекесса в 16¹⁵.

⁴⁸ Деловой целью поездки было оформление документов на реэвакуацию.

⁴⁹ Якаб Берта Симоновна (1902—1970-е гг.), востоковед, специалист по иностранной библиографии. Политэмигрантка из Венгрии. Сотр. ГПБ (1933—1938, 1939—1942, 1944—1950, 1953—1956). Б-рь Отд. фонда и обслуживания. Неоднократно увольнялась из Библиотеки и высылалась из Ленинграда по политическим мотивам.

Вербловская М. Б.

«НАСТАНЕТ НОВЫЙ ЛУЧШИЙ ВЕК. ИСЧЕЗНУТ ОЧЕВИДЦЫ...»

(ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ)

От редактора: **Мария Борисовна ВЕРБЛОВСКАЯ** (Год рождения — 1932), филолог по образованию, учитель литературы и русского языка по первоначальному опыту работы, с 1966 по 1993 г. служила в Публичной библиотеке. Она сделала окончательный выбор в пользу библиотечной профессии, как можно предположить, не без влияния военного детства, проведенного в Мелекессе в кругу старейших и уважаемых сотрудников Публичной библиотеки.

М.Б. Вербловская занималась проблемами систематизации и предметизации литературы по языкознанию и теорией традиционных информационных языков. Продолжая дело, начатое А.Д. Умирян, ее учителем и наставником, она способствовала дальнейшему пополнению библиографической картотеки переводов произведений мировой художественной литературы и улучшению ее организации. В настоящее время М.Б. Вербловская интересуется историей Публичной библиотеки, а также историей Петербурга, в частности, творчеством таких исследователей города, как Н.П. Анциферов. Она следует традициям своей матери, искусствоведа, исследователя печатной графики О.Б. Враской, прослужившей в Публичной библиотеке более полувека.

При написании воспоминаний М.Б. Вербловская пользовалась документами архива РНБ, материалами Отдела рукописей (бумагами М.А. Садовой, Т.А. Быковой и др.), воспоминаниями своей матери О.Б. Враской, письмами и записками Ц.А. Озеровой.

* * *

Эти короткие воспоминания посвящены памяти скромных и героических людей, с которыми судьба свела меня в начале жизни. В суровые и страшные годы войны они хранили и берегли ценнейшие фонды Публичной библиотеки.

В первых числах жаркого августа 1941 г. мама и я, пройдя мытарства военных дорог, приехали в деревянный, захолустный Мелекесс. Оставив родственников и вещи на вокзале, мы побежали мимо пыльных пристанционных кустов по железнодорожным путям к тому месту, где стоял прибывший сюда 31 июля эшелон с грузом книг Публичной библиотеки. Тут в первый раз я увидела лица тех, кто стал моими спутниками не только на 4 долгие года войны, но и во многом определил мою судьбу.

Моя мама, Ольга Борисовна Враская, была в числе 15 сотрудников, назначенных для сопровождения в эвакуацию фондов Публичной библиотеки. Список сопровождающих состоял из 14 библиотекарей разной специализации (пятнадцатым был директор ГПБ А.Х. Вольпер). Все они знали вывозимые фонды, золотую славу национального книгохранилища.

Паковать ящики начали уже 26 июня, через 4 дня после начала войны, 16 и 17 июля груз был перевезен на Ленинградскую товарную. Начальником эшелона был назначен В.И. Гранский. 20 июля эшелон с драгоценными ящиками пошел, быстро и без остановок минуя станции, которые уже начали бомбить, или останавливаясь далеко от них. О месте назначения эшелона сотрудники не знали соответственно военному времени.

Моя мама очень волновалась, так как 1 мая 1941 г. я на лето была отправлена к родственникам отца в Осташков. Поэтому мама умоляла А.Х. Вольпера выдать ей на руки командировку и отпустить в Осташков за дочкой.

Дальше привожу ее воспоминания: «Я все же умолила Вольпера отпустить меня, обещая прибыть в любое названное им мне место назначения. И тут я от него впервые услышала: город Мелекесс Ульяновской области Я раньше никогда об этом городе не слышала. Вольпер выдал мне мою командировку, выглядевшую очень внушительно: она была выдана Совнаркомом мне как лицу, сопровождающему особо ценный груз. На своем директорском бланке он написал ходатайство во все советские учреждения, прося оказывать мне содействие при вывозе моей семьи к месту моего назначения.

Эшелон ушел, а я одна осталась в Бологом. Мне посоветовали идти в эвакуопункт. Я сдала свой чемодан в камеру хранения на вокзале и пошла к этому пункту. Здание, где помещал-

ся эвакуационный пункт, было окружено огромной толпой беженцев. С транспортом было уже очень плохо, но в какой-то мере была надежда продвинуться отсюда на восток, но не на запад, куда надо было мне. Я написала письмо мужу в Ленинград, чтобы он знал о моей попытке пробраться за дочкой, но все почтовые ящики оказались доверху забитыми письмами, их явно давно уже никто не переплавлял по адресам. Найти пристанище было безнадежно, и я просто села у стенки здания эвакуационного пункта. Это была ночь на 22 июля. Ночью был налет немецких самолетов: первые сбросили осветительные ракеты, а следующие стали бомбить вокзал и расстреливать толпу из пулеметов. Все, и я в том числе, бросились бежать, куда глаза глядят. В городе и на вокзале возникли пожары. Я хотела утром взять свой чемодан из камеры хранения, но вокзал был оцеплен, и меня не пропустили. Следующие 2 дня я делала попытки попасть в какой-нибудь воинский эшелон, идущий в сторону Осташкова. Когда я просила командиров довести меня до Осташкова, то я получала решительный отказ и даже в угрожающем тоне. Наконец, солдаты, которым я рассказала, что я в отчаянии и ищу дочку, припрятали меня в вагоне между собой. Задним числом я удивлялась, как однобоко человек воспринимает окружающее в таких невероятных условиях. Я слышала слова, обращенные ко мне, но я не слышала взрыва, когда бомба попала в бензобаки, а только увидела, что они горят. В солдатской теплушке я по поведению солдат, по тому, что от стенок отлетали шепки, понимала, что в нас стреляют из пулеметов, но звука я не слышала.

Воинский эшелон, в котором я ехала, шел ночью и останавливался, когда бывал налет. Все выскакивали и бежали прятаться, а я оставалась, боялась выйти, чтобы командир не прогнал меня. Ранним утром 25 июля эшелон остановился близ озера Селигер. Все вышли, и тут командир, отвернувшись от меня, сказал: «Идите только не по большаку, все дороги простреливаются».

Вдали виднелся Осташков. Я долго шла полями и встретила с двумя ленинградцами — мужчиной и женщиной, они отправили своих детей в эвакуацию на Бологое, а из объявлений, расклеенных там на вокзале и на столбах, они узнали, что ряд ленинградских детсадов отправлен дальше на восток, но про их детсады нигде ничего не было известно, и им посовето-

вали разузнать в Осташкове. Дальше мы шли вместе. Пролетавший немец даже наши три фигурки среди полей обстрелял, но задерживаться не стал.

Добравшись до Осташкова, мама забрала родных отца, Мандельштамов¹, и меня, и мы двинулись в направлении к Мелекессу. Путь наш лежал до Калинина, далее по Волге с несколькими пересадками, сопряженными каждый раз с большими нервными и физическими затратами, т. к. все вокзалы и пристани осаждались беженцами. Правда, благодаря внушительным маминим бумагам удавалось доставать какие-то билеты, и мы сравнительно скоро прибыли в Мелекесс. 21 вагон с книжным грузом и сотрудниками стояли еще на запасных путях.

Мелекесс тогда насчитывал около 36 тыс. жителей. К населению прибавилось затем 6 тысяч эвакуированных, в том числе — трикотажная фабрика из Витебска и театр оперетты из Житомира.

Об обстоятельствах прибытия эшелона в Мелекесс Ц.А. Озерова вспоминает: «Когда мы обратились в местные городские организации, мы столкнулись с невеселым фактом; здание бывшей политпросветшколы, которое предназначалось для нашего груза, оказалось занятым. Местные организации предложили нам ехать дальше. Мы не примирились с этим положением, связались с Москвой и выделили товарищей, которые должны были заняться подысканием подходящего помещения... В конце концов мы подыскали три помещения: Дом пионеров, Дом учителя и педагогический институт...» Последний, правда, был почти сразу отдан под госпиталь.

В одном из своих писем Т. А. Быкова дает такую характеристику городу: «На сотрудников, не бывавших в русской провинции, он (Мелекесс) производит ошеломляющее впечатление: всего несколько двухэтажных каменных домов: бывшая гимназия, бывшие дома богатых купцов, где внизу — магазин, а наверху — квартира, жилые дома одноэтажные, в подавляющем большинстве — деревянные. Во всем городе одна мошенная улица, остальные — в дождливые дни утопают в черноземной гря-

¹ Мандельштам Исая Венедиктович (1885—1954), переводчик. Мандельштам (урожд. Левина) Мария Абрамовна (конец 1880-х гг.— 1953). Родственники мужа О. Б. Враской.

зи. Тротуары — плохо закрепленные доски, обдающие идущих фонтанами брызг».

Пока утрясался вопрос о размещении фондов, ящики пришлось выгрузить под открытое небо, прикрыть рубероидом и организовать около них круглосуточное дежурство. Когда при некотором давлении Министерства просвещения (тогда еще Наркомпроса) вопрос о зданиях был разрешен, приступили к перевозке ящиков. На одну подводу, запряженную коровами, грузился один-два, или — самое большое — три ящика. Перевозка продолжалась около полутора-двух месяцев, до начала октября. На подводах были перевезены 2 524 ящика. Жители города удивлялись сопровождающим груз: это же не ценности — не мыло и не конфеты.

Начались будни.

В Доме учителя, двухэтажном каменном здании, была выделена большая комната-канцелярия, ставшая организационным центром и основным помещением, где проходила служебная деятельность библиотекарей-мелекесян.

Быт был сложным. Сотрудники стали расселяться у местных жителей, относившихся к приезжим довольно неприветливо. Чаще всего сдавали углы комнат, перегороженных русской печью. Например, В. А. Бриллиант и его жена Ольга Александровна все 4 военных года прожили в таком углу за печкой. Перегородкой, отделявшей угол от проходной части комнаты, служили два халата, связанные за рукава.

Мы с мамой сначала жили тоже в углу за печкой. Кроме нас, в этом же доме снимала угол пара из Киева, врач с женой. Я помню жаркую осень 1941 г., тревожное настроение, особенно обострявшееся при сообщениях с фронтов. Когда был сдан Киев, наш сосед в приступе безумия прыгнул в колодезь, откуда его доставала вызванная бригада. Дальнейшей его судьбы я не знаю. Мы уехали из этого дома.

Благодаря энергии Татьяны Александровны Быковой объединились в одном жилье Анастасия Сергеевна Ляпунова с сыном Андреем, мама со мной и Татьяна Александровна, сняв полдома почти на окраине Мелекесса по адресу: ул. Аблова, дом 6. Эту компанию стали называть «абловская коммуна» или «дворянское гнездо». Снятая часть дома состояла из маленького

коридорчика, куда выходила топка печки, отделявшей темную «хозяйственную» комнату от довольно большой комнаты, где помешались мы с мамой и Татьяна Александровна. Комната эта была в торце коридорчика, а по другую его сторону, против хозяйственного закутка, была маленькая комната, в которой жила Анастасия Сергеевна с Андреем. Хозяева у нас были довольно приветливые старики. Хозяин был матросом с «того самого» броненосца «Потемкин», но вспоминал свое славное прошлое довольно хмуро, хотя я, прочитав «Белеет парус...» Катаева, очень к нему приставала.

На первых порах еще были кое-какие деньги и привезенные продукты, но они быстро таяли. Поначалу была попытка готовить сообща обеды в канцелярии, но практика эта быстро исчерпала себя. Более шести месяцев сотрудникам из ГПБ не поступала зарплата. Ц.А. Озерова поехала в г. Куйбышев, связалась с Гавриловым и был решен вопрос о самостоятельном финансировании Мелекесского отделения Публичной библиотеки. С едой становилось все труднее. Сотрудники получали рабочие карточки II-й категории (равные «иждивенческим»), которые в Мелекессе не отоваривались ничем, кроме хлеба. В архиве ГПБ сохранились ходатайства В.И. Гранского в отделение торговли г. Мелекесса, где он просит отоваривать карточки, пытаясь объяснить местному начальству значение работы и квалификацию сотрудников библиотеки.

Наши комнаты освещались вечером светом одной на все комнаты коптилки, которая висела в коридорчике. Следствия жизнедеятельности в полутьме бывали трагикомические. Так я помню, как Татьяна Александровна, сильно простуженная, попросила маму поставить ей горчичники, утверждая, что у нее в чемодане есть горчица. Мама долго искала и, наконец, радостно достав какой-то пакетик, поставила горчичники. Татьяна Александровна энергично ругала «советскую» горчицу, потом с удовлетворением сообщила, что «она, наконец, жжет» и заснула. Утром выяснилось, что мама поставила горчичники из яблочного киселя. Стирали «шелоком», который получали из золы. И в связи с царившей тьмой мама как-то спутала миску с тряпочкой, в которой был шелок, с миской, в которой отмочали «рубцы» («коровьи желудки»), еда военного времени. Правда,

слава Богу, она пыталась всего лишь стирать водой из-под «рубцов», а не кормить нас шелоком.

Наступали длинные осенние, а потом зимние вечера. На улицах освещения не было, зато черноземная грязь по силе своей липучести была просто фантастична. Я помню, каких трудов стоило преодолеть путь до школы в ботинках с мелкими ленинградскими галошиками. Галоши решительно на каждом шагу влипали в грязь, и надо было ухитриться выколотать их из грязи, пока галоша не заполнилась жижей, и сделать следующий шаг.

Зато, когда выпадал снег, то его белизна как бы дополнительно освещала улицы. Морозы переносились на улице сравнительно легко, даже 30—40 градусные, т. к. влажность была мала. Зато узоры на стеклах были волшебно красивы, а уж звезды над Мелекесом были огромными, сияющими и яркими, так что можно было без труда изучать созвездия. Ольга Сергеевна (сестра Анастасии Сергеевны, приехавшая летом 1942 г. в Мелекес²) нарисовала нам с Андреем карту звездного неба, и мы очень неплохо ее знали, разглядывая ночные светила в мелекесском небе.

Очень серьезной была проблема дров, особенно в первый год, когда город не поставлял заказанные дрова, несмотря на отчаянные хлопоты библиотечной администрации. Правда, довольно скоро выяснилось, что в хранилищах лучше всего иметь постоянную температуру, даже если она ниже нуля. Температура в помещениях зимой доходила от -9° до -20° . Отапливалась канцелярия, куда утром приходила уборщица тетя Фекла и топила печь, так что температура поднималась от $+1^{\circ}$ до сколько-то возможной для человеческой деятельности. Приходили сотрудники, закутанные в фантастические одеяния, платки и валенки. В канцелярии находились рабочие столы, где каждый занимался своей работой. Группа под руководством Елены Христиановны Трей обучалась гигиене и реставрации, столь важному процессу при выяснении состояния книг. На керосинке варился клей. За время нахождения фондов в эвакуации фонды были проверены дважды. Был выработан статус проверки содержимого ящиков, велась картотека на выборочно вывезен-

² Ляпунова Ольга Сергеевна (1905—1966), сестра А. С. Ляпуновой.

ные фонды (русский и иностранный), были установлены круглосуточные дежурства.

При просмотре содержимого ящиков выяснилось, что оно часто не совпадало с описанием в паспорте, это объяснялось спешкой при укладке книг и рукописей. Все это по возможности корректировалось и дополнялось, а затем подтверждалось подписью двух проверявших сотрудников.

Анастасия Сергеевна завершила диссертацию о Балакиреве. Владимир Александрович Бриллиант вел работу по описанию атласов XIX века. Одно время Владимир Александрович еще исполнял должность бухгалтера Мелекесского отделения.

Мы, «библиотечные дети», вертелись тут же, сопереживая делам и разговорам взрослых.

Главным моментом дня было появление хлеба. Сначала раздавался клич: «Хлеб несут!», потом его резали и делили. В печке пекли картофель и сахарную свеклу, когда они были. На стене висела стенгазета, а потом появилась карта, нарисованная В. И. Гранским, по которой сотрудники следили за движением фронтов. Многие работали в госпиталях, помогали привести в порядок городскую библиотеку, где было обработано 30 тысяч книг. На материале ГПБ было организовано две выставки, посвященные первой и второй Отечественной войне.

Кроме основной работы, чтоб подкормиться, мелекесяне старались как-то подработать. По карточкам давали только хлеб, а пуд картошки на рынке стоил 450 рублей — месячная зарплата главного библиотекаря. Продавать на рынке тоже было нечего, т. к. вещей не было не только лишних, но и необходимых. Мама, например, преподавала немецкий язык в татарской школе, ходила окучивать и копать картошку за натуральную картофельную мзду. Помню, как-то, возвращаясь после такой работы домой, мы были застигнуты здоровенной грозой в степи, и мама, чтоб отвлечь мое внимание, рассказывала мне «Баскервильскую собаку». Запомнила я ее прекрасно.

Лето 1942 г. было очень напряженным. Я принялась энергично болеть подряд: дизентерия, корь, скарлатина, абсцесс в горле... Так как я каждый раз собиралась покинуть этот мир, то мама сидела около меня почти все лето.

А между тем, сотрудники отправились на дровяные заготов-

ки. Лес, отведенный для этой цели, находился в 20–30 км от города, поэтому библиотекари жили в лесу в разрушенной бане. Дежурный стряпал на костре. Мелекесяне валили деревья, пилили их и подтаскивали из девятикилометровой глубины леса к дороге. Довольно драматичным был эпизод сотрудничества с московским автомобильным институтом, администрация которого пообещала вывезти дрова за частичное участие в доле. Это была вторая очередь работ, уже не летом, а в сентябре. Было заготовлено 400 кубометров дров, из которых НАТИ увез себе триста, оставив библиотеке сто.

Разгоралась сталинградская битва, и возник сюжет с возможной эвакуацией фондов дальше. «Когда разворачивались события под Сталинградом,— пишет Ц.А. Озерова,— мы получили задание из Министерства о срочном составлении (в течение 2-х дней) списков на наиболее ценные фонды, объемом в 2 вагона, для их дальнейшей эвакуации». В этой работе очень помогла, благодаря знанию иностранных фондов, Л.И. Олавская³, вызванная в Мелекесс, откуда она вернулась в Ленинград. Что касается дальнейшей эвакуации фондов, то она не состоялась, т. к. сталинградская эпопея благополучно завершилась нашей победой.

Этим же летом прибыла в Мелекесс вторая группа сотрудников из Ленинграда. Они все были очень слабы. М.А. и Е.А. Садовы потеряли в дороге нежнолюбимую мать, в дороге же умерла мать Анастасии Сергеевны Ляпуновой⁴, а тотчас по приезде ее сестра⁵, доставленная с вокзала в больницу умерла Е. Ф. Проскуракова, тетушка Татьяны Александровны.

С вновь прибывшими я познакомилась, выйдя из больницы. Особенно тепло мне вспоминается общение с М.А. и Е.А. Садовыми. На фоне мрачной общей атмосферы меня поражал тихий свет доброжелательности и даже интереса, который они проявили ко мне. Их маленькая комната была украшена живописными работами Елизаветы Александровны, и она рисовала даже в те дни. Это очень мне нравилось своей нетривиальностью. Мария Александровна рассказывала о труде библиотекаря, стара-

³ Олавская Лидия Иосифовна (1889—1975), историк-медиевист, библиограф. Сotr. ГПБ (1917—1935, 1945—1950).

⁴ Ляпунова Евгения Платоновна (—1942), жена С.М. Ляпунова.

⁵ Ляпунова Ксения Сергеевна (конец 1890-х гг.— 1942), сестра А.С. Ляпуновой.

ясь объяснить мне, чем он прекрасен и значителен. Не без юмора впоследствии вспоминала она в своих «Записках» мамыны порывы меня воспитать и образовать на фоне суровой мелекесской действительности. Мама, уходя на работу, давала мне массу поручений, исходя из лучших педагогических побуждений: выучить спряжения немецких глаголов, отнести в починку сапоги, вымыть пол, выучить название племен, населявших территорию нынешней России... Особой заботой было приучение меня к рукоделию — вышиванию платочков, воротничков и салфеток. Мария Александровна вспоминает такой диалог:

– Муся! Ты выучила немецкие слова?

– Да.

– Скажи, как по-немецки глагол «идти». Подуй в таганок! Видишь шепки гаснут, а я шью. Ну, что же ты не отвечаешь?

– Я дую...

Что касается воротничков и салфеток, я дарила их сестрам Садовым и чете Бриллиантов, хотя изделия были далеки от совершенства.

Зиму 1942/1943 года я пролежала в постели, заболев эксудативным плевритом. У меня было неограниченное время для чтения. Если мне доставалась книга без конца или без начала, то окружающие с большой охотой мне их пересказывали. Когда мерк дневной свет, я смотрела на сверкающие морозными цветами стекла окон. Помню мамин голос, читавший поразительные державинские строки:

*«На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем...»*

Или мамино лицо, освещенное огнем печки, когда она читала гумилевских «Капитанов», а я замирала от романтического восхищения. Как-то мама, придя поздно и несколько испуганная,

сообщила, что встретила по дороге у стадиона волка. Лечила меня жена Федора Яковлевича Попова — Анна Захаровна, человек удивительной доброты. Чтоб меня подкормить, мама продала последнюю нашу ценность, мой золотой крестильный крестик, за большую розовую курицу. Курица была волшебного вкуса. Программу 3-го класса я преодолела без всякого напряжения дома, за что и отчиталась пришедшей ко мне учительнице.

Ольга Сергеевна, тетя Андрея Ляпунова, вечерами рассказывала нам всякие, частично импровизированные истории и даже оперы, с исполнением некоторых музыкальных тем и арий. Так я узнала «Царскую невесту» и «Севильского цирюльника».

Летом 1943 года появилась возможность разрешить проблему питания благодаря огороду. Огород находился в 3 км от города в сторону р. Черемшан. Сажали картошку, морковь, тыквы, капусту. Чтоб охранить урожай организовали круглосуточную охрану. Ночевали в шалаше по двое. Т.А. Быкова писала: «В дежурствах бывала и поэтическая сторона: бездонное звездное небо, на рассвете большое поле с золотыми цветами тыкв, окруженное каймой дикого голубого цикория, очень красиво».

А вот, что вспоминала мама: «Вспоминается трагикомическая история с просом: летом 1943 года было решено, что, кроме овощей, которые составляли все годы, кроме первого, нашу основную пищу, мы общими усилиями достанем для посева просо. Наш начальник эшелона — Гранский раздобыл его, мы его проверили на всхожесть, посеяв горсточку в старом ящике от каталога. Когда появились зеленые ростки, мы торжествовали и старались выяснить в сельскохозяйственной литературе, как и когда сеять просо: в мокрой земле или в подсохшей и т. д. Демобилизованный Фадеев (из-под Чудова), нанятый для переноса и вскрытия наших ящиков, взялся его посеять. Через некоторое время наше поле зазеленело, но, по мнению Фадеева, просо было плохое — много сорняка. Потом было решено его полоть, и мы все этим занялись, но Фадеев опять ужаснулся: мы много проса при этом вытоптали. Через некоторое время, когда какое-то количество просяных метелочек поднялось, А.С. Ляпунова была отправлена срезать их ножницами, В конце концов, поняли, что это большое поле травы и сколько-то (очень мало) проса, а сено было в большой цене, и мы решили

продать его на сено. Вл. Ал. Бриллиант, наш многолетний председатель кассы взаимопомощи, радовался, что это будет фондом кассы Мелекесского отд. библиотеки. После великих трудов сено было убрано в стог, и в субботу (базарный день) Т. А. Быкова была командирована на базар продать его. Она торжествующая пришла в канцелярию, сообщив, что договорилась с хорошим покупателем, с которым на следующее утро условилась о свидании уже на поле. Утро было туманное, и на переходе через насыпь железной дороги, за которой было наше поле, еще ничего не было видно. Придя к самому полю, она обнаружила, что сена больше нет, виднелись только свежие колеи!!

Первый овощной урожай был большой радостью и облегчением в жизни мелекесян. В книге дежурств не без юмора отмечается: «Якобсон принес три тыквы...» и «Якобсон унес три тыквы...» Мария Александровна вспоминает: «Осенью, перед окончанием огородной страды, когда уже горы розовой, белой и желтой картошки высились среди помятой ботвы, мы полдничали овощами»

Ничего вкуснее этих овощей, сменивших унылую лебеду, я ни до, ни после не ела. Мы с мамой даже засолили какое-то количество капусты. Варила я овощи в чугунке, т. к. к лету 1944 года научилась довольно лихо топить русскую печь и управляться с ухватами. Жили мы тогда уже по другому абловскому адресу, сначала совместно с Татьяной Александровной и ее приехавшей сестрой Еленой Александровной, а потом с Саломеей Абрамовной Неймотиной, или просто Симашей. Мы были с ней в большой дружбе, и по причине ее молодости я быстро нашла с ней общий язык. Мы много смеялись и дурачились.

К этому времени мелекесяне изрядно пообносились и являли собой живописное зрелище. Это послужило причиной нескольких курьезных инцидентов как-то милиционер задержал Владимира Александровича Бриллианта, несшего свой «академический паек». В другой раз в районе Черемшана охраной железнодорожного поста был задержан Яков Хаимович Якобсон, шедший встречать свою племянницу, собиравшую хворост. Недоразумение выяснилось, но, думаю, в тот момент это было не смешно. В теплый летний день в Доме учителя появилась Берта Семеновна Якаб с маленькой дочерью. Стояла жара,

а она была в рваном пальто и в валенках без подметок. Раздеться она не смогла, т. к. кроме этой одежды на ней ничего не было. Б.С. Якаб была венгерской коммунисткой, бежавшей в Союз от фашистов. В ГПБ она работала библиографом иностранной литературы. Мелекесеяне отнеслись к ней очень тепло и помогли как-то прийти в себя.

С весны до осени топливом был хворост, собиравшийся по лесам, окружавшим Мелекесс. Город с юго-восточной стороны опоясывал красивый Черемшан, берега которого заросли черемухой, дубняком, орешником, шиповником. Через шаткие мосточки без перил трудно было перебираться, особенно на обратном пути с хворостяной вязанкой на плечах. Но запыленные и ободранные мелекесеяне, как правило, не возвращались из лесу без букета цветов. Купание в Черемшане тоже было большим удовольствием. Весной же он бурно разливался, подступая к самому городу. На севере города была гряда холмов, покрытая сосновым лесом, в котором уже в конце апреля было много прелестных весенних крокусов. Особенно их любила Татьяна Александровна, про которую говорили, что она «высиживает» крокусы, синее чудо с золотой серединкой и в трогательной пушистой шубке. Собранный ею первый букет украшал первомайский стол в канцелярии.

Татьяна Александровна обладала непостижимой виртуозной способностью за час обеденного перерыва написать 10 открыток и два-три небольших письма во все концы Союза. Письма она писала и на завалинке при свете луны, и на лесозаготовках под дождем, накрывшись плащом с головой. Именно поэтому ее с благодарностью вспоминают как источник драгоценной информации для всех. Это было особенно важно для мелекесян, тосковавших по родным, по далекому милому городу, по библиотеке. Из Ленинграда вести приходили редко и нерегулярно.

Зимой 1944 года библиотека отмечала свое 130-летие. Мелекесский филиал тоже торжественно готовился к этому событию. Был выпущен номер стенгазеты «Сокровишница мировой культуры». В помещении горисполкома состоялось официальное заседание, где доклад сделала М.А. Садова. После заседания было чаепитие, для которого горисполком отпустил без карточек пряники. В.И. Гранский потихоньку и деликатно про-

сит сотрудников не брать с собой «ни плошек, ни кастрюль», но соблазн был все же велик, и многие потихоньку прятали в сумочки бутерброды с сыром с нарядного стола. Официанткам столовой вечер очень понравился: они сказали, что никогда не видели такого веселья при таком малом количестве выпитого вина.

С февраля 1944 года стали приходиться первые запросы из Ленинграда. Искать книги и рукописи было трудно, т. к. не было конкретных указаний, в каком ящике материал. Содержание же первоначальных списков и ящиков, как уже было сказано, мало совпадало. Тем не менее из 101 запроса, присланного из ГПБ, 86 были удовлетворены. Материалы отправлялись спецсвязью НКВД (51 книга и 35 рукописей).

Для мелекесян источником большой тревоги были пожары. Город был, как уже сказано, в основном деревянным. Пожары были грозным и великолепным зрелищем, огонь поглощал со страшной быстротой целые улицы. За время пребывания библиотеки в Мелекессе было четыре больших пожара, дважды горели ближайшие здания: аптека и телефонная станция. И в тушении этих пожаров принимали участие сотрудники, заморившие от страха за драгоценные фонды.

С ранней весны 1945 года начались хлопоты, связанные с возможностью возвращения. Еще 22 февраля 1944 года А.Х. Вольпер отправил в Ленинград письмо о реэвакуации, список с адресами сотрудников и сведениями об их жилплощади в надежде, что жилплощадь будет сохранена. В начале апреля 1945 г. Ц.А. Озерова поехала в командировку в Ленинград, а затем в Москву по вопросам реэвакуации фондов. Руководство ГПБ считало, что вывозить фонды еще рано. Состоялась коллегия Комитета, выслушавшая доводы Ц.А. Озеровой. Коллегия вынесла решение о реэвакуации фондов.

Как только Цецилия Абрамовна вернулась в Мелекесс, начались напряженные, но радостные хлопоты, связанные с возвращением. Ящики особо тщательно маркировались и заколачивались. Фонды находились на вторых этажах зданий. При отсутствии рабочей силы переносить их по лестницам было долго и трудно. Поэтому был изготовлен спуск в виде наклонной плоскости. По ней на кольце из толстой веревки спускались

ящики прямо в машину. В помощь дали красноармейцев и военные машины.

Вот отправляется первая машина. «Стой! — кричит сержант — Нет директора!» Велико же было его изумление, что директор — это худенькая женщина в черном платье, севшая рядом с шофером. К 19 августа все ящики были на вокзале. Дежурили в пакгаузе в три смены: с 8 вечера до 8 утра, с 8 утра до 2-х часов дня и с 2-х часов дня до 8 вечера. Как-то ночью загорелся соседний пакгауз с паклей, но, слава Богу, обошлось. Груз стоял на Мелекесской товарной. Не было нужных вагонов, а кроме того, вызовов из Ленинграда для сотрудников. Наконец, во второй половине сентября вызовы пришли, и можно было грузить ящики в вагоны.

— «Вот это правильный сундучок», — удовлетворенно кричал грузчик, переноса ящик в вагон.

Первая партия груза выехала из Мелекесса 22 сентября в шести вагонах. Ответственной была Анастасия Сергеевна Ляпунова. В Ленинград груз прибыл 6 октября. Вторая партия выехала 29 сентября и прибыла в Ленинград 11 октября.

Не знаю, как ехала первая партия, а мы ехали не без приключений. Так как вагоны стояли обычно далеко от станции, а эшелон трогался без особого предупреждения, то несколько раз кто-то отставал. Один раз, я помню, В.И. Гранский и еще несколько человек в Рязани пошли за хлебом для всех и отстали. Как-то им удалось нас догнать и, зацепившись на ходу, перекидывая мешки с хлебом, прыгнуть в вагон. Другой раз — племянница Я.Х. Якобсона⁶ отстала, вскочила на тормозную площадку и ехала очень большой перегон. Чтоб подбодрить себя, она пела, а когда ее втащили в вагон, то отогревали всеми возможными способами.

И вот Ленинград!

Облик любимого города нас потряс: так разительны были стены обрушившихся домов, пустые места там, где раньше стояли привычные здания, заколоченные фанерой окна. И все-таки это был лучший город на свете! И лучшая библиотека на свете стояла на углу Невского и Садовой, и ей были возвращены все ее драгоценности.

⁶ Якобсон Мара — племянница Я. Х. Якобсона.

М. Садова

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
имени М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
1941-1945**

**Ч. II БИБЛИОТЕКА – В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ
(МЕЛЕКЕССКИЙ ФИЛИАЛ)
1942-1945**

*Матери моей,
прах которой остался в земле Мелекесса,
с любовью посвящаю я свои воспоминания*

ВСТУПЛЕНИЕ

Судьба привела меня быть свидетелем двух эпопей: страшного года в стенах осажденного Ленинграда и трех лет жизни в глубоком тылу на берегах неведомого Черемшана.

В Мелекессе я читала доклад о Библиотеке в осажденном городе, попытаюсь сказать теперь свое слово о жизни Библиотеки в тылу.

Поток книг сопровождал события первой Отечественной войны 1812 года и ее завершение. Вывезенный в тыл русский фонд отразил эту книжную лавину. Патриотическое стихотворение и песни, отрицательные характеристики Наполеона, естественные для русских современников, афиши Ростопчина, сочинения Дениса Давыдова... Это уже история, одна из героических эпох русской истории, но это уже ушло в страну воспоминаний и мерцает вдали сияньем любимой, родной, но далекой старины. Это прошлое незабываемо, свято, дорого, но от воспоминаний о нем уже не так больно.

Ныне пробушевала и отгремела небывалая гроза Второй Отечественной войны. Тучи ушли, очистился небосклон, засияла лазурь, но еще и трудно и больно. В смертных боях роди-

лось будущее нашей великой страны. Она снова одолела врага, и мирные песни вновь пролились над воскресшими ее полями.

Со всех сторон освещается лицо отстрадавшей родины: пером писателей, красками художников, резцом скульпторов, воспето в музыкальных произведениях. В общий пламенный хор пусть вольется и мой слабый голос, отразив одну из бесчисленных граней жизни нашей родины в беспримерно тяжелые годы Второй Отечественной войны, жизнь коллектива эвакуированного учреждения.

Вскоре после начала военных действий в Мелекесс был эвакуирован груз с библиотечными ценностями в сопровождении 15-ти научных сотрудников. Эта группа отбыла из Ленинграда по приказу администрации. Некоторые из них не хотели уезжать но, конечно, безоговорочно подчинились.

Война еще только разгоралась, еще неясно было сплетение созвездий, скорый или замедленный ход событий они предвещают. Никто еще не мог предвидеть, когда потухнет зарево невиданного доселе пожара. Спешили, путались в мыслях, делали ошибки, покидали свои гнезда с уверенностью в скором возвращении. Настолько не оформилась еще надвигающаяся туча, и незнаем был ужас, который она несла, что некоторые уезжали налегке, как в недолгую, хотя и небывалую экспедицию.

Но едва лишь поезд умчал библиотечные ценности и сопровождавших их библиотекарей, как закружился отчаянный смерч. Смешались земля и небо, и всё было заглушено ревом разбушевавшейся бури. Вокруг города сплошным кольцом залегли враги. О скором возвращении не могло быть и речи. Пришлось перезимовать не один год в тылу.

Библиотекари, из которых в будущем образовался второй эшелон в Мелекесс, вместе со всеми оставшимися гражданами переносили неописуемые ужасы блокады, жили под обстрелами, готовы были многое отдать за тарелку каши или ломтик черного хлеба, жгли старинную мебель, чтобы согреть очечневшее тело и отдавали близких неумолимо стоявший почти на каждом пороге смерти.

Примерно через год, ввиду катастрофической гибели от дистрофии многих библиотекарей в Мелекесс был послан вто-

рой эшелон сотрудников (7 человек), одиноких и с семьями, в числе которых оказался и автор с матерью и сестрой.

Неожиданно я была вызвана в кабинет заведывающего отделом фондов и обслуживания Н.П. Басова. Разговор был короткий и твердый. Разговор военного времени.

- «Вы должны уехать в Мелекесс, иначе вы умрете в Ленинграде».

- «Я не поеду».

- «Почему?»

- «Я не оставлю старую мать и сестру».

- «Они, конечно, поедут вместе с вами!»

- «Как же мы будем там существовать, бросив квартиру и все имущество?»

- «Возьмите с собой просто в мешках все свое старье, ненужные или мало значимые для вас вещи. Продажа их на базаре поможет вам пережить войну в Мелекессе».

Предложение начальства было обсуждено на семейном совете и принято. Выхода не было. На троих была одна рабочая и две иждивенческие продуктовые карточки, т.к. сестра принуждена была бросить свою службу и сосредоточить все свои небольшие силы на состояние здоровья нашей слабой матери и на «ведение домашнего хозяйства», как бы ничтожно оно не было. Хотя «ведение домашнего хозяйства» и звучало как - будто насмешкой, но было особенно важно в тогдашней обстановке. Голод стоял на пороге и угрожал нам.¹

Набив мешки и чемоданы старыми и новыми вещами для себя и для продажи, как нам было сказано, заперев квартиру, где в продолжение 40 лет протекала жизнь большой дружной семьи, и сдав ключи мало знакомой женщине – управдому с присоединением дара – красивого старинного полотенца вместе с наивными обещаниями «отблагодарить по возвращении» - мы покинули Ленинград. Ворота города тяжело закрылись за нами.

После долгих мучительных переживаний во время пути, с припуленным от длительного голода сознанием действительности,

¹ Правда, мать и сестра самое последнее время жили в убежище для больных и старых ленинградцев под Смольным, а тем самым на мою долю приходилось гораздо больше продуктов, но этого уже было мало.

мы вступили, наконец, как и очень многие наши соотечественники, в новую сложную жизнь эвакуированных ленинградцев.²

Одно обстоятельство поддерживало нас: за нами стояла Библиотека. И это было уже очень много.

Сначала дождь и ветер военной бури гнались за нами, но постепенно редел мрак, и, наконец, мы очутились в полосе тишины и покоя.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА НА БЕРЕГУ ЧЕРЕМШАНА

*Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.*

*Люблю игру денницы,
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей*

А.А. Фет

Все четыре времени года трижды прошли перед моими глазами, и я с нескрываемым восхищением наблюдала их приход и уход на убранстве берез, выросших перед соседними домами. Их тоже было четыре. Три дерева росли из одного корня, и листва их прихотливо спелась в одну кудрявую шапку над стволами идеальной чистоты и белизны. Четвертая, молоденькая, стояла поодаль и одиноко встречала улыбки солнца и завывание вьюги.

Под солнечными ласками начинают набухать почки. Изю дня в день они увеличиваются в объеме. И вдруг – о чудо! Бледнозеленые нежные листочки чуть-чуть выбиваются, словно из скорлупок, завтра – крупнее, чем накануне, и вот уже кружевной

² «Состояние большинства приехавших неважное после года блокады, голода и утомительного пути... Выглядят все ужасно: худые, отеки, с особой жадностью глядят на все виды пиши... Видно, немало пройдет времени, прежде чем они приобретут вновь человеческий облик». (Из рукописных «Записок» В. И. Гранского «Четыре года в Мелекесе» от 24 августа 1942 г.)

легкий зеленый наряд готов. Каждый листок - маленький шедевр свежести, чистоты и красоты рисунка.

Пахучие ветки колышутся словно светлозеленая кисея, и воробы веселыми стайками вспархивают в узорчатую беседку. Налетает ветер, и мягкий шелест молодой листвы провожает тебя.

И каждый год с одинаковым умилением и восторгом созерцаешь неизменно повторяющееся чудо возрождения.

Летом – жаркое ласкание солнцем покорных ветвей и мелькание безоблачного голубого неба сквозь застывшую в неге зелень.

Осенью изо дня в день меняется зеленый наряд. Всё чаще и чаще от дуновения холодного ветра желтеет лист. Зеленый цвет перемешивается с золотым. Золотом постепенно окрашиваются все листья – и вот на синем фоне неба горит и светится червонный костер.

Дни идут. Один за другим опадают листья и желтым шуршащим ковром устилают землю. Осенний дождь безжалостно хлещет и бьет красавицу и превращает золото у подножия в коричневое месиво. Она умирает от стыда и холода, пока первый иней не опушит ее оголенных ветвей, и она не престанет в сказочной красоте белоснежного зимнего убранства.

О МЕЛЕКЕССКИХ ХОЗЯЙКАХ

Наша хозяйка была одна из лучших, но и она усиленно выдаивала получаемую мною тысячу. О повышении впоследствии ставки до тысячи пятисот я не смела и заикаться, наделав достаточно глупостей, чистосердечно упомянув как-то в разговоре о тысяче.

- «Одни тысячи получают, а я, бедная, старуха, 70 рублей пенсии. Надо же понимать! Вот вы радиво любите слушать, что бы вам за него свою часть вносить, мне подсобить!»

- «Да разве вам жалко, что мы из соседей комнаты ваше радио послушаем?»

- «Ничего не жалко!» с азартом кричала она. – «Слушайте, пожалуйста! А вот другие так и налоги помогают платить».

- «Значит, вам на бедность надо давать, а не по закону и не

по уговору, который превышает все полагающиеся платы», вразумляла я, «обиженную» правительством гражданку, имеющую дочь – учительницу, справный дом, огород и прочее.

- «Вы сами не можете двор чистить, так наймите Петю!» (сына, хворого молодого человека, конфузливо отводящего глаза).

- «Чистка двора нас, как жильцов частного дома, не кажется. Кроме того, плата наша за квартиру настолько завышена, что вы просили вслух о ней и не упоминать, «забывать» при посторонних, сколько мы платим. Пете, конечно, обидно убирать за нами. Так вы и можете из нашей квартирной платы какую-нибудь долю ему уделывать».

Тут начались такие громовые раскаты ввиду посягательства на чужую собственность, что я, выйдя к себе, попросила сестру на сегодняшний день ничем уже не раздражать Frau, иначе произойдет извержение домашнего Везувия.

- «Ты сегодня ей говорила по поводу топки?»

- «Да».

- «Так я сегодня уже не буду поднимать вопроса о нераспиленных ею по уговору дровах, чтобы не попасть под обстрел пулемета».

.....

«А кто у вас там за занавеской живет?» - спрашивала пришедшая любознательная кума.

- «А так, старушки какие-то», презрительно махала рукой мелекесская матрона. За что давали тысячу (а потом, по секрету, тысячу пятьсот!) «старушка» за занавеской, а не ей, самоуверенно подающей советы на все случаи жизни, хозяйке было невдомек».

Вначале мы очень пугались ее крика и даже терялись.

- «Я вам говорю, уезжайте, ищите себе квартиру подешевле, а я не буду держать вас за старую плату!» – как-то совершенно неожиданно зазвенел в ушах ее голос.

Подавленные, мы сначала пошептались у себя за занавеской, а потом вышли к ней с принятой резолюцией: обоим сторонам было неплохо от совместного житья. Платили мы и так достаточно, привыкли к своим хозяевам, но и для них мы были подходящими, удобными жильцами, честными и аккуратными плательщиками.

- «Мы ничего прибавлять не будем», храбро сказала сестра,
- «и никуда от вас не уедем».

Привычка – вторая натура, могло быть и хуже, т.к. мы здесь не страдали от клопов, тараканов, мух и подобной твари и жили, в конце концов, у честных, хотя и расчётливых на деньги людей. Таковы были наши соображения.

Гроза пронеслась, и всё осталось по-прежнему.

Но зато ей всегда можно было рассказать политическую новость, передать сведения о Ленинграде, о служебных делах, семейные истории. Она всё это очень любила, ценила обращение к ней, пододвигала тебе стул и жадно впитывала твои рассказы, как иссушенная земля вбирает воду. Кроме того, она была отходчива и некоторое время спустя смягченно говорила:

- «Мало ли чего с досады или в нервах наговоришь!»

Рано утром, задолго до бодрящих звуков радио, мы просыпались от возни, стука, шума и гама в кухне. Frau с ожесточением, словно торопясь на пожар, колола дрова на полу. Они с грохотом рассыпались, козлята блеяли, хозяйка гонялась за ними, чтобы запрятать их в подполье или выгнать на улицу (смотря по погоде). Боевая старуха торопила внука вставать и собираться в школу.

Беленький мальчуган Юрочка, живший в атмосфере хозяйственного беспорядка, вечно куда-то запрятанных (очевидно, домовыми!) продуктовых и промтоварных карточек, чулок, варежек, носков и т.п., сам жил в невероятном хаосе. С утра текли слезы из его светлосерых глаз.

- «Где моя варежка? Кто взял мою ручку? Ай! Где же задачник? Верно, кока унесла!»

На него кричали, его торопили отец, мать, бабушка, а иногда и тетка.

Он рыдал, волновался, а ему грозили ремнем (на словах, конечно) за беспорядок, не сознавая того, что он окружен непорядливостью с младенческих лет, и вся вина падает на старших. Вмешивались мы, испуганно вспархивали из-под ног глупые курицы и металась по избе.

- «Ишь, собаки окаянные, сволочи!» разносились отборные ругательства.

И совсем не была она злою женщиной, и кричала она не со зла, а по привычке, для скорейшего упорядочения жизни.

Наконец, все находится. Мальчик, как ураган, выбегает из дому, боясь опоздать. Козлята мирно жуют в подполье подвешенное на веревочке сенцо, и их белые глупые рожицы выражают довольство. Подметается пол, и набирается мусору большая куча.

Страшные, но безвредные ругательства, выпущенные для устроения жизни, затихают по углам, и Frau, переделавшая столько дел и уставшая уже от совершенных подвигов, садится пить чай, с упоением потягивая его с блюдечка. Жизнь есть битва!

Бывали и хорошие дни, когда хозяйка видимо, благоволила к нам, угощала какой-нибудь снедью, давала советы или спрашивала наше мнение, приглашала к столу, когда бывали гости, вероятно, «для приятного и умного разговору». Постепенно она, видимо, разобралась в своих временных постоялицах.

Трем вещам она не верила: тому, что мы не любим и не пьем водки, что мы действительно потеряли все имущество в Ленинграде, кроме громоздких вещей (в этом случае мы должны были «голосить», вероятно, по ее мнению), и в-третьих, мои пасьянсы по вечерам она неизменно принимала за гадание.

Удивительно, что при ней, под ее зорким, следящим глазом, мы несомненно «глупели», если можно так выразиться, и чувствовали себя стесненно, но как только мы видели, что ее высокая фигура спускается с крыльца, направляясь с мешочком на базар или к подруге – соседке посудачить, у нас словно развязывались крылья, мы порхали по кухне, как вольные птицы, совершали какие только хотели дозволенные и недозволенные дела и дышали весело и свободно. Ее присутствие нас как-то угнетало.

Видя, что мы пугаемся ее крика и обижаемся на него, она говорила в добрую минутку: «У меня уж такой нрав, и голос громкий. Я по совести, без сердца говорю, не сердчайтесь, не обижайтесь». И что признание, конечно, примирило с нею.

Удивительно также, что мальчик в этой атмосфере сам не грубел, и на ругательства не обижался.

- «Дрянь, сволочь, собака, стерва!»

К чистой детской душе эти слова не прилипали комьями грязи. Они уносились, как дым.

Он знал, что все домашние его очень любили, волновались и жалели, когда он заболел, а если рассерженный отец действительно хватался в коротком гневе за ремень, в широких объятиях бабушки он переживал грозу. Она его не давала в обиду.³

Приехали люди издалека, из царства голода и смерти, потеряв многое или всё, но их мешки и чемоданы у местного населения будили алчность, не всегда и не у всех, конечно, но у некоторых, несомненно. Ты, конечно, тоже страдал из-за того, что в государстве появился фронт, но он не пережил ужасов прифронтной или, вернее, фронтной полосы.

Архитектура домишек была такова, что часто лишала жильцов дверей. Вместо них болтались занавески. За эти занавески просовывались любопытные (простите! любознательные) головы хозяйки или ребятишек, когда ты стремился к уединению.

Твои глаза слипались от усталости, но звучный и назойливый голос гармоники, разливавшийся в кухне, или веселая песня, затянута не вовремя, будоражила тебе нервы, и вспугнутый сон возвращался в царство сновидений, не усыпив ленинградца на нужной стороне.

Мнения хозяев и жильцов на проветривание и топку сильно расходились. Надо было топить как можно жарче, беря пример с летнего солнца, чтобы можно было разгуливать в комнате в легких платьях и быстро согреться после ледяной февральской стужи, а выпускать тепло в форточку казалось пустой затеей зеленого ума сравнительно со зрелым суждением маститой хозяйки. Да и форточек, собственно говоря, не полагалось в «нормальном» мелекесском жилище.

И приходилось смиряться и жить чужим умом, а свои медицинские соображения прятать поглубже в мешок с ненужными сувенирами. Их скопилось порядочно за три года жизни далеко от культурного центра.

³ Он вырос в хорошего, дельного юношу, как мы узнали впоследствии. Детский портрет его хранится у нас.

ЗИМА

Зима в моем представлении характеризуется в Мелекесе красками ослепительно светлых и красивых нежных цветных тонов. Горы и пространства белого снега, домики, потонувшие в сугробах, деревья и заборы, опушенные инеем. Малоезженные и малохоженные дороги сверкают яркой белизной. Крыши, тепло укутанные белоснежной периной, безмятежно сливаются с белизной зимнего неба. Стоишь под белым куполом в белоснежном шатре.

Иногда над тобой опрокидывается прозрачная нежноголубая фарфоровая чаша. Иной раз по сугробам и крышам ложатся бледнорозовые полосы зимнего солнца, и от этих бликов сердце становится теплее, и что-то тает в нем.

Иногда ярко алеет полоса заката в безбрежном и безкрайнем белом царстве, как алая лента, вплетенная в длинные косы красивой Снегурочки...

Вот на двор, засыпанный и заваленный снегом, в сумерки вышла белая коза, остановилась и слилась в одно с окружающей ее белизною. Только длинные рога смутно сереют, да четко выделяются на белом фоне ее глаза с расширенными темными зрачками.

Березы, осыпанные инеем, все в кружевах тончайшего бесподобного рисунка, венчают своей нежной и хрупкой красотой спящую до весны под пуховым одеялом землю.

На рассвете выходишь на двор. В морозном воздухе, на фоне заалевшего на востоке неба, дымятся трубы, словно курятся громадные камины. И такая несказанная тишина тебя объемлет, и такая волшебная красота представляется твоим опечаленным тревогами жизни глазам, что ты, прислонившись к калитке, застываешь в немом очаровании.

А вечером, хотя действие происходит в пределах того же двора, уже голубые и синие полотенца затягивают небесное пространство, и мириады ослепительных звезд сверкают в его глубине...

Но тебя всегда ждут неотложные дела: починка, письма, колка лучины, необходимое приложение к сырым дровам... и видения гаснут.

Вбираешь в себя несколько глотков чистого морозного воздуха, словно выпиваешь бокал шампанского, иходишь в жарко натопленный дом.

О ДРОВАХ

Вы знаете, что дрова имеют свой аромат? Не смейтесь. Разные сорта пахнут по-разному. Особенно хорош запах расколотой осины и сосны. Осина пахнет не то яблоками, не то какими-то душистыми цветами, а от сосны тянет смолистым лесным ароматом. Когда колешь осину, а в доме есть коза, она обязательно будет бродить вокруг тебя, привлеченная ароматом дерева.

В Ленинграде все дрова кажутся серыми. Там и небо, и дома, и снег, и воды Невы часто выглядят серыми. Пускай не обижается на меня несравненный город! Ведь это так. И дрова, истасканные, иногo раз переваленные в пыли и в грязи, теряют свой облик лесных красавцев.

А здесь мы хорошо научились разбираться в сортах деревьев. Обработывая их постоянно для нужд своего маленького хозяйства, мы знали, что белая сухая береза раскалывается как сахар, а кора ее спасительна для разжигания печи. Если у вас будет сухая березовая кора, вы никогда не будете плакать, сидя на корточках перед капризной голландкой, под суровым взглядом мелекесской матроны.

Сухая сосна, охваченная огнем, весело потрескивает и дает яркое пламя, так как насыщена смолой.

Но если осина пропитана ароматной эссенцией и легка для обработки, то в отношении тепла это – последнее дерево. Как отопительный материал, она недостаточна для студеных мелекесских зим.

Ольховьи, по-здешнему елховые, дрова красновато-розового цвета тоже раскалываются как леденец. Ствол липы всегда усажен тонкими длинными веточками, словно развязавшимися тесемками, а дуб и вяз тяжелы для пилки и для колки, недаром же говорят – «дубовая голова», а слово «вяз», наверно, происходит от глагола «вязнуть».

Запомните эти существенные данные, полученные нами во время эвакуации Библиотеки в глубокий тыл.

До увеличения заработной платы, тяжело переживая дороговизну дров и отсутствие достаточных средств на них, мы очень дорожили каждой веткой, сучком, кусочком сухой коры,

чуркой, найденными в пыли мелекесских улиц или вдоль линии железной дороги. Мы постоянно ходили с мешками и подбирали шепки, брошенные ребятишками или нерадивыми хозяевами. Пареньки подсмеивались над нами, не понимая, конечно, нашего незавидного положения, а мы, преодолевая некоторое стеснение, нагибались над всякой деревянной мелочью. Для того, чтобы подогреть пищу на таганке, надо было собрать не так уж много.

Кто был помоложе и посильнее (или похрабрее), через день, через два ходили за Черемшан, с трудом удерживая равновесие на шатком, узеньком мостике, возникающем на летнее время, местами лишенном даже малоустойчивых перил. Возвращались с «того» берега с богатой добычей за спиной, ничем не отличаясь по своему запыленному и ободранному виду от местных бедняков.

Помню, как однажды, набравшись храбрости, я тоже вступила на мостики и, расставив для устойчивости ноги, двинулась на противоположный берег. Пока с одной стороны тянулись перила, я держала равновесие, но вдруг они прервались – и я замерла от страха. Кругом глубокая, темная вода, шаткие круглые бревнышки ускользают из-под ног, голова кружится. Я испустила пронзительный крик, опустилась на колени и с позором поползла на четвереньках обратно.

Легче сотню раз наклониться за мелкими шепками, идя вдоль линии железной дороги или по тропиночкам, ведущим к реке! Экзамен на взятие Черемшана я не выдержала.

Зато недалекие походы в ближайшую рошу в летнее послеобеденное время (в нашем интеллигентском понимании времени) были очень привлекательны. Еще солнце стояло высоко в небе, ноги бодро несли тебя по направлению к зеленой роше. Сначала мимо бежали дома, и мелькали люди, потом по обе стороны дороги расстилались только поля. Вот и роша. В первые походы особенно бывал богат «урожай» сухих привлекательных шепок, покамест количество их не иссякло.

В хозяйственном увлечении сначала ты даже не замечал, как солнце постепенно начинало клониться к закату, и легкие вечерние тени опускались на зеленые лужайки.

Потом вдруг ты начинал чувствовать свое полное одиноче-

ство, и надвигающиеся сумерки заставляли тебя кончать работу и поспешно выходить на дорогу к дому.

Быстро темнели краски, по пустынной дороге ты торопливо шла совсем одна. Иногда в окнах уже начинали кое-где мелькать огни, когда я возвращалась, наконец, в свой дом, в свою «семью», где с нетерпением ожидала меня старшая сестра, единственный верный друг мой, родной мне человек на чужой стороне, мой неизменный советчик и утешитель.

СЕСТРЕ

*К берегу прибило нас с тобой,
Больше нет у нас семьи родной,
Отчий дом весь трауром повит,
Но твоя рука в моей лежит.*

*Страшно жить на свете одному!
Дай, тебя я крепче обниму!
Челн разбило бурей в щепы...
У меня осталась только ты.*

Апрель 1946 г. Ленинград

Сестра чуть не плакала зимой над сырыми дровами, которые не могли разгореться, сидя у голландки, под суровым взглядом хозяйки, а я, помню, как-то ходила по домам, чтобы купить несколько сухих поленьев для растопки, т.к. хворосту уже не было.

Никогда не забуду я дня, когда сильно нуждаясь в дровах, по совету директора, я пришла к В.А. Бриллианту, чтобы он подбросил нам дров из своего запаса, пока директор не сможет обеспечить нас нужным количеством топлива и вернет ему также и наш долг.

Стоял зимний холодный вечер. Не сладко просить чего бы то ни было непривычным к этому людям! Но ко мне спешил мой старый, испытанный товарищ. Он сейчас же спустился к сараю и собственноручно наложил большую вязанку лучших сухих березовых дров. Какими дровами расплатиться с нами Библиотека я не знала! Он открыл ворота, и я выехала на улицу. Крас-

ное морозное солнце клонилось к закату, но у меня было тепло и светло на душе, потому что я видела, как быстро и легко он обернулся на нашу нужду и дружески проводил меня, примерно, с такими словами: «Когда только понадобится вам, всегда приходите ко мне!»

ВЕСНА (КРОКУСЫ)

*Мне в душу повеяло
жизнью и волей;
Вон – даль голубая видна...*

А.Н. Майков

Задолго чувствуется приближение весны. Еще снег нетронутыми глыбами лежит на улицах и огородах, а лучезарное солнце уже медлит уходить на покой. Длиннеет день, укорачивается ночь, больше света льется в окошки. На сердце сначала робкое предчувствие, потом радостное ожидание лучшего времени года – возрождения природы. Человек пьянеет от веселого возбуждения и от прилива каких-то неведомых сил.

Ранней весной мы идем по так называемой «горке», холмистой гряде на окраине Мелекесса. Минуем красиво расположенный белый дом, напоминающий издали санаторию – мелекесский педагогический институт. Далеко в небо уходят вершинами сосны. Кое-где по овражкам еще белеет снежок, но уже показались шелковистые головки крокусов. Подземные гномики! Словно кто-то невидимый набросал хлопья серого пуха. В тени они еще кутаются в пушистые серые шубки, а на пригреве уже проглядывает лиловая атласная ткань лепестков. Вот один, другой, третий раскрылись совсем, и в лиловых чашечках светятся золотые тычинки.

На душе – чистая, прозрачная, хотя и недолгая радость. Над головою – светлый купол неба. Замедляешь шаги, останавливаешься. Теплые лучи весеннего солнца ласково греют щеки. Тишина и красота...

Не один раз по возвращении в Ленинград, стоя в глубоком каменном колодце наших дворов и закидывая голову, чтобы увидеть клочок далекого серого неба, мы вспомним покинутый Мелекесс, его низенькие долины, в которых мы жили, и искрящийся крупными звездами необъятный небесный свод. Нас скоро захватит утомительная и напряженная жизнь большого города, и мы, конечно, будем иногда вспоминать оставленную тишину и своеобразную красоту заволжского городка, приютившего нас в грозные военные годы.⁴

О ЧЕРЕМШАНЕ

*Ох ты гой еси Волга - матушка!
Реве та стогне Дніпр широкий...*

Великие русские реки – Днепр, Волга, Нева, Дон – давно воспеты многими писателями и поэтами. Имел ли Черемшан своего певца, я не знаю, и не раз мечтательно глядя в его спокойные, светлые воды, я чувствовала себя обязанной сказать о нем несколько слов.

Я не видела его далеко за пределами Мелекесса, но течение его возле города, приютившего нас, очень красиво. Он не походит, конечно, на царственные русские реки, величественно разливающиеся на громадные пространства, заметно участвующие в политической и экономической жизни нашей страны. Под синим небом задумчиво плывет он тоже синий, голубой или перламутровый, изменчивый в окраске, как все воды.

Весною он бурно разливается и далеко затопляет берега, наполняя естественные и искусственные котловины, из которых в жаркое лето черпают воду для поливки громадных огородных пространств. Сонмы лягушек исполняют часами величественные симфонии, особенно поражавшие нас в первые дни работы на огороде.

Под палящими лучами солнца его воды постепенно входят в берега и, совершив свое большое хозяйственное дело, задумчи-

⁴ Зарисовки осени и лета читатель найдет в очерках, посвященных лесу и огороду.

во плывет он по направлению к Волге, погруженный в спокойное созерцание своих берегов.

Издали доносится пастуший рог. Солнце клонится к закату. Наслаждаясь теплой водой, еще весело гоняются друг за другом в жемчужной пене брызг голые ребяташки. По живописному берегу расплодилось пестрое стадо коров, спускаясь к реке, и река матерински поит жаждущих.

Говорят, были мельницы по его течению, и весной по водам его сплавляли лес. Не знаю, не спорю, все это наверное так и было, но я зарисовала его, каким видела сама, забегая на берег и на несколько минут задерживаясь в созерцании задумчивой его красоты.

Когда-нибудь в будущем, склонившись над тяжелыми перилами одного из мостов, перекинутых через горделивую красавицу Неву, я, наверное, вспомню прозрачные воды Черемшана в берегах, поросших дубняком и кустами розового шиповника, и живописные повороты его то вправо, то влево, в полосках дороги в Волге.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Над Мелекесом встает лучезарное солнце. Высоко поднимается розовый дымок. Блеск искрящихся снежных дорог ослепляет глаза. Сильный мороз шиплет лоб и щеки. Ресницы удлинились бахромой инея. У большинства сотрудников, спешащих в Библиотеку, головы обмотаны платками. На руках – рукавицы, на ногах – валенки. Без валенок не прожить в мелекесской стране. На изношенных, заплатах зимних пальто не осталось и следа ленинградского лоска.

В канцелярии, иначе называемой «конторой», потрескивают в печке сырые дрова. Пол чисто подметен или вымыт старательной тетей Феклой. На стене висит большая карта военных действий, вполне удовлетворяющая патриотические чувства теперешних обитателей Дома учителя. У печки греются раньше других пришедшие технические сотрудники. Термометр показывает 1° тепла. Стрелка больших стенных часов приближается к девяти.

Дверь распахивается и пропускает одного за другим продрогших, отряхивающихся сотрудников. Комната наполняется людьми и заменителями портфелей: корзинками, мешками и авоськами.

Каждый стол представляет из себя территорию какого-нибудь отдела Библиотека в миниатюре. Самое большое место занимает группа гигиены и реставрации: несколько сдвинутых столов, на которых рядами лежат громадные раскрытые фолианты и старинные атласы, находящиеся на излечении, словно больные на койках. Всему ученому миру известные залы Публичной библиотеки когда-то лелеяли их в своих недрах. Теперь они лежат величавые, древние и непостижимые в одной комнате с авоськами, феклиными венчиками и «саркофагом» с картофелем, спасенным от замерзания в овощехранилище.

Как-то ожидалось городское начальство.

- «Попросите, пожалуйста, товарищей», обратился ко мне глава мелекесского филиала Библиотеки, «чтобы канцелярию привели в порядок, чтобы не были повсюду разложены мешки, посуда и корзинки».

-«Товарищи, примите меры к тому, чтобы наша рабочая комната имела скорее производственный, чем хозяйственный вид», была передана телефонограмма.

Здравые желания начальства всегда охотно и усердно выполняются, и мигом, словно по волшебству, куда-то сгинули авоськи, и исчезли с подоконников и столов хозяйственные принадлежности сотрудников. А кроме того, нашими словами и поступками всегда и неуклонно руководил здоровый патриотизм и горделивая любовь к высокому учреждению, детьми которого мы себя считали.

Начальство почему-то не пришло. И на другой день, должна честно сказать, мешки и посуда заняли свои прежние удобные и насиженные места. Нельзя же каждый день жить навтыжку!

Бледное лицо Е.Х. Трей склоняется над чашечкой, в которой варится клей на керосинке. В место со своими сподвижниками, она как добрый чародей, воскрешает умершие страницы ветхих книг и спасает от гибели человеческое слово.

Весной и летом тонкие реставрационные работы заменяют-

ся спешным снятием с книг замеченной плесени, старой, ожившей, или свежей. Носилки за носилками, наполненные книгами, подлежащие лечению, поднимаются тогда из «магазинов»⁵ и вносятся в канцелярию. Ими заваливаются столы, и группа реставрации на время оставляет свою бесконечную работу по проклейке.

Два стола у противоположной стены заняты группой сотрудников, составляющих список выборочно вывезенных русских и иностранных книг. Один из столов заставлен ящиками уже возникшей картотеки.

Против двери, за единственным настоящим письменным столом работает над описанием старинных атласов В. А. Брилиант, всегда бодрый, свежий и невозмутимый.

За небольшим столом у окна, спиной ко всем товарищам, над белыми листами незаконченной диссертации склонилась А.С.Ляпунова.

Остальные товарищи приманиваются на свободные места за столами для заполнения паспортов, регистрационных листов, для составления актов об изъятии и т.п. Несколько позже (с августа 1944 г.) мы бывали иногда заняты выполнением экстренных заданий в «магазинах» (поиски требуемых материалов из Ленинграда).

Помимо наших чисто библиотечных работ с привезенными ценностями, мы, конечно, всячески помогали городу, приютившему наш груз и состоявшим при нем библиотекаршей.

Частично повторю, раньше сказанное, так как с осени 1942 г. мы работали уже полным коллективом.

Мы были вовлечены в работу по обслуживанию книгами раненных, лежащих в госпитале; четверо из наших товарищей читали лекции (в тюрьме, в госпитале, в агитпунктах, в Воскресном университете, в Учительском институте) на военно-политические, исторические и литературные темы, о международном положении СССР, и т.д.; два товарища преподавали немецкий язык в мелекесской школе; в городской библиотеке Учительского института тоже немало часов потрудились

⁵ Нижний этаж Дома учителя занимали обыкновенные городские хозяйственные магазины, которые были закрыты, как таковые, чтобы уступить место для размещения, привезенных книг и рукописей из Ленинградской публичной библиотеки. Это название – «магазины» - и сохранилось за нашим книгохранилищем военного времени.

направленные туда в помощь наши библиотекари; устраивали большое количество выставок: 2 большие, о которых я уже говорила, имевшие особенный успех, выставку к 130-летию публичной библиотеки и другие, более мелкие. Местная печать – газета «Власть труда» - отдавала должное организаторам, отзывалась с похвалой о лекциях наших товарищей и помещала их статьи на своих столбцах.

На площади перед Домом учителя красовалась громадная карта, начерченная умелыми руками В.И. Гранского, для жителей Мелекесса, постоянно толпившихся перед ней.

Одним словом, наш маленький коллектив в целом внес и свою лепту в культурно-просветительные начинания тыловой интеллигенции.

Жена Ф.Я. Попова – Анна Захаровна Шепшелевич – и сестра Т.А. Быковой – Елена Александровна – включились в обслуживание Мелекесса в качестве медицинских работников. Профессия опытного врача всегда, а в военное время в особенности расценивалась на вес золота.

Я не ставила себя целью и не могла бы, конечно, сделать развернутые зарисовки во всех областях нашей работы в Мелекессе, но я считала своим долгом хотя бы упомянуть об этом, чтобы не обесценить деятельность Мелекесского филиала Библиотеки в годы войны.

После этого небольшого отступления вернемся к продолжению описания «Зимнего дня на производстве».

Звонят по телефону. Вызывают Яковсона, одного из наших сотрудников, в тюрьму делать доклад, что неминуемо сопровождается остротами и шутками над лектором, которого никак не могут поймать и «упрятать» в столь заманчивое учреждение.

Середина комнаты обычно оставалась пустой, как бы сценой, на которой разыгрывались разные театральные действия. Столы опоясывали ее как бы амфитеатром.

Иногда на сцену вылетал Пират, косматый, грязный, добродушный пес-дворняжка, предшествуя своему повелителю Гранскому; выбегали библиотечные дети; торжественно внося на носилках хлеб; появился почтальон, курьеры и другие посети-

тели по разным делам и обстоятельствам. В морозные зимние дни у печки грелись пожарные и наши технические. Тетя Фекла гремела в углу ведром или самоваром.

К сожалению, наша рабочая комната не была изолирована, как должно было бы быть, и являлась средоточием всей жизни Библиотеки в зимнее время. Иногда приходилось делать большие усилия, чтобы не рассеиваться и успешно преодолевать темные места в исполняемой работе.

Вдоль правой от входа стены на неуклюжей самодельной скамье, привезенной из нашего огородного шалаша, помещался весь справочный аппарат мелекесского отделения Библиотеки: «Большая энциклопедия» издательства «Просвещение» и «Малая советская энциклопедия».

Плохо приходилось «испорченному» своей специальностью библиографу, не имевшему иной раз, за отсутствием справочной литературы, возможности определить забытого автора, проверить сомнительное показание и т.п. Старинные русские книги часто умалчивают об авторе или загадывают о нем загадки на титульном листе: «Сочинение автора «Лолотты и фанфана». Заглавие книги «Вечерние беседы в хижине...» Ручкой библиографа дается указание, что автор – Дюкре - Дюминилок. Книжка «Памятник герою» 1792 г. Кто автор? Внимательно исследуешь ее и из предложенного стихотворения, посвященного творцу «Памятника» узнаешь, что автором его является Г. Р. Державин. (18.146. 2. 167). Или «Ланкастерские школы. Отрывок из путевых записок издателя «Сыны отечества». Спб., 1818. Кто был издателем «Сыны отечества» в этом году? Н.Греч. И анонимное издание получает на карточке автора. (18. 297. 2.13.)

Беспомощный библиограф не удел мучительно напрягая память, понукая ее, как возница усталую лошадь, а иногда забегал в городскую библиотеку, где за стеклянными створками шкафов поблескивали хорошо знакомые корешки бессмертного словаря Брокгауза и Ефрона.

Старик, соскучившийся от бездействия, охотно давал пространные и толковые объяснения на своих столбцах и если и не совсем, то все же иногда в какой-то мере утолял жажду забежавшего ленинградца.

Легкий стук в дверь.

- «Войдите».

Повисая на высокой ручке двери, в комнату въезжает маленькая комичная фигурка Всевы. Это семилетний сынишка хозяйки дома, в котором живут некоторые наши сотрудники. На нем зимнее пальто, перешитое из отцовского, с большим воротником и со складками на спине, как у взрослого.

- «Здрасти».

Нашим детям усиленно прививались матерями правила вежливости. Сколько бы раз малыш, принадлежавший к нашему коллективу или постоянно с ним соприкасающийся, ни входил в канцелярию, он неизменно должен был произносить свое «здрасти».

- «Здравствуй».

Некрасивое личико его выглядит немного испуганным появлением в «большом свете», где на него вопросительно или улыбаясь глядят лица взрослых. Он пришел за ключом. (Его прислала Анна Захаровна).

Получив требуемое, мальчик торопливо направляется к двери, боясь лишних надоедливых разговоров, опять повисает на ручке и уезжает за дверь, привычно бросая вежливое «до свиданья».

- «До свидания, прощай навек», посмеивается кто-то над забавным посетителем.

Через некоторое время, уже без предварительного стука в дверь, но с тем же «здрасти», влетает розовый, крепкий черноглазый Андрей и, словно наперед отмахиваясь от вопросов старших, досаждающих младшему поколению, жадными глазами ищет мать. Переговоры произведены. Видимо, что-то выпрошено, судя по удовлетворенному выражению смуглого лица. Привычное «до свиданья», и дверь шумно захлопывается.

Изящным тоненьким подростком приходит заглянуть на часы аккуратная миловидная Неля. За ней непрошенным гостем устремляется к Трей черноглазый шестилетний Валерик, чтобы она ему заклеила конверт. Мальчуган страшно горд своими успехами в грамоте и самостоятельностью. Он написал письмо отцу с просьбой приготовить ему цветные карандаши (у каждого своя забота!), т.к. у него уже кончаются. Адрес тоже написан собственноручно, и сейчас он пойдет на почту опустить его. Захле-

бываясь, произносит он перечень своих подвигов и убегает в ту же многострадальную, не перестающую работать дверь.

Изредка забегает к матери или за хлебом нежно-розовая, как цветок шиповника, хорошенькая Муся. Ее личико в ямочках сияет, словно она пришла на праздник. В своей рваной старенькой шубке она напоминает сказочную Сандрильону.

А день плывет и плывет, и на столах быстро вырастают стопки описанных, проклеенных и обтертых формалином книг.

Раза два или три в канцелярию приходила молоденькая представительница или юный представитель местного отделения Осоавиахима, добываясь свидания с нашим представителем и предупреждая о необходимости сдавать экзамен.

- «Да мы вам уже давно сдавали его», - подсмеивались сотрудники.

- «Это ничего не значит, надо снова сдавать», - был серьезный ответ.

Противогазов у нас словно и не бывало. У предместкома, правда, постоянно болтался через плечо противогазовый мешок, но он таил в своих недрах весьма мирные предметы: или хлебный паек, или два килограмма картофеля, или бутылку для получения растительного масла в нашем кооперативе.

Все оставалось в прежнем нейтральном положении до следующего появления старательного осоавиахимовца, которому не под силу было справиться с насмешливыми сотрудниками Библиотеки Салтыкова-Щедрина. Тыл приходившего агитатора никак не влиял на наши закоснелые умы. Действительно, Первый эшелон действительно сдал нормы ПВХО в том году, а остальные спрятались в лучах его славы.

Когда печка кончала топиться, какие только кушанья она ни готовила! Пекли картофель, столовую и сахарную свеклу, издававшую очень тяжелый запах, ставились плошки и кружки с кашей и винегретом для подогревания.

В 12 часов тетя Фекла вносила кипящий самовар, и все стремились проглотить по кружке кипятку, чтобы согреться.

Разворачивались газеты, обсуждали военные действия, в сотый раз поднимали вопрос об отъезде в Ленинград, спорили и ссорились, давали рецепты по части кулинарии друг другу, а потом снова водворялась на время рабочая тишина.

Постепенно остывала печка. Свет, проникающий сначала через одни окна, постепенно переключивался к другим и медленно угасал на столах и стенах. Закрывались чернильницы, укладывались на ночь древние фолианты, описанные и не описанные книги уносились на особый стол в кабинет директора.

Головы плотнее закутывались платками, поднимались воротники, мешки и авоськи снимались с мест, и один за другим сотрудники выходили на ледяной воздух. Быстро спускались сумерки.

В осенние дни все спешили добраться до дому за светом, и вечерние выходы в свет были редки, т.к. темнота на улицах буквально слепила глаза. Уличного освещения не полагалось никакого кроме светил небесных, и если небо было закрыто облаками, можно было сломать ногу и свернуть себе шею, идя по неровным мосткам и ухабистым дорогам, наткнувшись на столбы, палисадники, кучи мусора и т.п. Можно было также завязнуть в липкой черноземной грязи, утонуть в луже или дожить до рассвета, взобравшись на ступеньки чужого крыльца.

Зимой, не смейтесь! дорогу освещал снег.

ПЕРЕВОЗКА ЯЩИКОВ ИЗ ДОМА ПИОНЕРОВ В ДОМ УЧИТЕЛЯ

Голубой прозрачный день начала мелекесской зимы. Весенне-летняя работа по проверке и описанию содержимого ящиков в помещениях, где хранился груз, уже закончилась. Холод загоняет всех сотрудников в единственную отапливаемую комнату (канцелярию), кроме, конечно, кабинета директора. Лесная погода без осадков позволяет перевезти один или два еще не описанных ящика русского фонда из Дома пионеров в Дом учителя.

Выработан известный церемониал. Состав участников и необходимые средства для перевозки: один или два научных сотрудника, двое технических, затем санки с носилками, гвоздодер, молоток, веревка.

Ослепительно сверкает нетронутый снежок. Бодрящий холод слегка пощипывает щеки. Экспедиция за книгами пересекает центральную площадь города и поворачивает к Дому пионеров. Поднимаются по крутой лестнице ступеней в 10-12, оставив санки

внизу, а иногда волоча их за собой. Сопровождающий библиотекарь вкладывает ключ в массивный замок. Дверь открывается.

Большая комната, вся заставленная ящиками со спящими книгами. Они нужны и Ленинграду и всей стране, но пока гремят орудия, спят для сохранности в Мелекессе. Ящики вокруг комнаты, вдоль стен, ящики посередине. Они виднеются и в открытую дверь, ведущую в небольшую комнату.

Сотрудник указывает своим спутникам очередной ящик, содержимое которого еще не вошло в составляемый список. Если он невелик, его сразу выносят и ставят на санки. Если это, по нашей терминологии «гроб», его вскрывают и перевозят в два приема.

Осторожно поворачиваются в руках книги в коже, брошюры в цветных обложках, сверкает золото образов, изредка мелькает полинялый бархат и ветхий шелк переплетов.

Книги тесно уставляются на носилки, как в небольшой походный шкаф, спускают на санки и выезжают на улицу, тщательно заперев комнату.⁶

Технические впрягаются, как кони, а «научник» замыкает шествие с паспортом ящика, если он был вскрыт, и с ключом в руках, наблюдая за сохранностью везомого груза.

Экспедиция сопровождается восклицаниями встречных прохожих:

- «Книжки везут! Ах, какие красивые! Почитать бы!»
- «У вас это исторические? А откуда они?»
- «Тетя, дай мне книжку почитать!»

На мой вразумляющий ответ слышится упрямый голосок, воспитанный не в духе социализма, привыкший к тому, что если одним нельзя, то другим все можно и доступно.

- «А мне все равно мама достанет!»

Оставляя в приятном заблуждении маленькую гражданку, спешу за легко скользящими по упругому снежку санками. Солнце играет на богатых, тисненых золотом переплетах Эрмитажной библиотеки и вызывает воспоминание о залах, уходящие ввысь, о солнечных бликах, проскальзывающих к полкам и зажигающих таинственное мерцание.

⁶ Иногда небольшой ящик устанавливают на санки на площадке лестницы и прямо свозят вниз, предварительно обхватив веревкой, грохоча по крутым ступеням.

Санки останавливаются у дверей Дома учителя. Носилки поднимаются наверх, иногда в канцелярию, иногда в кабинет директора, и загружают один из свободных столов.

Когда все содержимое ящика выложено на стол, а пустой ящик водворяется в одной из комнат Дома учителя, где хранится груз, происходит новая процедура: ввиду того, что рабочая комната (канцелярия) отнюдь не является уединенным кабинетом, выдача книг сотрудникам, составляющим список, производится Ф.Я.Поповым чрезвычайно обстоятельно: книги пересчитываются, количество из сверяется с числом, обозначенным на паспорте, сведения о них заносятся в особую тетрадь выдач, и принимающий расписывается.

Осажденный Ленинград доверил нам свои сокровища. Он не спросит с нас объемистых трудов на ту или другую тему, но он вправе потребовать полной сохранности вывезенных фондов. В настоящие дни мы, в основном, хранители.

Закончив описание ящика, мы укладываем книги обратно, предварительно проверив прочность скреплений, и подвергаем его маркировке, обозначая дату проверки и повторяя номер ящика на установленных местах. Отработанный ящик снова заколачивается.

Таков был установленный порядок работы.

Книги, вывезенные из Ленинграда, были в полном смысле этого слова неприкосновенны. Ни одна из них никому не была выдана на сторону за все 4 года эвакуации, за исключением книг и рукописей, затребованных Ленинградом для нужд читателей и посланных фельдьегерской почтой.

РАБОТА НАД РУССКИМ ФОНДОМ ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЮБИТЕЛЯМ КНИГ

Начну издалека. Мысль невольно обращается к прошлому...

Первая эвакуация рукописей и ценных книг публичной библиотеки произошла в 1812 г. ввиду быстрого движения Наполеоновской армии. Примерно 150 000 томов были уложены в 189 ящиков и 25 сентября отправлены водою на север, в Олонецкую губернию. В.С. Сопиков, и писец Бельгезинский сопровождали бриг. 5

октября судно вышло в Ладонежское озеро и направилось к устью р. Свири. У деревни Усланчи пришлось зазимовать. Ящиков не выгружали. На судне оставалась военная стража. В.С.Сопиков ежедневно посещал бриг. Когда военная опасность для Петербурга миновала, Сопикову было предложено возвращаться. 19 декабря рукописи и книги Библиотеки были доставлены на 108 подводах обратно в Петербург в полной сохранности.⁷

Вторично пришлось эвакуировать книжные и рукописные ценности Библиотеки в 1941 г. (через 129 лет) ввиду угрозы Ленинграду со стороны фашистских захватчиков. В архиве публичной библиотеки сохранились немаловажные сведения об этой эпопее.

Началась Великая Отечественная война (1941-1945г.). В 2 тысячах ящиков старались увезти в Мелекес все самые ценные, самые редкое, исключительное (или очень нужное), что хранилось в высоких залах Государственной Публичной библиотеки: богатейшие рукописные фонды, собрание старопечатных книг и первые книги, напечатанные новым гражданским шрифтом до 1725 г. Собрание инкунабул, библиотеку Вольтера. Коллекцию «Парижская коммуна» 1871 г. Собрание Россика – иноземная литература о России. Книги из отдела «Литература народов СССР и народов зарубежного Востока». Частично вывезены отдел истории и фонд эстампов – собрание портретов, русского лубка 17 и 18 вв., плакаты революции и гражданской войны, фонд картографии: коллекции старинных атласов XV и XVI веков и многие, многие другие ценности.

Русский фонд! К тебе обращаю я теперь свое слово! Ящики вскрывались для проверки сохранности содержимого и для составления выборочного списка вывезенного. Книги, блистая громкими именами и сверкая золотом образов, рассыпались на скромных столах, предоставленных нам для занятий. И мы, работавшие над ними, зажили двойной жизнью.⁸

⁷ 1) Архив. Дело № 1, 1812 г.

2) «Императорская публичная библиотека за 100 лет. 1814 – 1914. Спб., 1914.

3) История Государственного ордена трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова – Шедрина. Л., Лениздат, 1963.

⁸ Тот, кто раскроет эти мои записки м.б. подумает, почему именно этому фонду отечественной книги уделено столько внимания. В годы войны автор был уже многолетним сотрудником именно русского фонда Библиотеки, естественно, что этот знакомый ему и важный участок отечественной книги должен был заинтересовать его особенно глубоко.

Преобладали книги 18 века и первой четверти 19-го, первые издания русских классиков 18, 19, 20 веков, коллекция Вольной русской печати (революционные книги, газеты, журналы и листовки, издававшиеся за границей и подпольно в России), фонд произведений классиков марксизма - ленинизма, коллекция Пушкиниана, и некоторые издания взятые выборочно, с разных точек зрения, подлежавших особому вниманию: библиографические редкости, капитальные работы, книги, постоянно оборачивавшихся в руках читателей, работы, освещающие разные стороны промышленной и сельско-хозяйственной жизни нашей страны в прошлом и т. д. и т. п. А затем шли книги, периодические издания 1917-22г., первых лет после Октябрьской революции.⁹

В нескольких ящиках был увезен экземпляр печатной карточки (для нового русского печатного каталога) на случай гибели старых рукописных каталогов в Ленинграде.

Мы зажили, я повторяю, двойной жизнью.

В прошлом – потрясающий воспоминаниями год блокады, кончина близких, резкий перелом в жизни и постепенное пробуждение от старинного сна в совершенно иной обстановке глухого и мирного тыла.

А под рукой, на твоём рабочем столе все те же или хорошо знакомые, или мало знакомые, или совсем незнакомые библиотечные книги, выехавшие из Ленинграда. Работа над ними заслонила выполнение других, время от времени возлагаемых на тебя обязанностей.

Значительная часть старого русского фонда Библиотеки прошла перед нашими глазами. И так как читатель не ждал и не торопил нас за дверью, мы задерживались иногда на увлекательных и любопытных страницах истории нашей страны во всех ее областях, хотя бы немного удовлетворяя свою любознательность.

Вот «Дневные записки путешествия... Ивана Лепехина». Т I Спб, 1771. 18.5. 2.16. На стр. 135-186 мы нашли описание жизни обитателей берегов Черемшана и с интересом прочитали строки о Мелекессе, о Черемшане и Черемшанской крепости.

Вот богатейшая патриотическая литература, связанная с па-

⁹ Коллекции не подверглись описанию.

мятным 1812-ым годом. Напр. убийственная характеристика Наполеона. «Видно коршуна по взгляду». Спб 1814. Открытый лист с портр. Наполеона в тексте 37.59.2.80

«Многие утверждают, что лицо есть вывеска души. Справедливость сего мнения редкими чертами изображена на лице Наполеона». На нем посменно переливается – злость, коварство, вероломство, мщение»... «Не есть герой, но трус, не есть воин, но тиран, злодейством и мщением дышущий».

Перед нами из сумерек прошлого выступали масонские ложи. Шествие баснописцев, начиная с Эзопа, Лафонтена, И.И. Дмитриева, А.П. Сумарокова, Ив.Ив. Хемницера завершал никем не превзойденный Иван Андреевич Крылов.

Старинные учебники сплетались в веселый хоровод с назидательными повестями для детей. Изредка мелькали бледные фигуры женщин-писательниц.

Чередовались гнезда былой систематической расстановки русских книг.

Пышные, подобострастные посвящения высокопоставленными лицами. Суровая и черствая фигура Аракчеева, его портрет, автограф и герб со словами «Без мести предан».¹⁰ В высокопарные выражения, словно в расшитые мундиры, облаченные оды, речи и слова торжественно следовали бесконечными рядами.

Первые издания русских классиков, маленькие, изяшно изданные книжечки альманахов с изысканными иллюстрациями. Толстые поваренные книги, свидетельствовавшие об обильной и жирной пище богатых слоев населения, придворные календари, гадательные книги, письмовники и сонники не могли не обращать на себя наше внимание.

Мы погружались в недра истории, археологии, архитектуры, путешествовали во всех частях света, осматривали художественные галереи и любовались изысканными гравюрами старинных мастеров. В то время, когда во всем мире бушевала военная гроза!

Перелистывала сотни русских книг, мы дивились разнообразию человеческих замыслов и интересов. Вот книга Путьша

¹⁰ См. Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. 2-е изд. Спб., 1904 г. т. I. 37.8.2.2.

К.Э. «Описание картофеля» (перевод Спб., 1821 г.) с изображением в красках всевозможных его сортов. Вот книга Георга Вольфганга Крафта под заглавием «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-петербурге в январе месяце 1740 года Ледяного дома». Спб., 1741.

Три книжки с сентиментальными заглавиями, говорящими о таковом же содержании: «Оттенки моего сердца» 18.258.1.37. Сочинение П*** У*** (Петра Урусова) М., 1802; «Печальные, веселые и умные тоны моего сердца». Автор – Рындовский, ф.м. Спб., 1809. 18.149.2.267. «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца». Ч. 1-2. М., 1796. Автор – Победоносцев, П.В. 18.255.1.34.

Книга А.Н. Радишева «Путешествие из Петербурга в Москву». Спб., 1790. Редчайшее издание, уничтоженное по приказу Екатерины II.

«Общее рассмотрение провинций, которыми ново завладела Россия и назвала Армянскую губернию». В Венеции, в тип. Св. Лазаря. 1828. «Библиографически редка». 18.58.7.44

Книга Масселеня «Свет в малом виде или жизнь человеческая в противоположных отношениях». М., 1821. В конце этой книги имеется любопытный словарь, неведомый библиографам крупнейших библиотек: Словарь добродетелей и пороков. Пороки и добродетели расположены в алфавите названий: Алчность, Бережливость, Благопристойность, Восторг... Мода, Мшение, Надменность и т.п. Каждому и каждой из них дается характеристика.

«О должностях человека и гражданина. Книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи». 17-е тиснение. 18.4.9.83. Спб., 1814 и 1817. Издания идут начиная с 1783 г. Автор – Янкович де Мириево, ф.И.

Перед нашими глазами проходила вереница указов и манифестов, касавшихся важных событий в царской фамилии: бракосочетания, восшествия на престол, объявления о ношении траура и т.п.

Вот, например: «Объявление о трауре по кончине ее императорского высочества великой княгини Наталии Алексеевны на три месяца, считая с 15 апреля 1776 г. ...». 37.59.2.129. «В день погребения ее императорского высочества первых пяти

классов обоего пола персоны могут иметь плерезы: первого и второго класса шириною в полтора вершка, а третьего, четверного и пятого классов в один вершок с широкими рубцами». Какие следует надевать чулки, манжеты, пряжки, чепчики, ленты, серьги (все мелочи туалета) в продолжение трех месяцев объявления траура.

А дальше читаем «Указ Верховному уголовному суду от 10 июля 1826 года о смягчении наказаний декабристам».

1. Преступников первого разряда, Верховным уголовным судом к смертной казни осужденных, а именно: полковника князя Трубецкого, поручика князя Оболенского [и других] – даровав или жизнь, по лишении чинов и дворянства, сослать вечно в каторжную работу... 37.59.2.30.

Во времена Екатерины II достижения современной техники были неизвестны. Отсюда понятной становится отдаленная и странная для нас дата в ее указе от 16 июля 1793 г. (дан 12 июля 1793 г., печатан 16 июля 1793 г.) о принесении благодарственного моления ввиду успехов русского оружия... в обеих столицах и ближних к ним губерниях 2-го сентября 1793 г. «В отдаленных же местах, где указ наш к назначенному времени достигнуть не может... да будет исполнено по получению сего». 37.59.2.114.

Раскрываем еще одну книгу. «Публичная и приватная жизнь Гонория – Гавриила Рикетти графа Мирабо... Посвящ. Дружьем монархической конституции». М. 1793. 18.19.6.11

Под портретом Мирабо надпись:

Над Мирабо суд прав небесный совершился.

То было бедствие, что он на свет родился.

Он умер вот лишь что услугой должно счесть,

Какую только мог он обществу принесть.

«Жизнь богемского королевича Ликурга и королевны Артезы». М., 1789.

На книжке запись старинным почерком счастливого владельца: «Сия книжка Никиты Журавлева, его собственная». 18.226.3.2

«Подарок моему родителю в день его ангела или труды двенадцатилетнего отрока, купеческого сына Никиты Голтекова».

М. 1804. (Обращение к читателю: Читатель! Пускаю в свет первый плод трудов моих...) 18.156.2.38.

«Нешастная супруга. Италиянская повесть, имеющая печальное окончание». Пер. с нем. яз. подпорутчиком Панкратом Полонским. Спб., 1765. 18.256.3.5

«Похвальное слово чему-нибудь, посвященное от сочинителя кому-нибудь, а от переводчика никому, с присовокуплением похвального письма ничему». М., 1787. 18.256.2.37

«Прочти меня на досуге». Соч. российское. Спб., 1790. 18.213.1.125

«Карманная книжка честного человека или нужные правила во всяком месте и во всякое время». М., 1801. 18.126.6.368.
В конце напечатано: Читай и воспользуйся.

Новые и достоверные известия о лапландцах в финмархии, о их языке, обрядах, нравах»... Пер. с датского проф. лапл. яз. Кнуб-Лемсом на нем., а с оного на росс. Любопытное и полезное чтение. М., 1792. 18.31.6.59

Иногда наше внимание останавливала тематика: «Учреждение каруселя». М., 1763. 18.121.4.6

«Собрание фигур для котильона числом 224». Спб., 1828. 18.93.6.40.

Описание и рисунки сорока фасонов повязывать галстук. Выбор цвета и искусство составлять банты»... Пер. с франц. М., 1829. 18.114.4.8.

Шеголеватая аптека или туалетные препараты, содержащие в себе разные способы для поддержания, умножения, лечения и возвращения телесной красоты... Пер. из разных опытных авторов... Кострома, 1796. 18.12.2.3.

Выявляются переводчики 18 века:

Наука счастливым быть. Пер. с нем. на росс. яз. Сергеем Волчковым. Спб., 1759.

Линд, Джемс. Опыт о действительнейших способах к сохранению здоровья морских служителей... Пер. с англ. Мичман [Семен] Юферов. Николаев, 1798. 18.14.4.5

Рихтер, Георгий Готлоб. Полная диететика Георгия Готлиба Рихтера. Пер. на росс. яз. с лат. лекарь Севастиян Клинский. М., 1790.

Кеппен, Карл Фридрих. Crata Repoa или каким образом в древние времена происходило в таинственном обществе по-

священие египетских жрецов. Пер. с нем. яз. Павлом Алединским. Спб., 1779. 18.31.7.40

Бос, Ламберт. Ламберта Босия краткое описание правления Афинской республики. С лат. яз. пер. ... прокурор Иван Мошков. Спб., 1779. 18.73.1.38. С уничижительным посвящением переводчика («Самый малый труд сей»... «усерднейшая жертва чувствительнейшего сердца... усерднейший слуга Иван Мошков»)

Время от времени мелькают автографы:

Г.Р. Державина.

(в книге – Державин, Г.Р. Гимн кротости. М., 1801.) 18.153.1.162.

«Его Высокопреосвященству Митрополиту Московскому и Коломенскому Платону, милостивому моему архипастырю в знак искреннего почтения».

Дениса Давыдова

«Александру Яковлевичу Жмикину от сочинителя».

(в его книге – «Опыт теории партизанского действия». М., 1821.) 18.107.3.75.

Аполлона Майкова (Аполлон Александрович).

(в его книге: «На победы, одержанные всемошным оружием российским в царствование Екатерины II». М., 1790.) 34.85.7.444.

Князя Сергея Шихматова.

(в его книге – «Песнь российскому слову». Спб., 1809.) 18.149.2.195.

«Его Высокопревосходительству, господину действ. Тайному советнику и кавалеру Гавриилу Романовичу Державину».

Проф. Харьк. Унив. Конст. Пауловича.

(в его книге – «Конспект или краткое обозрение дипломатики вообще». Харьков, 1829) 18.74.3.69.

«Его высокоблагородию Фаддею Венедикт. Булгарину (на книге – Болгарину) в знак отличного уважения и памяти приносит сочинитель К.П.»

В старинных книгах приняты заключения, как бы убеждающие читателя в несомненном окончании повествования:

Описание земель Северной Америки... Спб., 1765

Конец сей книги. 18.28.5.8

(В этом экземпляре надпись: из книг Санктпетербургского купца Яковлева).

Гавковорт, Иван. (Хоуксворт Джон).

Мелисса Аглинская повесть пер. с нем. М., 1780. 18.303.5.31

Конец истории Мелиссиной.

Баумейстер, Христиан.

Логика. М., 1807 18.103.4.10

Конец логики.

Чулков, М.Д.

Пересмешник или славенские сказки. Часть II. Спб., 1766.
18.33.5.34/2

Заканчивается словами:

Все тут. [Больше ничего нет].

В книге – «Древняя Российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер...» изд. Ник. Новиковым. Спб., 1773 – вы найдете печатный список особ, подписавшихся на эту книгу:

Для двора ее имп. Величества 10 кн. на алекс. бумаге.

Моск. купец Ив. Андр. Шехурдин на алекс. бумаге 1 кн.

Встречаются и женские фамилии:

Ее преподобие Ельпидифора Ивановна Кроткова 1 кн. на простой бумаге.

Графиня Анна карл. Воронцова 1 кн. на алекс. бум.

Характерен для старой книги также прием обозначения внизу под текстом каждой страницы первого слова последующей, так называемый кустод.

Мне хотелось поделиться с читателями хотя бы самым беглым образом старинных русских книг, побывавших в моих руках, и обратить внимание на некоторые особенности их напечатания.

А потом шли книги 1917-1922 годов. На этих книгах было очень много скромных, даже бедных, «рабочих» переплетов. Бумаги были в обрез, печатали и на оберточной, на серой, желтой, и коричневой бумаге. То было время голода во всех областях, и все-таки типографшики не складывали рук и выпускали в свет хотя и бедно выглядевшие книги, но полные новых мыслей, высказанных го-

рячими, никогда еще не произносившимися словами. Они заняли свободные места в великолепных залах Библиотеки и теперь вместе с книгами многих предшествовавших лет были бережно уложены в ящики и увезены из осажденного города, как первые печатные издания нового рабоче-крестьянского государства.

Назову хотя бы некоторые из них:

Бандурский Т.

Новое правописание. М., 1918. 37.75.8.163

Блонский, П.П.

Трудовая школа, ч. I Рязань, 1919. 17.147.1.13.

Букварь для взрослых. Одесса, 1920. 37.63.6.314.

Вятский народный университет. [Проект организации]. Вятка, 1918. 37.59.6.423.

Единая трудовая школа. Положение... М., 1918. 37.77.8.377.

Жарновецкий, К.

Советская власть. Популярная брошюра. Пг., 1918. 37.60.6.400.

Закон о земле, о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию. Иркутск, 1920. 37.63.6.5.

Законы о страховании рабочих. Омск, 1919. 37.56.6.307.

Звягинцев, Е.А.

Всеобщее избирательное право. М., 1917

Зеньковский, В.В.

Социальное воспитание, его задачи и пути. М., 1918. 17.147.6.49.

Зорин, С.

Первое мая в прошлом и настоящем. Пб., 1921. (Речи и беседы агитатора. №2). 37.62.3.220/2

Ильин, Н.Н.

Самоуправление учащихся в трудовой школе. М., 1918. 37.76.8.662.

Инструкция домовым комитетам бедноты и комендантам домов. [Пг., 1920]. 37.54.2.58.

Инструкция о порядке выдачи продкарточек. Барнаул, 1921. 41/2800

Иорданский, Н.Н.

Детский дом – коммуна. [М.], 1919. 17.142.6.62.

Иорданский, Н.Н.

Обзор русской литературы по высшей крестьянской школе. М., 1919. 37.56.6.140.

Искусство и народ. Сборник. Под ред. Конст. Эрберга. Пб., 1922. 122/639

Карелин, А.

Как жили и как будут жить крестьяне. М., 1920. 37.75.7.430.

Керженцев, В.

Как вести собрания. Пг., 1918. 37.75.8.113.

Книга. Сборник статей, рассказов и стихотворений, посвященных книге. Владивосток, 1919. 37.76.7.257.

Коллонтай, А.

Как борются работницы за свои права... М., 1919. 37.60.3.347.

Конституция (основной закон) Российской социалистической федеративной советской республики. Омск, 1920. 37.62.1.171.

Корелин, Г.

Готовьтесь к Учредительному собранию. Керчь, [1917]. 37.74.6.127.

Корнилов, К.

Дошкольное воспитание пролетарских детей. 2-е изд. М., 1919. 37.60.6.500.

Корнилов, К.

Конституция республики учащихся. М., 1918. 37.60.3.194.

Крупская, Н.

Народное образование и демократия. Пг., 1917. 120/15

Крюков, С.Н.

Дети – граждане будущего. (Детские клубы и площадки). Пенза, 1918. 37.60.5.320.

Кулыжный, А.Е.

Сельскохозяйственная кооперация. 4-е изд. Пг., 1918. 37.77.8.424.

Лавров, П.Л.

Социальная революция и задачи нравственности... Пг., 1921. 17.121.2.22.

Ленин, Н.

О новой экономической политике Советской власти. Киев, 1921. 37.55.6.449.

Ленин, Вл. Ильич.

Революционная война. Доклад и заключительная речь на 4-м чрезвычай. Всероссий. Съезде советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Киев, 1919. 111/526

Ленин, В.И.

Речь на съезде работниц. М., 1919.

(Речи и беседы агитатора. №5). 37.63.4.309.

Ленин, Н.

Удержат ли большевики государственную власть. Пб., 1918. 37.63.4.286.

Леонтьев, А.

Пролетарское юношеское движение. Пб., 1920. 37.76.7.162

Лозовский, А. (С.А.Дридзо).

Профессиональные союзы в советской России. М., 1920. 114/1066

Луначарский, А.

Культурные задачи рабочего класса... Пг., 1919. 37.56.5.336.

Львов-Рогачевский, В.

Поэзия новой России. М., 1919. 17.141.2.15.

Маркс, К.

Наемный труд и капитал. П., 1918. 37.75.8.179.

Маркс, К.

Письма к Л.Кугельману... Пер. с нем. М. Ильиной под ред. и с предисл. Н.Ленина. П., 1920. 112/98

Материалы Первого всеросс. Совещания по охране материнства и младенчества. М., 1921. 17.134.5.99.

Новая экономическая политика и задачи партии. Пб., 1921. 37.69.6.254

Новое русское правописание. Ново-Николаевск, 1919. 37.75.7.199.

Новосельский, М.Р.

Как разрешить земельный вопрос в России. Омск, 1919. 37.59.5.297

Новые идеи в кооперации. Сборник статей. М., 1919. 37.63.4.215

Новый закон о страховании рабочих на случай болезни. Екатеринбург, 1919. 37.56.6.369.

Основной закон о социализации земли. М., 1918. 37.77.8.620.

Петров, Д.П.

Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921. 37.62.1.396.

Пименова, Э.

История Интернационала. Пг., 1919. 37.76.8.567.

Плеханов, Г.В.

Интернационализм и защита отечества. Пг., 1917. 116/1013

Программа и устав Российского коммунистического союза молодежи. Осташков, 1920. 37.67.1.3.

Работа среди женщин. Пособие для пропагандисток. Казань, 1920. 37.67.1.311.

Толкователь слов, наиболее употребляемых и малопонятных для начинающего читателя. М., 1918. 37.76.7.19.

Тюшевский, А.

К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках. Пб., 1921. 37.60.7.88.

Флеров, К.Ф., проф.

Сыпной тиф и борьба с ним. М., 1919. 37.60.6.260.

Ходоровский, И.

Партийные и беспартийные. Казань, 1920. 34.85.6.232.

Холера и меры борьбы с ней. Казань, 1918. 37.76.8.736.

Чичерин, Г.В.

Внешняя политика Советской России за два года. М., 1920. 115/702

Электрофикация – главный рычаг народного хозяйства. Сборник статей. [Рязань], 1921. 17.139.5.10

Энгельс, Ф.

Принципы коммунизма. (Первоначальный проект «Коммунистического манифеста»). А., 1920. 37.63.1.380.

Энгельс. Ф.

Происхождение семьи, частей собственности и государства. Пг., 1919. (на обл.: Пб., 1920). 37.56.6.7.

К чему же сводилась работа над русским фондом?

Итак, было проверено содержимое ящиков, отмечены расхождения с паспортом, спешно составленным в предотъездной суматохе. Книги со вспышками старой или свежей плесени отдавались в чистку в реставрационную группу. Кое-что подклеивалось и реставрировалось, если обнаруживался распад бумаги. И на большое количество прошедших через наши руки книг был составлен список их на карточках.

Допотопные неуклюжие ящики, сооруженные Фадеичем, совсем не похожие на современные легкие библиотечные челночки, приняли в себя груды карточек, написанных в разные годы мелекесского «сидения», различаясь в бумаге и в почерке. Составилась картотека в двадцать ящиков. Пятнадцать, отображающих русский книжный фонд, четыре, содержащие описания выборочных книг из иностранного фонда (фонд истории и искусства), и один ящик со списком вывезенных газет 1917-1922.

Предполагалось в будущем на описаниях русских книг, бывших в эвакуации, сделать в каталоге соответствующие пометки.

Слава русскому фонду, вместившему в себя биение умственной жизни нашей страны почти за все время существования гражданской печати!¹¹ Книги изысканные, библиофильские, книги в переплетах художественной красоты и несравненного изящества, книги разных эпох и разных направлений, пережившие на десятки и сотни лет своих творцов, шли одна за другой, как на смотре, привлекая к себе напряженное внимание библиотекаря. Книгу, которую держали в руках современники Петра I, Ломоносова, Новикова и других, ныне держали их далекие потомки!

Значение собирания русского фонда, мне думается, в какой-то степени, особенно оценили мы теперь, в тишине тыла припадая к текущему в наши руки неистощимому книжному источнику. Слава на вечные времена тому, кто был Иоанном Калитой в отношении собирания и сосредоточения книжных богатств! И всем тем, кто берег, умножал и копил книжные сокровища!

КНИЖНЫЙ И БУМАЖНЫЙ ГОЛОД В ТЫЛУ

Веселый майский день. Дверь в канцелярию энергично открывается. Просовывается розовое, упитанное (как и подобает хозяйственникам!) лицо нашего никогда не унывающего завхоза. Он приуныл, на моей памяти, единственный раз: во время тяжелой болезни жены, когда мы увидели его со слезами на глазах.

- «К сведению желающих, на почте имеются открытки!»

¹¹ Часть книг напечатанных гражданской печатью при жизни Петра I, вошли в состав отдела редкой книги, который не подвергся описанию в Мелекессе.

Почта за углом. Открытки – еще редкость. Точно ураган выметает всех нас из канцелярии. Комната моментально пустеет (остается дежурный), а по деревянной лестнице слышится барабанный грохот ног.

Бумага в Мелекессе на вес золота, а пишут много, особенно в гордый Ленинград. Не напишешь – и совсем про тебя «забудут». Этим объясняется нарушение производственной дисциплины.

ЧТЕНИЕ СКАЗКИ

Внучек нашей хозяйки, беленький, белорозовый мальчик с хохолком, в темной курточке, красиво оттенявший его фарфоровое личико, забавный школьник-первогодок, сидел за столом в жарко натопленной избе и внимательно перелистывал какую-то книжку.

- «Юрочка, что это у тебя за книжка?»

- «Сказки. Гена¹² дал на два дня. Почитайте, тетя Маруся!»

Сам еще далеко не сильный в грамоте, он жаждал связного, уверенного и выразительного чтения взрослого.

На постели в углу лежал его отец, бледный и хилый молодой человек, болевший язвой в желудке. За спиной мальчика, сидевшего на широком ларе, лежа дремала хозяйка, его бабушка, высокая суховатая мелекесская матрона, живая и любознательная, но не одолевшая в свое время грамоты.

- «Выбери сам сказку, какую хочешь, чтобы я прочитала».

Мальчик указал: - «Сестрица-Аленушка и братец-Иванушка. Жалостливая!»

Юрочка прерывал чтение возгласами. Сказка была ему знакомая, но от этого не менее увлекательная. За нею последовала другая.

- «По шучьему веленью, по моему хотенью», разворачивалась сказка про удачливого Емелю-дурачка, добывшего себе в конце концов царевну в жены.

Мальчик замер передо мною, восхищенный образами, выплывающими из мрака и населившими избу.

¹² Гена – семилетний сын продавщицы в КОГИЗ`е, маленький Новиков, всегда имевший «свежую» литературу дававший ее на прочтение товарищам.

Сибирская голубоглазая кошка в пепельной шубке мягко положила на рукав его курточки свою лапку. Не поднимая головы, но слышу, как захваченный сказочным сюжетом, довольно и словно оконфужено посмеивается отец, бабушка поднялась на сундук, забыв дремоту, спустила ноги, очарованная, вся – внимание. По-немногу она начинает высказывать вслух свои переживания.

- «Вот тебе и раз! Поди-ко! – Скажите!

- Подумать надо!»

Хозяин тоже тихо пересаживается с папироской на сундук, и передо мной уже полная внимания аудитория всех возрастов, живущая в сказочном царстве, в кругу действующих и говорящих зверей, которые щедро отплачивают человеку добром за добро.

Маленькая детская книжка в пестром переплете делала свое большое дело: уносила мысль высоко над мелочной человеческой жизнью, будила в душе какие-то глубокие молчавшие струны, чего-то хотелось маленькому, робкому человеку, казалось, выросли крылья у него за плечами...

Четыре человеческие фигуры застыли в светлом пятне, брошаемом лампой, пока не было прочитано последнее слово.

- «Петя, что ты в самом деле, оглох, что ли, не дозовешься!» громко окликнула моего слушателя жена его, выходя из соседней комнаты.

- «Я не слышал... сказки заслушался», с детской смущенной улыбкой ответил он.

Сказки, рожденные народом и возвращенные ему в печатном виде, находят в любом возрасте внимательных, благодарных и восхищенных слушателей.

Слава книге, слава сказке, песне, рассказу, роману! Больше книг моей безбрежной родине! Пусть скорее печатный станок займет первое место среди всех станков и на смену снарядам, веющим смерть и разрушение, поток книг хлынет в города и веся нашей страны.

Мы, жители больших городов, завалены книжным богатством и, как сытые не понимают голодных, никогда не поймем и не прочувствуем до конца бедности глухой провинции в печатном слове, особенно в годы войны.

Да здравствует честное, доброе сильное, прекрасное печатное слово!

В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ

Дверь единственного в Мелекессе книжного магазина открывается, и бедно одетая девочка лет 8-ми робко подходит к прилавку. Она внимательно осматривает почти пустые полки. Табель календарь за прошлый год, какая-то новенькая специальная техническая книга в голубом переплете, несколько старых учебников для обмена, юбилейные марки и надоевшие бессодержательные детские книжонки из обрезков бумаги. Вот и все почти «книжные сокровища» не только на сегодняшний день, но и на многие недели и месяцы. Никакой пищи для пытливого детского ума и для впечатлительности, подобной воску, любого ребенка.

В конце концов в маленькой ручке ее оказались «Военные игры молодежи».

- «Почему ты взяла эту книжку? Думала, найдешь в ней картинки?»

- «Да, робко ответила она, разглядывая переплет, на котором выделялась стройная фигура веселого физкультурника. Небогатую добычу, уловила в свою сеть маленькая рыбачка! Она, конечно, не знала о прежних сокровищах книжных магазинов больших городов. Ей незнакомы были увлекательные сказки всех времен и всех народов, нарядные книги с раскрашенными картинками в красных, голубых, зеленых и желтых переплетах, с которыми в детстве вечером не хотелось расставаться, и которые бережно засовывались под подушку и навевали фантастические сны: «Приключения Тома Сойера», «Принц и нищий», «Хижина дяди Тома», «Робинзон Крузо», «Путешествия Гулливера», «Алиса в стране чудес», «Сказки Андерсена»...

Мелекесские дети заходят в магазин, чтобы купить новую марку и какую-нибудь многотиражную книжку, надеясь на белые пространства, не занятые печатными знаками, чтобы, заполнить их своими каракулями или начерно решить задачу.

Ребятам вернули праздник елки и озарили яркими огнями детство будущих взрослых людей. Скоро, скоро, я верю, в пустые витрины хлынет веселый поток разнообразных и доступных каждому детских книг. И на всех хватит, и никто не будет

забыт! Детство без книг – сиротливое, голодное детство, которое нечем будет помянуть в зрелые годы.

Только бы кончилась война!...

Так и случилось впоследствии.

ВСЕ О ТОМ ЖЕ

При слабом, колеблющемся свете двух коптилок Муся Враская погрузилась в чтение. Книга начиналась с 121-й страницы. Осуществилась давнишняя мечта любящей чтение девочки. Мама, наконец, принесла книгу из библиотеки госпиталя: «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. Начало мама рассказывала, а дальше все понятно и страшно интересно. Кудрявая голова склонилась так низко, что пришлось окликнуть девочку, иначе спалились бы ее волосы.

.....

- «Несмотря на потрясающую бедность госпитальной библиотеки, я все же чувствую большое удовлетворение после раздачи книг раненым, горячо и убежденно говорил один товарищ, откомандированный в библиотеку госпиталя.

- «Выходишь из палаты с сознанием, что все-таки всех как – будто напитал. Пусть начала, конца, середины нет – какая ни на есть, а всё же пища! Приходится то начало рассказывать, то конец. Ведь хочется же читателю узнать, например, разошлись или поженились герои!»

Если бы поток неповрежденных и более разнообразных книг влился бы в распахнутые двери госпиталя, с ними бы влился поток животворных солнечных лучей! Томительные дни на койках с острыми, иногда нестерпимыми, болями в членах и в нетерпеливом ожидании вестей из родного дома проходили бы вдвое и втрое быстрее и легче. Раненые, привыкшие видеть постоянно изорванные (дефектные) книги, совершенно серьезно инвентарные номера именовали «инвалидными». Они острили без умысла, определяя всю библиотеку, как инвалидную.

Как-то в обеденный перерыв в руках одного товарища (Т.А. Быковой) появился томик увлекательного переводного романа немецкой писательницы Марлит «Совиное гнездо». Каким-то благодетелем через десяток рук он был дан всего на один день. Хозяйственные хлопоты, кроме служебных, не дали возможности проглотить книгу в положенное время, хотя счастливая обладательница и просидела часть ночи над пожелтевшими и до нельзя истрепанными страницами. Вот почему на другой день за завтраком чтение продолжалось. Оказывается, часть книги была уже возвращена по принадлежности (очевидно, для следования уже в другом направлении), а вторая половина спешно проглатывалась с куском хлеба.

Так жили мы, сторожа бесценные книжные сокровища, как евнухи в гаремах турецких султанов давно прошедших времен, как голодные перед витринами гастрономических магазинов, с трудом добывая занимательную книгу для личного пользования.

Перебирая картошку описаний вывезенного русского фонда, я наткнулась на карточку: Чехов, Н.В. Как учить без учебников. М., 1918. 37.77.8.74

Эта книжка, очевидно, была специально написана для города Мелекесса, чтобы выручить из затруднительного положения учителей военного времени без книг. Жаль, что она была недоступна для лицезрения здешним педагогам мученикам! Неутолимый голод терзал их в отношении учебников и тетрадей.

Арифметике и русскому языку оказывалось предпочтение: для них выдавались тетради. Для выполнения же классных упражнений на немецком языке учительница разрывала свою газету на кусочки, чтобы всех наделить «писчей бумагой». Сомнительно, чтобы можно было на этих кусочках что-нибудь разобрать, вернее, угадать.

Можно ли было успешно «грызнуть гранит науки», если учебников хотя бы того же немецкого языка было всего три на класс!

Представьте себе смятение педагога, когда в руках почтальона его зоркий глаз определил хорошо знакомый дефицитный учебник для записи заказной корреспонденции!?

Были приняты совершенно экстренные меры для возвращения четвертого экземпляра из ведомства связи в ведомство народного просвещения, но, кажется, это дело (за отсутствием царя Соломона) так и осталось неразрешенным. К тому же многие страницы его уже получили густое население из расписок получавших заказную корреспонденцию.

О НОСОВЫХ ПЛАТКАХ, ЧУЛКАХ И ПРОЧЕМ

«Сколько раз я тебе говорила, Машка, что мы бедны!» горестно восклицала милейшая Ольга Борисовна, потрясая перед кудрявой головой сконфуженной Муси отрезанным рукавом.

- «У нас один этот рукавок остался, я думала тебе из него воротничок сделать, а ты в него сморкаться вздумала!»

Употребление носовых платков вовремя войны значительно сократилось у тыловой интеллигенции. Куда делись прежние стопки белоснежных, душистых с кружевами, монограммами, батистовых, полотняных, обвязанных цветными мулинэ, совершенно необходимых во всех случаях жизни носовых платков? Они сохранились у большинства в единственном экземпляре лишь для исключительно парадных случаев. В остальные дни преобладали серые сморщенные комочки, маленькие салфеточки, перебившие профессию, иногда обрезки трикотажа и т.п.

Они конфузливо вытаскивались из карманов и вводились в действие, причем счастливый обладатель их иногда даже поворачивался к собеседнику спиной.

Принижает и угнетает человека его плохая одежда и обувь! Хотя он и остался прежним, и такими же изысканными цветами, быть может, цветет его душа, но убогое одеяние связывает и стесняет его, ибо так было всегда и так долго еще будет: по платю встречают.

Правда, то были суровые годы войны, когда всех или, вернее, большинство сравняла нужда и несчастье, а потому обычные взгляды на многое и у многих изменились.

Однажды Андрюша Ляпунов, потомок известного в науке и в музыке рода Ляпуновых, несколько растерянно и то же время весело улыбающийся, вошел в канцелярию, произнес обычное

«здравствуйте». На одной ноге его болталась оторвавшаяся подошва. Весенняя слякоть делала улицы почти непроходимыми. С помощью чьих-то жалостливых и усердных рук (не Трей ли?) подошва была крепко привязана, и нога мальчугана могла хоть сколько-нибудь противостоять непогоде. Калош у него не было.

Юбочка выросшей Нели едва доходила ей до колен, а из-под нее виднелись спасительные лыжные панталоны. Девочка напоминала в них обитательницу гарема.¹³

Уже завернули большие морозы, а Галя Дружинина все еще бегала в плохенькой и коротенькой одежонке, пока мать не соорудила ей шубейку, с трудом выкраивая светлые часы, не имея ни швейной машины, ни достаточного материала.

На Мусиной серой шубке было больше дыр, чем звезд на синем небе Мелекесса. Хотя мать неустанно наказывала и доказывала ей, как «большой девочке», необходимость быть аккуратной и ходить обчиненной со всех сторон, но эта философия была такой далекой, скучной и совершенно недостижимой. Одна дыра неизменно влекла другую, и бедняжка жила в заколдованном кругу ежеминутно возникавших новых дыр. А кудрявую голову ее влекли детские игры, чтение, рисование, а иногда даже куклы.

Из ее сарафана, пронизанного дырочками, с гордостью избретателя мать сделала необыкновенную наволочку: синюю, с цветочками, т.к. белые наволочки довоенного образца совсем расплозились. Каждый лоскут совершал удивительный кругооборот, покамест окончательно не выходил в отставку на полную пенсию и не оседал где-нибудь на печке полузабытой ветошкой.

Мои зимние рукавицы на вате, сшитые сестрой, покрытые яркозеленым сукном, напоминавшим нам ломберный стол в уютной малиновой гостиной родного дома, выделяли меня из всех жителей Мелекесса.

Однажды я оставила их на дворе. Коза, привлеченная их зеленым цветом, напоминавшим свежую траву, ни за что не хотела отойти от них, считая своею собственностью, пока я не приняла крайних мер: сурово замахнулась на нее палкой.

- «Какое счастье!» - задыхаясь от быстрой ходьбы и от тяжелого мешка за спиной, говорила мне, сияя довольной улыбкой,

¹³ Правда, теперь это вышло в детскую моду.

Ольга Борисовна – «Я и сама помылась и белье выстирала в законный банный и прачечный день в госпитале. И еще обмылочки, подумайте, там получила! Мокрое белье несу в рюкзаке. Тяжеловато, но это не беда! Зато в воскресенье можно не стирать, а только вычинить его: залатать и заштопать. Прямо так рада, так счастлива, что и сказать не могу!»

Маленький кусочек удачи, подхваченный налету, уже давал бодрую зарядку на день. Как мало нужно было иногда человеку, чтобы почувствовать себя довольным в суровые годы войны!

Я почти исключительно говорила пока о предметах женской одежды, потому что у нас была преимущественно женская, само собой разумеется, героическая бригада. Если мужчины геройствовали в основном на поле брани, то женщина, главным образом, на своих плечах несла тяготы жизни в тылу. Из мужчин оставались лишь мальчишки, старики и инвалиды.

Серенькая, закутанная в старую шубейку, и обмотанная платком, колесила она по всем дорогам на санях и в телеге, работала во всех учреждениях, вела хозяйство в поле и дома, рубила дрова в лесу, шила на красную армию, стирала на раненых, растила сирот – тыловая, поистине героическая женщина, несомненно заслужившая не обнародованную еще специальную медаль для женщин за неслыханное терпение, удивительную выдержку, мужество, непосильный труд от утренней до вечерней зари. На ее плечах выстоял тыл и не сдался.

Некоторые вещи, как в большой богатой семье, в нашем коллективе переходили от одного члена к другому. В наследство от выросшей Нели счастливый Андрей получил летние туфли. Но мальчик, как в сказке, рос и мужал, и скоро туфли, еще крепкие, были заброшены в дальний угол комнаты. Наследницей их оказалась Верочка Якаб. На ее маленькие ноги они пришлись совсем впору. Она могла теперь безбоязненно встретить весенние и летние дни. Ее большие темные глаза, опушенные длинными хлопающими ресницами, сияли блаженством.

Она была маленькая и тоже героическая школьница в старой шубке и в огромном меховом капоре, который чрезвычайно слушал ее застенчивое сердце, вызывая насмешки мелекес-

ских ребят. Она любила учење, была очень старательна и трудолюбива, но у нее не было собственных учебников, и она занималась с более счастливой подружкой.

Болезненный ребенок, которому обремененная нуждой и занятая уроками мать не могла уделять много внимания, боролся сам, как умел, с нуждой, с голодом и холодом, вертясь в водовороте житейских волн. Промокала обувь, отрывалась пуговица, мучил голод, учительница была не совсем справедлива, посинели от холода маленькие руки – тысячи несчастий подстерегали ее на каждом шагу, а мать сама моталась по городу в развалившейся обуви и с голодным желудком.

И вспоминалось свое счастливое, беззаботное детство, когда мать всегда была возле тебя и горела для тебя ночью и днем непогасающей яркой свечой...

Много таких же ребятишек выбегало из татарской школы, бывшей в нашем дворе, в рваной одежде, в ужасной обуви или босые, с мешочками через плечо или в руках, с чернильницами на веревочках.

Мануфактуры в городе почти не было, выдавалась она по ордерам. Продавалось, покупалось, и переделывалось на все лады всё то же базарное тряпье. Война отразилась жестокой нуждой в тылу, совершенно раздетом и разутым. Сотни материнских рук без усталости кроили, перекраивали и красили в необыкновенные цвета какие-то лоскутья. Выходили платья невиданных фасонов. Ничего красивого и привлекательного матери не могли дать своим ребятишкам. Лишь было бы крепко и не расплозлось на подвижном потомстве, пока отцы сражались за будущее страны.

.....

Поверьте мне на слово, что Бриллиант в своем огородном или лесном костюме (в коротких брюках, порванных на коленях, с круглыми заплатами на сиденьи, и в таком же рваном пиджачке, без воротничка и галстука) не имел того приятного, серьезного и значительного вида, как в праздничной изяшной паре и в белоснежном белье. В последнем случае, не взирая на его небольшой рост, он внушал всем встречным какое-то невольное уважение.

Но однажды он наоборот внушил подозрение, правда, по другому поводу, когда шел нагруженный добавочным месячным хлебным пайком, едва видный среди сеток с круглыми карава-ями. Милиционер, встретившийся с ним, снисходительный во многих других случаях, почему-то решил проявить в отношении нашего товарища особую бдительность и пригласил его в свое уважаемое учреждение. Там его допросили с пристрастием, подозревая в нем злого спекулянта, и только через час, получив веские доказательства его невинности, отпустили с миром. Однако, ради исторической точности, следует заметить, что этот случай ничуть не нарушил невозмутимости, хладнокровия и спокойствия нашего несравненного коллеги.

Другой наш уважаемый товарищ Якобсон тоже имел случай попасть под подозрение. В своем весьма поношенном костюме и широкополой шляпе, надетой набекрень, из-под которой видны были его лукавые глаза и насмешливая улыбка, он бродил однажды по полям и лесам в поисках ушедшей за хворостом племянницы. Часовой, охранявший железнодорожный мост, захватил его, как подозрительного субъекта, переступившего запретную зону, и нашему дежурному в канцелярии пришлось устанавливать его личность по телефону, чтобы освободить из-под ареста. По платю встречают!

Приближавшееся наступление весны, конечно, радовало всех, но и пугало также. Скоро придется бросить валенки. Встал вопрос об обуви, галошах и ... чулках. Многие товарищи уже промачивали ноги днем на солнце, но менять валенки на другую обувь не могли за неимением чулок.

Младшая в нашем коллективе находчивая Сима Неймотина соорудила для валенок длинные чулки из двух пар белых мужских носков, которые легче было получить по ордеру в магазинах. Вторая пятка приходилась на колено, а носок был срезан. Последователей было много. Это странное, но весьма полезное сооружение можно было скрывать в валенке, но туфля или ботинок все же требовали обыкновенного чулка.

Заслуженного патента на изобретение Симочка не получила, но мы лишний раз убедились, что в жизни всегда суме-

ет выйти из затруднительного положения и не пропадет.

От прежних чулок почти ничего не осталось. Несколько раз обращались с петицией к могущественному Гранскому. Наконец, настал счастливый день. Странно, что он не был отмечен красным в календаре!

Гранский сделал несколько оборотов по улицам Мелекесса (в своих подбитых золотыми гвоздями сапогах) и раздобыл ордер на 26 пар женских (о, радость!) чулок цвета какао. Правда, краска во многих местах дала подтеки, но разве это ничтожное обстоятельство могло повлиять на выражения горячей благодарности со стороны женского коллектива!

Повсюду, на столах и на спинках стульев лежали и висели спасительные чулки одинакового цвета. Время от времени в тишине канцелярии раздавались возгласы: «Какое счастье! Две пары чулок! Изумительно! Спасибо Гранскому! Восхитительный подарок!»

Самая нетерпеливая сейчас же обновила одну пару, и взоры всех с удовлетворением обратилась на ее ноги, обтянутые какаовыми чулками. Чулки эти получили особое наименование – «чулок имени Гранского».

Если я сумела вызвать интерес к ним в читателях, то прошу принять к сведению, что у некоторых из наших мелекесских дам их можно было еще увидеть на ногах по возвращению в Ленинград. Они были того же цвета какао, только сильно разбавленного молоком. Чулки имени Гранского!

В будничные дни мы постоянно бывали бедно и плохо одеты. Якобсон, приходя читать лекцию в госпиталь, старался не расставаться со своим пальто и ухитрялся надевать халат прямо на него, чтобы скрыть большие изъяны в нижней части своего костюма.

Враская шептала мне как-то, исповедуясь за день, что она всегда радуется густым парам госпитальной бани, которые скрывают значительные дефекты ее гардероба по сравнению с гардеробом медицинского персонала.

Правда, в торжественных случаях мы извлекали из чемодана или снимали с гвоздя праздничное платье, лелеемое как зеницу ока, и, чувствуя себя гордыми и сильными в крепкой одежде, не разлезавшейся при каждом движении, не узнавали в красивых леди и джентльменах дорогих товарищей будничных дней.

САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ ЧЕЛОВЕК В МЕЛЕКЕССЕ. (ПОЧТАЛЬОН)

В ожидании почтальона сотрудники не расходятся по своим рабочим местам, переступают с ноги на ногу, время от времени перекидываются двумя-тремя словами и нетерпеливо поглядывают на дверь. И когда уже больше нечего ждать, судя по часовой стрелке, и все готовы уже разойтись – вдруг шумно распахивается дверь, и появляется самый любимый человек в Мелекессе – почтальон. Струя свежего воздуха врывается с ним. Он уже заранее улыбается, т.к. знает, что его, долгожданного, встретят радостными восклицаниями и, окружив тесным кольцом, будут по-детски нетерпеливо заглядывать в его разбухшую сумку.

После его ухода на некоторое время водворяется тишина, словно мы с поверхности земли проваливаемся в шахту. Склонные головы, шелест бумаги, лихорадочное перелистывание страниц, внутреннее горение. Немного погодя – возгласы, прочитывание вслух выдержек из писем, передача волнующих газетных новостей и толчея у развешенной на стене карты.

Мелекесский почтальон! Как он был нам нужен! Он был гораздо важнее, гораздо значительнее ленинградского и московского почтальонов мирных времен. Он приобщал нас, заброшенных далеко от родины, выкинутых (войною) из культурного центра, к общей жизни страны, приносил животворные вести, воскрешал из мертвых и заставлял снова радостно биться оледеневшее от страха и боли сердце.

Заплаканные глаза уже сияют сквозь слезы, в ушах звучат дорогие голоса раскинутых по земному шару членов семьи, и снова хочется жить несмотря ни на что!

Да здравствует почта в глубоком тылу и самый лучший из всех письмоносцев на свете – мелекесский почтальон!

БАЗАР ЖИТЕЙСКОЙ СУЕТЫ

Базар. Перед стоящими и сидящими продавцами двигаются цепью покупающие, напирая друг на друга и отдавливая друг

другу ноги. Какие только предметы ни разложены на земле и ни развешены на руках и на плечах торгующих! Они виднеются даже на их головах в виде подлежащих продаже мужских и женских головных уборов.

Вот молодые девушки, говорящие желанием обладать недоступными их карманам тканями, новыми и надеванными, но старательно разглаженными платьями; ребятишки, всех ступеней состоятельности родителей их, босые и обутые, с чисто вымытыми рожцами, с расчесанными локонами и буквально заросшие волосами и грязью, но все одинаково замирающие от восторга или выражающие таковой громкими восклицаниями при виде какой-нибудь намалеванной картинки, убогой книжки, ярких бус, обрывка ленты старых елочных украшений и т.п.; деревенские жители, для которых базар – всё: место совершения серьезных денежных операций, гостиный двор, выезд или выход в большой свет, впечатлениями от которого можно жить целую неделю; татары и татарки, не снявшие еще своей первобытной одежды в виде передников, халатов, плисовых безрукавок. Чай, сахар и бусы - их страстишки.

Много фланирующих, как на бульваре. Радостные встречи и долгие оживленные разговоры посреди дороги, в водовороте людской толпы. Мощные, все покрывающие звуки великолепной гармонии, пьяные голоса и реющими над ними другие, уговорные, осторожные, чтобы не раздражить выпивших.

Лица выражают все присущие человечеству чувства: восторг, зависть, желание, злобу, печаль, отчаяние, равнодушие, покорность, радость, самоуверенность и т.п. Базар житейской суеты! И ты такой же, как все, обуреваемый той или другой гаммой настроения, смотря по тому, постигла ли тебя удача, или фортуна сегодня отвернула от тебя свое изменчивое лицо.

Приближается сборщик пени за место стоянки на базаре. Несколько человек быстро покидают ряды и испуганно скрываются в качающихся людских волнах, чтобы не платить 15 рублей. Присутствуешь иногда при жестокой расправе. Если деньги не уплачиваются, отнимается какая-нибудь из продающихся вещей и уносится в контору, а позади плетется с надрывающими сердце слезами и жалобами потерпевшая.

Смотря по времени года, шелкают семечки, едят ягоды из бумажных фунтиков, жуют сушеную тыкву, вкусно хрустят огурцом или яркой морковью. Десять раз прицениваются к вещи, распяливают ее на руках, измываются над нею, чтобы сбить цену, и, наконец, покупают. В иных распахнувшихся мешках и раскрывшихся свертках тебя поражает количество денег у покупателя.

В недрах этой толпы затериваемся и мы, как никому ненужные и никому неведомые песчинки.

У тебя еще нет денег, а у кого они уже есть, тот быстрым, уверенным шагом направляется к рядам и павильонам. Съестной базар в полном разгаре. Стоят крестьянки в белых платках с лукошками яиц; продажные козлята на руках хозяек поворачивают свои миловидные, смешные рожицы; под навесом, где развешивают масло, толпятся и жмут друг друга голаящие хозяйки; спелые овощи привлекают взоры яркими и свежими красками: пламень помидоров и моркови, вишневый цвет свеклы и горы изумрудной зелени – капусты, огурцов и луку. Но твоя дорога – в ряды импровизированного пассажа, крышею которого служит небесный свод, а тентом – набегающие облака.

Невыносимо печет солнце. Товар не продается. Напрасно поворачивается на протянутой руке колыхаемая ветром копия картины Васнецова «Витязь на распутье», написанная сестрою на холсте, в красиво расцветченном фантастическими цветами обрамлении. Перед богатырем накренившийся могильный памятник. Догорает алая вечерняя заря. По необозримой степи разбросаны камни. Летит ворон на белеющие кости...

Старики задумчиво созерцают картину и, видимо, проникаются ее печальным настроением.

«Это – Кутузов», уверенно говорит один из молодых. «Степан Разин», «Руслан», раздаются время от времени возгласы.

«Видик», как называют иногда это произведение фланирующие покупатели, несмотря на успех, все же не продается. Излишняя роскошь для военного времени!

Очевидно, назначили слишком большую цену, думая о кошмарной дороговизне картофеля (40-50 р. килограмм), нашей основной пище. Покупатель уходит.

Расчет прост: в сутки на двоих, чтобы быть минимально сы-

тым, надо иметь 100 рублей. 100 рублей помножьте на 30 – 3000. Ты получаешь, в лучшем случае, 1000. Где взять остальные две? А дрова, квартира и прочее?

На базар летят простыни, полотенца, платья, посуда, золотые и серебряные вещи, у кого они еще остались. Чемоданы опустошаются. В последующие месяцы ты уже ощущаешь отсутствие того или другого проданного предмета. Но в свое время голод повелительно указывал тебе снести их на торжище. И чтобы не чувствовать когтей голода, раздирающих твои внутренности, ты радуешься, если удачно спускаешь в чьи-то неведомые руки любимую или памятную вещь.

Решаешь, наконец, продать за предложенную тебе цену. Вытягиваешь шею, чтобы найти упущенного покупателя в пестрой движущейся толпе. Проходит мучительный час. И, счастье! Он вдруг вынырнул откуда-то и стоит перед тобою.

- «Берите, я согласна!» радостно протягиваю покупателю руку, с понравившейся ему вещью.

- «А я уже все деньги извел, другое купил. Вы дорого просили!» несколько вызывающе отвечает долгожданный покупатель, и холод отчаяния заливает твое сердце. Жестоко разносишь себя, но уже поздно.

И так горишь ты, как в огне, всякий базарный день долгие голодные месяцы. Почти весь коллектив шагает по базару.

Вон, прижав подбородок к коленям, в неподвижной позе застыла Ляпунова. В руках у нее полинялое детское платьице, мех, галоши, шапочка, мотки шелковых ниток. Надо кормить троих (прикованную к постели сестру, себя и мальчугана – сына), а служба почти не кормит: зарплата в условиях рыночных цен смешна своей ничтожностью.

Ляпунова! Композитора и пианиста имя отца ее известно и за пределами СССР. Глубокой музыкальностью была отличена вся ее семья. Не оконченная диссертация, горение еще молодых сил, ощущение в себе большой культурной зарядки...

Программа ее выходного дня никогда не может быть целиком выполнена: продажа вещей на базаре, приготовление обеда, мытье пола, стирка, баня, хворост, починка белья, уход за недвижимой сестрой, огородное хозяйство, далекое от дома. Успеть сказать хотя бы несколько воспитательных слов, сделать

несколько ласковых внушений Андрюше, чтобы вырастить его в традициях старого культурного рода.

Иногда тебя захлестывает дождь, и, еле вытягивая промокшие сапоги из вязкого месива, ты бежишь домой, ничего не продав, или снежная пурга, кружась и завывая вокруг тебя, пронизывает насквозь обмерзшее тело и рвет из рук вынесенные для продажи вещи.

Грубый окрик сборщицы пени за стоянку, перспектива голодного вечера, воспоминание об утраченном навсегда уюте родного дома, светлый образ дорогой матери, хранительницы домашнего очага, любовь которой делала тебя всегда такой сильной и доброй – весь этот хаос мыслей, чувств, переживаний заставляет тебя остро чувствовать чужбину и даже сиротство, не смотря на, казалось бы, запаленные зрелые годы.

Но когда затуманенными глазами взглянешь в расстилающуюся перед тобою даль и вспомнишь, сколько молодых жизней уже пало в битве, и сколько падет еще от смертоносных снарядов, сколько осталось на поле брани не осуществившихся надежд, желаний, полетов мечты, безжалостно развеянных замыслов – море скорби и океан страданий – берешь себя в руки и, укоряя за ропот, тихо бредешь домой...

Когда же в руках твоих появляются грязные бумажки, ты летишь к рядам продавцов с блаженным чувством, что ты теперь такой же, как и все, покупатель, а не презренный продавец с измотанными нервами, и покупаешь часто без расчета, без мысли о завтрашнем дне. Большие деньги, как вода, уплывают из-под твоих пальцев. Хочется есть!

Некоторые месяцы мелекесской жизни приближались к потрясающим голодным месяцам, пережитым в Ленинграде, обложенном врагом.

ХЛЕБ НЕСУТ!

Надвигаются сумерки. Давно уже кончился производственный день, но многие не уходят домой и, стоя у окна, напряжен-

но всматриваются вдаль, не покажется ли на площади ящик с хлебом из пекарни.

Целый день не было хлеба. Обещали не раньше двенадцати, потом в два, в четыре, наконец, обязательно в шесть. Так хочется есть!

Вначале, сразу после рабочего дня, оставшихся в ожидании хлеба сотрудники бодро переговаривали между собой, предвкушая в недалеком будущем почувствовать в руках аппетитный ломоть хлеба, но обо всём уже давно переговорено, доминирует голод, и «разговор упадает, бледнея», как превосходно выразился поэт.¹⁴

Четыре часа, полчаса, час. Еще раз стрелка отмечает четверть шестого, половину шестого, шесть. С колокольни радостно срываются шесть ударов. Салют хлебу!

Но хлеба все еще нет, саней еще не видно. В комнату вливается густой и скорбный сумрак погасающего зимнего дня.

Вдруг, как всегда неожиданно, когда слишком долго и напряженно чего-то ожидаешь, слышится радостный голос: «Хлеб привезли!»

Жизнь снова становится прекрасной!

Начинается оживление, поднимается шум и разговоры. Очищается стол, вносится горящая лампа, приготавливаются весы и нож.

Распахиваются двери, и появляются носилки с еще не остывшим хлебом.

Прежде всего хлебодар старается наделить шоколадными глыбами заждавшихся детей, пожилых, далеко живущих. Хлеб действительно кажется по вкусу шоколадным тортом. Съедаешь ломоть – и чувствуешь себя снова сильным. Ты сыт сейчас, сегодня! Неважно, что будет завтра. Подкрепленный несешься домой, к своим голодным с такой быстротой, как – будто ты выиграл крупное дело, узнал потрясающую новость, сделал неожиданное открытие, получил согласие любимой или любимого. И это только потому, что у тебя в руках появился кусок хлеба.

Если бы я была композитором, я, наверное, положила бы на музыку два момента, порожденные войной и блокадой: отбой воздушной тревоги и насыщение хлебом. Хлеб несут! Божественная музыка для изголодавшегося тела! Отбой воздушной

¹⁴ А.Н. Апухтин в своем стихотворении «Мухи».

тревоги! Сладостное врачевание духа, изнемогшего от трепета перед призраком смерти!

Все, испытавшие это, поймут меня и, конечно, поняли бы мою неродившуюся музыку. Это были бы волны радости, поднимающие тебя на радужных крыльях! Человеку, полному сил, сначала угрожали жестокой смертью, и он уже готовился к смерти и почти умирал – как вдруг ему даровали жизнь. Он снова жил и наслаждался мгновением, не думая о том, долго ли продлится дарованное бытие.

ГОЛОДНЫЙ 1944 ГОД

Это был год, когда худенькая, бледная Неля на жалостливые замечания матери и бабушки, почему она так худа и бледна, с горьким упреком отвечала: «Я же не виновата, что вы не даете мне есть, сколько я хочу!»

Когда у Муси Враской бывал «выходной день от лебеды»; когда в продолжение нескольких месяцев (до снятия нового урожая) многие из нас были накануне памятного дистрофического 1942 года в Ленинграде; когда матери с отчаянием взирали на своих похудевших детей, и изнемогавшие от голода ленинградцы в Мелекессе ташили на базар необходимые в хозяйстве вещи, в продаже которых впоследствии горячо себя упрекали; когда милая Ольга Борисовна в первый день получения хлебного пайка (его обыкновенно брали на два дня) с упоением глядела на кусок золотистого каравая и, отрезая ломтики до строго намеченной границы и уписывая их обыкновенно стоя, время от времени произносила: «Изумительно! Божественно! Восхитительно!»

По вполне понятным причинам она, как и другие, часто переступала указанную благоразумием границу.

После раздачи развешенного хлеба, если это случалось днем, вся канцелярия на некоторое время дружно погружалась в единообразную работу – уничтожение ломтей и ломтиков хлеба. Это были лучшие медовые пряники давнопрошедших времен.

- «Как вы делите в своей семье хлеб?» - спросил как-то один любознательный товарищ другого.

- «В первый день мы едим, сколько кто хочет, а на второй подсовываем друг другу кусочки, утверждая, что сыты. Чем меньше хлеба останется, тем меньше всякий из нас хочет есть», смеялся он в ответ. Так съедался недостаточный хлебный паек в атмосфере семейной любви и согласия.

Это был год, когда в меню некоторых товарищей постепенно начала входить дуранда; когда страшное бедствие – смертельная асептическая ангина – охватило наш край. Голодные жители собирали на полях перезимовавшие зерна, мололи их и пекли лепешки и хлеб. Эти зерна были причиной смертоносной болезни.

.....

Не забуду я летний безоблачный день, когда на закате его я шла по направлению к лесу за хворостом. Шедшая мне навстречу худенькая женщина, согнувшаяся под тяжестью вязанки и мешка, вдруг остановилась передо мною.

- «Слава Те, Господи!» набожно сказала она, глядя на меня радостными и благодарными глазами. – «Счастье-то какое! Своя картошка народилась! Накопаешь и несешь домой, ног под собой не чуешь. Измаялись, изголодались мы! Мыслимо ли, что на базаре делалось! Слава Тебе, Господи!» - благоговейно повторила она.

Я, конечно, со всей искренностью поделила ее бывшие и настоящие переживания. Мне было приятно, что она в своей глубокой радости осуществившегося благоденствия обратилась ко мне, незнакомой, как к сестре, чтобы я поделила переполнявшее ее светлое чувство благодарности и умиротворения.

Мы простились, и я пошла дальше, любуясь красками угасившего дня, охваченная теми же светлыми чувствами благодарности и успокоения за грядущий день.

«Хлеб наш засушный дождь нам днесь!»

ТИТАНИЧЕСКИЕ РАБОТЫ (ЛЕС)

Мы ходили и ездили в лес, трелевали и грузили дрова на машину. Иначе мы не имели бы дров на зиму ни для своего учреждения, ни лично для себя. Самые и больные оставались «дома»:

дежурили в канцелярии и работали, а менее пожилые и немногие молодые отправлялись в трудную экспедицию.

Летом 1942 г. первый отряд товарищей, прибывших в Мелекес, даже жил в лесу на дровозаготовках некоторое время, но я описывать это не стану, т.к. не переживала с ними их «труды и дни».

ПЕШЕХОДНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1943 году мы не раз ходили пешком в лес, когда наша работа ограничивалась «трелеванием», т.е. выносом заготовленных метровых и двухметровых дров к дороге и складыванию их в поленницы. На ходьбу туда и обратно приходилось 4-5 часов. На работу мы тратили столько же времени, сколько на доставку себя к рабочему месту в лесу и домой. Из-за этих длительных проходов на дровозаготовки уходили дни целиком.

К работе приспособлялись по-разному. Устраивали «носилки» - пару крепких жердей – и на них вдвоем переносили толстые бревна. Другие в одиночку направлялись к поленницам, видневшимся сквозь зеленые заросли, вынося на плече по одному, по два ствола.

Часы бегут, силы падают, все чаще спрашиваешь о времени, пока, наконец, не подается сигнал к желанному отдыху. Тогда ты чувствуешь себя хозяином своего «я». Ты опять отдельная единица, ярко выраженная индивидуальность, а не часть целого, увлекаемая общим порывом.

Каждый действует по-своему. Немногие отправляются на поиски грибов или ягод, на заготовку березовой коры или хвороста. Остальные занимают удобную лесную мебель – березовые, сосновые и дубовые пни – и завтракают хлебом, огурцом, помидорами и т.п., а потом растягиваются на мягком травяном ковре.

К назначенному часу все честно стекались в канцелярию, одетые до неузнаваемости. Можно было подумать, ряженые на святках отправляются в веселый поход. На ногах бывали и лапти, и самая стоптанная и рваная обувь, тряпицы, изношенные чулки. У Цили Абрамовны Озеровой были башмаки на деревянной подошве.

Надевали брюки в крупных заплатках, платья, потерявшие свой цвет и фасон, неведомо с чего плеча взятые куртки. Брали топоры, пилу, мешки и вервие для хвороста, мешочки с провиантом и бутылки с водой, чаем и молоком.

Оглядывая эту серую, невзрачную толпу, как загадочную картину, можно было задать вопрос: «Найдите, где здесь библиотекари имени Салтыкова-Щедрина, привыкшие к красоте и величю ее высоких старинных залов». Была толпа людей сурового военного времени.

И тем не менее всякий поход вызывал соревнование. И если тебя отстраняли за ненадобность, ввиду твоих пожилых лет или необходимости добыть для всех хлеб и подежурить в канцелярии, ты искренне огорчался за предстоящие «будни» т.к. лес, далекий, чудный, зеленый или золотой, простирал к тебе объятия, а ты не смел войти в его таинственную глушь.

Водворяется тишина. Возбужденный пульс бьется, все ровнее и спокойнее, воздух, насыщенный кислородом и ароматами лесной чаши, легко струится в грудь. Сладкая дремота смежает веки. Мягкая поступь осени, блики солнечного света, кружево ветвей, серебряные нити паутины... Как малое дитя в люльке, убаюкивает тебя лесная тишина.

Призыв начинать работу. Усталость не прошла, наоборот, чувствуется сильнее. Медленно поднимаются с пней, с бревен, из травы хорошо знакомые фигуры. Из чаши торопливо подтягиваются неутомимые товарищи, ходившие за лесными гостиницами.

Опять липы, березы, сосны ложатся на плечи и, как муравьи суетливо ташат былинки, так люди ташат бревна к проезжей дороге.

Наконец, возвращенье домой! Словно пилигриммы растягиваемся мы по длинной лесной дороге. За спинами – хворост, березовая кора, в руках – смотря по времени года – или букеты цветов или золотом светящиеся ветки. Утомленный шаг, мечты об отдыхе. Бывало, уходишь из леса, когда день еще в полном разгаре, а ближе к дому застает тебя уже тихий вечерний час.

Но как бы ни была тяжела работа в лесу, все покрывала неотразимая красота родной природы!

ПОЕЗДКИ НА МАШИНЕ

Итак, сегодня мы едем. Поверьте моему опыту: страшен только грузовик! Остальное все прекрасно! Я говорю с точки зрения пожилого, не очень храброго и не очень способного к физкультуре человека. Я и некоторые такие же, как я, заранее просили технических сотрудников, чтобы они поспособствовали нам сначала подняться на грузовик, а потом оставить его высоты.

Уехать было не так просто. Ждали машину бесконечно долго, т.к. шоферы – народ «самостоятельный», как говорят, съедали половину завтрака, звонили по телефону, глядели в окна, уставали от одного ожидания – пока гудящая машина с грохотом не подъезжала к подъезду. Скатывались по лестнице, карабкались со всех сторон на грузовик, большинство неловко и без всякого изящества, если не выразиться сильнее. С презрением и с насмешкой, а иногда и с сожалением смотрели вельможные шоферы на нашу непривычную к работе титанов бригаду.

Но вот все уже на дне грузовика. Прижавшись друг к другу, подбрасываемые, как мячики, толчками от неровной мостовой, лежим мы по улицам Мелекесса. Ветер треплет волосы, пронизывает тело, ты весь избит тряской и вымазался в грязи и в масле, но берешь себя в руки, как часть единого целого – и вот уже золотые или зеленые ветки ласково шуршат и склоняются над твоей головой. Направо и налево разворачиваются пейзажи неописуемой красоты.

Кружатся в веселом хороводе березы, сосны, дубы, липы, горят яркими алыми красками осенние листья в темных зарослях, словно огни разведенных костров, а мы несемся все дальше, глубже в лесную чашу, такие слабые каждый в отдельности и такие сильные в сплоченном и дружном коллективе.

С ощущением тошноты одеревенения в членах выбираешься из грузовика с помощью технического сотрудника. Грузовик устанавливается, указываются дрова (метровые или двухметровые), подлежащие погрузке, и начинается работа. Нас немного, молодежи совсем мало, а в общей сложности нам очень много лет (напр., троим не менее, как полтора года!) Сила далеко не увеличивается пропорционально возрасту, как всем известно. Уныло поглядываешь иногда на сваленные лесные великаны: ка-

жется, что к ним и не подступишься. Но дружная совместная работа творит чудеса. Над простертым чудовищем склоняются 4-5 товарищей, и вот оно уже двинулось по направлению к грузовику. Несколько секунд большого напряжения, порозовевшие от усилий щеки, надувшиеся на руках жилы – и массивное бревно уже принимают стоящие на грузовике более молодые или более сильные товарищи.

Одно, другое, третье. Иногда отступаешь, видя, что твое бессилие может только помешать. Иногда радостно чувствуешь, что и твоя крупица усилий пригодилась в общем деле. Некоторые товарищи делали героические подвиги, другие прилагали героические усилия. Одним словом, вся наша бригада в конечном счете, могла быть названа героической.

Нагруженный доверху грузовик тяжело выбирается на дорогу, наезжая на пни и кочки. Его сопровождают два-три товарища, а остальные предоставляют самим себе до возвращения Маск'а (машины).

С последним грузовиком и мы все уезжаем.

Сначала он в последний раз нагружается нашими руками. Снова ташим, пыхтим, прогоняем с дороги толкающихся под ногами слабых товарищей. Те или объединяются друг с другом, или носят в одиночку тяжести меньшего веса. «Силачки» на грузовике принимают и укладывают иногда колоссальные стволы. Наконец, все готово. Приказ – садиться!

Поднимается и засовывается во все щели грузовика заготовленный хворост (частная собственность!), и вновь карабкаются во всех сторон усталые товарищи. Надо подтягиваться! Никто не будет ждать именно тебя! Неловко же сказать, что тебе страшновато, что тебе никак не влезть, напрягаешься изо всех сил и штурмом берешь грузовик.

Покачивающаяся крепость несколько раз подбрасывает сидящих, поворачивает на дорогу и с шумом несется вперед. По обе стороны снова мелькают кружащиеся в хороводе деревья, ветки стегают иногда по голове и по плечам высоко сидящих. Предзакатное солнце мерцает сквозь листву и льет золотые потоки в просветы между стволами.

Однажды на обратном пути наш «танк» вдруг остановился. Помощник шофера лезет под машину, под колеса, что-то шупа-

ет, льет воду, производит ряд таинственных манипуляций. Отрывистые слова, соображения, советы невежд, подающиеся со всех сторон. Меркнут золотые лучи, темнеет дорога...

Вдруг толчок, и машина сдвигается с места. Немного проехала и опять остановилась. Теперь, очевидно, надолго. Зажигаются спички, освещая озабоченные лица, опять кто-то лезет в темноту, стучит молотком, угрожающе не отвечает на вопросы осведомляющихся. Слова ответственных деятелей всегда на вес золота.

У некоторых возникает желание идти домой пешком, но нельзя же бросить машину с дровами, так дорого доставшимися! Отпускают троих, у кого есть семьи, за кого особенно будут бояться, т.к. надвигается ночь. Уходящих просят зайти и успокоить некоторых домашних уведомлением о досадной задержке, которая должна быть обязательно преодолена.

Три фигуры (среди них и я), едва держась на отсиженных ногах, нащупывают свои мешки и сползают в темноту, помогая друг другу и боясь друг друга потерять.

Тем временем ночная жизнь вступила в свои права. Все изменилось вокруг: исчезла таинственная красота леса, и он только страшит пугливого человека своим загадочным мраком. Фантазия услужливо населяет его волками, сбжавшимися как раз к моменту порчи машины. Но беспокойство за семьи гонит нас вперед.

Идем уже ошупью, почти в полной темноте, сцепившись друг с другом, идем, как нам кажется, очень долго, перебрасываясь изредка словами, как вдруг замечаем мелькающие вдали огни города. Настроение поднимается, ноги двигаются быстрее и легче, но проходит еще не менее полутора часов, прежде чем под нашими ногами застучат деревянные мостки «тротуара».

Наконец, все подвиги окончены, и «герои» спешно утолив свой голод, засыпают мертвым сном.

ТИТАНИЧЕСКИЕ РАБОТЫ (ОГОРОД)

Во многом мы жили одной жизнью с народной массой. Мы вместе со всеми молили небо пролить дождь на высохшие поля, не думая, конечно, перед угрозой неурожая о развалившейся-

ся обуви. Как далеки были воспоминания о юности, о тех временах, когда солнце было необходимо для веселых прогулок, а дождь, барабанивший в окна, усиливал уют просторной комнаты, в которой мы забивался с увлекательной книжкой куда-нибудь в уголок!

Природа должна была трудиться вместе с человеком для того, чтобы призрак голода не встал на порог его дома. Как нельзя глубже понимались всеми слова сказанные Богом первому человеку: «В поте лица твоего будешь есть хлеб».

Загорелые, потные, грязные, возвращаясь с далекого огорода, мы томились единственным желанием, после утоления голода и жажды, растянуться на чем-нибудь, хотя бы на полу, чтобы сейчас же замереть в объятиях крепкого сна без сновидений.

Невыносимо печет солнце. словно открыты дверцы гигантской пылающей печи. Надо пройти еще несколько рядов с прополкой. Напрягаешь последние силы, так как тебя неудержимо тянет лечь на землю.

Переключка друг с другом, рассказы из жизни, шутки, остроу- ты – все кончилось. Молчаливо, с замедленными движениями все делают свое дело, подтягиваясь в едином стремлении – не отставать.

Ты уже готов нарушить правила общественной дисциплины и ринуться на горячую землю ничком – вдохнуть в блаженном небытии запах трав и наливающихся в недрах ее овощей – как вдруг раздается голос, призывающий к перерыву.

Орудия производства втыкаются в разных местах громадного огородного пространства, принадлежащего сотрудникам Библиотеки, вытягиваешь усталые члены и, едва передвигая словно не свои, а чьи-то чужие ноги, идешь к сборному месту. Одни устраиваются прямо на солнцепеке, другие – под тремя оставшимися невырубленными, но уже засыхающими деревьями, дающими неполную тень.

Хочется утолить голод и жажду и то же время дать полный отдых усталому телу. Каждый поступает в зависимости от того, куда перетягивают его весы. «Бодрые, сильные, смелые» (более молодые!) прежде всего, стремятся окунуться в водах Че-

ремшана и уходят по направлению к его берегам. Всякий поход обычно производится с дополнительной хозяйственной целью, и поклонники воды возвращаются с громадными связками хвоста за спиной.

На полчаса забываешься в тени деревьев или сруба железнодорожного дома в сладкой дремоте. Жужжат насекомые, с земли тянет ароматом незатейливых полевых цветов, за пределами тени царит палящий полдневный зной, оплодотворяющий землю.

Осенью, перед окончанием огородной страды, когда уже горы белой и розовой картофели высились среди помятой ботвы, мы полдничали выращенными овощами. Кашевара заменил картофелевар. На этот день он освобождался от огородной работы, отбирал картофель в громадный чугунок, перемывал его принесенной из ближайшего колодца водой и разводил костер.

На веселый клич: «Картофель готов!» все мигом бросали лопаты и спешили к потухавшему костру. От него тянуло дымком, иногда в золе допекалась сахарная и столовая свекла. Рассаживались вокруг и, обжигая пальцы, принимались за еду.

Близилось увяданье природы. Золотились вдали леса и перелески, побурели травяные ковры, солнце не дышало прежним жаром. Природа – мать ласково обнимала и нежила всех своих бесчисленных детей перед засыпанием на долгую зиму.

«Уж мы просо сеяли, сеяли!» поется в песне. И мы сеяли и пололи просто, а когда оно поспело, жали его, молотили ручной молотилкой и сдавали на мельницу обдирать. Взамен его мы получали пшеничную крупу. Я уверена, в качестве опытных сельских хозяев, нас всегда с уважением примет любой колхоз.

В то время мы были очень бедны, а потому и особенно бережливы. Нас научила этому нужда, пришедшая вместе с войной. Закончив работу над полем, засеянным просом, мы сразу не бросали его. Несколько более слабых товарищей, в том числе и моя старшая сестра, бродили по его колючему ковру и усердно подбирали оставшиеся колоски, чтобы не пропало даже малое количество зерен.

Картофель и просо! Призрак голода никогда не встанет за спиной, пока в подвале лежал горы картофеля, а золотое зерно тускло мерцает в закромах.

Хлеб наш насущный!

ДЕЖУРСТВО НА ОГОРОДЕ

*В небесах торжественно и чудно,
Спит земля в сияньи голубом...*

М.Ю. Лермонтов

Сегодня я дежурю ночью на огороде вдвоем с Т.А. Быковой. Мы давно добивались этого дня, т.к. она хотела познакомить меня с таинственной прелестью ночи на лоне природы и украсить наше ночное дежурство зажженным костром. А я никогда не отказывалась от удовольствия прочесть еще одну непрочитанную мною страницу из книги жизни.

Стояли предосенние дни, уже начинало темнеть раньше, уже наступали прохладные ночи. Мне надо было пройти полтора квартала окраинного Мелекесса, сделать переход по полотну железной дороги или вдоль его и спуститься к громадным огородным пространствам. В весенние дни эти места оглашались своеобразными грандиозными лягушачьими концертами. Теперь передо мной лежали молчаливые зеленые поля наливавшихся и спеющих овощей, озаренные косыми лучами заходящего солнца. На горизонте темнела гряда лесов и кустарников вдоль тихо струящегося Черемшана.

Поодаль от полотна железной дороги, среди раскинувшихся во все стороны наших плантаций блестел на солнце серебряными блестками наш огородный дворец, обтянутый толем, или «шале» для сельскохозяйственных утех.

Последние товарищи устало уходили с нашего участка на встречу быстро спускающимися сумерками.

«Слети к нам, тихий вечер.

На мирные поля.

Тебе поем мы песню,

«Вечерняя заря!» - вспоминались слова забытого поэта.

Прозвучали вдали последние голоса, Понурые фигуры истаяли во мраке. Моего компаньона еще не было. Я медленно опустилась на скамеечку у входа в шале и замерзла в немом созерцании умирающего дня и величавого рождения ночи. Темнели и покрывались теплом алые краски вечерней зари, и лунное голубое сияние уже проступало сквозь уплывающие в неведомые страны облака.

Темная фигура, нагруженная мешками и свертками, словно большая крылатая птица, быстро приближалась к шале. Это был мой товарищ по суточному дежурству. Таинственность окружающего исчезла при звуках ее громкого, бодрого голоса и начавшегося вокруг шале движения.

Все шло по давно намеченной программе: в конце концов ярко разгорелся костер, «всемирный путешественник», как я называла Т.А., честно выполнил добровольно взятые на себя обязанности, весь выпачкался в земле и в золе, прокоптился в дыму, но из хаоса вышел победителем. Мы миролюбиво беседовали на разные темы, и наши голоса, такие одинокие, затерянные в безбрежном просторе полей, звучали мягко и задушевно перед лицом плывшей над нами величавой звездной ночи.

Робинзон первый ушел в шале на отдых, настойчиво убеждая меня, безжалостно разбудить его часа через четыре. Я осталась одна.

Стихли дневные шумы и звуки, возникали непонятные ночные шорохи. Кто-то шуршал в траве, незримый зверек грыз что-то неподалеку. По росистой траве протянулись бледные потоки лунного света.

Я отдалась созерцанию никогда не невиданного мною зрелища: течению всей ночи и переходу в раннее утро. Луна торжественно плыла на раскинувшемся надо мной необъятном небесном пространстве. Ближайшие звезды едва мерцали, поглощаемые ее царственным блеском, но по мере отдаления от нее становились все ярче и ярче, сверкая в темно-синей глубине. Большие и важные мысли проходили в голове.

От вдруг набежавшего ветра зашелестели листья огородных растений; затрещал неугомонный кузнечик; с гуденьем пронесся какой-то жук; в лицо ударилась ночная бабочка. Чу! Шорох! Оглядываешься в тревоге (ведь ты сторож!) – нет никого. Идешь в обход по огороду, вглядываясь направо и налево. По мере удаления от шалаша становится немного жутко. Ты одна на громадном огородном пространстве. Вот белеют кочаны капусты, высятся помидоры, кудрявится море картофеля. Последняя сторона нашего огородного квадрата, пройдена – и ты снова опускаешься на скамеечку у входа.

Вдруг погасли звезды! Оказывается, ты задремала! Просыпа-

ешься, потому что чуть не слетела в дреме с шаткой скамейки. Обводишь глазами вокруг – луна уже снижается, и как будто едва светлеет противоположный край горизонта. И ты начинаешь читать новую главу – рождение дня, пока проснувшийся Робинзон не приказывает тебе повелительно занять его место и не упрекает за большой отрезок ночного дежурства, взятый на себя.

Бросаешься на жесткое ложе и тотчас же засыпаешь.

Бывали дождливые осенние ночи, когда чернильная темнота спускалась на огород. В кромешной тьме даже самые ловкие воры не сумели бы совершить свои злодеяния против общественной собственности. Настойчивый дождь барабанил по крыше шале, во все шели пробирался холодный ветер. Оба «сторожа» укладывались поудобнее на скамейках, укрывались плотнее и долго перекидывались словами. Пахло увядающей травой, овощами, завалившими углы шалаша. Темнота, уединение, оторванность от привычной обстановки располагали к откровенности, к сближению с товарищем, разделявшим твое одиночество, и наше шале иногда превращалась как бы в исповедальню.

Так я провела свое второе дежурство в несчастную осеннюю ночь.

130-ЛЕТИЕ БИБЛИОТЕКИ

День 130-летнего юбилея Библиотеки, отпразднованный в Мелекесе, мы никогда не забудем. Наша новорожденная грезилась нам на фоне бледного северного неба, зеленой куши Екатерининского сада и Невской перспективы, завершающейся адмиралтейским шпилем. Конечно, из Мелекеса была послана поздравительная телеграмма.

Мы встали возбужденные в тот день, ожидая письма, привет, внимания из Ленинграда. Ведь мы были частью большого целого, известного всему культурному миру. Проходили часы за часами. И ничего не пришло с берегов Невы. Ничего не принес нам ни в этот день, ни во все другие мелекесский почталъон в связи с юбилеем! О нас не вспомнили в Ленинграде. Мы были забыты... Очевидно, было не до нас!

К знаменательному дню мы деятельно готовились. Составили

праздничную нарядную стенную газету, в которой представители разных отделов рассказали о них и о своей работе. Газета была повешена в лекционном зале горкома ВКП (б) КПСС, который был нам предоставлен на вечер. Там же была устроена маленькая выставка со снимками Библиотеки, некоторыми ее изданиями и парадными адресами, поднесенными ей ко дню ее 125-летия.

С ура уже мы жили, как я сказала, в приподнятом настроении. В местной газете появилась статья о Ленинградском книгохранилище, вешало о нем и мелекесское радио. Все ждали чего-то особенного. Библиотекари бегали по парикмахерским, приводили в порядок мужские и женские головы, вынималось свежее белье, праздничные платья. До неузнаваемости все похорошело! Хотели быть изящными, любезными, настоящими ленинградцами в собравшемся мелекесском обществе. Директор просил нас держать себя по-хозяйски, внимательно ко всем, но свободно и непринужденно. Три докладчика готовились к выступлению, в том числе и я, автор.

Эстрада была красиво убрана пышной зеленью, на одной стороне ее толпились музыканты, на другой высилась кафедра. Неподалеку стоял маленький столик для секретарей: Ляпуновой и Файн, преобразившихся в двух красивых женщин весьма интеллигентного вида, ничего общего не имевших со вчерашними пассажирками грузовика, огородницами и продавщицами тряпья на базаре.

Зала наполнялась. Около выставочных витрин, сияя лучшей из своих обольстительных улыбок, стояла О. Б. Враская, с изысканным вниманием удовлетворяя любознательность гостей.

Необычайно элегантная и незнакомая в своем прекрасно сшитом на мужской лад костюме, свободно и любезно здоровалась с посетителями и незаметно, но деятельно следила за всем и за всеми Ц.А. Озерова.

Началось торжественное заседание. Докладчики развернули перед собравшимися некоторые страницы из истории Библиотеки.

А.Х. Вольтер прочитал доклад: «Сто тридцать лет государственной публичной библиотеки».

Я.Х. Якобсон сделал сообщение «Библиотекари – патриоты – строители публичной библиотеки (А.Н. Оленин и его сотрудники)».

М.А. Садова выступила с сообщением «Библиотека в осажденном городе».

Принимались поздравления властей, музыканты играли туши. Горело электричество, и мы купались в его свете, забыв на время свои чадающие коптилки. Аплодисменты, говор толпы, давно уже не испытанный праздничный подъем.

По окончании официального торжества состоялся большой музыкальный концерт с разнообразными и превосходно исполненными номерами. Мелекесс достойно почтил представителей Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в день ее юбилея.

Так горение наше свершилось только для нас и для Мелекесса, и свет наших праздничных огней не виден был на берегах Невы.

Через день, в воскресенье, в 2 часа дня состоялся в партстоловой обед (в складчину, со сдачей продуктовых карточек) с почетными гостями. Великолепным хозяином – устройтеlem его был В.И.Гранский.

«Пожалуйста», мягко говорили накануне директор членам юбилейной комиссии, «передайте товарищам, чтобы никто не брал на торжественный обед ни плошек, ни кастрюль. Могут же товарищи позволить себе роскошь съесть хоть один раз целиком, без дележа, свой обед! Неудобно, если при посторонних начнутся переливания и перекаладывания кушаний для домашних в принесенную посуду».

Стояла голодная зима. Каждый кусочек был на счету, и директор оказался превосходным психологом. Не все подчиненные ему народы согласились на эту меру сразу и безропотно. Кое-кто возместил убыток, понесенный оставшимися дома членами семьи, улучшением скромного домашнего обеда в этот день, а иные все-таки, несмотря на деликатно выраженное запрещение, опустили в свои сумочки бутерброды из белого хлеба с сыром, при этом лукаво подмигивая сочувствующим товарищам.

Обед, прекрасно сервированный, с красиво одетыми обслуживающими прошел оживленно, в самых корректных и вместе с тем непринужденно-товарищеских тонах, с речами и даже с хоровым пением.

В честь тебя, далекий Ленинград!

СТРАНА ВОСПОМИНАНИЙ

*Значит, сердце твое утомилось,
Что легла ты на вечный покой,
А иначе бы ты не решилась
Нас оставить с сестрой...*

*Материнской улыбки нет краше,
Изучает она доброту.
Кто наполнит теперь время наше
И души пустоту!*

Из стихотворения «Плач по матери»

В каждом городе, деревне, селе есть уголок, который можно назвать «страной воспоминаний». Не все любят заходить туда, но кто осиротел, кто потерял родного или друга, того влечет ведущего под сень тропа. С благоговейной скорбью вступают они на землю.

Почти разрушенная ограда. Каменный, сводчатый, старинной монастырской архитектуры вход. Над воротами поблекшая от солнца и дождя икона.

Вы входили в калитку. Перед вами – широкая сосновая аллея, а направо и налево – холмики, укрытые снежной пеленою, смиренные белые и серенькие кресты, накрывшиеся каменные памятники.

По девственному снегу здесь и там бегут одинокие следы: кто-то приходил навестить дорогую могилу, постоять около того, с кем в недавние дни еще ни на один час не разлучался. И жизнь и смерть до сих пор так непонятны человеку! Столько великих мыслителей старались постичь загадку бытия! И никто еще ничего до сих пор не постиг, и никто еще никогда, ни на чей призыв «оттуда» не возвращался...

Следы останавливаются у низенького дубового креста. Розовые блики солнца окрашивают девственную белизну снегов. Темнозеленые сосны стоят безмольной стражей над тихой усыпальницей. Кто-то здесь печально преклонил колени. Вы помните из «Жан Кристоф’а»? – «Как просто было всё! Он чувствовал себя дома, среди своих. Он был около них, как будто бы вложив свою руку в их руки. Часы текли»...

Когда-то, говорят, здесь было хорошо: цвела сирень, царил порядок, заботливая рука виднелась всюду. Но много лет уже место упокоения в Мелекесе постепенно приходит в упадок. Те, которые любили, навешали и берегли, очевидно, умерли или очень далеко. Война довершила запустение в тихом саду, где спят непробудным сном наши сестры и братья. Весной и летом по могилам бродят козы и телята. Ограды и кресты растаскиваются на отопление. Цветов приносить нельзя: они сейчас же исчезают. Но не надо об этом скорбеть: светлый образ любимого навсегда заключен в твоём сердце, и свежие цветы любви, не увядая, обрамляют его.

Кого из товарищей-библиотекарей оставили мы спящими за оградой мелекесского кладбища.

Екатерину Федоровну Проскурякову, запечатлевшуюся навсегда в нашей памяти живой, энергичной, бодрой и распорядительной, постоянно председательствующей на общих собраниях Библиотеки, в последнее время возглавлявшей отдел гигиены и реставрации книг.

Недалеко от нее лежит Марина Натановна Файн. Ее преждевременная кончина тяжело отозвалась на всех. Умная, серьезная, редко смеявшаяся, преданная работе, неустанно выполнявшая все возложенные на нее обязанности, ни от какого поручения никогда не отказывавшаяся, внимательный и добрый наш товарищ – такую знали ее мы все, уважали, ценили и любили...

.....

Могилу матери страстно хотелось бы взять с собой в родные края! В ней зарыто сердце, безмерно и преданно любившее в земной жизни. Трудно проститься с нею!

О, если бы это был только тяжелый сон!

ВЕСЕЛЫЕ ДНИ

Не думайте, однако, что у нас совсем не было веселых праздников. Они неизбежно там, где кипит живая жизнь, особенно там, где есть дети, молодое смеющееся племя, где люди еще надеются на будущее и совсем не хотят умирать.

В свои личные праздники мы получали много подарков. Хорошо помню один такой день, когда я была тронута и взволнованна до глубины души.

Это было в разгаре лета, когда мелекесская земля вознаграждает сторицею трудившихся на ней. Мне было подарено несколько десятков отборных картофелин и два самых лучших из лучших кочана капусты. В своем блестящем бледнозеленом шелке они тяжело опустились в мои руки.

Знакомая уже вам Муся принесла мне крохотный носовой платочек, обвязанный розоватыми нитками, и с моей меткой.

(В другой раз ею же были подарены в нашу семью сразу два воротничка, с взволнованным извинением в том, что один из них чуть-чуть не дошит, и его не успели выстирать.)

Мусина мама изо всех сил старалась привить дочке старинные традиции своего дома: оказывать внимание старшим.

Потом меня вызывали во двор, т.к. подарок мог войти только в ворота, и моим глазам представилась громадная связка хвороста и сияющее лицо дарительницы. Это был замечательный дар! Сухой, чистый хворост из недр леса, который не дымится и не плачет под таганком, а веселым, ярким пламенем сразу охватывает кастрюлю, так что она вмиг закипает. И вторую вязанку в этот счастливый день вторично тронутая чуть не до слез получила я от другого товарища, хорошо знавшего наши нужды.

М.А. Буковецкая принесла мне немного душистого меда и поделилась со мной духами, присланными ей с оказией ее двоюродной сестрой, народной артисткой Надеждой Андреевной Обуховой, пение которой мы не раз с замиранием сердца слушали по радио в годы войны. Ее чудесный голос и большой музыкальный талант доставляли нам глубокую радость и приносили утешение.

Назову еще некоторые «подарки», которыми мы даровали друг друга в те времена: коробочка спичек, несколько марок для коллекции, две луковицы «на счастье», самодельные конверты, марлевая косыночка на голову, выкрашенная домашним способом, и разные другие удивительные и вместе с тем трогательные выдумки сильно обнищавших ленинградцев, тем не менее убежденных в необходимости время от времени подносить «дары» своим землякам в памятные дни.¹⁵

¹⁵ Циля Абрамовна получила однажды «в подарок» номерок в баню.

НОВЫЙ ГОД

1-е января 1945 года мы праздновали у Ольги Борисовны Враской. Весь день мы провели в приподнятом настроении, т.к. страстно верили в счастливый для всей страны перелом, и, казалось, яркая радуга горела для нас на холодном зимнем пейзаже.

Праздник начался ровно в 5 часов вечера. В состав нашей исключительно женской компании входили две девочки и шесть женщин в возрасте от 26 до 58 лет. И уверяю вас, что праздник был прекрасен и прошел с необычайным оживлением.

Непривычно «ослепительное» освещение всеми бывшими в доме коптилками и даже, помнится, одной убогой керосиновой лампой, сделало комнату, потемневшую от сырости, светлой и нарядной. Два сдвинутых небольших стола были накрыты скатертью, спасшиеся каким-то чудом от продажи на базаре. На девочках было надето что-то красное, и все как-то принарядилось, что также способствовало усилению праздничного настроения.

Началось пиршество. Перед глазами гостей появились две тарелки, наполненные маленькими пирожками из серой муки с ливерной начинкой. Все получили по тарелке мясного супа, а потом пили чай со сладким: был круглый серый пирог с тыквенным повидлом, вместо варенья. Вместо орехов, фигурировали подсушенные тыквенные и подсолнечные семечки. Одним словом, скромные тыквы с успехом заменили многие сладости всех сортов мирного времени.

Подношения гостей тоже, в большинстве случаев, были препаратами тыквы или сахарной свеклы, получившими отчасти торжественное, отчасти ироническое название «мармелада» и «пастилы».

Единственное деликатное угощение из белой муки было разрезано на маленькие треугольнички по числу присутствующих. Его ели молчаливо, особенно смакуя, т.к. оно несколько напоминало торты и печенья прежних дней.

А потом начались игры, и мы все забыли: и тяжелое прошлое, и серенькое настоящее, и неведомое будущее. Хотели развлечь детей и увлеклись сами. Вокруг праздничного убранного стола сидели не две девочки, а восемь. Все одинаково отдались веселью.

Играли в «мнения». Уходящий назывался каким-нибудь предметом, о котором собирались мнения. В соседнюю комнатушку по очереди уходили тыква, елка, валенки, чашка, малярийный комар, книга, цветок, сайка.

Две настоящие девочки, видимо, не поняли сути игры и подавали мнения, лишь бы сказать что-нибудь о предмете. Если бы их мнения были сказаны сознательно, они звучали бы иногда убийственно жестоко.

- «Тыква с пустыми семечками», сказала о матери дочурка с большими невинными глазами серыми глазами.

- «Промоченные валенки» или «валенки, полученные по ордеру из детского магазина», получила я лестные отзывы о себе.

Услышав мнение о тыкве, я искренне пришла в ужас от морального разложения современных детей и пыталась убедить маленькую негодницу изменить свое мнение «о матери», но веселый смех родительницы успокоил меня. Оказалось, последнее время все тыквы у них в доме отличались пустыми семечками, и это обстоятельство вызвало к жизни ужаснувшее меня мнение.

Без устали шелкались семечки, густел синий сумрак за окном, а «малярийный комар» узнавал, что он «комар с оторванной ногой». Было объявлено также, что «сайка ждет своего покупателя, что из «чашки иногда выплескивается кипяток», что стоявшая перед нами «елка имеет растрепанную верхушку», и т.п.

На прощанье много смеялись, обратно все гости шли шумной толпой посреди пустынной улицы, полной грудью вдыхая свежий морозный воздух, и, казалось, что Новый год обернул к нам свой светлый младенческий лик.

ЕЛКА

Дед Мороз в Мелекесе тоже приходил с елкой и приносил детям гостинцы. Настоящие елки не растут на тучной тамошней земле. Их редко встретишь в лесной чаще. Сосна заменяет елку. На юге когда-то устраивали «елку на фикусе», теперь в Мелекесе – «елку на сосне». Трудно было устраивать везде «елку на елке».

Но смолисты, пахучих, тонких и гибких ветвей нашей северной темнозеленой красавицы, конечно, ничем не заменишь. Ее

сильный аромат, напоминающий запах очищенных мандаринов, наполнявший в былые времена всю комнату, где она стояла, и даже распространившийся по всей квартире, неизменно будит яркие воспоминания счастливого детства мирных времен.

В тяжелое военное время нельзя было загружать транспорт елками ради счастливого сияния детских глаз. Невыполнимо было волшебство довоенного времени, когда хоровод стройных лесных красавиц заполнял большие города, поднимался по лестницам в шестые этажи, спускался в подвалы, а однажды превратил одну из площадей бывшей столицы в неповторимую сказку.

Две матери из нашего коллектива, не имея возможности каждая потратиться на целое дерево, заключили договор на покупку одной сосны на двоих: верхушка должна была осчастливить неугомонного черноглазого Андрюшку, а нижние ветки совершенно удовлетворить кудрявую Мусю с личиком цвета шиповника. Но и это скромное счастье оказалось мечтой, ибо все привезенные деревья были моментально раскуплены, и одна из огорченных матерей отправилась в ближайший лес, отрезала несколько деревьев и осчастливила не только одну дочку, но и пожилых товарищей, с детства свято выполнявших давно установившиеся традиции.

В другой раз, незадолго до Нового года, как-то после окончания служебного дня, Ф.Я. Попов пригласил меня во двор своего дома и предложил мне выбрать одну из маленьких елочек, воткнутых в сугробы снега. Это доброе товарищеское внимание согрело нас с сестрой в тот морозный вечер.

Сельскохозяйственный уклон мирозерцания мелекесцев сказался на конструкции одного деда Мороза, увиденного мною: тело его было сделано из капустной кочерыжки, а лицо нарумянено соком столовой свеклы. По фасону оно скорее напоминало свиную голову с пяточком вместо носа.

СЛАДОСТИ

Сладости, рассылаемые во время войны по городам, почти не доходили до Мелекесса. В базарные дни усиленно грызли подсолнухи, тыквенные семечки, жевали курягу (сушеную

тыкву) и празднично яркую морковь. Медом лакомились очень редко. Сахар или пряник (взамен его) сначала выдавали не каждый месяц (200 грамм сахарного песку или 400 грамм пряников) и далеко не всем. И вдруг елку? Где же гостинцы?

В одной школе дед Мороз должен был обнести ребят пряниками и баранками или сушками. Раздавали также хлеб или пирожки и по 4 ложки сахарного песку. Мальчуган, попавший на елку в солидное учреждение, что-то вроде Заготзерна, восторженно рассказывал дома, что ему дали на елке много гостинцев: пряников, булку и колбасы.

Мы, пожилые люди, помнившие обилие сладостей в давние годы: груды пастилы, мармелада, тянучек, сахарной соломки, карамели, пряников, шоколадных рыбок в серебре, орехов всех сортов, привезенных из разных заморских стран, изюма, фиников, винных ягод, шепталы, мандаринов и румяных яблок – жалостливо поглядывали на лишенных всех этих прелестей ребяташек, но они совсем не выглядели несчастливymi, потому что никак не могли заниматься сравнением гастрономии разных эпох, и с аппетитом уписывали темнооранжевые куски сладкой печеной тыквы.¹⁶

В самое последнее время на базаре появилась женская фигура в белом фартуке и в белых нарукавниках с застекленным ящиком на подставке, наполненном леденцовыми петушками на палочках и ярко окрашенными конфетами. Вспоминаешь при виде их наши продавцы штучных сладостей, стоявшие со своими сокровищами на всех более или менее бойких углах, окруженные денежными и безденежными покупателями.

Мелекесская продавщица тоже имела большой успех и всегда была окружена толпою, но, ввиду дороговизны сильно нарумяненных конфет, этот успех часто ограничивался восхищенным созерцанием недоступных карману сладостей.

Дочь нашей хозяйки угостила нас как-то ложечкой халвы собственного приготовления. Мы пришли в восторг от лакомства, требующего только трех чайных ложек сахарного песку на 1 стакан подсушенных и очищенных тыквенных семечек, пред-

¹⁶ По свидетельству Л. А. Озеровой, ее сынишка Валерик, лежавший одно время в больнице, решительно отказался от принесенной ему мандаринки, испугавшись незнакомо-го лакомства.

варительно проведенных два или три раза через мясорубку и потом растертых пестом в миске, изображающей ступу. О добавлении растительного масла я уже и не говорю.

Если бы вы видели, как заинтересованно расспрашивал один солидный ленинградец земляка о рецепте для приготовления этого лакомства! Не все, конечно, обладали достаточным терпением, и тыквенные семечки иногда уничтожались до превращения в халву.

Я получила несколько ложек какао от нашего директора – Ц.А. Озеровой. Она уезжала в командировку в Ленинград и по возвращении поделилась со мной этим гостинцем, вспомнив, очевидно, мои слова, выразившие когда-то большое расположение к этому напитку. Внимание, достойное записи в тетрадь воспоминаний!

В одной семье к Новому году сделали «шарлотку» из крошек черного хлеба, тыквы и сахарной свеклы. Нет сахара – и не надо! Изобретение дало блестящие результаты и почти не уступало яблочным «шарлоткам» прежних времен.

Правда, один из членов этой семьи поплатился расстройством, хорошо еще, что не психическим, а потребовавшим только воздержания в пище.

ЧТО ВИДЕЛ МЕСЯЦ НОЧЬЮ

*И взмолилась солнце брату:
«Брат мой, месяц золотой,
Ты зажги фонарь и ночью
Обойди ты край земной»...*

**Из стихотворения
Я.П. Полонского
«Солнце и месяц»**

Мерцает за окном лучистая вечерняя звезда. В старинных повестях и сказках, на которых мы воспитывались в детстве, небесные светила участвовали в устранении человеческих жизней. Сияет мирная вечерняя звезда, но царственно встает молодой месяц, и лунный свет поглощает трепетное мерцанье звездных

очей. Он нескромно заглядывает в маленькие окошечки мелекесских домов, блуждает голубыми пятнами по невзрачным комнатам и все видит, и все понимает.

Вот личико 12-летней Муси, круглое детское личико с двумя ямочками сладко прижалось к подушке. Следы сажи от таганки не сумела как следует смыть ее усталая ручка. Программа дня ее была очень насыщена: она мыла пол и заслужила похвалу старой хозяйки; собирала вместе с другими школьниками лекарственные травы для аптеки, и ей мерещится во сне лишний хлеб, которым она с мамой плотно поужинает когда-то в будущем; ее руками приготовлен замечательный обед из подаренной соленой рыбы. Она смогла сразу же покормить мать, которая вернулась из Библиотеки, а потом побежала на заседание педагогического совета. Вечером, уже при лунном свете, мама будет окучивать чей-то картофель, нанявшись на эту работу за килограмм хлеба.

Вот второй Том Сойер Марка Твэна или второй проказник Ларс из сказки Топелиуса беспокойно ворочается на постели. Ему снятся его сегодняшние подвиги: он до смерти напугал соседскую курицу, и та, мигая испуганным глазом, бежала и взлетывала от него до следующего квартала. Дрался он сегодня с мальчишками сначала по очереди с каждым, а потом и со всеми вместе. Драка была удачная, если не считать разорванных новых штанов из старой бабушкиной юбки. Доставшиеся на его долю побои в счет не шли. Правда, между этими хлопотливыми занятиями он успел все-таки наколотить матери дров и сбегал за молоком. Устал он страшно и сердито торопил ее с ужином, потому что валился с ног. Не успел коснуться подушки, как уже спал, вернее, сон свалил его на подушку.

Верочка переживала во сне незаслуженно поставленную ей четверку, когда она не сделала ни одной ошибки в работе! Тень от длинных ресниц ложилась на ее грустное матовое личико.

Луч месяца осветил обеспокоенное лицо спящей Нели. Трудно чертить без чертежных принадлежностей! Их немисливо купить в Мелекесе, а оценка работы ниже привычной мучит отличницу.

Чему-то улыбается Галя во сне. Она видит отца, вернувшегося с фронта. Грудь его увешана орденами, и она бросается к нему на шею...

Все они, дети нашего коллектива, сражены могучим сном и живут в мире сновидений, навеянных жизнью.¹⁷

Лаская бледными лучами спящие лица, уплывает дальше голубой месяц. Трещит за печью неугомонный сверчок. Они не у себя дома. По углам корзины и чемоданы. Нет уюта своих, давно покинутых жилищ. На гвоздях и на веревке висящее тряпье и старые платья, убогие кровати, ведро с водой, мешки и мешочки, подвешенные повыше от грызунов, букеты полевых цветов не в вазах, а в баночках, пучки укропа, охалка приготовленного на утро хвороста. Теснота и более чем скромная обстановка временного жилья. Маленькая полочка с книгами или просто небольшая стопка книг взамен оставшихся в Ленинграде перегруженных печатным словом шкафов.

И только портреты, прилепленные к стенам и стоящие на столах, говорят о больших культурных семьях, развеянных войной. Лунный свет обливает тени прошлого и погасает от набежавшего облака...

Ночь проходит задумчивым шагом за темным окном.

ОБСЛУЖИВАНИЕ ЛЕНИНГРАДА

Блокада Ленинграда кончилась. Исстрадавшийся город начал дышать спокойнее. Понемногу затягивались раны. Почувствовалась сначала робкая, но постепенно крепнущая пульсация умственной жизни. Приходили на память юбилейные даты, загоралось острое желание их отметить полноценно и ярко для народа.

Зимнее утро. Из Ленинграда пришло срочное задание: выслать ряд рукописей и книг к большой Грибоедовской дате, в

¹⁷ Я упоминала в своем рассказе только младших детей, членов нашего коллектива. Были у нас и мальчики постарше (Юра Ден «Валя Равкин»). Прошло уже с той поры 25 лет. В настоящее время все они, младшие и старшие «наши дети», выросли в хороших людей и успешно подвигаются вперед по пути выбранных ими профессий. Конечно, трудовая жизнь в Мелекесе, полная лишений, закалила младшее поколение ленинградцев, покинувших свой город в годину бедствий. Вот их настоящее: двое из них кандидаты наук (Юра и Валя), Валерик готовится к кандидатскому званию. Неля - библиотекарь, Муся - была преподавателем русского языка и литературы, теперь и библиотекарь ГПБ. Верочка Якаб и Галя Дружинина - инженеры. Я думаю, читателям может быть небезынтересно узнать, как сложилась их судьба.

особенности Булгаринский список Грибоедовского «Горя от ума».¹⁸ Перелистывается Голубая книга.¹⁹ Примерно, определяются номера ящиков, где могли бы быть требуемые материалы.

Назначаются пары на поиски и просмотр ящиков. Звенят ключи, доставаемые из стенного шкафчика с дверцей, и скоро шаги сотрудников затихают на лестнице. Кутаются теплее, т.к. в книгохранилище нестерпимый холод. Все полны огня и охвачены соревнованием. Надо обязательно найти для Ленинграда, и как можно скорее! «Хорошо было бы найти именно нашей паре», не говорит, но думает каждый из нас.

Открывают ставни. Тяжело поворачивается ключ в большом замке, и мы входим в нижний этаж Дома учителя.

В веселый летний день он выглядит совсем иным. В раскрытую настежь дверь струятся потоки теплого воздуха и солнечного света. Жужжит залетевшая муха. Мирно дремлют стройные ряды ящиков. Очередной из них подвергается проветриванию и сушке, под наблюдением дежурного библиотекаря. Или могучая фигура Ф.Я. Попова, отпустившего своих сподвижников, красуется на пороге.²⁰ Но сейчас зима. Поеживаясь от холода, вступаем в заповедник.

Технические помощники вербуются нарасхват. «Хорадей», как говорит тетя Фекла – на самом деле, он Андрей, а фамилия его Фадеев – уже открывает найденные одной парой библиотекаршей ящики. Мы тоже углубляемся в ящичный лес и терпеливо ищем нужные нам номера.

Незадолго до отъезда великолепная работа Ф.Я. Попова привела в образцовый порядок наш груз, объединив его по фондам и коллекциям. Она значительно упростила бы наше сегодняшнее задание, если б полностью была, проделана раньше.

Из восьми предложенных нашей паре ящиков только к двум имеется свободный подход. Покамест искали свои ящики, совсем продрогли. Вот снимаются крышки. С волнением погружа-

¹⁸ В записках В. И. Гранского от 14. I. 45 г. значится: «Закончилась страда по розыску и отправке в Ленинград материалов к изданию «Полного собрания сочинений А.С. Грибоедова».

¹⁹ Голубая книга – содержала ленинградские описи вывезенных фондов (называлась так по цвету бумаги).

²⁰ Вообще говоря, «магазины» и ящики нельзя себе представить без внушительной фигуры Ф. Я. Попова.

емся в поиски. Перед нашими глазами проходят неоценимые сокровища рукописного и других отделений. Витринные шедевры! Мы благоговейно взираем на пожелтые чернила автографов писателей первой величины. И прикасаясь к ценнейшим свидетелям прошлого, снова чувствуем величие, красоту и силу нашего отечества.

Иногда холод чересчур терзает пальцы. Переступая с ноги на ногу, мы досматриваем заинтересовавшее нас сокровище, а потом спешили уложить вынуженное, т.к. все-таки нужной рукописи или книги нам не удалось обнаружить.

Сколько мук и разочарований было при поисках! Ведь так хотелось найти! Все наши знания, библиографические и иные, оказывались ненужными перед рядами загадочно молчаливых ящиков. Что они таили?

Покорно и терпеливо, со всевозможными ухищрениями, с помощью лома, доски, палки, наши технические рушили строительные этажи и добивались до требуемого ящика, служившего иногда фундаментом. Он вскрывался, мы ныряли в него и с трудом вынимали толстые фолианты, связки и тяжелые коробки.

Так хотелось найти! Булгаринский список Грибоедовского «Горя от ума»! Как мы не умерли от разрыва сердца! Ленинград шлет депешу за депешей, а мы не можем найти. Ведь он лежит теперь не в самом рукописном отделении Гос. Публичной Библиотеки, а определенном шкафу или в известной всем сотрудникам витрине, а положен в один из многочисленных ящиков рукописного фонда, может быть, среди выставочных сокровищ, может быть, в ящиках с рукописями, принятыми от читателей.

Один за другим вскрывались ящики и вновь заколачивались, громоздились на полу, загораживая проходы.

Вдруг радостный крик раздается по соседству с нами. Бросились к счастливой паре – Нимотиной – Фрайн. Он, он, тот, который нужен! Рассматривали, радовались, но ... втайне все же немного завидовали удаче товарищей. Разве суть дела в Грибоедове? Правда, Грибоедов написал, но нашли-то нужный список они! Их «находка» обрадует Ленинград!

Свернули работу, закрыли магазин и понеслись по лестнице наверх – обрадовать штаб, заседавший за письменным столом и в нетерпении изобретавший всякие ухищрения для благопо-

лучного завершения поисков. Для тебя, далекий и любимый Ленинград!

Больше всего страдал библиограф, повествователь этой эпохи. Специальность библиографа – находить. И вдруг нашел не он, а товарищ, не менее искушенный в библиографии! Никак не мог он успокоиться на мысли что к эвакуированному грузу, находящемуся в ящичном плену, его библиографическая находчивость неприменима. Два дня не могла зажить рана в сердце старого сотрудника Библиотеки!

Вполне твердо и уверенно заявляю: библиографам всего труднее работать, находясь в тылу. Это положение следует занести в наши выводы из опыта эвакуации фондов во Вторую Отечественную войну. Атеп!

Одного издания басен Крылова мы так и не могли найти к сроку. Русский фонд не весь еще был списан. Наружная опись не отражала этого шифра. Нельзя же было открывать наудачу один за другим все еще не проверенные ящики? Ленинграду пришлось отказать.

Когда впоследствии очередь дошла до злополучного ящика, и из него была вынута для описания необходимая Ленинграду книга, не обозначенная на паспорте при укладке, послать ее было уже поздно. Огорчению нашему не было предела! Отказать в имевшемся в Библиотеке экземпляре!!

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Неслыханная новость! Событие первостепенной важности! В мелекесский филиал Гос. Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина из Ленинграда приехал первый читатель. Ленинград прислал его к нам, хранящим рукописный фонд Библиотеки. Кто он? Зачем он приехал? Как его фамилия? Чем он интересуется? Что он ищет?

Двенадцать «научников» плюс трое технических для одного читателя, казалось бы, многовато, но, представьте себе, всем нашлось дело.

Хотелось полноценно, всесторонне, безотказно обслужить его, повернуться к нему лицом и дать ему всё, что он пожелает, и даже больше. Принять в лице его одного тысячу, пятьдесят тысяч, сто тысяч читателей!

По настольной Голубой книге определили местонахождение ящиков с грузинскими рукописями. Три ящика. Они были внесены в 3-ью комнату с двусторонним светом и раскрыты. Из канцелярии поташили туда же чистый белый стол, невежливо потревожив мирно дремавшие на нем инкунабулы. Что такое инкунабулы по сравнению, с читателем, приехавшим из Ленинграда! Инкунабулы почти что родственники, мы к ним привыкли. А теперь у нас такой замечательный гость! Он приехал оттуда, куда для нас еще закрыта дорога, и скоро опять уедет в шумные пространства жизни. Мы должны его устроить как можно лучше!

Ф.Я. Попов самолично выбрал для него стул, пересмотрев от спинки до ножек каждый по очереди из имеющихся в канцелярии. Собственно говоря, вполне подходящего не нашлось. Пришлось выбрать лучший из плохих и этим удовольствоваться. Второй стул, уже без особого выбора, конечно, был поставлен для дежурного при читателе сотрудника. Ведь мы должны были скопировать порядки рукописного отделения. И потом, когда А.С. Ляпунова, как представительница рукописного отделения, пересчитывала листы выдаваемых рукописей, тень незабвенного Ивана Афанасьевича Бычкова, многолетнего хранителя его, незримо стояла рядом с нею.

Поставлена была чернильница, полная чернил, из внимания к высокому гостю, положены были карандаши и вставочка с чистым пером, бумага и карточки, оставшиеся после составления карточек.

Тетя Фекла тщательно подмела пол. На двери канцелярии вывесили расписание с часами дежурств около читателя и фамилии сотрудников. От 9-1 часу, с 2-6 часов, без выходных дней. Никто и не думал прекословить.

Вот, наконец, и он. Его фамилия – Чкония. Он приехал из Тбилиси с правительственным заданием: разыскать замечательную грузинскую рукопись 18 века. Автор ее был свободомыслящим духовным лицом, потерпевшим в свое время гонение за

свободомысле. ²¹ Оригинал рукописи погиб, но известно было, что у нас хранилась копия.

Читатель погружается в безмолвной и непостижимый океан рукописей. Дежурный застыл у стола в приличной позе с книгой в руках.

Кто-то заглядывает в шелку неплотно закрытой двери. На читателя был наведен объектив фотографического аппарата, чтобы увековечить замечательное событие в истории мелекесского отделения Библиотеки.

Стрелка бежит. Проходит час, другой. Рукописи нет. Перерыв.

Фед. Як. просит дежурного сказать читателю, чтобы он не ставил ноги на края ящика, перелистывая рукописи. Это не вяжется с благоговением, которым было окружено с незапамятных времен рукописное отделение.

Вторая половина дня. Еще два ящика просмотрены. Разочарование читателя. Уныние в Доме учителя.

Но читатель полон научной отваги. Сотрудники мировой библиотеки тоже готовы идти с ним на край света. Вновь заиграли давно молчаливые струны. Читатель! Значит, ему надо дать или помочь найти. Ведь мы же сверкаем яркими огнями в созвездии мировых библиотек!

Решено раскрыть перед ним еще несколько ящиков с восточными рукописями. Подставлен стул, рукописи выгружаются, большие и малые, перевязанные веревочками, в виде свитков. Восточные письма не пестрят перед глазами... Искомой рукописи нет.

И вдруг А.С. Ляпунова обнаруживает собственноручную записку И.А. Бычкова, словно пришедшего на помощь недоумевающим товарищам, как бывало не раз при его жизни. Она гласила, что требуемая рукопись такого-то числа, месяца, года была отослана в Грузию.

Поиски окончены. Надежды нет. Грузия давно уже обыскана. Рукопись где-то погибла.

Читатель, хотя и безрезультатно, но закончил главное свое задание. Он просматривает еще кое-что для себя, делает несколько записей на большом листе бумаги, встает, прощается, горячо благодарит, прикладывая руку по восточному обычаю к сердцу,

²¹ В «Записках» В. И. Гранского о нем указано иначе: «Груз. А. Н. Чкония, Т. А. в связи со 100-летием со дня смерти вел. груз. поэта [Н.М.] Бараташвили».

и быстрыми шагами уходит. Первый и последний читатель мелекесского филиала Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина!

Вы хотите знать дату его появления? Она записана: вторник 24 июля 1945 года. Работал он четыре будничных дня. Выходной день остался для нас выходным. В это время он уже мчался на поезде, возможно, спеша выполнять другие правительственные задания, и не нуждался в нашем самопожертвовании.

3-я комната, в которой работал первый и последний читатель нашего филиала, по остроумному предложению Симы Нейминой, с тех пор стала именоваться «залом имени Чкония». Он показал хороший пример, и наши молодые ученые, Враская и Ляпунова, начали уединяться во вновь открытом зале в компании с Балакиревым и Стасовым.

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СОВЕЩАНИЯ

В основном проходила длинная цепь сереньких, будничных рабочих дней. Иногда вспыхивали огнем веселья праздничные дни, но были и дни серьезных волнующих научно-производственных совещаний.

Перед нами прошли предварительные, как мы шутили, защиты диссертаций, сначала М.А. Буковецкой, а потом А.С. Ляпуновой. Будучи профанами в их специальности, мы всё же очень внимательно отнеслись к их трудам, и они, в какой-то малой, конечно, степени, проверили на наших выступлениях сделанную или большую работу.

1 февраля 1945 г. состоялось совещание посвященное вопросу создания коллективного труда «Опыт эвакуации фондов Государственной Публичной библиотеки». Разбирали некоторые темы: Т.А. Быкова взялась написать о подготовке к эвакуации, Е. Х. Трей о наблюдении за грузом и о реставрационных работах, а Е.А. Садова – о городе Мелекессе, приютившем груз Библиотеки и ее библиотекарей. Ц.А. Озерова и В.И. Гранский, как руководители, видимо были очень заинтересованы успешным выполнением этого труда.²²

²² См. рукописные «Записки» В. И. Гранского

Выступления товарищей, заинтересованных вопросами, связанными с опытом эвакуации библиотечных фондов, вызвали перекрестный огонь мнений, грохот зениток, пальбу дальнобойных снарядов выражаясь языком переживаемой военной эпохи. Горячо развернулись прения. Вопрос касался многих, и точки ставились над всеми и.

Сообщения Е.Х. Трей и сестры моей состоялись. «Описание Мелекесса» было основательно, литературно и с увлечением проработано докладчиком. Эта тема была предложена Ц.А. Озеровой.

«Пытались проводить некоторую научную работу с фондами, но у нас абсолютно отсутствовал необходимый для этого справочный материал». ²³

Кое-что в этом направлении все-таки было осуществлено, как, например: сообщение А. С. Ляпуновой и Б. И. Равкиной по описанию архива А. К. Глазунова (2 части: музыкальная и литературная), доклад В. А. Бриллианта о его работе над атласами XVI в., сообщение Я. Х. Якобсона о еврейской вольной печати в фондах Г.П.Б., О.Б. Враской – о систематизации каталога коллекции Синягина и др.²⁴

Среди Ленинградцев в Мелекессе были представители разных отделов Библиотеки, и нас не раз хотелось поделиться друг с другом опытом по своей библиотечной специальности, рассказать о «бурях в своем стакане». Осуществлялось это, насколько я помню, только в двух докладах: был поставлен мой доклад: «Рабочий день библиографа группы справок по русским каталогам» и доклад Т.А. Быковой о 1-м отделении (антирелигиозном) Гос. Публичной библиотеки, его создании, жизни и «кончине». Перед товарищами, несомненно, осветились два «темных» для них места в работе Библиотеки. Упомяну еще об одном докладе Т.А. Быковой «Английские библиотеки в годы войны».

Собирались послушать доклад Ц.А. Озеровой о каталогизационных работах, М.Н. Файн о комплектовании Библиотеки, В.А. Бриллианта об отделе картографии, О.Б. Враской об отделе эстампов и другие.

²³ Из доклада Ц.А. Озеровой от 9 января 1946 г. Машинопись.

²⁴ См. «Записки» В. И. Гранского

Все это было крайне поучительно, для всех сотрудников, приобщая их к славному прошлому Библиотеки и освещая большую и разностороннюю работу, проводимую в ее стенах.

Но человеческая жизнь так устроена, что в ней осуществляется лишь очень небольшое из задуманного. И все эти предполагаемые сообщения так и остались неосуществимыми.

НАШИ ТЕХНИЧЕСКИЕ

«Андрей Яковлевич, подите-ка сюда», говорю я Фадееву, сидящему в непринужденной позе у печки в ожидании условленного часа выхода в магазин для перестановки ящиков. Он неохотно поднимается с места. Я раскрываю перед ним старинное издание, посвященное картофелю, с великолепными рисунками, изображающими в красках всевозможные его сорта.

«Посмотрите, это по вашей специальности, вас должно заинтересовать».

Молчаливо заглянул он через мое плечо и, к моему изумлению, произнес:

«Это нам давно все известно».

Самоуверенный тон подействовал на меня неприятно. Я ожидала заинтересованности, проявления любознательности, вопросов.

Он, думается мне, не понимал ни значения привезенных и хранимых книг, ни нашей работы с ними. Он, возможно, считал, что на нас, библиотекарей, зря тратятся государственные деньги, когда вся работа по существу лежит на технической силе.

«Фадеев, откройте ящики, пожалуйста!» «Фадеев, напишите и наколите дров для канцелярии». – «Андрей Яковлевич, надо перевезти ящик с книгами из Дома пионеров». «Сделайте ящик для карточек». – «Надо выпрямить проволоку».

Вы сами видите, действительно, без Фадеева нельзя было ни шагу сделать, а тысячи проходили мимо него. Он их частично возвращал себе, выполняя частные заказы сотрудников за большую плату. Это был практичный крестьянин, в основу своей жизни положивший устройство собственного благополучия.

Но он был, конечно, нам очень нужен. Он был необходимой принадлежностью нашей Библиотеки. Мы привыкли к его неподвижной фигуре сфинкса, сидящего у вешалки или у печки в канцелярии. Андрей Яковлевич любил поговорить на интересные его темы из области сельскохозяйственных вопросов, религиозных и иных. Большинство из нас его величали на вы и полным именем, а он звал нас на ты и по фамилии и нетерпеливо обрывал, если сотрудник слишком длительно ему о чем-нибудь рапортовал. Любил он также ворчать на своз компаньонов, обвиняя их в лени и в бессовестном отлынивании от работы в противоположность ему.

Другой совершенно необходимой фигурой в нашем производственном быту была уборщица тетя Фекла, пожилая, некрасивая на лицо, но работающая и чистоplotная украинка из Сум. Она подметала и мыла полы в канцелярии и в комнатах, занимаемых грузом, топила печи и ставила самовар к обеденному перерыву. Были у нее и сверхобычные, экстренные задания разного рода.

Она любила поворчать на нас, если мы, запущенные снегом, не обчищали веником своих валенок и затаптывали чисто вымытый или добросовестно выметенный пол.

«Вредный такой» (или «така вредна»), любила говорить тетя Фекла в отношении кого-нибудь, кто поступал, по ее мнению, предосудительно. При этом она наклоняла голову на бок, и богатая интонация ее была насыщена непередаваемым презрением и осуждением «вредного» человека. Животных она очень любила, и по лицу ее расплывалась жалостливая улыбка, от которой суживались и так небольшие ее глаза, когда она говорила о какой-нибудь худенькой кошечке или голодной «сабацьке» - «Така маленька, худенька, голонна така!»

Очень опрятная, как уже было упомянуто, она, жалея беззащитных животных, часто прощала Пирату, косматой добродушной дворняги, следы его грязных лап на чистом полу, когда он врывался в канцелярию и радостно обнимал все по очереди, возвещая появление Гранского. Перед своим «господином» он всегда раболепно склонялся и смиренно припадал к его ногам, видя в нем могущественного и непостижимого владыку. От Феклы ему частенько перепадала хлебная корочка.

Еще двое технических тесно вошли один за другим в нашу жизнь: два польских еврея, Посс и Руцкий или Руцкой, как решительно звал его Федор Яковлевич.

Они не шли в сравнение с неотесанным Фадеичем. На них лежала печать западно - европейской культуры. Посс был исполнен привлекательным добродушием и неподражаемой галантностью. В своем единственном костюме из темно-зеленого сукна зимой и летом и в рваных башмачках-калошах, с красными от холода руками, с голодными глазами и улыбающимся ртом – он умел вежливо раскрыть двери, помочь сойти с грузовика и оказать еще ряд услуг светского характера. Своему ломанному русскому языку он старательно помогал мимикой, восклицаниями и жестами.

Посс был связан трогательной дружбой-любовью со своим племянником Яшей, который, после бегства из Кракова, делал головокружительную карьеру от ученика мастера по печным делам к ветеринарному технику. Яша неотступно следил за своим вечно улыбающимся, добродушным и неприспособленным дядей, носил ему обед в котелке и где-нибудь на ступеньках лестниц наших домов вместе с ним обедал.

Руцкой, сменивший Посса, имел семью и совмещал службу в Библиотеке с занятиями комиссионера. Он умело ворочал свои финансовые дела и вместе с женой любовно растил прелестного мальчика, воспитывая его по своим педагогическим правилам: за каждую принесенную пятерку выдавал ему 5 рублей, но хранил деньги у себя и приобретал ему на них какой-нибудь заветный, давно желанный подарок.

Плохо владея русским языком, но тоже проявляя некоторую зарядку западно-европейской культуры, Руцкой, видимо, дорожил службой в Библиотеке. Не раз говорил он, что ему нравится служить у нас. Он многому научился, по его собственному признанию, у Попова, с которым работал по подготовке груза к обратному пути. Из наших случайных, отрывочных рассказов и объяснений, он понял, кто мы и что мы, оценил содержание и значение нашего груза и, может быть, даже несколько гордился участием в столь большом деле.

Вот краткие зарисовки младших сотрудников мелекесского отделения. Любимые обращения Федора Яковлевича и Гранского к ним были – «товарищи-начальники» или «молодые люди».

Т.А. БЫКОВА

У нас был и свой знаменитый кругосветный путешественник – Т.А. Быкова. На своих длинных и крепких ногах она обегала все окрестности Мелекесса, быстро ориентировалась в окружающих его пространствах, узнала все выходы из него и все входы, широкие дороги, тропинки и тупики.

Она вывозила позднее приехавших товарищей «в свет» или, вернее, в природу. Первые цветы и первую распутившуюся зелень, почти наверное, находила именно она, срывая их где-то на солнечном пригреве. Весенние крокусы, лиловенькие, в серых пушистых шубках и с желтым глазком, распутившиеся рядом с нерастаявшим снегом, в окно или в дверь протягивала ее рука. У нее словно были свои оранжереи первых (весенних) и последних (предзимних) цветов.

Она первая привела меня с сестрой на берег Черемшана и, показав его красоты, отчасти примирила нас с нашим невольным изгнанием.

Всех нас по очереди она «выкупала» летом в Черемшане, включая и упрямого, всегда самостоятельного Бриллианта, показав дорогу к реке и удобные для купания места. Если бы вокруг Мелекесса поднимались высокие синие горы, мы наверное перевалили бы за их хребты, следуя по ее стопам. Ведь горы всегда притягивают к себе! – «Хочется знать, а что за ними», как говорил когда-то наш дядюшка, страстный поклонник природы.

Несмотря на свой своевольный, крутой и подчас тяжелый нрав, на резкие слова, которыми Т.А. иногда обижала нас, она нежно любила и понимала природу, слышала не до всех доходивший ее голос и всегда откликалась на него. В ней жили бродяжнические наклонности, и она изобретала далекие своеобразные прогулки.

В ее котомке помешались и мирно уживались всевозможные предметы первой (и не первой) необходимости: нож, кружка, письменные принадлежности, соль, книга, лупа, пустая банка, иголка с ниткой, гребешок и т.п., с которыми она не пропала бы даже в обстановке необитаемого острова. Из нее, наверное, вышел бы прекрасный Робинзон, с увлечением строящий

собственноручно дом в тропическом лесу на берегу океана и заводящий полное хозяйство, до коз и кур включительно. Страх и слабости людей иной организации ей были чужды.

Она была удивительно легка на ногу. Ей ничего не стоило подняться, пробежать несколько кварталов, чтобы сунуть в окно товарищу какой-нибудь прельстивший ее цветок или поделиться с ее точки зрения неотложной новостью. Но вопрос, откуда она взяла принесенную раннюю вербу, когда еще зима не совсем ушла, получался ответ, что она бегала на Черемшан, сидела на берегу, читала, гуляла и сорвала несколько веточек в вышедшей уже из-под воды вербы. Чтобы вымыть свою непокорную голову, она бежала туда же на своих длинных ногах с чайником, словно к колодцу во дворе. А расстояние были немалое.

- «Замечательный у вас велосипед!» от души смеялась я над нею (ее звали еще «трубачом» за ее оглушительный, всех перекрикивающий голос).

Вот объявление, вывешенное ею впопыхах, когда она была членом комиссии по проведению праздника 1-го мая 1945 г. и, можно сказать, с азартом вершила некоторые порученные ей хозяйственные дела:

**Вечер, посвященный 1-му мая,
состоится 29-го числа в 6 ч. вечера.
ТОВАРИШИ!**

**Просьба принести к вечеру 29-го мая
Тарелку, чашку и ложку.
Тарелки просят принести с утра.**

Забавно было смотреть на читающих это объявление, особенно технических, не быстро разбирающих текст, написанный от руки. Они, видимо, совсем ничего не поняли. Остальные, разобравшись в путанице, отходили от него с веселым смехом. Я решила (совершенно беззлобно) передать истории это коротенькое, в высшей степени «толково» написанное произведение, как библиографическую редкость!

Да простит мне, дорогой товарищ, и когда-нибудь посмеется сам от души!

О РАЗНОМ! НЕМОШЕННЫЕ УЛИЦЫ (МЕЛЕКЕССКИЕ ГРЯЗИ)

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася...*

А.С.Пушкин «Медный всадник»

Сейчас вам будет понятен смысл взятого к этой главе эпиграфа.

Шесть часов утра. Мы поднимаем головы с подушек. За окном протекает широкая полноводная река. Еще вчера улица была кое-как проходима. Сейчас она почти вся под водой.

Весна – лучшее время года, праздник природы, обновление всего живущего и т.д., а вот как же перейти разлившуюся перед окном реку и пересечь широкую площадь, превратившуюся в настоящее озеро, чтобы выйти на мостики вдоль улицы III Интернационала, которые приведут тебя к месту службы? Авиация, к сожалению, занята еще на фронте, а то можно было бы наладить пассажирское сообщение на самолетах с центром города.

Воспитание в строгих правилах дисциплины заставит тебя, тем не менее, готовиться к выходу из дома. Натягиваешь на ноги рваную обувь и понимаешь, как глубоко презирает она твой слабый разум, повелевающий ей идти и бороться с грозной стихией.

Чей-то высокий силуэт проходит за окном. Это – Т.А.Быкова, вооружившаяся каким-то длинным предметом, киркой или лопатой, оглядываясь и всматриваясь вдаль, медленно продвигается по направлению к источнику всех бед – перекрестку, превратившемуся в громадный водоем. Она вышла одна на борьбу с разлившейся водой, прорыла канаву и отвела ручеек.

Ленивые жители с усмешкой поглядывали на нее в оконца. Картина весеннего таяния снега была им знакома с младенческих лет. Никому из них не приходило в голову, что упорной и могучей волей коллектива, прорытые по улице канавы и упорядоченные мостики давно бы разрешили проблему весенней и осенней непролазной мелекесской грязи.

Один в поле, конечно, не воин, и в этот день мы, потолоковав, решили не идти в «дом с зелеными ставнями», чтобы не увеличить процент бюллетенщиков, а на следующее утро уже появились проблески возможности перейти непроходимые накануне болота.

В этом отношении Мелекесс – благодатный край. Ветер и солнце дружными усилиями удивительно быстро сушат землю. Это два крупнейших работника в области сельского хозяйства!

Весеннее таяние снегов всегда страшило нас. Оно происходило бурно, обильно, ввиду же не мошенных улиц и отсутствия во многих местах тротуаров мы часто оказывались в тяжелом положении. За исключением высоких мест города по направлению к «горке» и центра, скорее принимавшего возможный для передвижения вид, окраинный Мелекесс представлял из себя болотистую низменность.

Наша ветхая обувь нас не спасала. Галоши у некоторых совсем отсутствовали, у других - не выполняли своего назначения противостоять влаге и, словно насовсем, вбирали в себя весеннюю воду.

Не забуду я своего путешествия в весеннюю распутицу по окраинам Мелекесса в поисках дров. Дровяной кризис появился в моем хозяйстве – и престиж твой падает. Это надо понимать!

Снег уже потерял свою плотность и упругость, и приходилось идти с большой осторожностью. Рыхлые глыбы вдруг рушились от прикосновения твоей ноги, и она проваливалась в глубокую яму. Ручейки, канавки, широкие потоки преграждали мне путь.

Безлюдье. На душе становилось легче, когда вдали появлялась фигура прохожего. Авось подаст руку или хотя бы произнесет сочувственное слово! Иногда продвижение вперед становилось совершенно невозможным, и ты в смятении возвращался назад, в поисках другого пути. Дорога была насыщена ужасом и отчаянием!

Это путешествие могло быть помещено в одном из кругов Дантовского ада. К тому же оно оказалось бесплодным, и об-

ратный путь был проделан с меньшей энергией ввиду подавленного настроения.

Другая картинка. Более поздняя весна. Иду по ветхим дощечкам «тротуара» окраинных улиц. Бежит сначала одна дощечка, потом вторая несмело вступает рядом, а дальше обрываются обе, и нога некоторое время ступает по земле.

Земная шелковая трава, цвета ослепительного по яркости изумруда, обнимает узкую деревянную дорожку с обеих сторон и целует твою изношенную обувь. Человек незлопамятен. Идет словно по богатому, разостланному для него природой ковру и вспоминает, как нехороший сон, осеннюю распутицу, свистящий и гудящий в ушах ветер и непролазную топь, в черной, жидкой грязи которой тонули качающиеся мостки, вовлекая и его плохо обутые ноги в болото. Вода проникала в дырявую обувь и холодной струей заливала продрогшие пальцы.

Слава цивилизованным улицам больших городов, облитых асфальтом, выложенных камнями и торцом! Нога может довериться их крепко укатанной, дисциплинированной спине и не увлечет заблуждающееся человечество преждевременно в преисподнюю!

ОСВЕЩЕНИЕ

В зимнее время для большинства из нас уже спозаранку вся жизнь сосредоточивалась на квадрате стола, освещенном одной-двумя коптилками. Мрак, правда, отступал от стола, но стоял тут же за спиною, иногда наваливаясь на твои плечи, если ты находился в угнетенном состоянии. Вся остальная комната погружалась в полутьму.

На этом светлом пятне производились все работы. Ленинградцы в Мелекесе готовили свои уроки, читали, писали письма, чинили белье и одежду, занимались литературной работой, проглатывали еду, отдыхая в мирной беседе с домашними, и т.д. и т.п.

У немногих из нас было «роскошное» освещение в виде керосиновых электрических ламп.

РАДИО

Папанинцы, дрейфовавшие на льдине, тяготели к радио, как в единственной точке, соединявший их с далеким, скрытым водами, туманами и ледяными горами миром.

Случайные, военного времени мелекесцы, не аборигены, тоже тянулись к радио, как к живительному солнцу. Не только военная эпопея, развертывавшаяся там, далеко, конечно, в первую очередь привлекавшая общее внимание, зажигала огонь в их глазах, но и разные звуки, плывшие из больших городов, навевали на них свои волнующие чары. Бой древних кремлевских часов, имена крупных артистов, аплодисменты и возгласы, доносившиеся из концертных и оперных залов. Волны звуков катались и перекатывались над тихими водами Черемшана и звали к берегам Невы.

Вот наше письмо, обращенное в те времена (26.I.45г.) к большой артистке, несравненной певице – Надежде Андреевне Обуховой:

«Позвольте выразить Вам чувство глубокого восхищения Вашим большим и прекрасным музыкальным талантам.

Когда в вечерний час звучит Ваш голос, это не только голос большой артистки, но и голос прекрасной русской женщины, умеющей думать, чувствовать и любить.

Мягкий, глубокий и грустный, полный захватывающего драматизма! Богатые природные свойства его превосходно отшлифованы длительной музыкальной школой, а глубина чувства – самую жизнь. В оправе Вашей прекрасной женской души он чарует слушателей.

Оторванные войной от привычных нам больших культурных центров, мы чувствуем себя вновь приобщенными к высоким духовным ценностям, когда Ваш голос, насыщенный глубоким чувством, торжественно плывет над безбрежными пространствами нашей необъятной родины.

От всей души благодарим Вас за многие минуты чистого и глубокого наслаждения».

А вот и ответ Надежды Андреевны от 26.II.45г.

«Очень была тронута Вашим письмом, спасибо Вам от чистого сердца за Ваши милые, теплые слова, которые меня очень

растрогали. Я рада знать, что в Вашей трудной обстановке мой голос долетает до Вас и приносит Вам минуты отрады.

Крепко жму Ваши руки и желаю Вам поскорей вернуться к себе домой в Ленинград.

Всего наилучшего. Уваж. Вас Н. Обухова».

КОЗЛЯТА

Если бы мы дольше жили в Мелекессе (чему, конечно, никто бы из нас не обрадовался), мы могли бы написать целую книгу о козлятах. Об их уморительных рожицах, детских шалостях и проказах, привычках и забавах, прыжках сначала с низеньких, а потом и с высоких предметов, о потребности в тепле и ласке, об упрямстве особенно Васек и менее яркой индивидуальности Белок и Розок, о забавном боданье или пыренье рассерженного или просто играющего зверушки, о привязанности друг к другу козлят-близнецов и о тому подобных, прежде совершенно незнакомых материях.

Они были нашими сожителями по квартире, и мы не раз целовали их в смешные детские рожицы. Женщины часто выносили их на базар для продажи и держали, как матери детей, за пазухой, откуда выглядывали только их глуповатые серые, белые и черные мордочки. Непослушание, упрямство, потребность в ласке человека присущи им. Становится совершенно понятным возникновение старинной русской сказки: «Волк и семеро козлят», сказки о хорошеньких и забавных живых игрушках, маленьких звериных ребятишках, непослушных и упрямых, но привлекательных своей миловидной грацией.

ДВА СЛОВА ОБ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Как я уже говорила, «Большая энциклопедия» изд-ва «Просвещение» и «Малая советская энциклопедия» в своем лице представляли весь справочный аппарат мелекесского отделения. Перед отъездом они, конечно, должны быть уложены последними. Мало ли на что еще могут экстренно понадобиться их тома! Ког-

да они скроются из наших глаз, уложенные в ящик, вместе с ними погаснет на время свет просвещения, и, в случае надобности, придется бежать в городскую библиотеку к ее энциклопедическим словарям, грустно поглядывающим сквозь стекла высокого шкафа. Я уверена, они мало употребляются горожанами и необходимы, пожалуй, только людям, совершенно испорченным цивилизацией, которые постоянно обращаются к их всеобъемлющим столбцам.

Бедные интеллигенты, заброшенные в тыл, оставившие на произвол судьбы свои книжные сокровища!

Сотрудник мелекесского отделения утром спешит на службу. Торопливый, громкий голос окликает его издалека.

«Простите, на минуту задержу вас!»

К мосткам через зеленую улицу спешит пожилая учительница, тоже из сословия эвакуированных. Она подбегает, запыхавшись.

«Простите, что я задерживаю вас! Всю ночь не могла вспомнить, что значит слово стоматологический. Помню только, что касается медицины»,

Я с готовностью напомнила ей, и мы поспешили расстаться.

Само собой разумеется, мнение библиографа, завезенного в Мелекесс из Ленинграда, ни для кого не является обязательным.

ВОРОВСТВО СОЛИ

Это был год, когда мы воровали соль. В городе не было соли, на базаре ее трудно было захватить, и она была очень дорога.

- «Александр Христофорович», сказала я, обращаясь к директору нашего филиала.

- «Я занимаюсь воровством: ворую соль в столовой. У меня нет соли, купить ее негде или очень трудно, а без соли невозможно варить пищу. Без сахара можно обойтись, а без соли нельзя. Если вы не сможете уделить мне из каких-то хозяйственных запасов немного соли, я предупреждаю вас, что буду продолжать воровать соль в столовой, как это мне ни тяжело».

На мое откровенное заявление мне было выдано небольшое количество соли.

Воровала я не одна, и другие товарищи, находившиеся в том

же безвыходном положении. Мы садились за стол и, в ожидании обеда, сконфуженно и боязливо озираясь по сторонам, насыпали две-три щепотки соли в бумажку из блюдечка, стоявшего на столе. К изумлению обслуживающего персонала, столовники, очевидно, вводили в свои желудки необыкновенное количество соли, иначе ничем нельзя было объяснить мгновенное исчезновение со всех столов.

Иногда мы перекочевывали в более пустой зал, чтобы произвести эту болезненную для совести операцию. А уж не солью ли, казалось, всегда неистощимо богата была наша страна! Война была причиной и этой большой невзгоды.

АНЕКДОТ ИЗ ЖИЗНИ

Одна из слушательниц Учительского института на вопрос преподавателя немецкого языка, отчего она так плохо учится, зачем же она тогда пошла в институт, ответила, что ее заставляют родители.

«А чем бы вам хотелось заняться, если не учеьем?» – спросил заинтересованный руководитель.

«Есть и спать», – был решительный ответ.

ВТОРАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Из полученного от товарища письма мы узнали, что по приезде в Ленинград нам придется (не оставляя основной специальности) выбрать себе еще вторую и, пройдя соответствующий «вуз» или «втуз», через три месяца выйти готовым маляром, штукатуром или стекольщиком.

Мы, мелекесцы, со своими «крупными» сельско-хозяйственными познаниями оказались в весьма невыгодном положении. Придется сдать их в камеру хранения и серьезно заняться своей переквалификацией, или, вернее, освоением новой специальности, ибо для города, сильно поврежденного вражеской рукой, уже недостаточно звания хотя бы и главного библиотекаря.

Товарищи с наклонностями художников, привыкшие водить кистью по полотну, решили избрать себе карьеру маляра, а

библиотекари, особенно любившие свежий воздух и простор деревенской жизни – профессию свободных каменщиков.

Если мы помогали Мелекессу, чем могли, то как же не помочь любимым способом родному Ленинграду, если он в нас нуждается! Мы были готовы на всё!

МУСЯ

- «Мария! Ты отдала сапог в починку?»

- «Отдала». – «Покажи!»

Девочка протягивает сапог матери.

- «Как!?! Ты этот отдавала? Да он же был здоровый!»

Муся в недоумении смотрит на мать, потому что отданный ею сапог был весь в дырках, но тот, которому полагалось поступить к сапожнику, имел еще более ужасный вид. Она выхватила первый попавшийся ей в руки из-под кровати и «ошиблась».

- «Ах ты, рассеянная девчонка!»

Маньча (прозвище Муси) стоит, потупив голову.

- «Муся! Ты выучила немецкие слова?»

- «Да».

- «Скажи, как по-немецки глагол идти. Подуй в таганок! Видишь, шепки гаснут, а я шью. Ну, что же ты не отвечаешь?»

- «Я дую!!!»

Ураган дел по приходе домой с работы! Вечные комбинации, купля-продажа, недостаток сна, взвинченные заботами нервы...

ЗАРЯ БЛАГОДЕНСТВИЯ

Осенью 1944 года мы, конечно, еще не достигли вершины благополучия, но поднялись уже на несколько ступеней к нему. Мы оказались счастливыми обладателями хорошо уродившихся огородных овощей и пшена. Увеличение зарплаты сказалось несколько позднее на нашем бюджете, но все же помогло немного улучшить наш более, чем скромный гардероб и почувствовать себя крепче и увереннее в материальном отношении.

Впереди еще ждало нас много тяжелых дней, но таких уни-
зительных, голодных, безысходно горьких и неумолимых, какие
породили весна и лето 1944 года, мы уже не переживали.

А победоносное шествие наших войск вдохнуло в нас ра-
достную уверенность, что мирная трудовая жизнь скоро зальет
благоденствием измученный военной непогодой родной край.

КОНЕЦ ВОЙНЕ!

Ликование в Мелекесе и победный салют в Ленинграде бы-
ли проявлением одного и того же могучего всенародного тоже-
ства, которое никогда не может быть забыто участниками и со-
временниками событий!

Все страшное миновало. Звучит светлая мелодия мира. Что-
бы замолкал смертоносный грохот орудий, надо было объять
пламенем военного пожара земной шар, пролить море кро-
ви, сделать груды развалин из цветущих многовековой культу-
рою городов и неслыханными страданиями замучить челове-
чество!

И вдруг стало тихо. Вместо будущего разъяренного океана
заструилась светлая река в мирных зеленеющих берегах...

Долой навсегда войну! Долой оружие! Да здравствует серп и
молот, перо, кисть и резец!

ПОБЕДА

*Заря распростерла победные крылья,
Сомкнулись народы в последнем усильи,
Карающий голос их грозно звучит –
И враг непреклонный бежит!*

*Про страшные всеми страницы,
Улыбка согрела счастливые лица,
Ожившее сердце родное зовет.
И мирные песни поет.*

*Лишь те, что погибли за правое дело,
Лежат неподвижно, бессильно их тело:
Они отдыхают от тяжких трудов,
Ничто не тревожит их снов.*

Июнь 1945, Мелекесс

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ, СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

(ВЗВОЛНОВАННАЯ СТРАНИЦА)

В этой главе я хочу поговорить совсем о другом, но тоже о близком. Горькие и бесплодные воспоминания!

Уезжая из Ленинграда, мы оставили всё, как было. Чашки с недопитым чаем стояли на столе, когда мы спешно покидали город. Мы верили в недолгую разлуку с любимыми старыми вещами, но из оставленного многое или почти все погибло безвозвратно.

Тишина далекого тыла была куплена многими уехавшими дорогой ценой. Некоторые из нас заплатили за нее кончиной дорогих близких. Несколько холмов, скрывших очертания любимых лиц, выросли на мелекесском кладбище.

Все смешалось в Ленинграде. Квартиры, имевшие хозяев, раздавались вновь приезжающим. Быстро стиралась память о прежних владельцах вещей, и они переходили новым.

Вещи, с которыми сжился человек, за долгие годы обладания ими, говорят, сочувствуют ему, отвечают взаимностью. Мне дорог мой стул, на котором я сидела с юношеских лет, мне всегда будет не хватать моей лампы, которая бросала свет на мою заветную тетрадь, исписанную взволнованным почерком.

На старом диване прошло в играх мое счастливое детство. В ящиках материнской шифоньерки и в ее «серебряном» (белой жести) сундуке сколько раз мы, дети, восхищенно созерцали прекрасные старинные сокровища: белое атласное подвенечное платье и «визитное» цвета резеды, прабабушкин ковер, полотенца, превосходно вышитые крестиками, красивую деревянную шкатулку с семейными сувенирами и много кружев, терпеливо навязанных для уюта дорогими женскими руками.

Для других это будет обыкновенный диван, простая шифоньерка и старый сундук, а для меня – дорогие реликвии разбитой войной счастливой семейной жизни, мой очаг, мое унесенное бурей прекрасное прошлое.

Картин, в былое время развешенных по стенам, не воскресить, разорванных заветных тетрадей не найти, любовно собранной библиотеки не восстановить.

Растерянные, суетимся мы, как муравьи в развороченном муравейнике. Все равно, никто и ничто не поможет. Самая богатая мебель мне не заменит скромного обеденного стола, вокруг которого собиралась в былые счастливые годы моя семья.

Многим пришлось начинать свою жизнь с начала!

Раздумалась я и строго укорила себя, можно ли было писать о таких пустяках! До вешей ли, с которыми было крепко связано наше прошлое, когда ушло из жизни столько людей, и среди них и твои дорогие, близкие твоему сердцу люди. Опомнись! Зачеркни написанное и положи пери. Все это человеческое, слишком человеческое!

И в самом деле, не зачеркнуть ли написанные строки!? Пусть не будет в оглавлении «взволнованной страницы»! ... А может быть, все-таки оставить ее?! Ведь это же правда!

НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА

Летом 1945 года мы вступили в эпоху предотъездных дней. Она была окрашена лучшими красками безупречной и бесперебойной дисциплины. Единоначалие развернулось во всей своей силе. Все головы повернулись, как цветы подсолнечника, к единому солнцу – главе коллектива. Слушали внимательно, никто не возражал, все рвались в бой, и тот, кому приходилось в какой-то день быть малодетельным участником общей кипучей работы, чувствовал себя обиженным, обделенным, прямо-таки выброшенным из жизни. Слова: «Ну, посидите, отдохните», обращенные к пожилому сотруднику, стремившемуся со всеми в водоворот, принимались прямо за оскорбление.

Дом пионеров и Дом учителя зажили особенной жизнью. К распахнутым дверям подлетали машины, проламывая доски тротуаров. Толпы ребятишек, сбежавшихся со всего Мелекесса, жадными, загоревшимися глазами следили за всеми их движениями. Из раскрытого настежь окна верхнего этажа один за другим катились по громадному лотку ящики с загадочными для непосвященных наименованиями: инкунабулы, Rossi-са и т.п. лакомствами библиофилов. Это невиданное инженерное сооружение, созданное сердцем и мозгом библиотекарей и воплощенное в жизнь руками техников, сослужило большую службу в деле вывоза груза из Мелекесса обратно в Ленинград.

Правда, установка его вызвала в памяти бессмертные очерки И.Ф.Горбунова, зарисовавшего с неподражаемым юмором уличную жизнь в картинках с натуры. Когда полетело выбитое стекло, куски штукатурки, кронштейн для висячего фонаря, и послушались советы со всех сторон, как повернуты и приспособить «дорогу гигантов» - хотелось устало махнуть рукой на неверно, казалось, рассчитанное предприятие.

Но пригнали его к стене поближе, что-то подстругали, что-то подвинули, оно плотно вошло в отверстие окна, осело, укрепилось – и ящики, охваченные веревкой, уверенно и быстро помчались к стоявшему внизу грузовику, сопровождаемые восхищенными восклицаниями мальчишек и остротами курсантов, работавших с ленинградскими «сундучками».

Работа кипела. Люди постигли суть дела, выработались своего рода специалисты на разных участках, и солнце весело заливало яркими лучами невиданную картину. Сотрудник, «нагружавший» грузовик, наверно, чувствовал себя самым производственным человеком. По мановению его руки, ящики срывались с мест и уносились к окну двумя или тремя парами молодых здоровых рук. На сопроводительный листок заносились номера уходящих ящиков. Комнаты быстро пустели. Ящики таяли, словно горы слежавшегося снега под горячими солнечными лучами.

«Вот это «правильный» сундучок», говорили два молодых великана, сгибаясь под невероятной тяжестью громадного саркофага.

Машина нагружена. Сопроводительный листок с номерами ящиков и с итогом в 40-50 единиц вручается библиотекарю, со-

проводящему грузовик. Гирлянда из ребячьих голов обвешивает попрыгивающее бензином чудовище, и вот машина уже несется по дороге в клубах пыли, разгоняя стада гусей и уток, грохоча по доскам подозрительного моста, перекинутого через речку Мелекесску.

На время работа с ящиками в домах затихала и переносилась в пакгауз на вокзал. Сотрудники принимали подъезжавшие машины по сопроводительному листку. Партия курсантов разгружала грузовики. Стучали молотки, укреплявшие ящики, перенесшие порядочную встряску. В пакгаузе вырастала гора на подобие Монблана, упираясь под самую крышу.

В эти горячие дня самыми счастливыми детьми в Мелекесе были дети нашего коллектива. Их не прогоняли, они были «свои». Деликатно, но неотступно они допрашивали всех, кто, когда поедет с машиной, и выставляли свои кандидатуры на маленькое местечко рядом. К вечеру, сияя, они хвастались друг перед другом числом совершенных пробегов на вокзал и обратно.

В три дня ящиков как не бывало в опустевших комнатах. Гулко раздавались шаги под высокими сводами. Гордиев узел был разрублен. Резэвакуация началась.

Трудно себе представить, что происходило в домах сотрудников. Сначала весь скарб выворачивался из корзин, мешков и чемоданов, а потом снова размещался в порядке первой, второй и третьей очередности. Торопились ужасно, как на пожар. Начальство тоже всех подгоняло. Лихорадочно работали руки. Казалось, вот-вот подадут вагоны, и приедут уже за вещами, а мы еще ныряли в волнах беспорядочно разбросанного тряпья.

Забегали друг другу, чтобы сравнить успехи свои и товарищей по укладке. От этих забеганий или становились сумрачней, видя, что соседи ушли далеко вперед, или успокаивались, сознавая свое превосходство. Бегали на базар за маслом, луком, помидорами, медом, картофелем. Постепенно из гор тряпья, посуды и овощей с проглядывавшими из них растрепанными головами укладчиков начинали выравниваться какие-то более или менее оформленные пакеты. Завидовали ужасно счастливицам, имевшим уже окончательно завязанными пять, шесть предметов.

Дежурному в канцелярии было поручено в продолжение дня опросить каждого на предмет количества увозимых им с собою

вешей. Цифры потрясли начальство. 20, 22, 15, 26 и т.п. Целый багажный вагон! Как же это? Жили, жили, ничего не приобрели, все распродали, а цифры говорят о противном. У каждого ящик с картофелем, бидон или ведро с маслом, корзиночка с помидорами и с луком, вместилище с медом. Как же все это разместится!

На вокзале дежурили в три смены: с 8 ч. вечера до 8 ч. утра, с 8 ч. утра до 2-х ч. дня и с 2 ч. До 8 ч. вечера вместе с нашими пожарниками. Если было тихо и тепло, можно было бы во время дневного дежурства переделать массу дел: читать, писать мемуары, чинить расползающиеся чулки имени Гранского и время от времени заглядывать на замки повешенные на две двери занимаемого нами пакгауза или обходить гору ящиков, не вместившихся в пакгаузе и оставшихся на платформе. Под одной крышей лежали наши книжные ценности, тюки с шерстью и мешки для уборочной кампании. Вспархивали стайки воробьев, рывшихся в траве и в пыли.

Постепенно мы осваивали жизнь на вокзале, как-будто так и должно было быть на многие месяцы, внимательно следя за расписанием, чтобы не заставить товарища лишение минуты терпеть сырость и холод осенних дней.

Когда погасло солнце, тебя обступали тени ночного дежурства. Ты сливался в одно целое с охранниками, дышал с ними одним тяжелым воздухом застоялых грузов и выслушивал их нерадостные и незамысловатые истории.

Молодые девушки с винтовками за плечами: Маруси, Нины, Клавы и опять Маруси читали какие-то письма, уносившие их на крыльях надежды в прекрасное будущее. Из тьмы сентябрьской ночи выплывали лица их далеких родных, одолевали мысли о покинутом родном городе, мечты о возможности когда-нибудь склеить разбитую войной жизнь. Они делились с тобой своими переживаниями, и ты иногда платил тою же монетой своим случайным ночным товарищам. Только язык отличал тебя от них.

Долго тянулась ночь, сырая, холодная, на грязных мешках или ящиках. Ныла спина, опираясь на деревянные перехваты крышки, голова, обмотанная платком, опрокидывалась назад. Несколько раз в ночь выходил из пакгауза дежурный библио-

текарь и озабоченно вглядывался в темноту ночи. Потом снова катилась за ним на колесиках тяжелая дверь пакгауза, и снова он забывался в тревожной дремоте.

Истари воспитанные в духе глубочайшего уважения к нашему единственному в своем роде книгохранилищу, мы совершенно недоумеваем, почему нас срочно не отправляют в Ленинград ввиду громадной ценности наших собраний, и очень переживали это необъяснимое, казалось нам, равнодушие.

«Почему мы стоим? Нашему грузу цены нет!» иногда запальчиво поднимался чей-нибудь голос.

«Если бы ваш груз был такой ценный, его и двинули бы. Начальству все известно! Идет хлеб, его надо двигать, а не книги!»

И правда! Начиналась демобилизация, шел урожай. Наш груз должен был дать дорогу этим конкурентам.

Дальше дела стали запутываться и усложняться. Вагонов не давали. Приготовленные на дорогу пироги и булки постепенно съедались. В одной семье были уничтожены два десятка сваренных яиц, и решено было больше их не покупать на дорогу. Помидоры, купленные зелеными для раздачи в Ленинграде, так раскраснелись и поспели в корзинах, что пришлось их выгрузить и спешно уничтожить, за чем дело, конечно, не стало.

Происходили очередные чудеса: сахар оказывался запрятанным на дно длиннейшего мешка; одна туфля легла в чемодан, а другая валялась в углу комнату; с трудом были отысканы необходимые для дороги документы. Требовался для жизни то один, то другой предмет, пакеты развязывались, и вынутые вещи перекладывались с места на место.

Несколько раз (окончательно перед отъездом!) ходили в баню, начались снова стирки, жизнь опять входила в какой-то мирный круг. На вокзал являлись точно по расписанию, как на службу. Не дежурные отправлялись в лес за хворостом и снова прощались с любимыми местами.

Дети нашего коллектива разошлись по школам. Запрятанные учебники снова вышли на белый свет.

Подан или отбит первый вагон. Большой! Пульмановский! Опять все зашевелилось и пришло в движение. 350 ящиков вошло в передвижной домик, стоящий на путях. Потом всё опять затихло, и только дежурные менялись на страже книжных сокровищ Ленинграда, украшавших мелекесский вокзал.

Мы были обвешаны документами всех сортов: бумага на право въезда в Ленинград и на право получения жилплощади; знаменитая форма №7, которая должна была кормить ленинградца, приехавшего из Мелекесса; справка со службы о зарплате; командировочное свидетельство; справка о прививках и т.д. и т.п. Некоторые товарищи сортировали их в два вместелища, отдаленного назначения и близкого, другие с раздражением толкали в одно место. Из-за груды документов не видно было их владельца.

Ее два пульмановских вагона были нагружены ящиками до отказа.

ПЯТЬ + ОДНА (ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН)

11 часов вечера. Мы совершенно забыли, что отъезд близок. За окном царственно сияла луна, и всюду покоились голубые тени. Над тетрадами склонились головы: торопились с окончанием мемуаров.

Вдруг легкий стук в окно. Вздрагиваем. Открываем. Озаренная призрачным светом луны стоит Елена Христиановна Трей. Она выглядит серьезной, взволнованной, как всегда. Тихо, но раздельно она произносит:

«Завтра уходит первый эшелон. В списке уезжающих значиться и вы. К 12-ти часам дня должны быть готовы. За вещами приедет машина».

Не успеваем мы опомниться от давно ожидаемой неожиданности, как вестник уже скрывается. Опускается занавеска. Тетради захлопываются. Только что ровно стучавшее в груди сердце начинает биться так, словно был выпит бокал шампанского.

Ранним утром поднялась невиданная кутерьма. Хозяева работали с жильцами, не покладая рук. Вещи снова оформлялись, упаковывались и увязывались. К 12-ти часам мы, конечно, еще

не были готовы, но с закатом солнца мы встретили подъехавшую машину в боевой готовности. Наш час пробил. «Сидение» в Мелекесе кончилось.

Прощанье с хозяевами. Мелькают их растроганные, и даже заплаканные лица. Машем платками. Вместе с вещами увозили полдюжины каких-то мальчишек во главе с хозяйским Юрочкой, радующихся случаю покататься. Прощай, Мелекес!

Проносимся мимо кладбища. Глаза с грустью и болью останавливаются на зеленой купе деревьев, виднеющейся вдаль. Зашемило на сердце.

«Не говори с тоской: их нет!»

Итак, 20-го сентября мы переселились в теплушку. Когда в спустившиеся тихие, хотя и холодные сентябрьские сумерки грузовик подвез ленинградцев, отбывающих из Мелекеса, к отверстому «жерлу» теплушки – мы были в полной уверенности, что наше внедрение в нее не состоится. Это был загруженный доверху вагон с небольшой площадкой посередине. Кое-где белели в сумраке лица.

Поснимали людей с грузовика, забросали свободную середину вещами – и грузовик отъехал. Напрасно взывали о помощи, совершенно заваленные грудой вещей, сидящие в теплушке товарищи. Казалось, все было потеряно, и вступил в действие какой-то неумолимый, но неправильный в корне расчет.

Но мало-помалу, как бывает почти всегда во всех затруднительных случаях, лучи надежды осветили невероятный хаос, который представляла из себя теплушка. Фадеич и Руцкой, за особую мзду, быстро и толково туда-сюда поразсовывали вещи, и стало значительно свободнее. Люди успокоились.

Над вокзалом ясно светил сентябрьский месяц. Долго копошившиеся во мраке теплушки товарищи, наконец, улеглись. Воцарилась тишина.

Назначенный на первую половину ночи дежурный по эшелону остался бодрствовать. Ф.Я. Попов, дежурный в пакгаузе у оставшихся ящиков, навешал его, бросал несколько ободряющих слов и уходил, т.к. холодный ветер пронизывал до костей. Медленно потекла ночь.

На следующий день нам подали еще двух «пульманят», и мы приступили к нагрузке. Рабочие и библиотекари смешались в одну серую массу.

Устроено было прощальное заседание в теплушке, на котором директор филиала Ц.А. Озерова отдала приказ полного повиновения назначенному начальнику эшелона, всегда обдуманно действовавшей, невозмутимой, распорядительной А.С. Ляпуновой, сильный характер которой давно был товарищами по достоинству оценен. Все мы должны были зорко следить за вагонами с нашим книжным грузом. Ц.А. тепло простилась со всеми, уверенная в нашем полном благоразумии во время следования поезда и в благополучном окончании путешествия.

Потом всё вдруг двинулось вперед с невероятной быстротой. Хотя мы и выразили горячее желание ждать остающихся товарищей сколько угодно, лишь бы ехать всем вместе, но железнодорожное начальство не примкнуло к нашему единогласному мнению и неумолимо потребовало немедленного отъезда первого эшелона, свирепея при виде простоя шести вагонов в горячее время уборки урожая.

Часы побежали с удвоенной скоростью. На теплушку наколотили грубо и наскоро сделанный тамбур, натаскали пакли для затыкания щелей и каменного угля для печурки, поставленной посередине вагона. Товарищи воодушевленно простились с нами, и мы медленно отплыли от вокзала в весьма туманное будущее, сопровождаемые добрыми напутствиями всех стоявших на платформе.

Начался страдный возвратный путь на родину.

Дневные и ночные дежурства. Вечный страх потерять из виду наши вагоны с книжными ценностями (у каждого из нас был на руках перечень из номеров, записанный на бумажке). Женские высокие голоса тонули в океане железнодорожных путей, в грубых и самовластных, как нам казалось, окриках диспетчеров. «Пульманята» один за другим, не зирая на наши жалобные мольбы и уверения, что мы не можем с ними расстаться, отцеплялись и уходили на наших глазах в составах с горячим.

Действия железнодорожного начальства нам представлялись прямо-таки противозаконными, пока какой-то человек, видимо, знающий железнодорожные порядки, внял, наконец, нашим растерянными голосами и объяснил начальнику нашего эшелона, напрасно потрясавшему перед глазами диспетчера всевозможными охранными грамотами, присланными из Москвы, что железная дорога живет по своим законам и двигает грузы, за сохранность которых она отвечает, по своим собственным веским соображениям, что все наши вагоны несомненно благополучно прибудут в Ленинград, хотя и в составе с горючим.

Его спокойный, убедительный и авторитетный голос подействовал на нас вразумляюще. Мы поняли, что железнодорожные законы есть самодовлеющая сила, которая обязана и сумеет распорядиться и нашим книжным грузом согласно его значению и с соблюдением полной его сохранности.

Мы вздохнули свободнее. Что значит услышать вовремя доброе, разумное человеческое слово!

Мучительные остановки на неведомое время, когда слабый духом путешественник свешивался над спущенной из теплушки на землю лестницей и десятки раз задавал мысленно и вслух один тяжелейший вопрос: быть или не быть? Переступить ли Рубикон за кипятком, за рейсовым хлебом и по иным человеческим надобностям, тогда как гордый и смелый, не раздумываясь, свергался вниз.

Любуясь геройским поступком товарища и краснея за себя, за собственную слабость, не герой мысленно клялся непременно исправиться в будущем и тоже стать гордым и смелым. Но на следующей же остановке он снова безумно страдал от страха променять теплушечный уют на рискованное путешествие по рельсам.

Больше охватки людей разных характеров, вспышки, ссоры и примирения, физические недомогания, особенно тягостные в условиях нелегкого пути, и томление духа от дисгармонии жизни.

Одно было незабываемо прекрасно: мы упивались чарующей прелестью осенних дней, часами сидя перед раскрытой, вернее, отставленной дверью вагона, т.к. она сломалась. Вот промелькнула высокая, стройная береза, вся в легком кружеве золотистых ветвей; вот другая в прозрачной осенней одежде.

Багряный клен вдруг зарделся в гуще темно-зеленых елок, тревожно прозвенели в вечерней тишине листья встречной осины.

И пока было еще хоть немного видно, продрогшие, мы молчаливо сидим и не сводим глаз с родного алого заката, с тускнеющего свода, затканного кой-где бледным сиянием звезд.

ВОЗВРАЩЕНИЕ. ЭЛЕГИЯ

*Покинувши страну изгнания,
Спешим к родимым берегам.
Встают в душе воспоминанья...
Кто встретит нас? Что будет там?*

*Кружатся в золоте березы,
А в сердце тихая печаль.
Блистают на ресницах слезы...
Всей жизни прожитой так жаль!*

*Дымятся мирные селенья,
Пасутся мирные стада...
Для нас же нет успокоенья,
И отдохнем ли мы когда?*

*Спешим, когда спешить ненужно,
Когда очаг уже остыл,
Когда семьи не стало дружной,
И путь лежит среди могил.*

*Кому улыбкою ответим?
Никто не ждет нас, глядя вдаль...
И тех, кого уже не встретим,
Безмерно, безнадежно жаль!*

Осень 1945 г.

Так ехали мы день за днем две недели, и, как всегда, долгожданное появляется неожиданно – на горизонте вдруг возник величавый силуэт Ленинграда, воспетого и возвеличенного за его мученичество в годину войны.

6-го октября теплушка вместе с единственным оставшимся ей верным пульманом медленно вкатилась в ряды стоящих поездных составов и начала ждать разгрузки и нового назначения.

«Гордые и смелые» отправились на разведки, и под крышей Публичной библиотеки горячо зашумели товарищеские голоса.

Было холодно. Темнело. Лил проливной ленинградский дождь. Приехал передовой отряд товарищей-библиотекарей. Они вскарабкались по лестнице в теплушку. Поцелуи, пожатие рук, приветствия! Прибывших из Мелекесса приглашали в нагретые комнаты, где их ждал горячий ужин. Часть обитателей теплушки уехала, несколько человек остались ночевать последнюю ночь на железнодорожных путях.

Два товарища, как они рассказывали потом, спеша на свидание с прибывшими, заблудились на рельсах под проливным дождем. Они долго подавали голос, но ветер не донес слабые звуки, и верные друзья, промокнув до костей и не достигнув цели, вернулись разочарованные домой.

Утром нас всех перевезли в библиотечные дома. Мы переходили из рук в руки. Нас целовали, обнимали, нам улыбались, нам жали руки, гладили по плечам, расспрашивали без конца, ташили наши чемоданы, устраивали ночлег, звали обедать. В комнатах мелькали знакомые и незнакомые лица. Мы отогревались в атмосфере дружеского участия и ласки. В груди у меня закипали благодарные слезы, увлажнявшие ресницы.

Родина встретила нас, как дорогих, давно отсутствовавших детей. Библиотека заключила нас в свои объятия.

11-го октября благополучно прибыл 2-й эшелон. Состоялся большой объединенный товарищеский праздник, на котором, естественно, фигурировали сельско-хозяйственные запасы мелекессцев и городские продукты ленинградцев. А потом началась новая жизнь, возникшая на обломках старой.

Очень многих товарищей, друзей и учителей, мы не досчитались... Но память бережно и грустно хранит их имена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы все, так или иначе, жертвы войны. Если мы и не сложили свои головы на поле брани, то многие из нас остались сиротами в необозримых пространствах жизни. Из разных концов нашей необъятной страны стекаемся мы на старые пепелища. Пустые стены и холод разорения встречают многих из нас.

Вместе со всеми мы приняли поднявшийся на нашу родину девятый вал!

Усмехнутся над моим поэтическим бредом трезвые люди, но я твердо верю, что настанет день, когда навеки уляжется будущее море человеческой ненависти, и покорные синие волны будут ласково лизать прибрежные пески. Безбоязненно поплывут корабли по свободным от мин океанам, и загорелые детские ручки обовьют гирляндами статуи вечного мира на границах всех государств.

Прочитаны и использованы для уточнения, для связи событий, для большей ясности и полноты затрагиваемых вопросов следующие материалы:

1) Доклад Ц.А. Озеровой 9 января 1946 г. В кабинете библиотековедения «Фонды Публичной библиотеки в эвакуации». Машинопись Шифр – ГПБ ГПБ/Т270

2) 4 года в Мелекессе. Записки В.И. Гранского. 3 тетради. Рукопись. Хранится у автора.

3) Записки Т.А. Быковой. Рукопись. Хранится в рукописном отделении Гос. Публ. б-ки. Шифр – Пост.1965.64 фонд №1000.

4) Материалы архива Гос.Публ. б-ки:

– Материалы архива Гос.Публ. б-ки по мелекесскому отделению: архив №7 опись 13.

– 20 ящиков, содержащих описания выборочно вывезенных книг (русских и иностранных) и газет 1917-1922 гг.

– Архив 1812. Дело №11. 1-я эвакуация 1812 г.

5) Императорская Публичная Библиотека за 100 лет. 1814-1914. Спб., 1914.

6) История Государственной ордена трудовой Красного Знамени публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., Лениздат. 1963.

7) Беседы со многими товарищами, работавшими в Мелекессе.

ОБЩАЯ СПРАВКА ПО ПЕРСОНАЛИЯМ

АКИМОВА Александра Алексеевна

В Мелекесском отделении с августа 1944, библиотекарь, из местных жителей.

АНИКИН Николай Иванович

(дек. 1885, Тюшевский з-д, Красноуфимского у. Пермской губ. – янв. 1942, Ленинград), в ПБ 1934–42, зам. дир. ПБ в 1934–40

Из рабочих. В 1903 окончил гор. 2-клас. уч-ще и поступил на годич. пед. курсы. По окончании курсов с сент. 1904 по февр. 1906 был учителем нач. школы в Чусовском з-де. В 1905 вступил в РСДРП, вошел в Чусовскую с.-д. группу и проф. включился в парт. работу в Перми в кач-ве пропагандиста, окр. парторганизатора Перм. к-та РСДРП(б) на урал. з-дах (Чусовском, Лысьвенском, Бисерском и др.). Несколько раз был арестован, заключался в тюрьмы и крепость. Выйдя из крепости в кон. 1909, отошел от парт. работы, служил конторщиком и счетоводом в о-ве потребителей Перм. ж. д., на ж.-д. стройках в Туапсе, Сочи, Екатеринбурге, Петрограде.

В февр. 1920 вновь вступил в партию и после этого находился на сов. и парт. работе: секр., зам. пред. Бийского у. исполкома, зав. район. РКИ, секр. Рубцовского у. к-та РКП(б), чл. губкома партии в Барнауле. С нач. 1924 работал в Москве зав. общим отд. Упр. мест. финансов Наркомфина РСФСР. В 1925—29 — упр. делами Русперсбанка в Тегеране, консул СССР в ряде городов Персии, а затем в Китае (Хайлар). С авг. 1929 по март 1930 — в резерве НКВД, затем по мобилизации ЦК партии работал на хлебозаготовках в Сред.-Волж. крае.

По переезде в Ленинград до 1934 работал пом. дир. опыт. з-да эфирных масел, секр. Облплана, пом. пред. Хим. ассоц. АН СССР по адм.-хоз. части. Ввиду переезда АН СССР в Москву освобожден от этой работы и с 13 окт. 1934 назначен зам. дир. ПБ по адм.-хоз. части. Занимался вопросами ремонта по-

мешений Б-ки, финансирования и штат. обеспечения ее деятельности. С дек. 1937 переведен на должность зам. дир. по науч. части и состоял в этой должности до мая 1940, когда был назначен зав. IV фил. отд-нием «в целях укрепления» ее работы. Руководил секцией орг-ции и планирования библи. работы Кабинета библиотековедения, состоял чл. Бюро рационализации. В июле 1941 на него одновременно было возложено врем. и. о. зам. дир. по адм.-хоз. части. Авт. нескольких ст. о ПБ, опубл. в связи с отмечавшимся 125-летним юбилеем Б-ки; он выступал и как ред. каталогов по выст., подгот. Н. З. Стругацким (1938).

Во время войны продолжал участвовать в обсуждении науч. и метод. вопросов, в частности, схем каталогов по разд. «Новейшая история», «Горное дело» и др.

Умер в блокадном Ленинграде и приказом по Б-ке исключен «с февраля месяца» 1942 из списка сотр.

Лит.: Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Пр. и расп. 1934—42.

Л. А. Шилов

БАСОВ Николай Петрович

(20.02.1892, Орел — 11.06.1974, Ленинград),
юрист, библиотековед, в ПБ 1933—57, зам. дир. ПБ в 1935-38

Родился в семье нар. учителей. В 1910 после окончания орлов. гимназии поступил на юрид. фак. Моск. ун-та. Одновременно с 1912 — вольнослушатель ист.-филол. фак., курс к-рого прошел полностью, но госэкзамены не сдавал. Юрид. фак. окончил в 1916.

Для отбывания воин. обязанности направлен в пех. полк (Орел), с 1 окт. 1916 — в школе прапорщиков в Полтаве. После ее окончания 1 февр. 1917

в звании мл. офицера направлен в 203-й пех. полк, в к-ром прослужил до нояб. 1917, имел ранения. После Февр. революции 1917 избран в полковой к-т, затем в Орлов. Совет рабочих и солд. депутатов.

Б. активно участвовал в студ. жизни. Преобладание эсеров. взглядов в землячествах сред. полосы России оказало влияние на его полит. убеждения. В 1910 вступил в партию эсеров. В 1918 вышел из ее рядов, разойдясь во взглядах по круп. вопросам тактики, а затем по вопросам программы. В 1919 Б. подал заявление в орлов. орг-цию о приеме в РКП(б), решение о приеме в партию было утверждено ЦК РКП(б) в мае 1920.

После Окт. революции участвовал в орг-ции следств. комис. губревтрибунала в Орле. С 1918 по 1932 работал по специальности в юрид. воен. и гражд. учреждениях. В 1918—20 — чл. следств. комис. губревтрибунала и зам. зав. отд. юстиции в Орле, затем служил в Крас. армии (следователь и чл. ревтрибунала 16-й армии, начальник следств. отд. трибунала Зап. фронта, пом. воен. прокурора ПВО). В 1924—32 был пом., ст. пом. губ. прокурора в Ленингр. обл. Одновременно занимался преп. деятельностью в кач-ве ассист., доц., зав. каф. на обл. юрид. курсах, на юрид. фак. ЛГУ и Ин-те сов. права. Читал курсы и вел практ. занятия по уголов. праву и процессу. В 1932—33 Б. перенес тяжелое нервное расстройство и по рекомендации врачей оставил юрид. и пед. деятельность. Печатался в журн. «Ком. ун-т на дому» (курс лекций по уголов. праву), «Сов. юстиция», «Суд идет».

3 авг. 1933 зачислен в ПБ на должность гл. б-ря, зав. сектором хранения. 11 июня 1934 назначен зав. объединен. сектором фондов и обслуживания. 22 февр. 1935 на Б. возложено также и. о. зав. КБС, а 5 мая он был освобожден от зав. СФО и утвержден зав. КБС. 11 дек. того же года назначен и. о. зам. дир. Б-ки по науч. части с оставлением зав. КБС. В сент. 1937 освобожден от зав. КБС в связи с длит. болезнью, а 13 марта 1938 по той же причине освобожден от должности зам. дир. и назначен зав. ОФО. В янв. 1936 Наркомпросом утвержден в уч. звании ст. науч. сотр. Преподавал на ВКБ ПБ «Основы советской конституции» и «Библиотечное дело в СССР», в т. ч. и в 1944—45.

В годы войны принимал актив. участие в работах, связ. с обороной города и с обеспечением безопасности Б-ки и ее фон-

дов. Б. отвечал за труд. повинность вне Б-ки, круглосуточ. дежурства по фондам, входил в состав команды МПВО. Выступал с докл., лекциями («О значении частного коллекционирования библиотек», «Читатели ГПБ в 1944 г.», «О книжных коллекциях Публичной библиотеки» и др.). Возглавлял разраб. положения об арх. экз., участвовал в сост. Положения об арх. фонде рус. печат. изд., работал в комис. по сост. списков лит. для возмещения ушерба, понесенного в годы Великой Отеч. войны, участвовал в реэвакуации фондов из Мелекесса, их приемке и расстановке.

С 1 сент. 1950 Б. был освобожден от заведования ОФО и переведен на должность зав. отд. ред. кн.

Уволен из ПБ 4 авг. 1957 в связи с переходом на пенсию.

Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», занесен в «Книгу Почета» Наркомпроса РСФСР и в «Книгу Почета» ПБ.

Лит.: ИБ ГПБ. 1957. № 7/8 (26/27); История ПБ; ПБ в печати. 1987—88; Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1947, 1957); Ф. 12, Т—11, 44, 72, 111, 147, 238, 345, 406, 414, 417, 424, 512, 515, 650, 672, 683, 694, 701, 910, 950, 1156, 1335; Арх. СПбГУ. Ф. 1. Л. д.; Ф. 17. Лицевые счета; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, д. 888, 895; оп. 3, д. 105, 117, 579, 706.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1947, 1957).

Г.П. Старушенко

БАНК Владимир Эммануилович

(14.06.1876, Петербург – 10.01.1942, Ленинград),
историк–медиевист, библиотековед и библиограф, в ПБ 1898–1942

Из мешан. Отец - присяжный поверенный, в 1880-е - гласный Гор. думы Петербурга.

Б. окончил с зол. медалью гимназию Я. Г. Гуревича (1893), ист.-филол. фак. Петерб. ун-та (1898). В студ. гг. выступал с докл. по истории Фр. революции 1789, о творчестве Петрарки, об источ. и происхождении Соборного уложения 1649 г. Специализировался у проф. Г. В. Форстена по истории позднего средневековья. По окончании ун-та с дипломом 1-й степени

Б. оставлен на каф. всеобщей истории для подгот. к проф. званию, но представление унта было отклонено министром нар. просвещения. Стажировался в ун-тах Берлина и Лейпцига (1898). По возвращении в Россию в окт. 1898 привлечен В. В. Стасовым в ПБ в кач-ве вольноотр-ся к разбору и описанию изд. времен Парижской Коммуны. Сдал магистер. экзамены по всеобщей истории (1900) и продолжил начатую в студенчестве работу по изучению жизни и творчества Марсилия Падуанского, его трактата «Защитник мира» 1324 г.

С 1 янв. 1901 Б. переведен в штат ПБ мл. ном. б-ря. Работал в отд-ниях полиграфии и истории. С 1906 - зав. Отд-нием истории (до 1924). Назначен ст. пом. б-ря (1908), б-рем (1909).

Б. принимал участие в решении проблем, стоявших перед ПБ в нач. XX в.: принципы выборочного пополнения иностр. фондов, построение каталогов, библиогр. обслуживание читателей. В 1914 ПБ делегировала его по просьбе АН на предварит. съезд по созыву междунар. конгресса историков. В годы первой мировой войны Б. оказывал содействие Рос. о-ву Крас. Креста в налаживании информ. и поисковой деятельности (1914-18). До 1917 имел чин кол. сов. Награжден орденами Анны 2-й и 3-й степени и Станислава 3-й степени.

После Окт. революции Б. занял одно из ведущих мест в перестройке деятельности ПБ. Он способствовал реализации инициативы А. И. Браудо о создании в б-ках России системы справ, службы (1918). Возглавлял Справ, бюро ПБ (1920-28), преобразовав его в 1923 в Справ.-библиогр. бюро. Б. предложил начать подгот. сводных каталогов для кооперирования усилий б-к по обслуживанию читателей и с этой целью составил и издал соответств. инструкцию (1919). Это начинание Б. получи-

ло развитие в 1920-30-е. С его участием и под его ред. выходят в свет первые сводные каталоги иностр. поступлений в б-ки Ленинграда. Б. - один из инициаторов и организаторов изд. журн. «Библ. обзор.» (1919-20), ред. этого журн. (1925- 27). Б. входил также в состав редкол. журн. «Биб-лиогр.» (1929), «Библиогр. и библиотековедение» (1930). Б. стоял у истоков высшего библ. образования в Петрограде, он преподавал на Высших курсах библиотековедения (1919-39), разрабатывал учеб. планы и программы для них. В 1920-32 - дир. курсов, в 1933-39 - пред, предметной комис. Б. первым начал читать курсы лекций по иностр. библиогр., проблемам орг-ции работы науч. б-к, орг-ции библиогр. дела в СССР. По инициативе Б. в ПБ была организована аспирантура (1935). Б. - убежденный сторонник актуализации работы науч. б-к, их поворота в сторону удовлетворения массовых потребностей. В 1920-30-е он участвовал в орг-ции и проведении всерос. библ. и библиогр. съездов, конференций, совещаний. Выступал на съездах, конференциях и в печати по проблемам орг-ции работы науч. б-к, воспитания кадров, их проф. подготовки, повышения роли библиогр. служб в обслуживании читателей.

Б. - чл. Правления ПБ, уч. секр. Б-ки (1924-37). Он содействовал развитию в ПБ выставочной работы, участвовал в принятии решения о полной рекаталогизации Рус. отд-ния (1927-29), поддерживал предложение о создании предметных каталогов на основные фонды ПБ, входил в комис. по утверждению правил ведения предметного каталога рус. кн. (1931).

Б. выступал в защиту необходимости реорг-ции структуры ПБ (отказа от системы отраслевых отд-ний, перехода к функциональным отд.), участвовал в разработке новых нормативных положений, в налаживании работы в условиях новой структуры. При его участии создается ген. план реконструкции деятельности ПБ (1930), выбор новых приоритетов в обслуживании читателей, приобретении иностр. лит., использовании нетрадиц. ранее для ПБ форм работы (МБА, ОБО и др.).

В 1925-26 Б. совершил по поручению Главнауки поездку в Германию и Францию для восстановления книгообменных и науч. связей ПБ. Б. был экспертом рос. стороны на переговорах с Польшей о возвращении культурного наследия, руково-

дил в ПБ работами, связ. с выполнением Рижского мирного договора 1921. Под его наблюдением осуществлялось выявление в фондах ПБ кн. б. б-ки бр. Залуских, их экспертиза и отбор, а также отправка кн. в Польшу (1922-32). Б. - чл. Совета Ин-та книговедения (1926-32). Возглавлял в ин-те комис. по иностр. библиогр. (1926-30), группу сводных каталогов и группу по методам построения библиогр. отд. в массовой периодике (1930-31), руководил библиогр. иссл. Б. привлекался как эксперт правительств, комис. к проверке деятельности АН и ее б-ки (1929). Он был назначен по совместительству зав. иностр. отд-нием БАН, введен в Совет библиогр. отд. СОПС АН СССР (1931 - 34). Делегат 1-й конференции по изучению производств, сил Таджикской ССР (1933). Докл. Б. «Опыт библиографического учета печатных материалов по Таджикской ССР» положен в основу подгот. ретроспективного фундаментального указ. «Библиография Таджикистана» (Л., 1933).

Б. - чл. Совета Гос. центр, кн. палаты (1926-30), чл. библи. секции Гл. уч. совета (1926-33), чл. библиогр. комис. при СНК СССР по сост. «Индексов научной литературы СССР» (1926-32). Б. входил в советы О-ва библиотековедения, Рус. библиол. о-ва (1928-32), чл. Рус. библиогр. о-ва при МГУ. Б. руководил объединением науч.-техн. б-к Ленинграда (1929-34), был зам. пред. ассоц. науч. б-к города (1935-38), экспертом отд. контроля Наркомпроса по вывозу кн. и худож. ценностей за границу (1929). Б. вел пед. работу, преподавал библи.-библиогр. дисциплины в Ленингр. гос. ун-те, Ин-те политпросветработы им. Н. К. Крупской и др. учеб. заведениях (1920-30-е). Доцент ЛГУ (1929).

В 1936 Б. был арестован, но вскоре выпущен на свободу. Осенью 1937 против него в ПБ организуется кампания лжи и клеветы, что вынуждает его уйти с должности уч. секр. Он был уволен из Б-ки, отстранен от преп-ния на Высших курсах библиотековедения, лишен возможности работать в ассоц. науч. б-к города. Вмешательство Н. К. Крупской восстанавливает Б. на службе в ПБ. Его переводят гл. б-рем во II фил. (1938-39). В 1940 Б. временно поручается руководство иностр. фондом. С нач. войны Б. назначен зав. иностр. фондом с одновременным выполнением обязанностей зав. аспирантурой и кабинетом библиотековедения (июль 1941).

Б. остался в Ленинграде, разделяя с другими тяготы блокады. Умер от голода в янв. 1942.

Библиогр: Тищенко М. Н. Владимир Эммануилович Банк (1876-1942) //Ист.-библиогр. иссл. Вып. 3. СПб., 1993.

Лит.: Хотяков (2); Фирсов Г. Г. Библиотековед, библиограф, педагог: К 100-летию со дня рожд. В. Э. Банка //За кадры сов. культуры. 1976. 29 июня; Его же. Известный советский библиотековед: [В. Э. Банк] //Сов. библиотековедение. 1978. № 4; Тищенко М. Н. Указ. соч. ПБ в печати. 1987-89; 100-летие. С. 460-61; 466; История ПБ. С. 180, 185, 189, 198, 202, 207, 210, 230-31, 295, 310.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1. Л. д.; ОР РНБ. Ф. 44; Ф. 316, д. 368,369.

Иконогр.: Булла. Групповое фото; Арх. РНБ. Ф. 13. П/Б-231.

Ц.И. Грин

БЕРОН Абрам Самуилович

(1908 — ?)

Демобилизован в 1942, в Мелекесском отделении 1942 — 1945, заведующий хозяйством.

БЕЛЬШИНСКИЙ Алексей Дмитриевич

(1791-?), в ПБ 1812-14

Из духовного звания. Службу начал в Пензенском губ. правлении в 1806, был подканцеляристом и канцеляристом. Уволившись в февр. 1810, Б. в апр. того же года был зачислен в гражд. канц. главнокомандующего в Москве ген.-фельдмаршала И. В. Гудовича. С сент. 1811 был канц. служащим в М-ве юстиции без содержания.

6 июня 1812 дир. ПБ А. Н. Оленин обратился в М-во юстиции с письмом о предполагаемом зачислении Б. писцом в Б-ку с оставлением в должности при М-ве, но получил отказ, с указанием, что Б. уже назначено жалование. Однако Оленин своим приказом от 13 июня 1812 назначил Б. писцом с 1 июня. В

этой должности Б. и работал «с отличным усердием... при исправлении письменных дел» вплоть до увольнения из Б-ки. В сент. 1812 Б. командирован в Олонецкую губ. для сопровождения эвакуиров. туда фондов ПБ и возвратился вместе с фондами в дек. того же года.

10 марта 1814 по прошению уволен из ПБ в связи с переходом на службу столоначальником в аудиторский деп. Воен. м-ва. В 1813 имел чин губ. секр. Сведения о дальнейшей деятельности и судьбе не установлены.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1812, № 5.

Л.А. Шилов

БЕЛЯЕВА (САМОЙЛОВА) Валентина Леонидовна

(20.02.1905, Петербург — 28.12.1989, Ленинград),
в ПБ 1928—35, 1945—61

Из мешан. Окончила гор. начальную школу, затем в течение пяти лет (1913—18) училась в Мариинской жен. проф. гимназии. Вынуждена была уйти, не получив сред. образования, из-за сложившихся тяжелых материальных условий в семье в связи с мобилизацией отца в армию. Работала уборщицей. В мае 1921 поступила на службу в Губ. упр. домами отдыха профсоюзов, где работала сначала делопроизводителем, затем зав. столовой, конторщицей и зав. столом лич. состава. Здесь же в

1921 вступила в чл. ВЛКСМ, а в 1925 была принята в ВКП(б). Без отрыва от производства окончила трехгодич. общеобразоват. школу для взрослых. Получив свидетельство о сред. образовании, в 1928 поступила учиться на ВКБ ПБ и одновре-

менно была зачислена на работу в ПБ. Во время учебы и. о. мл., затем ст. пом. б-ря, а в янв. 1930 получила должность б-ря 1-го р. Окончила ВКБ ПБ в 1931. В окт. 1930 в связи с реорг-цией структуры Б-ки (Б. была чл. комис. по разработке вопросов орг-ции функционал. отд.) назначена зав. подотд. справ. службы КБС. В этом же году стала чл. Уч. совета ПБ. С февр. по май 1931 Б. врем. и. о. уч. секр. ВКБ, в окт. назначена врем. и. о. гл. б-ря, зам. зав. III отд-нием (Б-ка молодежи). В 1933—34 Б. заведовала III отд-нием. После его ликвидации (1934) переведена с июля 1934 гл. б-рем КБС. В связи с переходом в нояб. на работу в вузовскую б-ку осталась в ПБ на полставки. С 1 февр. 1935 уволилась из ПБ. Работала в б-ках Ленинграда: в район. б-ке Центр. р-на и в б-ке Ленингр. ин-та сов. торговли. Чл. О-ва библиотекведения. В июле 1941 по решению Фрунзен. райкома ВКП(б) сопровождала детей сотр. Ин-та сов. торговли и Инж.-экон. ин-та в тыл страны, в г. Тулаев Ярослав. обл. Там же по май 1942 возглавляла дет. интернат. Освобождена от этой должности в связи с ликвидацией интерната и переведена в Черновский р-н Молотов. обл., где в течение года работала б-рем-избачом, а с мая 1943 по сент. 1944 находилась на парт. работе, была пом. секр. Черновского РК ВКП(б). По возвращении в Ленинград с сент. 1944 по май 1945 работала инструктором отд. агитации и пропаганды Фрунзен. райкома ВКП(б), но в соответствии с решением горкома ВКП(б) о возвращении библиотечников на работу по специальности Б. получила согласие Фрунзен. райкома на переход в ПБ и с 7 мая 1945 стала зав. ОЧЗ. С 1 сент. 1950 переведена на должность гл. б-ря с и. о. зам. зав. ОФО по обслуживанию читателей в новом здании на Фонтанке, 36. В 1952 окончила экстерном ЛГБИ. В период работы на Фонтанке участвовала в разработке науч.-метод. документации и орг-ции новой, прогрессив. формы обслуживания читателей: возглавила подгот. и проведение работ по переводу подсобных фондов ОЧЗ (соц.-экон., худож. лит. и искусства) на систему открытого доступа. За время работы в ПБ Б. вела активную обществ. работу. Избиралась пред. мест. к-та, чл. парт. бюро ПБ, чл. район. Совета Смольнин. р-на Ленинграда. Б. возглавляла ОЧЗ до ухода на пенсию с 16 сент.

1961, после чего ежегодно до 1974 зачислялась на врем. работу. Производств. и обществ. деятельность Б. была отмечена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», Почет. грамотой М-ва культуры СССР, значком «За отличную работу» М-ва культуры СССР, ее фамилия занесена в «Книгу Почета» ПБ.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Пр. и расп. 1928, 1935, 1945, 1961.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

О. А. Башурова

БОЛЬШАКОВА Екатерина Сергеевна

(1905 — ?)

В Мелекесском отделении февраль — май 1942, уборщица.

БРИЛИАНТ Владимир Александрович

(22.04.1883, Петербург — 14.11.1969, Ленинград),
юрист, библиотековед, экслибрисист, в ПБ 1921—52

Сын присяж. поверенного. Окончил гимназию Гл. нем. училища Св. Петра; экон. отд-ние Политехн. ин-та (1907). В период обучения в ин-те был чл. правления студ. кассы взаимопомощи и чл. совета старост ин-та. В 1908 экстерном сдал гос. экзамены по юрид. фак. Моск. ун-та; владел нем., фр., англ., швед., гол., лат., греч. яз. Перевел с нем. кн. А. Онкена «История политической экономии до Адама Смита» (СПб., 1908).

С 1909 по 1914 — пом. присяж. поверенного в Петербурге. Во время первой мировой войны служил в действ. армии: заведовал отд. колонной Крас. Креста им. «Русского учительства». После демобилизации по ранению был вынужден остаться в Киеве, оккупированном немцами; подвергся полуторамес. аресту за участие в несанкционир. собрании, затем работал консультантом в кооперации. После возвращения в Петроград в 1919 работал инструктором библ. секции гор. отд. нар. образования, одновременно учился на ВКБ ПБ. С 1 дек. 1919 по 1

февр. 1920 — пом. зав. б-кой Георг. ин-та, с 1 июня 1920 участвовал в орг-ции и заведовал б-кой Коминтерна.

1 марта 1921 Б. зачислен в ПБ на должность каталогизатора; впоследствии переведен на должность науч. сотр. Принимал участие в работах по реализации условий Рижского мирного договора. В послед. годы занимал должности пом. б-ря, б-ря, гл. б-ря. Работал в КИЛ, иностр. каталоге — во время реорг-ции Б-ки в 1930—

31 провел принятие каталогов от старых отд-ний для образования единого ряда. Был представителем ПБ в ГКФ — отвечал за комплектование Б-ки старыми рус. и иностр. изд.; принимал б-ки Шуваловых, Строгановых, Шереметевых, дворцовую б-ку Царского Села. Участвовал в разработке первой инструкции по сост. предм. каталога для КИЛ. Охотно консультировал читателей и сотр. по вопросам геральдики, генеалогии и экслибрисов. Состоял в О-ве экслибрисистов, являясь активным его чл.; опубликовал целый ряд работ по экслибрисам в «Тр. Ленингр. О-ва экслибрисистов» (1924—31). Проводил экскурсии по Б-ке.

Однако осн. страница многоплановой деятельности Б.— его работа в кач-ве зав. отд. картографии, к-рая началась 1 марта 1926. Приняв фонд в крайне запущенном состоянии, он приложил много усилий для его факт. орг-ции — разработал оригинальную систему хранения фондов по регион.-хронол. признаку, что в то время позволяло вести обслуживание читателей при отсутствии каталогов. Впоследствии разработал их соответств. систему, используемую и сейчас. Именно Б. создал Отд. картографии в том виде, в к-ром он существует и в наст. время. Им были сост. первые инструкции по каталогизации карт и описанию рукоп. карт. Уделял значит. внимание раскрытию фондов, в частности — коллекции нидерл. атласов, занимался иссл. деятельности рус. картографов. В ОР РНБ хранится арх. Б., содер-

жащий целый ряд набросков ист.-картогр. хар-ра, позволяющих судить об обширности познаний Б. в этой обл. В течение ряда лет проводил занятия по истории картографии в Воен.-мор. акад., а также для студентов Ленингр. ун-та.

Б. был не чужд обществ. деятельности — в течение ряда лет являлся чл. месткома, а в 1922—23 — его пред. Он всегда был чуток к нуждам сотр., приходил им на помощь, хотя иногда это имело для него самые печальные последствия. Так, в 1931 он был арестован по делу А. А. Ларонда, обвиненного в шпионаже и спекуляции валютой. Вина Б. состояла в том, что он из сострадания к тяжелому материальному состоянию сотр. ПБ А. В. Уржумцева выступил посредником в приобретении им валюты у Ларонда. Через месяц Б. был отпущен на свободу.

В февр. 1936 Наркомпросом Б. присвоено звание ст. науч. сотр.

Во время Великой Отеч. войны сопровождал эвакуир. картогр. фонды в Мелекес; участвовал в орг-ции мелекес. отд-ния ПБ и решении ряда проблем оптимального размещения фондов, условий их хранения и охраны. Не прерывал науч. работы с атласами — в 1943 в Мелекесе им был сделан докл. об одном из уникальных нидерл. атласов. После возвращения в Ленинград провел значит. работу по восстановлению отд.

Награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945». Занесен в «Книгу Почета» ПБ.

Заведуя отд. картографии, Б. оказывал активную консультац. и библиогр. помощь изд-вам, в частности им была сделана подборка карт для сост. «Большого советского атласа мира» (М., 1937). К помощи Б. неоднократно обращались Л. С. Берг, И. Ю. Крачковский, В. В. Каврайский и др.

В 1951 в ходе аттестации было принято решение о несоответствии Б. должности зав. отд., и с 21 нояб. 1952 он был освобожден от этой должности, а с 1 янв. 1953 уволен из Б-ки по собств. желанию. Став выше личных обид, в течение послед. лет по мере сил являлся консультантом отд. по широкому кругу вопросов.

Активной была деятельность Б. во Всесоюз. геогр. о-ве (ВГО), д. чл. к-рого он являлся с 1933. Участвовал в подготовке

I съезда ВГО и ряда крупных выст. картогр. изд. В течение мн. лет являлся чл. Уч. совета ВГО, его ревиз. комис., библ. совета. Состоял также с 1919 в О-ве библиотековедения, участвовал в работах Ин-та книговедения по иностр. библиогр.

После кончины Б. Б-кой были приобретены лич. коллекция экслибрисов (ок. 1500 ед.), содержащая уникальные западноевроп. образцы, а также несколько кн., среди к-рых полит. брошюры 1917—18 и редкое миниатюрное издание В. Ф. Одоевского (1895).

Библиогр.: Указатели к Трудам Ленинградского общества экслибрисистов. Л., 1934.

Справ.: Науч. раб. Л-да.

Лит.: Ларионова А. Н., Чуркин В. Г. Владимир Александрович Бриллиант: (К семидесятилетию со дня рождения и двадцатипятилетию со дня избрания д. чл. ВГО) // Изв. ВГО. 1959. Т. 91, вып. 2; Гранский В. И. Четыре года в Мелекессе // Дневники и восп.

Арх.: ОР РНБ. Ф. 1281; Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1949, 1953); Ф. 4, оп. 2, 1930, № 4; Ф. 12, д. 76, 256, 373, 541, 822, 1129, 1231; Ф. 16 (Ларонд А. А.); ПФА РАН. Ф. 155, оп. 2; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, д. 127, 332, 492.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1949, 1953).

Л. К. Кильдюшевская

БУКОВЕЦКАЯ Мария Аркадьевна

(1.10.1988, с. Анновка Острогожского у. Воронежской губ. — 14.12.1946, Ленинград), историк, экономист, в ПБ 1930—46

Из дворян, отец — чиновник М-ва земледелия. В 1908 окончила гимназию в Воронеже и в том же году поступила на отделение истории ист.-филол. фак. Высших жен. курсов. За годы учебы с науч. целью дважды побывала за границей: три месяца в 1909 в Париже и полгода в 1910—11 в Англии. В 1912 окончила курсы, а в 1914 сдала гос. экзамены при Петрогр. ун-те и удостоена диплома 1-й степени; там же в 1916—17 выдержала магистер. испытания.

В 1912—14 преподавала историю в жен. гимназиях Белоусовой, Витмар, в четырехкл. гор. училище, на вечер. курсах

для взрослых; в 1916—17 — в жен. реформатор. гимназии; в 1918—20 — в 21-й и 34-й сов. труд. школах; в 1919—21 — на рабфаке Ленингр. ун-та. С сент. 1920 по окт. 1925 состояла штат. преп. по каф. всеобщей истории в Пед. ин-те им. А. И. Герцена, откуда ушла из-за недостаточной нагрузки. В ЛГПИ вела семинары по истории Франции XVIII в. и читала курсы: «Французская революция XVIII в.», «Английская революция XVII в.», «Германия

XVI—XVIII вв.». В 1925—30 преподавала экон. дисциплины, в т. ч. вела курс орг-ции торговли в СССР в Гос. вечер. пром.-экон. техникуме. В 1926—28 читала лекции по истории классово-вой борьбы на ВКБ ПБ.

С 1 февр. 1930 зачислена в ПБ временно пом. б-ря (с 15 февр.— ст. пом. б-ря) с откомандированием в Отд-ние истории, занималась обработкой и систематизацией лит. по истории и географии. В окт. включена в состав Отд. обработки. По совместит. (1930—33) продолжала преподавать на рабфаке Ин-та нар. хоз-ва, а затем эпизодически привлекалась в кач-ве библиографа в ЛО Ком. акад. 1 апр. 1932 переведена в группу систематики Отд. обработки на должность б-ря 1-го р. С 16 апр. 1937 — гл. б-рь. За это время ею были разработаны классификац. схемы и сист. каталоги по истории осн. фондов Иностр. и Рус. отд-ний, V фил. (Дома Плеханова); тематический каталог «Город и коммунальное хозяйство»; проведена систематизация иностр. период. изд. В 1932—33 принимала участие в библиогр. работе бригад ПБ, БАН и ЛО Ком. акад. по сост. «Хроники рабочего движения в Петрограде»; в бригаде ЛО Ком. акад. по сост. библиогр. ленингр. пром-сти; в подгот. материалов и библиогр. по торговле и пром-сти Петербурга XVIII в. для выст. «Старый Петербург», устроенной НИИ коммунального хоз-ва и жилищ. стр-ва.

В течение всех лет работы Б. активно участвовала в обществ. жизни ПБ: организовывала кружки по политграмоте и политучебе; читала лекции по политэкономии для техн. и науч. сотр. ПБ; состояла в бригадах по проверке ударничества и социалист. соревнований; возглавляла бригаду по проверке договора по социалист. соревнованию между ПБ и БАН; была чл. месткома; вела отд. ист. аннот. в стенном бюл. ПБ и входила в бригаду информ. бюл.; консультировала по истории классовой борьбы читателей, готовящихся в вузы. В нояб. 1934 за выполнение сверхплановых работ по систематизации награждена почет. грамотой ударника. В 1935 ПБ представила отзыв о работе Б. для присвоения ей уч. степ. ст. науч. сотр., особенно отмечая ее заслуги в создании сист. каталога по истории и разработке обширной схемы, одобренной спец. науч. совещ. «с точки зрения методологической выдержанности». В дек. того же года ПБ, считая, что Б. «по совокупности своих трудов в Библиотеке и вне ее заслуживает степени кандидата наук», выступила с ходатайством о присуждении ей степени без защиты. К нему присоединился акад. Е. В. Тарле, давший высокую оценку науч. иссл. Б. Ходатайство было возобновлено в 1940. Науч. деятельность Б. в обл. истории началась еще со студ. времен. Особенно ее интересовали вопросы, связанные с соц.-экон. жизнью о-ва в периоды полит. потрясений. Со временем она сосредоточилась на изучении истории Франции кон. XVIII в. По этой теме ею был написан ряд ст. в Рус. энци. В «Анналах» за 1924 была помещена ст. «Развал королевской армии во Франции в эпоху Великой Революции», там же, но годом раньше появилась ее рец. на кн. Маделена «Великая Французская Революция»; для фр. журн. «Annales historiques de la Revolution Francaise» был подготовлен обзор посл. работ сов. историков; написана ст. «История развития банков в XVIII в. во Франции». В 1929—30 участвовала в сост. библиогр. всеобщей истории при Ленингр. ун-те; весной 1929 в Ленингр. ин-те марксизма сделала докл. по истории армии во время Французской революции 1789—93. По этой теме была подготовлена большая работа, предполагавшаяся в кач-ве дис. В отзыве на нее Е. В. Тарле писал, что «важная и актуальная тема (история революционной армии во Франции в 1789—1794

г.), которой она посвятила ряд статей и свою большую кандидатскую диссертацию, разрабатывались ею очень серьезно, добросовестно и успешно. Ознакомившись с ее диссертацией обстоятельно, я нахожу, что это — дельный и серьезный вклад в советскую историографию, и что автор ее безусловно достоин присуждения искомой научной степени». Кроме тр. по истории Б. были написаны разл. ст., курсы по экономике и бухгалтерскому делу, видимо не без влияния ее мужа, уч. экономиста А. И. Буковецкого. Среди них: «Организация торговли в СССР», «Организация административно-финансовых учреждений в СССР» и др. В 1936 Б. была привлечена М. И. Аронсоном для работы во внеслужебное время в Рукоп. отд. по подгот. публ. док-тов «Пушкин по материалам архива Шевырева». Продолжила совершенствовать схему сист. каталога истории и несколько раз была командирована в Москву в ГБЛ и Ист. б-ку для внесения доп. и поправок. Результаты работы были высоко оценены Б. Р. Зельцле и И. М. Тронским. В июне 1938 в связи с напряженной работой над сост. библиогр. к «Истории XIX века» Э. Лависса и А. Рамбо (под ред. Е. В. Тарле) была направлена по просьбе зав. КБО для «усиления группы работников компетентным историком-библиографом» и переведена из Отд. обработки в КБО на половину рабочего дня. С этого же времени стала принимать участие в комплектовании иностр. фондов ПБ; составила рекоменд. сист. каталог по всеобщей истории для ОЧЗ и для зала науч. работников; подобрала иностр. лит. для выст. в Эрмитаже, посв. 150-летию Французской буржуазной революции; участвовала в сост. рекоменд. каталога по истории ВКП(б) и библиогр. по темам: «Ленинград. Промышленность» и «Рабочее движение в России». Несмотря на ослабленное здоровье и тяжелую болезнь сестры, за к-рой Б. неотступно ухаживала, продолжала науч. изыскания и опубликовала работы: «Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции» и «Война революционной Франции против контрреволюционной интервенции»; для 3-го т. «Всеобщей истории» сдала ст.: «Вандейское восстание», «Законодательное собрание», «Армия в период Французской революции». Во время войны продолжала работать в ПБ, но с дек. 1941 по 15 февр. 1942 перешла на половину раб. дня из-за «силь-

нейшего ослабления зрения и полной невозможности двигаться в темноте». С 18 марта по 5 авг. и. о. зав. отд. систематизации. Со второй группой сотр. ПБ эвакуировалась в Мелекесс. Здесь наряду с библиотечной работой преподавала историю в мест. школе, читала лекции. 16 сент. 1944 вернулась в Ленинград и через два дня приступила к работе. 13 февр. 1945 на истфаке ЛГУ защитила канд. дис. «Очерки по истории французской армии во времена Великой Французской революции 1789—1793 гг.». В отзыве Е. В. Тарле отмечалось, что «исследование Буковецкой — это целая книга, которая при некоторых небольших дополнениях несомненно, со временем могла бы быть принята даже как диссертация на степень доктора». Сразу же после защиты приступила к работе над докт. дис. по теме «Вооруженные силы Франции во время Директории, Консульства и Империи в борьбе с коалицией европейских государств». Одной из глав должна была стать сост. ею по иностр. фондам ПБ, по материалам фонда Rossica и газ. библиогр. по теме дис. В 1946 включена в состав экзаменац. комис. по ист. кн. при аспирантуре ПБ.

Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Лит.: Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Ф. 2, оп. 1, 1929—30, д. 110; 1935, д. 46; 1936, д. 8; Ф. 3, оп. 1, 1932, д. 176; Ф. 4, оп. 2, 1932, д. 7; ОР РНБ. Ф. 666, д. 101.

Иконогр.: Ф. 10/1.

А. Б. Вольфцун

БЫКОВА Татьяна Александровна

(23.07.1893, Москва — 15.07.1975, Ленинград),
библиограф, книговед, переводчица, в ПБ 1930—73

Из дворян. Отец — инж.-технолог, служил в М-ве торговли и пром-сти, мать — урожд. Проскурякова, занималась лит. трудом. В дет. годы Б. семья переезжала по месту службы отца из Москвы в Смоленск, Харьков, Ригу, Петербург. Первонач.

образование, в т. ч. уроки музыки, фр. и нем. яз., получила в семье. В 1905—07 училась в Ломоносовской гимназии в Риге. В 1911 получила аттестат с правом на зол. медаль об окончании гимназии М.Н. Стоюниной, где ее учителями были В.А. Герд, С.А. Князьков, О.А. Добиаш-Рождественская. В 1911 поступила на ист.-филол. фак. Высших жен. курсов, где специализировалась по всеобщей истории, выбор был сделан под влиянием уроков Добиаш-Рождественской. В ее семина-

ре Б. выполнила пер. с фр. яз. кн. Ж. Мишле «Жанна Д'Арк» и «Кордельеры». Во время учебы преподавала географию в Смоленских вечер. классах для рабочих, к-рые были организованы Рус. техн. о-вом.

По окончании III Петрогр. гос. ун-та, в к-рый были преобразованы Высшие жен. курсы, работала там же зав. канц. ист.-филол. фак. (1918—19). В дек. 1919 принята на службу в студ. б-ку им. И.В. Мушкетова Горного ин-та в должности б-ря. Заведовала этой б-кой до окт. 1926, в нояб. перешла на работу в гл. б-ку ин-та б-рем, где занималась вопросами перешифровки фондов, сост. инвентарей, орг-цией единого алф. каталога. В 1918—27 преподавала историю и географию в сред. школах, в т. ч. в бывшей гимназии М.Н. Стоюниной. Оставила преп-ние в связи с «реорганизацией буржуазной школы». В 1927 окончила ВКБ ПБ, защитив две работы: «История фундаментальной библиотеки Горного Института» и «Библиотечное образование в Англии, Германии и Франции». В период учебы на Курсах, была чл. их правления от студентов. Была чл. совета, секр. О-ва библиотекведения (1926—28) и О-ва окончивших ВКБ (1927—30). Одновременно состояла внештат. сотр. в б-ке Ин-та книговедения по ред. карточек алф. каталога.

С мая 1930 по февр. 1931 работала гл. б-рем в отд. обработки Фундамент. б-ки ВАСХНИЛ.

Имея одиннадцатилетний библиотечный стаж, Б. поступила 19 сент. 1930 в ПБ на врем. работу по совместит. пом. б-ря в общий чит. зал. В февр. 1931 перешла б-рем 2-го р. на пост. работу в ПБ. Начинала в группе отметки чит. требований по иностр. каталогам. 1 сент. 1932 переведена в I отд-ние (Антирелиг. фил.) зав. группой обработки и ред. каталогизации моногр., рус. и иностр. периодики. Числилась по Отд. каталогизации на должности б-ря 1-го р. С 1 марта 1933 — в штате фил. Участвовала в разработке инструкции «Расстановка карточек в алфавитном каталоге», «Каталогизация периодических изданий». Повышала квалификацию в V семестре на Высших курсах библиотековедения, где защитила работу «Печатная карточка библиотеки Конгресса и возможности ее применения в рекаталогизации иностранных фондов Публичной библиотеки» (1935). В 1938—39 занималась в семинаре М. А. Брискмана по рус. библиогр. Одновременно выполняла работы по орг-ции кн. фонда б. Богослов. отд-ния и б-ки Петерб. духовной акад. Б. заботилась о спасении кн., хранившихся мн. годы в штабелированном состоянии в сыром помещении. Принимала участие в работе комис. по вопросам перемещения I фил. во Владимирский собор, в перевозке и расстановке 500-тыс. фонда. С 1938 — гл. б-рь. Б. проводила паспортизацию фонда фил. в связи с решением Ленгорисполкома о перевозке кн. в костел Св. Екатерины (апр. 1941). После перемещения фонда в костел и консервации работы фил. Б. временно переведена в Отд. каталогизации, где работала в группе кол. автора. По совместит. работала ред. каталога в б-ке Акад. художеств (1938—41).

20 июля 1941 отбыла в Мелекес с группой сопровождения эвакуируемых фондов ПБ. В пути и по прибытии исполняла функции «директора по хозяйству», обеспечивая приобретение продуктов, орг-цию питания в «Татьянинской столовой». Участвовала в заготовке дров, сена, прополочных работах в колхозе. Проводила проверку, составляла описи на вывезенные фонды, очишала кн. от плесени, реставрировала. Работала на каталогизации фондов гор. б-ки и систематизации кн. б-ки горкома партии, с М. А. Буковецкой и Д. И. Равкиной со-

ставляла инвентар. кн. б-ки Пед. ин-та, находящегося в Мелекесе. 31 июля 1944 назначена зав. Отд. науч. библиогр. по Мелекесскому отд-нию ПБ.

Возвратилась в Ленинград 6 окт. 1945 с первым эшелонном фондов. Занималась разборкой кн., в т. ч. иностр. лит., прибывшей из Госфонда. Работала в Отд. рукоп., в июне 1946 переведена во вновь образованный Отд. редких кн. В ведение Б. был предоставлен подотд. старопеч. славян. кн. и Петровских изд., а также справ. б-ка Отд. рукоп.

В 1947 принимала участие в спасении книг I фил., пострадавших от пожара в костеле Св. Екатерины. Работала в составе комис., определявших ущерб, орг-цию переучета и мер по сохранности фонда, в составе к-рого находилось ценнейшее собр. б. Богослов. отд-ния. Б. составляла характеристику фонда, его отд. коллекций, проверяла расстановку алф. каталога. С целью физ. спасения кн. организовала передачу нек-рых изд. XVI в. в Отд. редких кн.

В 1948 была назначена зав. Отд. редких кн., в сент.— и. о. зав. отд. Упорядочивала фонд старопеч. славян. кн., самостоятельно организовывала выст. по истории рус. книгопечатания. В 1948 начала описание изд. гражд. печати Петровского времени. С учетом чит. интереса к книгам нач. XVIII в. решила издать каталог. В создании каталога принял участие М. М. Гуревич (БАН), т. к. возникла необходимость поэзк. сравнения одного и того же изд. В результате совм. работы получился труд, высоко оцененный в рец. и откликах отеч. и заруб. специалистов. В «Описании изданий гражданской печати, 1708—1725» Б. принадлежат 5 прил. Их большое науч. значение было отмечено ред. изд. П. Н. Берковым. Над «Описаниями» кн. гражд. и кириллич. печати Б. продолжала работу и после выхода каталога в свет. В соавт. с М. М. Гуревичем и Р. И. Козинцевой был подготовлен отд. том «Дополнений и приложений». В 1970-е Б. издала «Каталог русской книги кирилловской печати петербургских типографий XVIII в.», «Каталог изданий Острожской типографии и трех передвижных типографий». Б.— авт. 18 ст., опублик. в сб. «Книга: Иссл. и материалы», «XVIII век», др. изд. АН, «В мире кн.», «Альм. библиофила», книговедческой периодике. В ЦГАДА Б. обнаружила ранее считавшийся утраченным

полн. годовой комплект газ. «Petersburgische Zeitung» за 1727. Введение его в науч. оборот существенно дополнило историю первой немецкояз. газ. Петерб. Акад. Ее ст. печатались за рубежом на нем., фр. яз.

Работая над каталогами, Б. находила богатый материал для книговедч. иссл. Кроме того, широта ее взгляда на кн. позволила внести определенный вклад в изучение гравюры. Она писала о граф. оформлении книг нач. XVIII в., редактировала каталоги Л. К. Кошкаровой, Н. К. Шаблаевой, В. К. Макарова, посв. литогр. и гравюрам из собр. ПБ.

С 1952 Б. принимала участие в работе Секции кн. и графики Ленингр. Дома ученых им. М. Горького, с 1969 состояла ее пред. Выступала на заседаниях секции с докл. и сообщ. Вела обширную переписку с сов. и заруб. специалистами по связанным с деятельностью Секции вопросам. Б. привлекала к работе Секции сотр. ПБ, популяризовала фонды Б-ки на выст., в печати и докл.

Св. 20 лет Б. принимала участие в работе группы XVIII в. ИРЛИ. Активно сотрудничала в К-те бестужевков при ЛГУ. Занималась орг-цией юбилейных торжеств Бестужевских курсов, писала ст. об ист. отд-нии, его выпускниках. После увольнения на пенсию 1 марта 1973 продолжала работать в ПБ на обществ. началах.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», нагрудным значком М-ва культуры СССР «За отличную работу», Почет. грамотами М-ва культуры РСФСР и СССР. Имя Б. занесено в «Книгу Почета» ПБ.

Справ.: Книга.

Лит.: Леонидов С. Сокровища Публичной библиотеки // Крас. знамя. Харьков, 1971. 4 нояб.; Казанков Б. В клубах книголюбов // Трибуна кировцев. Л., 1975. 2 дек.; Simmons J. S. G. Four Soviet scholars: Т. А. Выкова, А. D. Lyublinskaya, М. P. Alekseev, E. Laucevicius. Oxford, 1982; Острой О. С., Петрицкий В. А. 40 лет секции книги и графики Ленинградского дома ученых // СБф. 1987. № 5; Лосский Б. Наша семья в пору лихолетья 1914—1922 // Минувшее: Ист. альм. 1991. Вып. 2; Тищенко М. Н. Ленинградские библиотекари в Институте книговедения (1920—1933 гг.) // Библиотеки Петербурга—Петрограда—Ленинграда. СПб., 1993.

ПБ в печати. 1988; 1996; ИБ ГПБ. 1955. № 5; История ПБ; Хроника войны; Дневники и восп.

Некр.: Книга: Иссл. и материалы. 1976. Сб. 32.

Арх.: ОР РНБ. Ф. 1284; Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1935, 1949, 1979); Ф. 3, оп. 1, д. 194; Ф. 12, д. 674; Ф. б/вед. № 848—1939; ЦГА-ЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, д. 793, 794, 872; оп. 3, д. 90, 111, 557, 558, 1060, 1364—1366; Арх. Горн. ин-та № 145—1919.

Иконогр.: Бестужевки в рядах строителей социализма.

М. И. Ткаченко

БЫЧКОВ Иван Афанасьевич

(19.08.1858, Петербург - 23.03.1944, Ленинград),
археолог, чл.-кор. АН, в ПБ 1881-1944

Из дворян. Родился в семье зав. Рукопис. отд-нием, впоследствии дир. ПБ А. Ф. Бычкова. Окончив в 1876 6-ю петерб. гимназию с зол. медалью, поступил на юрид. фак. Петерб. ун-та, из к-рого был выпущен в 1880 со званием канд. 1 февр. 1881. Б. назначен б-рем, зав. Отд-нием рукописей, кн. на церк.-славян, яз., славян, кн. кириллич. печати, кн. гражд. печати времен Петра I и непрерывно исполнял эти обязанности до самой кончины.

Заслугой Б. явилась огромная работа по подробному описанию новых поступлений в ПБ, число к-рых доходило иногда до нескольких тыс. в год. Эти описания ежегодно помещались в «Отчетах» ПБ, начиная с 1881, а также выпускались отд. изд. В «Отчетах» Б. помещал и описания приобретаемых Б-кой старопечатных изд. Из отд. работ Б. особый интерес и ценность представляют науч. описания обширных собр. бумаг В.А. Жуковско-го и А.А. Краевского поступивших в ОР ПБ в 1880-х. Тогда же,

по поручению АН, им был составлен подробный разбор тр. И.П. Каратаева «Описание славяно-русских книг с 1491 по 1652 г.», за к-рый ему была присуждена зол. Уваровская медаль.

С 1880-х началась публикаторская деятельность Б.В. «ЖМНП», «Рус. вест.» помещены публ. писем Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, К.А. Коссовича, Н.Н. Мурзакевича. Такой же характер коммент. публ. носили его изд. отд. писем и тр. В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, В.Ф. Одоевского, П.А. Вяземского и мн. др.

В 1887 Б. избран чл. Археогр. комис., по поручению к-рой им были подготовлены и напечатаны «Русские акты Копенгагенского архива»; отрывок из записной кабальной кн. дьяка Алябьева 1597 г., а также «Воспоминания П.П. Пекарского об его службе в Государственном архиве». В 1903 АН избрала Б. чл.-кор. и поручила ему продолжить изд. «Писем и бумаг Петра Великого», к-рое было приостановлено на т. 4 после смерти его ред. А.Ф. Бычкова. Под ред. Б. было издано 3 т. В 1908-10 он принимал участие в акад. комис. по изд. памятников древнерус. письменности, а также в комис. по изд. бумаг М.М. Сперанского. Б. состоял чл. нескольких уч. о-в: ОЛДП, ОИДР, ОЛРС, Рус. библиол. о-ва, О-ва библиотековедения, Ист. о-ва при Петерб. ун-те и нек-рых уч. губ. арх. комис.

В дни блокады Б., категорически отказавшись эвакуироваться, остался на своем посту, несмотря на исключительно тяжелые условия воен. времени.

В 1942 занесен в «Книгу почета» культпросветработников Наркомпроса РСФСР за самоотверж. работу по обеспечению сохранности фондов Б-ки и обслуживанию кн. населения и воинских частей Ленинграда. В 1943 награжден орденом Трудового Крас. Знамени и медалью «За оборону Ленинграда».

До Окт. революции был награжден орденами Владимира 4-й степени, Анны 2-й и 3-й степени.

Справ.: БСЭ; СИЭ; АН СССР: Перс, состав.

Лит.: Андреев А. И. Памяти Ивана Афанасьевича Бычкова //Петр Великий: Сб. ст. М., 1947; Валк С.Н. И. А. Бычков //Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1944. № 5; Розов Н. Н. Член-корреспондент Академии наук И. А. Бычков: (К 100-летию со дня рождения) //Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1958.

Т. 17, вып. 4; Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями: Листки восп. о кн. и людях. М., 1965.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1. Л.д.; ОР РНБ. Ф. 120; РГИА. Ф. 906.

Иконогр.: АН СССР: Перс, состав; Арх. РНБ. Ф. 13. П/Б—299.

О. А. Бабук

ВЕРБЛОВСКАЯ М.Б.

(род. 2.01.1932, Ленинград),

филолог, библиотековед, библиограф, в ПБ 1949, 1966-89

Родилась в семье служащих. Отец - иранист, юрист, переводчик с англ., нем. и фр. яз. Мать - искусствовед, книговед, библиограф, сотр. ПБ О. Б. Враская. В 1939 поступила в сред. шк. Летом 1941 из Осташкова, где проводила каникулы, вместе с матерью была эвакуирована в Мелекес, куда были отправлены наиб. ценные фонды ПБ. Осенью 1945 вернулась в Ленинград и возобновила занятия в шк. № 189.

В мае-июне 1949 врем. работала в ПБ пом. б-ря в ОФО. В 1951 поступила на фак. рус. яз. и лит. (отд-ние логики и психологии) ЛГПИ. По окончании ин-та в 1955 уехала к месту службы мужа в Таллин, где преподавала рус. яз. в шк. рабочей молодежи. В 1957 вернулась в Ленинград и продолжила пед. деятельность в техникуме легкой промышленности, с 1958 по 1963 в вечер. шк. Нев. и Петроград. р-нов, с 1963 по 1966 - в 62-й сред. шк. Жданов. р-на Ленинграда.

1 сент. 1966 зачислена в ООиК ПБ на должность б-ря, 15 марта 1969 переведена ст. б-рем в группу культуры Сектора систематизации, с 1 апр. 1974 - ст. ред., с 27 июня 1988 - гл. б-рь. Занималась систематизацией и предметизацией лит.

по циклу «Языкознание», структур. улучшением таблиц 20-го вып. ББК по циклу «Языкознание» и теорией классификации на материалах информ. яз. СК-ПК. Эта деятельность нашла отражение в ряде докл., ст. и в «Исправлениях и дополнениях к ББК». На протяжении мн. лет вела библиогр. картотеку пер. мировой худож. лит. на рус. яз. (МХЛ), составила инструкцию по ее ведению и ред. В 1980-е организовывала работу по сост. сист. каталога фонда акад. И. Ю. Крачковского, хранящегося в ОЛСАА. В 1984 принимала участие в разраб. ГОСТов по общим требованиям к систематизации и предметизации, к-рые были введены в действие с янв. 1985.

31 окт. 1989 уволилась из ПБ в связи с переходом на пенсию, но продолжала работать врем. и по договорам до 1997. Занималась вопр. ред. и ведения предм. каталога с целью восстановления его классификац. свойств. На эту тему сделала докл. в РГБ, а также написала ст. и метод. рекомендации, участвовала в доп. и испр. к табл. ББК. (Вып. 20. Ш Филологические науки. Художественная литература. Л., 1990). В 1994-95 подготовила проб. картотеку для ведения предм. каталога для Отд. автоматизации. Принимала участие в работе над 1-м и 4-м тт. слов. «Сотр. РНБ» (авт. ст. о К. И. Клевезале и Г. И. Ключеве (см. т. 1) и Л. Е. Генине).

Мн. лет занимается историей Петербурга и интеллигенции. Неоднократно выступала в лит.-ист. чтениях «Былое и думы», где сделала докл. о Н. П. Анциферове (см. т. 1), М. А. Кузmine, Т. Б. Лозинской, ленингр. ученых в годы Великой Отеч. войны; к 100-летию музыковед А. С. Ляпуновой (см. т. 3) в Консерватории. Была инициатором и сост. кн. Н. П. Анциферова «Непостижимый город...» (Л., 1991). Особое внимание уделяет судьбам выпускниц Высших жен. курсов, сотр. ПБ. Ею написаны ст. и подготовлены публ. восп. М. А. и Е. А. Садовых (см. т. 1 и т. 3), Т. А. Быковой (см. т. 2) и Ц. А. Озеровой (см. т. 2). Имеет звание ветеран труда.

Библиогр.: Крылова; Кокорина.

Арх.: ОАД РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2.

А. Б. Вольфцун

ВОЛЬПЕР Александр Христофорович

(15.12.1894, Екатеринослав — 22.07.1970, Ленинград),
историк, библиотековед, в ПБ 1936—44, дир. ПБ в 1936—41

Из мешан. Экстерном окончил 8 классов гимназии и 2 курса Саратов. ун-та. С 1907 до 1915 работал в част. конторе. Рано приобщился к рев. движению. В 1912 вступил в РСДРП. До 1917, с перерывами, служил в армии, рядовой 134-го Феодосийского пех. полка. Февр. революция застала его в Яссах, на Румын. фронте.

В 1917 участвовал в Екатеринославе в боях с гайдамаками, в 1919 — с бандами атамана Н.А. Григорьева на Украине. В 1918—19 В. — следова-

тель губчека в Саратове, Харькове. В июне—нояб. 1919 в Екатеринославе, Киеве, Виннице — уполномоченный СНК Украины по эвакуации воен. имущества в тыл в период наступления А.И. Деникина. Будучи мобилизован в Крас. армию, в нояб. 1919 — марте 1920 служил в полиотд. 43-й стрелковой дивизии особого назначения. В 1920—21 — в особом отд. 14-й армии.

После демобилизации в 1921 В. намеревался поступить в Социалист. акад., но по направлению ЦК партии находился до июля 1925 в командировке НКВТ в сов. торгпредстве сначала в Берлине, потом в Гамбурге. В окт. 1923 оказывал поддержку восставшим рабочим Гамбурга, встречался с руководителем восстания Э. Тельманом. После возвращения из Германии В. работал в разл. учреждениях Ленинграда — «Птицеводсоюзе», Промиздате, Политпросвете (с 1930), в к-ром занимал должность зам. дир. по науч. части. В 1933 — апр. 1936 — зам. зав. культ.-массовым отд. Ленсовета.

С 16 марта 1936 В. назначен дир. ПБ. Годы пребывания его на этом посту были сложными и трудными в истории Б-ки. В. про-

должил курс на максимальное приближение ее деятельности к нуждам реальной жизни, начатый ранее при его предшественнике в этой должности М. М. Добраницким (см. т. 2). В Б-ке получил дальнейшее развитие принцип отраслевизации в обслуживании читателей. В 1936—40 под руководством В. был разработан ген. план реконструкции системы фондов и каталогов Б-ки. Развивалась сеть функцион. подразделений Б-ки, увеличилось число ее фил. в городе и обл. Большой размах получила массовая, метод. и науч. работа. В условиях сталинско-бериевского террора В., по мере своих возможностей, оберегал кадры ПБ, привлекал специалистов; повысился проф. уровень б-рей. В своей работе он прислушивался к советам Н. К. Крупской, с к-рой не раз встречался во время деловых поездок в Москву и о к-рой сохранил самые теплые воспоминания. Много энергии положил на проведение торжеств по случаю 125-летия ПБ. После сов.-финлянд. войны в апр. 1940 выезжал в Выборг для принятия мер по восстановлению гор. б-ки и охране ее кн. фонда. С 9 по 17 июня 1941 находился в Киеве по приглашению НКП Украины, приняв участие в проходившем там науч. совещании.

С нач. Великой Отеч. войны В. организовал работы по обороне ПБ, упаковке и эвакуации ее ценных фондов. 26 июля 1941 по указанию Наркомпроса выехал в Мелекес, чтобы подготовить встречу эшелона с грузом и размещение вывезенных кн. и рукоп. на новом месте. При нем 8 авг. началась работа Мелекес. отд-ния. В кон. авг. 1941 В. возвратился в Ленинград. 2 окт. по парт. мобилизации вступил в батальон НКГБ Куйбышев. р-на города (и. о. дир. ПБ тогда стала Е. Ф. Егоренкова). Однако в дек. 1941 тяжелое заболевание дистрофией вывело его из строя. В янв. 1942 выехал из Ленинграда. В нач. марта прибыл в Мелекес и с 12 марта приступил к заведованию отд-нием ПБ. Много сил положил на обеспечение жизнедеятельности фил. и создание сносных бытовых условий для своих сотр. Помимо библиотеч. работы, был внештат. лектором Мелекес. горкома ВКП(б), вел курс основ марксизма-ленинизма в Учит. ин-те, преподавал в мест. Воскресном ун-те. 4 апр. 1944 приехал на несколько дней в Ленинград, где сделал сообщение о работе Мелекес. отд-ния ПБ, решал вопросы реэвакуации фондов. 1 июля 1944 был освобожден от должности согласно приказу НКП РСФСР.

Вернувшись в Ленинград, В. был преп. каф. марксизма-ленинизма в ЛИИЖТ, ЛИИВТ. В 1947 окончил Пед. ин-т им. М. Н. Покровского, тогда же приступил к работе над дис. С 1954 в ЛТИ им. Ленсовета, где читал лекции, занимался со студентами-вечерниками, курировал группы студентов из Германии. Был чл. О-ва дружбы СССР-ГДР, неоднократно посещал Германию. Свою лич. б-ку завещал ЛТИ. 23 мая 1962 в Ин-те состоялось чествование В. в связи с 50-летием его пребывания в рядах КПСС.

Похоронен на кладб. «Памяти жертв 9 Января» в Петербурге.

Лит.: Конференция, посвященная 125-летию ГПБ // Учит. газ. 1938. 21 дек.; Правда. 1938. 28 дек.; Добронравина И. Коммуниста горячее сердце // Технолог. Л., 1962. 28 апр.; О назначении директора [А.Х. Вольпера с 16 марта 1936] Ленинградской Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: Приказ № 1208 Наркомпроса РСФСР, 25 дек. 1936 г. // Крупская Н.К. О библиотечном деле. М., 1986. Т. 5. Дневники и восп.; Хроника войны; ПБ в печати. 1987—88.

Некр.: Технолог. Л., 1970. 8 сент.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; ОР РНБ. Ф. 1138, оп. 1, д.; Ф. 1094, оп. 1, д. 135.

Иконогр.: Технолог. Л., 1962. 28 апр.

В. Д. Чурсин

ВЫСОЦКАЯ Галина Александровна

В Мелекесском отделении сентябрь 1941, заведующая хозяйством, из местных жителей.

ГАР Вера Евгеньевна

(22.02.1897, Елисаветград Херсонской губ.— 10.03.1942, Ленинград),
в ПБ 1937—42

Мать — слепая учительница. Удочерена Е. Л. Гаром, земск. врачом, из дворян. Училась в учеб. заведениях Одессы, Елисаветграда, окончила коммерч. уч-ще в Киеве в 1914.

Весной 1916 переехала в Москву, начала работать в Гл. к-те Всерос. земск. союза конторщицей. Затем работала в Минске в К-те Земск. союза Зап. фронта секр. В марте 1917 вступила в партию эсеров.

В 1918 возвратилась в Москву, служила конторщицей в Сев. обл. продовольств. управе, участвовала в продовольств. экспедициях. С нояб. 1918 по янв. 1919 была секр. Тульской губ. экспедиции ЧК по продовольствию, а с прекращением экспедиции — в Наркомпроде

Украины инструктором. Вышла из партии эсеров в марте 1918. Через год подала заявление о вступлении в РКП(б), принята в 1920, активно занималась парт. работой.

С сент. 1919 работала секр. в Екатеринбург. губпродкоме, в 1920—21 — в Алтайском губпродкоме. В 1921 переехала в Петроград для поступления на экон. отд-ние ФОН Петрогр. ун-та. В течение трех лет Г. пыталась совместить учебу и работу, но, не окончив ФОН, полностью отдалась работе. В период учебы Г. работала в Петрогр. Истпарте, в губ. союзе кооператоров. В окт. 1924 перешла на работу в губком ВКП(б) секр. информ. подотд. В февр. 1925 Г. направлена в ред. «Крас. газеты» инструктором отд. ф-к и з-дов. С марта 1926 по сент. 1927 — техн. секр. коллектива ВКП(б) в типогр. им. В. Володарского. В сент. 1927 возвратилась в ред. газ. вначале лит. сотр., затем зав. отд. и работала до выборов в местком. С янв. 1934 по авг. 1936 являлась пред. объединен. месткома. В сент. 1936 перешла на должность зав. ред. журн. «Костер».

21 дек. 1937 зачислена в ПБ на должность б-ря 1-го р. ОФО. С 1 февр. 1938 переведена на должность пом. зав. рус. фондом; с 1 нояб. 1938 — гл. б-рь. 11 февр. 1939 назначена зав. журн. отд-нием, а 6 сент. 1940 — зав. библ. курсами ПБ и руководителем всей системы повышения квалификации сотр. Б-ки.

Активно участвовала в обществ. жизни Б-ки как пропагандист, чл. бюро парторг-ции. В период кампании по выборам в мест. Советы организовала выпуск печат. газ., бюл. и листовок (8 назв. общим тиражем 14500 экз.).

С нач. войны продолжала работать в Б-ке. Дважды подавала заявления об увольнении в связи с эвакуацией, однако не дожила до этого момента. Исключена из списков сотр. Б-ки ввиду смерти с 10 марта 1942.

Дочь Г.— Елена Всеволодовна Гар после окончания 9-го класса сред. школы работала в 1941 пом. б-ря ОФО.

Лит.: На штурм науки: Восп. бывших студентов фак. обществ. наук Ленингр. ун-та. Л., 1971. Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; ЦГАЛИ. Ф. 97, оп. 3, д. 706.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Г.П. Старушенко

ГЕРЦ Лейба Абрамович

В Мелекесском отделении октябрь 1941 — октябрь 1942, сторож, из местных жителей.

ГОРУНОВИЧ Ирина Яковлевна

(12.11.1896, г. Белое Смоленской губ. — ?), в ПБ 1927—42

Из семьи священника, впоследствии преп. рус. яз. По окончании киевской Фундуклеевской гимназии (1914) поступила в 8-й (пед.) класс част. жен. гимназии Дучинской. В 1919 заведовала канц. Киевско-Соломенской труд. ж.-д. школы № 4, в 1920—22 работала секр., затем б-рем в Культотделе Верхне-Днепров. райкома профсоюзов водников. В 1922 окончила Киев. Высший ин-т нар. образования. В дек. 1922 семья переехала в Петроград, и Г. поступила б-рем (каталогизатором) в Центр. коммунальную б-ку. В февр. 1923 «сокращена» и с мая 1923 по февр. 1926 служила б-рем в Гор. Центр. б-ке. С нояб. 1925, поступив на ВКБ ПБ, работала в б-ке Губсовета профсоюзов. С 15 окт. 1927 зачислена в ПБ пом. б-ря, в апр. переведена из III отд-ния в чит. зал, где до 1931 вела сист. ка-

талог. Одновременно с 1930 работала в Ассоц. соц.-экон. б-к при ПБ, занималась сост. предм. каталога журн. ст. по профильной проблематике. Состояла в О-ве библиотековедения. В апр. 1932 Г. переведена в б-ри 1-го р. С 1935 преподавала в кач-ве ассист. по курсу сист. каталога на ВКБ ПБ. 16 апр. 1937 назначена гл. б-рем. С нач. Великой Отеч. войны оставалась в Ленинграде и продолжала работать в ПБ, с июля по нояб. 1941 — на стр-ве оборонит. сооружений. Участвовала в разработке классификац. схем по группе истории, в обсуждении инструкции по описанию кн. В авг. 1942 назначена зам. зав. Отд. систематизации и предметизации, но болезни сердца и прогрессирующая дистрофия вынудили подать заявление об увольнении. «В Ленинграде я одна,— писала Г.,— и едва ли смогу выдержать вторую зиму». Просьбу поддержала *О. П. Захарьина*: «Ввиду катастрофического состояния здоровья т. Горуневич и желания сохранить ее в живых для работы в ГПБ не возражаю». Была уволена с 30 окт. «в связи с эвакуацией из Ленинграда». Поселилась в Яранске, работала б-рем в Кировском пед. ин-те. В марте из-за тяжелой болезни вышла на пенсию по инвалидности 1-й группы. Затем жила в Вильнюсе, потом вернулась в Ленинград. В сент. 1956 обращалась в ПБ с просьбой о выдаче справки по зарплате за 1938—42 (для перерасчета пенсии).

Лит.: Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Ф. 4, оп. 2, 1933, № 2.

М. Д. Эльзон

ГОХБЕРГ А.Я.

В Мелекесском отделении ноябрь 1941 — январь 1942, истопник, из местных жителей

ГРАНСКИЙ Виктор Исидорович

(20.04.1903, Петербург — 16.10.1970, Ленинград),
библиограф, в ПБ 1938—49, 1956—69

Отец — приказчик, мать — кустарь. Окончил 3 кл. высшенач. гор. уч-ща в Петрограде (1916), Высшую погранич. шко-

лу ОГПУ в Москве (1927), нем. отд-ние Ленингр. отд-ния Гос. центр. ин-та заоч. обучения иностр. яз. (1938). Учился на ВКБ ПБ. Муж П. Г. Гранской.

Труд. деятельность начал в 13 лет учеником слесаря на Путиловском з-де (1916—18), затем — курьер в продовольств. конторе Моск. р-на. В 1918 вступил в комсомол, в 1919 мобилизован и отправлен в Одессу в распоряжение штаба 3-й армии, где был оставлен для подпол. работы в тылу деникинцев, с приходом Крас. армии —

откомандирован в губчека, с апр. 1920 по авг. 1937 на разных должностях в органах ВЧК—ОГПУ—НКВД (Одесса, Вознесенск, Херсон, Житомир, Бердичев, Харьков). Чл. РКП(б) с 1922. В 1934—37 находился в Дании и Германии, куда направлен по линии НКВД. В авг. 1937 уволен из органов НКВД на пенсию по болезни.

11 мая 1938 зачислен в ПБ б-рем 1-го р. IV отд-ния. В окт. 1938 назначен временно зам. начальника Отд. кадров, а с 15 июля 1940 — зав. отд. В янв. 1940 принят в аспирантуру ПБ. Был чл. комис. по сост. учеб. планов и программ библиокурсов и всей системы повышения квалификации сотр. Б-ки. С 15 марта 1941 назначен зав. центр. справ. бюро при Кабинете библиотекосведения, создававшегося в соответствии с решением совещ. представителей б-к Ленинграда, с 28 июля 1941 — гл. б-рь Кабинета (с отчислением из аспирантуры). С нач. войны принял активное участие в эвакуации фондов ПБ в Мелекес, был уполномоченным Мелекес. отд-ния ПБ. После возвращения в Ленинград с 11 окт. 1945 — гл. б-рь. Вскоре восстановлен в аспирантуре, одновременно оставаясь на полставки гл. библиографа. 16 дек. 1946 назначен зам. зав., а затем зав. КБО. Освобожден в связи с ухудшением здоровья, остался в должности гл. библиографа КБО.

15 окт. 1949 Г. уволен из Б-ки «за невозможностью использования из-за допущенных в научной работе ошибок идеологического характера и за пассивность в научной работе». Одной из причин увольнения явилась канд. дис. Г. «Справочная работа в национальных библиотеках крупнейших стран мира» (защищена в окт. 1947 в ЛГБИ), к-рая «носит политически вредный характер, написана в духе буржуазного объективизма с извращением работы советских библиотек». В марте 1950 исключен из ВКП(б), причем общее собрание коммунистов ПБ не утвердило решение парткома об исключении, а вынесло решение о вынесении строгого выговора с занесением в учет. карточку. Однако Куйбышев. райком ВКП(б) отменил решение партсобрания и исключил Г. «за космополитизм и буржуазный объективизм в научной работе, за неискренность перед партией и связь с братом, эмигрировавшим за границу, и как неоправдавшего доверие партии» (брат Г., женившись на иностранке, в 1922 выехал в Канаду, о чем Г. сообщал во всех анкетах). Г. дважды обращался с апелляцией в КПК ЦК ВКП(б) и в третий раз на имя XIX съезда партии, но безуспешно.

С июля 1950 работал на з-де «Электроинструмент» сначала фрезеровщиком, затем строгальщиком. 10 февр. 1953 арестован по обвинению в том, что, работая в 1927 уполномоченным 24 погранотряда ОГПУ, имел «колебания троцкистского характера по вопросам Англо-Русского комитета, китайской революции и внутривнутрипартийной демократии», что защитил дис., к-рая носит «политически вредный характер». 14 апр. 1953 дело было прекращено. В 1955 восстановлен в партии со стажем с 1922.

На протяжении нескольких лет добивался восстановления на работе в ПБ и был восстановлен по решению суда с 23 марта 1956, зачислен в штат на должность гл. библиографа. 1 июля 1969 уволился из Б-ки в связи с переходом на пенсию.

Г. активно участвовал в производст. и науч. работе ПБ, читал курс лекций по общей библиогр. в учеб. сети ПБ, выступал с докл. и сообщ. на науч. заседаниях в ПБ и всесоюз. совещ., неоднократно был пред. Гос. экзаменац. комис. в ЛГИК. Разработал ряд новатор. метод. подходов к сост. библиогр. пособий, выступил авт. и ред. мн. указ.

Награжден коллегией ОГПУ оружием «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» (1932), медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», значком М-ва культуры СССР «За отличную работу».

Похоронен на Южном кладб. в Петербурге.

Лит.: Хроника войны; Дневники и восп.

Некр.: НТБ. 1971. № 4.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1947, 1950, 1956); Ф. 16; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 208, 580, 658, 696, 815, 1323.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1947, 1956).

С. А. Крючковский

ГРАНСТРЕМ Евгения Эдуардовна

(7.07.1911, Петербург — 15.03.1991, Ленинград),
византист, славист, палеограф, в ПБ 1934—74

Родилась в старинной петерб. семье. Дед — изв. издатель дет. кн., отец — хирург, проф. Воен.-мед. акад., мать — врач, работала вместе с И.П. Павловым. В 1916 вместе с родителями переехала в Саратов, где жила до 1926. После возвращения в Ленинград училась на англ. отд-нии ЛИФЛИ, к-рый окончила в 1932. В июле того же года поступила на службу в б-ку Все-союз. Ин-та защиты растений. С янв. 1933 по март 1934 работала б-рем романо-герм. кабинета ЛИФЛИ.

21 марта 1934 зачислена в спец. чит. зал ПБ на должность б-ря 2-го р. и вскоре переведена в Рукоп. отд. Осенью 1935 поступила в аспирантуру ПБ по специальности «греческая палеография», где занималась под руководством *В. Н. Бенешевича* (см. т. 2), к-рый писал, что ви-

дит ее «сначала помощником, а потом и преемником по отделу греческих рукописей». Помимо спец. дисциплин изучала и осваивала греч. яз., с к-рым ранее не была знакома. После ареста В. Н. Бенешевича консультантами Г. стали *О.А. Добиаш-Рождественская* (см. т. 2) (по палеографии и рукоп. описанию) и П.В. Ернштедт (по греч. яз. и общему руководству).

20 янв. 1941 в ЛГПИ защитила канд. дис. «Принципы описания греческих рукописей». Это была первая в СССР дис. по рукоп. кн. Создание полного каталога греч. рукоп. на долгие годы стало гл. задачей Г.

Занятия в аспирантуре совмещала с работой на половине раб. дня в Рукоп. отд. в 1937—39; с февр. 1939 перешла на полный раб. день, с 1 февр. 1940 назначена гл. б-рем.

В это же время начала изучать славяно-рус. палеографию, в дек. 1940 участвовала в семинаре по изучению скорописей.

С 1 мая 1941 приглашена в группу византиноведения ЛОИИ в кач-ве и. о. ст. науч. сотр., оставаясь в ПБ на осн. работе.

С нач. войны уволилась из ЛОИИ. В нояб. обострился туберкулез, но несмотря на разрешение эвакуироваться, не уехала из Ленинграда, не желая оставить мать, к-рая была мобилизована как врач. Зимой 1941—42 работала в Рукоп. отд. и в иностр. отделе, а также беседчиком в госпитале. С лета 1942 была командирована для сбора б-к и арх. Участвовала в работах Резерв. фонда, в т. ч. в перевозке выморооч. б-к. Занималась приемом и описанием поступающего в ПБ рукоп. материала, среди к-рого были арх. Д.И. Выгодского, *А.Г. Биснека*, Е.П. Казанович, Н.Н. Фигурина, Е.А. Поляковой, П.А. Картавова, *В.Э. Банка*, Н.Ф. Финдейзена, В.М. Лосева, А.А. Смирнова и др. 19 мая 1943 на заседании секции библиотковедения выступила с докл. «Страницы из истории охраны библиотек и архивов». В нояб. 1943 ей было поручено «ведение» арх. Б-ки, к-рый с осени 1944 стал считаться сост. частью Рукоп. отд. в кач-ве его науч.-произв. подразделения. В связи с этим разработала вместе с зав. Рукоп. отд. *Т.К. Ухмыловой* и *А.А. Громовой* инструкцию о перечне дел и док., подлежащих хранению в арх. ПБ, о сроках и порядке их передачи и т. п. Начала работы по приведению в порядок его фондов и их описанию, по созданию алф., хронол. и темат. кар-

тотек, предприняла попытки изучения истории ПБ на основе арх. данных. В 1945 на секции библиотекведения сделала докл. «В.В. Майков»; в 1946 подготовила докл., ст. и материалы к картотеке «Почетные члены и почетные корреспонденты ПБ»; совм. с А. А. Громовой — «Материалы к библиографии литературы о Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1919—1941 гг.».

Активно участвовала в работе по реэвакуации рукоп. фондов из Мелекесса. С 1946 стала вести работу уч. хранителя запад. и греч. рукоп., продолжила довоен. занятия рус. палеографией под руководством *В. Г. Геймана* (см. т. 2). С 1 мая 1947 по лич. заявлению, ввиду того, что «больше года не ведет работы с архивом ГПБ» была освобождена от зав.

С окт. 1945 стала совмещать службу в ПБ с преп-нием на каф. византиноведения ист. фак. ЛГУ сначала в кач-ве ст. преп., затем — доц. В 1945—48 вела занятия по греч. яз., с 1947 — по греч., а с 1948 также и по славяно-рус. палеографии.

Осенью 1947 утверждена в уч. звании ст. науч. сотр. по спец. «палеография». В 1947 на заседании каф. византиноведения ЛГУ, а затем на науч. сессии ПБ сделала докл. «О связи кириллического устава с византийским уклоном», в дек. — в Ин-те истории в Москве докл. «Проблемы славянской палеографии в связи с палеографией византийской», к-рый повторила на заседании сектора древнерус. лит. ИРЛИ. От греч. палеографии постепенно перешла к иссл. по истории древнеславян. и рус. письменности. В 1948 стала готовить докт. дис. по теме «Древнейший период славянской и русской письменности (XI—XV вв.)». Особое место уделяла иссл. истории глаголич. алфавита. Первой работой в этом направлении стала ст. «О происхождении глаголицы». В 1947—48 ею был составлен, а в 1949—50 испр. и доп. каталог славяно-рус. пергамен. рукоп. XIV в., хранящихся в Рукоп. отд. ПБ. В 1958 на IV Междунар. съезде славистов выступила с проектом создания свод. каталога славян. рукоп. и получила поручение на его сост.

Наряду с иссл. вела науч.-метод. работу: в 1950-е составила инструкции по каталогизации славян. и рус. рукоп. кн., по обраб. грамот и актов, хранящихся в Рукоп. отд. ПБ. Проводила консультации по средневековому греч. яз. и по источник-

ведению со студентами и аспирантами, изучающими историю Византии, оказывала помощь сотр. арх. по славяно-рус. палеографии. Продолжала разбирать и изучать рукоп. греч. собр. не только ПБ, но и др. б-к и арх., в особенности БАН и ЛОИИ. В 1965 составила «Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVII вв. из собрания П. И. Дубровского».

В 1969 на филол. фак. ЛГУ защитила докт. дис. «Греческие средневековые рукописи ленинградских хранилищ и проблемы истории письма и книги в Византии». Особым приложением к дис. стал свод. каталог греч. рукоп. ленингр. хранилищ (до 1453 г.). Каталог греч. рукоп., вкл. описания 737 манускриптов (из них 250 описаны впервые), был опубликован в 1959—71 в 8 вып. «Визант. временника». Отдельным вып. вышли добавления, поправки и указ. В итоге палеогр. изысканий были уточнены датировки рукоп., определены тексты большого кол-ва фрагментов, приведена библиогр. рукоп., выявлены и изучены палимпсесты. Впервые в науч. оборот были введены неизв. рукоп. и целые собрания. Собр. и опубл. Г. сведения о греч. рукоп., рассеянных по разл. хранилищам СССР, были включены в «Репертуар библиотек и каталогов греческих рукописей» М. Ришара (Richard M. Repertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Paris, 1958; Idem. Supplement (1958—1963). 1964).

Особое место в иссл. Г. занимало выявление и изучение греч. и славяно-рус. палимпсестов, методику описания к-рых она разработала. Данные, получ. при обследовании ленингр. хранилищ, вошли в ее каталог, а также в ст. «Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списках X—XI вв.» и «Палимпсесты Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде».

Неразрывная связь древнерус. традиции с визант. отражена Г. в ст. «Памятники византийской литературы в славяно-русских рукописях XI—XIV веков» (1974). Чл. Археогр. комис.

1 апр. 1974 уволилась из ПБ в связи с переходом на пенсию. После ухода из ПБ продолжала работать в ЛОИИ. Занималась со студентами и аспирантами, создала целую школу греч. кодологии.

Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», Почет. грамотой М-ва культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры, значком М-ва культуры СССР «За отличную работу».

Справ.: Кирило-Методиевска енци. София, 1985. Т. 1.

Лит.: Самодурова З. Г. Об изучении греческого рукописного наследия в СССР (1945—1971 гг.) // Археогр. ежегодник за 1971 г. М., 1973; Там же за 1972 г. М., 1974; Цамутали А. Н. Петербургская школа византиноведения // Вспомогат. ист. дисциплины. 1991. Вып. 23; Лебедева И. Н. Евгения Эдуардовна Гранстрем (1911—1990) // Археогр. ежегодник за 1991 г. М., 1994. ИБ ГПБ. 1959. № 3 (45).

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1945, 1948, 1974); Ф. 10/2; Ф. 2, оп. 14, 1943, д. 2; оп. 20, 1945, д. 1; Ф. 4, оп. 2, 1947, д. 3; ЦГА-ЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 914; СПб ПФА РАН. Ф. 133, оп. 3, д. 86.

Иконогр.: Лебедева И. Н. Евгения Эдуардовна Гранстрем...; Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1948, 1974).

А. Б. Вольфшун

ГУРЕВИЧ М.Б.

В Мелекесском отделении май 1943 — сентябрь 1944, истопник.

ДЕЛЯНОВ Иван Давыдович

граф (12.12.1818, Москва - 10.01.1898, Петербург),
гос. деятель, министр нар. просвещения, дир. ПБ в 1861-82

Из дворян. Сын ген.-майора. Получил домашнее образование. Знал фр., нем., англ. яз. и латынь. Окончил в 1838 юрид. фак. Моск. ун-та. И в том же году Д. определен во II отд-ние собств. е. и. в. Канц., где занимался кодификацией законов. В 1854 ему поручено упр. делами секретного К-та о раскольниках. В 1858 временно заведовал учеб. частью в Воспитат. о-ве благородных девиц и Александровском училище, в петерб. Екатерининском ин-те. С 1858 по 1866 - попечитель Петерб. учеб. окру-

га. С 18 янв. 1860 - чл. Гл. ценз. упр. 4 авг. 1861 назначен дир. Деп. нар. просвещения с увольнением от должности попечителя Петерб. учеб. округа. 17 нояб. 1861 уволен со службы «согласно прошению».

6 дек. 1861 Д. назначен дир. ПБ. За время службы в Б-ке исполнял и др. гос. должности. С 17 февр. 1862 вновь попечитель Петерб. учеб. округа. С 1865 - сенатор. С 1866 - товарищ министра нар. просвещения с увольнением от должности

попечителя учеб. округа, с оставлением в должности дир. Б-ки. В 1867 назначен статс-секр., в 1874 - чл. Гос. совета с увольнением от должности товарища министра нар. просвещения. С 1880 исправлял должность главноуправляющего собств. е. и. в. Канц. по учреждениям имп. Марии.

С назначением Д. дир. Б-ка вновь перешла 24 июля 1862 в ведение М-ва нар. просвещения из ведомства имп. Двора. При нем к традиц. путям комплектования - ОЭ, покупка, дары - прибавился и книгообмен со мн. науч. учреждениями и о-вами Европы, Азии и Америки. С марта 1874 дир. получил право получать из-за границы, без цензуры, произв. печати. С целью улучшения комплектования по инициативе дир. мн. ученые составляли списки заказов кн. по трем разделам: необходимые, нужные, полезные. Списки заказов представляли также АН, Петерб. и Моск. ун-ты, Мед.-хирургич., Петерб. духовная, Михайловская арт. и Николаевская инж. акад. С 1863 в читальном зале велась кн. читательских заказов, Универс. хар-р фондов Б-ки был сохранен и упрочен путем планомерного определения пропорций роста отд. частей фонда, в соответствии с потребностями того времени. В виде опыта средства на комплектование были распределены между отд-ниями с учетом их значения, полноты и запросов читателей. Отд-ния Б-ки пополнялись и за счет внутр. резервов. С 1863 тщательно проверя-

лось Дублетное отд-ние, из к-рого недостающие кн. поступали в др. отд-ния, а дублиеты передавались в Моск. Публичный и Румянцевский музеи, шли на обмен или продавались. Кроме отпускаемых утвержд. имп. сумм на комплектование, Б-ка могла тратить деньги, получаемые с арендаторов лавок и помещений, от продажи дублетов, от принадлежавших ей процентных бумаг. Иностр. кн. особенно интенсивно комплектовалось Отд-ние естеств. наук (медицина, физика, математика). Б-ка по-прежнему регулярно через своих иностр. комиссионеров скупала эмигрантскую лит., к-рая шла в Секретное отд-ние, существовавшее в первую очередь для нужд «высших правительственных учреждений и лиц». В секретный фонд поступали также изд. на рус. яз., задерж. при тамож. досмотрах, отобр. при арестах революционеров. В 1867 издано особое распоряжение об обязат. доставке в Б-ку по одному экз. всех тех соч., к-рые судом и цензурой приговаривались к уничтожению. В Б-ку направлялись также экз. отд. ст., исключ. цензорами из разл. изд. При Д. значительно пополнилось Отд-ние рукописей.

За время директорства Д. в Б-ку поступило 317866 назв. в 453854 т. кн., брошюр, отд. листов; 15 334 рукописи; 5 455 карт и планов; 23 358 эстампов и фотогр.; 12882 муз. произв. Всего 510883 ед. за 21 год.

Д. уделял внимание внутр. орг-ции Б-ки. По его приказу в нач. 1862 началась работа над проектом нового устава и бюджета. Проект устава был подготовлен в 1865. В нем подчеркивалось, что «Библиотека, имея назначением служить науке и обществу, открыта для занятий всем желающим». Проект был опубликован в 1865 в «ЖМНП», общественность приняла его положительно, охарактеризовав как «в высшей степени либеральный и рациональный». Но Устав не был одобрен министром нар. просвещения Д. А. Толстым. Тем не менее отд. части Устава были включены в адм. директивы Д. в 1870 и 1871.

В 1863-64 по приказу Д. проводилась ревизия состояния орг-ции фондов и каталогов, было установлено большее единообразие в орг-ции каталогов, отменена кн. форма каталогов, подтверждена крепостная расстановка кн. Эти положения были разработаны в утвержд. им. 24 дек. 1870 в «Правилах для составления каталогов», согласно к-рым сохранялись

три каталога- алф., сист. и инвентарный, но изменялись акценты. Гл. роль в обслуживании читателей отводилась алф. каталогу. Было введено обязат. ведение сист. и алф. каталогов на карточках даже и в тех отделениях, в к-рых каталоги были переписаны в тетради. С 1875 введена инвентарная проверка всех отдел-ний. В 1870 Д. были разработаны и утвержд. министром нар. просвещения «Правила для занятий в ИПБ и для ее обозрения», «Правила о Совете ИПБ», «Правила о хозяйственном комитете ИПБ»,

к-рые исключили бытовавшие в среде б-рей и общественности мысли об обществ, предназначении Б-ки. По «Правилам...» выдача лит. за пределы ПБ разрешались науч. о-вам и правительств, учреждениям, а также частным лицам, известным дир.

В 1870 Гос. совет утвердил врем, расписание должностей и расходов по Б-ке, где была увеличена общая смета расходов и впервые расходы на комплектование, каталогизацию и изд. деятельности были выделены в особую статью бюджета. Д. добился от пр-ва пятидесятипроцентного повышения бюджета ПБ. В 1874 врем, бюджет заменен пост, сметой расходов, закрепившей на четверть века бюджет в размере около 80 тыс. р. По новому штату, утвержд. в 1874, численность библиотечных работников увеличивалась, расширялась возможность привлечения вольноотр-ся, использовавшихся гл. обр. в кач-ве деж. читального зала.

Д. стремился расширить для читателей возможность пользоваться фондами Б-ки. В нояб. 1862 открылся новый читальный зал на 250 мест, постр. по проекту В. И. Соболевского и И. И. Горностаева, с особой комнатой для занятий художников, в самом зале организована справ, б-ка из неск. тыс. кн., ускорена подача кн. из отдел-ний в читальный зал. Устроена комната для

пользования науч. период, изд. за текущий год. В читальном зале вместо одного общего каталога на подсобный фонд находились 8 печатных сист. каталогов. Заведена «Книга заявлений», в к-рую читатели записывали свои замечания и пожелания. В янв. 1871 при читальном зале была выделена особая комната для читательниц. В 1875 в зале введены четыре пункта выдачи кн., а в 1877 - устроен специальный пункт для обслуживания поврем, изд. С 1867 нижним чинам воен.-учеб, заведений дворянского происхождения было разрешено посещать Б-ку. Прочие воен. нижние чины допущены были в Б-ку только в 1877.

В 1860-х ПБ стала пользоваться славой наиб, благоустр. и общедоступного в России книгохранилища.

В 1864 напечатан каталог период, изд., находящихся в журн. комнате. Это был первый, отд. изд. в России библиограф. каталог периодики. С этого же года и до 1895 выходил каталог новых приобретений кн. на иностр. яз. за 1863-90 в 22 вып. По запросам жителей др. городов, а также заруб, б-рей готовились библиогр. справки. Напечатан целый ряд важных библиогр. изд. Составлено и напечатано несколько каталогов отд. коллекций кн. и рукописей, в т. ч. каталог Отд-ния «Россика» в 2 т. (1873). При Д. были организованы новые выставки: образцов кувической каллиграфии; рисунков и автогр. рус. худ.; кит. рукописей, украш. рис.

В кон. 1870-х - нач. 1880-х - в эпоху реакц. «контрреформ» Александра III в Б-ке за читателями был установлен фактически полит, надзор.

При Д. были произведены работы по упорядочению фондов: разобраны, каталогизированы и расставлены по местам кн., поступившие из Эрмитажной б-ки, разобрана 30-тыс. б-ка кн. С. В. Кочубея. Кн., напечат. Эльзевирами, соединены в одну коллекцию, составлен их инвентарь. В связи с участвовавшими кражами кн. в 1868 были введены контрольные листки.

Был принят ряд противопожарных мер, возведены кирпичные своды под всеми залами, во всех окнах и в балконных дверях на углу Невского пр. и Садовой ул. сделаны железные переплеты вместо деревянных и др. Положение осложнялось теснотой, недостатком площадей для размещения фондов и обслуживания посетителей. В 1881 Д. обратился к министру имп. Двора и в Гор. думу с просьбой об уступке принадлежащей М-ву и

городу земли для стр-ва новой пристройки к существующему зданию Б-ки, но вопрос этот был разрешен уже при преемнике Д.- А. Ф. Бычкове.

16 марта 1882, в связи с назначением министром нар. просвещения, Д. покинул упр. ПБ. Совет Б-ки попросил Д. принять звание почет, чл. ПБ. В 1883 по разрешению имп. на средства сотр. Б-ки в XIV зале, в к-ром находились ист. соч. (ныне читальный зал обществ.-полит, лит.) был вывешен портр. Д. работы художника Н. Т. Богацкого. Деятельность Д. на посту министра нар. просвещения не была однозначной. С одной стороны, при нем было обращено особое внимание на техн. и пром. образование: открыт Харьковский технол. ин-т и Томский ун-т, в ряде городов открыты сред, и нижние техн. и пром. училища, пересмотрены учеб, планы классич. гимназий, где за счет древ. яз. расширено преп-ние рус. яз. С другой стороны, введен новый устав рос. ун-тов, к-рый ограничил их автономию, в 1886 закрыты Высшие жен. курсы, к-рые были вновь открыты через три года с новой программой. В 1887 Д. издал знаменитый «циркуляр о кухаркиных детях», в к-ром предписывалось не принимать в гимназию «детей кучеров, прачек, мелких лавочников». Была введена процентная норма приема евреев в высшие учеб, заведения.

Хотя нек-рые современники отмечали мягкий и добрый характер Д., его политика в обл. просвещения у прогрессивных людей вызывала резко отрицат. оценку. В. Г. Короленко назвал Делянова человеком, «много лет лежащим гнилой колодой поперек дороги народного образования».

Награжден орденами Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла, Владимира 2-й и 3-й степени, Анны 1-й и 2-й степени, Станислава 1-й и 2-й степени. Имел чин д. т. сов.

Похоронен в Воскресенской церкви - усыпальнице на арм. Смоленском кладб. в Петербурге.

По завещанию Д. кн. его б-ки передавались Петерб. ун-ту и гимназиям, а редкие изд.- ПБ и Моск. Публичному и Румянцевскому музею.

Справ.: БСЭ; Брокгауз; Межов. История.

Лит.: [Назначение директором 6 дек. 1861 г.] //Рус. мир. 1861. 13 дек.; Императорская Публичная библиотека в эпоху

перехода в ведомство Министерства народного просвещения: (Крат, очерк ее прошедшего и настоящего). СПб., 1863; Мильшевский О. В. Несколько заметок на пользу Императорской публичной библиотеке //КВ. 1864. № 6; Пятидесятилетие служебной деятельности министра народного просвещения графа И. Д. Делянова //БВед. 1888. 20 авг., 24 нояб.; Правит, вести. 23 нояб.; День. 24 нояб.; ЖМНП. Ч. 260, дек.; СЛ; ИВ. 1889. Т. 35, янв.; Иконников; Памяти графа И. Д. Делянова. Рига, 1898; Хрушев И. П. Памяти графа И. Д. Делянова: [Очерк с прил. двух речей Делянова]. СПб., 1898; Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802-1902. СПб., 1902; Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: Зап. и дневник (1804-1877). 2-е изд. СПб., 1904; Ефимова (1); Хотьков (1); Stuart M. A potent lever for social progress: The Imperial Public Library in the era of the great reforms //The libr. quart. 1989. Vol. 52, № 3; Голубева О. Д. Автографы заговорили... М., 1991. 100-летие. С. 335-98.

Некр.: БВед. 1897. 30 дек. ЖМНП, 1898. Ч. 315, янв., отд. I; ИВ. Т. 71, февр.; МВед. 2 янв.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1861, № 50; ОР РНБ, Ф. 244; РГИА. Ф. 1604.

Иконогр.: Мюнстер; ВИ. 1887, Т. 38, № 22; Адарюков.

О. Д. Голубева

ДЕТИНИН Алексей Яковлевич

В Мелекесском отделении 1942 — 1943, истопник, из местных жителей.

ДЕН (УДОВИЧЕНКО) Евлалия Сергеевна

(2.02.1901, Петербург — 12.07.1972, Ленинград),
в ПБ 1923—32, 1937—57

Из дворян. Отец, С.К. Удовиченко, чиновник по особым поручениям при министре нар. просвещения, занимался вопросами пром.-техн. образования. После революции работал в Наркомпросе. По 6-й класс Д. училась в Петербурге в

гимназии М. А. Стоюниной. В 1917 переехала в Томск, где и окончила гимназию. В 1919 поступила на мед. фак. Томского ун-та. В янв.—мае 1920 — сестра милосердия в 12-м воен.-эпидемич. госпитале Крас. армии. По приезде в Москву поступила на 2-й курс мед. фак. 2-го Моск. ун-та (б. Моск. Высшие жен. курсы), но вскоре ушла из ун-та. С 1 февр. 1923 по рекомендации А. И. Браудо (см. т. 1) зачислена в ПБ на должность науч. сотр. чит. зала, где и. о. дежурного по выдаче кн. В 1923—25 училась на ВКБ ПБ. В 1926 стала женой Н. В. Дена. С 1924 переведена на работы по каталогизации, и с созданием в 1930 Сектора обработки включена в его состав, сначала в кач-ве ст. пом. б-ря 2-го р. С 3 апр. 1932 переведена в I отд-ние, но ввиду отказа работать в этом отд-нии была уволена из ПБ с 16 мая. В июне формулировка увольнения была изменена на увольнение согласно лич. заявлению в связи с болезнью. С сент. 1932 по февр. 1935 работала в Б-ке ЛО Ком. акад. в кач-ве ред. алф. каталога, зам. зав. отд. обработки. В нояб. 1935 начала работать в Б-ке ЛИФЛИ зав. отд. обработки. В янв. 1937 уволилась из этой б-ки и с 1 июня 1937 зачислена б-рем 1-го р. Отд. обработки ПБ, где и работала в группе печат. карточки вплоть до ухода в 1957 на пенсию. В 1920-е была чл. О-ва библиотекосведения, в ПБ избиралась чл. месткома, участвовала в работе секции культстр-ва райсовета. С нач. Великой Отеч. войны оставалась в Ленинграде. Наряду с выполнением работ по Б-ке участвовала в стр-ве оборонит. сооружений на ст. Батейская, Пулковое, Сред. Рогатка, в работах по очистке трамвайных путей, рытью братских могил и т. п., состояла в команде МПВО, была чл. и пред. столовой комис. Б-ки (проверка отпуска продуктов, поиск доп. не-

нормируемых предметов питания и др.). Ее муж, Н. В. Ден, умер в блокадном Ленинграде в февр. 1942, умерла мать, погиб на фронте старший сын. В кон. авг. 1942 в числе наб. ослабевших сотр. Б-ки эвакуирована в Мелекесс, где, наряду с выполнением библиотечных обязанностей, работала в госпитале. В авг. 1944 по вызову Б-ки возвратилась в Ленинград и продолжала работать в Отд. каталогизации на должностях ст. ред. и гл. б-ря. Принимала активное участие в работах, связ. с реэвакуацией фондов из Мелекесса. Одновременно по совместит. работала в ряде б-к города — профсоюз. и техн. (Гипромашприбора, Воен.-мор. акад. им. К. Е. Ворошилова и др.). Вела практ. занятия по алф. каталогу на библиотечных курсах ПБ, а также на обл. курсах работников район. б-к. Д. была одним из ведущих каталогизаторов ПБ. Как указывалось в характеристике при аттестации сотр. группы печат. карточки в 1946, она «по существу единственный в группе специалист по работе с коллективным автором», а в характеристике 1949 отмечалось «практическое знание наиболее сложных разделов каталогизации (описание официальных и ведомственных изданий)». Ею были подгот. работы «Опыт работы установления заголовков коллективного автора на книги 1917—1926 гг.», «Пути рекаталогизации земских изданий» и др., сыгравшие существ. роль в совершенствовании процессов обработки. В 1951 Д. прошла аттестацию, при этом Аттестац. комис. была принята рекомендация «обязательной сдачи испытаний за курс Библиотечного института», на заоч. отд-ние к-рого она поступила в 1949. В 1955, в возрасте 54 лет, она окончила ЛГБИ. С 29 сент. 1957 Д. уволилась из ПБ в связи с переходом на пенсию. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», в 1942 ей была объявлена благодарность Наркомпроса за большую работу по сохранению кн. ценностей Б-ки.

Лит.: ИБ ГПБ. 1957. № 4; Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Пр. и расп. 1923-32, 1937-57.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Л.А. Шилов

ДОБРИН Яков Борисович

(13.03.1905, Екатеринослав — 23.12.1941, Ленинград),
библиограф, в ПБ 1933—41

Отец — купец, мать — педагог. Муж Р. И. Добриной. В 1922 окончил сов. труд. школу, в 1930 — ЛГПИ (экон.-геогр. секция). Труд. деятельность начал в б-ке обществ.-экон. отд-ния ин-та (1924—30). С окт. 1930 по профмобилизации просвещенцев два года работал зав. б-кой Карел. НИИ при СНК Карел. АССР в Петрозаводске. Находясь в Петрозаводске, состоял секр. Карел. бюро краеведения. По истечении срока мобилизации вернулся в Ленинград.

В нояб.-дек. 1932 работал библиографом Кабинета авт. и ред. Ленпартиздата, по ликвидации к-рого с 8 янв. 1933 зачислен пом. б-ря ПБ, через два мес. уволен по сокр. штатов. В февр.-сент. 1933 — б-рь фундамент. б-ки Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе. С 17 окт. 1933 вновь в ПБ, где занимал должность б-ря 2-го р., а с апр. 1935 — б-ря 1-го р. ОК. С 1 мая 1939 — гл. б-рь, с 24 окт. 1940 — зав. группой пополнения осн. фонда ОК. В кач-ве ассист. преподавал на ВКБ ПБ общую библиогр. По совместит. служил с апр. 1936 в «Стеклофарфортехстрое», в нояб. 1938 — янв. 1939 — в Коллекторе науч. б-к.

Война застала Д. во Львове, где он был в командировке, ему удалось вернуться в Ленинград. Активно участвовал в библиогр. совещ. КБО. Несмотря на зачисление в рабочий отряд, выступил на одном из таких совещ. с сообщ. о кн. Р. А. Бухиной «Бібліотекознавство: Бібліогр. покаж.» (Київ, 1941). 23 дек. 1941 Д. умер от голода.

Соч.: Бухштаб Б. Я. Ломоносов: Указ. осн. лит. / Отв. ред. Ю. А. Меженко. Л., 1940 (совм. с Е. Н. Жилиной, Ф. Я. Поповым).

Лит.: Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

С. А. Крючковский

ДРУЖИНИНА Мария Сергеевна

(22.07.1904, Петербург — 4.02.1971, Ленинград), в ПБ 1927—59

Из крестьян, воспитанница дет. дома. Окончила 12-ю труд. школу в Петрограде (1922), рабфак при Петрогр. с.-х. ин-те

(1923), Пед. ин-т им. А. И. Герцена (1927), училась на ВКБ ПБ (1929—32). В ПБ работала с 15 окт. 1927 по 10 авг. 1959: пом. б-ря на выдаче кн. читателям в чит. зале (1927—33); б-рь 1-го р. в Отд. каталогизации, каталогизатор кн. и газ. (1933—36); зав. группой каталогизации газ. (1936—39); с 3 апр. 1939 — ст. библиограф в группе лит. КБО, с 1951 — зав. справ. б-кой, ушла с этой должности по состоянию здоровья. 5 марта 1957 переведена в ЦСБ ОФО.

С именем Д. связано создание инструкции по описанию период. изд. (печат. инструкция об оглавлении период. изд.); она является сост. положения о центр. б-ке справ.-библиогр. лит. при СБО. 20 июля 1941 в составе группы сопровождения эвакуируемых фондов выехала в Мелекес. Здесь Д. — одна из ответств. за состояние фондов Мелекес. отд-ния и помещений, в к-рых они находились. По возвращении в Ленинград — ст. б-рь СБО. Принимала активное участие в обществ. жизни ПБ в разные годы: пред. профбюро Отд. каталогизации и СБО, парторг в СБО, пред. месткома в Мелекес. отд-нии ПБ, уполномоч. горкома ВКП(б) по уборке урожая и гос. поставкам в Мелекесе и т. д. Уволилась из Б-ки в связи с выходом на пенсию 10 авг. 1959. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», ее имя занесено в «Книгу Почета» ПБ.

Лит.: ИБ ГПБ. 1959. № 7/8 (50/51); История ПБ; Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Ф. 2, 1941, д. 160; 1942, д. 296; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, д. 142; оп. 3, д. 595.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Р. Н. Гучева

ЕГОРЕНКОВА Елена Филипповна

(июнь 1907, Петербург — 4.01.1966, Ленинград),
библиотековед, в ПБ 1940—46, 1949—51, дир. ПБ в 1941—46

Из крестьян, после революции отец работал техником на 3-де в Петрограде. В 1924 окончила сред. школу в Климовичах и в том же году поступила в пром.-экон. техникум в Ленинграде, где училась до 1925. В 1925 поступила на ЯМФАК ЛГУ, откуда в янв. 1927 перевелась на 2-й курс перс. отделения Ленингр. вост. ин-та. По окончании ин-та (1929) направлена на работу в Таджикистан, где с сент. 1929 заведовала отд. в ЦК комсомола республики. В апр. 1930 по решению бюро

ЦК ЛКСМ Таджикистана перешла на работу в Наркомпрос республики в кач-ве чл. коллегии — представителя ЦК комсомола. С мая 1931 — дир. пед. техникума и курсов женактива, а с июля 1932 — зав. дошк. отд. Наркомпроса. В нояб. 1934 уволилась с этой работы в связи с выездом по месту жительства мужа и в 1934—35 работала зав. группой оперативного учета Вахшстроля. После переезда мужа в Сталинабад (Душанбе) была здесь зам. дир. по учеб. части респ. совпартшколы, откуда по решению парт. органов была переведена в ЦК ЛКСМ республики в кач-ве зав. сектором полит. учебы, а затем зам. зав. отд. крест. молодежи. В 1935—37 — чл. ЦК ЛКСМ Таджикистана. В 1937 исключена из канд. в чл. партии за «притупление политической бдительности»; с окт. 1937 работала в б-ке базы АН СССР в Сталинабаде, а с окт. 1938 — зам. дир. по науч. части Гос. Публ. б-ки Тадж. ССР.

В нояб. 1938 постановление об исключении Е. из канд. партии было отменено ЦК ВКП(б), а в апр. 1939 она была принята в чл. партии. В янв. 1940 Е. возвратилась в Ленинград и по на-

правлению горкома партии 7 марта зачислена в ПБ на должность уч. секр. В ее обязанности, согласно приказа, входила орг-ция и проверка исполнения планов науч. и произв. работы, орг-ция метод. работы, подгот. к печати науч. тр. Б-ки, руководство изд. деятельностью, пост. и врем. комис. по вопросам библиотеч. и науч. работы, подгот. отчетов Б-ки и т. д. Неоднократно выезжала в Москву для ознакомления с деятельностью ГБЛ, ГПИБ и др. б-к, возглавляла бригады по совершенствованию учета и отчетности в Б-ке, по обследованию обслуживания читателей, участвовала в обсуждении схем сист. каталога и т. д.

С 14 июня 1941 г. предоставлен очеред. отпуск, но уже 24 июня, в связи с нач. войны, она была отозвана из отпуска. 17 июля в связи с отъездом дир. Б-ки А. Х. Вольпера в Мелекес для орг-ции приема эвакуируемых наиб. ценных фондов на Е. возложено врем. и. о. дир., и с этого времени она фактически становится дир., несмотря на возвращение Вольпера в Ленинград. 2 окт. приказом Наркомпроса она назначена и. о. дир. «в связи с уходом А. Х. Вольпера в Красную армию», хотя реально он не был призван в армию и вскоре утвержден зав. Мелекесским отд-нием Б-ки.

Годы Великой Отеч. войны составляют самый сложный и тяжелый период истории ПБ, и в это время ее возглавляла Е., первая и единств. женщина в ряду дир. Б-ки за все 200 лет ее существования, притом, самая молодая из всех — ей только что исполнилось 34 года. На ее плечи легла огромная ответственность за судьбу Б-ки, за спасение ее фондов и сотр., за поддержание ее деятельности под пост. обстрелами и бомбежками, когда большая часть опытных и квалифицир. работников ушла на фронт или уехала из блокад. города, когда помещения Б-ки длит. время не освещались и не отапливались, были лишены водоснабжения и канализации, когда в помещениях днями лежали трупы умерших, самый вывоз к-рых составлял трудно разрешимую проблему. Все это стоило большого напряжения физ. и псих. сил дир., приводило к срывам и помещению в больницу, вызывало ее обращение в горком партии с просьбой освободить от обязанностей дир.

После эвакуации части наиб. ценных фондов Б-ки в Ме-

лекесс Е. организовала работы по обеспечению сохранности основной части, оставшейся в городе (перемещение в нижние этажи и подвалы, закрытие окон нижних этажей мешками с песком и т. п.). Одновременно принимала меры по их пополнению новыми поступлениями (собираение всей выходящей в Ленинграде печат. продукции, орг-ция в Москве собрания ОЭ, первые вагоны к-рого стали поступать в Ленинград лишь в кон. 1943, и т. д.). Была создана бригада под руководством *М. В. Машковой* по спасению бесхоз. б-к и арх., безвозмедно переходивших по решению Ленгорисполкома в распоряжение ПБ. Из части этих фондов был организован Ленингр. фил. кн. фонда для комплектования уничтож. б-к на территориях, освобожд. от нем. оккупантов. Наркомпрос назначил Е. зав. этим фил.

С июля 1941 начались массовые увольнения сотр. в связи с призывом в армию и эвакуацией из Ленинграда. С нач. блокады быстро росло кол-во умерших от голода и болезней. Уже на 14 апр. 1942, т. е. меньше, чем за год, штат Б-ки сократился в несколько раз и составил 200 чел. Е. принимала неимоверные усилия для спасения людей, постоянно обращалась в правительство, в мест. парт., сов., воен. органы с ходатайствами об оказании помощи (о выделении предметов питания, доп. продовольств. пайков, теплой одежды и т. п.). В янв. 1942 по ее инициативе в здании Б-ки оборудован стационар для особо ослабл. сотр., через к-рый прошло ок. 200 чел., значит. число было направлено в гор. стационары, организована столовая комис., библиот. огород и т. д. Она добилась выделения деревян. домов для слома на топливо для отопления нек-рых помещений Б-ки. В сент. 1942 по настойчивым ходатайствам администрации Б-ки правительство страны уравнило зарплату ее сотр. с зарплатой в ГБЛ.

Пост. обстрелы и бомбежки города заставили предпринимать многообразные меры по защите зданий Б-ки. Была создана команда МПВО, бойцом к-рой стала и Е. Большая часть сотр. была переведена на казарм. положение. Были организованы круглосуточные дежурства в помещениях и на крышах. Приходилось спасать людей, раненных вблизи здания Б-ки, оказывать им мед. помощь, в чем Е. также принимала лич.

участие. В нояб. 1943 в составе делегации города она выезжала на фронт. Почти все сотр. Б-ки привлекались гор. властями к оборонит. работам (рытье окопов, возведение надолб и дзотов и стр-во др. сооружений), многие участвовали в дежурствах в госпиталях, в уходе за ранеными, мобилизовывались на выгрузку дров, разгрузку вагонов, на очистку города и т. п.

Начавшаяся война, а затем блокада, сокр. числа работников, их ослабл. состояние заставили свертывать работу Б-ки. Были законсервированы почти все фил. и нек-рые отд., остановилась деятельность Кабинета библиотековедения и занятия в аспирантуре. В февр.—марте 1942 все работы, не имевшие отношения к обслуживанию, были приостановлены. Но Б-ка не прекращала обслуживания читателей и воин. частей, и это было глав. задачей дир., несмотря на все трудности. В результате за 900 дней блокады Б-ку посетил 1 млн. чел.

Уже с кон. 1942 — нач. 1943 деятельность Б-ки начинает постепенно восстанавливаться. Е. обращалась в горисполком и др. органы с просьбами оказать помощь в проведении ремонт. работ. В 1943 началось формирование ремонт. бригад из числа библи. работников для проведения нек-рых восстановит. работ, удаления воды из подвалов. Удалось наладить более регулярное отопление и водоснабжение нек-рых помещений. В 1944 приняты меры по поэтапному восстановлению глав. здания и 1 сент. был открыт глав. чит. зал. Немало усилий приложила Е. к возвращению в Б-ку из эвакуации старых, квалифицир. кадров. Постепенно возрождались науч. и метод. работа. Уже в нояб. 1942 была проведена науч. сессия, посв. 25-летию Окт. революции. Осенью этого же года и в 1943 силами сотр. ПБ осуществлено обследование б-к города. В кон. 1943 проведены курсы повышения квалификации библи. работников парткабинета и райкомов партии. В 1943 возобновилась работа секций Кабинета библиотековедения, библи. курсов ПБ для новых сотр. Б-ки, где преп. была и Е. Осенью 1943 началась работа по подгот. нового устава Б-ки. Осенью 1944 возобновлена работа аспирантуры и проведен новый прием, причем Е. добилась, при поддержке ведущих ученых ЛГУ (В. А. Догеля, Н. А. Наумова, З. Г. Разумовской), орг-ции приема 3 аспирантов по новой специальности «гигиена книги», что имело служеб. значе-

ние, если учесть состояние фондов, переживших условия блокады. Она организовала изучение истории основания ПБ и по результатам его в кон. 1943 обратилась в Наркомпрос с письмом, где сообщала, что из имеющихся материалов «совершенно очевидно явствует, что есть все основания считать 1795-й год годом основания ГПБ. Учитывая значимость Публичной библиотеки, как национального книгохранилища, которое по праву считается гордостью русского народа, 150-летие основания ее необходимо отметить должным образом». Эту мысль она неоднократно подчеркивала и в послед. своих выступлениях, однако, офици. реакции на эти соображения в те годы не последовало.

С весны 1945 Е. начала усиленные хлопоты о скорейшем возвращении эвакуир. в Мелекесс фондов, подгот. помещений для их приема и орг-ции работы по самому приему. Первые вагоны прибыли уже после окончания войны в окт. 1945, что потребовало от дир. больших усилий по орг-ции разгрузки, перевозки, расстановки и т. д.

Е. намечались широкие планы по развертыванию и углублению деятельности Б-ки в послевоен. период, по росту ее науч. кадров, по развитию новых направлений работы. И к реализации этих планов Б-ка приступила. Но 22 февр. 1946 Е. была вызвана в Москву в К-т культпросветучреждений при Совете Министров РСФСР, в ведение к-рого в то время находилась ПБ. во время этой поездки была решена судьба Е., с 1 марта она освобождена от и. о. дир. с предложением сдать дела в течение 10 дней вновь назнач. дир. А. В. Усову, пробывшему в этой должности ок. 7 мес. Новый дир. отказал ей в возвращении на прежнюю должность уч. секр., куда она желала перейти от предложения работать в ОНЛ она отказалась, как и от поста начальника обл. отд. культпросветучреждений, и уволена из ПБ 22 марта 1946.

С апр. 1946 по окт. 1947 заведовала б-кой ЛО Акад. пед. наук РСФСР. В окт. 1947 утверждена инструктором Дзержинского райкома партии по вузам, техникумам и школам, а 26 окт. 1949 постановлением горкома партии освобождена от этой работы.

5 нояб. 1949 Е. вновь зачислена в ПБ гл. б-рем, а с 1 дек.

назначена и. о. зав. отд. систематизации и предметизации. Быстро включилась в жизнь Б-ки, была чл. Уч. совета, чл. бюро секции при Кабинете библиотекосведения, консультантом в сети парт. просвещения. В характеристике от 21 апр. 1950 указывалось, что Е. в кач-ве и. о. зав. отд. проявила себя, как инициативный работник, правильно занимающийся перестройкой ген. сист. каталога, хотя отмечалось, что по своей квалификации и опыту работы не соответствует этой должности. И сама Е. считала эту работу для себя врем. и желала перейти на библиогр. работу. В нояб. 1950 ей объявляется благодарность за успехи в работе, но уже в характеристике дирекции от 10 февр. 1951, представл. в Аттестац. комис., вся ее деятельность в Б-ке оценивалась отрицательно, при этом осн. недостатки относились ко времени ее директорства («сжилась до семейственности включительно», допустила засоренность кадров «людьми чуждыми, не внушающими политического доверия», в науч. деятельности утверждались «черты информационности», не развивалась реком. библиогр. и т. п.). Отсюда следовал вывод: должности не соответствует, подлежит освобождению от работы в ПБ. Через 2 дня к такому решению пришла и Аттестац. комис. 16 апр. 1951 уволена из Б-ки «по собственному желанию». Все это связано с общей линией идеол. чистки кадров, с последствиями «Ленинградского дела», вызвавшего недоверие ко всем, имевшим по своей работе отношение с парт. и сов. руководителями Ленинграда в годы войны. В 1955, считая оценку своей деятельности в ПБ несправедливой, Е. обратилась в ЦК КПСС и по указанию из обкома партии на ее характеристике 1951 появилась резолюция и. о. дир. Б-ки *О.Д. Голубевой* «характеристику считать недействительной в той части, где Егоренкова характеризуется как бывший директор Библиотеки».

После увольнения из ПБ Е. работала вплоть до смерти зам. начальника б-ки Воен.-мед. акад., где ее деятельность оценивалась весьма положительно (реорг-ция кн. фонда Б-ки, совершенствование справ.-библиогр. аппарата и т. д.).

Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», в 1942 занесена в «Книгу Почета» Наркомпроса РСФСР.

Лит.: 130-летие Публичной библиотеки // Ленингр. правда. 1944. 15 янв.; Франкфурт Л. С. На библиотечной вахте // Женщины города Ленина: Рассказы и очерки о женщинах Ленинграда в годы блокады. Л., 1944; Воен. врач. 1966. 7 янв.; Дорога на Смоленск: Амер. писатели и журналисты о Великой Отеч. войне 1941—1945. М., 1985.

История ПБ; Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Пр. и расп. 1940—46, 1949—51.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Л.А. Шилов

ЕГОРОВА Ольга Аркадьевна

В Мелекесском отделении сентябрь 1941 — февраль 1942, уборщица, из местных жителей.

ЖАК Дора Константиновна

(1911 — 2002)

Эвакуирована из Харькова в Мелекес, в Мелекесском отделении август — ноябрь 1942, помощник библиотекаря.

ЖИЛИНА Екатерина Николаевна

(13.05.1906, Киев — 11.03.1964, Ленинград), в ПБ 1931—64

Из дворян. Отец — податный инспектор. Детство и юность провела в Василькове близ Киева. В 1922 семья переехала в Петроград, где в 1923 Ж. окончила 1-ю сов. труд. школу. С 14 лет стала совмещать учебу с работой. В 1920-е работала телефонисткой на стр-ве Волховской ГЭС, счетоводом в правлении «Электроток», б-рем в школе фзу при ф-ке «Крас. маяк». С 1925 слушательница Высших курсов искусствоведения при ГИИИ (словес. отд-ние), по завершении к-рых получила специальность литературоведа-библиографа.

3 окт. 1931 Ж. зачислена в ПБ на должность б-ря 2-го р. КБО. По совместит.— б-рь в Акад. искусствознания (1932) и в Акад. художеств (1934—35). С 1935 — б-рь 1-го р. Отлично знающая мировую и отеч. худож. лит., умело обслуживающая читателей, Ж. быстро выдвинулась в среде библиографов и в 1939 в должности гл. б-ря возглавила группу лит. и искусства КБО. Ею лично и под ее руководством было выполнено большое кол-во библиогр. справок, списков, указ.; она участвовала в кол. работе по сост. библиогр. к рус. пер. «Истории XIX века» под ред. Э. Лависса и А. Рамбо (1938), в библиогр., посв. Зап. Украине и Зап. Белоруссии (1940), указ. лит. о М. В. Ломоносове (сост. Б. Я. Бухштаб, 1940) и др.

Во время сов.-финлянд. войны 1939—40 Ж. помогала раненым в госпитале, будучи книгоношей. С нач. Великой Отеч. войны приняла активное участие в спасении фондов Б-ки, в оборон. работах по постройке противотанковых сооружений. В дек. 1941 вышел в свет ее указ. «Лев Толстой (1818—1910)», отмеч. в блокад. печати как ценный вклад в библиогр. о великом писателе. В авг. 1942 в связи с тяжелым состоянием здоровья (дистрофия 3-й степени), эвакуирована с группой сотр. Б-ки в Мелекесс, где находилось отд-ние ПБ. В 1943—1944 оказывала шефскую помощь бойцам, находившимся на излечении в эвакуогоспитале. В 1944 вернулась в Ленинград и с 1 июля приступила к и. о. зав. группой лит. и искусства КБО.

В послевоен. годы Ж. участвовала в сост. кол. библиогр.: «Лауреаты Сталинских премий» за 1947—1950 гг. (1948—51), «Архитектура Ленинграда» (1957); «Русские писатели второй половины XIX — начала XX вв.» (1958—63), «Русские советские писатели. Прозаики» (1959, 1964). Ее печ. тр., посв. писателям-

классикам М.Е. Салтыкову-Щедрину, Л.Н. Толстому, Ф.И. Тютчеву, А.А. Фету; сов. писателям П.П. Бажову, Ю.П. Герману, В.С. Гроссману, М. Горькому и мн. др., получили высокую оценку специалистов и широко использовались читателями.

Авт. двух вып. «Календаря памятных дат» (1947, 1948), изд. ПБ; ред. отраслевых глав в справ. пособии И. И. Кирпичевой «Библиография в помощь научной работе» (1958). Много сил и времени она уделяла воспитанию библиографических кадров, преподавала на библиографических курсах ПБ, вела практические занятия по библиографии со студентами ЛГБИ, консультировала молодых б-рей и аспирантов. Занималась науч. работой: рецензировала библиографические издания, выступала с докл., в аспирантуре при ПБ продолжала трудиться над канд. дис. «Обзор прижизненной критики об И. С. Тургеневе», начатой еще до войны. В февр. 1950 Ж. освобождена от зав. группой КБО по ее просьбе. С 1956 работала в ОБИК, но в февр. 1961 снова вернулась в КБО.

Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», значком М-ва культуры СССР «За отличную работу».

Справ.: Ивков; Крылова; Кандель Б. Л., Федюшина Л. М., Бенина М. А. Русская художественная литература и литературоведение: Указ. справ.-библиогр. пособий с кон. XVIII в. по 1974 г. М., 1976.

Лит.: Научный труд о Толстом // Ленингр. правда. 1942. 30 янв.; Рыскин Е. И. Библиографические указатели русской литературы XIX века. М., 1949; Отарова А. М. Указатель литературы о Льве Толстом // СБф. 1955. Вып. 39; Крендель Р. Н. Рекомендательная библиография послевоенного периода для изучающих историю литературы // Советская библиография: Сб. ст. М., 1960; Брандис Е. П. В поисках жанра // СБф. 1979. № 6; То же // Библиография в моей жизни: Сб. очерков. М., 1984. Хроника войны; Дневники и восп.

Некр.: СБф. 1964. № 6.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1948, 1949, 1964); Ф. 10/2; ОР РНБ. Ф. 1138, д. 224.

Иконогр.: СБф. 1964. № 6; Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1964).

В. Д. Чурсин

ЗАКОРИНА (КЕППЕН) Лидия Александровна

(14.08.1880, Петербург - 1.04.1945, Ленинград), в ПБ 1898-1945

Дочь почет. граждани-на. Училась в жен. гимназии (1888-96) и на курсах иностр. яз. (1897-99). Сдала экзамены на звание домашней учительницы (1898).

В 1898 по рекомендации Ф.П. Кеппена, зав. Отд-нием естествознания, родственника З., принята в ПБ вольнотр-ся. Служила пом. б-ря в Рус. отд-нии, регистратуре, в отд-ниях естествознания, полиграфии, философии. С целью изучения библиограф. дела путешествовала по

Германии, Франции, Швейцарии, Англии, Бразилии, Италии. В 1910 работала в Риме в б-ке и арх. Ватикана. Занималась описанием период, изд., а также выявлением материалов по истории рус.-ит. отношений. В 1915 работала в Отд-нии полиграфии, специализировалась в области библиогр. и обработки период, изд. (каталогизация, инвентаризация). Занималась науч. пер. В апр. 1917 переведена в читальный зал, с 31 дек. 1917 - пом. регистратора.

В 1918 З. зачислена в штат ПБ мл. пом. б-ря (1923 -ст. пом. б-ря, 1925 -б-рь, науч. сотр., 1932 - б-рь 1-го разр. 2-й тр., с 1935 - гл. б-рь). С именем З. связано одно из первых нововведений сов. времени - орг-ция Кабинета новой иностр. лит. (КИЛ) (1922-30). Она была, по восп. современников, осн. работником КИЛ - вела прием новых поступлений, их обработку, обслуживала читателей. Орг-цией КИЛ ПБ содействовала преодолению отрыва отеч. науки от совр. достижений мировой науки. Этому же должно было способствовать изд. сводных каталогов иностр. кн. и период, изд., поступивших в б-ки Петрограда- Ленинграда после авг. 1914. Свободное владение осн. европ. яз., знание иностр. кн. и периодики, обладание навыками библиогр. опи-

сания делали З. весьма продуктивным участником кол. труда по сост. и подгот. к печати сводных каталогов.

После закрытия КИЛ З.- сотр. сектора обработки, где занималась каталогизацией иностр. периодики. С 1932 З.- сотр., а затем зав. группой использования иностр. каталогов. «Долголетняя и преданная работа» З. в 1939 - в связи со 125-летием ПБ - отмечена в приказе Наркомпроса РСФСР.

С началом Великой Отеч. войны З. досрочно возвратилась из отпуска и приняла активное участие в укрытии каталогов ПБ, их переноске в подвалы, в обслуживании читателей, выполнении библиогр. запросов, в спасении бесхозных б-к. Награждена медалью «За оборону Ленинграда» (1944). Ей объявлена благодарность «За активное участие в восстановительных работах и самоотверженное обслуживание читателей во время войны и блокады» (1944).

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1. Л. д.; Ф. 4, оп. 3, 1945, №5.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 13. П/3-197.

Ц.И. Грин

ЗИНОВЬЕВА Мария Константиновна

(28.02.1887, Пенза — 15.10.1960, Ленинград),
педагог, библиограф, в ПБ 1923—57

Из дворян, дочь податного инспектора Деп. окладных сборов. Мать служила учительницей в част. домах и воспитательницей в дет. приютах. Родители умерли в 1917. Сред. образование З. получила в пензен. 1-й жен. гимназии, а затем в петерб. Покровской жен. гимназии. Окончила ист.-филол. фак. (по группе рус. истории) Высших жен. курсов в 1913. Владела фр., польск., нем., англ., итал. и лат. яз. Давала част. уроки,

чтобы платить за обучение. С 1913 по 1922 преподавала в нач. классах разл. школ и училищ Петерб. гор. обществ. упр., а затем Петрогр. гор. отд. нар. образования. Библ. образование первонач. получила на Новиковских курсах О-ва библиотековедения, в 1921—23 училась на ВКБ ПБ. 15 июня 1923 пришла в ПБ науч. сотр. 2-го р. (пом. б-ря). До 1925 работала в Общем чит. зале дежурной, составляла алф. каталог для читателей. В янв. 1925 ее перевели во II отд-ние. Здесь З. комплектовала фонд фил., обслуживала читателей, участвовала в сост. первого в ПБ предм. каталога. С образованием КБС вошла в его состав. С 1935 — б-рь 1-го р. В этом Отд. она проработала до ухода на пенсию. З. давала читателям уст. справки, отвечала на письм. запросы по соц.-экон. наукам. С 1937 приступила к подгот. «Библиографии периодических изданий России, 1901—1916» под руководством Ю.А. Меженко. Этой темой она занималась в кач-ве сост., а после войны — в кач-ве ред. и руководителя группы прессы, вплоть до выхода 1-го т. «Библиографии» в 1958. При ее участии выходил до войны блоккартный каталог отеч. периодики нач. XX в., в 1949 под ее ред. (совм. с Ю.А. Меженко) опубликован «Предварительный список периодических изданий России, 1901—1916 годов». Кроме того в 1938 З. являлась бригадиром группы, составившей библиогр. к «Истории XIX в.» под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Готовила для этого изд. указ. «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о главнейших лицах и событиях, упоминаемых в «Истории XIX в.»» и предм. указ. осн. разд. и рубрик. В годы блокады работа над библиогр. период. изд. прервалась, и З. составляла описание кн. коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войне». Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», ее имя занесено в «Книгу Почета» ПБ.

Лит.: Муратова К. Д. Публичная библиотека в жизни библиографа // Ист.-библиогр. иссл. 1993. Вып. 3. История ПБ; ПБ в печати. 1987—88; ИБ ГПБ. 1957. № 3 (22).

Некр.: ИБ ГПБ. 1960. № 10.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1921, 1948, 1957); ЦГАЛИ СПб. Ф. 365, оп. 1, д. 210.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1957).

Е. К. Соколинский

*Коллектив мелекесского отделения в июле 1945 г.
Слева направо: 1-й ряд – Фадеев А.Я., Быкова П.А.,
Транский В.С., Шрей Е.Х.; 2-й ряд – Торбина Ф.П.,
Дружинина М.С., Неймотина С.А., Озерова Ц.А., Садова Е.А.,
Садова М.А., Руцкой Г.А. (стоит); 3-й ряд – Якаб Б.С.,
Ляпунова А.С., Враская О.Б., сзади – Попов Ф.Я.*

Быкова П.А. (слева) и Садова М.А.

Во дворе Дома пионеров, август 1941 г.

*Доставка фондов с вокзала в здание,
предназначенное для ГЛБ. Мелекесс, август 1941 г.*

За водой

За реставрацией Прей Е.Х. (слева) и Садова Е.А.

Заготовка дров

Лесозаготовка

На лесозаготовках

Неймотина С.А.,

*Погрузка фондов
к эвакуации.
Ленинград.
16.07.1941*

*Председатель месткома Дружинина М.С.
принимает заявление об оказании
материальной помощи от Торбиной Ф.П.*

*Проверка фондов.
Ш.А. Быкова (внизу)
и С.А. Неймотина*

*Работа с фондом.
Озерова И.А. (стоит)
и Дружнина М.С.*

Рабочие Руцкой Г.А. (слева) и Фадеев А.Я.

*Слева направо:
Озерова Ц.А., Гранский В.И., Дружинина М.С.*

*Слева направо:
Прей Е.Х., Дружинина М.С., Неймотина С.А.*

Способ переноса ящиков в помещение

*Установка ящиков
с книгами
в хранилище*

*Чкониа П.А.,
читатель*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ МЕЛЕКЕССА. ОКТЯБРЬ 1945 г.

ФОТОГАЛЕРЕЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ МЕЛЕКЕССА. ОКТЯБРЬ 1945 г.

В.И. Гранский у штабеля ящиков на Ж-д станции в Мелекесе

Все готово к отъезду, ж-д станция в Мелекесе

*Встреча
на платформе*

Выставочный зал в дни приемки реэвакуированных фондов

*Первая группа ленинградских коллег,
встретившая библиотекарей из Мелекесса*

*Е.Х. Прей
за сверкой номеров
ящиков*

Погрузка фондов для эвакуации из Мелекесса

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ МЕЛЕКЕССА. ОКТЯБРЬ 1945 г.

Групповая фотография сотрудников Публичной библиотеки после возвращения из Мелекесса эвакуированных фондов. Осень 1945 г.

На пакгаузе ж-д станции в Ленинграде

На крыльце читательского входа сотрудники библиотеки и бойцы из комендатуры после разгрузки фондов. Октябрь 1945 г.

Отъезд

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ МЕЛЕКЕССА. ОКТЯБРЬ 1945 г.

Прибыли. Паקгуаз ж-д станции Сортировочная. Ленинград

Прием фондов в Отделе рукописей

Прием ящиков с книгами и рукописями в ГЛБ

Провождающие

*Разгрузка на пакгаузе ж-д станции в Мелекесе.
Ящики принимает П.А. Быкова*

*С.А. Немойтина
за маркировкой
ящиков*

Сооружение для спуска ящиков

Установка ящиков в кузове машины

*А.А. Сметанина, П.В. Луизова, С.М. Бабинцев,
Н.А. Селуянова, Н.В. Варбанец, Е.Э. Гранстрем*

*А.А. Францкевич, Н.П. Чернышова, А.Н. Терке (Линчук),
Е.С. Ден (Удовиченко), Р.С. Подрайская,
А.А. Попова, В.В. Юргилевич*

*Е.А. Евдокимова, В.А. Ярошевич, А.Н. Лебедевский,
Е.П. Фаерман, П.И. Антонец*

*А.И. Свинцова, Е.К. Нардова,
М.Х. Юрик, Р.Я. Каплун (Цинкина)*

*Л.А. Пиракаль (Дебо), Е.И. Кашименская,
Е.А. Щербакова (Курдина)*

*Л.З. Лукашевская, В.А. Филатова, В.А. Каратыгина,
В.А. Боголепова, С.Б. Рывқинд*

*Н.В. Ивашенцова, О.П. Захарьина, Н.Н. Мустафина,
Г.А. Ольшевская, М.Г. Михайлова, З.И. Иванова,
В.Ф. Вохмянина, К.М. Антонова, В.И. Юртаева*

*П.А. Быкова, В.Т. Гейман, П.К. Ухмылова,
Д.И. Равкина, А.С. Ляпунова, Н.А. Ершова*

*Л.М. Шишқо, Б.Я. Марқов,
В.Н. Струлева, Н.А. Ваньқова, Е.С. Викторовна*

ЗУБРАВСКАЯ Мария Францевна

(1882 — ?)

В ПБ 1939 —1942, библиотекарь, эвакуирована в Мелекес в авг. 1942, уволилась по собственному желанию 1.09.1942

КАРЫМОВА Антонина Сергеевна

В Мелекесском отделении сентябрь — ноября 1941, кассир, из местных жителей.

КОРОЛЕВА Анна Алексеевна

(16.02.1880, Петербург — апр. 1955, Ленинград),
библиотековед, в ПБ 1919—20, 1922—54

Сирота, лишившаяся в трех-лет. возрасте родителей. Сестра изв. краеведа-библиографа Н.А. Королева. С 4 до 6 лет находилась в воспитат. доме, в 1886 была переведена в Александровский сиротский ин-т, затем поступила в гимназию Человеколюбивого о-ва на полный пансион. По выходе из Александровского сиротского ин-та в 1898 К. поступила на службу в книгоизд. т-во «Обществ. польза» приемщицей заказов

на кн., а позднее — пом. бухгалтера. Уволилась в авг. 1911 по собств. желанию. В сент. 1911 устроилась в б-ку Политехн. ин-та пом. б-ря, где работала под руководством *Е.Н. Добержинско-го*, но из-за дальности расстояния была вынуждена уволиться. К. участвовала в работе О-ва библиотековедения, избиралась чл. Совета и Ревизион. комис. О-ва. В 1919 поступила на ВКБ ПБ и окончила их. С 15 марта 1919 была оформлена в ПБ на-

уч. сотр. 2-го р., но в нач. февр. 1920 уволилась из-за тяжелой болезни брата, к-рый работал б-рем в Иваново-Вознесенске. К. уехала к брату и с кон. февр. 1920 по авг. 1922 работала пом. б-ря в б-ке Иваново-Вознесенского политехн. ин-та. Вернувшись в Петроград, 1 нояб. 1922 вновь поступила на работу в ПБ на должность ст. пом. б-ря и, будучи уже опытным б-рем, вскоре возглавила группу новой периодики Рус. отд-ния (рус. журн. с 1917). Первые годы занималась приведением в порядок журн., с кон. мировой войны непереpletен., нешифров., хранившихся просто в алф. ряду. Ею были разделены фонды «старой» и «новой» периодики и начал составляться новый каталог журн. В 1926 зав. Рус. отд-нием *В. И. Саитов* (см. т. 1) отмечал, что организов. К. отд. переплетен. журн. «содержится в образцовом порядке». С окт. 1930 К. — б-рь 1-го р., с апр. 1938 — гл. б-рь. С 1931 по 1936 по совместит. работала в б-ке 2-го Ленингр. мед. ин-та в должности ст. б-ря, где сост. сводный каталог иностр. мед. журн. за 1935—36, инвентари пер. и «трудо-», картотеку регистрации текущих поступлений и др.; наиб. крупным вкладом являлось ее участие в сост. нового алф. каталога книг и журн. б-ки Ин-та. Уволилась по собств. желанию. Отсутствие высш. образования не помешало К. стать крупным специалистом в обл. обработки период. изд. Свой опыт работы она, будучи гл. сост., обобщила в выпущ. ПБ трех изд. инструкции по каталогизации период. изд. В 1932 была выделена бригада для выработки «Инструкции...». В кач-ве материала использовался как опыт ПБ, так и др. крупнейших б-к. В частности, был учтен опыт работы (1928—30) по т. н. «трехкарточной системе» в ОЧЗ. Оpubл. в 1934 проект «Инструкции...» знаменовал собой модернизацию каталогизац. работ. Годы работы по новым методам позволили накопить значит. опыт. В 1939 вышло 2-е, перераб. и значит. доп. изд., а в 1949 — 3-е перераб. и доп., изд., являющееся сост. частью «Единых правил по описанию произведений печати для библиотечных каталогов». Затем К. приступила к разработке «Инструкции...» для сред. и небольших б-к. К. принимала участие в науч.-метод. работе отд. Отмечалась ее исключительная способность готовить квалифициров. кадры. Принимала активное участие в обществ. работе: состояла в депутатской группе в 1935—36, работала в комис. по ра-

ционализации в 1937—38. Являясь с окт. 1940 зав. группой обработки рус. период. изд., К. затем возглавила обработку и иностр. период. изд. В 1943, в связи с эвакуацией части библиофондов, она выехала в Мелекес Ульяновской обл., где наблюдала за сохранностью вывезенных из Ленинграда кн. сокровищ: сверяла наличие с данными паспорта, составляла на карточках опись содержимого ящиков, выявляла экз., нуждавшиеся в просушке и очистке. В февр. 1944 по линии Комис. по сбору материалов по истории ПБ было принято решение поручить сотр. Мелекес. отд-ния, в т. ч. и К., написать о сотр., погибших в эвакуации. В июне 1944, по настоянию зав. Отд. каталогизации *О. П. Захарьиной*, дирекция ПБ отзывает К. из Мелекеса, поскольку группа периодики в то время являлась одним из отстающих участков: период. изд. три года отражались только в регистрац. картотеке, а не в каталоге. 13 сент. 1944 К. прибыла в Ленинград, приступила к работе 26 сент. в той же должности гл. б-ря, получив койку в общежитии ПБ. Продолжала работу по сост. алф. каталога рус. журн., выходявших с 1917. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945». Ее имя занесено в «Книгу Почета» ПБ. В 1951 решением Аттестац. комис. К. была понижена в должности до ст. б-ря. Уволилась 26 апр. 1954 по собств. желанию.

Лит.: Хроника войны; Дневники и восп.; История ПБ.

Некр.: ИБ ГПБ. 1955. № 1.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Ф. 4, оп. 2, 1933, д. 2; Ф. 10/4—41; Ф. 12, д. 499; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, д. 63, 271, 356, 681, 686, 740, 1083; оп. 3, д. 351, 428, 815; ПФА РАН. Ф. 155, оп. 2, д. 355.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

И. Я. Шмырова

КОТЕЛЬНИКОВА Ольга Михайловна

(11.06.1888, Павловск Воронежской губ.— 24.02.1954, Ленинград),
библиограф, в ПБ 1932—52

Из дворян. Отец — служащий акциз. ведомств, с 1906 — мл. пом. б-ря Петерб. гор. думы. Мать — преподавательница

в разл. част. сред. учеб. заведениях Самары, после революции — зав. школой, признанной показательной. Заслужила звание «Герой труда», а школе, к-рой она заведовала, после ее смерти было присвоено ее имя.

К. окончила 2-ю самар. жен. гимназию (1906), Высшие жен. курсы по ист.-филол. фак. (1912). Была оставлена при Курсах для подгот. к науч. работе. С этой целью посетила Марбург, Геттинген, Оксфорд, Мюнхен (1911, 1913, 1914), где занималась в ун-тах и б-ках.

Нач. I мировой войны застало ее в Мюнхене. Добиралась до России через Данию и Швецию. В 1916 сдала гос. экзамены по отд-нию всеобщей истории. В этот же год началась ее библиотечная работа: занималась описанием б-ки М. М. Сперанского в АН (1916—17 — по договору). В окт. 1917 уехала в Саратов, работала б-рем на Саратов. высших жен. курсах. В окт. 1918, после закрытия курсов, перешла на должность пом. зав. б-кой Саратов. ун-та, где работала до окт. 1921. Переехав в Петроград, работала в Б-ке Эрмитажа последовательно науч. сотр., архивистом и пом. б-ря (окт. 1921 — июнь 1931). Уволена по сокращению должности. В 1921 принята в чл. Филос. о-ва при Петрогр. ун-те. Состояла чл. О-ва библиотековедения. С июля 1931 по 1932 работала предметизатором и ред. предм. каталога и переводчицей (владела нем., англ., фр., итал. яз.) в Ленингр. ассоц. науч.-техн. б-к при ПБ. Одновременно — по договору — библиографом в Минерал. ин-те АН СССР и предметизатором в НИИ гидротехники.

3 дек. 1932 зачислена в ПБ б-рем 1-го р. КБС. С 1 нояб. 1936 переведена на должность гл. б-ря. С 24 окт. 1940 до окт. 1948 заведовала группой мед.-биол. наук КБО, с окт. 1948 до окт. 1949 — зам. зав. группой. С 10 окт. 1949 по собств. желанию в связи с состоянием здоровья перешла в Отд. система-

тизации и предметизации в группу естеств. наук систематизатором по циклу мед.-биол. наук, сохраняя должность гл. б-ря.

С первых лет работы в ПБ К. вошла в число ведущих сотр. Проявила себя как хороший организатор, методист, библиограф и науч. работник. К маю 1939 ею был организован первый опытный специализир. справ.-библиогр. пункт для науч. работников по мед.-биол. наукам. Неоднократно привлекалась к участию в разл. комис. по обследованию работы с читателями. В 1934—35 была секр. библиогр. совещаний при КБС, в 1937 — секр. науч. совещаний при бюро СНР ПБ.

В годы войны оставалась в числе небольшой группы библиографов КБО, продолжавших справ.-библиогр. обслуживание. Готовила справки по запросам, вела картотеки. Наиб. значительная из них — начатая под ее руководством еще в 1939 картотека по воен. медицине, гигиене и санитарии (к 1949 она насчитывала б. 40 тыс. карточек). Составляла списки лит. для госпиталей, воен. врачей, мед. учреждений, вела картотеку по воен.-полевой хирургии. Приказом Наркомпроса РСФСР от 15 авг. 1942 «За хорошую производственную и общественную работу... в трудных условиях фронтового города» К. объявлена благодарность.

После войны продолжала руководить группой, работать на справ.-библиогр. пункте. Владение несколькими иностр. яз., знание рус. и иностр. библиогр. позволяли ей активно участвовать в комплектовании фондов Б-ки иностр. лит., вести работу по реф. ст. из иностр. журн. Составляла библиогр. по истории рус. медицины. Осуществляла руководство практикой студентов ЛГБИ. Работая в Отд. систематизации, составила каталог по здравоохранению. С 1949 — чл. бюро секции мед.-биол. наук Кабинета библиотекосведения.

Ее богатый опыт библ. и библиогр. работы нашел отражение в ряде докл. и ст. (об опыте работы мед.-биол. справ. пункта НЧЗ Б-ки, опыт работы с читателями на мед.-биол. пункте с 1939 по 1947, методика уст. справ. работы по мед.-биол. дисциплинам, специализированное обслуживание читателей в б-ке универс. типа, о сост. библиогр. по истории рус. медицины и др.).

В период работы в Эрмитаже осуществляла авториз. пер. кн. О. Вальцеля «Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии (1890—1920)», вышедшей под ред. В. М. Жир-

мунского в 1922 в изд-ве «Academia», выступала с докл. в Доме ученых и Союзе писателей.

Уволилась из Б-ки 3 мая 1952 «по состоянию здоровья».

Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», занесена в «Книгу Почета» ПБ.

Справ.: Науч. раб. Л-да.

Лит.: Муратова К. Д. Публичная библиотека в жизни библиографа // Ист.-библиогр. иссл. 1993. Сб. 3. История ПБ; Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1946, 1952); Ф. 10/2; Ф. 12, Т-909.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1952).

Н.К. Аргутинская

КРЫМ Дина Самойловна

(17.07.1885, Феодосия — янв. 1942, Ленинград),
библиограф, в ПБ 1922—29, 1931—42

Отец — С.А. Крым, потомств. почет. гражданин, был гор. головою, затем до своей смерти служил дир. Гор. банка. После смерти родителей (1898) воспитывалась в семье ст. сестры. В 1903 окончила феодосийскую жен. гимназию с зол. медалью и поступила на ист.-филол. фак. Высших жен. курсов, к-рые ранее окончили ее ст. сестры. За участие в студ. волнениях весной 1904 была выслана из Петербурга. В 1906 смогла вернуться на Высшие жен. курсы. Активно занималась обществ. работой: была пред. О-ва помощи объединения курсисток-феодосиек, трудилась в кассе взаимопомощи Курсов. Окончила Выс-

шие жен. курсы по двум отд-ниям: в 1910 по группе всеобщей истории, а год спустя — по философии. В годы учебы служила у част. лиц, совмещая работу с занятиями наукой. По окончании Высших жен. курсов в 1911 получила предложение родственников сопровождать в Вену и Париж больную тетю. В 1912 в Париже К. поступила в Сорбонну на ист. фак., где занималась изучением фр. яз. и иссл. по истории фр. революции в семинаре проф. А. Олара. Под его руководством написала первую самостоят. науч. работу «Якобинский клуб во время террора» (рукоп. погибла в период I мировой войны). Помимо учебы в Сорбонне в Париже нашла работу лектрисы и секр. у рус. эмигранта из Ялты А. Н. Князева. В 1913 вернулась в Россию. В 1915 сдала в Петрогр. ун-те гос. экзамены и, представив соч. на тему «Общественно-политические взгляды аббата Мабли», получила диплом 1-й степени. В 1914 безвозмездно работала в гор. упр. по оказанию помощи семьям солдат, призванных на фронт, затем поступила на службу в Петрогр. к-т Всерос. Союза городов, где платили жалованье и предоставляли жилье. В 1915 К. перевелась в к-т Сев. фронта этой орг-ции, а с весны 1916 на Рижском участке Сев.-Зап. фронта зав. санитарным пунктом, куда входили баня, прачечная, чайная, школа и б-ка для солдат. С окт. 1917 работала в медчасти. В февр. 1918 после болезни получила отпуск и уехала лечиться в санаторий Союза городов в Судак, а затем в Феодосию, жила у родственников до февр. 1919. В это время, с нояб. 1918 по март 1919, ее брат, С. С. Крым, депутат I и IV Гос. Думы, был пред. Совета Министров Крыма, поддерживал Добровольческую армию А. И. Деникина. В февр. 1919, получив предложение работать в Сев.-Кавказ. орг-ции Союза городов, уехала в Екатеринодар. С февр. по нояб. 1919 служила в медчасти, а затем, до 1923 работала в разл. учреждениях: Центросоюзе, Кубанском союзе потребит. о-в и др. Осенью 1922 К. вернулась в Петроград, где в нояб. того же года поступила «описчицей книг» в Эквивалентную комис. ПБ. Работа эта была врем.: в июле 1923 подала заявление в Правление ПБ с просьбой «предоставить какое-либо место при одном из отделений». 20 июля 1923 была утверждена в должности науч. сотр. 1-го р. Рус. отд-ния.

Она трудилась на пункте выдачи кн. в отд-нии «Истории», была чл. ударной бригады по каталогизации кн. Рус. отд-ния. В 1924 поступила на ВКБ ПБ и окончила их в 1928. В дек. 1926 пом. б-ря переведена на должность ст. пом. б-ря. 28 дек. 1929 уволилась из Б-ки. Впоследствии, объясняя причину ухода, она писала: «Будучи неудовлетворенной своим положением в ГПБ (прослужив шесть лет и имея высшее образование, общее и специальное, я все оставалась научным сотрудником 2 разряда), я приняла предложение Института растениеводства занять место старшего библиотекаря с окладом вдвое превышающим тот, который я получала в Библиотеке». В Ин-те прослужила до нояб. 1931, когда перешла на работу в НИИ потребит. кооперации. Составила здесь библиогр. списки «Хлебопекарная промышленность», «Потребление и бюджет», «Организационные формы советской торговли», «Издержки обращения», «Предпринимательское помещичье хозяйство». Почти одновременно с этим событием, в дек. того же 1931 она приняла предложение ПБ временно поработать на полставки и. о. б-ря 2-го р. в КБС. В мае 1932 переведена на должность б-ря 1-го р. КБС. Работая в этом секторе на полставки, составила библиогр. указ. «Пластмассы», а в 1934, в соавт. с др. сотр. ПБ, указ. «Электроизоляционные материалы», участвовала в сост. библиогр. по метрополитену. В янв. 1935 К. назначена на должность гл. б-ря КБС. Затем получила предложение дирекции ПБ заняться работой по библиогр. описанию Вольтеровского собр. кн. Это была вторая попытка Б-ки подготовить к изд. каталог. Изучение б-ки Вольтера с целью подгот. науч. описания кн. было поручено в 1929 *М. Л. Лозинскому*, но по ряду причин он лишь начал работу по библиогр. определению изд. Она согласилась с предложением дирекции, уволилась из б-ки Центросоюза в апр. 1935 и окончательно перешла в ПБ. Здесь выяснилось, что при этом она не будет освобождена от осн. обязанностей в КБС. В мае 1935 ситуация еще более осложнилась, т. к. К. назначили и. о. зам. зав. КБС. Времени на работу с Вольтервской б-кой почти не оставалось. Наконец, 22 дек. она была освобождена от и. о. зам., с оставлением в КБС в той же должности. В февр. 1936 по представлению ПБ Нарком-

прос присвоил К. уч. звание ст. науч. сотр. Она почти в одиночку трудилась над каталогом б-ки Вольтера, выполняя при этом и др. обязанности по КБС. В авг. 1938 в целях ускорения подгот. каталога к печати «в связи с экспонированием на Международной выставке в Нью-Йорке» К. целиком сосредоточилась на этой работе. Однако каталог не был издан при жизни К., хотя она успешно справилась с поставл. перед ней трудной задачей, завершила работу над описанием и подготовила рукоп. к печати. Уже после ее смерти работа над изд. возобновилась, каталог был напечатан в 1961; в предисл. упомянута К. и отмечено, что изд. каталога является результатом многолет. работы нескольких поколений сотр. ПБ. В авг. 1941 К. в числе др. сотр. Б-ки сдала лич. серебр. вещи в Фонд обороны, с нояб. 1941 работала в эвакуогоспитале в кач-ве дружинницы. С янв. 1942 исключена из списков сотр. Б-ки ввиду смерти.

Справ.: Список окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882—1889 гг., 1893—1911 гг. СПб., 1911; Науч. учр. Л-да; Науч. раб. Л-да.

Лит.: Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Пр. и расп. 1923—29, 1931—42; ОР РНБ. Ф. 666, оп. 2, д. 98.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

О.К. Гордова

КУПЦОВА Устинья Павловна

В Мелекесском отделении октябрь 1941 — январь 1942, истопник, из местных жителей.

ЛЕВИНА Наталья Леонтьевна

(1895, д. Тальгино Старорусского р-на Петербургской губ. — 1.02.1942, Ленинград), в ПБ 1929—33, 1938—42

Из крестьян. Окончила вечер. общеобразоват. курсы Шкловского, Ленингр. ун-т, этнол.-лингвист. отд-ние ФОН

(1924). Еще учась в школе, подрабатывала продавщицей, затем счетоводом и конторщицей в разл. сов. учреждениях. В сент. 1927 поступила на ВКБ ПБ (окончила в 1929). С 1929 по 1933 работала пом. б-ря в Отд. обслуживания ПБ. Уволилась в связи с болезнью. С 1933 по 1936 работала б-рем в С.-х. акад., в 1937—38 — библиографом в Гидрол. ин-те и б-рем в школе № 16 Куйбышев. р-на. С 19 окт. 1938 вновь поступила в ПБ (в штате с 10 нояб.) б-рем

2-го р. КБО (в группу справ. б-ки). В это же время по совместит. преподавала рус. яз. в школе престарелых Союза Нарпит. 11 июля 1940 переведена в б-ри 1-го р. КБО, где занималась работой по обслуживанию справочниками. 5 февр. 1942 исключена из списков ПБ ввиду смерти.

Лит.: Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Е.П. Семенова

ЛЮБЛИНСКИЙ Владимир Сергеевич

(3.01.1903, Петербург — 7.02.1968, Ленинград),

историк-медиевист, книговед, палеограф, в ПБ 1922—41, 1944—49

Родился в семье купца. Учился в петерб. гимназии К. Мая. В период учебы участвовал в изд. рукоп. гимназич. журн., в к-ром помещал свои романтич. и иронич. стихи и прозу, полемич. ст. и рец. Уже в эти годы написал соч. о Вольтере. Был чл. «Совета трех» — выборного ученич. органа, участвовавшего вместе с пед., родител. и попечит. советами в упр. гимназией. В ст. классах избран пред. Совета старост классных к-тов. В 1918 Л. вы-

нужден был пойти работать на одно из экспроприиров. предприятий своего отца, участвуя сначала рабочим, а затем телефонистом в стр-ве Свирской ГЭС. В 1919 поступил на ист. отд-ние ФОН Петрогр. ун-та. В 1922—25 преподавал историю и обществоведение в б. Стоюнинской гимназии. В 1922 по рекомендации *О.А. Добиаш-Рождественской* принят в ПБ, в Отд-ние истории для ведения сист. каталога, разборки кн. и обслуживания читателей. Он полностью систематизировал

разделы «XVIII век» и «История Германии». Работа в Отд-нии истории дала ему возможность ознакомиться с собранием кн., хранящихся в фондах, именно в это время он впервые заинтересовался историей кн. В 1925 *В. Э. Банк* (см. т. 1) пригласил Л. стать пом. уч. секр. В 1928 по инициативе Л. было организовано Экскурс. бюро, им возглавл. Бюро ставило перед собой задачи, связ. с приходом в Б-ку нового читателя. В своих экскурсиях он не только рассказывал об истории Б-ки, показывал старинные и редкие изд., но прежде всего помогал ориентироваться в фондах, раскрывал содерж. справ. аппарата, приобщал посетителей к кн. В 1930 был издан «Спутник читателя и посетителя библиотеки», подгот. Л. Он участвовал и в создании в 1931 Бюро обслуживания, включавшего фотокабинет и небольшой штат переводчиков, и занимавшегося также библ.-библиогр. обслуживанием как отдельных читателей, так и круп. науч. и производств. орг-ций. С 1927 преподавал на ВКБ экскурс. дело, в нач. 1930-х начал читать курс истории кн. на ВКБ и в Полигр. ин-те. В 1936 его пригласили в Ленингр. консерваторию и в Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина читать лекции по всеобщей истории. Помимо преп. работы, он организовал в 1932 науч.-техн. б-ку в НИИ бетонов и заведовал ею, как и б-кой ЛО Ин-та сооружений. В 1938—

40 проводил занятия по истории кн. с аспирантами ЛИФЛИ, ЛГУ, МИФЛИ и МГУ, руководил работой нескольких аспирантов ПБ по этой тематике. Владея осн. европ. яз., много занимался пер. с англ., фр., нем., итал., лат. яз., гл. обр. кн. и ст. по технике, медицине, истории кн., библиоделу. Л. продолжал заниматься науч. иссл. Еще во время занятий в ун-те увлекся историей Венеции. Им были написаны ряд ст., в частности, «О двух новых немецких книгах по истории Венеции» (1923), он перевел кн. Жоффруа Тори «Луг цветущий» (1936, в рукоп.), написал ряд работ по истории кн., издал предм. указ. «Иностранные журналы по технике, выписываемые в ГПБ в 1932 г.» и др. Начиная с 1934, Л. стал заниматься б-кой Вольтера, хранящейся в ПБ, а в 1935 возглавил Отд. инкунабулов, альдов и эльзевиров. Вольтероведение и инкунабуловедение стали гл. темами его иссл. Л. занялся изучением истории вольтеровской б-ки, выявлением следов чтения Вольтера, завершил сост. полного ее каталога и др. Результаты этой работы отражены в ст.: «Неизвестный автограф Вольтера в бумагах Пушкина» (1936), «Наследие Вольтера в СССР. Вольтеровские материалы в советских собраниях» (1937), «О двух коллекциях ГПБ: Библиотека Вольтера и «Кабинет Фауста»» (1938) и др. Изучал специфику инкунабулов — шрифтов, бумаги, филиграней, форматов, типогр. краски, набора, верстки и т. д. Результаты иссл. он опубликовал в 1940 в кн. «Производство книги в прошлом». Тогда же вместе со своей ученицей Н. В. Варбанец приступил к сост. каталога инкунабулов ПБ, задумав его на новых для описания инкунабулов принципах: в сист. порядке, в первый разд. были включены изд. антич. авт. Мн. внимания Л. уделял изучению истории Б-ки. К 125-летию ПБ в 1939 он написал сценарий первого док. фильма о ПБ — «Сокровищница культуры». С нач. войны Л. был мобилизован и назначен пом. начальника штаба и инспектором боевой подгот. жилой системы МПВО Куйбышев. р-на Ленинграда. Одновременно принимал участие в библиоделах. По предложению Е. Ф. Егоренковой участвовал во взятии на учет и врем. хранении в ПБ бесхозных б-к. 2 нояб. 1942 выступил на науч. сессии Б-ки с докл. «Источники и материалы славянской культуры и задачи ГПБ». 19 нояб. 1942 в газ. «Ленингр. правда» вместе с др. ведущими сотр. ПБ Л. подписал ст.

«Смерть немецким мерзавцам», в к-рой осуждалось разграбление гитлеровцами рос. культур. ценностей. Он написал адресов. В. М. Молотову «Записку о репарациях», в к-рой ставил вопрос о послевоен. восполнении немцами украденных и погибших сокровищ отеч. культуры. Осн. место в «Записке» уделено инкунабулам. Л. считал, что будет справедливо, если после победы немцы поделятся с крупнейшими б-ками СССР дублетами своих старопечат. кн. «Записка» была направлена в Наркомат иностр. дел, но не получила ходу. В 1943 Л. вошел в состав Комис. по сбору материалов по истории ГПБ, написал по заказу Информбюро ряд ст. о ее коллекциях, составил программу курса «Книга и ее элементы» для ВКБ. В июле 1943 назначен начальником штаба МПВО ПБ. В апр. 1944 Л. был призван в Крас. армию. В мае того же года демобилизован, вернулся в Б-ку, где принял участие в работах по возвращению кн. и рукоп. из Мелекесса, был включен в состав комис. по разработке плана перемещения фондов, каталогов и рабочих мест в здании ПБ, участвовал в оценке кн. обмен. фонда, стал пост. чл. Эксперт.-закупоч. комис., вновь возглавил МПВО ПБ. 12 июля 1944 на заседании секции науч. б-к сделал доклад «Ново-найденный памятник (редчайший памятник XV в.) «Братьев общей жизни»», читал лекции в госпиталях. По окончании войны Л. возглавил Отд. редкой кн. С кон. 1945 по 1949 опубликовал 12 больших науч. работ по вольтероведению и истории кн. В 1947 обратил внимание на пергаменный листок, служивший переплетом одной из учеб. брошюр для иезуит. школ в Мюнхене. После тщательного изучения оказалось, что это листок редчайшей тридцатишестистрочной Библии Гутенберга, ни одного фрагмента к-рой не было на территории СССР. В 1948 Л. назначен по совместит. зав. Отд. консервации и реставрации ПБ. В дек. 1949 после носившей откровенно полит. характер кампании по дискредитации Л. как ученого и библиотеч. работника, несмотря на заступничество акад. *Е. В. Тарле* и др., Л. покинул Б-ку. В 1949—56 Л. был вынужден ради заработка заниматься техн. пер. и работать по договорам ред. изд-ва им. С. М. Кирова, заниматься описанием скандинав. док-тов в арх. ЛО Ин-та истории АН СССР. В 1950—51 прочитал курс всеобщей истории в Пед. ин-те г. Сороки, а немного позже — на акад. кур-

сах офицер. состава Воен.-мор. училища им. М. В. Фрунзе. С 1948 по 1962 Л. вел курсы истории кн., истории оформления кн. продукции и истории изд. дела в ЛО Моск. заоч. Полигр. ин-та, читал лекции по истории письменности и книгопечатания в Ленингр. полигр. техникуме. С 1957 до кон. жизни Л. был дир. Лаборатории консервации и реставрации док-тов при АН СССР. Был избран чл. Уч. совета Арх. АН СССР, чл. Реставрац. совета Гос. Эрмитажа, Ред. совета Всесоюз. центр. н.-и. лаборатории консервации и реставрации музейных худож. ценностей, чл.-соревнователем К-та Международ. совета музеев, чл. Аттестац. комис. М-ва культуры СССР по аттестации реставраторов. В 1963 на конгрессе Международ. совета музеев Л. был избран руководителем и докладчиком Рабочей группы по нормированию реставрац. материалов, а в 1965 выступил с докл. о работе лаборатории на Международ. совете музеев в США. Авт. б. 100 кн. и ст. по истории Зап. Европы, истории кн. и книгопечатания, вольтероведению. В 1965 избран почет. д-ром Лилльского ун-та во Франции. Гл. работа Л. — «Книга в истории человеческого общества» — вышла уже после его смерти.

Библиогр.: Шаркова И. С. Хронологический список трудов В. С. Люблинского // Вспомогат. ист. дисциплины. 1969. Сб. 2; Варбанец Н. В. Список трудов В. С. Люблинского // Люблинский В. С. Книга в истории...

Справ.: Книговедение; Книга.

Лит.: Варбанец Н. В. В. С. Люблинский как книговед // Люблинский В. С. Книга в истории...; Юдина М. В. Немного о людях Ленинграда // М. В. Юдина: Ст. Восп. Материалы. М., 1978; Враская О. Б., Гранстрем Е. Э., Каганович Б. С. Палеограф и историк книги В. С. Люблинский и его личный архив // Археогр. ежегодник. М., 1987.

Некр.: Книга: Иссл. и материалы. 1969. Сб. 18; Вспомогат. ист. дисциплины. 1969. Т. 2.

Арх.: ОР РНБ. Ф. 1268; ЕУ СПб. Арх. В. С. Люблинского; Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2.

Иконогр.: Люблинский В. С. Книга в истории...

П.Л. Вахтина

ЛЮБЛИНСКАЯ (СТЕФАНОВИЧ) Александра Дмитриевна

(14.05.1902, Петербург — 22.01.1980, Ленинград),
архивист, палеограф, историк западноевроп. средневековья и
раннего нового времени, в ПБ 1922—30, 1934—41, 1943—49

Дочь священника, историка церк. права Д. Ф. Стефановича. Окончила в 1922 ист. отделение ФОН Петрогр. ун-та. Специализировалась по истории сред. веков (гл. обр. Франции) и лат. палеографии. Ученица И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рождественской, Л. П. Карсавина. В студ. годы работала временно воспитателем в 3-м дет. доме работников связи.

После окончания ун-та в нояб. 1922 принята в ПБ внештат. служащей, в дек. 1924 включена в штат Отд-ния истории (на должность пом. б-ря), где работала до сент. 1930. Занималась сост. сист. каталога иностр. кн. по всеобщей истории. Одновременно участвовала в работе по просмотру западноевроп. рукоп. кн. в связи с передачей части рукоп. материалов Польше согласно Рижскому мирному договору 1921. В этот период в изд. ПБ вышли в свет две ее первые ст.: «Петух на готическом соборе» (1928), «Историческое стихотворение XII в. и рукопись Публичной библиотеки» (1927). В эти же годы Л. принимала участие в подгот. 1-го вып. каталога древнейших лат. рукоп. «Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки. Ч. 1. Рукописи V—VII вв. (под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. Л., в сер. «Средневековье в рукописях Публичной библиотеки». (Вып. 3)). Впоследствии редактировала 2-ю часть этого каталога, подгот. О. А. Добиаш-Рождественской в нач. 1930-х (Древнейшие латинские рукописи: Каталог. Ч. 2. VIII — нач. IX в. Л., 1965) (в 1991 эта часть каталога, доп. вспомогат. указ. и ил. изданы в Пари-

же). В янв. 1925 вышла замуж за сотр. ПБ *В.С. Люблинского*.

С сент. 1930 по февр. 1934 работала зав. б-кой сначала в Обл. отд. коммунал. хоз-ва, затем — в НИИ коммунал. хоз-ва. В февр. 1934 перешла в ПБ в штат Отд. рукоп. на должность б-ря 1-го р. С 1939 — гл. б-рь. Занималась описанием лат. и фр. пергаменных рукоп. и углубл. изучением нек-рых из них. Опубликовала ряд ст. о рукоп. ПБ. Составила науч. описание док-тов бастильского арх. из коллекции *П. П. Дубровского* (см. т. 1) и их аннот. каталог «Бастильский архив в Ленинграде» (опубл. в 1960; доп. изд. в 1988). С 1935 начала преподавать зап. палеографию в ЛИФЛИ, с 1936 — на ист. фак. ЛГУ. Практик. занятия проводились на базе Отд. рукоп. ПБ. После смерти *О. А. Добиаш-Рождественской* (1939) Л. стала ведущим специалистом по зап. фондам Отд. рукоп. Работала гл. обр. над описанием материалов из коллекции *П. П. Дубровского*, сосредоточив осн. внимание на фр. док-тах XVII в. В 1940 защитила в ЛГУ дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук «Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV. Договор в Сен-Мену и Генеральные штаты 1614 г.».

20 авг. 1941 уволилась из ПБ в связи с эвакуацией. В 1941—42 учеб. гг. работала преп. истории в семилет. школе в Пытвенском р-не Молотов. обл. В окт. 1942 приехала в Москву по вызову АН СССР для участия в работе по подгот. 300-лет. юбилея Ньютона. Находясь в Москве, также и. о. уполномоч. ПБ по вопросам комплектования и контролировала во Всесоюз. кн. палате поступление в ПБ обязат. экз. В нояб. 1943 по вызову ПБ вернулась в Ленинград и была принята на работу в кач-ве зав. Иностр. кн. фондом. В авг. 1944 переведена в Отд. рукоп. на должность гл. б-ря и стала хранителем западноевроп. фондов. С окт. 1945 по окт. 1946 — и. о. зам. дир. по науч. работе. С 1944—45 учеб. г. Л. возобновила преп-ние на ист. фак. ЛГУ. В нояб. 1949 уволилась из ПБ и окончательно перешла в ЛГУ на каф. истории сред. веков, где проработала до 1957 (доц., проф., зав. каф.). В 1951 защитила в ЛГУ дис. на соискание уч. степени д-ра ист. наук «Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции 1610—1620-х гг.». Преподавала источниковедение истории сред. веков, лат. палеографию, ист. хронологию, сфрагистику и др. вспомогат. ист. дисципли-

ны, читала общий курс истории сред. веков и разл. спецкурсы, вела практ. занятия по общему курсу и спецсеминары. Руководила дипл. работами, уделяла большое внимание подгот. аспирантов. Преп. деятельностью Л. занималась и после перехода в сектор всеобщей истории ЛОИИ АН СССР, где она работала до 22 янв. 1980 в кач-ве ст. науч. сотр. Кроме ЛГУ она читала в эти годы лекции в ун-тах и пед. ин-тах Усть-Каменогорска, Калинина, Владимира, Горького, Кишинева и др. городов, вела большую консультац. работу. Ок. 40 ее учеников стали канд. и 8 — д-рами наук.

Л. — одна из крупнейших рос. историков западноевроп. средневековья и раннего нового времени. Ею написано и отред. ок. 250 науч. работ, часть к-рых опубл. в Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Франции и Японии. Она участвовала в кач-ве авт. и ред. в подгот. унив. учебников по истории сред. веков. В течение ряда лет была чл. Археогр. комис., Междунар. к-та по палеографии, Междунар. комис. по истории представительных учреждений, Междунар. о-ва по изучению XVIII в., Совещательного ред. к-та по изд. соч. Вольтера, принимала участие в XII и XIII Междунар. конгр. ист. наук, V Междунар. конгр. по экон. истории, сов.-фр. и сов.-итал. встречах историков, ряде всесоюз. конф. и симпозиумов.

Осн. обл. науч. интересов Л. — история феодальной Франции, гл. тема — история Франции XVI и (особенно) XVII в. Этому периоду, кроме дис., посв. ряд ее ст., 3 моногр. (Франция в начале XVII в. (1610—1620 гг.). Л., 1959; Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965; Франция при Ришелье: (Французский абсолютизм в 1630—1642 гг.) / Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1982), подгот. под ее руководством большие документ. публ. (Документы по истории Франции середины XVI в. // Средние века. М., 1958—1961. Вып. 12—15, 19; Документы по истории гражданских войн во Франции, 1561—1563 гг. М.; Л., 1962; Внутренняя политика французского абсолютизма, 1633—1640 гг. М.; Л., 1966; То же. Северные и Центральные провинции. Л., 1980; Документы по истории внешней политики Франции, 1547—1548 гг. М.; Л., 1963). В них представлены док-ты из ПБ (коллекция Дубровского) и из РГАДА (коллекция Г.

Ламуаньона, впервые благодаря этой публ. ставшая изв. науч. общественности).

Значит. внимание уделяла Л. аграрной истории Франции и вообще феодальной Европы. Под ее руководством был выполнен пер. на рус. яз. фундамент. тр. фр. историка М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории» (М., 1957). Ей принадлежит моногр. «Французские крестьяне в XVI—XVIII вв.» (Л., 1978) и ряд гл. в кол. иссл. «История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма» (М., 1983. Т. 3).

В науч. наследии Л. значит. место занимают работы по источниковедению западноевроп. средневековья и лат. палеографии, среди них — вузовские учебники «Источниковедение истории средних веков» (1955) и «Латинская палеография» (1969). В ее тр. и работах ее учеников история письма рассматривается как одна из важнейших сторон истории культуры. Благодаря Л. сохранена преемственность в изучении лат. палеографии в России.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Похоронена на Северном кладб. Петербурга.

Библиогр.: Труды доктора исторических наук, профессора А. Д. Люблинской // Средние века. 1972. Вып. 35; Хронологический список трудов доктора исторических наук, профессора А. Д. Люблинской // Вспомогат. ист. дисциплины. Л., 1981. Т. 12; Научные труды А. Д. Люблинской // Средние века. М., 1983. Вып. 46.

Справ.: БЭС; Simmons J. S. G. Four Soviet scholars: Т. А. Vykova, А. D. Lyblinskaya, М. P. Alekseev, E. Lancevicius. Oxford, 1982.

Лит.: Бессмертный Ю. Л., Малов В. Н. А. Д. Люблинская — историк-медиевист // Средние века. М., 1972. Вып. 35; Бернадская Е. В., Воронова Т. П. А. Д. Люблинская и Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Там же; Романова В. Л. А. Д. Люблинская — архивист и палеограф // Археогр. ежегодник за 1972 г. М., 1974; Шаркова И. С. А. Д. Люблинская и вспомогательные исторические дисциплины // Вспомогат. ист. дисциплины. Л., 1981. Т. 12; Бернадская Е. В., Киселева Л. И., Малинин Ю. П., Сомов В. А. Александра Дмитриевна Люблинская (1902—1980): I. Творческий путь; II. Архив // Средние века. М., 1983. Вып. 46.

Некр.: Вопр. истории. 1980. № 4; Средние века. М., 1980. Вып. 43; The Book Collector. 1980; Археогр. ежегодник за 1980 г. М., 1981; Scriptorium. 1981. Т. 35, 1.

Арх.: Арх. СПбФ ИРИ РАН. Западноевроп. секция. Ф. 13; Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Иконогр.: Средние века. Вып. 35; Археогр. ежегодник за 1972 г.

И.И. Фролова

ЛЯПУНОВА Анастасия Сергеевна

(27.03.1903, Петербург — 1.02.1973, Ленинград),
музыковед, текстолог, в ПБ 1940—63

Из дворян. Отец — композитор С.М. Ляпунов, мать — внучка писателя, лексикографа, этнографа В.И. Даля.

Л. начинала свое образование в жен. классич. гимназии С.Н. Фишер в Москве, затем училась в 23-й сов. труд. школе Петрограда, к-рую окончила в 1923. Учиться музыке начала под руководством отца. В 1927, окончив техникум при Ленингр. консерватории по классу фортепиано, поступила на ист.-теорет. фак. Консерватории и в 1931 получила диплом музыковеда.

В 1931—33 Л. преподавала муз.-теорет. предметы в Татар. техникуме искусств в Казани, затем (в 1933) поступила в аспирантуру ЛО Гос. акад. искусствознания (ГАИС), откуда перешла в Ленингр. консерваторию, в связи с переводом туда музыковедч. секции. Здесь же, в Консерватории, с 1938 по 1940 заведовала Рукоп. отд.

После смерти муз. хранителя ОР ПБ А. Н. Римского-Корсакова (см. т. 2), И. А. Бычков (см. т. 1), возглавлявший

Отд. в то время, пригласил Л. для работы по описанию муз. рукоп. 16 авг. 1940 зачислена в штат Б-ки на должность гл. б-ря. В этой должности и должности гл. библиографа она работала в течение 23 лет до своего выхода на пенсию в 1963. В 1949 ей предложено было совместить работу в ОР с зав. Нот. отд. ПБ. Проработав там несколько месяцев, в янв. 1950 она возвратилась в штат Рукоп. отд. (оставаясь чл. науч.-метод. совета Отд. нот), мотивируя это тем, что «тяготится организационной работой».

В годы войны Л. сопровождала рукоп. материалы в эвакуацию в Мелекес. Там, как и др. сотр., занималась вскрытием для проверки ящиков с рукоп., заготовкой дров, несла ноч. дежурства.

Вместе с реэвакуиров. фондами в 1945 Л. вернулась в Ленинград, в 1946 защитила дис. на соискание уч. степени канд. искусствоведения. Темой ее иссл. было «Творческое наследие М.А. Балакирева». В 1951 утверждена в уч. звании ст. науч. сотр.

Помимо работы в Б-ке Л. принимала участие в муз.-обществ. жизни. По ее инициативе при Упр. культуры Ленгорисполкома была создана секция муз. б-к Межведомств. библио. совета. В 1960—63 состояла чл. бюро этой секции. Как чл. ЛО Союза сов. композиторов (принята 17 нояб. 1961) вела большую работу в источниковедч. секции: составляла Обращение к I учредит. съезду композиторов Российской Федерации «Состояние музыкально-библиотечного дела», в 1960—61 готовила докл. «О музыкально-библиографической, нотографической и источниковедческой работе в библиотеках и научных учреждениях Ленинграда», принимала участие в подгот. кол. ст. «Состояние музыкального источниковедения и библиографии».

Работа Л. в ОР ПБ заключалась прежде всего в описании муз. материалов. Именно она унифицировала описания, сформулировала осн. положения, связ. со спецификой этого вида рукоп., составив «Инструкцию по каталогизации нотных рукописей» (впервые опубл. в 1963, затем вошла в «Сборник инструкций по описанию рукописных материалов фондов личного происхождения XVIII—XX вв.» (Л., 1979)). Положения этой инструкции вырабатывались большим практ. опытом в процессе работы над фондами, вкл. сотни и тыс. ед. хр. Ею были обра-

ботаны фонды композиторов А.К. Глазунова, Ц.А. Кюи, М.А. Балакирева, С.М. Ляпунова, А.К. Лядова, музыковеда, ред. «Рус. муз. газ.» Н.Ф. Финдейзена и др., начата работа над арх. дир. Рус. муз. о-ва М.М. Курбанова, А.Н. Римского-Корсакова и его жены, композитора Ю.Л. Вейсберг.

Л. постоянно пополняла муз. материалы Отд. Во время ее работы принято на хранение ок. 30 фондов, не считая отд. поступлений. В числе фондообразователей столь значимые для рус. муз. культуры имена, как М.А. Балакирев, С.М. Ляпунов, значит. часть материалов к-рых передала в Б-ку сама Л. Она содействовала получению фондов Н.Ф. Финдейзена, И.О. Дунаевского, Н.М. Мясковского, ей передал рукоп. своих поздних соч. («Золушка», «Обручение в монастыре») С.С. Прокофьев и т. д.

Л. не только принимала на хранение и описывала рукоп.; описания, над к-рыми она работала, стали основой каталогов, представляющих возможности для знакомства с рукоп. и их источниковедч. иссл. широкому кругу музыковедов, занимающихся изучением и публ. произв. рус. композиторов. Не ограничиваясь только рукоп., Л. составляла справ., включавшие в себя сведения об изд. этих произв., стремясь к созданию справ. лит., охватывающей весь круг существующих источ. Она подготовила и опубликовала «Каталог рукописей М. И. Глинки» (1950), а несколько лет спустя «Каталог-справочник произведений М. И. Глинки» (1958). В 1960 в ПБ издан ее труд в трех вып. «Творческое наследие М. А. Балакирева: Каталог произведений», где «описаны все произведения М. А. Балакирева, как изданные, так и неизданные», сюда «включены прижизненные и посмертные издания <...> и все его рукописи (оконченные и неоконченные)».

Л. сама занималась источниковедч. и текстол. работой, готова к изданию творч. рукоп. музыкантов, их лит. произв., эпистолярное наследие. С 1949 начала печататься в журн. «Сов. музыка», где поместила ряд ст. и публ. Как исследователь, она отдавала предпочтение М. И. Глинке, М. А. Балакиреву и С. М. Ляпунову, хотя к такому отбору пришла не сразу. Первая ее науч. работа, к-рая готовилась как дис., была посвящена муз. критике, писателю, журналисту, востоковеду О. И. Сенковскому. Авторизов. машинопис. копия этой работы «Библиотека для чте-

ния» и «О.И. Сенковский в истории развития русской музыкально–критической мысли» хранится в ОР РНБ. Затем Л. занялась иссл. крит. деятельности *В. Ф. Одоевского*. Однако и эта работа не была завершена.

Вполне закономерным являлось обращение Л. к творч. наследию М. И. Глинки, т. к. собр. материалов этого композитора «среди музыкальных коллекций Отдела <...> по праву занимает одно из первых мест». Л. была наследницей двух выдающихся музыкантов — своего отца — С. М. Ляпунова и его близкого друга — М. А. Балакирева — не только в плане материальном (у нее сохранились их кн. и рукоп., к-рые были переданы ею в дар ПБ), она унаследовала и их муз. интересы, посвятив свою жизнь изучению и публ. их богатейшего наследства.

Кат. рукоп. и изд., письма и док., опубл. Л., позволили заполнить лакуны, существовавшие в отеч. музыкознании, познакомиться с неизд. ранее материалами изв. рус. музыкантов.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Похоронена на Северном кладб. в Петербурге.

Справ.: Муз. энци.; Энци. муз. слов.; Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М.; Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М. Советские композиторы и музыковеды: Справ.: В 3 т. М., 1981. Т. 2.

Лит.: Рамазанова Н.В. А.С. Ляпунова — хранитель и исследователь музыкальных рукописей // Петербургский музыкальный архив. СПб., 1999. Вып. 3.

Некр.: Сов. музыка. 1973. № 6.

Арх.: ОР РНБ. Ф. 1141; Ф. 451; Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1949, 1963).

Иконогр.: Рамазанова Н. В. Указ. соч.

Н.В. Рамазанова

МАШКОВА Мария Васильевна

(22.07.1909, с. Лукино Тамбовской губ.— 19.10.1997, Петербург),
библиограф, книговед, историк библиогр., в ПБ 1939—51, 1954—79

Родилась в семье торговца. Жена *В.А. Марина* (см. т. 2). С 1917 по 1927 обучалась в Тамбове в школе 2-й ступени. Переехала в Ленинград и поступила в ЛГУ. Одновременно с учебной работала

от студ. артели на хлебозаводе, чистильщицей станков на ткацкой ф-ке. Окончила филол. фак. ун-та по славян. циклу с библ.-библиогр. уклоном. В 1930—32 заведовала абонементом в б-ке Моск.-Нарв. дома культуры, в 1932—33 — передвижной базой в б-ке з-да «Красный путиловец». В 1933—34 — инструктор библ. фонда Союза МТС и совхозов. Одновременно в 1932 поступила в Библ. учеб. комбинат при Ком. полит.-просвет. ин-

те им. Н. К. Крупской, к-рый окончила в 1935. В 1934—37 зав. библ. фондом в Союзе строителей тяжелой пром-сти, с 1937 по 1940 заведовала б-кой в 4-й школе Примор. р-на. С 1932 М. вела преп. работу на курсах и семинарах библ. работников, читала лекции по орг-ции библ. дела и «Основы библиографии» (вводный курс) на курсах, организ. Библ. комбинатом при Ин-те, Союзе строителей легкой промышленности.

В 1939 поступила в аспирантуру ПБ по специальности «история рус. библиогр.» (науч. руководитель П.Н. Берков). Первонач. темы — «Критико-биографический словарь в России», «С.А. Венгеров как библиограф».

С нач. Великой Отеч. войны занималась эвакуацией фондов, переноской фондов в подвалы, принимала участие в оборон. работах. 1 мая 1942 зачислена в ОК гл. б-рем с возложением обязанностей зам. зав. Отд. С 1 авг. 1942 назначена зав. ОК. Была пред. экспертно-закупочной комис. В 1942—43 читала лекции на курсах и семинарах б-рей воен.-мор. б-к, краткосроч. курсах повышения квалификации библ. работников парткабинетов и райкомов партии. В период войны занималась спасением ценнейших книж. и рукоп. собраний в опустевших квартирах, разбитых домах. Во время блокады вела дневник, использов. впоследствии А. Адамовичем и Д. Граниным при создании «Блокадной книги» (М., 1982). Дневниковые зап. М. блокад. лет опубликованы в 1995.

С 1 окт. 1944 возобновила занятия в аспирантуре и освобож-

дена от зав. ОК, но вскоре была зачислена на пол-оклада гл. б-ря Резерв. фонда.

В 1946 защитила канд. дис. «Проблема реперуара книги в русской библиографии», с 1946 в должности гл. б-ря возглавила в Отд. каталогизации работу по сост. печат. карточки на рус. книгу за 1725—1926. С 1948 по совместит. вела преп. работу в ЛГБИ по курсу общей библиогр. и на Библ. курсах при ПБ (с 1949).

С 1949 М. подвергалась необоснов. травле, завершившейся увольнением из Б-ки 5 марта 1951. Ей вменялся в вину «аполитичный подход к работе, выразившийся в сплошном описании материала, включенного в алфавитный каталог русских книг» и сокрытие судьбы двух братьев, участвовавших в эсеровском восстании в Тамбове и расстрелянных летом 1918. До 1954 работала в Василеостров. район. б-ке им. Л. Н. Толстого. 30 апр. 1954 восстановлена в ПБ на должность гл. б-ря Отд. каталогизации. В дек. 1954 переведена в Отд. печат. библиогр. работ, где вела работу по ред. серии указ. «Библиографии русской библиографии», др. библиогр. работ. Впоследствии работала гл. библиографом в ОНИиРБ, с 1977 — ст. науч. сотр. ОБиК. Была чл. Уч. советов ПБ, БАН, ЛГИК, ГБЛ. Принимала участие во многих конф., в т. ч. выступала с докл. на Всесоюз. конф. по библиогр. (Москва, 1959), 2-й Всесоюз. конф. по пробл. книговедения (Москва, 1974), 3-м Всесоюз. совещ. по библиографии библиогр. (Петрозаводск, 1974), 2-м Междунар. совещ. экспертов соц. стран по вопросам текущей нац. библиогр. (Варшава, 1975) и др.

Авт. и ред. б. 70 работ, прежде всего по истории и теории отеч. дорев. и сов. библиогр., проблемам нац. кн. и нац. библиогр. в союз. и автоном. республиках, библиографии библиогр., период. печати, фундамент. библиогр. указ., биогр. очерков о деятелях рус. кн. В 1956 вышел подгот. совм. с М. В. Сокуровой (см. т. 2) указ. «Общие библиографии русских периодических изданий и материалы по статистике русской периодической печати», ряд др. капит. библиогр. тр. по истории период. печати. Авт. ряда перс. ст. в энц. слов. «Книговедение» (М., 1982) («Здобнов Н. В.», «Мезьер А. В.», «Панов А. В.», «Пекарский П. П.», «Поляков А. С.»). В 1969 вышел глав. труд — моногр. «История русской библиографии до начала XX века (до окт. 1917)», хронологически продолжив-

ший капитальное иссл. Н. В. Здобнова. В 1972 эта книга защищена в кач-ве докт. дис. Ею написана сер. ст. и рец., заложивших принципиальные основы разраб. истории библиогр. сов. периода. Состояла чл. редкол. ежегодника «Библиография советской библиографии». М.— биограф, библиограф и публикатор творческого наследия Н. В. Здобнова; в послед. годы работала над темой по истории библиогр. рус. период. изд. и указ. «Общие и отраслевые библиографии русских периодических изданий 1703—1973».

Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945» и рядом юбилейных медалей, значком М-ва культуры СССР «За отличную работу». Ее имя занесено в «Книгу Почета» ПБ.

Похоронена вместе с В. А. Мариным на Северном кладб. в Петербурге.

С 1979 по наст. время в ПБ работает их дочь — Мария Всеволодовна Марина.

Справ.: Книговедение; Книга; Деятели науки и техники Тамбовского края: Указ. лит. Тамбов, 1987.

Лит.: Иванов И. Ради жизни // В мире кн. 1973. № 5; Белов С. Книги, опаленные войной // Белые ночи. Л., 1980. Вып. 6; Адамович А., Гранин Д. А. Блокадная книга. М., 1982; Гудовшикова И. В. Мария Васильевна Машкова: (К 75-летию со дня рождения) // СБф. 1984. № 3; Brb tkovb E. Bibliografickэ slovnн k k teorii bibliografie. Praha, 1985; Гудовшикова И. В. Мария Васильевна Машкова — библиограф, книговед, историк библиографии // Ист.-библиогр. иссл. 1990. [Вып.] 1 (библиогр.); Михеева Г. В. Мария Васильевна Машкова // Кн. дело. 1993. № 4; Ее же. М. В. Машкова — историограф библиографии: (К 85-летию со дня рождения) // Археогр. ежегодник за 1994 г. М., 1996; Ее же. Памяти Марии Васильевны Машковой // Книга: Иссл. и материалы. 1999. Сб. 76 (совм. с Л. А. Шиловым).

История ПБ.

Некр.: Библиогр. 1997. № 6.

Арх.: ОР РНБ. Ф. 1407; Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1945, 1979); Ф. 10/2.

Иконогр.: СБф. 1984. № 3; Кн. дело. 1993. № 4.

Г. В. Михеева

МАРИН Всеволод Александрович

(14.06.1909, Оренбург — 2.01.1970, Ленинград), историк,
в ПБ 1929—32, 1938—67, зам. дир. ПБ в 1939—40, 1941—44

Из дворян. Отец — участник рус.-япон. войны и войны 1914, в 1906—09 находился в ссылке в Вологод. губ. «за участие в профсоюзном движении». М. окончил сред. школу в Оренбурге (1926). Некоторое время работал статистиком в Оренбург. губстатбюро. В 1927 переехал в Ленинград, поступил на антитеолог. цикл отделения языка и материальной культуры Ленингр. ин-та истории, лингвистики, философии. В студ. годы подрабатывал в артели «Крас. студент», преподавал

в школе фзу. В окт. 1929 М. был направлен в ПБ в качестве студента-практиканта, а вскоре зачислен в штат. В 1929—32 возглавлял I (антитеолог.) фил., руководил его реорганизацией («переключал старые книжные фонды на новую целевую установку»), создал библиогр. отд. фил., развернул работу по привлечению новых читателей. В эти годы сотрудничал в газ. «Безбожник», журн. «Антитеологизм», выступал со ст. по истории религии и атеизма, библиогр. обзорами, а также с информ. о работе Антитеолог. фил. ПБ. Чл. Совета Центр. Союза безбожников СССР. В 1932—33, 1934—35 — на комсомол. работе (инструктор райкома ВЛКСМ, методист). В 1933—34 — зам. дир. по учеб. части Ленингр. фил. Центр. заоч. антитеолог. ин-та, чл. Обл. Совета Союза воинствующих безбожников. С окт. 1935 — зав. Консульт.-библиогр. кабинетом Ленингр. представительства Партиздата, принимал участие в сост. и ред. каталогов изд-ва. В 1930-е М. читал курсы библиогр. марксизма-ленинизма и соц.-экон. лит. в Учеб. комбинате КОГИЗ, Воен.-полит. училище им. Ф. Энгельса, Полит.-просветит. ин-те им. Н. К. Крупской, Бибкомбинате

ВЦСПС, курсах переподгот. библиотечных работников (в т. ч. — и при ПБ) и др. В окт. 1937 уволен из Партиздата, исключен из комсомола в связи с ложными обвинениями в пропаганде троцкизма (утверждал, что «интервенция против СССР возможна»). После появления в печати ответов И. В. Сталина на письмо тов. Иванова, обвинения сняты, М. восстановлен на работе и в комсомоле. В мае 1938 после ликвидации ЛО Партиздата вернулся на работу в ПБ. По возвращении в Б-ку М. вновь возглавил I (антирелиг.) фил. Одновременно состоял зам. зав. ОК, в его подчинении были вспомогат. фонды Б-ки (обменный, резервный, дублетный). В 1939—40 — зам. дир. Б-ки по адм.-хоз. части. За неотдачу под суд *М. А. Садовой* (см. т. 1), опоздавшей с возвращением из отпуска, М. объявлен выговор, его возвратили на должность зам. зав. ОК с сохр. руководства Антирелиг. фил. (сент. 1940). С нач. Великой Отеч. войны М. руководил бригадой сотр. Б-ки на стр-ве оборонит. сооружений, был бойцом Рабочего батальона, чл. команды МПВО. С дек. 1941 по апр. 1944 — зам. дир. Б-ки по адм.-хоз. части. В условиях блокады М. сделал много для сохранения жизнеспособности Б-ки, спасения ее фондов и каталогов от гибели. Он починил кровлю Гл. здания Б-ки, поврежд. снарядами, организовал разбор деревян. домов на дрова, их транспортировку в Б-ку, помогал в орг-ции стационара. За самоотверж. работу по обеспечению сохранности фондов Б-ки и обслуживанию кн. населения и воин. частей Ленинграда занесен в «Книгу Почета» Наркомпроса РСФСР (1942). Весной 1944 М., возвратившись на библиотечную работу, стал зам. зав. ОК, руководил вспомогат. фондами Б-ки, организовал восстановление деятельности фил. ПБ (летом 1944 — в кач-ве зам. дир. Б-ки). Пред. Комис. по разработке плана перемещения фондов, каталогов и рабочих мест в Гл. здании (в связи с предстоящим началом нормальной деятельности Б-ки). Организатор. способности М., его знание фондов Б-ки, книгохранилищ были востребованы вновь по получении здания на Фонтанке, 36. В 1948 он откомандирован в распоряжение дирекции. Участвовал в разработке планов библиотечного оснащения нового здания, размещения там фондов, готовил расчеты и маршруты перемещения кн. и журн. в новые хранилища, выступал с предложениями по реконструкции гл. зданий Б-ки. Нек-рые ини-

циативы М. позднее осуществлены (стр-во виадука, приспособление дворового флигеля под хранилище, механизация выдачи журн. и др.). М. был сторонником роста Б-ки в пределах ее прежнего местоположения и критиковал приверженцев возведения нового здания Б-ки на пр. Сталина (ныне — Московский). В 1950—51 в ходе массовых увольнений сотр. в Б-ке, была уволена М. В. Машкова, жена М. Его обвинили в «партизаншине и своеволии», отрицалась полезность проделанной им работы по разработке планов реконструкции гл. зданий Б-ки, его упрекали за отказ поддержать проект стр-ва здания Б-ки на новом месте. М. был понижен в должности (до ст. б-ря), переведен в ОФО на обслуживание читателей в журн. фонде (1950). Позднее по представлению руководства ОФО переведен на должность и. о. зав. сектором, а затем — зав. чит. залом (с учетом «ценной для Библиотеки творческой работы») (1951). Во второй половине 1950-х по поручению дирекции М. готовил расчеты по реконструкции книгохранилищ рус. и иностр. фондов, руководил перемещением журн. фонда, фондов IV фил. и др. Участвовал в разработке новых типов библиотечного оборудования. В 1950-е М. выступал с докл. по проблемам книговедения («К вопросу об основных свойствах книги»), а также по актуальным вопросам орг-ции фондов крупнейших универс. б-к (теория и практика компактного хранения, оборудование книгохранилищ и арх. и вопросы повышения их вместимости, орг-ция брошюрного фонда ГПБ и др.). Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», Почет. грамотой М-ва культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры. В сент. 1957 уволен по состоянию здоровья, продолжал выполнять отд. поручения дирекции (1957—60). Похоронен на Северном кладб. в Петербурге.

Лит.: Хроника войны; Дневники и восп.; Берггольц О. Ф. Из дневников // Звезда. 1990. № 6; Знамя. 1991. № 3; Макогоненко Г. П. Из третьей эпохи воспоминаний // Об Анне Ахматовой. Л., 1990.

Арх.: ОР РНБ. Ф. 1407; Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1948, 1957).

Иконогр.: ОР РНБ. Ф. 1407.

Ц.И. Грин

МЕЖОВ Владимир Измаилович

(17.5.1830 [по др. источ. - 1831]. Саратов- 17.05.1894, Петербург),
библиограф, в ПБ 1851-66

Родился в небогатой дворянской семье, отец - штаб-лекарь, умер в 1830, когда сыну было три месяца. До 10 лет М. воспитывала мать, в 1840 при содействии поэта В. А. Жуковского он был принят в Гатчинский сиротский ин-т. По окончании ин-та (1850) М. 27 апр. 1851 поступил в ПБ канц. чиновником в Рус. отд-ние; с 1 апр. 1853 назначен на должность регистратора. В связи с прекращением в России офиц. регистрации произв. печати

в 1855 М. начинает заниматься текущей библиогр. на основе учета ОЭ. Первая печатная работа М.- «Библиографический указатель изданных в России: книг, отдельных листков, эстампов, нот, карт, планов и проч., и поступивших в Имп. Публичную библиотеку» (СПб., 1856-57) -составлена для журн. «Отеч. зап.»; за те же гг. в журн. «Рус. беседа» издана несколько сокращ. сист. «Библиография за 1856 и 1857 гг. или указатель книг, составленный на основании источников, доставленных из Имп. Публичной библиотеки В. И. М.» (М., 1859). Как прил. к «ЖМНП» были изданы «Библиографические указатели книг, брошюр и периодических изданий, вышедших в РОССИИ в течение (1858-1859) года и поступивших в Имп. Публичную библиотеку» (1860-61). Текущую библиогр. за 1860-64 М. вел в журн. «Кн. вест.». Одновременно с регистрацией кн. М. учитывал период, печать: 4 вып. «Повременные издания в России в [1858-1864]». (М., 1858-64), сост. на основе ОЭ, связаны между собой принятой системой расположения материала и взаимными доп. С 1858 М. приступил к расписыванию ст. из всех период, изд., поступивших в Б-ку. В итоге была создана картотека

рус. изд., послужившая осн. для сост. последующих общих, отраслевых и тематич. библиогр. указ.

В 1863-64 выезжал в Германию, Францию, Англию и Бельгию. В 1865 за указ. «Крестьянский вопрос в России» был награжден имп. денежной премией. 19 февр. 1866 М. в чине тит. сов. уволился из Б-ки «согласно поданному им прошению - по домашним обстоятельствам» и полностью посвятил себя библиогр. С этого момента его можно считать первым в России библиографом-профессионалом. За 1866-94 М. создал более 100 библиогр. тр. по рус. истории, археологии, искусству, географии, этнографии, статистике, крест, и земск. вопросам, экономике, языкознанию, истории рус. словесности, педагогике и др. разделам знания. М. авт. мн. перс, библиогр., ему принадлежит первая крупная «Pushkiniana» (СПб., 1886). Среди регион. указ. М. объемом и обилием материала выделяются: «Сибирская библиография» (Т. 1-3. СПб., 1891-93) и «Библиография Азии» 1. 1-3. 1891-94); им же составлено 416 осн. тт. «Туркестанского сборника» с сист. и азбучным указ. (Т. 1-3. СПб., 1878-88). Для работы М. характерны: актуальность, широта и многообразие тематики; организованность и оперативность выполнения; поиски новых методов, приемов (включение в книготорговые каталоги критич. ст. и рец., совершенствование вспомогат. аппарата, стат. обработка учтенных изд. и т. д.).

Похоронен на Смоленском правосл. кладб. в Петербурге.

Библиогр.: Языков Д. Д. Библиографические труды В. И. Межова //ИВ. 1894. № 7; Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати, 1708-1955. 2-е изд. Л., 1956.

Справ.: КЛЭ; Брокгауз; Венгеров. Источники; Книговедение; Межов; Межов. История; Соколов С. Д. Саратовцы - писатели и ученые: (Материалы для библиогр. слов.) //Тр. Саратов, уч. арх. комис. 1913. Вып. 33.

Лит.: Фрадкина З. А. В. И. Межов (1830-1894). М., 1949; Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955; Его же. Избр. М., 1980; Бученков А. И. «Сибирская библиография» В. И. Межова как фундамент библиографии Сибири //Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. Вып 3. Новосибирск, 1970.

ПБ в печати. 1989; 100-летие. С. 208-09, 314, 398; История ПБ. С. 53; Отчеты ПБ за 1866, 1879, 1884.

Некр.: Лисовский Н. М. Владимир Измаилович Межов: (Некр. В. И. Межова с его портр. и списком библиогр. тр.). СПб., 1894; НВ. № 6545; Нива. № 24; ВИ. Т. 51; Новости и бирж. газ. № 137; РВ. № 139; Туркестан, вед. № 40; Саратов. листок. № 111; Тобол, губ. вед. № 23; Этногр. обозр. Кн. 21, отд. 6; Науч. обозр. № 22; Книговедение № 6, прил.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1851, № 28; ОР РНБ. Ф. 539, оп. 1, № 107.

Иконогр.: Мюнстер; Фрадкина З. Л. Указ, соч.; Книговедение.

М.В. Машкова

МИНИЦКАЯ (ЯКОВКИНА) Вера Николаевна

(17.09.1895, Киев — 28.10.1980, Ленинград),
историк, библиограф, в ПБ 1921—59

Из дворян. Отец — б-рь Киев. ун-та, с 1903 по 1912 — зав. б-кой Томского ун-та. Училась в гимназии в Томске и Петрограде (1905—13). Окончила Высшие жен. курсы в Киеве по специальности «история» (1921). Первые науч. тр. «Крестьянские наказания депутатам в Генеральные штаты Франции»; «Закупы по «Русской правде»» подготовила для студ. журн. «Minerva» (не опубл. в связи с прекращением выпуска журн.).

Начала библиограф. деятельность б-рем гор. б-ки в Астрахани (1915—17), затем работала в б-ке Губздравотдела (Киев, 1918—21). После переезда в Петроград поступила в ПБ с 1 мая 1921 науч. сотр.; впоследствии занимала должность пом. б-ря, б-ря 2-го и 1-го р., с 1937 — гл. б-рь. Специфику библиограф.

боты в ПБ М. осваивала под руководством *В. Э. Банка* (см. т. 1). Под его началом служила в Отд-нии истории (1921—30), занималась выделением из фондов кн. б. б-ки Залу-ских, разбором и описанием новых поступлений из ГКФ, обслуживанием читателей, выполнением библиогр. запросов и справок. Состояла в ударной группе по каталогизации фондов. Свободное владение осн. европ. яз., а также лат., определили преимущест. интерес М. к истории и совр. состоянию библиогр. на Западе, к орг-ции справ.-библиогр. службы в б-ках Европы и США. В 1926—27 М. опубликовала в «Библ. обзор.» материалы, в к-рых проанализированы проблемы деятельности заруб. б-к в условиях послевоен. времени. Была чл. О-ва библиотековедения. М. вместе с *Л. И. Олавской* (см. т. 1), *В. Э. Банком* стояла у истоков создания в ПБ специализир. подразделения — Консульт.-библиогр. отд. (КБО). Ведущий сотр. КБО (1930—42, 1944—57), зав. ЦСБ (1930—56), руководитель группы соц.-экон. наук (с 1940). Особенно велики заслуги М. в создании спец. справ. фонда. Доскональное знание рус. и иностр. фондов ПБ, а также каталогов, широкая эрудиция в обл. библиогр. источниковедения позволили М. в короткий срок выделить из осн. фондов св. 10 тыс. томов справ. и библиогр. изд., составивших фундамент совр. ЦСБ. Появление ЦСБ облегчило формирование системы справ.-библиогр. обслуживания читателей, помогло созданию в чит. залах опорных библиогр. пунктов с подсоб. справ. фондами, способствовало укреплению отраслевой орг-ции справ.-библиогр. службы. Под началом М. были осуществлены мн. коллективные библиогр. работы по всеобщей и рус. истории. Она возглавляла бригаду по сост. библиогр. к рус. пер. «Истории XIX века» под ред. Э. Лависса и А. Рамбо (1938—39), а также руководила подгот. ряда темат. указ. («Революционное движение на флоте, 1700—1917»; «Кустарная промышленность, 1660—1940»; ремесленное образование в России, каталог изд. эпохи Французской буржуаз. революции 1789, моногр. по истории фр. революции кон. XVIII в. в фондах ПБ). Большинство из них остались в машинописи или в карточках. Сост. указателя «Восстание 14 декабря 1825» (1940)

(не опублик. в связи с нач. Великой Отеч. войны). По заданию Музея революции провела библиогр. розыск иллюстраций по теме «Революция 1905 г. в иностр. прессе»; по просьбе Ленингр. ун-та выявила источ. по истории Англии, Америки, Германии, Франции в фондах ПБ. В предвоен. годы М. уделяла много внимания воспитанию у молодых сотр. навыков библиогр. эвристики, читала лекции и вела семинары по иностр. библиогр. Консультант и ред. библиогр. списков и указ. соц.-экон. и ист. тематики, выполнен. сотр. КБО в 1930-е по запросам музеев, б-к, др. учреждений. С нач. Великой Отеч. войны М. участвовала в работах по спасению фондов и каталогов Б-ки, выполняла оперативные библиогр. запросы. За хорошую производств. и обществ. работу в годы войны ей была объявлена Наркомпросом РСФСР благодарность. В янв 1941 умер от голода муж М.— *Ив. И. Яковкин*. В июле 1942 М. эвакуировалась с дочерью из Ленинграда в Елабугу, где зачислена на службу мл. науч. сотр. ГАИМК АН СССР (апр. 1943 — янв. 1944). По вызову АН переехала в Москву, и. о. библиографа сети спец. б-к АН (янв.— июнь 1944). В июле 1944 возвратилась в Ленинград, возобновила работу в ПБ. Заведовала группой соц.-экон. наук СБО (1944—57). В послевоен. годы, помимо сост. рекоменд. библиогр. списков, М. готовила «Путеводитель по источникам иностранной библиографии», обзор состояния библиогр. в странах нар. демократии. В ст. «Обслуживание читателей в научных читальных залах устной справкой» обобщила многолет. опыт дежурств в чит. залах. В 1957 вышла на пенсию, но до 1959 включительно продолжала вести библиогр. и консультац. работу. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945». Имя М. занесено в «Книгу Почета» ПБ. Похоронена на Северном кладб. в Петербурге.

Лит.: История ПБ; Хроника войны; Дневники и восп.; ПБ в печати. 1987.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 12, д. 302 (библиогр.); Лич. арх. Н. И. Яковкиной.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Ц.И. Грин

НАРДОВА Евгения Константиновна

(май 1894, Нижний Новгород — 1975, Ленинград),
библиотековед, в ПБ 1927—42, 1943—51

Из дворян. Отец — служащий М-ва финансов, д. ст. сов. Окончив Петровскую жен. гимназию в Петербурге (1913), выдержала экзамен на аттестат зрелости при Введенской муж. гимназии и поступила на романо-герман. отделение ист.-филол. фак. Высших жен. курсов, но окончить курсы не удалось, т. к., по ее словам, «пришлось усиленно работать для заработка». Еще учась в гимназии, послед. два года была воспитателем в дет. доме, во время учебы на Бестужевских курсах в 1915—17 работала мед. сестрой в госпиталях и на фронте в отряде Союза городов, в 1917 давала домашние уроки, работала сдельно земск. статистиком, затем поступила на работу бухгалтером Упр. ирригацион. работ Туркменистана (Петрогр. отд.). С 1919 по 1926 работала б-рем, статистиком, счетоводом, инструктором, машинисткой в разл. гос. и кооператив. орг-циях Москвы, Краснодара, Петрограда. В 1923 поступила на ВКБ ПБ. Вынуждена была совмещать работу с преп-нием в сред. школе. Послед. местом работы Н. перед ее поступлением в ПБ была б-ка Ком. акад. в Москве, где она заведовала группой печат. карточки. В марте 1927 Н. переехала в Ленинград и поступила пом. б-ря в ПБ. С 1930 — ст. пом. б-ря, а вскоре — б-рь 1-го р. В окт. 1930, в связи с реорг-цией структуры Б-ки назначена зав. подотд. предметизации Отд. обработки. С 1933 — гл. б-рь, чл. Уч. совета ПБ. По совместит. работала ст. б-рем в ЛО Ком. акад. После выделения систематизации и предметизации в самостоят. отд. стала зам. зав. этим отд. С 1930 руководила работа-

ми по предметизации в Ассоц. экон. б-к при ПБ. С нач. Великой Отеч. войны продолжала работать в Б-ке. Вместе со всеми блокадной зимой 1941—42 она обеспечивала обслуживание читателей, работу Б-ки. После смерти сестры Н. вместе с мужем, проф. ЛГПИ, эвакуировалась в кон. марта 1942 в Кисловодск. Вскоре умер ее муж, и она осталась одна с его престарелой сестрой-инвалидом. Летом 1942 мобилизована на уборочную кампанию в совхоз близ Ставрополя. Первые месяцы оккупации края немцами Н. жила продажей вещей, а затем была вынуждена поступить медсестрой в госпиталь, где работала ок. мес. После освобождения работала б-рем и счетоводом в школе № 16 Кисловодска. Весной 1943 вместе с Ин-том водного транспорта переехала в Горький и была направлена преп. библиотеч. техникума в г. Бор Горьков. обл. В окт. 1943 по вызову вернулась в ПБ в Отд. систематизации и предметизации и с 15 окт. зачислена гл. б-рем. В течение 1945 и. о. зав. отд., в 1946 — зам. зав. отд. В этой должности она была утверждена решением Аттестац. комис. в 1946. В 1951 Аттестац. комис., основываясь на факте работы Н. на врем. оккупиров. территории в госпитале, сочла нецелесообразным ее оставление на работе в ПБ. Приказом от 19 марта 1951 Н. была уволена по собств. желанию. Поступив в ПБ с небольшим опытом библиотеч. работы, в т. ч. и по предм. каталогу, Н., благодаря своей исключит. трудоспособности, инициативе, желанию в совершенстве владеть своей профессией, выросла в видного специалиста в обл. методики предметизации, орг-ции, ведения и ред. предм. каталога. Все годы работы в ПБ, заведывая группой предметизации, она трудилась в этой обл. Авт. ряда метод. пособий по предметизации и предм. каталогу, преподавала предм. каталог на ВКБ ПБ и на разл. библиотеч. курсах. Предм. каталог ПБ, организов. ею, стал важной сост. частью справ. аппарата Б-ки, практической базой для разработки вопросов методики предметизации. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945». Имя Н. занесено в «Книгу Почета» ПБ. После увольнения из ПБ Н. работала в б-ке Воен.-Мед. акад., руководя группой по ведению и ред. алф. и предм. каталогов. В марте 1967 перешла на пенсию.

Лит.: История ПБ; Хроника войны; Дневники и восп.; ИБ ГПБ. 1958. № 1 (32).

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 4, оп. 2, 1930, д. 4.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

В.Л. Парийский

НЕЙМОТИНА (НЕМОЙТИНА) Саломея Абрамовна

(6.05.1918, Петроград — 23.07.2014), в ПБ 1936—76

Из служащих. Образование среднее. Окончила одногодич. библиотечные курсы при ПБ. 26 апр. 1936 зачислена в ПБ библиотечным техником ОЧЗ. 26 мая 1938 переведена на должность помощника, с 1 марта 1939 — библиотекаря 2-го разряда. С 1938 и до ухода на пенсию — сотрудник Русского книжного фонда (отметчик читательских требований по каталогам, «снимающая», «пропускающая», хранитель). В июле 1941 по рекомендации комитета ВЛКСМ включена в группу сопровождения эвакуируемых из Ленинграда книг и рукописей. По прибытии эшелона в Мелекес участвовала во всех работах, связанных с обеспечением сохранности книг и рукописей (подготовка помещений к зиме, заготовка дров, разбор и проверка содержимого ящиков с книгами и рукописями, поддержание их физической сохранности). Привлекалась также к организации выставок, работала в госпитале (уход за ранеными, чтение вслух книг и др.). Осенью 1941 строила оборонительное сооружение на Волге. Жившие в Мелекесе сотрудники ПБ в воспоминаниях и дневниках (Т. А. Быкова (см. т. 2), М. А. Садова, Ц. А. Озерова, В. И. Гранский) отмечали ее заслуги в устройстве быта, в оказании помощи одиноким и пожилым сотрудникам ПБ, их се-

мьям. Трудилась на заготовке дров, на огородах, ей доверяли получение и распределение хлеба и др. продуктов питания.

Как сотр. Рус. фонда Н. отличало прекрасное знание каталогов, кн. фондов, рус. кн. вообще, системы их расстановки, учета и документации. Уволилась из Б-ки 31 окт. 1976 в связи с переходом на пенсию.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», Почет. грамотой М-ва культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры.

Лит.: История ПБ; Дневники и восп.; Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; ОР РНБ. Ф. 1284, д. 634; Ф. 666, оп. 2, д. 19—21.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Ц.И. Грин

НИКОЛЬСКИЙ Николай Петрович

(дек. 1909, Петербург — 29.01.1942, Ленинград),
этнограф, в ПБ 1932—40, 1941—42

Отец — актер драм. театра Нар. Дома, мать — служашая. Рано лишился отца. В 1927 окончил 4-ю сов. школу (№ 181) Ленинграда. Необходимость заработка лишила Н. возможности продолжить свое образование.

В 1926-27 служил техн. секр. в Петрогр. райсовете Союза воинствующих безбожников (СВБ), в 1927-28 — секр. в кабинете партработы райкома партии, в 1928-29 — зав. район. кабинетом комсомол. работы. В 1930 нек-рое время зав.

кабинетом парт. и профсоюз. работы при Метал. з-де, откуда в окт. 1930 переведен в обл. совет СВБ на должность зав. агит.-проп. отд. По совместит. заведовал обл. Домом безбожников. В 1929—34 избирался чл. президиума обл. совета СВБ.

Службу совмещал с учебой. В 1930 поступил на антирелиг. отд-ние ЛИЛИ; окончив 2 курса, ушел из ин-та. Сдал экзамены в общегор. квалификац. комис. по приему в аспирантуру учреждений Наркомпроса и был зачислен аспирантом Гос. Антирелиг. музея.

С 16 апр. 1932 принят в ПБ гл. б-рем, а с 19 авг. назначен зав. I (Антирелиг.) отд-нием. В 1933 перешел в аспирантуру Ин-та народов Севера, где вел иссл. по этнографии хантов (остяков) под руководством В. Г. Богораза, аспирантуру окончил в 1937. В 1935 по лич. просьбе был освобожден от зав. отд-нием с оставлением в должности гл. б-ря. Это было связано с его иссл. работой: в 1935—36 в течение 9 мес. работал в экспедиции на сев. Сибири, где непосредственно в среде мест. населения в низовьях Оби изучал религ. верования хантов. В 1935 Уч. советом ПБ представлен к присвоению звания ст. науч. сотр.

После 1936 Н. вновь заведовал I отд-нием. Под его руководством в отд-нии осуществлен большой объем многосторон. деятельности: произведено перемещение фондов в новое помещение (б. Владимир. собор), фонд заново организован и упорядочен, составлены его инвентари, составлен алф. каталог, проведена сверка с осн. фондами Б-ки. Начато было сост. сист. каталога. Н. непосредственно участвовал в разраб. его схем. Организовал библиогр. работу отд-ния, редактировал аннот. списки новейшей антирелиг. лит., систематически помешавшиеся в журн. «Антирелигиозник», принимал участие в работе Дома Плеханова по подгот. сб. неопубл. ст. Г. В. Плеханова о религии, организовал несколько больших кн. выст., был чл. эксперт.-закупоч. комис. Б-ки. Отд-ние выполняло библиогр. работы для др. учреждений. Так, составлялся библиогр. указ. по ламаизму для Бурят-Монгольского ин-та культуры и др. Н. стремился переименовать Антирелиг. отд-ние в Отд-ние истории религии, однако в этих попытках не получил поддержки администрации Б-ки; на практике постепенно превращал его в отраслевое отд-ние по истории религии.

После окончания сов.-финлянд. войны выезжал на о. Валаам и в др. местности для поисков рукоп., а в апр. 1940 в составе бригады ПБ (С. А. Рейсер и др.) направлен в Выборг (Виппури) для подгот. к открытию Гор. Публ. б-ки. Был назначен дир.

этой б-ки и с 16 июня 1940 освобожден от занимаемой в ПБ должности. Провел большую работу по налаживанию деятельности Выборг. б-ки, пополнению ее отеч. лит., орг-ции библиогр. работы и т. п. Б-ке был присвоен титул гос. респ. б-ки. Н. был избран депутатом гор. совета. В ходе Великой Отеч. войны, после занятия фин. войсками Выборга, представитель фин. властей В. Аппельквист писал, что «врагу — коллеге товарищу Никольскому следует отдать должное как директору библиотеки», «человеку энергичному», сохранившему, вопреки представлению финнов, лит. на фин. яз. и обеспечившему разностороннюю деятельность Б-ки.

После оставления Выборга сов. войсками Н. возвратился в Ленинград и 2 окт. 1941 зачислен и. о. зав. IV фил. ПБ. В кон. мес. зачислен в истребит. батальон Куйбышев. р-на. Продолжал работать в Б-ке. В обессиленном от голода состоянии был привезен на санках в Б-ку для помещения в стационар, но не дожив до этого несколько часов, скончался.

Справ.: Весь Ленинград, 1932—35.

Лит.: Аппельквист В. Выборгская городская библиотека под властью большевиков // Нар. просвещение и б-ка. 1943. № 5 (на фин. яз.).

Дневники и восп.; Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Ф. 10/4—77; Ф. 4, оп. 2, 1931, д. 1; 1933, д. 5; Ф. 12, Т—240, 674.

Л.А. Шилов

ОВЧАРЕНКО (ЗЛАТКИНА) Хана Майримовна (род. 13.07.1919, Борисов Минской губ.), в ПБ 1938—46

Из рабочих. Училась в школе в Витебске (1928—30), с 1930 в Ленинграде во 2-й сред. шк. Василеостр. р-на, к-рую окончила в 1937. С янв. 1938 О. начала свой труд. путь по договору, затем — на врем. работе пом. б-ря в газетном зале ПБ, вскоре переведена на МБА, где с 16 окт. 1938 — б-рь 2-го р. В 1939 участвовала во Всесоюз. переписи населения в кач-ве счетчи-ка, во время войны с Финляндией была направлена в госпиталь для работы с ранеными в палату ослепших. С нач. Вели-

кой Отеч. войны была в штабе МПВО, затем — в бригаде по подгот. фондов для эвакуации в Мелекесс, куда и была командирована для их сопровождения к-том ВЛКСМ. В Мелекессе в кон. окт. 1941 мобилизована в числе четырех сотр. отделения на рытье окопов за Волгу. По просьбе дирекции ПБ О. одной из первых вернулась из Мелекесса в Ленинград и 1 июня 1944 приступила к работе в рус. отделе; вскоре была избрана секр. к-та ВЛКСМ Б-ки. С 1 июля 1944 — б-рь 1-го р.

10 окт. 1946 уволилась из Б-ки в связи с направлением мужа-военнослужащего на учебу в Москву. Затем вместе с мужем жила во многих гарнизонах страны. Два года (1953—55) была начальником б-ки гарнизон. Дома офицеров Ленинского р-на Риги.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945». В наст. время живет в Москве. Ее сын — В. И. Овчаренко, изв. специалист по психоанализу.

Лит.: Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1938, 1943).

С.А. Крючковский

ОЗЕРОВА Циля Абрамовна

(25.05.1909, Петербург), библиотековед, в ПБ 1929—1968

Из мешан. Отец — ремесленник-кожевник. По окончании сред. школы (1927) работала практикантом в б-ке Облпрофсовета (Дворец труда). В 1928 зачислена на ВКБ ПБ, еще до окончания курсов направлена на работу в ПБ (1929) науч.-техн. сотр. В 1930 по ходатайству комсомол. орг-ции переведена на должность пом. б-ря, вскоре б-ря 2-го р. Работала на выдаче кн. в общем чит. зале. Окончила ВКБ ПБ в 1930. В 1931

назначена и. о. зав. II филиалом ПБ, с орг-цией IV филиала (техн. б-ки Василеостров. Дворца культуры им. С. М. Кирова) стала гл. б-рем, зам. зав. этим фил. В февр. 1935 О. переведена на должность зам. зав. Сектором обработки. Участвовала в сост. «Плана реконструкции каталогов» (1936), предусматривавшего создание в ПБ общих ген. служеб. каталогов, проведение каталогизации рус. кн. и периодики, ускорение обработки новых поступлений, сост. инструкции по библиогр. описанию разл. видов печат. продукции. Ученица Б. Р. Зельцле, О. внесла замет. вклад в реализацию «плана реконструкции каталогов ПБ», в развитие теории и методики каталогизации. Возглавляя с мая 1940 Отд. каталогизации, она обнаружила большие организатор. способности, умение творчески подходить к решению науч.-метод. вопросов библиогр. обработки произв. печати и создания системного их отражения в каталогах. Под началом Б. Р. Зельцле, а затем — самостоятельно, создавала авт. бригады по сост. каталогизац. инструкций, а также положений о системе каталогов и картотек ПБ. О. участвовала в создании первой в СССР инструкции по групповой обработке произв. печати (1938), а также инструкции по орг-ции алф. каталога (1939). Под ее руководством готовились перераб. и доп. изд. этих науч.-метод. материалов (1940—41), но выход в свет был задержан начавшейся войной. По инициативе О. в отд. с сер. 30-х регулярно проводились «редакторские совещания», орган кол. обсуждения и выбора рацион. методов книгоописания и орг-ции каталогов. В числе первых сотр. ПБ О. в 1935 была рекомендована и зачислена в аспирантуру Б-ки, но не утверждена Наркомпросом из-за отсутствия высшего образования. Тогда же О. поступила на заоч. отд-ние МГБИ, окончанию курса помешала война. С 1937 О. вела на ВКБ ПБ курс

«Книгоописание и организация алфавитного каталога», преподавала на курсах и в послевоен. годы, читала лекции на курсах повышения квалификации б-рей ПБ и города. В 1937—41 ПБ по предложению О. поставила вопрос перед Наркомпросом, ГБЛ, ВКП об ускорении создания репертуара рус. кн. и улучшении орг-ции кол. работы над проектом. С 1939 О.— пост. чл. Межбибл. каталогизац. комис. (МКК). ПБ закрепила за собой приоритет в разработке правил библиогр. описания период. изд. в библ. каталогах. О. редактировала «Инструкцию по каталогизации периодических изданий». В годы Великой Отеч. войны О. вместе с В. И. Гранским сыграла большую роль в спасении и сохранении наиб. ценной части рукоп. и кн. фондов ПБ, эвакуиров. в Мелекесс. Секр. парт. орг-ции, ответств. хранитель, зам. дир., с июля 1944 — дир. Мелекесского отд-ния, она принимала меры к обеспечению безопасности груза в пути, получению надлежащих помещений в городе для размещения ящиков с кн. и рукоп., для создания условий противопожар. безопасности. С ее участием решались проблемы размещения эвакуиров. сотр. и чл. их семей, бытовое устройство. Совм. с коллективом сотр. О. наметила программу деятельности Мелекесского отд-ния и способствовала ее осуществлению (сохранность фондов, лекцион. и выст. работа, науч. описание кн. и рукоп. коллекций, выполнение библиогр. запросов). Мать малолетних детей, она не считала возможным освобождать себя от участия в заготовке дров, разделявала вручную лесные делянки, корчевала деревья, перетаскивала их к дороге, грузила транспорт. Активным было ее содействие развитию огородничества. Под ее руководством проведена подгот. фондов к погрузке в эшелон, их погрузка и обеспечение сохранности в пути и благополучное возвращение в Ленинград осенью 1945. Деятельность О. в Мелекессе отмечена благодарностью К-та культпросветучреждений при Совете Министров РСФСР. С 1 нояб. 1945 заведовала Отд. каталогизации, руководила восстановлением каталогизац. работ. Важнейшей задачей стала рекаталогизация рус. кн., распространение рекаталогизации на иностр. фонды (с 1945). Впервые начата ред. ген. алф. каталога. Возобновилось членство О. в МКК. При ее участии как сост. и ред. уточнены и перераб. инструкции по описанию произв. печати

(периодика, групповая обработка), возобновлена деятельность «редакторских совещаний». Наступившие в 1945—50 перемены («Ленинградское дело», борьба с космополитизмом) отразились на судьбе О. В февр. 1949 ей объявлен строгий выговор за продолжение практики «сплошного описания книг в порядке алфавита, независимо от их ценности и содержания». В мае 1951 в процессе подгот. к аттестации дирекция дважды меняла характеристику О., то утверждая, что она заслуживает оставления на должности зав. отд., ибо «перестроила работу и активно исправляет ошибки», то заявляя в окончат. варианте док-та, что О., допустившая «грубейшие политические ошибки», «не имея высшего образования и достаточных навыков научной работы, не может обеспечить руководство Отделом и подлежит освобождению от должности». Решением Аттестац. комис. в мае 1951 О. переведена в ОФО на должность гл. б-ря с обязательством окончить Библ. ин-т. После сдачи в 1953 гос. экзаменов в ЛГБИ О. нек-рое время работала в Отд. библиотековедения. С янв. 1954 — зам. зав. Отд. каталогизации. Продолжала участвовать в разработке инструкции «Единые правила описания произведений печати для библиотечных каталогов», выступая в кач-ве их авт. и ред. О. входила в состав редкол. изд. «Опыт работы» ПБ, принимала участие как авт. и ред. в изд. вып., посв. работе Отд. каталогизации. Под ред. О. вышла в свет брошюра, обобщившая опыт ПБ по редактированию алф. каталога (1956), справочник о каталогах и картотеках ПБ (1958). В 1958 О. участвовала в дискуссии об орг-ции осн. кн. фонда, отстаивая сист. расстановку кн. В апр. 1958 она переведена в Отд. библиотековедения в должности гл. б-ря «для ведения научно-методической работы по вопросам описания произведений печати и организации алфавитных каталогов». О. поручалось руководство группой, занятой сост. картотеки по истории библ. дела в дорев. России. Участвовала в метод. работе: в журн. «Библиотекарь» опубликовала ст. о метод. помощи ПБ библиотекам Сев.-Зап. зоны, вместе с М. В. Машковой обследовала обслуживание библ. кн. населения Мордов. АССР (1962). Под ред. О. продолжал выходить в свет ряд испр. и доп. изд. инструктив.-метод. материалов Отд. обработки и систематизации. Награждена Почет. грамотой Верхов. Совета РСФСР,

значком М-ва культуры СССР «За отличную работу», ее имя занесено в «Книгу Почета» ПБ. Перешла на пенсию в 1964, но продолжала привлекаться к врем. работе в Отд. библиотекведения (1964—68). С 1989 живет в Израиле.

Ред.: Инструкция по каталогизации периодических изданий. / Сост. А. А. Королева, А. А. Францкевич. 3-е изд., перераб. и доп. Л., 1949; Список условных сокращений, применяемых при библиографическом описании произведений печати. Л., 1949; Единые правила описания произведений печати для библиотечных каталогов. Ч. 2. Описание периодических изданий / Сост. Н. Н. Мустафина, А. А. Францкевич. Л., 1954 (2-е изд., испр. и доп. / Подгот. Н. Ф. Андреева и др. 1966); Библиографическая редакция алфавитного каталога / Сост. Е. А. Павлович, М. М. Арван // ОпРб. 1956. Вып. 12; Арван М. М., Гурская Н. Н. Как пользоваться алфавитным каталогом книг читальных залов: Памятка читателю. Л., 1957 (2-е изд., испр. и доп. 1961); Михайлова М. Г., Месеняшин И. А. Каталоги и картотеки Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Справ. Л., 1958.

Лит.: Дружинин В. В библиотеке // Ленингр. правда. 1934. 26 окт.; Сахаров В. Ф. Библиотека Василеостровского Дома культуры им. С. М. Кирова // В помощь библиотеке: Сб. материалов по работе с техн. кн. Л., 1934. Вып. 2; Коноплева Н. С. Междубиблотеchnая каталогизационная комиссия // Библиотечное дело в СССР: Сб. статей. М., 1957; Горбачевская Н. Ф., Новикова Е. А. Развитие каталогизации в СССР // Там же; Юбиляры — питомцы ЛГБИ // За кадры сов. культуры. Л., 1964. 4 янв.; Вклад ленинградских библиотек в развитие теории каталогизации // Тр. / ЛГИК. 1968. Т. 19; Карпова Н. И. Работа библиотек Ленинграда с технической книгой в помощь самообразованию читателей в 20—30-е годы: Учеб. пособие. Л., 1975; Вклад ленинградских библиотек в деятельность межведомственной каталогизационной комиссии: (К 60-летию МКК) // Каталогизация и научная систематизация литературы. М., 1984; Аргутинская Н. К., Михеева Г. В. История теории и методики библиографического описания: Вклад ГПБ // Актуальные вопросы теории и методики каталогизации. Л., 1986. История ПБ; Хроника войны; Дневники и восп.; ПБ в печати. 1987—88.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Пр. и расп. 1929—64; Ф. 12, т-166, т-585, т-1144, т-1279, т-1403.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Ц.И. Грин

ОЛАВСКАЯ Лидия Иосифовна

(5.04.1889, Орел - 16.05.1975, Ленинград), историк-медиевист, библиотеквед, библиограф, в ПБ 1917-35, 1945-50

Из дворян. Отец - инж.-технолог. В последние годы жизни - товарищ министра финансов, зав. упр. неокладных сборов.

Окончила с зол. медалью гимназию кн. Оболенской в Петербурге (1906). Специализировалась по истории на ист.-филол. отд-нии Высших жен. курсов (1906-12). Оставлена на Курсах для подгот. к преп. деятельности у проф. И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рожественской на каф. всеобщей истории (1912-о 15). Совершила экскурсию по Италии с И. М. Гревсом и другими участниками дантовского семинария (май - июль 1912). Член Ист. о-ва при Петерб. ун-те (1912). Под руководством О. А. Добиаш-Рожественской занималась описанием лат. рукописей ПБ и подгот. их к публ. (1915). Преподавала в гимназии и реальном училище историю (1912-17).

В сент. 1917 О. принята на службу в ПБ вольно-тр-ся в Отд-ние истории. В штат О. зачислена в нач. 1918. С ее именем связано становление и развитие в ПБ справ.-библиогр. службы как самостоят, направления деятельности. Не оставляя вплоть до 1924 службы в Ист. отд-нии, О. помогла наладить работу созданного в 1918 Справ, бюро (с 1923 - Справ.-библиогр. бюро). Ее назначают как обладающую практ. опытом и знанием

библиогр. мл. пом. зав. Справ, бюро. Под руководством А.И. Браудо и В. Э. Банка О. осуществляла оперативную работу, а к кон. 1920-х стала ведущим сотр., влиявшим на программу и стратегию развития справ.-библиогр. деятельности ПБ. О. выступила в 1924 на Первой конференции науч. б-к РСФСР с докл. о сущности и особенностях орг-ции справ, работы в науч. б-ках. Пропагандировала свои взгляды в печати и на семинарах б-рей. Разработала и читала курс лекций на Высших курсах библиотековедения (1920-30-е).

По инициативе О. создан Кабинет новой иностр. лит. (КИЛ), облегчивший доступ читателей к новым приобретениям ПБ (1922). В 1922-30 О. руководила КИЛ, организовала свободный доступ к справ, и библиогр. пособиям. При участии О. и под ее началом вышли в свет в 1924-28 первые сводные каталоги иностр. кн. и период, изд., поступивших в б-ки Ленинграда в послерево. гг.

С реорг-цией в 1930 структуры ПБ О. возглавила созд. на основе Справ.-библиогр. бюро Консульт.-библиогр. сектор (позднее преобразован в Отд.) (1930-35). Под ее руководством осуществляется переход к отраслевому справ.-библиогр. обслуживанию читателей, в кач-ве приоритета выбирается обслуживание пром-сти, гос. и науч. учреждений, обществ, орг-ций, внедряются новые формы оказания библиогр. помощи (долгосрочные договоры, платные услуги, использование консультантов-специалистов). По инициативе О. в составе Консульт.-библиогр. отд. была организована Центр, справ, б-ка (ЦСБ), начата работа по созданию серии указ. «Библиография русской библиографии» (1933). О. участвовала в сост. библиогр. по истории фабрик и заводов (1933).

В апр. 1935 О. выслали из Ленинграда в адм. порядке (без предъявления обвинения) сроком на 5 лет. Ссылку отбывала в г. Чкалове (Оренбург), работала там калькулятором, преподавала иностр. яз. в школе. В сент. 1940 О. получила разрешение вернуться в Ленинград. Но нач. Великой Отеч. войны застало ее в пути, и она вынуждена была вернуться в Чкалов, восстановилась на работе в школе. В 1941-45 - учительница, завуч сред, школы, руководитель метод, секции преп. иностр. яз. при горно. По вызову ПБ переехала в г. Мелекес

и вместе с фондами возвратилась в Ленинград (осень 1945). О. руководила группой и сектором иностр. комплектования, вела семинары по библиографии и проблемам комплектования. С сент. 1948 О.- зам. зав. Отд. комплектования. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне». При учреждении в ПБ «Книги почета» в 1947 имя О. занесено в «Книгу» как старейшей сотр. Б-ки, видного библиотековеда и библиографа. В июне 1950 О. уволена из ПБ якобы за «несвоевременное возвращение из отпуска». Она поступила в Фундамент, б-ку Мед. педиатрич. ин-та, к-рой заведовала с июля 1951 по авг. 1970.

Прекрасный знаток иностр. яз., О. занималась также пер. Ей принадлежит один из лучших пер. романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо» (1-е изд.-» 1931, последнее - 1992).

Похоронена на Южном кладб. в Петербурге.

Лит.: Лучшие ударники Ленинградской Публичной библиотеки //Крас. б-рь. 1934. № 12; Хотяков (2); Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1992.

ПБ в печати. 1987; История ПБ. С. 178-79, 214, 251-60.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1. Л. д.; ПФА РАН. Ф. 726, оп. 1, д. 188; Арх. Мед. педиатрич. ин-та. Л. д.

Иконогр.: Арх. РНБ. Указ. ед. хр.; Ф. 13, п/О - 432; Крас. б-рь. 1934. № 12; Анциферов Н. П, Из дум...

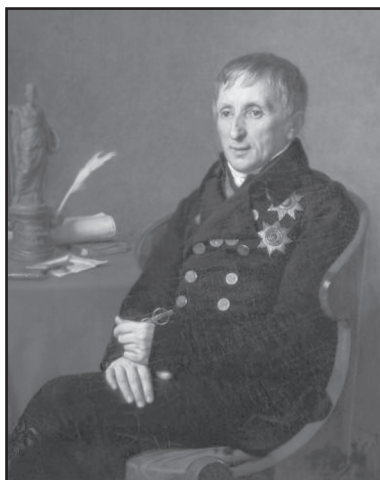
Ц.И. Грин

ОЛЕНИН Алексей Николаевич

(21.11.1763, Москва - 17.04.1843, Петербург), археолог, историк, палеограф, художник, в ПБ 1808-43, пом. дир. ПБ - в 1808-11, дир. ПБ - в 1811-43

Из старинного дворянского рода. Первонач. образование получил дома. В 1774 по протекции родственницы кн. Е. Р. Дашковой записан в Пажеский корпус в Петербурге. В 1780 отправлен в Дрезденскую арт. школу. В 1785 вернулся на родину, где в сент. этого же года был назначен квартирмейстером, в мае 1786 - капитаном артиллерии. В совершенстве владел фр. и нем. яз., знал ит., исп., лат., греч., араб., евр. и славян, яз.

Благодаря работе над слов, старинных воен. речений с объяснениями к ним, в 1786 избран чл. Рос. АН. 5 дек. уволился из воен. службы. С янв. 1789 вновь в армии: был подполк. в Псковском драгунском полку, где создал первую в России конную арт. роту. Участвовал в швед, войне 1789-90, в войне с Польшей. В марте 1795 произведен в полк. с увольнением от службы. В апр. 1795 поступил в контору по покупке металлов при Гос. банке. В авг. 1796 назначен советником Гос. банка.

Приобрел репутацию опытного и энергичного администратора. В янв. 1799 назначен управляющим Монетным двором. В дек. 1799 стал обер-прокурором 3-го деп. Сената. В июне 1800 на Оленина возложено упр. «юнкерскою школою» при Сенате. В апр. 1801 - экспедитор канц. Гос. совета и статс-секр. С сент. 1802 работал вместе с М. М. Сперанским над образованием Канц. министра внутр. дел. С февр. 1803 - товарищ министра уделов с оставлением во всех прочих должностях.

В 1806 появился первый печатный тр. «Письмо к гр. А.И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на о. Тамани в 1792 г.», к-рый принес ему уч. известность. Расшифровка надписи на тмутараканском камне положила начало рус. палеографии. Впоследствии написал целый ряд ст. и брошюр, поев, археол. изысканиям. В это же время сравнительно много занимался искусством: нарисовал 92 виньетки к стихотворениям Г. Р. Державина, вошедшие в 1861 в акад. изд. соч. поэта. Награвировал рисунки для 2-го изд. басен И. И. Хемницера. Имел лит. салон, в к-ром бывали почти все совр. ему писатели, поэты, артисты, художники, музыканты, ученые, будущие декабристы. Посещал салон и А. С. Пушкин. Особым вниманием в салоне пользовались К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич и И. А. Крылов. 1 сент. 1804 по предложению гр. А. С. Строганова был избран почет, чл.

Акад. художеств «за отличную привязанность к изящным искусствам и знания, сопровождающие оную».

В дек. 1806 вновь ненадолго вернулся на воен. службу: был назначен правителем канц. главнокомандующего земским войском первой обл. гр. Н. А. Татишева. С марта 1807 исправлял должность деж. ген. 10 апр. 1808, за роспуском милиции, был уволен от этой должности с правом носить милицейский мундир.

По просьбе гл. дир. имп. б-к Строганова с 27 апр. 1808 О, назначен его «товарищем» - пом. по упр. ПБ с «оставлением в прочих должностях». До этого назначения он уже был знаком с Б-кой: еще 11 дек. 1800 ему был разрешен доступ в Б-ку для пользования кн., касающимися польск. узаконений, в 1804-05 - ознакомиться с собр. П. П. Дубровского, участвовал в переговорах о покупке собр. и об определении условий службы Дубровского в Б-ке. Обязанности и права товарища гл. дир. определены не были, но фактически Оленин являлся распорядителем: непосредственно руководил всеми работами, расходом сумм, присмотром за служащими. В 1809 по его указанию был произведен подсчет фонда. Всего оказалось 262 640 кн., 12 000 рукописей, 24 574 эстампа и только четыре кн. на рус. яз. Первой задачей было определение правового и финансового положения Б-ки. На основе подготовл. Олениным «Доклада о новом образовании Публичной библиотеки», М. М. Сперанский составил «Положение об управлении имп. Публичной библиотекой», утвержд. 14 окт, 1810 Александром I. Этот док-т закрепил осн. вопросы упр., штатов, должностные обязанности, финансы. Б-ка передавалась в ведомство М-ва нар. просвещения. С 1811 стал поступать бесплатно т.н. ОЭ: два комплекта всех произв. печати, выходявших в пределах России.

В 1811 после смерти Строганова должность гл. дир. имп. б-к была упразднена, и 13 окт. 1811 Оленин был назначен дир. ПБ.

Разработ. Олениным первый устав Б-ки был утвержден в 1812 под назв. «Начертания подробных правил для управления имп. Публичную Библиотекою». Правилами определен штат Б-ки (7 б-рей, 7 пом., хранитель рукописей и его пом., 2 писца и 13 сторожей), введен ин-т почет, б-рей, безвозмездно выполнявших те или иные поручения, сформулированы квалифи-кац.

требования, должностные права и обязанности всех категорий библиотечных работников, режим работы Библиотеки, правила для читателей и т. д. Оленин разработал официальные форму одежды для служащих. Ввел суточные дежурства служащих по очереди. Для управленческой частью создал каталог из трех библиотек. В 1831 добился увеличения окладов служащим.

Одну из главных задач Библиотеки Оленин видел в собирании по возможности полного репертуара русских и церковно-славянских книг от начала книгопечатания. Покупались коллекции и собрания у частных лиц (П. К. Фролова, Ф.А.Толстого, А. Ф. Смирдина и др.). В Русской библиотеке к 1843 насчитывалось уже около 30 тысяч томов. В 1820 по количеству единиц хранения Библиотека стояла на четвертом месте среди крупнейших европейских библиотек. По «величайшему повелению» приобретены Библиотекой С. К. Вязмитинова, Д. И. Лобанова-Ростовского, А. Я. Итальянского, П. К. Сухтелена и др. В 1830-40-е устанавливаются книги связи с зарубежными организациями и отдельными лицами. К январю 1843 в фондах насчитывалось 410981 том и 17284 рукописи.

Для приведения книг фонда в порядок Оленин издал первое русское руководство «Опыт нового библиографического порядка для Санкт-Петербургской императорской библиотеки». Была принята система языково-форматно-алфавитной расстановки книг, что давало возможность без каталогов находить книги на полках. С конца 1818 стали создаваться систематические каталоги по каждому языку в отдельности в форме книг. Для единообразия описания в 1819 изданы «Правила для составления каталогов императорской Публичной библиотеки по азбучному порядку». Первые 12 рукописей томов были подготовлены к концу 1819. К 1843 переписано 33 тома каталогов. Не имея шифра и алфавитного указателя, написанные каталоги были почти бесполезны. В 1830 за счет государственного казначейства были застрахованы все строения Библиотеки и фонд русских книг.

2 января 1812 Александр I посетил Библиотеку и дал разрешение на ее открытие. Помешала начавшаяся война с Наполеоном и эвакуация 150 тысяч томов (сентябрь-декабрь 1812). Торжество открытия Библиотеки состоялось 2 января 1814. В первый год работы Библиотеки записалось 329 читателей, к которым выдано 1341 книга. В 1815-17 2 января устраивались торжества, годовые акты. Для читателей Библиотека была открыта по средам, четвергам и пятницам с 10 часов утра до 9 часов вечера летом, зимой до захода солнца. По вторникам Библиотека была откры-

та для осмотра. В окт. 1835 по распоряжению Оленина проведена ген. проверка «благонадежности» фондов Б-ки, когда все кн. всех отд-ний были сверены с ценз, списками и обнаруж. запрещ. изд. переданы в Секретное отд-ние. Считая гл. задачей Б-ки - служение «ученым и литературным занятиям», Оленин запретил выдачу полит, газ., а романы и повести, «как развращающие нравы», выдавались только с его разрешения. Библиогр. обслуживание было в зачаточном состоянии - осуществлялась помощь читателю в поисках лит., ее рекомендация. Б-ка снабжала журн. «Сын отечества» известиями о вышедших кн.

До 1842 в читальном зале поочередно дежурили все б-ри. По просьбе б-рей с этого года Оленин освободил их от дежурств, что сказалоь отрицательно на кач-ве обслуживания.

Выдача кн. вне Б-ки происходила в редких случаях, только с разрешения министра нар. просвещения. Из-за ремонтов, пристройки нового здания и т. п. в 1820-35 двери Б-ки были открыты в общей сложности менее 9 лет. Всего с открытия Б-ки и по 1 янв. 1843, т. е. почти до смерти Оленина, билетов было выдано 15738, а кн. в читальный зал 92693 ед.

С 1830 по 1833 по проекту К. Росси архитектором А.Ф. Шедриным осуществлено стр-во нового корпуса.

В период службы в Б-ке Оленин продолжал получать назначения на разл. гос. посты. Он был чл. Гос. совета, Гос. секр., чл. Гл. упр. цензуры, Комис. по постройке Исаакиевского собора, К-та сооружения Триумфальных ворот. Был дир. Акад. художеств, ее президентом (с 1817), состоял чл. разных лит. и науч. о-в, был почет. чл. АН. Награжден орденами: командорским крестом ордена Иоанна Иерусалимского, Владимира 1-й степени, Анны 1-й и 2-й степени и зол. медалью на владимирской ленте. Имел чин д. т. сов. Похоронен на Тихвинском кладб. Александро-Невской лавры в Петербурге.

Справ.: БСЭ; Брокгауз; Геннади; Геннади. Сло-варь; Книговедение; Кондаков; Межов. История; РБС; Славяноведение.

Лит.: Имп. Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства народного просвещения: (Крат, очерк ее прошедшего и настоящего). СПб., 1863; Стояновский Н. И. Алексей Николаевич Оленин, 1763-1843 //РС. 1875. Т. 14, № 10; Его же. Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина //Оле-

нин А. Н. Археологические труды. СПб., 1881. Т. 2; Иконников; Кубасов И. А. Алексей Николаевич Оленин (1763-1843). СПб., 1904; Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: Нов. материалы из Оленинского архива //Сб. ОРЯС. 1914. Т. 91, № 1; Grimm W., von.. Studien zur Geschichte der Kaiserlichen Offentlichen Bibliothek in St. Petersburg (Leningrad). Leipzig, 1933; Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828-1829). Париж, 1936; Ефимова (1); Хотяков (1); Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 2. М., 1959; Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л., 1983; Stuart M. Aristocrat-Librarian in Service to the Tsar: Aleksei Nikolaevich Olenin and the Imperial Public Library, New York, 1986; Голубева О. Д. Хранители мудрости. М., 1988; Ее же. Что рассказали автографы. СПб., 1991. 100-летие. С. 23-157.

Некр.: СПбВед. 1843. 21 апр.; МВед. 24 апр.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1802, № 52; ОР РНБ. Ф. 542; ЦГА-ЛИ. Ф. 1124; РГИА. Ф. 7; ОР РГБ. Ф. 211; ОР ИРЛИ. Ф. 644.

Иконогр.: Ровинский; Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905. Т. 1; Морозов А. В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. М., 1913; Книга в России. Ч. 2. Русская книга девятнадцатого века. М., 1925.

О.Д. Голубева

ОРЛОВСКАЯ Мария Эдуардовна

(20.12.1893, Тифлис — 31.01.1942, Ленинград),
библиотековед, в ПБ 1928—42

Из дворян. Отец — присяж. поверенный. В 12 лет осталась круглой сиротой и переехала в Петербург, где воспитывалась у тети — машинистки. Училась в Сиротском ин-те, затем окончила 8-й класс гимназии и поступила сначала в Жен. Политехн. ин-т, а затем перевелась в Жен. Мед. ин-т, откуда в 1918 ушла после 3-го курса из-за материальных трудностей: с 8-го класса ей пришлось давать част. уроки, с дек. 1915 по сент. 1917 — работать в Гор. попечительном к-те. С нояб. 1917 по окт. 1918 О. слу-

жила в Продовольств. управе, в отд. по распределению хлеба. В сент. 1918 была арестована, но через 12 дней выпущена без предъявления обвинения. Библ. деятельность О. началась с 1918. 1 нояб. 1918 она поступила в б-ку ГСПС, где работала до июля 1928, пройдя путь от пом. б-ря (1918—21), затем — б-ря (1921—25), до зам. зав. б-кой (1925—28). В 1919 О. поступила на ВКБ ПБ, к-рые окончила в 1921. Учебу на Курсах совмещала с

инструктор. работой по библ. делу во Втором гор. р-не, затем — по комплектованию обл. б-к. С 1925 преподавала на ВКБ сист. каталог, учет и хранение фондов, обслуживание читателей, а с 1928 по 1932 по совместит. заведовала б-кой НИИ книговедения, где, в частности, составляла сист. каталог и картотеку дезидерат. Чл. О-ва библиотековедения, была секр. и чл. правления, вела в О-ве кружок по вопросам библ. сети (1930). 1 июня 1928 О. стала сотр. ПБ, вначале в кач-ве ст. пом. б-ря. В 1929 — нач. 1930 временно зав. общим чит. залом. С 1 окт. 1930 назначена гл. б-рем. В окт. 1930 в результате реорг-ции структуры ПБ стала зав. Сектором обслуживания. С 11 апр. 1934 — зам. зав. ОФО с возложением на нее руководства всеми видами работ по обслуживанию читателей. Неоднократно на нее возлагалось и. о. зав. сектором (отд.) фондов и обслуживания. В нач. 1936 Наркомпрос присвоил ей уч. звание ст. науч. сотр. В ходатайстве Б-ки о присвоении звания говорилось: «Большой опыт, высокая и разносторонняя библиотечная квалификация и рационализаторские мероприятия привели к значительному улучшению работы по обслуживанию читателя в ГПБ». Деятельность О. в ПБ была разносторонней и многоплановой, но особенно значит. — в орг-ции обслуживания читателей Б-ки. По ее инициативе и под ее руководством была осуществлена орг-ция фонда ОЧЗ и дифференцир. (по специаль-

ностям) обслуживание читателей, а также орг-ция спец. чит. залов для науч. работников. Выделение по ее предложению выдачи учебников и пособий в особый пункт позволило кардинально сократить сроки обслуживания в ОЧЗ. С 1931 О. стала чл. бюро СНР при ПБ, а с 1936 — чл. обл. бюро этой орг-ции. О. была пред. комис. по орг-ции функцион. отд. (1930), состояла чл. ряда внутрибибл. комис. по упрощен. способу обработки кн. (1931), по рассмотрению «Положения об охране книжных фондов ГПБ» (1933), по разработке сист. документации и технол. процесса (1940) и др. В марте 1933 О. вошла в Бюро по рационализации, с 1935 входила в состав Пост. науч. совещания ПБ. В окт. 1933 на О. возложена орг-ция краткосроч. библ. курсов, а в апр. 1934 она включена в состав комис. для выработки программы занятий аспирантов при ПБ. В янв. 1940 преподавала «Учет и хранение фондов, обслуживание читателей» на месячных библ. курсах. С 1934 преподавала библ. дисциплины в Пед. ин-те им. А. И. Герцена, где была доц. вечер. отд-ния. В 1930-е вела занятия по библ. делу на ряде спец. курсов и семинаров. В 1936 командирована от ПБ на теорет. совещание по проблемам библиогр. и библиотековедения. С нач. Великой Отеч. войны О. участвовала в подгот. фондов для эвакуации и перемещении каталогов в менее опасные части здания по разработ. ею плану. Она сдавала ценные вещи в Фонд обороны, состояла в комис. по сбору теплых вещей для Крас. армии. Во время блокады отказалась от полагавшегося ей доп. пайка, т. к. его не получали др. сотр. отдела. После смерти О. от истощения в блокадном Ленинграде ее кн. имущество было приобретено ПБ.

Лит.: Лучшие ударники Ленинградской Публичной библиотеки // Крас. б-рь. 1934. № 12; Тищенко М. Н. Ленинградские библиотекари в Институте книговедения (1920—1933 гг.) // Библиотеки Петербурга—Петрограда—Ленинграда. СПб., 1993. История ПБ; Хроника войны; Дневники и восп.; ПБ в печати. 1987—88; 1996.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/4—76; Пр. и расп. 1917—25, 1928—41; ОР РНБ. Ф. 316, д. 84; Ф. 666, оп. 2, д. 88.

Иконогр.: Крас. б-рь. 1934. № 12.

О.С. Острой

ПЕТРИ Ольга Яковлевна

В Мелекесском отделении сентябрь 1941 — март 1942, бухгалтер, из местных жителей.

ПИГУЛЕВСКАЯ Елизавета Васильевна

(1888, Петербург — 24.01.1958, Ленинград), педагог, в ПБ 1921—57

Отец — священник, потомств. почет. гражданин, после революции служил делопроизводителем в Упр. гос. акад. театров. Окончила 7 кл. Мариинской жен. гимназии (1905), Высший жен. пед. ин-т, словес.-ист. отд-ние (1910), ВКБ ПБ (1931). С 1910 по 1923 работала педагогом и б-рем в гор. учеб. заведениях, преобразов. после революции в труд. школы I и II ступени (198-ю и 59-ю). Преподавала также в школах грамоты для взрослых, в ж.-д. политехникуме и

на красноарм. курсах. 15 июля 1921 поступила в ПБ, имея к этому времени 12 лет работы б-рем. Была зачислена пом. б-ря «с откомандированием для служебных занятий в читальный зал на должность каталогизатора». Несколько лет совмещала работу в ПБ с преп-нием в школе (59-й). С 15 февр. 1930 переведена на должность ст. пом. б-ря, с 1 апр. 1932 — б-рь 2-го р., с 1 марта 1933 — б-рь 1-го р. С 1 марта 1940 — гл. б-рь. 27 дек. 1944 квалифицирована ст. б-рем. С 1 авг. 1957 уволена в связи с переходом на пенсию. За годы работы в ПБ П., занимая разные библиотеч. должности, всегда была тесно связана с обслуживанием читателей. Работала в ОЧЗ, в чит. зале для науч. работников. В 1920-е была одним из осн. работников КИЛ, где вела библиотеч.-библиогр. работу, занималась си-

стематизацией новых иностр. кн. В 1930-х, когда только организовывалось централизованное обслуживание читателей, вела т. н. «общий индикатор», дававший по копиям сведения о всех читател. требованиях. Она с большим тактом и умением разрешала все, стекавшиеся к ней недоразумения, и получила от читателей прозвище «валериановые капли». В 1934—35, 1937—39 и. о. зав. чит. залом. В течение многих лет была ответств. дежурным НЧЗ медицины и техники. «Она была одним из деятельных организаторов специализированного медико-биологического пункта обслуживания читателей. При ее участии был впервые осуществлен удачный опыт объединения справочно-библиографического обслуживания читателей и выдачи литературы в читальных залах». За годы своей работы в ПБ П. подготовила много молодых б-рей. В годы войны она не прерывала своей работы по обслуживанию читателей. Активно участвовала в восстановит. работах первых послевоен. лет. Награждена Почет. грамотой М-ва культуры РСФСР и СССР, медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945». Ее имя занесено в «Книгу Почета» ПБ. В ГПБ также работали ее муж А. А. Алиханян и невестка — Н. В. Пигулевская.

Лит.: ИБ ГПБ. 1957. № 7 (26); Хроника войны.

Некр.: ИБ ГПБ. 1958. № 1 (32).

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1948, 1957); Ф. 10/2; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, д. 127, 179.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1957).

Н.К. Аргутинская

ПОПОВ Федор Яковлевич

(17.06.1879, ст. Конотоп Черниговской губ. — 24.09.1958, Ленинград), в ПБ 1925—58

Из дворян, отец — ж.-д. служащий. Учился в приходском училище, из которого был переведен во 2-ю киев. гимназию. По окончании гимназии в 1898 поступил на юрид. фак. Киев. ун-та. В период учебы в ун-те принимал участие в студ. движении, в сходках, демонстрациях, забастовках; в эти же

годы занимался репетиторством, служил чертежником. Окончил ун-т в 1902, а в 1903 поступил в Киев. политехн. ин-т, откуда был исключен со 2-го курса за участие в антиправительств. выступлениях. В 1907—12 служил в Урал. обл. крест. и переселенч. начальником, в 1913—14 — пом. присяж. поверенного в Конотопе. В 1914 мобилизован в армию как прапорщик запаса, был на Рижском фронте, дважды контужен. После Февр. революции

избран секр. дивизион. к-та, секр. дивизион. суда и представителем для связи с Ревельским ревкомом. Окончил службу в старой армии в чине поручика. С февр. 1918 в Киеве, служил в Укр. экспедиции заготовления гос. бумаг, затем отступал вместе с этим учреждением до Каменец-Подольска, а после перехода Экспедиции в Польшу, остался в Каменце, поступив на службу в мест. совнархоз. В нояб. 1919 призван в Крас. армию, где в мест. военкомате занимался воен.-конским учетом. После освобождения от воен. службы с кон. 1921 занимался репетиторством, с нач. 1923 служил в Подольском губ. продкоме, а затем управделами губисполкома. В авг. 1924 в связи с ликвидацией на Украине губисполкомов работал зав. общим отд. Винниц. окр. исполкома. В 1925 переехал в Ленинград и 10 нояб. поступил в ПБ пом. б-ря Рус. отд-ния; с мая 1929 — б-рь. После реорг-ции в 1930 отд-ний по функцион. принципу переведен в Сектор обработки, где на него был возложен весь комплекс работ по работе с изд. на укр. яз., в связи с чем он иногда именовался зав. отд. лит. УССР, хотя такого отд. в структуре сектора не было. С 1 марта 1935 П. переведен в Рукоп. отд. для сост. каталога славяно-рус. рукоп. и с этого времени до кон. своей службы в ПБ оставался сотр. Рукоп. отд., сначала в кач-ве б-ря, а с 1940 — гл. б-ря, «ученого хранителя» рукоп. 1-го зала (древнерус.

рукоп.). В его функции входило хранение и выдача рукоп., инвентаризация новых поступлений, передача рукоп. в реставрацию и т. д. В результате многолет. труда им была составлена темат. картотека рус. рукоп. кн., ставшая важным справ. в обслуживании читателей. Принимал также участие в разборе и описании арх. ОЛДП, И. И. Ясинского и др. В кон. 1940-х ему наряду с др. сотр. было поручено собирание рукоп. материалов изв. ученых и деятелей культуры города. Гл. кач-вом его работы всегда отмечалось исключительно любовное отношение к сохранности вверенных ему рукоп. собраний, забота о их реставрации. Не случайно поэтому с нач. войны именно ему было поручено руководство работами по подгот. рукоп. фондов к эвакуации, их упаковка и сопровождение в Мелекес. Здесь он стал ответств. хранителем рукоп. фондов, обеспечив пост. наблюдение за их состоянием и сохранностью, а затем и отправку их обратно в Ленинград после окончания войны. П. активно участвовал в обществ. жизни Б-ки. Многократно избирался чл. месткома по культмассовой работе, был долгое время чл. Расценочно-конфликт. комис., чл. товарищеского суда, обществ. представителем Б-ки по культработе в подшефном кавалерийском полку в Петергофе, б. 10 лет работал нар. заседателем в суде Куйбышев. р-на. Участвовал в подгот. указателя Б. Я. Бухштаба «Ломоносов» (Л., 1940). Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945». Имя П. занесено в «Книгу Почета» ПБ.

Лит.: Дневники и восп.; Хроника войны.

Некр.: ИБ ГПБ. 1958. № 8/9 (39/40).

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10 1; Пр. и расп. 1920—55; ОР РНБ. Ф. 1133, д. 5; Ф. 666, оп. 2, д. 98.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Л.А. Шилов

ПОСС Абрам Самуилович (1898 — ?)

В Мелекесском отделении 1943 — 1944, истопник.

ПРОСКУРЯКОВА Екатерина Федоровна

(4.10.1873, Кишинев — 27.08.1942, Мелекесс),
библиотековед, в ПБ 1925—42

Из дворян. Отец, Ф. И. Проскуряков, с 1882 — сенатор. В 1889 окончила с серебряной медалью Литейную жен. гимназию в Петербурге, в 1892 — физ.-мат. отделение Высших пед. жен. курсов. Труд. деятельность начала учительницей в д. Огаревка Богородецкого у. Тульской губ., некоторое время преподавала в Смоленских классах для рабочих в Петербурге. Ввиду болезни горла вынуждена была оставить пед. работу. В 1899 привлека-

лась к ответственности за хранение и распространение нелег. полит. лит., в 1905 привлекалась к суду за принадлежность к Учительскому союзу, чл. правления которого являлась; амнистирована в связи с открытием I Гос. Думы. С 1896 началась библиотечная деятельность П.: зав. б-кой-читальней Невского о-ва устройства нар. развлечений (до авг. 1905), зав. б-кой жен. гимназии М. Н. Стоюниной (1906—10), зав. б-кой ВЭО (1910—16); одновременно в течение 10 лет занималась разработкой стат. материалов первого в России сплошного обследования нач. нар. образования, предпринятого ВЭО, длит. период сотрудничала с изв. деятелями в обл. нар. образования, составителями справ. по библиотечному делу в России Г. А. Фальборком и В. И. Чарнолуским. И. о. науч. секр. «Ежегодника внешкольного образования». В 1911—16 — ред. и сотр. ежемес. информ.-библиогр. журн. «Вест. нар. образования», вела в нем ряд разд., посв. новым кн. по психологии, педагогике, дет. чтению, библиотечному делу. В 1911 как докладчик участвовала в работе I Всерос. съезда по библиотечному делу, организ. О-вом библиотековедения. С 1908 — чл. О-ва библиотековедения, избиралась в его правле-

ние и Совет. В кач-ве делегата О-ва на общеземск. съезде (1913) выступала с докл. о переписи б-к в России. После революции была чл. Совета О-ва, его секр. и казначеем, неоднократно выступала с докл. на заседаниях О-ва. Разработала курс библиотекведения применительно к задачам земск. библиотеч. дела, вела практ. занятия с сел. б-рями. В 1916 издала руководство по техн. орг-ции школьных б-к. С янв. по окт. 1915 работала в Передовом санитар. отряде им. Рус. техников. С мая 1916 до кон. 1921 — на разл. должностях в Перми и Томске: зав. б-кой, зав. библиотеч. секцией. В сент. 1917 участвовала в Гос. совещании по внешкольному образованию, созв. Врем. пр-вом. В 1918—20 — библиотеч. инструктор в Отд. нар. образования в Перми и Томске. В 1920 стала канд. в чл. партии, но в 1921 выбыла как «не прошедшая чистку». С янв. 1922 до окт. 1925 работала в Москве. В 1922—23 — зав. б-кой Ин-та организаторов нар. образования; по заданию Наркомпроса организовала в 1922—25 Гос. б-ку по нар. просвещению. Чл. бюро Библиотеч. секции Центр. Дома работников просвещения; чл. редкол. библиогр. журн. «Бюл. просвещения», сотр. журн. «Крас. б-рь». Авт. многочисл. рец. на отеч. и заруб. библиотеч. изд. В 1924 участвовала в подгот. I Библиотеч. съезда РСФСР, выступила с докл. о принципах комплектования. На I Всерос. конф. науч. б-к сделала центр. докл., ставший основой итоговой резолюции. В штате ПБ — с 21 окт. 1925, принята на должность гл. б-ря с и. о. зав. чит. залами Комсомола и II ступени III фил. (Б-ка молодежи), открытого 15 нояб. 1925. С 10 окт. 1926 — зав. III отд-нием. Стремилась, по ее словам, организовать молодежь «около работы с книгой в целях повышения интереса молодежи к научному знанию и сообщения ей навыков критического отношения к литературным произведениям», внедряла разл. формы работы, в т. ч. — индивид. помощь в учебе и самообразовании, кружок друзей Б-ки молодежи, библиотеч. стен. газ. и др. Первый в СССР опыт орг-ции науч. б-ки для молодежи обобщила в ряде ст. и докл., доказывая целесообразность выделения обслуживания молодежи в круп. универс. б-ках, необходимость спец. пед. знаний и пост. поиска новых путей в библиотеч. деле. В 1926—30 преподавала на ВКБ ПБ, вела курс «История библиотечного дела в России». С 1926 вместе с А. Г. Фоминым,

Б. П. Гушиным, Н. Д. Игнатьевым (см. т. 1), А. Д. Александровой участвовала в деятельности спец. рабочей комис. по разработке методики сост. сист. каталога Рус. отд-ния, в к-ром с 1 марта 1930 возглавила подотд. обслуживания. Вместе с тем на нее возлагалось «общее руководство систематического каталога» Рус. отд-ния и систематизация кн. по отд. нар. образования. После реорг-ции структуры ПБ с окт. 1930 зав. Отд. хранения, а с 1935 возглавила новый для ПБ вид работы — в кач-ве руководителя группы гигиены и реставрации кн. В 1936 по предоставлению ПБ Наркомпрос присвоил П. звание ст. науч. сотр. До авг. 1942 не прекращала работу в Ленинграде, 7 авг. 1942 направлена в Мелекес. отд-ние ПБ, где умерла сразу по прибытии. Занесена в «Книгу Почета» Наркомпроса РСФСР «за самоотверженную работу по обеспечению сохранности фондов библиотеки и обслуживанию книгой населения и воинских частей г. Ленинграда».

Справ.: Мезьер.

Лит.: Тищенко М. Н. Ленинградские библиотекари в Институте книговедения (1920—1933 гг.) // Библиотеки Петербурга—Петрограда—Ленинграда. СПб., 1993. История ПБ; Хроника войны; Дневники и восп.; ПБ в печати. 1987—88; 1996.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 4, оп. 2, 1930, д. 4; Ф. 10/4—50; Пр. и расп. 1925—42; ОР РНБ. Ф. 533, д. 20; Ф. 666, оп. 2, д. 98.

Т. В. Соколова

РАВКИНА Берта Израилевна

(21.05.1891, Мелитополь — 23.10.1971, Ленинград),
литературовед, историк рус. лит., в ПБ 1937—48

Из мешан. Дочь учителя. Сестра Д. И. Равкиной. Окончила Мариинскую жен. гимназию в Мелитополе (1910); Психоневрол. ин-т (слав.-рус. отд-ние) в Петербурге (1916). Получив свидетельство об окончании Ин-та, перешла в Петрогр. ун-т в кач-ве вольнослушателя. Сдала гос. экзамены и получила диплом об окончании ист.-филол. фак. ун-та (1918). В 1918—37 занималась пед. деятельностью. Вела внешкол. работу в лит. и драм. кружках при з-дах и ф-ках (1918). В 1919 уехала в Мели-

тополь, там работала лектором по лит. и истории рус. критики в Нар. ун-те, преподавала историю, географию и педагогику в б. Мариинской гимназии. В 1920 переехала в Симферополь, где работала инструктором внешкол. образования при губоно. В 1921 участвовала в орг-ции гор. публ. б-ки; окончила 3-мес. библиокурсы по отд. библиогр.

В 1922 вернулась в Петроград. Преподавала рус. яз. и лит., была зав. учеб. частью и зав. школой рабочих подростков им. Н.Г. Чернышевского (1922—26). Была приглашена в кач-ве лектора рус. яз. и лит. в Комвуз им. И.В. Сталина, где проработала 15 лет (1922—37). Преподавала рус. лит. в пед. техникуме им. Н.А. Некрасова (1926—30). С 1931—37 параллельно вела занятия в Ин-те крас. профессуры, в Воен.-полит. акад. им. Н.Г. Толмачева, в Ин-те парт. кадров, в школе пропагандистов им. М. Горького.

4 апр. 1937 принята в Отд. рукоп. ПБ б-рем 1-го р., с 1 авг. 1941 — гл. б-рь. Занималась обработкой и науч. описанием рукоп. материалов, обслуживанием читателей. Была ученым хранителем зала «Фонды поступления сов. лет». Написала ряд работ по науч. описанию рукоп., хранящихся в отд. В 1940 вышла ее книга «Рукописи И. А. Гончарова: Каталог с прил. неопubl. ст.». Р.— соавт. вышедшей в 1940 кн. «Краткий отчет Рукописного отдела за 1914—38 гг.». По просьбе изд-ва «Главсевморпути» Р. подготовила для публ. «Письма Ф. Ф. Матюшкина из Сибири», к-рые считались утрач. (опubl. в 1948). Ею подготовлены к печати «Рукописи М. Е. Салтыкова-Щедрина, хранящиеся в Рукописном отделе ГПБ» (Л., 1954, сост. Э. Э. Найдич), «Письма Глазунова». Она является соавт. подгот. к печати Рукоп. отд. тр.— «Каталогизация рукописей» и «Отчет Рукописного отдела за 1938—43 гг.».

Во время Отеч. войны была в числе 15 сотр., назнач. для со-

провождения и хранения эвакуир. в Мелекесс фондов ПБ. Р. вместе с др. сотр. отд-ния Б-ки сумела сберечь и сохранить кн. и рукоп., провести работу по их проверке и описанию. Вместе с А. С. Ляпуновой продолжила начатую в Ленинграде работу по описанию муз. и эпистоляр. наследия композитора А. К. Глазунова. Принимала участие в выст. и лекц. работе, орг. сотр. ПБ в Мелекесе. Была одним из создателей и экскурсоводов выст. «Великая Отечественная война». Вместе с Т. А. Быковой организовала выст. «Сила и мощь нашего народа в борьбе с захватчиками», с О. Б. Враской — «Великий русский народ в борьбе за Родину». Проводила консультации в гор. б-ке по лит., была внештат. лектором Отд. агитации и пропаганды горкома ВКП(б). За время пребывания в Мелекесе прочитала 60 докл. и лекций. Вела преп. деятельность по рус. лит. в Учител. ин-те и в Воскрес. ун-те. Печата-ла ст. по лит. в мест. прессе: в газ. «Ульянов. правда» — «И. С. Тургенев» (1943), «Чехов-патриот» (1949); в мелекес. газ. «Власть труда» — «Славянский гений. (И. С. Тургенев)» (1943), «В. Я. Брюсов», «Т. Г. Шевченко», «Наш Чехов» (1944).

В окт. 1944, вернувшись в Ленинград, снова приступила к работе в Рукоп. отд. 23 марта 1945 выступила с докл. на секции библиотековедения «И. А. Бычков как деятель науки», посв. памяти зав. Рукоп. отд. в связи с годовщиной его смерти.

10 авг. 1946 сдала канд. минимум при аспирантуре ПБ по специальности «описание рукописей» и приступила к работе над дис.

16 дек. 1948 в должности гл. б-ря уволилась из ПБ по собств. желанию. В течение года не могла устроиться на работу. В дек. 1949 поступила б-рем в Воин. часть; в янв. 1950 была переведена на должность ст. б-ря. В авг. 1953 была переведена на должность б-ря секрет. б-ки ОКУОСР. 16 окт. 1956 уволилась по собств. желанию.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Похоронена на Преображенском евр. кладб. в Петербурге.

Лит.: Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Ф. 4, оп. 2, 1947, д. 3; ЦГА-ЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 544, 814, 1094.

Иконогр.: РНБ. Ф. 10/1.

А.Б. Энглина

РАВКИНА Дора Израилевна

(3.07.1902, Мелитополь — 21.04.1970, Ленинград), в ПБ 1942—57

Из мещан, дочь учителя. Сестра Б. И. Равкиной. Окончила гимназию в Мелитополе (1918), ФОН ЛГУ (1925). Труд. деятельность начала рано: с 13 лет зарабатывала, давая уроки, работала регистратором в Больнич. кассе (1918—20), в Ревкоме Симферополя, затем в школе по ликвидации неграмотности среди взрослых (1921). В 1922 переехала в Петроград. После окончания ЛГУ (1925) год не работала (давала уроки). В окт. 1926 — марте 1927 была практиканткой в б-ке Ком. ун-та, в 1927—29 — пом. зав. б-кой Ленингр. НИИ марксизма-ленинизма. В 1930—32, переехав к мужу в Харьков, работала в Укр. НИИ марксизма-ленинизма б-рем-предметизатором.

Вернувшись в Ленинград, начала работать предметизатором в б-ке ЛО Ком. акад. (1935—36), затем в б-ке Ленингр. ком. ун-та им.И. В. Сталина (1936—37) (до ликвидации ун-та), в 1937—40 — в б-ке парт. курсов Ленингр. обкома и горкома ВКП(б) (до ликвидации курсов). В 1940—41 — на врем. работе по инвентаризации иностр. периодики в Б-ке Воен.-мед. акад. В февр.—июле 1941 работала библиографом в Б-ке Ленинских курсов ЦК ВКП(б) в Ленинграде (до ликвидации курсов). В июле 1941 выехала с 10-летним сыном в Рыбинск, в сент. переехала в Мелекес к сестре. Весной 1942 работала в пригород. хоз-ве. 4 июля 1942 была принята пом. б-ря в Мелекес. отд-ние ПБ, 15 июля 1943 переведена на должность б-ря 2-го р. Участвовала в работах по сохранению фондов Б-ки, в сост. инвентар. кн. б-ки мест. учител. ин-та, работала в госпитале.

В сент. 1944 возвратилась в Ленинград и с 6 окт. 1944 Р.

принята в ПБ гл. б-рем Отд. систематизации и предметизации. 22 дек. 1944 переведена в штат в должности ст. б-ря. Сначала работала в группе соц.-экон. наук, но вскоре перешла в группу культуры, как более близкую ей по отраслевому профилю. Составила схемы и каталоги по рус. фольклору и лит. народов СССР (кроме рус.) в соответствии с разраб. к тому времени классификац. схемой осн. делений литературоведения. Работала над каталогом «Русская художественная литература 19 в.». Выполняла справ. работу по ГСК.

1 февр. 1951 по решению Аттестац. комис. переведена на должность б-ря ввиду того, что «научно-исследовательскую работу не ведет, не повышает уровень своих знаний в литературе». В 1953 ей было поручено сост. и ведение отд. подразд. разд. «Просвещение». Участвовала в сост. схемы и каталога НЧЗ. Подготовила и составила разд. «Дошкольное воспитание», «Культурно-просветительная работа», «Профессиональное образование» и др. Для ГСК ею составлены разд. «Просвещения»: «Дошкольное воспитание», «Культурно-просветительная работа», «Воспитание и обучение детей школьного возраста», отредактирован разд. «Методика преподавания отдельных учебных предметов в общеобразовательной школе». 6 дек. 1956 переведена на должность библиотекаря.

1 окт. 1957 уволилась из Б-ки в связи с переходом на пенсию. Зачислялась на врем. работу в 1959—61, 1965.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Похоронена на Преображенском евр. кладб. в Петербурге.

Лит.: Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 815.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

А.Б. Энглина

РЕЙХЕРТ Лидия Константиновна

В Мелекесском отделении апрель 1943 — 1945, бухгалтер, из местных жителей.

РОДЕ Дагмара Вильгельмовна

(9.02.1902, Петербург — 4.01.1942, Ленинград), в ПБ 1936—42

Из дворян. В 1918 окончила сред. школу и поступила на ФОН Петрогр. ун-та. Окончила ун-т в 1923 по этнол.-лингвист. отд-нию. В 1923 вышла замуж и до 1936 не работала.

29 окт. 1936 принята в ПБ по договору для работы в ОФО и вскоре, с 1 марта 1937, зачислена в штат б-рем 2-го р. В дек. 1938 переведена на должность б-ря 1-го р. Свободно владела нем., англ., фр. яз.; работала в иностр. отметке. С нач. Великой Отеч. войны осталась на службе в Б-ке. Участвовала в сдаче ценностей в Фонд обороны.

Умерла в Б-ке от истощения. Исключена из списков сотр. Б-ки с 4 янв. 1942 ввиду смерти.

Лит.: Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Пр. и расп. 1936—42.

А.С. Сорокина

РУДМАН Борис Исаакович

В Мелекесском отделении сентябрь 1941 — март 1942, заведующий хозяйством, из местных жителей.

РУЦКОЙ Герш Айзикович

В Мелекесском отделении 1944 — 1945, истопник, из местных жителей.

САДОВА Елизавета Александровна

(27.05.1886, с. Мартышкино Петербургского у. Петербургской губ. — 24.08.1970, Ленинград), библиограф, самодеят. художница, в ПБ 1937, 1944—57

Родилась в семье проф. Петерб. духовной акад. А. И. Садова, сестра М. А. Садовой. В 1903 окончила жен. гимназию

пр. Ольденбургской, а в 1907 – Жен. пед. ин-т по словес.-ист. отделению. С сент. 1907 начала преподавать рус. яз. и лит. в гимназии пр. Ольденбургской и одновременно в течение года в жен. част. гимназии Л. И. Нехорошевой. Во время I мировой войны окончила курсы сестер милосердия (1915). После революции (до 1930) продолжала преподавание в гимназии пр. Ольденбургской, преобразованной в 5-ю труд. школу. Здесь организовала кабинет родного яз. и «Лит. уголок», к-рыми заведовала, занималась ликбезом, ввела лит. чтения для техн. персонала. Окончила краткосроч. политкурсы, курсы по переподготовке учителей при Всерос. пед. музее (1923), курсы повышения квалификации (1927). Освобождена от занимаемой в школе должности преп. по постановлению педсовета 28 марта 1930.

С нояб. 1930 по июнь 1936 работала корректором в типогр. АН СССР, одновременно давая уроки рус. яз. на курсах фак. особого назначения при Ленингр. холодил. ин-те (апр. 1936 — окт. 1937). Уйдя из типогр., в течение 6 мес. работала в музее ИРЛИ по договору: разбирала и описывала фонды, инвентаризировала коллекции. С 1 апр. по 1 окт. 1937 служила в ПБ по договору в КБО. С нояб. 1937 по окт. 1941 работала в Науч. б-ке ЛГУ, вначале в обмен. фонде, а с сент. 1938 заведовала междуб-бл. абонементом.

В авг. 1941 С. эвакуировалась в Мелекес, где находились наиболее ценные фонды ПБ. С 23 мая 1944 начала работать в реставрац. группе Мелекес. отд-ния Б-ки в кач-ве б-ря. С 1 июля 1945 стала ст. б-рем, а по возвращении в Ленинград в 1946 работала в КБО, в группе «Библиогр. мировой худож. лит. в рус. пер.», с 16 окт. 1946 переведена в Отд. библиотековедения для врем. работы, а 16 июня 1949 — в штат ОФО в той же должности ст. б-ря. 5 послед. лет работала в осн. иностр. фонде периодики. 1 авг. 1957 уволилась из ПБ в связи с переходом на пенсию.

Авт. «Листков воспоминаний об А. Ф. Кони», к-рым высокую оценку дал К. И. Чуковский. В 1966 принимала участие в библиогр. работе при подгот. к изд. соч. А. Ф. Кони. В этом же году написала этюд маслом, изображающий кабинет Кони (музей ИРЛИ, фотокопия с картины в ОР РНБ), в 1940—60-е переписывалась с Литфондом относительно реставрации надгробья Кони и ухода за его могилой. Как самодеят. художник С. дважды награждалась грамотами Ленингр. обкома профсоюза работников культуры (1953, 1960). Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Похоронена на Серафимовском кладб. в Петербурге.

Соч.: А. Ф. Кони: К 20-летию со дня кончины // Календарь знаменательных дат. Л., 1947. Июнь.

Лит.: Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: ОР РНБ. Ф. 666; Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Иконогр.: ОР РНБ. Ф. 666, оп. 2, д. 206, 207.

О.С. Острой

САДОВА Мария Александровна

(06.11.1888, Петербург - 03.02.1968, Ленинград),
библиограф, в ПБ 1917-62

Родилась в семье проф. лат. яз. и римской лит. А. И. Садова. Окончив в 1905 гимназию с серебр. медалью, поступила в Жен. пед. ин-т на словесно-ист, отд-ние, после завершения учебы работала учительницей. В студ. годы писала стихи, к-рые печатались в газ. «Вест, школы», «Новые дни». В ПБ поступила в сент. 1917, в том же году была зачислена в штат пом. б-ря в Рус. отд-ние. Окончила Высшие библиогр. курсы при ПБ. Своими учителями в области библиогр.

ла и библиогр. считала В. И. Саитова и Н. Д. Игнатъева. В 1926 С. поручена библиогр. работа по установлению desiderat: выявлению отсутствующего в ПБ ОЭ отеч. изд. Это определило ее дальнейшие проф. и науч. интересы. В 1939 в соавт. с Н. Д. Игнатъевым издается их работа «Руководство для наведения справок в алфавитных каталогах ГПБ...». С нач. Великой Отеч. войны участвовала в работах по эвакуации библиотечных ценностей, в блокадном Ленинграде выполняла библиогр. запросы читателей и орций. В авг. 1942 С. направлена в фил. ПБ в г. Мелекесс. В день 130-летия открытия Б-ки, 14 янв. 1944, выступила в г. Мелекессе с чтением своих восп. «Библиотека в осажденном городе». Сотр. Б-ки посвятила свою стихотв. поэму «Ленинградцы в Мелекессе». По окончании войны возвратилась в Ленинград на прежнее место работы. Итог многолетней работы в ПБ подведен С. в ее моногр. «Библиографические разыскания при выполнении читательских требований...» и «В поисках книги».

В творчестве С. значит, место принадлежит ее лит. произв.: она написала сказку «Как маленькая книжка заблудилась в библиотеке: Рассказ для детей и взрослых», составила сб. своих стихотворений. В день 40-летия работы С. в ПБ читатели посвятили ей «Поэму о Марии Садовой». Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отеч. войне», «За трудовое отличие».

Похоронена на Серафимовском кладб. в Петербурге.

Лит.: Ювелир библиотечного дела // Ленингр. правда. 1957. 3 нояб.; Берков П. Н. Библиографическая эвристика. М., 1961; Фрадкина З. Л. В поисках книги // Техн. б-ки СССР. 1953. № 8; Кауфман И. М. Поиски книги // Сов. библиогр. 1964. № 2.

Некр.: Сов. библиогр. 1968. № 3.

Арх.: ОР РНБ. Ф. 666.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 13. П/С-143.

М.Г. Гугнинский

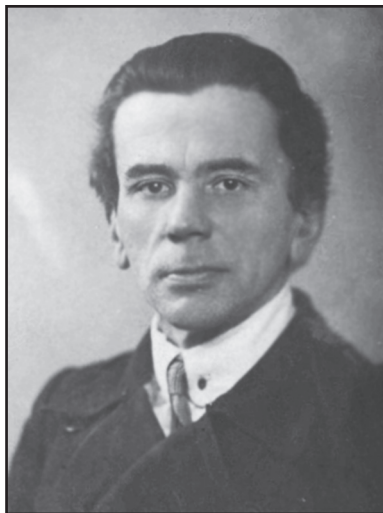
СИМАГОВ Иван Михайлович

В Мелекесском отделении с июня 1944, уборщик, из местных жителей.

СЛОНИМСКИЙ Иван Иванович

(2.03.1892, Петербург — 10.12.1941, Ленинград), в ПБ 1926—41

Из дворян, отец — д. ст. сов., до революции заведовал студ. общежитием Петерб. ун-та, с 1919 по 1923 служил б-рем в унив. б-ке. В 1910 С. окончил Ларинскую гимназию и поступил на юрид. фак. Петерб. ун-та. На 1-м курсе принимал участие в студ. движении, за что в 1911 был подвергнут непродолжит. аресту. Во время учебы подрабатывал репетиторством. Во время I мировой войны С. прервал учебу, в июне 1915 поступил санитаром во врач. отряд Всерос. Союза городов на Юго-Зап. фронте. В дек. 1916 призван на воен. службу и направлен в Павловское воен. училище, в мае 1917 произведен в прапорщики и получил назначение в гв. Семеновский полк на должность мл. офицера, где служил до демобилизации в февр. 1918. Получил диплом юриста в сент. 1917, последние экзамены сдавал, находясь на воен. службе. С 25 марта 1918 по 15 февр. 1919 работал в канц. Совета Петрогр. ун-та в кач-ве пом. секр. В февр. 1919 уехал преподавать в единую труд. школу в Невель, откуда в нояб. 1919 был призван в Крас. армию и отправлен на фронт командиром взвода десант. отряда при бронепоезде № 36. Участвовал в боях под Бобруйском, воевал на Польск. и Кавказ. фронтах. В армии заведовал школой для солдат, организовал отрядную б-ку. В февр. 1921 отряд был расформирован, и С. направлен в распоряжение Петрогр. Упр. воен. учеб. заведениями, где получил назначение командовать взводом на Петрогр. команд. курсах связи. В этой должности прослужил несколько мес., затем был переведен в делопроизводители хоз. упр. В окт. 1922 демобилизован из Крас. ар-

мии. В окт. 1923 получил работу делопроизводителя в канц. физ.-мат. фак. Петрогр. ун-та, где служил до нояб. 1926. В 1924 поступил на ВКБ ПБ. В мае 1926 С. был допущен к работе в кач-ве практиканта (стажера без оплаты) в III отд-ние ПБ (Б-ка молодежи). Зав. отд-нием *Е. Ф. Проскурякова* дважды обращалась в Правление Б-ки с просьбой о зачислении его в число сотр. Она указывала, что «он показал себя добросовестным, аккуратным и исполнительным работником», а «ввиду неопределенности вопроса о его назначении, он не может отказаться от работы в канцелярии Университета и таким образом у него получается непрерывный рабочий день с 10 часов утра до 8 часов вечера без возможности перерыва на обед. Кроме того в ближайшее время ему предстоит сдать последние экзамены на Высших Курсах Библиотекосведения. Такая нагрузка оказывается непосильной и не сможет продолжаться дальше». 1 нояб. 1926 С. был принят на должность пом. б-ря и оставил службу в ун-те. В февр. 1929 переведен в б-ри 2-го р. В февр. 1931 переведен в ОФО б-рем 2-го р., в 1932 назначен б-рем 1-го р., в мае 1937 утвержден в должности гл. б-ря. Был чл. О-ва библиотекосведения. В характеристике (1939) отмечалось, что С. проявил себя опытным и квалифициров. специалистом. В 1937 вел практ. занятия на библи. курсах. С нач. войны в сент. 1941 С. был зачислен бойцом рабочего отряда. Скончался в период блокады. В своих воспоминаниях о жизни ПБ в годы войны *М. А. Садова* (см. т. 1) с теплотой отзывалась о С. как о «человеке глубоко не поверхностной культуры, знавшем книги вообще и вольную русскую печать в особенности <...> он был очень нужен Библиотеке и своим уходом оставил в группе русских библиографов пустое место».

Справ.: Науч. раб. Л-да.

Лит.: Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; ОР РНБ. Ф. 666, оп. 2, д. 98; ЦГА-ЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, д. 333.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

О.К. Гордова

СОПИКОВ Василий Степанович

(1765, Суздаль - 21.06.1818, Петербург),
книготорговец, издатель, библиограф, в ПБ 1811-18

Родился в купеч. семье. В юности был приказчиком в лавках моек, книготорговцев Т.А. Полежаева и Н.Н. Кольчугина. Самостоятельно изучил фр. яз. В нач. 1788, переехав в Петербург, купил у И.П. Глазунова его небольшой кн. магазин и открыл свою торговлю. При лавке организовал «Б-ку для чтения», издавал росписи имеющейся лит. Есть сведения, что А.И. Мусин-Пушкин купил у С. «Слово о полку Игореве» вместе с Лаврентьевским списком Несторовой летописи и «многие другие важные древние летописи и книги». В 1803 С. продал лавку. Занимался переводч. и изд. деятельностью (1791-1814). Почти все изд. кн.- пер. фр. просветителей Вольтера, Ш. Монтескье, П.С. Марешаля и др.

Был связан с ВОЛСНХ.

Книготорговлю и изд. дело оставил ради библио-огр. - стал составлять репертуар рус. кн. В сборе материала помогали тогдашние знатоки рус. кн. Е.А. Болховитинов, К.Ф. Калайдович, В.Г. Анастасев и ч, Н.Н. Бантыш-Каменский.

12 июля 1811 поступил в ПБ пом. б-ря. По ходатайству А.Н. Оленина «в возмездие за долговременные и полезные его труды» имп. пожаловал С. в самый низший - 14-й кл. в Табеле о рангах с «исключением его из прежнего купеческого звания». Во время Отеч. войны сопровождал кн. и рукописи ПБ в эвакуацию в д. Устланку на берегу Ладожского оз. (сент.- дек. 1812). В первое время, работая в Б-ке, активно готовил свой библиогр. тр. к печати.

По ходатайству Оленина М-во нар. просвещения отпустило взаимобразно деньги на изд. кн., а ПБ фактически была ее издателем.

В 1813 вышла ч. 1 «Опыта российской библиографии», в 1814 -ч. 2, в 1815 -ч. 3, в 1816 -ч. 4. Последняя - ч. 5 - после смерти С. была подготовлена в 1821 к печати В.Г. Анастасевичем. Учтено 13 249 кн. и журн., изд. на рус. и церк.-славян. яз. в России и за рубежом со времени возникновения книгопечатания и до 1813. Как искл., встречаются кн., изд. и в 1818. Это

первый в России библиогр. указ., сочетающий полноту материала с рекомендательностью. В нем обоснованы теория и методика библиогр. работы. В «Предуведомлении» изложены теоретич. суждения составителя по вопросам библиогр., определение квалификац. признаков б-ря. За создание «Опыта» С. стали называть «основоположником русской библиографии», «отцом нашей библиографии».

С янв. 1812 он «обще» с И. А. Крыловым заведовал рус. кн. В его служебные функции входили суточные дежурства, обслуживание читателей, контроль за доставкой ОЭ, сост. каталога.

В 1814 завел особую тетрадь, в к-рую вносил все изд., либо совершенно, либо частично не поступившие в Б-ку. В 1817 составил для комиссионера Глазунова список интересовавших Б-ку изд.

Каталог Рус. отд-ния, сост. к 1816 С. и Крыловым, представляет собой список кн., перепис. писцом в 90 листов большого формата, в переплете, с пометами сост. Описание более 2100 кн. дано в алфавите загл.

В 1818, отвечая на вопросы Оленина о каталогах, предложил составлять 4 «росписи»: 1) главная (инвентарная) по номерам поступающих кн. (по яз.), благодаря чему она «никакими дополнениями никогда не портится и остается вечно таковою», в ней дается полное описание кн.; 2) в алфавите авт.; 3) в алфавите загл.; 4) по системе наук. Во всех «росписях» указывается номер, под к-рым кн. значится в «Главной росписи».

С. подарил Б-ке 19 рукописей произв. фр. авт.

Имел чин губ. секр.

Справ.: БСЭ; Брокгауз; Венгеров. Словарь; Ген-нади; Книговедение; Межов. История; РБО.

Лит.: Быстров И. П. Биографические и библиографические заметки. II. В. С. Сопиков //СП. 1848. 2 сент.; Полторацкий С. Д. Материалы для словаря русских писателей, Опыт Российской Библиографии Сопикова //РВ. 1858. Т. 18, кн. 2, № 11; Сухомлинов М. Библиограф В. С. Сопиков //Древ. и нов. Россия. 1876. Т. 1, № 1; Материалы для истории русской книжной тор-говли. СПб., 1879; Болховитинов Е. А. Пять писем к В. С. Сопикову /Сообщ. И. Шляпкин //Древ. и нов. Россия. 1881. № 2; Лисовский Н. М. Три книгопродавца прошедшего време-

ни: В. С. Сопиков. В. А. Плавильщиков. А. Ф. Смирдин //Библиограф. 1892. № 1; Иконников; В. С. Сопиков и его библиография: Всеподданнейшая зап. стат-секр. А. Оленина [на имя имп.], 14 июня 1816 г. //РС. 1900. Т. 104, № 10-12; Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II на основании документов Архива конференции имп. Академии наук. СПб., 1914; Представления директора Публичной библиотеки о напечатании славяно-русского словаря и «Опыта Российской библиографии», издаваемого Сопиковым //Описание дел Арх. М-ва нар. просвещения. Пг., 1921. Т. 2; Берков П. Н. Идеологическая позиция В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии» //Сов. библиогр. 1933. Вып. 1-3; Эйхенгольц А. Д. В. С. Сопиков - основоположник русской библиографии //Там же. 1949. Вып. 1; Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX в. 3-е изд. М., 1955; Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати, 1708-1955. 2-е изд. Л., 1956; Ефимова (1); Хотяков (1); Брискман М. А. В. Г. Анастасевич (1775-1845). М., 1958; Неопубликованные материалы, связанные с жизнью и деятельностью В. С. Сопикова: Завешание В. С. Сопикова; Первая биография В. С. Сопикова, написанная Евг. Болховитиновым; К. Ф. Калайдович и «Опыт» В. С. Сопикова //Сов. библиогр. 1973. № 6; Мартынов И. Ф. Новое о Сопикове //Книжное дело Петербурга - Петрограда - Ленинграда: Сб. науч. тр. /ЛГИК. Л., 1981. Т. 58; Голубева О. Д. Хранители мудрости. М., 1988.

100-летие. С. 36, 63, 66, 70-71, 100, 144.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1811, № 4.

О.Д. Голубева

СТРУГАЦКИЙ Натан (Нота) Залманович

(май 1892, д. Дубовичи Глуховского у. Черниговской губ.—
17.02.1942, Вологда), искусствовед, библиограф, иконограф, в ПБ
1937—42

Отец — адвокат и агент страхового о-ва. Учился в реал. уч-ще и в гимназии в Севске. В 1915 поступил на юрид. фак. Пе-

трогр. ун-та (из-за I мировой войны и революции не закончил), был аспирантом Ин-та истории искусств при Ком. акад. Чл. партии большевиков с марта 1917.

В февр.—нояб. 1917 — сотр. Петрогр. Совета рабочих и солд. депутатов, в 1918 — зав. ОНО Псков. губревкома, политкомиссар продотряда. Во время гражд. войны — в отряде Крас. армии, инструктор политотд. 2-й Конной армии (Юж. фронт), воен. комиссар бригады, зам. начальника политотд. 5-й дивизии

Сев.-Кавказ. воен. округа. Затем на парт. работе: 1925—26 — гл. ред. газ. «Труд. Аджаристан» (Батум), 1926—28 — зам. зав. отд. печати Ленингр. обкома ВКП(б), зав. отд. печати Выборг. райкома ВКП(б), 1928—30 — зав. метод. частью музейно-экскурс. сектора ОНО. В годы учебы в аспирантуре исследовал творчество сов. худож. А. Н. Самохвалова (1894—1971), опубликовав о нем в 1933 большую ст. в журн. «Искусство» и кн. в сер. «Мастера сов. живописи». Учась в аспирантуре, в окт. 1933 поступил на работу в Гос. Русский музей секр., с 18 янв. 1933 — науч. сотр.

В 1933 мобилизован ЦК ВКП(б) на политработу: был начальником полиотд. ряда зерновых совхозов, в т. ч. зерносовхозов «Гигант» (Прокопьевск) и «Зеленовский» (Сталинград. обл.). В 1936—37 — начальник краевого упр. искусств в Сталинграде. В апр. 1937 исключен из ВКП(б) «за притупление политической бдительности».

17 окт. 1937 зачислен в ПБ гл. б-рем ОЭст; с 25 марта 1938 — зав. отд. Активно занимался раскрытием и популяризацией материалов отд., публиковал ст., в т. ч. вступ. по выст., начал иссл. портр. М. Е. Салтыкова-Щедрина и ил. к его произв. Перед войной, совм. с Б. С. Бутник-Сиверским, составил каталог сов. плаката эпохи гражд. войны (Вып. 1. Фронтовой плакат), к-рый вы-

шел в свет лишь в кач-ве сигнал. экз., составив 7-й т. «Тр. ГПБ».

19 сент. 1941 зачислился в рабочий отряд. 27 окт. 1941 принят канд. в чл. РКП(б) как лучший командир истребит. отряда. 27 окт. 1941 уволился из Б-ки в связи с мобилизацией в батальон НКВД Куйбышев. р-на Ленинграда. В связи с тем, что С. был комиссован по состоянию здоровья (порок сердца) из воин. части, 20 дек. 1941 он восстановлен в должности гл. б-ря. Уволен из ПБ с 1 февр. 1942 в связи с эвакуацией из города. С. умер по дороге, в Вологде, сын Аркадий попал в дет. приемник, откуда бежал, скитался по стране, попал в г. Чкалов, был направлен как грамотный в райцентр на работу в пункт по приему молока. В авг. 1942 вдова С., узнав о его судьбе, выехала к нему со вторым сыном — Борисом. Впоследствии оба сына С. стали известными писателями-фантастами.

Справ.: Науч. раб. Л-да; Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Вологда, 1991. Ч. 2 (ошибочно имя: Натал вместо Натан).

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 12, Т-5, 10, 61, 344, 758; ОР РНБ. Ф. 1284, д. 634; ЦГАИПД СПб. Ф. 1728, д. 611463; ГРМ. Ф. 1, оп. 10, д. 473; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 658.

Иконогр.: Самохвалов А.Н. Мой творческий путь. М., 1977.

СТРУЛЕВА Вера Николаевна

(13.03.1893, Петербург - апр. 1982, Ленинград),
филолог, библиотековед, библиограф, в ПБ 1916-57

Из мешан, дочь купца 2-й гильдии. Окончила гимназию М. А. Стоюниной (1911). Училась на отд-нии рус. лит. ист.-филол. фак. Высших жен. курсов (1911-17). Занималась в Пед. акад. (1919-20). В ПБ пришла в марте 1916 по рекомендации А. И. Браудо и с 10 сент. зачислена вольнотр-ся в Юрид. отд-ние. Переведена в штат в 1917. Сотр. читального зала в 1918-27. С именем С. связано становление специализир. справ.-библиогр. службы в ПБ. С 1927 С. работала в справ.-библиогр. бюро. В 1933-39 заведовала созд. по ее инициативе справ.-библиогр. пунктом при читальном зале для науч. работников. В 1939-57 возглавля-

ла группу библиогр. по технике и физ.-мат. наукам Справ.-библиогр. отд. Была секр. Объединения справ.-библиогр. отд. науч. б-к Ленинграда, ред. информ. бюллетеней Объединения (1931 - 32). С. занималась также вопросами орг-ции в ПБ предметного каталога. При ее участии создан предметный каталог и в опорной б-ке Наркомтяжпрома (позднее - б-ка «Дома техники»).

С.- один из инициаторов отраслевой орг-ции справ.-библиогр. работы. Играла ведущую роль в выполнении ПБ библиогр. запросов пром-сти и новостроек в 1930-40-е. Содействовала подгот. фундамент, библиогр. тр. универс. и отраслевого характера («Библиография периодических изданий России, 1901 - 1916», указ. лит. к «Истории XIX века» под ред. Э. Лависса и А. Рамбо). Ряд библиогр. работ С. остался в рукописи («Влияние леса на климат и воды», «Гидрология, гидрография и водный транспорт Волжского бассейна»). В 1936 решением ВАК С. присуждено звание ст. науч. сотр. по специальности «библиотековедение и библиогр.».

В годы Великой Отеч. войны С. не покидала Ленинград. Участвовала в стр-ве оборонит, сооружений, дежурила в команде МПВО, занималась библиогр. обслуживанием города и фронта. Выступила с докл. «Война и техническая книга» (1942, нояб.). Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне», почет, знаком М-ва культуры «За отличную работу» (1956). Внесена в «Книгу почета» РНБ.

Лит.: ИБ ГПБ. 1956. № 3, 6; Акивис Д. Живая книга //Сов. культура. 1969. 20 марта. ПБ в печати. 1987; История ПБ. С. 237, 251, 269- 70, 303.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1. Л. д.

Иконогр.: Арх. РНБ. Указ. ед. хр.

Ц.И. Грин

ТОРБИНА Фекла Яковлевна

В Мелекесском отделении 1942 — 1945, уборщица, из местных жителей.

ТРЕЙ Елена Христиановна

(15.11.1892, Ропша Петергофского у. Петербургской губ.
[по др. источ.— Ревель] — 10.11.1975, Ленинград),
реставратор, в ПБ 1936—63

Из мешан. Окончила Петропавлов. уч-ще в Петергофе. В 1909—14 работала кассиршей в магазине, машинисткой, счетоводом, в 1915—19 — машинисткой в правлении А/О «Воронин, Лют и Чешер», в 1919—20 — пом. зав. отд. снабжения в «Петрохлопке», в 1920—23 — счетоводом на торфоразработках «Синявино». В 1923—36 — домохозяйка.

15 нояб. 1936 зачислена в ПБ б-рем-реставратором ОФО. В 1936—38 училась на курсах лаборантов-реставраторов Лаборатории консервации и реставрации док. АН СССР. Т. — один из организаторов реставрац. мастерской ПБ, до войны заведовала ею, ученица Н.П. Тихонова. В годы войны работала в Мелекес. отд-нии ПБ в Отд. гигиены и реставрации кн. в должности ст. б-ря. С 1948 возглавила группу реставрации. Проявила себя специалистом высокого класса, воспитала мн. мастеров реставрации. Реставрировала карты, гравюры, рукоп. В. С. Люблинский писал, что Т. проявила себя «в качестве искусного реставратора книг, как опытнейший советский мастер, витуозно возвращающий жизнь ценнейшим книгам, рукописям, газетам, гравюрам,

картам и листовкам». Помимо непосредственно реставрац. работ она вела наблюдение за переплет. работами, за климат. режимом в книгохранилищах Б-ки. Оказывала помощь в реставрации и др. учреждениям. В 1940 выезжала в Минск для инструктирования работников Гос. б-ки БССР в вопросах реставрации кн. и рукоп. В 1952 была консультантом при реставрации чертежей Гатчин. дворца-музея. Занималась в ПБ реставрацией ценнейшего памятника отеч. культуры и истории — «Остромирова Евангелия», к-рый был реставрирован к маю 1957. Уволилась из Б-ки 26 июня 1963 в связи с переходом на пенсию.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», значком М-ва культуры «За отличную работу».

Лит.: На долгие годы: В реставрац. мастерской Публичной библиотеки // Вечер. Ленинград. 1946. 21 июля. Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; ОР РНБ. Ф. 2, д. 98.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

Е.С. Чернина

ФАДЕЕВ Андрей Яковлевич

(1886 — ?)

В 1941 эвакуирован из Чудово, в Мелекесском отделении 1941 — 1945, истопник, дворник.

УСАЧЁВ Ф.И.

В Мелекесском отделении август 1941, заведующий хозяйством.

УМИКЯН Алиса Давыдовна

(3.12.1905, Эрзурум — 21.07.1967, Ленинград), в ПБ 1930—67

Дочь учителя и воспитательницы приют. школ. В 6 лет бежала вместе с родителями из Турции в Грузию в связи с преследова-

ниями армян. Окончила в Тифлисе сред. школу и техникум, проучилась год на рус. отд. филол. фак. Тифлис. ун-та. Отд-ние закрыли, и У. переехала в Ленинград, где поступила на ВКБ ПБ. Одновременно начала работать зав. передвиж. базой б-ки завода «Крас. треугольник». 1 дек. 1930 ее приняли в ПБ пом. б-ря в Отд. обслуживания. Она работала в чит. залах, шифровала читат. требования на иностр. кн. С 1933 параллельно с работой учи-

лась во 2-м Ленингр. ин-те иностр. яз. Наиб. яркая часть ее жизни в ПБ началась с апр. 1936, когда ее перевели в КБО. К 1941 была гл. б-рем. По предложению науч. руководителя КБО Ю.А.Меженко, У. приступила к сост. картотеки пер. на рус. яз. мировой худож. лит. Картотека и стала предметом ее гл. забот до кон. дней. Картотека отразила пер. со 173 яз. (116 заруб. и 57, относящихся к яз. народов СССР). Следовало расписать период. изд., сб., собр. соч., дать информ. о самих пер. и об иностр. писателях, сведения по теории и методике пер. В картотеке уточнены нек-рые атрибуции, объединены назв. разных пер. одного произв., выявлены фрагменты романов и повестей. Предполагалось, что картотека будет опубл., и в подгот. публ. примет участие Ин-т мировой лит. Завершение первонач. базы намечалось к 1942. Война нарушила эти планы. В 1941 — нач. 1942 У. ездила на оборон. работы под Ленинград. В мае 1942, после смерти матери, она приняла решение об эвакуации и 4 июля уволилась из Б-ки. Отправилась вместе с дет. домом в Ярославль, а оттуда в Сталинград, куда попала в разгар наступления немцев. Из Сталинграда пешком пробралась до Астрахани, из Астрахани удалось выехать в Тбилиси, где жил отец. В Грузии пришлось перебиваться случайными заработками: служить диспетчером в Радиок-те, швеей в инвалид. артели, учительницей англ. яз.

В 1945 У. вернулась в Ленинград по вызову Б-ки и в окт. зачислена на должность гл. б-ря КБО. В 1947 утверждена гл. библиографом. В 1948 ее назначили зав. залом иностр. лит., а в 1949 — зав. иностр. фондом. В те же годы она готовит рекоменд. библиогр. указ. по болг. лит., библиогр. пер. и лит. о М.де Сервантесе, Б.Шоу. В 1950 провела большую работу по расформированию б.ІV отд-ния ПБ и включению части его фондов в состав иностр. фонда. С дек. 1950 У.— гл. библиограф Отд. каталогизации. В группе рекаталогизации рус. кн., затем группе культуры она проработала до кон. жизни, здесь вела возобновившуюся работу над картотекой пер. мировой худож. лит. Свои познания в обл. филологии использовала также при сост. классификац. схем для разд. «Языкознание», готовила 20-й вып. ББК. Незадолго до смерти писала ст. по методике ББК. Награждена Почет. грамотой М-ва культуры СССР.

Лит.: Брандис Е. В поисках жанра // СБф. 1979. №6; Травускин Н.С. Полновесное слово — эвристика // Там же. 1980. №4.

Некр.: СБф. 1967. №5.

Арх.: Арх. РНБ. Ф.10/1; Ф.12, д.821; Пр. и расп. 1930—42, 1945—67; ЦГАМЛИ. Ф.365, оп.1, д.590.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф.10/1.

Е.К. Соколинский

УСОВ Александр Васильевич

(апр. 1903, Копал Семиреченской обл. — 1.03.1958, Москва),
парт. деятель, библиотековед, дир. ПБ в 1946

Из семьи учителей нар. шк. Труд. деятельность начал в Томске, где с июля 1923 по нояб. 1925 работал зав. и инструктором в клубах и профсоюз. б-ках участкового к-та проф. совета Томск-2 и г. Боготола Том. обл. В июне 1926 стал инструктором клуб. и библи. работы окр. Совета проф. союзов в Томске. В сент. 1926 был переведен в РККА. В нояб. 1927 окончил полковую шк. 2-го арт. полка в Благовещенске. В нояб. 1927 был демобилизован и переехал в Ленинград, где полтора года заведовал б-кой з-да «Крас. выборжец». В авг. 1929 был назначен инструктором по библи. работе обкома Всерос. союза рабочих-металлистов, в марте 1930 — куль-

тотд. Ленингр. обл. совета профсоюзов, где работал до 1932.

С июля до дек. 1932 заведовал библ. отд-нием ЛКППИ. Затем был аспирантом, ведущим преп., позже — зав. каф. библиотекovedения и деканом библ. фак. (1939—41). В 1934 был утвержден в звании доц. Науч. интересы У. — воспитание культуры чтения, организация и планирование библ. дела. В 1941 закончил работу над канд. дис. «В. И. Ленин как читатель». Война помешала защитить дис., во время блокады рукоп. была утеряна. 24 июня 1941 добровольцем ушел в действ. армию. В звании ст. лейтенанта служил пом. командира батальона по строевой части в 47-м отдельном миномет. батальоне Ленингр. фронта. С июля 1942 учился на курсах 7-го отд. Гл. полит. упр. РККА (б. 4-го фак. Воен. ин-та иностр. яз.). По окончании в марте 1943 был назначен зам. начальника фак. ин-та, после возвращения ин-та в Москву — зам. начальника учеб. отд. В марте 1944 уволился из ин-та, демобилизовался из рядов РККА и возглавил Упр. б-к Наркомпроса РСФСР. До февр. 1946 организовывал работу по восстановлению б-к, разруш. во время Великой Отеч. войны, по возобновлению науч. деятельности в обл. библиотекovedения и библиогр. 30 мая 1944 на совеш. в дирекции ГПБ выступал от лица Наркомпроса с сообщ. «О задачах Библиотечного управления Наркомпроса и Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина на ближайший период», в к-ром излагались задачи, стоявшие в т. ч. перед ГПБ: ремонт зданий, сохранение фондов, развертывание науч. работ, улучшение обслуживания читателей, орг-ция краткосроч. и долгосроч. курсов, возобновление деятельности аспирантуры. В кон. 1944 вошел в состав оператив. группы Наркомпроса для определения размеров ущерба разруш. б-к страны и необходимой компенсации. 14 мая 1945

по инициативе У. в ГПБ проходило совещ. по вопросам, связ. с созданием репертуара рус. кн.

В дек. 1945 по приказу Упр. б-к в ГПБ была создана Комис. для обследования ряда б-к Ленинграда с целью отнесения их к соответств. категориям науч. б-к. В нач. 1946 У. участвовал в подгот., а затем и реализации постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по укреплению районных и сельских библиотек». С 17 авг. 1945 по 1 марта 1946 был дир. ЛГБИ. В этот период произошло восстановление ин-та: проведен новый прием студентов, вызваны на учебу ранее эвакуиров. студенты, возрождена аспирантура.

С 1 марта по 11 окт. 1946 был дир. ГПБ, где провел ряд организац. мероприятий: восстановил ЦСБ при КБО, Отд. классиков марксизма-ленинизма (реорганизов. в Кабинет лит. классиков марксизма-ленинизма), типогр. с переплет.-брошюровоч. цехом. В апр. 1946 было принято решение о создании при Б-ке Уч. совета. В июне 1946 был создан Отд. старой и ред. кн., в июле—авг. — спец. Изд. отд. Под руководством У. велась работа по восстановлению законсервиров. фил.: летом 1946 стал работать чит. зал в ЦПКиО им. С. М. Кирова, в сент. во Дворце пионеров был открыт VII фил. В 1946 в Б-ке работал лекторий для б-рей, 2,5 млн экз. кн. из фондов Б-ки были перемещены из малоприспособ. помещений в лучшие условия. Был осуществлен перенос ящиков ГАК из подвала в т. н. «Косую галерею». Продолжалась дальнейшая разборка вернувшихся из эвакуации фондов. Велся прием, учет, размещение и распределение трофейных фондов. В июле 1946 в Б-ке были организованы библиотеч. шестимес. курсы повышения квалификации для сотр. с высшим небибл. образованием. В сент. 1946 возобновила деятельность аспирантура. Проводились ремонт.-восстановит. работы: в апр. 1946 была начата окраска гл. здания в светло-серый цвет. К июлю был восстановлен и приобрел довоен. вид «Кабинет Фауста». Был начат капит. ремонт одного из залов для науч. работы. В окт. закончена реставрация скульптур на фасаде гл. здания.

11 окт. 1946 У. был освобожден от должности дир. Б-ки в связи с переходом на др. работу.

С 1946 по 1958 работал в аппарате ЦК ВКП (б) (КПСС), занимая разные должности: консультанта, затем — зав. сектором

Упр. пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) (1946—49), инструктором Отд. пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) (1949—52), инструктором Общего отд. Секретариата ЦК КПСС (1952—58).

В марте 1948 участвовал в орг-ции и проведении Всерос. совещ. библи. работников. Продолжал заниматься науч. деятельностью: редактировал ряд библи. тр., в т. ч. учеб. пособие Ю. В. Григорьева «Организация библиотечных фондов» (М., 1953).

Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», «За оборону Ленинграда».

Его жена — З. И. Колчина — была зам. дир. ГБЛ.

Справ.: Библи. энц. М., 2006.

Лит.: Ист. ГПБ; Золотарев В. Суровая Сибирская колыбель // Молодой ленинец. 1967. 27 апр.; Горш Е. А., Семенова Г. А. А. В. Усов // СБв. 1983. № 4; Сергеева Н. И. Наша история: Великая Отечественная // История. Воспоминания. Документы: к 85-летию СПбГУКИ. СПб., 2003; Матвеева И. Г. «Библиотечный мечтатель» — Александр Васильевич Усов (1903—1958) // Информ. бюл. РБА. 2004. № 32; Ее же. Ученый, воин, ревнитель просвещения // Б-ка. 2004. № 7; История Библиотеки. 1795—2005.

Некр.: СБф. 1958. № 50.

Арх.: ОАД РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Ф. 2. Оп. 28/10. Д. 16; Оп. 29/1. Д. 23; Оп. 30. Д. 3; Арх. ВГБИЛ. Ф. 1. Отд. 1. Оп. 30. Д. 57381.

И. Г. Матвеева

УХМЫЛОВА Татьяна Константиновна

(11.01.1893, с. Поварино Новохоперского у. Воронежской губ.— 1970, Ленинград), литературовед, в ПБ 1934—48, 1953—61

Дочь рабочего-железнодорожника. В 1910 окончила новохопер. гимназию, после чего давала част. уроки. В 1918 поступила на ист.-филол. фак. Воронеж. ун-та, откуда ушла со второго курса в связи с занятием города белыми войсками. Переехала в Ростов-на-Дону, в янв. 1920 вступила в партию и направлена в кач-ве агитатора в Крас. армию на Кавказ. фронт, где служила 6 мес. В 1920—23 работала в Новочеркас. отд. нар. образования, где заведовала дет. садом, была зав. подотд. охраны детства, зав. отд. политпросветработы. В 1923 продолжила, с 3-го курса, уче-

бу в Сев.-Кавказ. (Ростов.) ун-те. В 1925 окончила ун-т по пед. фак. (лит.-лингвист. отд-ние), в 1926 сдала гос. экзамены и защитила дипл. работу «Демьян Бедный и его сатира». Творчеством Д. Бедного занималась и в послед. гг.

В годы службы в Новочеркасске и учебы в ун-те вела большую обществ. работу в составе разл. выбор. органов: секр. месткома, чл. бюро и секр. партячейки ун-та, чл. правл. окруж. профсоюза работников просвещения, чл. горсовета Новочеркаска и Ростова нескольких созывов. С 1925 по 1928 преподавала рус. яз. и лит. в Донском рабфаке и Донской совпартшколе.

В 1928 переехала в Ленинград. С 1 окт. 1928 — аспирант ГИИИ, а с дек. 1929 — аспирант ИРЛИ, где ее руководителями были акад. П. Н. Сакулин, а после его смерти — А. В. Луначарский. По окончании аспирантуры в марте 1932 назначена уч. секр., а затем зам., в звании ст. науч. сотр., руководителя рукоп. отд. ИРЛИ Н. К. Пиксанова. В АН была чл. бюро, секр. парторг-ции и пред. месткома. В 1934 освобождена от работы в ИРЛИ в связи «с переходом на другую работу», в действительности, как указывала У. в своей автобиогр., была уволена из-за несогласия «с политической линией» руководства АН, «ныне разоблаченного». В 1935, уже в период работы У. в ПБ, постановлением Комис. парт. контроля была восстановлена в ИРЛИ и продолжила работу там по совместит. ст. науч. сотр., и. о. уч. секр. горьков. группы, занималась характеристикой материалов по Горькому, в т. ч. по фондам ОР ПБ. В период пребывания в аспирантуре, а затем и работы в ИРЛИ преподавала в 1928—31 в должности преп. и доц. в Комвузе им. И. В. Сталина, откуда была уволена «за либеральное отношение к переверзевщине в занятиях литературой»; с 1931 по 1937 была доц.,

заведовала каф. рус. яз. и лит. в Ин-те крас. профессуры.

25 февр. 1934 зачислена в ПБ гл. б-рем с работой в группе периодики и в Отд. рукоп. Вскоре полностью сосредоточилась на работе в Отд. рукоп., став зам. зав. отд. и руководителем группы рукоп. фондов нового времени. Описала б. 10 фондов этого собрания. Возглавила, вместе с В. Г. Гейманом (см. т. 2) подгот. «Краткого отчета Рукописного отдела за 1914—1938 гг.», изд. к-рого восполнило пробел в описании поступлений в отд., образовавшийся вследствие прекращения выхода отчетов ПБ в послерев. период. В 1938 окончила краткосроч. библиокурсы ПБ. В 1935 представлена Б-кой в Наркомпрос к присуждению уч. степени канд. литературоведения без защиты дис., однако, представление осталось без последствий. В 1938 по ходатайству ПБ уч. совет филол. фак. ЛГУ присудил У., с учетом опубл. работ, уч. степень канд. филол. наук. С 1935 преподавала на ВКБ историю рус. лит.

Состояла чл. Уч. совета Б-ки, чл. ред.-изд. комис., избиралась пред. месткома, пред. бюро СНР, в течение двух предвоен. лет, до нояб. 1941 возглавляла парт. орг-цию, была чл. Куйбышев. райкома партии.

С нач. Великой Отеч. войны — командир МПВО Б-ки, активно участвовала в орг-ции работ по эвакуации фондов, разл. оборон. мероприятий. Состояла медсестрой в нар. ополчении, непосредственно участвовала в оборон. работах. В нояб. 1941 решением Ленингр. горкома партии направлена на выполнение спец. задания, в частности, с нояб. 1941 по февр. 1944 была на оккупиров. территории Ленингр. обл. ответств. ред. район. журн. «На страже». В февр. 1944 возвратилась в Б-ку, назначена зав. Рукоп. отд. Сразу же приступила к разработке вопросов, возникавших в связи с предстоявшей реэвакуацией рукоп. фондов и их рациональным размещением, в связи с чем выезжала в моск. хранилища (б-ки, музеи, арх.) для ознакомления с системами расстановки фондов, выступала по этим вопросам с докл. на заседаниях секции библиотековедения Кабинета библиотековедения. По окончании войны начала работать над докт. дис. «А. Н. Пыпин и его значение для истории русской литературы», в связи с чем Б-кой возбуждалось ходатайство о зачислении ее в докторантуру АПН РСФСР; зачисление не со-

стоялось. В мае 1947 утверждена в уч. звании ст. науч. сотр. по специальности «библиотекосведение». 18 нояб. того же года освобождена от обязанностей зав. Рукоп. отд., согласно лич. просьбе, и переведена на должность гл. б-ря.

В нояб. 1948 по решению горкома партии перешла в Ин-т истории партии, где работала сначала зав. рукоп. фондом, а затем с апр. 1950 ст. науч. сотр. Участвовала в сост. сб. док. о ком. субботниках в Петрограде в 1919—21, готовила докт. дис. о деятельности петрогр. парт. орг-ции в годы I мировой войны.

С 1 дек. 1953 У. вновь в ПБ — гл. б-рь, зав. НЧЗ соц.-экон. лит. С февр. 1956 — зав. Домом Г. В. Плеханова в должности зав. сектором, а с 1960 — в должности гл. б-ря. 16 марта 1961 уволилась из ПБ в связи с переходом на пенсию. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», Почет. грамотой М-ва культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры.

Авт. 40 опубл. работ. Осн. ее работы посв. творчеству Д. Бедного, М. Горького, И. С. Тургенева. Участвовала, в кач-ве ред., авт. вступ. ст. и коммент., в изд. соч. Д. Бедного, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского. В журн. «На лит. посту», «Критика», «Знамя», «На подъеме» и др. публиковала рец. и обзоры по творчеству И. Н. Кубикова, М. М. Майзеля, В. И. Фриче, С. И. Малашкина и др. Нек-рые ее публ. в журн. («Работница», «Крас. б-рь», «Звезда») и газ. («Крас. газ.», «Ленингр. правда», «Труд» и др.) посвящены ПБ и ее рукоп. богатствам.

Лит.: ИБ ПБ. 1956. № 2 (9); Там же. 1957. № 7/8 (26/27); Дневники и восп.; Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1950, 1961); Ф. 10/4-77; Ф. 4, оп. 2, 1947, д. 3; Пр. и расп. 1934—48, 1953—61; ОР РНБ. Ф. 120, оп. 2, д. 284; Ф. 1141, оп. 1, д. 345; ЦГАЛИ. Ф. 97, оп. 3, д. 1246.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1961).

Л.А. Шилов

ФАРТЗЕЕВА Анастасия Ивановна

В Мелекесском отделении 1942, уборщица, из местных жителей.

ФАЙН Муся (Мария) Натановна

(3.07.1899, Двинск — 10.03.1945, Мелекесс Ульяновской обл.),
историк, в ПБ 1937—1945

Родилась в семье купца. Окончила двинскую гимназию в 1915. В авг. 1916 переехала в Петроград, поступила в ун-т на ист.-филол. фак. Изучала нем., фр., англ. яз. Два года училась на юрид. фак. Высших жен. курсов.

Работала б-рем в культ.-просвет. отд. профсоюза железнодорожников, на курсах политработников ж.-д. и вод. транспорта, в к-те о-ва ремесл. и земледел. труда «ОРТ». В 1925—32 — в Воен.-полит. акад. им. Н. Г. Толмачева пом. начальника ист. кабинета. С 1932 работала в БАН в должности ст. б-ря, специалиста по истории.

10 авг. 1937 зачислена в ПБ гл. б-рем Отд. обработки, продолжая по совместит. работать в БАН. 15 июня 1938 переведена в ОК.

В ПБ занималась сост. каталогов по истории СССР в Отд. систематизации; заведовала группой иностр. комплектования, а с марта 1943 — врем. и. о. зав. ОК. Параллельно работала в БАН до 15 мая 1941. В 1942 была эвакуирована в Мелекесс, где работала гл. б-рем в отд.-нии ПБ.

Лит.: Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2.

А.Н. Тарасова

ФЕДОСЕЕВ Агафон Иванович

В Мелекесском отделении 1941 — 1942, бухгалтер, мобилизован 20.03.1942

ФИЛИПОВА (КОНДРАТЬЕВА) Любовь Михайловна

(21.09.1908, д. Велеши Петербургской губ.— 1989, Ленинград),
в ПБ 1933—79

Из рабочих. В 1925 окончила 1-ю труд. школу в Луге и поступила в Ленингр. пед. техникум с индустр. уклоном им. Н. А. Некрасова.

Получив в июне 1927 квалификацию учительницы 1-й ступени труд. школы, начала работать в 210-й сред. школе Василеостров. р-на. Через год перешла на библиотечную работу — зав. библиотечной техникума, в котором ранее училась. Одновременно занималась общественной работой как внештат. сотр. Гос. ин-та науч. педагогики, где входила в состав комис. по воспитат. работе комсомола. С сент. 1930 по комсомол. путевке начала обучение в аспирантуре ЛО Центр. НИИ педагогики по специальности «Комсомол и детское движение».

В февр. 1933 в связи с изменением профиля ин-та отчислена из аспирантуры и по лич. просьбе направлена в ПБ. Зачислена в Б-ку 18 февр. 1933 на должность б-ря 1-го р. Сектора комплектования и уже в апр. стала гл. б-рем. В июне того же года назначена зам. зав. Сектором комплектования. «В целях укрепления ответственного участка обслуживания», с 16 марта 1935 стала заведовать ОЧЗ. С янв. 1938 — зав. рус. кн. фондом, где, в частности, организовала работу по перемещению дублет. фондов в помещения б. Александро-Невской лавры. Неоднократно избиралась секр. комсомол. орг-ции Б-ки. В 1938 избрана пред. месткома ПБ. 13 янв. 1940 назначена зав. КБО. Избранная в окт. 1941 секр. парт. орг-ции, Ф. сыграла большую роль в обеспечении бесперебойной деятельности Б-ки в условиях блокады. С дек. 1941 и до кон. войны являлась комиссаром, зам. нач. штаба МПВО по полит. части, участвовала во всех мероприятиях по обеспечению сохранности зданий и фондов Б-ки. Как секр. парт. орг-ции и депутат Ленсовета с 1939 добивалась у руководителей сов. и парт. органов выделения сотр. Б-ки доп. продуктов, обуви и одежды, устройства больных и обессил. в больницу, их детей в дет. очаги, бронирования квартир сотр.,

выехавших в Мелекес с наиб. ценными фондами. Участвовала в работах по спасению фондов вымороч. и бесхоз. част. б-к и по перевозке их в ПБ. После принятия Ленгорисполкомом в авг. 1942 решения об орг-ции в Б-ке из части фондов, поступивших в ПБ бесхоз. б-к, Резерв. фонда для комплектования б-к освобожд. р-нов, Ф. было поручено по совместит. заведовать этим фондом. В авг. 1942 участвовала в Москве в науч. конф., посв. ГБЛ. В 1942 договорилась с органами НКВД о сборе изд. оккупацион. властей в освобожденных р-нах. В 1944 выезжала в Казань, Москву, Набережные Челны по вопросам доставки ОЭ. С 1944 на встречах с пред. Ленгорисполкома, с зам. пред. Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и др. руководителями добивалась включения в планы работ по восстановлению зданий и инж. сетей Б-ки. Участвовала в работах, связ. с реэвакуацией кн. фондов Б-ки в Ленинград. Была чл. Куйбышев. райкома партии.

Муж Ф.— С. Г. Миляев погиб на фронте. При большой производств. и обществ. нагрузке она воспитала шестерых детей, в т. ч. двоих приемных, взятых в годы войны.

В послевоен. годы служеб. положение Ф. складывалось не просто. С марта 1948 она назначена зав. VIII фил., в сент. 1949 — гл. б-рем Отд. воен. лит., а с янв. 1950 — заведовала пунктом соц.-экон. лит. ОЧЗ. Ей было вынесено парт. взыскание за ошибки в подборе и расстановке кадров. Последствием атмосферы «ленинградского дела» стало и решение Аттестационной комис., принявшей решение о несоответствии Ф. должности гл. б-ря, понижение ее в должности. Продолжая работать в чит. зале соц.-экон. лит., в 1953 окончила заоч. отделение ЛГБИ. Сыграла значит. роль в освоении переданного в 1949 Б-ке здания по наб. р. Фонтанки, 36, где размещались ОЧЗ. С 1961 возглавила ОЧЗ. После аварии 1972 в здании ОЧЗ организовала оперативное перемещение фондов и справ. аппарата в новые помещения и возобновление обслуживания читателей. С орг-цией Отд. ОЧЗ 29 окт. 1976 назначена зав. этим отд.

Принимала участие в науч. работе, в т. ч.— в изучении запросов читателей ПБ, в подгот. общей методики, плана и программы иссл. «Библиотеки в системе научной информации», в разработке программы и подгот. материалов по теме «Пер-

спективы развития ГПБ» и др. Авт. ряда инструкт.-метод. и науч.-метод. материалов. Уволилась из Б-ки с 25 янв. 1979 в связи с переходом на пенсию.

Награждена орденом «Знак Почета», Почет. грамотой Президиума Верхов. Совета РСФСР, медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945», значком М-ва культуры СССР «За отличную работу», Почет. грамотой М-ва культуры РСФСР и ЦК профсоюза работников культуры. В 1942 за самоотверж. работу по обеспечению сохранности фондов Б-ки и обслуживанию кн. населения и воин. частей занесена в «Книгу Почета» Наркомпроса.

Лит.: Франкфурт Л. С. На библиотечной вахте // Женщины города Ленина. Л., 1944; Адамович А., Гранин Д. А. Блокадная книга. Л., 1984. Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: ОР РНБ. Ф. 1273; Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1948, 1979).

Иконогр.: Ленингр. правда. 1939. 20 дек.

Т.В. Соколова

ФРАНКФУРТ Лия Соломоновна

(3.07.1903, Красноярск — 13.01.1966, Ленинград),
библиограф, библиотековед, в ПБ 1937—50

Из мешан, родилась в семье врачей. Окончила гимназию (1920) в Красноярске. После окончания работала инструктором в красноарм. клубе и зав. библ. сектором Краснояр. политупр. (1920—21). Училась сначала в Горьков., затем в Том. ун-те, откуда перевелась в Ленингр. ун-т, к-рый окончила по специальности «преп. обществоведения» (1926). В эти же годы преподавала в школах ФЗУ. Затем работала секр. и ред. в изд. «Прибой», Ленгиз, Партиздат, Моспартизгиз, в журн. «Парт. работник» (1926—33).

В течение пяти лет (1933—37) была ответств. секр. ред. и зав. Ленингр. отд-нием изд-ва «История фабрик и заводов» («История гражд. войны»). Уволена с формулировкой «за потерю политической бдительности в руководстве издательством». В 1937 исключена из партии, в гг. Великой Отеч. войны вновь принята.

1 дек. 1937 зачислена в ПБ. Сначала работала гл. б-рем ОК, затем в течение четырех лет — гл. библиограф КБО. Занималась обслуживанием читателей — специалистов в обл. соц.-экон. наук. Составила и выпустила ряд библиогр. указ., участвовала в выпусках «Календаря знаменательных дат». Авт. мн. очерков в «Календаре» о деятелях рев. движения (Ф. Энгельс, К. Либкнехт, К. Цеткин, В. И. Ленин, В. В. Куйбышев, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, А. А. Жданов, М. И. Ульянова и др.), юбилеях истории партии и страны. Интерес к науч. работе (первый опыт — иссл. чтения молодых рабочих Выборг. стороны) нашел свое продолжение в ПБ. В 1941—47 была соискателем аспирантуры ПБ, тема ее дис., к-рая не была представлена к защите, — «Ленинградская печать в годы Великой Отечественной войны». Преподавала на библиограф. курсах ПБ.

В годы войны и блокады (1941—45) Ф. оставалась на рабочем месте, во мн. содействуя тому, чтобы Б-ка не прекращала своей работы ни на один день. В мае 1942 назначена зав. Изд. отд., также и. о. уч. секр. Участвовала в подгот. к эвакуации цен. фондов ПБ, в орг-ции и проведении науч. сессий и заседаний (1943, 1945), под ее руководством была организована и начала работу комис. по выявлению, сбору и изучению материалов по истории ПБ в годы войны (сент. 1943). Выступала с сообщ. на заседаниях секции библиогр. и истории кн. Кабинета библиотековедения, участвовала в подгот. проекта Устава ПБ, продолжала заниматься ред. работой (Муратова К. Д., Привалова Е. П. Что читать о Военно-морском флоте: Рекоменд. сп. Л., 1943; Сб. науч. тр., посв. 25-й годовщине Великой Окт. соц. революции. Л., 1942), составила библиогр. указ. «Революция 1905 года: Аннот. указ. лит.» (не издан). Деятельность Б-ки, ее роль и значимость в жизни страны, блокад. Ленинграда широко освещались Ф. в ст., очерках, многочисл. заметках в газ. периодике, в интервью на радио тех лет, ей принадлежит очерк «На библиотечной вахте», опубл. в кн. «Женщины города Ленина» (Л., 1944), где рассказы-

вается о многогранной и самоотверж. работе сотр. ПБ в дни героич. обороны города. Участвовала в обучении библиограф. кадров ПБ и города, читала лекции на курсах, проводила семинары (1941—43). Вместе с *В. А. Мариным* (см. т. 2) организовала в 1944 вывоз из Гатчины кн., изд. немцами в 1941—43. Состояла бойцом отряда МПВО, работала санитаркой в госпитале, была в истребит. батальоне и рабочем отряде, участвовала в оборон. работах.

В послевоен. годы (1945—49) Ф. занималась ред. (Героическая оборона Ленинграда: Указ. лит. Л., 1947), библиогр. работой. В 1946—47 несколько мес. заведовала VIII фил. ПБ. В марте 1947 назначена зав. Изд. отд.

В окт. 1949 Ф. была освобождена от должности зав. Изд. отд. и обязанностей Уч. секр. «по причине притупления политической бдительности и за ориентацию на авторов (Д. Н. Альшица, Е. П. Брандиса, М. А. Брискмана и др.), не вызывающих доверия» и назначена гл. б-рем Отд. библиотекосведения. В авг. 1950 уволена из ПБ. Работала ст. б-рем в б-ке Ленингр. Фин.-экон. ин-та. В янв. 1951 арестована «как участница контрреволюционной правотроцкистской организации». Наказание отбывала в Особом лагере МВД (Коми АССР). После освобождения в июле 1954 вернулась в Ленинград. В 1955 переехала в Москву. Работала гл. библиографом в ГПИБ (1955—65).

Похоронена на евр. Преображенском кладб. в Петербурге.

Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Лит.: Хроника войны; Дневники и восп.; ПБ в печати. 1987; История ПБ.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2; Ф. 4, оп. 2, 1947, д. 3.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1.

А.Н. Михеева

ЦВИБАК Вера Мироновна

(18.10.1908, Петербург — 13.04.1976, Ленинград),
историк, в ПБ 1937—42, 1945—51

Из мешан. Отец — инж. Образование получила в школах Петрограда (1918—20) и Москвы (1920—25). Возвратившись в Ле-

нинград, поступила на ист. отделение ЛГУ (1925) и окончила его в 1930. Затем с 1932 по 1935 училась в аспирантуре на ист. отделении ЛИФЛИ.

Тяжелые семейные обстоятельства: смерть отца в 1925, аресты брата-историка в дек. 1934 (освобожден в февр. 1935, восстановлен в партии и направлен на работу в Сред. Азию и в 1937 осужден на 10 лет как троцкист), наличие родственников за границей — все это не могло не отразиться на жизни и судьбе Ц.

С 1928, параллельно с учебой, преподавала обществоведение и историю в Профшколе швейн. и обув. ученичества им. Н. К. Крупской (до 1930), в школах ФЗУ при ф-ках им. В. П. Ногина и «Рабочий» (1930—33), в ЛО Ин-та массового заоч. обучения партактива (1933) и в Воен.-мор. уч-ще им. М. В. Фрунзе (1923—35). В связи с первым арестом брата, а также за идеол. ошибки (в формулировках о колхозах и совхозах), допущ. ею на занятиях политкружка, в янв. 1935 исключена из комсомола, отчислена из аспирантуры и уволена с работы в Воен.-мор. уч-ще. После оправдания брата восстановлена и в комсомоле, и в аспирантуре.

По окончании аспирантуры в мае 1935 Ц. направлена на работу в Уральск Зап.-Казахстан. обл. в Казах. пед. ин-т в кач-ве преп. истории СССР. По совместит. преподавала историю в Зап.-Казахстан. Высшей ком. с.-х. школе (1935—36). В связи с повторным арестом брата ее вновь исключили из комсомола и уволили из Пед. ин-та по обвинению в связи с братом (янв. 1937).

Возвратившись в Ленинград с 23 апр. 1937 начала работать в ПБ, вначале — по договору, внештат. врем. сотр. в рус. от-метке ОФО. С 1 июля зачислена в штат б-рем 2-го р. на врем., а с 1 нояб. 1937 на пост. работу. В 1938 окончила шестимес. библиотеч. курсы и с 1 июня переведена на должность б-ря 1-го р. Летом 1938 Ц. была восстановлена ЦК ВЛКСМ в рядах комсо-

мола, а осенью (с 16 окт.) переведена на работу по специальности в Отд. обработки. Она успешно работала систематизатором группы соц.-экон. наук, стала хорошим методистом и с 1 марта 1940 переведена на должность гл. б-ря.

Одновременно продолжала преп. работу по совместит. в 9-х и 10-х кл. сред. школы на ст. Ольгино (1938—39), в Ленингр. с.-х. техникуме (1939—41).

В 1941 Ц. командирована в Мелекес в составе группы сопровождения эвакуируемых фондов ПБ. Здесь окончила без отрыва от пр-ва шестимес. курсы медсестер, уволилась из Б-ки с 12 марта 1942 и ушла добровольцем в формировавшуюся дивизию санинструктором. С марта 1942 по авг. 1945 находилась в составе 58-й гвард. стрелковой Красноградско-Пражской дивизии в звании ст. сержанта, в должности медсестры. Прошла с дивизией от Дона до Чехословакии. После демобилизации вернулась в Ленинград и с 10 сент. 1945 начала работать в ПБ в должности гл. б-ря Отд. систематизации. На нек-рый срок (с 10 сент. 1945 до 1 окт. 1946) на нее возлагались обязанности зам. зав. отд. С 1 марта 1947 назначена зав. группой систематизации соц.-экон. лит.

Еще в довоен. годы, как «специалист, обладающий широким кругозором и большими знаниями», вошла в состав участников разработки классификац. схем по разд. обществ. наук. К 1949 ею была разработана схема и составлен по ней каталог на осн. фонды по истории СССР с древнейшего периода до 1917. Как указывалось в характеристике от 20 окт. 1949, «опыт этой работы не только используется в Публичной библиотеке при составлении каталогов по истории, но и учтен при составлении Единой советской библиотечной классификации, в разработке которой В. М. приняла большое участие. Кроме того, Ц. сделала ряд каталогов по истории СССР и истории ВКП(б) для подручной библиотеки ОЧЗ». Вела консультац. работу у сист. каталогов для читателей, сотр. ПБ, для б-рей б-к Ленинграда и др. городов. В 1939—41 и 1948—49 преподавала историю СССР на одногодич. библиокурсах ПБ. В 1945—49 в «Календаре памятных дат» поместила 18 очерков, посв. юбилейным датам истории страны, рев. движения, истории партии (восстание декабристов, Ленский расстрел, орг-ция Крас. гвардии, Бородинское сражение, III съезд партии,

постановление ЦК ВКП(б) о журн. «Звезда» и «Ленинград»), деятелям партии и революции (Артем (Ф. С. Сергеев), И. В. Бабушкин, Е. М. Ярославский и др.). В 1949 начала работать над дис. на тему «Группа «Освобождения труда»».

Резкая перемена в жизни Ц. произошла в связи с аттестацией в янв. 1951. Ее признали ответств. за ошибки полит. и идеол. характера в отражении лит. соответств. профиля в сист. и предм. каталоге, указывалось на отсутствие «правильной линии в подборе кадров <...> и в руководстве группой <...>». Аттестац. комис. рекомендовала освободить Ц. от руководства группой. При этом упоминались двухкрат. исключения ее из рядов ВЛКСМ, ошибки на занятиях политкружка, связь с братом-троцкистом и т. д. Комис. сочла «целесообразным освободить ее от работы в Б-ке». В знак протеста Ц. уволилась по собств. желанию с 19 марта 1951 «в связи с переходом на другую работу». Еще ранее, 12 февр. она подала заявление в К-т по делам культпросвет. учреждений при Совете Министров РСФСР с просьбой о направлении ее на работу в отъезд. Ей предлагали сначала Якутию, затем юг. Но она устроилась на работу в Ленинграде. В связи с ее жалобой в обком партии на допущ. несправедливость на запрос обкома дирекция Б-ки дала весьма отрицат. полит. характеристику Ц. Вновь упоминались ошибки в каталогах, исключения ее из комсомола, связь с братом («отъявленный троцкист»), связь с его женой (также арестов. позже), связь с Л. С. Франкфурт (арестованной органами МГБ) и т. д.

В марте 1960 Ц. обращалась в ПБ за справкой для собес. В послед. годы Ц. жила в одиночестве и тяжело и долго умирала от болезни раком.

Награждена двумя орденами «Крас. Звезды», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отеч. войне 1941—1945», «За освобождение Праги», занесена в «Книгу Почета» Наркомпроса РСФСР.

Библиогр.: Ивков.

Лит.: Дневники и восп.; Хроника войны; История ПБ.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1946, 1951); Ф. 10/2; Ф. 4, оп. 2, 1947, д. 3; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 287, 459, 582, 661.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1951).

Н.К. Аргутинская

ЦВИБАК Софья Иосифовна

(1874 — ?)

В 1941 эвакуирована из Ленинграда в Мелекесс вместе с дочерью Цвибак В.М., в Мелекесском отделении 1944 — 1945, уборщица.

ЧУРСИН Владимир Дмитриевич

(род. 15.04.1929, Кинешма Костромского округа Ивановской пром. обл.), филолог-испанист, библиограф, библиотековед, в ПБ 1956—76, 1978—95

Из семьи служащих. В 1937 поступил в шк. и к нач. Великой Отеч. войны окончил 4 кл. В блокад. 1941—42 не учился, жил при воен. госпитале, где служила мать, мобилизов. в ряды РККА. В сент. 1942 семья была эвакуирована в Бугуруслан Челябин. обл. Здесь Ч. окончил 8 кл. В 1947 семья вернулась в Ленинград. В 1948 Ч. окончил с сереб. медалью сред. шк. № 107 и поступил на исп. отд-ние филол. фак. ЛГУ. По окончании обучения в 1953 был рекомендован каф. заруб. лит. в аспирантуру, к-рую окончил в 1956 (дис. не защищал).

К работе в ГПБ приступил 6 дек. 1956 в ОК. 9 марта 1957 зачислен в штат СБО на должность библиографа группы лит. и искусства. В 1958 окончил ВБК. Фундамент. универс. подгот., свобод. владение иностр. яз., навыки науч. работы выдвинули Ч. в число ведущих специалистов СБО. С 15 марта 1971 — гл. библиограф и руководитель группы лит. и искусства СБО.

Дежурил на библиогр. пунктах НЧЗ и ОЧЗ лит. и искусства

и всегда оставался одним из наиб. востребован. читателями библиографов. Выполнял сложные и трудоемкие письм. запросы, составлял библиогр. списки, требующие не только библиогр., но и исслед. поиска. В 1976 был приглашен М-вом энергетики и электрификации СССР в кач-ве пер. с исп. яз. на Кубу, где с помощью СССР строилась электростанция. Вновь зачислен в штат ГПБ 9 марта 1978. На протяжении почти 25-лет. руководства группой лит. и искусства Ч. был авт.-сост. и ред. науч.-информ. списков в «Сборниках библиографических работ. Литература. Искусство. Просвещение», ежегодно издаваемых СБО в помощь универс. обл. науч. б-кам, среди к-рых: «Под знаменем народного единства: культур. преобразования в Чили при правительстве Сальвадора Альенде в 1970—1973 гг.» (1974); «Деятели культуры и науки в борьбе за мир, 1955—1975 гг.» (1976); «Автоматизация лингвистических исследований» (1980); «Средства массовой информации за рубежом: анализ и критика буржуаз. концепций» (1982) и др. Оставаясь бессмен. ред. сб. библиогр. работ группы лит. и искусства, Ч. одноврем. состоял чл. редкол. биобиблиогр. указ. «Русские советские писатели. Поэты» (1977—92. Т. 1—15), ред. таких изд. как «Рукописные фонды Публичной библиотеки: печат. кат., обзоры, ист.-метод. материалы» (1990), указ. «Советский фонд культуры» (1988—90. Вып. 1—2); «Непрерывное образование: соврем. состояние, перспективы развития: указ. основ. лит.» (1991), «Новая литература о Ленинграде—Санкт-Петербурге: библиогр. указ. кн. и журн. ст.» и др. Авт. и соавт. метод. положений и инструкций по справ.-библиогр. работе, чл. НМС и руководитель производств.-метод. семинара ИБО. В течение мн. лет проводил библиогр. обзоры по исп. и итал. лит. и лингвист. библиогр. для студентов-романистов ЛГУ.

Гл. исслед. тема Ч. — история ГПБ. Еще в нач. своей работы в ГПБ в стен. газ. «Библиотекарь» публиковал материалы из жизни Б-ки, подпис. «Публий Ичкин». В 1950—60-е был чл. лит. об-ния «Выборгская сторона». О мужестве и героизме сотр. ГПБ в блокад. зиму 1942 рассказал в ст. «Январским днем», опубл. в сб. произв. участников литоб-ния «В пятницу после семи...» (Л., 1968). Печатался также в газ. «Смена», «Вечер. Ленинград», «Комсомол. правда» и др.

Явился авт. проекта, одним из сост. и ред. фундамент. биб-

лиогр. указ. «Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина» (Л., 1987—89. Вып. 1—3), изд. к 175-лет. юбилею со дня открытия Б-ки. Авт. ряда ст. о директорах ПБ, впервые опублик. в гор. газ., ст. в биогр. слов. «Сотр. РНБ», публ. в сб. «Публичная библиотека в годы войны, 1941—1945: дневники, восп., письма, док.» (СПб., 2005).

Уволен из Б-ки 31 июля 1995 в связи с переходом на пенсию. Продолжает заниматься историей ГПБ.

Награжден орденом Почета, медалями «50 лет Победы в Великой Отеч. войне 1941—1945», «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «60 лет Победы в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Сост.: Библиографија о Црној Гори на рус. језику, 1722—1989 / Центр. нар. б-ка Републике Црне Горе. Цетиње, 1992 (совм. с Э. Ф. Цветковой); Российская национальная библиотека: указ. лит. о Б-ке за 1987—94 гг. СПб., 1995; Российская национальная библиотека: указ. лит. о Б-ке за 1995—2002 гг. СПб., 2004 (совм. с М. Ю. Матвеевым).

Библиогр.: Крылова; Кокорина; Прозорова.

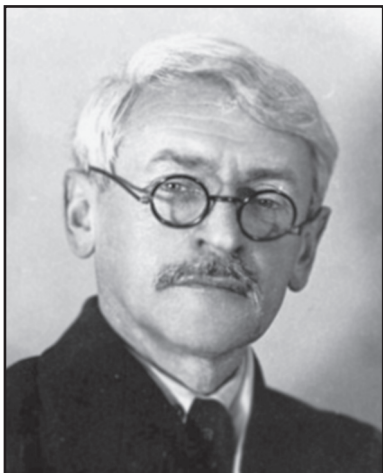
Арх.: ОАД РНБ. Ф. 10/1; Ф. 10/2.

Э.Ф. Цветкова

ШАМРАЙ Дмитрий Дмитриевич

(23.06.1886, ст. Темнолесская обл. Кубанского войска (края) - 15.01.1971, Ленинград), библиограф, книговед, литературовед, переводчик, в ПБ 1911-57

Отец - псаломщик станичной церкви. По окончании церк.-приход. школы Ш. учился в Екатеринодарском духовном училище. В 1905 на казенный счет был принят на словесное отд-ние Петерб. духовной акад., одновременно обучался в Петерб. археол. ин-те. По окончании в 1910 Акад. защитил дис. «Гезерские надписи и их значение для древнееврейского языка», на звание канд. богословия. В янв. 1911 был назначен учителем Братской Покровской воскресной церк.-приход. школы. С сент. 1910 Ш. зачислен вольноотряса в Богослов, отд-ние ПБ, с 30 июня 1911 - сдатчик при читальном

зале, пом. секр., а с февр. 1912 переведен в штат мл. пом. б-ря в Отд-ние «Россика». В 1913-14 принимает активное участие в подгот. юбилейного изд. «Императорская Публичная библиотека за сто лет...», авт. ст. «Директор А. Н. Оленин». С нояб. 1917 до 1928 в звании гл. б-ря заведовал читальным залом. Ш. был одним из ведущих специалистов Б-ки. Владел англ., нем., фр., греч., польск., древ-неевр., лат. яз.

В послереv. годы участвовал в работах по сохранению национализир. фондов и б-к. Им были составлены докл. зап. по вопросам происхождения старейших иностр. кн. фондов и собр. При его деятельном участии происходило пополнение фондов ПБ, в частности, фонда «Россика». Им организовывалась на основе фондов ПБ коллекция парламентских док-тов.

С 1921 Ш. состоял экспертам при Наркоминделе, а в 1922-28, являясь чл. Рус.-укр.-польск. комис, был назначен уполномоченным от ПБ по передаче Польше рукописей и кн. согласно Рижскому мирному договору.

В 1924 совм. с М. Л. Лозински м и Д. И. Абрамовичем подал в дирекцию Б-ки заявление о сложении с себя обязанностей чл. правл. Б-ки, мотивируя свой отказ «длительным бездействием этого органа».

С 1926 Ш. совмещал работу в ПБ с зав. читальным залом в БАН (до 1929) и с преп-нием курса «История библиотек» на Высших библ. курсах при ПБ.

В 1929 решением комис. по чистке аппарата при АН СССР был уволен из ПБ (по III категории с правом работы по специальности) и до 1943 заведовал б-кой Ленингр. планового ин-та.

В ПБ Ш. возвратился в 1944. До выхода в 1957 на пенсию Ш. занимался упорядочением библ. фондов, заведовал Отд. комплектования, руководил гр. использования каталогов.

Наряду с практич. работой Ш. вел науч. иссл. С 1934 он ак-

тивный чл. гр. по изучению рус. лит. XVIII в. при АН, авт. ряда ст. в тр. Ин-та рус. лит. Им проведена работа по сист. обследованию крупнейших арх. фондов, содержащих материалы по петерб. типогр. XVIII в. Собр. им материалы были использованы при подгот. «Сводного каталога русской книги XVIII века». В 1947 Ш. защитил канд. дис. «Из истории цензурного режима Екатерины II (1762-1783)». Эта источниковедч. работа была высоко оценена П. Н. Берковым и Г. А. Гуковским.

Ш.- авт. иссл. по истории рус. лит., кн. дела и библиогр. XVIII в. Материалы Ш. по библиогр. и библиотековедению связаны преимущественно с изучением фондов ПБ и обобщением опыта ее работы.

Похоронен на Стрельнинском кладб. в Петербурге.

Библиогр.: История русской литературы XVIII века: Библиогр. указ. Л., 1968.

Справ.: КЛЭ; Книговедение.

Лит.: К 70-летию со дня рождения //ИБ ГПБ. 1956. № 7/8; XVIII век: Сб. 3. М.; Л., 1958; Мыльников А. С. Собрание материалов по истории русской книги XVIII в. в архиве Д. Д. Шамрая //Книга: Ис-след. и материалы. М., 1974. Сб. 28.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1910, № 133; Ф. 10/1. Л. д.; ОР РНБ. Ф. 1105; ОР РГБ. Ф. 542.

Иконогр.: Книговедение; Булла. Групповое фото.

Л.Ф. Капралова

ШИНКАРЮК М.Л.

В Мелекесском отделении с мая 1943, помощник библиотекаря.

ЯКАБ Берта Симоновна

(21.05.1902, Братислава (Австро-Венгрия) — нач. 1970-х, Венгрия), востоковед, в ПБ 1933—42, 1944—50, 1953—56

Из мешан. Отец — владелец кн. магазина. После окончания гимназии в Братиславе (1920) поступила в Праге на фи-

лос. фак. ун-та. Из-за матери-
ал. трудностей и болезни через
год оставила учебу в ун-те. Пе-
реехав в Вену, поступила в Тор-
говую экспорт. акад. в 1921,
через полгода ее окончила и
в нояб. 1922 начала работать
в част. торговом предприятии
в Братиславе, затем служила в
течение трех лет в других тор-
говых фирмах конторщиком,
корреспондентом.

В 1924 Я. вступила в ком-
партию Чехословакии, занима-
лась подпол. деятельностью. В
кон. 1925 вместе с мужем при содействии МОПР приехала в
СССР. В 1926 окончила курсы пропагандистов при Крым. обко-
ме партии. С 1928 — чл. ВКП(б).

В 1926 Я. поступила в Ленингр. Вост. ин-т (турец. разряд),
окончила в 1931 и направлена на работу в Леноблсовнархоз
экономистом.

Неудовлетворенная характером работы уволилась и 5 мар-
та 1933 поступила в ПБ зав. IV фил. Вскоре уволилась, но уже
15 мая 1934 возвратилась в Б-ку на должность гл. б-ря, зав.
спец. чит. залом с одновременным и. о. зав. IV фил. Нек-рое
время и. о. зав. Сектором обслуживания. Я. становится од-
ним из ведущих сотр. Б-ки. В 1934 ее фотография появилась
на страницах журн. «Крас. б-рь» в рубрике «Лучшие ударни-
ки Ленингр. Публ. б-ки». С апр. 1936 местом ее работы стал
спец. чит. зал. 25 марта 1937 Я. вновь назначена зав. ОНЛ, но
с 1 окт. освобождена от этой должности, переведена гл. б-рем
иностр. фонда ОФО. Это было связано с арестом ее мужа и
последовавшим затем расстрелом его. Сама Я. исключена из
партии за связь с врагом народа и 5 окт. уволена из Б-ки в свя-
зи с адм. высылкой из Ленинграда в Омутнинск. Там она ра-
ботала в сред. школе.

После посмерт. реабилитации мужа в янв. 1939 высылка бы-
ла отменена и Я. возвратилась в Ленинград. В мае 1939 была

восстановлена в кач-ве депутата Куйбышев. райсовета. 27 июля 1939 зачислена в ПБ б-рем 1-го р. ОФО с восстановлением непрерыв. стажа.

С нач. войны Я. продолжала работать в Б-ке. Уволилась 6 июля 1942 в связи с эвакуацией в Ульянов. обл. Узнав о существовании эвакуиров. фондов ПБ в Мелекесе, пешком с двумя детьми добралась сюда и с 1 сент. 1944 принята на работу в отд-ние ПБ пом. б-ря. Одновременно давала част. уроки иностр. яз., читала лекции в госпитале.

По возвращении в Ленинград переведена на должность ст. библиографа в группу справок по иностр. каталогам ОФО, затем работала в группе использования каталогов.

В ходе кампании борьбы с космополитизмом Я. была уволена из Б-ки с 17 окт. 1950 как несоответств. занимаемой должности. В течение трех лет с детьми оставалась без средств к существованию, давала уроки, работала в прачечной, делала пер. и др. 27 мая 1953 по решению нар. суда была восстановлена на работе в ПБ.

В янв. 1956 Я. обратилась в Отд. помощи политэмигрантам исполкома Союза Обществ Крас. Креста и Крас. Полумесяца СССР о возвращении на родину. 13 авг. 1956 тяжело больная уволилась из Б-ки по собств. желанию в связи с отъездом из Ленинграда в ВНР. Венгер. пр-вом ей была назначена перс. пенсия, предоставлена квартира для проживания с дочерью. В 1960-е приезжала в СССР, лечилась в кремлев. больнице.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Умерла в Венгрии в начале 1970-х.

Лит.: Васильков Я. В. Востоковеды Публичной библиотеки — жертвы репрессий // Восточный сб. / РНБ. СПб., 1993. Вып. 5. Хроника войны; Дневники и восп.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1; Пр. и расп. 1933—46; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 1321.

Иконогр.: Крас. б-рь. 1934. № 12.

Г. П. Старушенко

ЯКОБСОН (ЯКУБСОН) Яков Хаимович (Хаймович)

(15.03.1892, Могилев — 19.05.1971, Ленинград),
востоковед, библиограф, в ПБ 1931—69

Из мешан. До 1909 жил в семье деда, по профессии обойщика, работал в его мастерской. В 1909—12 после безуспеш. попыток учиться по «ряду материально-бытовых причин», служил конторщиком на кафел.-изразцовой фабрике в Копысе Могилев. губ. Здесь Я. принял участие в евр. фольклор.-этногр. экспедиции и в орг-ции евр. б-ки. В 1912 переехал в Могилев, где заведовал центр. евр. б-кой. Занимался самообразованием, давал част. уроки. В 1915, избегая призыва в армию, «блуждал» по Украине, работал некоторое время в Полтаве на складе строит. материалов. В 1916—19 был счетоводом на постройке Олонец. ж. д. и в продовольств. к-те Мурман. ж. д. в Лодейном Поле. В 1919—23 и. о. агента по хоз. поручениям в Упр. Мурман. ж. д., находившемся в Петрозаводске, а затем перевод. в Ленинград.

В 1923—26 Я. учился на турец. отд-нии Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе. Специализировался под руководством А. Н. Самойловича по истории и лит. народов Турции. После окончания ин-та с 1927 по 1931 работал в Ашхабаде вначале науч. сотр., а вскоре дир. Туркмен. гос. кн. палаты. В 1930—31 по совместит. был дир. Гос. б-ки Туркмен. ССР, уч. секр. Ин-та туркмен. культуры и науч. сотр. Ин-та науч. педагогики. Состоял чл. К-та нового алфавита, Комис. по орг-ции первых вузов и др. учеб. учреждений. Как знаток кн., владеющий нем., фр., турец., араб. и др. яз., сотрудничал в 1928—30 в журн. «Туркменоведение». Здесь за

подписью Я. Я-н, Я. Якубсон публиковались его библиогр. обзоры новых отеч. и заруб. изд. по исламу, истории Востока и истории тюрк. народностей, а также был напечатан сост. им «Указатель литературы о Туркмении». Ему принадлежали также ст. по туркмен. истории и лит. на туркмен. яз. в газ. «Туркменистан». В 1930—32 в Ашхабаде вышла подготовл. им «Летопись печати Туркменистана», содерж. библиогр. описание кн. на туркмен. и рус. яз., изд. в Туркмен. ССР в 1929—30. Это изд. положило начало гос. регистрации произв. печати в республике. Здесь впервые была применена созд. Я. библиогр. терминология на туркмен. яз., утвержд. Ин-том туркмен. культуры и конф. по туркмен. новому алфавиту. Я. составил также аннот. указ. к газ. «Туркмен. искра» и «Туркменистан» за 1924—29 и «Краткий библиографический указатель литературы по хлопководству и сельскому хозяйству Туркмении».

В кон. 1931 по состоянию здоровья уехал из Ашхабада, возвратился в Ленинград. До 1933 заведовал б-кой в Вост. ин-те, занимался изучением нац.-освободит. движения в Турции 1919—20 и сост. указ. по кемализму. Состоял чл. О-ва востоковедов-марксистов.

Параллельно с этим 1 нояб. 1931 Я. зачислен в ПБ консультантом, а с 14 дек. того же года назначен зав. сектором комплектования ПБ. 2 апр. 1932 переведен в гл. б-ри. При его участии были установлены связи со мн. заруб. учреждениями. Он разработал основы т. н. «паспортизации» период. изд., т. е. всесторон. их характеристики, необходимой при комплектовании любой науч. б-ки. По его инициативе было разобрано и закаталогизировано значит. число кн. из резерв. запаса ПБ. Одновременно занимался преп. деятельностью: читал курс истории кн. на ВКБ ПБ и в ЛГБИ (с 1936 по 1949), а также курс «Комплектование научных библиотек» на краткосроч. курсах при ПБ.

10 янв. 1938 назначен уч. секр. с освобождением от зав. Сектором комплектования. В 1939 был пред. ред.-изд. комис. Б-ки. 7 марта 1940 на него возложено зав. Кабинетом библиотековедения и аспирантурой с освобождением от должности уч. секр.

В нач. Великой Отеч. войны Я. вступил в нар. ополчение, но был освобожден по состоянию здоровья. В 1941—44 находился в Мелекессе Ульянов. обл. в числе небольшой группы сотр. ПБ, к-рым было поручено сбережение наиб. ценной части фондов Б-ки, эвакуир. из Ленинграда. Продолжал заниматься науч. работой, начатой еще в довоен. время (описание материалов евр. вольной печати). Помимо служеб. занятий выступал с лекциями, организовывал выст., преподавал историю в сред. школе. В июле 1944 отозван в Ленинград в связи с нач. занятий аспирантов ПБ и с 19 июля назначен зав. аспирантурой. В июне 1946 ему также поручено зав. учеб. частью. В эти гг. работал над канд. дис. «Ранняя еврейская социалистическая печать». В «Календаре знаменательных дат» помещены его очерки: «Шолом-Алейхем (1859—1916): 30 лет со дня смерти», «Акоп Акопян (1866—1937): 80 лет со дня рождения», «Низами Гянджеви: 800 лет со дня рождения» и «Алишер Навои: 500 лет со дня рождения». Один из организаторов и ред. «Информ. бюл.» ПБ.

В окт. 1949 в период борьбы с космополитизмом был отстранен от руководства аспирантурой и учеб. сетью ПБ. С этого времени работал в должности гл. б-ря Кабинета библиотекосведения. На аттестации 1951 Я. охарактеризован как «осторожный беспартийный специалист, не принимающий активного участия в идеологической борьбе».

1 апр. 1963 уволился из Б-ки в связи с переходом на пенсию.

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отеч. войне 1941—1945».

Похоронен на кладб. «Памяти жертв 9 января» в Петербурге.

Лит.: История ПБ; Дневники и восп.; Хроника войны.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1949, 1963); Ф. 10/2; Ф. 4, оп. 2, 1932, д. 7.

Иконогр.: Арх. РНБ. Ф. 10/1 (1963).

И.В. Ханукаева

ЯКОВКИН Иван Иванович

(26.07.1887, Иркутск - 02.01.1942, Ленинград), юрист, историк лит., искусствовед, библиограф и библиотековед, в ПБ 1915-42

Сын купца 1-й гильдии. Брат Иннокентия И. Яковкина. Я. учился в реальном училище (Иркутск, Петербург). В 1907 экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости при гимназии Я. Г. Гуревича и в том же году поступил на юрид. фак. Петерб. ун-та. Курс обучения растянулся до 1916. Причиной явился невзнос платы, необходимость зарабатывать на жизнь. Окончил также ист.-филол. фак. ун-та по специальности «история лит. романских стран» (1918), изучал историю живописи в худож. музеях (Гер-

мания, 1913). Одно время учился в Петерб. консерватории (по кл. фортепиано и дирижирования).

С 1 янв. 1915 Я- назначается вольноотр-ся в читальный зал ПБ. 16 янв. 1916 он переводится в Отд-ние истории, с поручением «в сверхурочное время заведывать, под наблюдением В. Э. Банка, отделом картографии, с доп. вознаграждением». С нояб. 1916 - пом. регистратора, регистратор. После преобразования регистратуры в Отд. общего инвентаря и каталога (1917) ведал каталогизац. работами, в 1922-30 возглавлял Отд. После введения функцион. структуры (1930) перешел в Отд. комплектования. Ведал дублетно-обменным фондом ПБ, с 1935 - гл. б-рь Отд. комплектования.

Я. был крупным специалистом в обл. комплектования фондов. Его выделяло знание отеч. кн. репертуара, понимание задач ПБ как нац. книгохранилища, стремление сохранить полноту Рус. отд-ния.

В 1918-25 Я. сотрудничал в журн. «Дела и дни», «Рус. ист.

журн.», «Библ. обзор.». Печатные и рукопис. работы Я. посвящены истории и теории худож. прозы и искусствovedения, библиогр. рус. ист. науки, междунар. практике ОЭ, орг-ции дублетных фондов, библиогр. театр, зрелищ за первое рев. десятилетие. Человек болезненный, Я. мужественно переносил тяготы воен. времени. Он скончался от голода в бомбоубежище ПБ.

Арх.: Арх. РНБ. Ф. 10/1. Л. д.

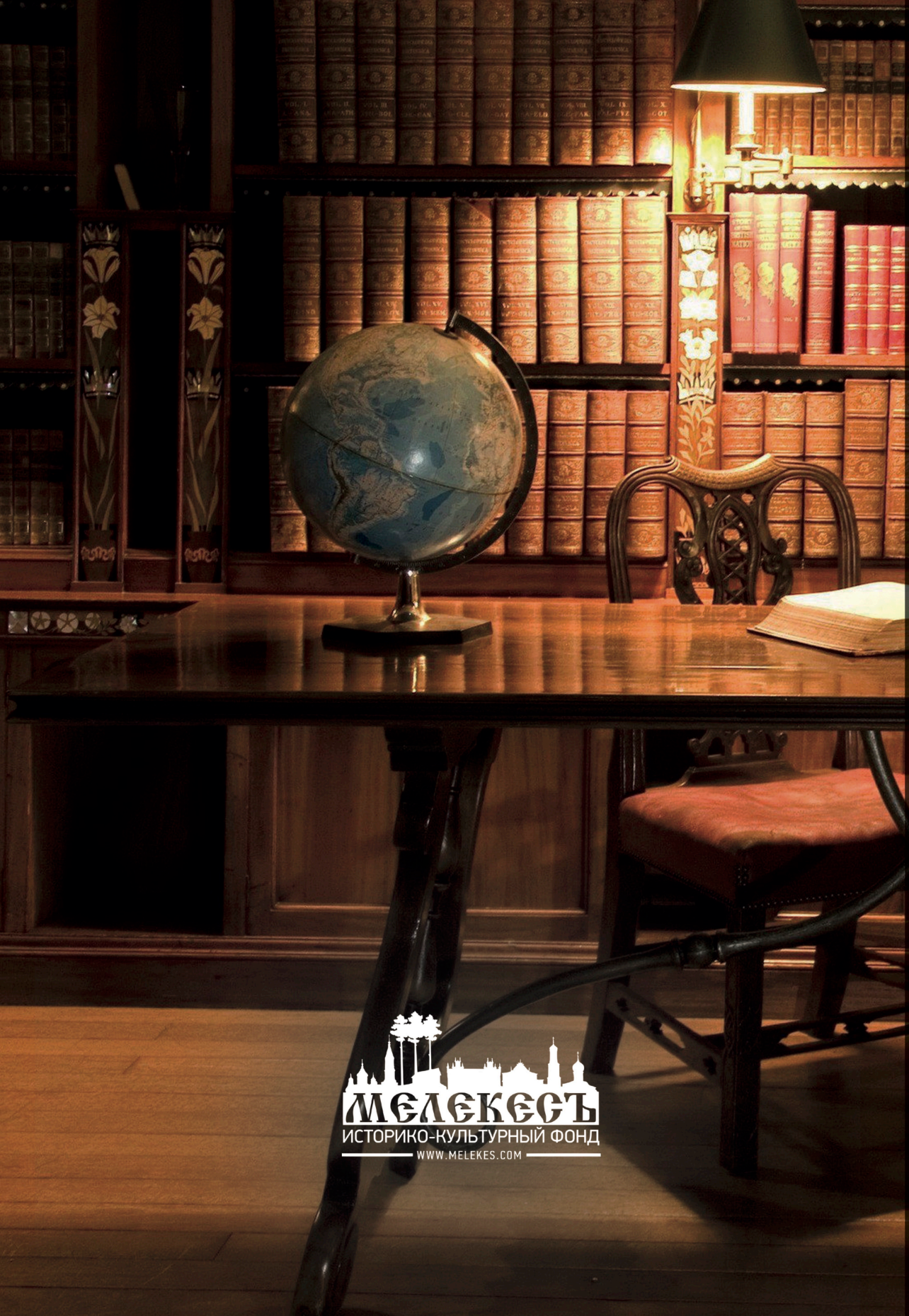
Иконогр.: Арх. РНБ. Указ. ед. хр.

Ц.И. Грин

БИБЛИОТЕКА В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

Подписано в печать 8.10.2018 г.
Формат 60x90/16. Усл. печатных листов 31 п.л. + 1,75 вкл.
Тираж 300 экз. Заказ № 1160.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

МЕЛЕКЕСЬ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОНД
WWW.MELEKES.COM